

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

БЕСѢДЫ

КЪ АНТІОХІЙСКОМУ НАРОДУ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ТОМЪ II.

(*Изданіе второе*).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1850.

Въ настоящемъ 1850 *году въ составъ Христіанскаго Чтенія входятъ:* 1) *переводъ Словъ Іоанна Златоустаго,* 2) *переводъ церковной исторіи Сократа, преемствовавшаго Евсевію въ описаніи дѣлъ Христовой Церкви,* 3) *разныя статьи духовно-историческаго, догматическаго и нравственнаго содержанія. Къ первому числу каждаго мѣсяца выходитъ одна книжка около десяти печатныхъ листовъ. Изъ* 12 *книжекъ годоваго изданія составится четыре тома: одинъ томъ Словъ Златоустаго, одинъ—исторіи Сократа, — каждый съ своимъ заглавіемъ и особымъ счетомъ листовъ, и два тома разныхъ статей духовнаго содержанія, подъ заглавіемъ:* Христіанское Чтеніе. *Каждый изъ четырехъ томовъ будетъ содержать не менѣе* 25 *листовъ.*

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

IОАННА ЗЛАТОУСТАГО

БЕСѢДЫ

КЪ АНТIОХIЙСКОМУ НАРОДУ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМIИ.

ТОМЪ II.

(ИЗДАНIЕ ВТОРОЕ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФIИ Е. ФИШЕРА.

1850.

От Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Генваря 26 дня 1850 года.

Цензор *Архимандрит Иоанн.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1 БЕСѢДА,

ОБЪ АННѢ I [1]).

1. Когда мы отпустимъ отъ себя какого-нибудь гостя, который провелъ съ нами нѣсколько дней, котораго мы радушно приняли и дѣлили съ нимъ бесѣду и столъ: то на другой день послѣ его ухода, какъ накрытъ будетъ столъ, тотчасъ вспоминаемъ объ немъ и о взаимной

---

[1]) Шесть бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго (изъ которыхъ до насъ дошли только пять), надписывающіяся *объ Аннѣ* (матери Самуила), сказаны имъ къ антіохійскому народу въ 387 году, вскорѣ послѣ бесѣдъ, говоренныхъ имъ по случаю низверженія царскихъ статуй, какъ видно изъ собственныхъ словъ Святителя въ 1-й бесѣдѣ объ Аннѣ (отдѣл. 1). Эта первая бесѣда произнесена незадолго до праздника Вознесенія Господня; за нею вскорѣ послѣдовали вторая, третья, четвертая (не дошедшая до насъ), пятая, произнесенныя прежде праздника Пятдесятницы, и шестая, — послѣ Пятдесятницы. См. Opp. Chrysost. t. IV. Edit. De Montfauc monit. ad Sermon. V in Annam. Предлагаемая здѣсь бесѣда надписывается такъ: «о томъ, что и во время Пятдесятницы и всегда надобно помнить о постѣ, и что не только самый постъ, но и память объ немъ приноситъ пользу; о промыслѣ Божіемъ и о томъ, что не малую часть его составляетъ, между прочимъ, естественная любовь родителей къ дѣтямъ; что не только отцы, но и матери обязаны воспитывать дѣтей, и наконецъ объ Аннѣ».

бесѣдѣ, и обращаемся (мыслію) къ нему съ великою любовію. Такъ точно поступимъ и въ отношеніи къ посту. Онъ пробылъ съ нами сорокъ дней, мы приняли его радушно, и—отпустили. Теперь-же, какъ намѣреваемся мы предложить духовную трапезу, вспомнимъ объ немъ и о всѣхъ благахъ, происшедшихъ отъ него для насъ. Ибо не только самый постъ, но и воспоминаніе объ немъ можетъ принести намъ весьма великую пользу. Какъ любимые нами, не только когда бываютъ у насъ, но и когда приходятъ намъ на умъ, доставляютъ намъ великое удовольствіе: такъ и дни поста, собранія, общія собесѣдованія и другія блага, какія мы получали отъ него, радуютъ насъ и воспоминаніемъ; и если мы вспомнимъ обо всѣхъ этихъ (благахъ) въ совокупности, то и въ настоящее время получимъ великую пользу. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы принудить васъ къ посту, но чтобы убѣдить не предаваться забавамъ и не вести себя, какъ большая часть людей, если только можно назвать людьми этихъ малодушныхъ, которые, какъ-бы освободившись отъ узъ и вырвавшись изъ какого нибудь тяжкаго заключенія, говорятъ другъ другу: «наконецъ-то мы переплыли это скучное море поста»! А другіе, болѣе этихъ слабые, боятся и за будущую четыредесятницу. Это происходитъ отъ того, что они во все остальное время безъ мѣры предаются забавамъ, роскоши и пьянству. Если бы мы всѣ прочіе дни

постарались проводить честно и скромно, то и прошедшій постъ полюбили бы, и наступающій приняли бы съ большимъ удовольствіемъ. Ибо какого блага нѣтъ намъ отъ поста? Вездѣ тишина и чистая ясность; и домы не свободны ли отъ шума, бѣготни и всякой тревоги? Но прежде еще домовъ, душа постящихся вкушаетъ спокойствіе; да и городъ весь являетъ такое же благоустройство, какое бываетъ въ душѣ и въ домахъ: ни вечеромъ не слышно поющихъ, ни днемъ шумящихъ и пьянствующихъ; (не слышно) ни крику, ни драки, но вездѣ видно великое спокойствіе. А теперь не такъ, но съ самаго ранняго утра—крикъ, шумъ, и бѣганье поваровъ, великой чадъ, какъ въ домахъ, такъ и въ душахъ, отъ того, что забавами поджигаются внутри насъ страсти и раздувается пламень порочныхъ вожделѣній. Поэтому должны мы жалѣть о прошедшемъ постѣ, ибо онъ всѣ эти (страсти) обуздывалъ; и пусть самый трудъ поста мы сложили съ себя, за то не прекратимъ любви къ нему, и не изгладимъ памяти объ немъ. Когда ты, пообѣдавъ и отдохнувъ, выйдешь на площадь, и увидишь, что день склоняется къ вечеру; то, войдя въ эту церковь и приступивъ къ этому жертвеннику, вспомни о времени поста, въ которое церковь полна была народа, и у всѣхъ было сильное желаніе слушать (поученія), великая радость и мысль бодрая; представивъ все это, вспомни о тѣхъ во-

жделѣнныхъ дняхъ. Хочешь ли сѣсть за столъ, принимайся за пищу съ этимъ воспоминаніемъ (о постѣ), и никогда не впадешь въ невоздержаніе. Кто имѣетъ жену степенную, цѣломудренную и благородную, и питаетъ къ ней пламенную любовь: тотъ и въ ея отсутствіи не можетъ полюбить женщину развратную и распутную, потому что любовь къ первой занимаетъ душу его и не позволяетъ войти въ нее другой страсти. Такъ бываетъ и съ постомъ и съ невоздержаніемъ: если будемъ помнить о первомъ — благородномъ и цѣломудренномъ, то послѣднее — эту публичную блудницу и мать всякаго безстыдства, то есть, невоздержаніе, отгонимъ отъ себя весьма легко, потому что любовь къ посту, сильнѣе всякой руки, отталкиваетъ безстыдство невоздержанія. По всему этому, прошу, будемъ всегда содержать въ умѣ тѣ дни. Но чтобы и мнѣ, съ своей стороны, содѣйствовать такому воспоминанію, постараюсь и нынѣ предложить тотъ же предметъ, который тогда еще располагался я разсмотрѣть, чтобы самое сходство поученія было для насъ нѣкоторымъ напоминаніемъ о томъ времени. Вы, можетъ быть, забыли объ немъ, такъ какъ у насъ съ тѣхъ поръ было уже много бесѣдъ о другихъ предметахъ. Ибо, по случаю возвращенія отца [1])

[1]) Епископа Флавіана, котораго возвращеніе послужило для Св. Златоустаго поводомъ сказать въ день Пасхи 19-ю бесѣду къ антіохійскому народу—по случаю низверженія царскихъ статуй. См. Христ. Чт. 1848. Декабрь.

изъ дальняго путешествія, необходимо было разсказать все, происходившее въ столицѣ; послѣ того бесѣдовать съ язычниками, чтобы ихъ, какъ сдѣлались они отъ несчастія лучшими и обратились къ намъ отъ языческаго заблужденія, достаточно утвердить и научить, какого избѣжали они мрака, и какого достигли свѣта истины; за тѣмъ, въ теченіе многихъ дней праздновали мы въ честь мучениковъ, и не прилично было намъ, бывши при гробахъ мучениковъ, уйти безъ похвальныхъ словъ, подобающихъ мученикамъ. За этими похвальными словами слѣдовало увѣщаніе о клятвахъ: когда увидѣли мы, что всѣ сельскіе жители пришли въ городъ, то рѣшились преподать имъ это напутствіе, и такъ отпустить всѣхъ ихъ отъ насъ [1]).

2. Поэтому, для васъ не легко было бы пересказать тогдашнее наше разсужденіе съ язычниками, а я, который постоянно упражнялся въ томъ, и имѣлъ это своимъ занятіемъ, весьма легко могу припомнить все содержаніе словъ, и повторить вамъ вкратцѣ то, что тогда сказано. Какой же былъ у насъ предметъ? Мы изслѣдовали [2]), какъ Богъ отъ-начала промышлялъ о родѣ человѣческомъ, и научилъ (насъ) полез-

[1]) Разумѣется здѣсь бесѣда, произнесенная, какъ думаютъ, въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ, которая называлась: κυριακη της επισωζομενης. Эта бесѣда въ изд. Монфок. том. 2. помѣщена въ ряду бесѣд. Злат по случаю низверж. стат. подъ № XIX, и надписывается: εις κυριακη της επισωζομενης, къ сельскимъ жителямъ, и о томъ, чтобы не клясться»

[2]) См. Хр. Чт. 1848. Авг. бесѣд. по случ. низверж. стат. VIII, IX и X.

ному тогда, какъ еще не было письменъ и не дано было Писаніе; мы доказали, что Онъ руководилъ насъ къ Богопознанію чрезъ созерцаніе природы. Взявши васъ тогда, не за руку, но за умъ, я водилъ по всему творенію, показывая небо, землю и море, озера, источники, рѣки и великія моря, луга и сады, цвѣтущія жатвы, обильныя плодами деревья, и вершины горъ, покрытыя лѣсами. Много тогда говорилъ я и о сѣменахъ, и о травахъ, и о цвѣтахъ, и о растеніяхъ—плодоносныхъ и безплодныхъ; и о животныхъ — кроткихъ и дикихъ, живущихъ въ водѣ, на землѣ и земноводныхъ; о летающихъ въ воздухѣ и пресмыкающихся по землѣ, и о самыхъ стихіяхъ вселенной. И какъ умъ нашъ былъ не въ состояніи постигнуть безпредѣльное богатство (природы) и обнять вселенную, то мы всѣ вмѣстѣ восклицали о каждомъ твореніи: *яко возвеличишася дѣла твоя, Господи; вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 91, 6). Впрочемъ мы удивлялись премудрости Божіей, не по множеству только (тварей), но и по слѣдующимъ двумъ (причинамъ): что (Богъ) создалъ природу прекрасною, великою и удивительною, и что положилъ на всемъ видимомъ много признаковъ ея слабости; первое (сдѣлалъ) для того, чтобы внушить взирающимъ (на природу) удивленіе къ Его премудрости и привлечь ихъ къ служенію Себѣ, а послѣднее для того, чтобы созерцающіе красоту и величіе твореній,

оставивъ Создателя, не стали, вмѣсто Его, покланяться вещамъ видимымъ, такъ какъ усматриваемая въ нихъ слабость можетъ отклонить ихъ отъ такого заблужденія. И о томъ, какъ вся природа тлѣнна, какъ она преобразится въ лучшій видъ и достигнетъ большей славы, такжекогда, почему и для чего она сдѣлалась тлѣнною, обо всемъ этомъ мы любомудрствовали тогда съ вами; показали могущество Божіе и изъ того, что Онъ въ тѣлахъ тлѣнныхъ явилъ такую красоту, какую даровалъ имъ въ началѣ,—красоту звѣздъ, неба, солнца. И подлинно, удивляться надобно, какъ онѣ въ теченіе столь многихъ лѣтъ не потерпѣли ничего такого, что (терпятъ) наши тѣла, не ослабѣли отъ старости, и не потеряли крѣпости отъ какой-либо болѣзни и немощи, но постоянно сохраняютъ свѣжесть и красоту, которую, какъ я выше сказалъ, Богъ даровалъ имъ въ началѣ; какъ и свѣтъ солнечный не изсякъ, и блескъ звѣздъ не померкъ, ясность неба не утратилась, предѣлы моря не подвиглись, не истощилась и сила земли—приноситъ ежегодно плоды. Что все это тлѣнно, мы доказали и изъ ума, и изъ священнаго Писанія; а что—прекрасно, свѣтло и всегда сохраняетъ свой цвѣтущій видъ, въ этомъ ежедневно удостовѣряетъ взирающихъ собственное ихъ зрѣніе; почему въ особенности и должно удивляться Богу, создавшему это такъ въ началѣ. А какъ противъ этихъ разсужденій нашихъ нѣкоторые тогда воз-

ражали: «значитъ, человѣкъ хуже всего видимаго, когда тѣло неба, земли, солнца и всѣхъ звѣздъ существуетъ столько времени, а онъ чрезъ семдесятъ лѣтъ разрушается и погибаетъ»; то на это мы скажемъ во-первыхъ, что это животное (человѣкъ) разрушается не все; благороднѣйшая и существеннѣйшая часть его—душа остается навсегда безсмертною, не подлежа ни одному изъ этихъ недуговъ, а тлѣніе касается только низшей части его. Во-вторыхъ, и это самое служитъ намъ къ бо̀льшей чести; ибо не просто и не безъ всякой причины мы подвергаемся старости и болѣзнямъ, но справедливо и для нашей пользы: справедливо потому, что мы впали въ грѣхъ; для нашей пользы, т. е., чтобы посредствомъ этихъ несовершенствъ и слабостей искоренили мы гордость, происходящую въ насъ отъ безпечности. Итакъ Богъ попустилъ это не съ тѣмъ, чтобы унизить насъ: если бы Онъ хотѣлъ унизить (насъ), то не оставилъ бы нашу душу безсмертною. Но и не по безсилію сотворилъ Онъ такимъ наше тѣло: если бы Онъ былъ безсиленъ, то не могъ бы и небо, звѣзды и тѣло земли сдѣлать столь долговѣчными; а (сотворилъ такимъ тѣло наше) для того, чтобы сдѣлать насъ лучшими и благоразумнѣйшими, и болѣе покорными Ему, отъ чего зависитъ все наше спасеніе. Онъ не создалъ неба подверженнымъ ни старости, ни другимъ какимъ-нибудь подобнымъ слабостямъ; потому что оно,

бывъ лишено свободнаго произвола и души, не можетъ ни грѣшить, ни исправляться; отъ того и не имѣетъ нужды въ такомъ исправленіи. А насъ, одаренныхъ умомъ и душою, необходимо было посредствомъ этихъ несовершенствъ обратить къ кротости и смиренномудрію, такъ какъ и въ началѣ первый человѣкъ прежде всего впалъ въ гордость. Иначе, еслибы небо создано было подобно нашимъ тѣламъ и такъ же старѣлось, многіе стали бы обвинять Создателя въ слабости, якобы Онъ былъ не въ состояніи сохранить одно тѣло въ теченіе многихъ вѣковъ; между тѣмъ теперь, когда Его созданія пребываютъ столько времени, отнять у нихъ и этотъ поводъ (къ обвиненію). А сверхъ того, что сказано,—судьба наша не окончится здѣсь, но послѣ того, какъ мы хорошо вразумимся въ настоящей жизни, тѣла наши воскреснутъ въ большей славѣ, будутъ свѣтлѣе неба, солнца и всего прочаго, и перейдутъ въ высшее состояніе.—Итакъ, одинъ способъ Богопознанія состоитъ въ (разсматриваніи) всей природы; другой, не менѣе важный, заключается въ совѣсти, и его изложили мы тогда [1]) обширно, доказавъ, какъ познаніе добра и зла намъ врождено и какъ данная намъ совѣсть внушаетъ все это. Такъ, у насъ отъ начала были эти два учителя—при-

---

[1]) См. Хр. Чт. 1848. Сент. бесѣд по случ. низверж. ст. XI и XII.

рода и совѣсть, и оба они, не произнося словъ, учили людей безмолвно. Природа, поражая зрителя видомъ своимъ, возбуждаетъ въ немъ удивленіе къ ея Создателю; а совѣсть, своими внутренними внушеніями, научаетъ всему, что должно дѣлать. Силу ея и рѣшеніе суда (ея) мы узнаемъ по самому лицу (человѣка). Когда обличаетъ она во грѣхѣ внутренно, то покрываетъ и внѣшній видъ смущеніемъ и великою скорбію. Она дѣлаетъ насъ блѣдными и робкими, когда мы впадаемъ въ какой-либо гнусный проступокъ; и хоть голоса (совѣсти) мы не слышимъ, однакожъ по внѣшнему виду замѣчаемъ внутреннее негодованіе (ея).

3. Кромѣ этихъ двухъ, говорили мы, промысломъ Божіимъ намъ данъ еще и третій учитель, уже не безмолвный, какъ первые, но такой, который настроиваетъ душу нашу словомъ, увѣщаніемъ и совѣтами. Кто-же онъ? Это—родной каждаго отецъ. Богъ для того и вложилъ въ родителей любовь къ намъ, чтобы въ нихъ мы имѣли наставниковъ въ добродѣтели. Не одно рожденіе дѣлаетъ отцомъ, но хорошее образованіе дѣтей; и не ношеніе во чревѣ дѣлаетъ матерью, но доброе воспитаніе. Что это справедливо,—что не природа, а добродѣтель дѣлаетъ отцами, это подтвердятъ намъ сами родители. Они часто, какъ увидятъ, что сыновья ихъ сдѣлались негодными и развратными, отсѣкаютъ ихъ отъ своего родства, отказываются отъ нихъ,

и усыновляютъ себѣ другихъ, часто ни съ какой стороны не близкихъ къ нимъ. Что-же можетъ быть страннѣе этого, когда (родители) отвергаютъ тѣхъ, кого родили, и принимаютъ, кого не родили? Не просто сказано это нами, но чтобы зналъ ты, что свободная воля сильнѣе природы, и что она-то, болѣе, чѣмъ эта, дѣлаетъ и сыновьями, и отцами. И это было дѣломъ промысла Божія, что Онъ и не попустилъ, чтобы дѣти лишены были естественнаго расположенія (къ нимъ родителей), и, опять, не все предоставилъ этому расположенію. Если бы родители любили своихъ дѣтей отнюдь не по естественной необходимости, а только за ихъ нравы и добрые поступки; то увидѣлъ-бы ты многихъ дѣтей изгнанными изъ домовъ родительскихъ за свою небрежность и родъ нашъ разстроеннымъ. Опять, если бы (Богъ) все отдалъ во власть природы и не попустилъ родителямъ ненавидѣть и злыхъ дѣтей, напротивъ отцы, и будучи отъ нихъ оскорбляемы и терпя тысячи непріятностей, по естественной необходимости оставались-бы ласковыми къ оскорбляющимъ ихъ дѣтямъ: тогда родъ нашъ дошелъ-бы до крайняго нечестія. Если дѣти и нынѣ, когда не могутъ вполнѣ положиться на природу, но знаютъ, что многіе, сдѣлавшись негодными, лишились и дома и наслѣдія отцовскаго, часто однакожъ, въ надеждѣ на любовь родителей, оскорбляютъ ихъ: то до какого нечестія не дошли-бы они,

если бы Богъ не предоставилъ родителямъ и гнѣваться на дѣтей, и наказывать ихъ, и отгонять отъ себя, когда они дѣлаются злыми? По сему-то Богъ ввѣрилъ любовь родителей и необходимости природы, и нравамъ дѣтей, чтобы они (родители) и были снисходительны къ неважнымъ погрѣшностямъ дѣтей, какъ побуждаетъ ихъ къ тому природа, и злыхъ и неисцѣльно-больныхъ не укореняли-бы во злѣ преступнымъ потворствомъ, когда бы опять природа одолѣвала и могла заставить ихъ ласкать и негодныхъ дѣтей. Сколько, скажи мнѣ, попечительности въ этомъ, что (Богъ) и повелѣлъ (родителямъ) любить (дѣтей), и положилъ мѣру этой любви, и, опять, опредѣлилъ награду за доброе воспитаніе дѣтей? А что награда за это назначена не только мужьямъ, но и женамъ, послушай, какъ Писаніе во многихъ мѣстахъ говоритъ и этѣмъ и о тѣхъ, и этѣмъ не меньше, какъ и мужьямъ. Павелъ, сказавъ: *жена же прельстившися въ преступленіи бысть*, присовокупилъ: *спасется же чадородія ради* (1 Тим. 2, 14). То-есть, ты скорбишь, говоритъ, о томъ, что первая жена подвергла тебя болѣзнямъ, трудамъ и продолжительному чревоношенію? Не скорби; не столько вреда терпишь ты отъ болѣзней и трудовъ, сколько получаешь, если хочешь, пользы отъ воспитанія дѣтей, находя въ немъ поводъ къ добрымъ дѣламъ. Ибо, если раждаемыя тобою дѣти получатъ надлежащее воспитаніе и

твоимъ попеченіемъ наставлены будутъ въ добродѣтели, это будетъ началомъ и основаніемъ твоему спасенію, и, кромѣ награды за собственныя добрыя дѣла, ты получишь великую награду и за ихъ воспитаніе.

4. И чтобы зналъ ты, что не рожденіе дѣлаетъ матерью и не за это положена награда, Павелъ въ другомъ мѣстѣ, обращая слово ко вдовѣ, сказалъ такъ: *аще чада воспитала есть* (1 Тим. 5, 10); не сказалъ: если родила дѣтей, но: *аще воспитала.* Первое есть дѣло природы, послѣднее—дѣло свободнаго произволенія. Потому и здѣсь, сказавъ: *спасется чадородія ради*, не остановился на этомъ, но желая показать, что не рожденіе, но хорошее воспитаніе дѣтей доставляетъ намъ награду, присовокупилъ: *аще пребудутъ въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ* (1 Тим. 2, 15). То-есть, тогда получишь ты великую награду, если рожденныя тобою дѣти пребудутъ въ вѣрѣ, и въ любви, и въ святости. Итакъ, если ты расположишь ихъ къ этому, если будешь увѣщавать, учить, совѣтовать: за такое попеченіе назначена тебѣ отъ Бога великая награда. Такъ, жены да не считаютъ чуждымъ для себя дѣломъ — заботиться о дѣтяхъ какъ женскаго, такъ и мужескаго пола: (Апостолъ) не различилъ здѣсь пола, но, какъ тамъ сказалъ просто: *аще чада воспитала есть*, такъ и здѣсь: *аще пребудутъ въ вѣрѣ и любви и во святыни.* Слѣдовательно, должны мы заботиться

о дѣтяхъ того и другаго пола, и особенно жены, потому-что онѣ большею частію сидятъ дома. Мужей часто отвлекаютъ (отъ дома) и путешествія, и судебныя занятія, и гражданскія дѣла: а жена, будучи свободна отъ всѣхъ такихъ заботъ, удобнѣе можетъ пещись о дѣтяхъ, такъ какъ имѣетъ много досуга. Такъ поступали древнія жены; ибо не на мужьяхъ только, но и на женахъ лежитъ эта обязанность, разумѣю обязанность — заботиться о своихъ дѣтяхъ и руководить ихъ къ любомудрію. Что это правда, (въ доказательство) разскажу вамъ одну древнюю исторію.

5. У Іудеевъ была жена, по имени Анна. Долго она страдала неплодствомъ, и, что еще прискорбнѣе, соперница ея была матерью многихъ дѣтей. А вы знаете, что безчадіе, по природѣ и само по себѣ, невыносимо для женщинъ; если же притомъ будетъ и соперница, имѣющая дѣтей, то оно становится еще тяжелѣе: потому что изъ счастія такой женщины другая яснѣе понимаетъ свое собственное несчастіе, подобно какъ и живущіе въ крайней бѣдности скорбятъ особенно тогда, когда подумаютъ о богатыхъ. И горе было не въ этомъ одномъ, что Анна не имѣла дѣтей, а та имѣла, но и въ томъ, что та была соперницею, и не только была соперницею, но и оскорбляла ее своимъ презрѣніемъ. Однакожъ Богъ, и видя, все это попускалъ: *и не даде ей Господь*, говоритъ Писаніе, *гада по скорби ея, и по сѣтованію оскорбленія ея* (1 Цар. 1, 6).

Что значитъ: *по скорби ея?* Не то, чтобы Богъ, видя, какъ она великодушно переноситъ несчастіе, останавливалъ по этому ея дѣторожденіе, но, хотя и видѣлъ, что она плачетъ, скорбитъ, сѣтуетъ, не прекращалъ однакожъ скорби ея, намѣреваясь устроить нѣчто другое, гораздо болѣе важное. Объ этомъ не будемъ слушать праздно, но поучимся и отсюда великому любомудрію; и когда подвергнемся какому-нибудь бѣдствію, то, пусть и сѣтовать будемъ, скорбѣть и считать бѣдствіе невыносимымъ для насъ, не станемъ однакожъ спѣшить и не упадемъ духомъ, но будемъ выжидать промысла Божія. Онъ хорошо знаетъ, когда нужно прекратить то, что причиняетъ намъ скорбь, какъ это и съ нею случилось. Богъ не по ненависти и не по отвращенію къ ней, заключилъ ея утробу, но для того, чтобы отворить намъ двери любомудрія этой жены, чтобы мы увидѣли богатство ея вѣры и познали, что Онъ чрезъ это сдѣлалъ ее болѣе славною. Но послушай, что дальше. *Тако творяше*, говоритъ Писаніе, *отъ года до года, внегда приходити ей въ домъ Господень, и сѣтоваше, и плакаше, и не ядяше* (ст. 7). Жестокая скорбь, продолжительная печаль! не два или три, не двадцать или сто, и не тысячу или вдвое столько-же дней, но много лѣтъ, говорится, скорбѣла и сѣтовала эта жена; ибо таковъ смыслъ словъ: *отъ года до года.* И однакожъ, она не возроптала: ни продолжительность времени, ни насмѣшки и оскор-

бленія соперницы, не побѣдили ея любомудрія, но постоянно она просила (Бога) и молилась; и, что важнѣе всего, и что въ особенности показываетъ любовь ея къ Богу, она желала, не просто имѣть дитя, но посвятить плодъ свой Богу, принести (Ему) начатокъ отъ собственнаго чрева и получить награду за прекрасный этотъ обѣтъ. Откуда это видно? Изъ слѣдующихъ словъ. Вы всѣ, конечно, знаете, что безчадіе невыносимо для женъ, особенно изъ-за мужей. Есть много такихъ безразсудныхъ, которые винятъ женъ, когда онѣ не раждаютъ, забывая, что способность раждать имѣетъ начало свое свыше—отъ Божія промысла, и что для этого ни природа женщины, ни сожитіе (съ мужемъ) и ничто другое, само по себѣ, недостаточно. Однакожъ, и зная, что винятъ въ этомъ женъ несправедливо, (мужья) упрекаютъ, а часто и отвращаются и не любятъ ихъ.

6. Посмотримъ-же, не случилось-ли того же и съ этою женою. И если увидишь, что она терпѣла презрѣніе, безчестіе, огорченія, не имѣла смѣлости предъ мужемъ и не пользовалась его расположеніемъ: то можешь подумать, что она для того желала дитяти, чтобы имѣть бóльшую смѣлость и свободу, и сдѣлаться болѣе любезною мужу. Но если найдешь совершенно противное тому, т. е. что она была любима мужемъ) болѣе, чѣмъ имѣвшая дѣтей, и пользовалась бóльшимъ расположеніемъ: то ясно, что

она желала имѣть дитя, не ради чего-нибудь человѣческаго и не для того, чтобы еще болѣе привлечь къ себѣ мужа, но по вышесказанной причинѣ [1]). Откуда-же это видно? Послушай, что объ этомъ говоритъ самъ писатель. Вѣдь онъ не безъ цѣли упомянулъ объ этомъ, но чтобы узналъ ты добродѣтель жены. Что же онъ говоритъ? *Анну любляше Елкана паче Феннаны* (1 Цар. 1, 5). И потомъ далѣе, (Елкана) видя, что она не ѣстъ, а только плачетъ, говоритъ: *что ти есть, яко плачешися: и почто не яси; и почто біеши сердце твое; нѣсмь ли азъ тебѣ добрѣе паче десяти чадъ?* (ст. 8). Видишь, какъ онъ любилъ ее, и какъ сильно скорбѣлъ за нее, не потому, что не имѣлъ (отъ нея) дѣтей, но потому, что видѣлъ ее печальною и удрученною скорбію? Однакожъ не убѣдилъ онъ ее оставить скорбь: потому что не для него желала она имѣть дитя, но чтобы принести какой-либо плодъ Богу. *И воставши Анна,* говоритъ Писаніе, *по ядені и ихъ въ Силомѣ, и ста предъ Господемъ* (ст. 9). Не безъ цѣли сказано и это: *по яденіи и питіи*, но чтобы ты зналъ, что время, которое другіе посвящаютъ бездѣйствію и отдыху, она проводила въ молитвѣ и слезахъ, потому что была весьма трезвенна и бодра. *И ста предъ Господемъ. Илій же жрецъ сѣдяше на престолѣ при празѣ двери храма Гос-*

[1]) Т. е., чтобы посвятить сына Богу.

подня. Не просто сказано и это, что *Илій жрецъ сѣдяше при празѣ двери храма Господня,* но чтобы показать горячность этой жены. Бываетъ часто, что вдовица, безпомощная и ничего неимѣющая, терпящая много обидъ и оскорбленій, въ то время, когда царь готовъ войти въ сопровожденіи копьеносцевъ, щитоносцевъ, всадниковъ и множества другихъ слугъ, не пугается, не ищетъ защитника, но, раздвинувъ всѣхъ ихъ, предстаетъ царю съ великимъ дерзновеніемъ и трогательно описываетъ свое несчастіе, будучи наставляема нуждою: такъ и эта жена не побоялась и не постыдилась въ то время, какъ первосвященникъ сидѣлъ, сама собою помолиться и приступить къ Царю (небесному) съ великимъ дерзновеніемъ; но, бывъ окрылена любовію и востекши мыслію къ небу, какъ-бы увидя самаго Бога, такъ начала говорить къ Нему со всею горячностію. Чтожъ говоритъ она?

7. Сначала она, правда, ничего не говоритъ, а начинаетъ плачемъ, и проливаетъ теплые источники слезъ. И вотъ, какъ въ то время, когда падаютъ дожди, и жесткая земля, бывъ орошена и размягчена ими, легко возбуждается къ произращенію плодовъ, такъ случилось и съ этою женою: утроба ея, размягчаемая слезами, какъ бы дождемъ, и согрѣваемая скорбію, начала возбуждаться къ прекрасному тому дѣторожденію. Впрочемъ, выслушаемъ и самыя слова ея, и прекрасную эту молитву. *И плачущи*

проплака, говоритъ Писаніе, *и обѣща обѣтъ Господу, глаголющи: Адонаи Господи Елои Саваоѳъ* (ст. 10. 11). Страшныя и грозныя слова! Хорошо сдѣлалъ писатель, что не перевелъ ихъ на нашъ языкъ; онъ и не могъ переложить ихъ на греческій языкъ съ свойственною имъ силою. Не однимъ словомъ назвала она Бога, но многими, Ему свойственными, чѣмъ и обнаружила свое стремленіе и пламенную любовь къ Нему. Какъ пишущіе просьбу къ царю, поставляютъ въ началѣ не одно только имя, но напр. побѣдитель, августъ, самодержецъ, и многія другія имена, и потомъ уже излагаютъ просьбу: такъ и она, вознося къ Богу нѣкую просьбу, въ началѣ просьбы поставляетъ многія имена, и этимъ выражаетъ, какъ я сказалъ, свою любовь и почтеніе къ Тому, кого проситъ. Просьбу эту внушила скорбь; потому она и была скоро услышана, какъ написавшая ее съ великимъ благоразуміемъ: таковы молитвы, происходящія отъ душевной скорби. Вмѣсто бумаги, была у ней душа, вмѣсто трости — языкъ, вмѣсто чернилъ—слезы; потому и сохранилась просьба ея до нашихъ дней: неизгладимы бываютъ письмена, которыя начертаны этими чернилами. Таково было начало просьбы! Чтожъ далѣе? *Аще призирая призриши*, говоритъ Анна, *на смиреніе рабы твоея* (ст. 11). Еще ничего не получила, и уже начала молитву съ обѣщанія. Отдастъ уже Богу, когда ничего еще не

имѣетъ въ рукахъ. Такъ она ревновала и заботилась болѣе объ этомъ, нежели о томъ [1]), и для этого желала получить дитя. *Аще призирая призриши на смиреніе рабы твоея.* Два права, говоритъ, я имѣю (на полученіе просимаго), служеніе (Тебѣ) и несчастіе. *И даси рабѣ твоей сѣмя мужеско, то дамъ є предъ Тобою въ даръ.* Что значитъ: *предъ Тобою въ даръ?* (т. е. сдѣлаю) преданнымъ и всецѣлымъ рабомъ Твоимъ; сама отрекаюсь отъ всякой власти; хочу только быть матерью на-столько, чтобы дитя получило отъ меня свое начало, а за тѣмъ отказываюсь и отступаюсь отъ него.

8. Посмотри и на благоговѣніе этой жены. Она не сказала: если дашь мнѣ троихъ, я отдаю тебѣ двоихъ; если-двоихъ, отдаю тебѣ одного; но: если дашь только одного, весь плодъ отдаю Тебѣ. *И вина и піянственнаго не испіетъ* (ст. 11). Еще не получила дитяти, и уже образуетъ пророка, говоритъ о его воспитаніи и дѣлаетъ условіе съ Богомъ! О дерзновеніе жены! не будучи въ состояніи заплатить теперь же, потому что ничего еще не получила, она выплачиваетъ цѣну изъ будущаго. Какъ многіе изъ земледѣльцовъ, живущіе въ крайней бѣдности и не имѣющіе столько денегъ, чтобы купить теленка или овцу, берутъ ихъ у господъ изъполу (εφ' ημισεια), обѣщаясь выплатить цѣну изъ

---

[1]) т. е болѣе о посвященіи сына Богу, нежели о полученіи его.

будущихъ плодовъ: такъ, или еще гораздо больше, сдѣлала и она. Ибо получаетъ сына отъ Бога не изъ-полу, но съ тѣмъ, чтобы всего отдать Ему опять, а плодомъ имѣть воспитаніе сына. Она считала достаточною для себя наградою потрудиться надъ (воспитаніемъ) священника Божія. *И вина и піянственнаго не испіетъ*, говоритъ. Не подумала сама въ себѣ такъ: что, если онъ будетъ слабаго сложенія, и отъ питія воды потерпитъ вредъ? что, если сдѣлается нездоровъ? что, если умретъ, подвергшись тяжкой болѣзни?—но, размысливъ, что Давшій сына, самъ можетъ позаботиться и объ его здоровьѣ, она отъ самыхъ пеленъ и рожденія повела его къ святости, возложивъ все на Бога; и чрево ея, еще до болѣзней рожденія, освящалось тѣмъ, что имѣло въ себѣ пророка, зачинало священника и носило жертву,-жертву одушевленную. Вотъ для чего Богъ попускалъ ей долго быть въ скорби; вотъ почему медлилъ дать (ей сына), чтобы самымъ способомъ рожденія болѣе прославить ее, чтобы явить ея любомудріе! Ибо ставши на молитву, она не вспомнила о своей соперницѣ, не заговорила объ ея оскорбленіяхъ, не обнаружила обидъ, не сказала: «отмсти за меня этой злой и скверной женщинѣ,» какъ дѣлаютъ многія женщины; но, и не вспомнивъ объ этихъ оскорбленіяхъ, молилась только о томъ, что ей полезно.

9. Такъ поступай и ты, человѣкъ: когда

увидишь, что врагъ огорчаетъ (тебя), не говори ни одного оскорбительнаго слова, и не желай ему зла за то, что враждуетъ противъ тебя; но, вошедши (въ церковь), преклонивъ колѣна и проливъ слезы, моли Бога прекратить скорбь, потушить печаль. Такъ и она сдѣлала, и—величайшую получила пользу отъ враждовавшей противъ нея женщины, ибо и эта содѣйствовала рожденію дитяти; а какъ, я скажу. Она оскорбила, опечалила (Анну) и увеличила горесть (ея), а отъ горести пламеннѣе стала молитва (Анны), молитва преклонила Бога и привлекла Его благоволеніе, и такимъ образомъ родился Самуилъ. Такъ точно и намъ, если будемъ бдительны, враги не только не повредятъ, но и величайшую принесутъ пользу, дѣлая насъ во всемъ болѣе тщательными, только-бы мы отъ скорби, ими намъ причиняемой, обращались не къ ругательствамъ и обидамъ, но къ молитвѣ.

10. Родивъ сына, (Анна) назвала его Самуиломъ, что значитъ: «услышитъ Богъ». Получивъ его отъ того, что была услышана, по молитвѣ, а не по природѣ, она въ имени дитяти какъ-бы на мѣдномъ столпѣ, напечатлѣла память такого пріобрѣтенія. Не сказала: назовемъ его по имени его отца, или дяди, или дѣда, или прадѣда, но—самъ Даровавшій его, говоритъ, да будетъ почтенъ именемъ дитяти. Ей подражайте жены, ей подражайте мужья; будемъ имѣть такое-же попеченіе о дѣтяхъ, будемъ такъ-же во-

спитывать ихъ, какъ во всемъ прочемъ, такъ и въ отношеніи къ цѣломудрію. Ни о чемъ не нужно столько пещись и заботиться въ юношахъ, какъ о цѣломудріи и чистотѣ: потому-что эта особенно страсть (противная цѣломудрію и чистотѣ) возмущаетъ тотъ (юношескій) возрастъ. Такъ, что дѣлаемъ мы со свѣтильниками, тоже будемъ соблюдать и по отношенію къ дѣтямъ. Часто случается, что, какъ служанка зажжетъ огонь, мы велимъ ей не подносить свѣтильника туда, гдѣ лежитъ тростникъ, или сѣно, или что-нибудь подобное, чтобы не упала тутъ, безъ нашего вѣдома, искра, и, принявшись за то вещество, не зажгла всего дома. Такое-же будемъ имѣть попеченіе и о дѣтяхъ: не станемъ обращать ихъ взоры туда, гдѣ безчестныя служанки, невоздержныя дѣвицы, и распутныя рабыни; но если есть у насъ такая служанка, или сосѣдка, или вообще другая какая этого рода дѣвица, то прикажемъ и подтвердимъ имъ, чтобы онѣ и не являлись на глаза и не вступали въ разговоръ съ юношами, дабы не выпала оттуда искра, не зажгла всей души дитяти, и не причинила безутѣшнаго горя. Будемъ удалять ихъ не только отъ зрѣлищъ, но и отъ слушанія соблазнительныхъ и развратныхъ пѣсенъ, чтобы ими не прельстилась душа ихъ. Не будемъ водить ихъ въ театры, на пиры и въ собранія пьянствующихъ; но станемъ беречь юношей еще болѣе, чѣмъ дѣвъ, скрываемыхъ во внутреннихъ

покояхъ. Ничто столько не украшаетъ сего возраста, какъ вѣнецъ цѣломудрія и то, когда (юноша) вступаетъ въ бракъ чистый отъ всякаго распутства. И жены будутъ имъ любезны, когда душа ихъ напередъ не узнаетъ блуда и не будетъ растлѣна; когда юноша будетъ знать одну ту женщину, которая сочеталась съ нимъ бракомъ. Такъ и любовь бываетъ пламеннѣе, и расположеніе искреннѣе, и дружба надежнѣе, когда юноши вступаютъ въ бракъ изъ подъ такого присмотра. А что дѣлается нынѣ, это не бракъ, а просто денежная торговля и корчемничество. Если юноша и прежде брака уже растлился, и послѣ брака опять будемъ смотрѣть на чужую жену, то, скажи мнѣ, что пользы отъ брака? Тягчайшаго наказанія (достоинъ), непростительный грѣхъ (дѣлаетъ онъ), если, тогда какъ у него дома есть жена, онъ оскверняетъ себя съ блудницами и творитъ прелюбодѣяніе. Ибо, когда онъ имѣетъ жену, то, хотя съ нимъ-женатымъ распутствуетъ и блудница, его дѣйствіе есть прелюбодѣяніе. А это бываетъ: и послѣ брака бѣгаютъ къ распутнымъ женщинамъ, потому-что прежде брака не соблюдали цѣломудрія. Отсюда-распри, ругательства, раззореніе домовъ и ежедневныя брани; оттого-любовь (мужа) къ женѣ ослабѣваетъ и прекращается, истощаясь въ обращеніи (его) съ блудницами. Но, если юноша сохранитъ цѣломудріе, то жену свою будетъ онъ считать милѣе всѣхъ, станетъ смотрѣть на нее

съ великою любовію и хранить съ нею совершенное согласіе; а съ миромъ и согласіемъ войдутъ въ домъ тотъ всѣ блага. Итакъ, дабы намъ и здѣшнее устроить хорошо, и съ этимъ вмѣстѣ получить царство небесное, будемъ заботиться и о себѣ самихъ, и о дѣтяхъ своихъ, особенно изъ-за этой заповѣди,–чтобы не придти намъ на тотъ духовный бракъ въ нечистыхъ одеждахъ, но съ великимъ дерзновеніемъ насладиться честію, уготованною тамъ достойнымъ, которой да достигнемъ всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, честь и держава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

2 БЕСѢДА,

объ Аннѣ II [1]).

1. Нѣтъ ничего, возлюбленные, равнаго молитвѣ, ничего могущественнѣе вѣры. То и другое недавно доказала намъ Анна: пришедши къ Богу съ этими дарами, она сдѣлала все, чего

[1]) Надписывается: «о вѣрѣ Анны, о ея любомудріи и кротости; о чести, подобающей священникамъ, и о томъ, что должно молиться и прежде и послѣ принятія пищи».

хотѣла,—и исправила несовершенную природу, и отверзла заключенную утробу, и уничтожила стыдъ (отъ безчадія), и прекратила оскорбленія соперницы, и достигла великаго дерзновенія, пожавъ тучный колосъ съ безплоднаго камня. И всѣ вы слышали, какъ она молилась, какъ просила и умоляла, и—получила, родила, воспитала и посвятила (Богу) Самуила. Потому не погрѣшитъ, кто эту жену назоветъ вмѣстѣ и матерью и отцомъ дитяти: хотя и мужъ посѣялъ (сѣмя), но силу этому сѣмени дала ея молитва, и она-то сдѣлала начатки рожденія Самуилова болѣе чистыми. Подлинно, не сонъ только и совокупленіе родившихъ, какъ бываетъ съ другими, но молитвы, слезы и вѣра были начатками этого рожденія, и тѣмъ славнѣе прочихъ стало рожденіе пророка, что онъ родился по вѣрѣ матери. Потому и объ этой женѣ прилично будетъ сказать: *сѣющіи слезами радостію пожнутъ* (Псал. 125, 5). Ей поревнуемъ, мужи; ей будемъ подражать, жены: она—учительница того и другаго пола. Бездѣтныя да не отчаяваются; матери такъ да воспитываютъ родившихся имъ дѣтей. Всѣ будемъ подражать въ этой женѣ терпѣнію до рожденія, вѣрѣ въ самомъ рожденіи, усердію послѣ рожденія. Ибо, что можетъ быть терпѣливѣе этой жены, которая кротко и великодушно перенесла столь невыносимое несчастіе и дотолѣ не отступила (отъ Бога), пока не прекратила своего горя, и не нашла бѣд-

ствію конца, удивительнаго и неимовѣрнаго, тогда какъ не имѣла на землѣ ни одного споборника и помощника? Она знала человѣколюбіе Владыки, потому и приступила къ Нему одна, и сдѣлала все, что желала. И дѣйствительно, для прекращенія этого горя нужна была не человѣческая помощь, но божественная благодать: оно происходило не отъ потери денегъ, чтобы можно было, принесши золото, прекратить его; не отъ болѣзни тѣлесной, чтобы призвать только врачей, и можно было-бы прогнать боль. Немощна была природа (Анны), и нуждалась въ высшей помощи. Поэтому она, оставивъ все земное, прибѣгла къ Господу природы, и не отступила дотолѣ, пока не умолила Его разрѣшить неплодство, отворить утробу, и бездѣтную сдѣлать матерью. Итакъ она блаженна и по этому,—т. е. не потому, что сдѣлалась матерью; но потому, что сдѣлалась, не будучи (отъ природы способна сдѣлаться) ею. Первое есть обыкновенное дѣло природы, послѣднее—особенная заслуга этой жены. Она блаженна и по болѣзнямъ рожденія, но не менѣе блаженна и по всему тому, что предшествовало этимъ болѣзнямъ. Всѣ вы, и жены и мужи, знаете, конечно, что для женщины нѣтъ ничего тяжелѣе неплодства,—что, хотя-бы она наслаждалась безчисленными удовольствіями, никогда однакожъ не можетъ прогнать отъ себя боль, причиняемую ей этою раною. Если-же оно столь тяжко те-

перь, когда мы призваны къ высшему любомудрію, путешествуемъ къ небу, и, нисколько не занимаясь настоящимъ, готовимся къ иной жизни,—когда воздается великая похвала дѣвству: то представь, какимъ зломъ оно почиталось тогда, когда не было у древнихъ никакой надежды, ни мысли о будущемъ, когда все дѣлали для настоящаго, и безчадіе и неплодство было (для женщины какимъ-то проклятіемъ и безчестіемъ. Невозможно высказать и изобразить словомъ боль отъ этой раны. Свидѣтельницы этого-жены, которыя во всемъ прочемъ показали терпѣніе, а этого несчастія не могли перенести; напротивъ, или возроптали на мужей, или жизнь поставили не въ жизнь.

2. Но эту жену осаждала не одна только скорбь изъ-за неплодства, но и другая страсть—гнѣвъ изъ-за упрековъ соперницы. И какъ, при встрѣчѣ двухъ противныхъ вѣтровъ, которые, въ борьбѣ между собою, захватываютъ попавшую среди ихъ ладью и воздымаютъ множество волнъ и спереди и сзади ея, кормчій, сидящій при рулѣ, спасаетъ ладью, отражая напоры волнъ мудростію своего искуства: такъ и эта жена, когда гнѣвъ и скорбь, какъ-бы противные вѣтры, нападали на душу ея, разсѣкали помыслы ея и воздымали великія волны, не въ теченіе двухъ, трехъ, или двадцати дней, но въ продолженіе цѣлыхъ годовъ (ибо *тако творяше отъ года до года*, говоритъ Писаніе 1 Цар. 1, 7),

вынесла бурю великодушно, и не попустила уму своему потонуть въ безднѣ. Страхъ Божій, какъ кормчій, сѣдящій при рулѣ, внушалъ ей мужественно переносить это волненіе, и не переставалъ править душою ея дотолѣ, пока не привелъ въ тихую пристань этотъ корабль, полный груза, это чрево, заключавшее въ себя драгоцѣнное сокровище. Ибо несла она, не золото и не серебро, но пророка и священника; и чрево ея было вдвойнѣ священно: и потому, что зачатое имъ дитя было столь велико, и потому, что начало своего зачатія оно получило отъ молитвы и отъ вышней благодати. Но, если грузъ былъ необыкновенный и удивительный, то способъ продажи былъ и еще удивительнѣе; ибо (Анна) отдала его, не людямъ, не купцамъ и корчемникамъ, но, лишь только выгрузила его изъ корабля, такъ и продала Богу, и сдѣлала такую выгодную продажу, какую и слѣдовало сдѣлать вступившей въ торгъ съ Богомъ. Принявъ его (Самуила), Богъ за него далъ ей другое дитя; да еще и не одно, не два, не три и четыре только, но гораздо больше: *яко неплоды* говоритъ Писаніе, *роди седмь* (1 Цар. 2, 5), такъ что проценты превзошли самый капиталъ. Вотъ какова торговля съ Богомъ: Онъ возвращаетъ не небольшую сумму капитала, но увеличенную въ нѣсколько разъ. И (Аннѣ) Онъ не только далъ дѣтей женскаго пола, но составилъ прибыль изъ обоего пола, чтобы радость ея была полная. Го-

ворю это не съ тѣмъ, чтобы вы только отдали похвалу, но чтобы и поревновали вѣрѣ и терпѣнію этой жены. О нихъ вы уже слышали отчасти и прежде: но, чтобы выплатить и остальное, позвольте мнѣ вкратцѣ расказать о словахъ, ею сказанныхъ священнику и служителю священника послѣ первой молитвы: тогда узнаете, какъ кротка и тиха душа этой жены.

3. *И бысть*, говоритъ Писаніе, *егда умножи молящися предъ Господомъ, Илій-же жрецъ смотряше на уста ея* (1 Цар. 1, 12). Здѣсь писатель показываетъ въ этой женѣ двѣ добродѣтели—постоянство въ молитвѣ и бдительность души: первое (означаетъ онъ) словомъ: *умножи*, послѣднюю прибавленіемъ: *предъ Господомъ*. Всѣ мы молимся, но не всѣ предъ Богомъ. У кого въ то время, какъ тѣло лежитъ на землѣ и уста безсмысленно произносятъ слова, душа блуждаетъ вездѣ—дома и на площади: такой можетъ ли сказать о себѣ, что молится предъ Богомъ? Предъ Господомъ молится тотъ, кто вполнѣ собралъ душу свою и не имѣетъ ничего общаго съ землею, но переселился на самое небо и изгналъ изъ души всякій человѣческій помыслъ, какъ сдѣлала тогда и эта жена. Ибо она, всю себя собравъ и напрягши умъ, призывала Бога скорбною душою. Какъ-же говоритъ (Писаніе), что она еще *умножи* молитву, тогда какъ молитва ея была краткая? Ибо она не распространялась въ словахъ и не долго продолжала мо-

литву, но сказала немногія и простыя слова: *Адонаи Господи Елои Саваоѳъ, аще призирая призриши на смиреніе рабы твоея, и помянеши мя, и даси рабѣ твоей сѣмя мужеско, то дамъ е предъ Тобою въ даръ до дне смерти его: и вина и піянственнаго не испіетъ, и желѣзо не взыдетъ на главу его* (ст. 11). Какое тутъ множество словъ? что же (писатель) выразилъ словомъ: *умножи?* То, что она постоянно повторяла одно и тоже, и не переставала въ теченіе долгаго времени произносить одни и тѣже слова. Такъ молиться повелѣлъ и Христосъ въ Евангеліи: сказавъ ученикамъ своимъ, чтобы они не молились и не говорили лишняго, какъ язычники, Онъ показалъ намъ и мѣру молитвы, внушая, что (молящійся) можетъ быть услышанъ (Богомъ), не за множество словъ, но за бдительность души (Матѳ. гл. 6). Но, скажетъ кто-нибудь, если должно молиться немного, то почему Онъ сказалъ имъ притчу, внушающую, что должно молиться непрестанно,—притчу о томъ, что была одна вдовица, которая частымъ приходомъ своимъ и непрестаннымъ повтореніемъ просьбы преклонила на милость жестокаго и безчеловѣчнаго судію, не имѣвшаго ни страха Божія, ни стыда человѣческаго (Лук. 18, 3 и сл.)? Почему и Павелъ увѣщаваетъ, говоря: *въ молитвѣ пребывающе* (Рим. 12, 12) и опять: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 18)? А говорить недолго и молиться непрестанно—это противорѣчитъ одно

другому. Нисколько не противорѣчитъ; напротивъ, одно съ другимъ весьма согласно. И Христосъ, и Павелъ заповѣдали творить краткія, но частыя молитвы, съ небольшими промежутками. Если ты будешь распространяться въ словахъ, то нерѣдко станешь дѣлать это безъ вниманія, и дашь діаволу большую свободу подойти къ тебѣ, низложить и отвлечь мысль твою отъ того, что говоришь. Но если будешь творить молитвы частыя, такимъ учащеніемъ (молитвъ) занимая всякое время, легко можешь быть бдительнымъ и самыя молитвы станешь творить съ полнымъ вниманіемъ.

4. Это самое дѣлала и она (Анна): не распространялась въ словахъ, но часто и многократно приходила къ Богу. Когда-же священникъ заградилъ ей уста (ибо таковъ смыслъ словъ: *смотряше на уста ея, токмо устнѣ ея движастѣся, а гласъ ея не слышашеся* ст. 13); она принуждена была и покориться священнику, и прекратить молитву. Итакъ, загражденъ былъ у нея голосъ, но не заграждено дерзновеніе, напротивъ, тѣмъ сильнѣе вопіяло внутри сердце. Это особенно и есть молитва, когда вопли раздаются извнутри; такъ-то особенно и свойственно душѣ страждущей выражать молитву,—не напряженіемъ голоса, но горячностію сердца! Такъ молился и Моисей. Онъ ничего не говорилъ, а Богъ сказалъ ему: *что вопіеши ко Мнѣ* (Исх. 14 15)? Люди слышатъ только этотъ (внѣшній) го-

лосъ, но Богъ, прежде этого голоса, слышитъ вопль внутренній. Поэтому можно быть услышану, не говоря ни слова; можно, и ходя по площади, молиться мысленно съ великимъ усердіемъ; и сидя съ друзьями, и дѣлая что́-бы то ни было, (можно) призывать Бога съ великимъ воплемъ, т. е. воплемъ внутреннимъ, неслышнымъ ни для кого изъ присутствующихъ. То самое сдѣлала тогда и эта жена. *Гласъ ея не слышашеся*, говоритъ Писаніе (1 Цар. 1, 13), а Богъ услышалъ ее. Таковъ былъ внутренній ея вопль!

5. *И рече ей* отрокъ Илія: *доколѣ піяна будеши, отъими вино твое, и иди отъ мѣста Господня* (ст. 14.) Здѣсь въ особенности открывается терпѣніе жены. Дома оскорбляла ее соперница; пришла она въ храмъ, и-здѣсь оскорбилъ ее отрокъ священника, укорилъ и самъ священникъ. Она бѣжала отъ домашней бури, пришла въ пристань, и-опять нашла волны; пришла получить врачество, и-не только не получила его, но пріобрѣла еще рану въ укоризнахъ, и-язва ея отъ нихъ еще болѣе загноилась. Знаете, какъ страждущія души принимаютъ обиды и оскорбленія. Какъ жестокія раны не терпятъ и легкаго прикосновенія руки, и дѣлаются отъ того хуже: такъ и возмущенная душа раздражительна, негодуетъ на все, оскорбляется и незначительнымъ словомъ. Но съ этою женою ничего такого не было и тогда, какъ укорилъ ее слу-

житель. Если бы еще оскорбилъ ее самъ священникъ, терпѣніе ея было бы не столь удивительно: достоинство сана, величіе власти заставили-бы ее, и противъ воли, быть скромною. Но вотъ она не вознегодовала и на служителя священника; а этимъ еще болѣе преклонила Бога на милость. Такъ и мы, если, бывъ поруганы и потерпѣвъ тысячу огорченій, великодушно поступимъ съ оскорбителями, тѣмъ большее заслужимъ благоволеніе отъ Бога. Откуда это видно? Изъ случившагося съ Давидомъ. Чтоже съ нимъ случилось? Нѣкогда убѣжалъ онъ изъ отечества, находился въ опасности—лишиться свободы и самой жизни, и, какъ войско перешло къ развратному юношѣ — этому возмутителю и отцеубійцѣ, скитался по пустынѣ. Не смотря на это, онъ не разгнѣвался, не возроптал на Бога, не сказалъ: «что это такое? Сыну попустилъ возстать на отца? Еслибы даже (сынъ) имѣлъ справедливую причину жаловаться, и тогда не слѣдовало-бы быть этому. А теперь, ни много, ни мало не обиженный нами, онъ ищетъ обагрить свою руку кровію отца, и Богъ, видя это, терпитъ!» Ничего подобнаго (Давидъ) не сказалъ; и, что еще важнѣе и удивительнѣе, на него, когда онъ скитался и оставленъ былъ всѣми, напалъ Семей, человѣкъ злой и порочный, называлъ его убійцею и нечестивцемъ, поражалъ множествомъ и другихъ ругательствъ, а онъ и тогда не разгнѣвался. Еслиже кто ска-

жетъ: что и удивительнаго, что онъ не отмстилъ, когда былъ слабъ и безсиленъ? На это во-первыхъ скажу, что я не столько подивился-бы ему, если-бы онъ, имѣя діадему и царство, и возсѣдая на тронѣ, перенесъ ругательства, сколько хвалю его и удивляюсь ему теперь за то, что онъ былъ терпѣливъ во время несчастія. Въ первомъ случаѣ, величіе его власти и ничтожество оскорбителя могли-бы заставить его пренебречь (оскорбителемъ); такъ, многіе и другіе цари часто показывали подобное терпѣніе, извиняя оскорбителей крайнимъ ихъ безуміемъ. Ибо оскорбленія не одинаково поражаютъ насъ, когда мы наслаждаемся благополучіемъ, и когда находимся въ несчастіи: когда мы впадемъ въ несчастіе, тогда онѣ трогаютъ насъ болѣе и поражаютъ сильнѣе. Но кромѣ этого, надобно присовокупить еще и то, что (Давидъ) могъ мстить, и однакожъ не отмстилъ. А что терпѣніе его происходило не отъ слабости, но отъ незлобія, — въ этомъ можешь убѣдиться тѣмъ, что, когда военачальникъ просилъ позволенія пойти и отрубить тому (Семею) голову, Давидъ не только не позволилъ, но еще оскорбился этимъ, и сказалъ: *что мнѣ и вамъ, сынове Саруины; оставите проклинати мя: негли призритъ Господь на смиреніе мое и возвратитъ ми благая вмѣсто клятвы его въ днешній день* (2 Цар. 16. 10. 12). Такъ и случилось.

6. Видишь, какъ праведникъ зналъ, что ве-

ликодушное перенесеніе оскорбленій ведетъ къ бóльшей славѣ? Поэтому онъ, застигнувъ нѣкогда и Саула въ пещерѣ и имѣя возможность умертвить, пощадилъ его, и притомъ тогда, какъ бывшіе съ нимъ совѣтовали поразить (Саула) мечемъ. Ни удобство сдѣлать это, ни подстреканье другихъ, ни претерпѣнныя имъ многія несчастія, ни ожиданіе еще бóльшихъ—ничто не заставило его извлечь мечь. Между тѣмъ, и войско не узнало-бы, еслибы онъ совершилъ это убійство: потому-что это была пещера и, кромѣ его, не было тутъ никого. И не сказалъ онъ, какъ нѣкто, намѣреваясь совершить прелюбодѣяніе, говорилъ: *тма окрестъ меня и стѣны, ково убоюся* (Сирах. 23, 25); нѣтъ, онъ взиралъ на недремлющее Око, и зналъ, что очи Господни въ тысячу разъ свѣтлѣе солнца. Поэтому онъ все дѣлалъ и говорилъ такъ, какъ-бы самъ Богъ былъ при немъ и судилъ слова его; поэтому и сказалъ: *не нанесу руку мою на Христа Господня* (1 Цар. 24, 7). Я смотрю не на злобу, но на достоинство его. Никто не говори мнѣ, что онъ жестокъ и золъ: я почитаю Божіе опредѣленіе, хотя этотъ (Саулъ) и оказывается недостойнымъ. Не моя-же вина, что онъ оказался недостойнымъ такой чести. Пусть выслушаютъ это тѣ, которые не уважаютъ священниковъ; пусть узнаютъ они, какое почтеніе Давидъ оказалъ царю; а священникъ тѣмъ большаго заслуживаетъ почтенія и уваженія, чѣмъ къ высшему призванъ

служенію. Пусть научатся они не судить и не осуждать, но покаряться и оказывать послушаніе. Жизни священника, какъ-бы онъ ни былъ худъ и небреженъ, ты не знаешь: а Давидъ обстоятельно зналъ все, что сдѣлалъ Сауль; и однакожъ, не смотря на это, уважалъ власть, ввѣренную ему Богомъ. Впрочемъ, и тогда, какъ ты, хорошо зная жизнь предстоятелей (Церкви), не уважаешь ихъ и не слушаешь словъ ихъ, — и тогда нѣтъ тебѣ извиненія и прощенія. Послушай, какъ Христосъ отнялъ у насъ и этотъ предлогъ тѣмъ, что Онъ говоритъ въ Евангеліи: *на Моисеовѣ сѣдалищѣ сѣдоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите, по дѣломъ-же ихъ не творите* (Матѳ. 23, 3). Видишь, какъ Онъ не унизилъ наставничества и не отвергъ ученія даже тѣхъ, чья жизнь была такъ развращенна, что ученики ихъ должны были гнушаться ею? Говорю это не въ осужденіе священниковъ; да не будетъ! вы сами свидѣтели ихъ поведенія и благочестія. Нѣтъ, говорю для того, чтобы мы оказывали имъ гораздо болѣе почтенія и уваженія. Чрезъ это мы, не столько имъ, сколько себѣ принесемъ пользы: *пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу пріиметъ* (Мат. 10, 1). Если намъ не позволено судить о жизни другъ друга, то тѣмъ болѣе о жизни отцовъ.

7, Но, о чемъ я говорилъ (надобно же опять возвратиться къ этой женѣ), т. е. что велико-

душное перенесеніе оскорбленій доставляетъ намъ многія блага, это случилось и съ Іовомъ. И ему удивляюсь не столько до подстреканія жены, сколько послѣ гибельнаго совѣта ея (Іов. 2. 9). Слова эти да не покажутся кому либо странными. Часто, кого не могли низложить самыя обстоятельства, того одолѣвало слово и гибельный совѣтъ. Зная это, діаволъ, поразивъ Іова самымъ дѣломъ, наноситъ ему ударъ и словами. Тоже самое онъ сдѣлалъ и съ Давидомъ. Увидѣвъ, какъ великодушно перенесъ онъ возмущеніе и беззаконное насиліе сына, діаволъ, чтобы поколебать сердце его и преклонить на гнѣвъ, напустилъ на него этого Семея, думая уязвить душу его оскорбительными словами. Это сдѣлалъ онъ и съ Іовомъ. Ибо какъ увидѣлъ, что Іовъ посмѣялся надъ стрѣлами его и какъ адамантовая башня, мужественно противостоитъ всему, (діаволъ) вооружилъ жену, чтобы такимъ образомъ не обнаружился его замыселъ, скрылъ ядъ въ словахъ ея, и увеличилъ тягость несчастія. Что-же доблестный тотъ (Іовъ)? *Вскую*, говоритъ онъ, *яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси; аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. 2, 10? т. е., если бы это былъ не Господь и не столько превыше насъ, а какой-нибудь другъ, равный намъ: и тогда какое бы мы имѣли оправданіе, платя ему зломъ за такія благодѣянія, оказанныя отъ него намъ? Видишь, какая Бо-

голюбивая душа, какъ онъ не превозносится и не хвалится тѣмъ, что мужественно переноситъ необычайные тѣ удары, и не считаетъ столь великое терпѣніе дѣломъ мудрости и великодушія, но, какъ-бы уплативъ необходимый долгъ, и не потерпѣвъ никакой несправедливости, такъ сильно заградилъ уста жены? Тоже было и съ этою женою. Діаволъ, какъ увидѣлъ, что она великодушно переноситъ неплодство и припадаетъ къ Богу, то и напустилъ служителя священника, чтобы тѣмъ болѣе раздражить ее. Но жена не допустила себя до этого; напротивъ, пріучившись переносить укоризны дома, и привыкнувъ къ оскорбленіямъ соперницы, безбоязненно вышла и противъ этихъ нападеній. Вотъ, почему и во храмѣ явила она великую кротость, мужественно и великодушно перенося упреки въ пьянствѣ и невоздержаніи. Впрочемъ не мѣшаетъ выслушать самыя слова ея. Когда служитель сказалъ: *отъими вино твое, и иди отъ мѣста Господня*, Анна отвѣчала такъ: *ни, Господи* (1 Цар. 1, 14. 15). Оскорбившаго назвала она господиномъ; и не сказала, какъ многіе говорятъ: это-ли сказалъ мнѣ священникъ? такъ ли учащій другихъ попрекаетъ меня въ пьянствѣ и невоздержаніи? Нѣтъ, она позаботилась только о томъ, какъ-бы отклонить подозрѣніе, хотя и несправедливое.

8. А мы, какъ станутъ насъ поносить, вмѣсто того, чтобы извинить поносителей и при-

мириться съ ними, часто раздуваемъ пламя, нападаемъ на нихъ, какъ дикіе звѣри, тѣснимъ ихъ, влачимъ, подвергаемъ мщенію, и тѣмъ самымъ, что дѣлаемъ, подтверждаемъ взнесенное на насъ подозрѣніе. Если хочешь доказать поносителямъ, что ты не пьянъ, докажи это кротостію и скромностію, а не бранью и не ругательствомъ; ибо, если станешь бить оскорбившаго, то всѣ примутъ тебя за пьянаго; а если перенесешь великодушно, то самымъ дѣломъ отклонишь дурное подозрѣніе. Такъ поступила тогда и эта жена. Сказавши: *ни, Господи*, она самымъ дѣломъ доказала, что подозрѣніе было несправедливо. Впрочемъ, почему-же и священникъ подозрѣвалъ ее въ томъ? Развѣ видѣлъ, что она смѣялась, или плясала, шаталась и падала, или говорила что-нибудь постыдное и низкое? Отъ чего-же возъимѣлъ онъ такое подозрѣніе? Не такъ и не безъ причины, но судя по времени дня; потому-что былъ полдень, когда она творила молитву. Изъ чего это видно? Изъ того, что выше сказано: *И воставши Анна*, говоритъ Писаніе, *по ядeніи ихъ въ Силомѣ и по питіи, и ста предъ Господемъ* (1 Цар. 1, 8). Видишь, то самое время, которое всѣ употребляютъ на отдыхъ, она посвятила молитвѣ, послѣ стола устремилась на молитву, пролила источники слезъ, показала умъ трезвенный и бодрый, и послѣ стола помолилась такъ прилѣжно, что получила даръ сверхъестественный, разрѣшила неплодство и исправила немощ-

ную природу. Итакъ, вотъ что мы пріобрѣли отъ жены этой: научились молиться и послѣ пиршества. Кто приготовился къ этому, тотъ никогда не впадетъ въ невоздержаніе и пьянство, никогда не расторгнется отъ объяденія, но, ожиданіемъ молитвы, какъ-бы уздою, удерживая свои помыслы, будетъ въ надлежащей мѣрѣ употреблять все предлагаемое, и какъ душу, такъ и тѣло исполнитъ великаго благословенія. Ибо столъ, начинающійся и оканчивающійся молитвою, никогда не оскудѣетъ, но обильнѣе всякаго источника, принесетъ намъ всѣ блага. Не будемъ-же пренебрегать столь великою пользою. Странно, что слуги наши, получивъ отъ насъ что-нибудь со стола, благодарятъ насъ и отходятъ съ добрымъ словомъ,—а мы, наслаждаясь столь великими благами, не воздаемъ Богу и такой чести, и притомъ тогда, какъ чрезъ это можемъ достигнуть великой безопасности. Ибо, гдѣ молитва и благодареніе, туда приходитъ благодать Святаго Духа, оттуда прогоняются демоны и всѣ вражескія силы отступаютъ и обращаются въ бѣгство. Кто намѣревается (послѣ стола) идти на молитву, тотъ и во время стола не осмѣливается сказать что-либо неприличное, а если и скажетъ, тотчасъ раскаявается. Итакъ должно, и при началѣ, и при концѣ (стола), благодарить Бога, въ особенности потому, какъ я выше сказалъ, что, если мы войдемъ въ этотъ навыкъ, то не легко впа-

демъ въ пьянство. Но, если когда и встанешь (изъ-за стола) хмѣльный и опьянѣлый, и тогда не оставишь своей привычки: но, и съ тяжелою головою, и шатаясь и падая, будешь молиться и не измѣнишь своему обычаю. Если сегодня ты такъ молился, то завтра исправишь погрѣшность, сдѣланную наканунѣ. Итакъ, всякой разъ, какъ мы будемъ вкушать пищу, вспомнимъ объ этой женѣ, объ ея слезахъ и добромъ этомъ опьяненіи; да, и она была въ опьяненіи, но не отъ вина, а отъ великаго благоговѣнія. Если же она была такова послѣ обѣда, то какова была утромъ? Если послѣ принятія пищи и питья молилась такъ усердно, то какова была она, когда еще ничего не вкушала?

9. Такъ обратимся опять къ ея словамъ, исполненнымъ великаго любомудрія и кротости. Сказавъ: *ни, Господи*, она присовокупила: *жена въ жестокъ день азъ есмь*, *вина и піянства не пихъ* (ст. 15). Замѣть, какъ и здѣсь она не говоритъ объ оскорбленіяхъ соперницы, не обнаруживаетъ злобы ея, не оплакиваетъ домашняго несчастія. но открываетъ свою скорбь столько, сколько нужно только для оправданія предъ священникомъ: *жена въ жестокъ день азъ есмь, вина и піянства не пихъ, но изливаю предъ Господемъ душу мою.* Не сказала: молюсь Богу, прошу Бога, но: *изливаю душу мою предъ Господемъ*, то-есть, я всю себя обратила къ Богу, къ Нему устремила весь умъ мой, всею душею и всею

крѣпостію сотворила молитву свою, открыла Богу свое несчастіе, показала рану; Онъ можетъ приложить (къ ней) врачество. *Не даждь рабы твоея (въ лице) во дщерь погибели.* Опять называетъ себя рабою, и всячески старается, чтобы священникъ не имѣлъ объ ней худаго мнѣнія. Не сказала себѣ: что̀ мнѣ нужды до его клеветы? Онъ осудилъ напрасно и безъ причины, заподозрилъ въ томъ, въ чемъ не слѣдовало; пусть всѣ клевещутъ на меня, лишь бы совѣсть моя была чиста. Нѣтъ, она исполнила ту апостольскую заповѣдь, которая повелѣваетъ *промышляти добрая*, не только предъ Господомъ но и предъ людьми (Рим. 12, 17); и всячески устраняла подозрѣніе, говоря: *не даждь рабы твоея (въ лице) во дщерь погибели.* Что значитъ *въ лице?* (значитъ) не почти меня безстыдною и дерзкою: это дерзновеніе—отъ горести, а не отъ опьяненія, отъ скорби, а не отъ упоенія. Что-же священникъ? Смотри, какъ и онъ благоразуменъ: не сталъ распрашивать объ ея несчастіи, не захотѣлъ допытываться до причины его, но что говоритъ? *иди съ миромъ,—Богъ Израилевъ да дастъ ти все прошеніе твое, еже просила еси отъ него* (ст. 17). Обвинителя жена эта сдѣлала своимъ защитникомъ: такое-то благо— скромность и кротость! и за упрекъ получила она достаточное напутствіе, — нашла себѣ заступника и ходатая въ томъ, кто укорилъ ее. Впрочемъ и на этомъ она не останавливается,

но еще говоритъ: *да обрящетъ* (εὕροι) [1]) *раба твоя благодать предъ очима твоима* (ст. 18); то есть: о, еслибы изъ конца и событія дѣлъ узналъ ты, что я такъ молилась и просила не отъ опьяненія, но отъ скорби. *И иде жена*, говоритъ Писаніе, *и лице ея не испаде ктому* (ст. 18). Видишь вѣру этой жены? Прежде чѣмъ получила просимое, она стала уже бодра, какъ-бы получивши. А причина та, что она молилась съ великою горячностію, съ усердіемъ непоколебимымъ. Поэтому она и отошла (въ домъ) такъ, какъ-бы получивши все. Притомъ, и Богъ, намѣреваясь дать ей даръ, освободилъ наконецъ ее отъ скорби.

10. Ей поревнуемъ и мы, и во всякомъ несчастіи станемъ прибѣгать къ Богу. Если нѣтъ у насъ дѣтей, будемъ просить ихъ у Него; а если получимъ, будемъ воспитывать ихъ съ великою заботливостію, и удалять юношей отъ всякаго грѣха, особенно же отъ любострастія; потому-что это брань тяжкая и ничто такъ не безпокоитъ того возраста, какъ эта страсть. Итакъ оградимъ ихъ со всѣхъ сторонъ совѣтами, увѣщаніями, страхомъ и угрозами. Если одолѣютъ они эту страсть, то не скоро поддадутся и другой: напротивъ, выше будутъ и денегъ, побѣдятъ и пьянство, и всячески постараются избѣгать нетрезвости и порочныхъ обществъ, бу-

[1]) Въ славянскомъ перев. *обрѣте.*

дутъ и родителямъ любезнѣе, и для всѣхъ людей почтеннѣе. Ибо кто не почтитъ скромнаго юношу? Кто не обниметъ и не облобызаетъ обуздавшаго нечистыя вожделѣнія? Кто изъ самыхъ богатыхъ не согласится, съ великимъ удовольствіемъ, отдать за него дочь свою, хотя бы онъ былъ бѣднѣе всѣхъ? Какъ никто не будетъ столь жалокъ и глупъ, чтобы рѣшиться имѣть зятемъ расточительнаго и развратнаго человѣка, хотя бы онъ былъ богаче всѣхъ: такъ никто не будетъ и столь безразсуденъ, чтобы отвергнуть и обезславить скромнаго и цѣломудреннаго. Итакъ, чтобы дѣти наши были и у людей почтенны, и Богу любезны, будемъ украшать ихъ душу и цѣломудренными вводить въ жизнь брачную. Ибо такимъ образомъ и всѣ настоящія блага потекутъ къ нимъ, какъ изъ источниковъ, и отъ Бога получатъ они милость, и насладятся и настоящею и будущею славою, которой да достигнемъ всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, честь, держава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

3 БЕСѢДА,

объ Аннѣ III [1]).

1. Если не кажусь я для нѣкоторыхъ неприятнымъ и тягостнымъ, то хочу опять заняться тѣмъ-же предметомъ, о которомъ говорилъ вамъ и прежде, (хочу) повести васъ къ Аннѣ и ввести слово на лугъ добродѣтелей этой жены, на лугъ, украшенный не розами и цвѣтами увядающими, но молитвою, вѣрою и великимъ терпѣніемъ. Этѣ (добродѣтели) гораздо благовоннѣе весеннихъ цвѣтовъ, потому что орошаются не потоками водъ, но дождями слезъ. Не столько потоки водные придаютъ свѣжести садамъ, сколько потоки слезъ, орошая растеніе молитвы, содѣйствуютъ ему подниматься до самой большой высоты, что̀ случилось и съ этою женою. Ибо лишь только она выговорила слова, молитва ея и востекла на небо, и принесла ей зрѣлый плодъ— святаго Самуила. Не огорчайтесь-же, что мы

---

[1]) Надписывается: «объ Аннѣ и о воспитаніи Самуила, также о томъ, что не скорое рожденіе (дѣтей) полезно, и что не радѣть о дѣтяхъ опасно и гибельно».

опять начинаемъ (говорить) о томъ-же предметѣ: мы станемъ говорить не о томъ-же (о чемъ прежде), но о чемъ-то другомъ, новомъ и особенномъ. И для чувственной трапезы можно изъ одного припаса изготовить многія яства; и золотыхъ дѣлъ мастера, мы видимъ, изъ одного куска золота дѣлаютъ и ожерелья, и цѣпочки, и многія другія золотыя вещи. Вещество однообразно, но искуство придаетъ ему разные виды, и не стѣсняется однообразіемъ даннаго вещества, будучи само замысловато и изобрѣтательно. Если-же таковы земныя вещи, тѣмъ болѣе благодать Духа. И что трапеза ея различна, разнообразна и многовидна, послушай, объ этомъ Павла, который говоритъ: *овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному-же слово разума, другому-же вѣра, иному же дарованія изцѣленій, ходатайства* (ἀντιλήψεις), *управленія* (κυβερνήσεις), *роди языковъ. Вся-же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляяя властію коемуждо, якоже хощетъ* (1 Кор. 12, 8—11). Видишь, какъ она разнообразна? Рѣкъ много, говоритъ, но источникъ одинъ; яства различны, но угощатель одинъ. Итакъ, если такова благодать Духа, не утомимся же и мы.

2. Видѣли мы, какъ (Анна) была безплодна; видѣли, какъ стала матерью; видѣли, какъ она плакала; видѣли, какъ радовалась: поскорбѣли мы съ нею тогда, порадуемся-же съ нею сегодня. Такъ и Павелъ повелѣлъ радоваться съ

радующимися и плакать съ плачущими (Рим. 12, 15). И это надобно дѣлать съ людьми не только живущими въ одно время съ нами, но и съ давно-бывшими. Никто не говори мнѣ: какая-же мнѣ будетъ польза отъ Анны и отъ расказовъ объ ней?—(отъ ней) безплодныя могутъ научиться, какъ-бы имъ сдѣлаться матерями; матери узнаютъ, какой самый лучшій способъ воспитанія дѣтей. И не только жены, но и мужья получать отъ этой исторіи весьма великую пользу: они научатся обращаться съ своими женами, хотя-бы онѣ страдали неплодствомъ, такъ-же кротко, какъ Елкана обращался съ Анною. Да не только эту, но еще и другую гораздо большую получать они пользу: они узнаютъ, что всѣ родители должны воспитывать дѣтей своихъ для Бога. Итакъ не будемъ считать для себя безполезнымъ слушать эту исторію за тѣмъ, что отъ нея нельзя получить денегъ и серебра; поэтому-то самому и станемъ считать ее полезною и выгодною, что она открываетъ намъ, не золото и серебро, а что гораздо важнѣе ихъ, — душевное благоговѣніе и сокровища небесныя, и научаетъ, какъ можемъ мы отклонить всякую опасность. Дать деньги легко могутъ и люди: но исправить природу, прекратить такую печаль, уничтожить скорбь и ободрить душу, готовую пасть (въ отчаяніе), это возможно одному Господу природы, но—никому изъ людей. Ты вѣдь, если-бы, имѣя неиз-

лѣчимую болѣзнь, и обошедши весь городъ, и истративъ деньги, и пользовавшись у многихъ врачей и не нашедши никакого облегченія, встрѣтилась съ женщиною, которая страдала такою-же болѣзнію и избавилась отъ нея, ты, конечно, не отстала бы отъ нея, моля, убѣждая, прося указать тебѣ избавителя: а теперь, когда видишь Анну, какъ она стоитъ посреди, и расказываетъ о своемъ недугѣ, и говоритъ о врачествѣ, и показываетъ врача, безъ просьбы, безъ убѣжденія, ужели не придешь и не возмешь врачества, ужели не выслушаешь этой исторіи со всѣмъ вниманіемъ? Какое-же добро ты можешь когда либо получить? Другіе нерѣдко переплывали обширныя моря, предпринимали дальній путь, тратили деньги и переносили труды, чтобы увидѣть врача, указаннаго имъ на чужбинѣ, и притомъ не бывъ твердо увѣрены, что непремѣнно освободятся отъ болѣзни. А ты, жена, когда не предстоитъ тебѣ ни совершать морское путешествіе, ни переходить за предѣлы отечества, ни предпринимать другой какой либо подобный трудъ, — и что говорю: переходить за предѣлы отечества? Когда нѣтъ надобности тебѣ переступать даже и за порогъ дома, но можно и въ самой спальнѣ найти врача, и безъ всякаго посредника говорить съ нимъ обо всемъ, о чемъ захочешь (*Богъ приближаяйся Азъ есмь, глаголетъ Господь, а не Богъ издалеча,* Iерем. 23, 23), ты отлагаешь и медлишь? Какое-

же будешь имѣть извиненіе, какое получишь прощеніе, когда, имѣя возможность найти легкій и совершенно удобный способъ—избавиться отъ постигшихъ тебя золъ, ты нерадишь и предаешь собственное спасеніе? ибо этотъ Врачъ можетъ, лишь только захочетъ, изцѣлить, не только безплодіе, но и всякую, какую угодно, болѣзнь души и тѣла. И дивно то, что Онъ совершаетъ исцѣленіе, не только безъ труда и путешествія, безъ издержекъ и посредниковъ, но и безъ боли. Ибо Онъ не прилагаетъ къ ранѣ желѣза и огня, какъ дѣлаютъ другіе врачи: нѣтъ, довольно сдѣлать одно мановеніе, и-всякая скорбь, всякая печаль, всякая болѣзнь удаляется и убѣгаетъ. Итакъ не станемъ отлагать, и медлить, хотя-бы мы были бѣдны и впали въ крайнюю нищету. Здѣсь не нужно платить деньги; по-этому не-для-чего намъ ссылаться на бѣдность. Этотъ Врачъ не денегъ требуетъ себѣ въ награду, но слезъ, молитвъ и вѣры. Если съ ними придешь къ Нему, непремѣнно получишь, чего ни попросишь, и отойдешь съ великою радостію. Это можно узнать и изъ многаго другаго, но особенно отъ этой жены: она принесла не золото и серебро, но молитву, вѣру и слезы, и за тѣмъ отошла, получивъ просимое. Не будемъ же думать, будто эта повѣсть для насъ безполезна. *Сія писана быша*, говоритъ (Апостолъ Павелъ), *въ наученіе наше, въ нихже концы вѣкъ достигоша* (1. Кор. 10, 11). Но при-

ступимъ (къ Аннѣ) и узнаемъ, какъ она освободилась отъ болѣзни, чтó сдѣлала послѣ освобожденія и какъ воспользовалась даромъ, даннымъ отъ Бога.

3. *И сѣде жена*, говоритъ Писаніе, *и млекомъ питаше* Самуила (1 Цар. 4, 23). Смотри, какъ она взирала на это дитя, не только какъ на дитя, но и какъ на посвященное Богу: двойная была въ ней любовь—по природѣ и по благодати. Мнѣ кажется, что она благоговѣла предъ своимъ дѣтищемъ, и справедливо! Ибо, если иные, рѣшившись принести въ даръ Богу чаши и сосуды золотые, пока, изготовивъ ихъ, до извѣстнаго времени держатъ еще дома, и тогда уже смотрятъ на нихъ, не какъ на обыкновенные сосуды, но какъ на священныя вещи, и не осмѣливаются прикасаться къ нимъ, просто и безъ нужды, какъ и къ другимъ сосудамъ: тѣмъ болѣе эта жена съ такимъ-же расположеніемъ, смотрѣла на дитя еще и прежде, чѣмъ ввела его въ храмъ; она и любила его болѣе, нежели какъ дитя, и почитала, какъ посвященное (Богу, думая чрезъ него и сама освятиться. Домъ ея сдѣлался храмомъ, такъ какъ въ немъ былъ пророкъ и священникъ. Впрочемъ ея благоговѣніе можно видѣть не только изъ того, что она обѣщала его (Богу), но и изъ того, что не дерзнула войти во храмъ, пока не отняла его отъ груди. *Яко рече*, сказано, *мужеви своему*: *не взыду, дондеже взыдетъ отроча со мною, и аще*

отдою е, тогда явится лицу Господню, и пребудетъ тамо до вѣка (1 Цар. 1, 22). Видишь-ли? Она почла не безопаснымъ—его оставить дома, а самой итти (въ храмъ); получивъ даръ, не хотѣла она явиться безъ дара. Но и введши его (въ храмъ), потомъ взять съ собою и уйти назадъ, также боялась. Посему-то столько времени и оставалась (дома), чтобы явиться (въ храмъ) вмѣстѣ съ даромъ. И вотъ, она привела его, и тамъ оставила: а онъ, и будучи отнятъ отъ сосцевъ матери, не сталъ грустить. (Знаете, какъ обыкновенно грустятъ дѣти, когда отнимаютъ ихъ отъ груди матерней). Нѣтъ, и онъ (Самуилъ) не грустилъ, разлучаясь съ матерью, а взиралъ на Господа, который и ее сдѣлалъ матерью; и мать не скорбѣла, разставаясь съ сыномъ, потому что, посредствующая между ними, благодать побѣдила влеченіе природы, и они какъ будто продолжали жить вмѣстѣ другъ съ другомъ. Какъ виноградная лоза, стоя и на одномъ мѣстѣ, далеко простираетъ вѣтви, и кисть хотя виситъ и на далекомъ разстояніи отъ корня, однакожъ находится въ связи съ нимъ: такъ было и съ этою женою. Сама оставаясь въ городѣ, она простерла вѣтвь свою до храма и тамъ повѣсила спѣлый гроздъ; разстояніе мѣста не сдѣлало никакого препятствія, потому что любовь Божія соединяла сына съ матерью. Хотя онъ и молодъ былъ лѣтами, но зрѣлъ добродѣтелію, и для всѣхъ приходившихъ въ храмъ

служилъ учителемъ великаго благочестія. Расспрашивая и узнавая объ образѣ его рожденія, они получали достаточное утѣшеніе — надежду на Бога; и никто, увидя это дитя, не уходилъ молча, но всѣ прославляли Того, Кто даровалъ его сверхъ чаянія. Вотъ для чего Богъ и замедлилъ его рожденіе, чтобы увеличить эту радость, чтобы эту жену сдѣлать болѣе славною. Ибо всѣ знавшіе ея несчастіе становились свидѣтелями благодати Божіей; такъ что продолжительное неплодство и ее сдѣлало болѣе извѣстною всѣмъ, и всѣхъ заставило ублажать ее и удивляться ей, и чрезъ нее благодарить Бога. Говорю это для того, чтобы мы, если и увидимъ, что святыя жены страдаютъ неплодствомъ, или какимъ-нибудь другимъ подобнымъ недугомъ, не скорбѣли, не роптали и не говорили про себя: почему это Богъ презрѣлъ столь добродѣтельную жену и не далъ ей дитяти? Нѣтъ, это не то, что Онъ презираетъ, но—что лучше насъ самихъ знаетъ полезное намъ.

4. Итакъ, она (Анна) привела его (Самуила) въ храмъ, ввела агнца—въ овчарню, и тельца въ стадо, посадила на лугъ розу безъ терній, розу никогда неувядающую, но всегда цвѣтущую, которая можетъ подняться до самаго неба и благоуханіе свое разливаетъ на всѣхъ, живущихъ во вселенной, даже до-сегодня. Вотъ прошло уже столько лѣтъ, а благоуханіе добродѣтелей (Самуила) усиливается, а не слабѣетъ

отъ продолжительности времени: таково свойство духовныхъ вещей! Итакъ она вошла (въ храмъ), чтобы пересадить это прекрасное растеніе; и какъ трудолюбивые земледѣльцы напередъ бросаютъ въ землю сѣмена кипарисовъ или другихъ подобныхъ растеній, а потомъ, какъ увидятъ, что сѣмя стало деревомъ, не оставляютъ его на той-же землѣ, но. выкопавъ оттуда, пересаживаютъ на другое мѣсто, чтобы свѣжая земля, принявъ его въ свои нѣдра, всю силу свою сполна употребила на питаніе его корня: такъ сдѣлала и эта жена. Дитя, сверхъ чаянія посѣянное въ ея утробѣ, она взяла изъ дому и пересадила въ храмъ, гдѣ — постоянные потоки и орошенія духовныя. И на нихъ-то [1]) можно было видѣть исполненіе пророчества, которое воспѣлъ Давидъ такъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде: но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ Его поучится день и нощь. И будетъ яко древо насажденое при исходнищихъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое* (Псал. 1, 1—3). Ибо (Самуилъ), не послѣ уже познанія грѣха на опытѣ отсталъ отъ грѣха, но избралъ добродѣтель отъ самой колыбели; не участвовалъ онъ въ беззаконныхъ бесѣдахъ и не имѣлъ общенія въ нечестивыхъ собраніяхъ, но съ перваго воз-

---

[1]) На Самуилѣ и его матери.

раста, отъ сосцевъ матери перешелъ къ другимъ сосцамъ, духовнымъ. И какъ дерево, часто орошаемое, поднимается до великой высоты: такъ и онъ достигъ до верха добродѣтелей, будучи постоянно орошаемъ слушаніемъ слова Божія. Но посмотримъ, какъ (мать) пересадила его; послѣдуемъ за этою женою и войдемъ съ нею въ храмъ.

5. *И взыде съ нимъ въ Силомъ*, говоритъ Писаніе, *съ телцемъ трилѣтнымъ* (1 Цар. 1, 24). Значитъ, жертва была двоякая: телецъ былъ (двоякій) безсловесный и словесный; одного заклалъ священникъ, другаго посвятила (въ даръ Богу) жена. Но жертва жены была гораздо лучше жертвы, принесенной священникомъ: та была жрицею собственной утробы, подражала въ этомъ патріарху Аврааму и съ нимъ вошла въ состязаніе. Только тотъ, взявъ сына, опять привелъ его (съ горы), а она оставила сына въ храмѣ навсегда. Впрочемъ и тотъ принесъ сына въ жертву всецѣло, потому что надобно смотрѣть не на то, что онъ не заклалъ, а на то, что рѣшимостію своею сдѣлалъ все. Видишь, какъ жена состязалась съ мужемъ? Видишь, какъ природа (женская) не воспрепятствовала ей подражать патріарху? Посмотри же, какъ она посвящаетъ (Богу) сына. Пришедши къ священнику, она сказала ему: *во мнѣ Господи* (1 Цар. 1, 26). Что значитъ: *во мнѣ?* Выслушай т. е. внимательно слова мои. Какъ времени прошло

уже много, то она хочетъ напомнить о томъ, что ею сказано было прежде (священнику); потому и говоритъ: *во мнѣ, Господи; да живетъ душа твоя; азъ жена, стоявшая предъ тобою, о семъ помолитися Господу: о отрочати семъ молихся, и даде ми Господь прошеніе мое, еже просихъ у него: и азъ отдаю е Господеви во вся дни живота его на служеніе Господеви* (ст. 26, 27, 28). Не сказала: я та самая жена, которую ты обнесъ, поругалъ и осмѣялъ за невоздержаніе и пьянство; вотъ Богъ показалъ тебѣ, что я не пьянствую, и напрасно ты обвинилъ меня въ томъ. Ни одного такого жесткаго слова она не сказала, но отвѣчаетъ съ великою скромностію. Хотя въ пользу ея свидѣтельствовало самое событіе дѣла и она могла теперь упрекнуть священника за то, что тогда онъ напрасно и безъ причины осудилъ ее: однакожъ этого она не дѣлаетъ, но говоритъ только о Божіемъ благодѣяніи.

6. Посмотри и на благонамѣренность этой рабы. Когда она страдала, то никому не открыла своего несчастія, и не сказала священнику: у меня есть соперница; она, хоть и оскорбляетъ и поноситъ меня, однакожъ имѣетъ много дѣтей, а я, хоть и скромно живу, но и доселѣ еще не могла сдѣлаться матерью; Богъ заключилъ мою утробу, и, видя меня въ скорби, не умилосердился надо-мною. Ничего такого она не сказала, но смолчавъ о родѣ своего несчастія,

объявила только, что она страдаетъ душею, сказавъ: *жена въ жестокъ день азъ есмь;* да и этого не сказала бы, еслибы не вынудилъ ее къ тому священникъ подозрѣніемъ въ нетрезвости. Когда же перенесла она эту рану, и Богъ даровалъ ей по ея прошенію, тогда открываетъ это благодѣяніе священнику, желая имѣть его участникомъ въ благодареніи, какъ тогда имѣла участникомъ въ молитвѣ; и говоритъ: *о отрочати семъ молихся, и даде ми Господь прошеніе мое, еже просихъ у Него: и азъ отдаю е Господеви.* Смотри, какъ она скромна. Не подумай, говоритъ, будто я, посвящая Богу сына, дѣлаю что нибудь великое и удивительное. Не я начала это дѣло; я только отдаю долгъ. Я получила залогъ, и возвращаю его Тому, Кто далъ. Говоря эти слова, она и себя, вмѣстѣ съ дитятей, посвящала Богу, привязавъ себя къ храму, какъ бы цѣпью, природнымъ сочувствіемъ: потому что, если, гдѣ сокровище человѣка, тамъ и сердце его, то тѣмъ болѣе, гдѣ дитя матери, тамъ и душа ея, и чрево ея (Анны) вновь исполнилось благословенія. Ибо, какъ она сказала эти слова и помолилась, послушай, что говоритъ священникъ Елканѣ: *да воздастъ ти Господь сѣмя отъ жены сея за даръ, егоже даровалъ еси Господеви* (1 Цар. 2, 20). Прежде не говорилъ онъ: *да воздастъ ти*: но какъ? *да дастъ ти все прошеніе твое* (1, 17). Когда-же она сдѣлала Бога должникомъ своимъ, тогда, *да воздастъ ти,*

говоритъ, внушая добрую надежду на будущее. Ибо если Богъ далъ, не будучи должникомъ, тѣмъ болѣе воздастъ послѣ того, какъ Самъ получилъ. Итакъ, и первый сынъ (Анны) получилъ начало отъ молитвы, и слѣдовавшіе за нимъ — отъ благословенія; и такимъ образомъ весь плодъ этой жены былъ освященъ. Первенецъ былъ дѣломъ (κατόρθωμα) этой жены, а второй—ея и вмѣстѣ священника. Какъ тучная и плодоносная земля, принявъ сѣмена, показываетъ намъ зеленѣющія нивы: такъ и эта жена, принявъ съ вѣрою слова священника, принесла намъ другіе зеленѣющіе колосья, и отмѣнила древнее проклятіе, родивъ (дѣтей) по молитвѣ и благословенію.

7. И ты, жена, ей подражай; и если будешь бездѣтна, помолись также, и попроси священника, чтобы онъ принялъ участіе въ твоей молитвѣ. Подлинно, если ты примешь слова (духовныхъ) отцевъ съ вѣрою, ихъ благословеніе произраститъ зрѣлый и прекрасный плодъ. Когда же сдѣлаешься матерью, посвяти и ты своего сына Богу. Анна ввела (Самуила) въ храмъ: ты себя саму сдѣлай царскимъ храмомъ. *Члены ваша*, говоритъ Апостолъ, *тѣло Христово* [1]) *суть и храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа* (1 Кор. 6, 15. 19). И въ другомъ мѣстѣ: *вселюся*

---

[1]) Въ Славянск. переводѣ нашемъ читается такъ: *тѣлеса ваша удове Христовы суть.*

въ нихъ и похожду (2 Кор. 6, 16). Не странно ли: обветшавшій и готовый упасть домъ поправлять, и на это издерживать деньги, приглашать строителей и употреблять все, а домъ Божій (точно, домомъ Божіимъ можетъ быть душа юноши) не удостоивать и малѣйшаго попеченія? Смотри, чтобы не услышать тебѣ тогоже, что нѣкогда услышали Іудеи. Какъ они, по возвращеніи изъ плѣна, оставляли въ небреженіи чувственный храмъ [1]), а собственные домы украшали, то этимъ такъ огорчили Бога, что Онъ послалъ къ нимъ пророка, угрожалъ голодомъ и оскудѣніемъ всего необходимаго, и причину такой угрозы представилъ слѣдующую: *время вамъ есть жити въ домѣхъ вашихъ истесанныхъ, храмъ же мой сей запустѣ* (Агг. 1, 4). Если-же нерадѣніе о томъ храмѣ возбудило столь великій гнѣвъ Божій, тѣмъ болѣе небреженіе объ этомъ (духовномъ) храмѣ оскорбляетъ Господа: потому что послѣдній тѣмъ досточтимѣе перваго, чѣмъ болѣе имѣетъ знаковъ святости (τῆς ἁγιασίας τὰ σύμβολα). Не попусти-же дому Божію сдѣлаться вертепомъ разбойниковъ, чтобы не услышать тебѣ и другаго обличенія, которое Іисусъ Христосъ сказалъ Іудеямъ: *домъ Отца Моего домъ молитвы есть; вы же сотвористе й вертепъ разбойникомъ* (Мат. 21, 13. Лук. 19, 46). Какъ-же онъ дѣлается вертепомъ разбойниковъ? Когда мы допустимъ войти и поселиться въ ду-

[1]) т. е. Соломоновъ въ Іерусалимѣ.

шахъ юношей низкимъ и грубымъ вожделѣніямъ и всякому распутству. Ибо такія вожделѣнія свирѣпѣе разбойниковъ: отнявъ у дѣтей свободу, онѣ дѣлаютъ ихъ рабами безумныхъ страстей, поражаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и наносятъ душѣ ихъ множество ранъ. Потому будемъ каждый день смотрѣть за ними, и употребляя слово, какъ бичъ, станемъ всѣ такія страсти изгонять изъ души ихъ, чтобы дѣти были въ состояніи вмѣстѣ съ нами принять участіе въ высшей жизни (духовной), и совершить всякое въ ней служеніе. Не видите ли, какъ часто живущіе въ городахъ, лишь только отнимутъ отъ груди дѣтей своихъ, ужъ и заставляютъ ихъ носить масличныя вѣтви [1]), дѣлаютъ судьями въ борьбахъ, предводителями игръ и начальниками хоровъ? Это сдѣлаемъ и мы: съ перваго возраста введемъ ихъ (дѣтей) въ жизнь небесную (духовную), потому что эта (жизнь) земная (мірская) требуетъ только траты, а пользы не приноситъ никакой.

8. Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ быть польза отъ народныхъ похвалъ? скажи мнѣ. Наступилъ вечеръ, и весь этотъ шумъ и рукоплесканье тотчасъ прекращается; прошелъ праздникъ, и (участвовавшіе въ немъ), какъ будто повеселившись во снѣ, остаются безъ всякаго удовольствія; станутъ они искать радости, которую по-

[1]) Это дѣлалось во время языческихъ праздниковъ, на-прим. въ честь Минервы въ Аѳинахъ.

лучили или отъ вѣнца, или отъ свѣтлой одежды и отъ всякой другой пышности, и не могутъ найти, потому что все это пробѣжало мимо ихъ быстрѣе вѣтра. Но жизнь небесная совсѣмъ не такова: не требуя издержекъ, она приноситъ намъ великую и вѣрную пользу. Ведущему такую жизнь рукоплещутъ постоянно, не люди нетрезвые, но сонмъ Ангеловъ. Что говорю: сонмъ Ангеловъ? Самъ Владыка Ангеловъ похвалитъ и прославитъ его. А кого хвалитъ Богъ, тотъ не одинъ, не два и не три дня, но вѣчно торжествуетъ съ вѣнцомъ на главѣ, и глава его никогда не лишится этой славы. Время этого торжества не ограничено опредѣленными днями, но продолжится въ безконечность будущаго вѣка. Бѣдность никогда не будетъ препятствіемъ къ этому (духовному) служенію, напротивъ и бѣдному можно совершить его, и еще болѣе всѣхъ бѣдному, какъ свободному отъ всякаго блеска житейскаго; потому что нужны здѣсь, не денежныя издержки и не богатство, но чистая душа и умъ трезвенный. Изъ этихъ (качествъ) ткутся для души одежды, приличныя той (духовной) жизни, и сплетается вѣнецъ; такъ что, если душа не будетъ украшена добродѣтелями, то и множество золота не принесетъ ей никакой пользы: напротивъ, и бѣдность нисколько не повредитъ ей, если будетъ у ней богатство внутреннее. Это служеніе пусть совершаютъ не только сыновья, но и дочери наши:

совершать это служеніе повелѣно не однимъ мущинамъ, какъ это бываетъ въ мірскихъ дѣлахъ; нѣтъ, на это зрѣлище принимаются и жены, и старцы, и юноши, и рабы, и свободные. Ибо, гдѣ показывается душа, тамъ не можетъ препятствовать ни полъ, ни возрастъ, ни житейское отличіе, и ничто другое. Поэтому прошу всѣхъ васъ посвящать на это служеніе сыновей и дочерей своихъ съ самаго ранняго возраста, и заготовлять для нихъ богатство, свойственное этой жизни, не закапывая въ землю золото и не собирая серебро, но-слагая въ душѣ ихъ кротость, цѣломудріе, степенность и всѣ другія добродѣтели. Такой-то издержки требуетъ это служеніе. Итакъ если это богатство мы соберемъ и для себя, и для дѣтей, то и въ настоящей жизни насладимся великимъ счастіемъ, и въ будущей услышимъ тотъ блаженный гласъ, которымъ Христосъ прославляетъ всѣхъ исповѣдавшихъ Его. А исповѣданіе бываетъ не только вѣрою, но и дѣлами, такъ что, если нѣтъ и этого (исповѣданія дѣлами), мы находимся въ опасности — быть наказанными на-равнѣ съ отвергшимися (Господа). И способъ отреченія не одинъ, но многіе и различные, которые и описываетъ намъ Павелъ въ слѣдующихъ словахъ: *Бога исповѣдаютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его* (Тит. 1, 16); и въ другомъ мѣстѣ: *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть*

и невѣрнаго горшій есть (1 Тим. 5, 8). И еще: *умертвите лихоиманіе, еже есть идолослуженіе* (Кол. 3, 5). Если-же есть столько способовъ отреченія, очевидно, что столько-же, и еще больше, есть и способовъ исповѣданія, которыми всѣми постараемся исповѣдать (Бога), дабы и намъ получить небесную честь, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

4 БЕСѢДА,

объ Аннѣ IV [1]).

1. Не знаю, что̀ мнѣ говорить сегодня. Видя, что собранія церковныя уменьшаются, Пророки оскорбляются, Апостолы презираются, Отцы

[1]) Надписывается: «къ тѣмъ, которые оставляютъ священныя собранія и уходятъ на зрѣлища; также о томъ, что быть въ Церкви не только полезнѣе, чѣмъ быть на зрѣлищахъ, но и пріятнѣе; на второе реченіе молитвы Анны, и о томъ, что должно молиться непрестанно и во всякомъ мѣстѣ, будемъ ли мы на площади, или на пути, или на ложѣ».

пренебрегаются, а чрезъ рабовъ оскорбленіе переходитъ и на Господа, хотѣлъ-бы я сказать обличеніе, но не вижу здѣсь тѣхъ, которые должны-бы выслушать обличеніе, а (вижу) только васъ, для которыхъ такое внушеніе и увѣщаніе не нужно. Впрочемъ, и не смотря на это, молчать намъ не должно; потому-что такимъ образомъ [1]) мы и облегчимъ нѣсколько свое негодованіе на нихъ, извергая его во-внѣ словами, и ихъ заставимъ краснѣть и стыдиться, напустивъ на нихъ столько обличителей,—всѣхъ васъ, которые слушаете. Если-бы они пришли сюда, то выслушали-бы обличеніе только отъ насъ однихъ; а теперь, убѣгая отъ нашего обличенія, они услышатъ все это отъ васъ. Такъ дѣлаютъ и друзья: когда не найдутъ самихъ виновныхъ, то жалуются ихъ друзьямъ, чтобы эти пошли и передали имъ сказанное. Такъ сдѣлалъ и Богъ: оставивъ согрѣшившихъ противъ Него, онъ обращается съ жалобою къ невинному Іереміи, и говоритъ: *видѣлъ ли еси, что сотвори ми* безумная дщерь Іудова (Іер. 3, 6)? Поэтому и мы жалуемся вамъ на тѣхъ [2]), чтобы вы, ушедши отсюда, исправили ихъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ снести такое небреженіе? Однажды въ недѣлю собираемся мы сюда, и въ этотъ день не хотятъ они оставить житейскія попеченія! А

---

[1]) т. е., говоря обличеніе. [2]) т. е., на не пришедшихъ въ церковь.

начни кто выговаривать имъ, сей часъ ссылаются на бѣдность, на необходимое пропитаніе, на настоятельныя дѣла, выдумавъ себѣ оправданіе, которое хуже всякаго обвиненія. Ибо что можетъ быть хуже этого обвиненія, какъ когда, что-бы то ни было, другое кажется вамъ нужнѣе и необходимѣе дѣлъ Божіихъ? Такъ, еслибы эта отговорка была и справедлива, и тогда ихъ оправданіе служило-бы, какъ я сказалъ, къ ихъ обвиненію. Но чтобы убѣдились вы, что это только одна отговорка, предлогъ, и прикрытіе лѣности, такъ, и безъ моихъ словъ, обличитъ представляющихъ такія извиненія послѣзавтрешній день, когда весь городъ переселится въ циркъ, когда и домы и площади опустѣютъ изъ-за преступнаго зрѣлища. Здѣсь, видите, и главная часть храма не наполнена (народомъ), а тамъ занимаютъ не только циркъ, но и горницы, и самыя комнаты, и кровли, и верхи домовъ, и множество другихъ возвышенныхъ мѣстъ. Ни бѣдность, ни недосугъ, ни слабость тѣлесная, ни боль въ ногахъ, и ничто подобное не удерживаетъ необузданной этой страсти. Старики бѣгутъ туда быстрѣе цвѣтущихъ юношей, и — стыдятъ свои сѣдины, опозориваютъ возрастъ, подвергаютъ осмѣянію самую старость. Какъ придутъ они сюда, то, какъ-бы чувствуя тошноту, жалуются на безпокойство и тяготятся слушаніемъ слова Божія, ссылаясь на тѣсноту, жаръ и тому подобное: а тамъ, и стоя на солнцѣ съ

открытою головою, и не смотря на то, что ихъ попираютъ ногами, толкаютъ, наносятъ имъ сильные удары и другія безчисленныя непріятности, они бываютъ веселы, какъ-бы на лугу! Оттого-то у насъ города и развратились, что худы наставники юношества. Ибо какъ можешь ты образумить безпорядочнаго и развратнаго юношу, когда самъ, въ старости, поступаешь такъ легкомысленно; когда самъ, послѣ столь долгаго времени, не насытился еще этимъ отвратительнѣйшимъ зрѣлищемъ? Какъ можешь привести въ порядокъ сына, какъ наказывать провинившагося раба, какъ вразумить другаго, небрегущаго о своихъ обязанностяхъ, когда самъ ты въ глубокой старости ведешь себя такъ неблагопристойно? Когда юноша оскорбитъ старика, этотъ сейчасъ указываетъ на свой возрастъ, и безчисленное множество (другихъ стариковъ) раздѣляетъ съ нимъ негодованіе: а когда надобно вразумлять юношу и быть для него образцомъ добродѣтели, тогда у нихъ (стариковъ) нѣтъ и помину о лѣтахъ; напротивъ они неистовѣе даже юношей стремятся къ преступному зрѣлищу.

2. Говорю это, и касаюсь стариковъ, не съ тѣмъ, чтобы освободить юношей отъ обличенія и укора, но чтобы чрезъ тѣхъ предостеречь этихъ. Ибо, если старику не должно (дѣлать этого), тѣмъ болѣе юношѣ. И для того (старика) великъ позоръ и большой стыдъ: а для этого (юноши) тѣмъ болѣе ужасная гибель и глубокая

пропасть, чѣмъ живѣе въ юношахъ вожделѣнія, чѣмъ сильнѣе въ нихъ пламень, который, лишь только получитъ хоть немного вещества отвнѣ, зажигаетъ все. Подлинно, юноша весьма легко предается похоти и вожделѣніямъ: потому и имѣетъ нужду въ бо́льшемъ надзорѣ, въ крѣпчайшей造 уздѣ, въ надежнѣйшемъ огражденіи и предостереженіи. Не говори мнѣ, человѣкъ, что зрѣлище доставляетъ удовольствіе; а лучше вразуми меня, не приноситъ ли оно, вмѣстѣ съ удовольствіемъ, и вреда. И что говорю: вреда? Оно не доставляетъ даже и удовольствія, какъ можешь видѣть ясно изъ слѣдующаго. Возвращаясь изъ того цирка, встрѣться съ выходящими изъ церкви, и разузнай обстоятельно, кто получилъ больше удовольствія: тотъ ли, кто послушалъ Пророковъ, принялъ благословеніе (отъ священно-служителя), насладился поученіемъ, помолился Богу о своихъ прегрѣшеніяхъ, облегчилъ совѣсть и не сознаетъ за собою ничего преступнаго; или ты, который оставилъ матерь [1]), презрѣлъ Пророковъ, оскорбилъ Бога, ликовалъ съ діаволомъ, слушалъ богохульниковъ и ругателей, потратилъ время по-пусту и напрасно, и не принесъ оттуда домой никакой пользы—ни тѣлесной, ни духовной? Стало быть, и для удовольствія лучше приходить сюда: ибо тамъ (въ театрѣ) тотчасъ осужденіе, обличеніе совѣсти,

---

[1]) т. е., Церковь Божію.

раскаяніе о сдѣланномъ, стыдъ и позоръ такой, что не смѣешь и глазъ поднять; а здѣсь (въ Церкви) все напротивъ: смѣлость, свобода рѣчи и безбоязненный со всѣми разговоръ обо всемъ, что здѣсь слышали. Итакъ, когда выйдешь на площадь и увидишь, что всѣ бѣгутъ на то зрѣлище, ты бѣги тотчасъ въ церковь и, пробывъ въ ней немного времени, услаждайся на долго словомъ Божіимъ. Ибо, если ты въ-слѣдъ за толпою уйдешь туда (въ циркъ), то, повеселившись немного, будешь скорбѣть во весь тотъ день, и въ слѣдующій за нимъ, и въ многіе другіе, осуждая себя (за свой проступокъ): а если воздержишься немного, то будешь веселъ во весь день. Такъ обыкновенно бываетъ не только въ этомъ дѣлѣ, но и во всѣхъ другихъ. Порокъ доставляетъ кратковременное удовольствіе и продолжительную скорбь,-а добродѣтель-кратковременный трудъ и продолжительную пользу, и-вмѣстѣ удовольствіе. Напримѣръ, помолился кто Богу, поплакалъ и поскорбѣлъ нѣсколько времени на молитвѣ; другой забавлялся цѣлый день, потомъ подалъ милостыню, попостился, сдѣлалъ какое-либо другое доброе дѣло, или, будучи обруганъ, не отплатилъ ругательствомъ? такой, удержавшись и обуздавъ свою страсть на одно мгновеніе времени, веселится и радуется непрестанно, воспоминая о добрыхъ дѣлахъ своихъ. А съ порокомъ-совсѣмъ иначе: выбранилъ кто (другаго), отплатилъ (другому) бранью? За тѣмъ,

пришедши домой, снѣдаетъ самъ себя, размышляя о словахъ своихъ, которыя не-разъ причиняли великій вредъ. Итакъ, если ищешь удовольствія, то *похотей юныхъ бѣгай* (2 Тим. 2, 22), сохраняй цѣломудріе, и слушай внимательно слово Божіе. Говоримъ вамъ это для того, чтобы вы, пересказывая объ этомъ имъ [1]) и постоянно оглашая ихъ этими словами, отвлекали ихъ отъ всякой дурной привычки, и убѣждали все дѣлать съ надлежащимъ разсужденіемъ: потому-что у такихъ людей, которые увлекаются просто и безъ разсужденія, и самаго усердія (къ добру) нельзя назвать похвальнымъ. Это объясню я наступающимъ собраніемъ. Когда будемъ мы праздновать святую пятьдесятницу, стечется такое множество народа, что здѣсь будетъ у насъ крайняя тѣснота: я однакожъ не похвалю такаго стеченія, потому-что это будетъ дѣломъ привычки, а не благочестія. Итакъ, что можетъ быть жалче этихъ людей, когда и нерадѣніе ихъ такъ преступно, и кажущееся усердіе не заслуживаетъ похвалы? Конечно, кто участвуетъ въ этомъ божественномъ собраніи по любви и здравому разсужденію, тотъ долженъ дѣлать это непрестанно, а не (приходить только) вмѣстѣ съ тѣми, которые являются сюда только въ праздникъ, потомъ опять уходить, увлекаясь подобно овцамъ безъ разсужденія.

---

[1]) тѣмъ, т. е, которые не пришли въ церковь.

3. Это вступленіе слова могъ-бы я распространить и болѣе, но какъ знаю хорошо, что вы и безъ моего убѣжденія сдѣлаете, что вамъ слѣдуетъ, и скажете имъ даже больше сказаннаго мною, то, чтобы не наскучить вамъ направленными противъ нихъ обличеніями, я, предоставивъ все остальное вамъ, возмусь за обычное наставленіе и обращу слово къ исторіи Анны. Не удивляйтесь, что я еще не оставилъ этого предмета: не могу выбросить этой жены изъ ума моего,—такъ удивляюсь благолѣпію ея души и красотѣ сердца. Люблю глаза, слезящія во время молитвы и постоянно бодрствующія; (люблю) губы и уста, не раскрашенныя какими нибудь притираньями, но красующіяся благодарностію къ Богу, каковы и были у ней (Анны). Удивляюсь ей за то, что она показала терпѣніе, а еще больше удивляюсь потому, что показала терпѣніе, будучи женщиною,—женщиною, которую многіе часто порицали. *Отъ жены*, говоритъ одинъ, *начало грѣха, и тою умираемъ вси* (Сир. 25, 27); и опять: *мала есть всяка злоба противу злобѣ женстѣй* (ст. 21); и Павелъ: *Адамъ не прельстися: жена же прельстившися, въ преступленіи бысть* (1 Тим. 2, 14). Поэтому особенно и удивляюсь ей, что она отклонила эти обвиненія, что устранила осужденіе, что, принадлежа къ обвиняемому и упрекаемому полу, опровергла всѣ эти упреки, научая дѣлами своими, что и тѣ (жены) стали таковы (злы) не

по природѣ, а по своему произволу и нерадѣнію, что, и принадлежа къ этому полу, можно достигнуть высокой добродѣтели. Это животное (женщина), въ самомъ дѣлѣ, настойчиво и рѣшительно: если уклонится ко злу, то совершаетъ великія злодѣянія; а если примется за добродѣтель, такъ скорѣе отдастъ жизнь свою, нежели отстанетъ отъ своего намѣренія. Такъ и эта (Анна) одолѣла природу, побѣдила необходимость, и усердіемъ къ молитвѣ сдѣлала то, что изъ безплодной утробы произрастила дитя. Поэтому она, и получивъ (сына), опять прибѣгла къ молитвѣ, и говоритъ: *утвердися сердце мое въ Господѣ, вознесеся рогъ мой въ Бозѣ моемъ* (1 Цар. 2, 4). Что значитъ *утвердися сердце мое въ Господѣ*, объ этомъ, какъ извѣстно вамъ, я прежде уже сказалъ любви вашей [1]): а теперь нужно обьяснить дальнѣйшія слова.

4. Сказавъ: *утвердися сердце мое въ Господѣ*, она присовокупила: *вознесеся рогъ мой въ Бозѣ моемъ*. Что значитъ: *рогъ мой!* Это выраженіе часто употребляется въ священномъ Писаніи, напр. когда говорится: *вознесеся рогъ его* (Пс. 74, 10), и *вознесетъ рогъ Христа своего* (1 Цар. 2, 10). Чтоже означаетъ *рогъ?* (означаетъ) силу, славу, знаменитость, и заимствованъ метофорически отъ безсловесныхъ живот-

1) Бесѣда, въ которой св. Златоустъ изъяснилъ эти слова, и которая была четвертая въ ряду бесѣдъ объ Аннѣ, до насъ не дошла.

ныхъ; имъ, вмѣсто славы и оружія, Богъ даровалъ только рога; потерявъ рога, они теряютъ очень много своей силы; какъ воиномъ безоружнымъ, такъ и воломъ безрогимъ, легко овладѣть можно. Значитъ, жена сказала тѣмъ не что иное, какъ: *вознесеся слава моя.* Какъ же *вознесеся? въ Бозѣ моемъ,* говоритъ. Потому и безопасна эта высота, что имѣетъ твердое и непоколебимое основаніе! Слава отъ людей такъ же ненадежна, какъ сами прославляющіе; оттого и упадаетъ скоро. А слава, даруемая Богомъ, не такова; она пребываетъ непоколебимою на-всегда. Пророкъ, изображая то и другое, ненадежность первой (славы) и постоянство послѣдней, сказалъ такъ: *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣча, яко цвѣтъ травный. Изсше трава, и цвѣтъ отпаде.* Но о славѣ Божіей не то говоритъ, а что? *Глаголъ же Бога нашего пребываетъ во вѣки* (Ис. 40, 6. 7. 8). Это видно и изъ примѣра этой жены. Цари, полководцы и властители, употребившіе иногда многія усилія, чтобы увѣковѣчить память свою, построившіе великолѣпныя гробницы, воздвигнувшіе во многихъ мѣстахъ статуи и множество изображеній, и оставившіе по себѣ безчисленные памятники дѣяній своихъ, забыты и неизвѣстны никому даже и по имени; а эта жена прославляется теперь во всей вселенной. Пойдешь ли въ Скиѳію, въ Египетъ, въ Индію и даже на концы вселенной, услышишь, какъ

всѣ прославляютъ добродѣтель этой жены; слава Анны обнимаетъ всю землю, гдѣ только свѣтитъ солнце. И удивительно не только то, что она прославляется во всей вселенной, но и то, что, по истеченіи столь долгаго времени, слава ея не только не померкла, но болѣе и болѣе возрастаетъ и увеличивается; ея любомудріе, великодушіе и терпѣніе всѣ знаютъ, и въ городахъ и въ селахъ, и въ домахъ и въ воинскихъ станахъ, и на корабляхъ, и въ мастерскихъ; словомъ, вездѣ можно слышать похвалы этой женѣ. Когда Богъ захочетъ кого прославить, тогда слава эта, не смотря ни на приключившуюся смерть, ни на множество лѣтъ, и ни на что другое, остается навсегда цвѣтущею, и блеска ея никто не въ состояніи помрачить. Посему-то и Анна, желая научить всѣхъ слушателей, что надобно прибѣгать не къ временному, но къ Тому, отъ кого исходятъ къ намъ блага вѣрныя и неизмѣнныя, указала на виновника своей славы. Ибо сказавъ: *утвердися сердце мое въ Господѣ*, присовокупила: *вознесеся рогъ мой въ Бозѣ моемъ*, и здѣсь указала намъ на двоякаго рода блага, которыя рѣдко бываютъ вмѣстѣ. Я, говоритъ, и избавилась отъ волненія, и освободилась отъ безчестія, и достигла безопасности, и снискала славу. А то и другое рѣдко бываютъ вмѣстѣ. Многіе свободны отъ опасностей, но не имѣютъ славы; другіе достигаютъ славы и извѣстности, но должны для этой

славы подвергаться опасностямъ. Напр. часто случалось, что многіе прелюбодѣи, отравители, раскапыватели могилъ, и другіе сего-же рода преступники, бывъ заключены въ темницу, потомъ выпускались оттуда по милосердію царя: такъ они избавлялись отъ наказанія, но не очищались отъ позора, напротивъ срамъ всюду слѣдуетъ за ними. Другіе, благородные воины, вели жизнь славную и знаменитую, съ презрѣніемъ опасностей вдавались въ сраженія, часто получали множество ранъ и наконецъ умирали преждевременною смертію: эти, пожелавъ славы, лишались безопасности.

5. Но съ этою женою случилось то и другое: она и достигла безопасности, и снискала славу. Такъ было и съ тремя отроками. Они и освободились отъ опасностей, избѣгши огня, и сдѣлались славными, побѣдивъ сверхъестественно силу этой стихіи. Таковы дѣйствія Бога: Онъ дастъ жизнь славную и вмѣстѣ безопасную! На то и на другое указывая, и Анна сказала: *утвердися сердце мое въ Господѣ, вознесеся рогъ мой въ Бозѣ моемъ.* Сказала не просто: *въ Бозѣ,* но: *въ Бозѣ моемъ,* — общаго Владыку вселенной усвояя себѣ. Это сдѣлала она не съ тѣмъ, чтобы умалить владычество Его, но чтобы показать и выразить свою любовь къ Нему. Таковъ обычай у любящихъ: они не хотятъ любить вмѣстѣ со многими другими, но желаютъ выражать свою любовь особеннымъ, исключи-

тельнымъ образомъ. Такъ дѣлаетъ и Давидъ, когда говоритъ: *Боже, Боже мой, къ Тебѣ утренюю* (Пс. 62, 1). Сказавъ о всеобщемъ Его владычествѣ, онъ сказалъ и объ особенномъ господствѣ надъ святыми. И въ другомъ мѣстѣ: *Боже, Боже мой, вонми ми, вскую оставилъ мя еси* (Пс. 21, 2); и еще: *речетъ Господеви: заступникъ мой еси* (Пс. 90, 2). Это—слова души пламенѣющей, согрѣтой и горящей любовію! Такъ поступила и эта жена. Впрочемъ, нисколько не удивительно, что такъ поступаютъ люди: но когда увидишь, что такъ поступаетъ и Богъ, тогда-то изумись. Въ самомъ дѣлѣ, какъ эти люди не называютъ Его (Богомъ) обще со многими другими, но хотятъ еще, чтобы Онъ былъ собственно ихъ Богомъ: такъ и Онъ называетъ себя, не только Богомъ ихъ обще со всѣми другими, но и собственно ихъ Богомъ. Поэтому Онъ говоритъ: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ и Богъ Іаковль* (Исх. 3, 6), не сокращая тѣмъ Свое владычество, но еще болѣе распространяя; потому что Его власть обнаруживается не столько въ многочисленности, сколько въ добродѣтели подвластныхъ; и не такъ пріятно Ему называться Богомъ неба, и земли, и моря и всего, что въ нихъ, какъ пріятно называться Богомъ Авраама, Исаака и Іакова. И чего не бываетъ у людей, то можно видѣть у Бога. Именно: у людей рабы называются по господамъ, и всѣ говорятъ обыкновенно такъ: такой-то повѣренный

того-то, такой-то домостроитель такого-то, военачальника или градоначальника; а никто не говоритъ: такой-то градоначальникъ такого-то повѣреннаго; нѣтъ, нисшихъ мы обыкновенно называемъ всегда по высшимъ. Но у Бога стало напротивъ: не только Авраамъ называется Божіимъ, но и Богъ — Авраамовымъ, Господь зовется по имени раба. Этому самому удивляясь, и Павелъ говоритъ: *тѣмже не стыдится Богъ, Богъ нарицатися ихъ* (Евр. 11, 16). Не стыдится, говоритъ, Господь называться по имени рабовъ своихъ. Для чего не стыдится? Скажи причину. Для того, чтобы и мы подражали. Но они, говоритъ, *страннія и пришельцы быша на земли* (ст. 13); а поэтому, кажется, и надобно стыдиться, потому что странникъ представляется человѣкомъ незначительнымъ и презрѣннымъ. Нѣтъ, святые были странниками не въ томъ смыслѣ, какъ мы думаемъ, а въ другомъ, особенномъ. Мы называемъ странниками людей, оставившихъ свое отечество и пришедшихъ въ чужую землю: но святые были не такіе странники; нѣтъ, презрѣвъ всю вселенную и признавъ землю ничтожною, они обращали взоръ къ небесному граду, не по гордости, но по великодушію, не по надменности, но по любомудрію. Какъ разсмотрѣли они все земное и увидѣли, что оно скоро проходитъ и гибнетъ, и что здѣсь ничто не твердо и не постоянно, ни богатство, ни власть, ни слава, ни самая жизнь, но все имѣетъ конецъ

и стремятся къ своему предѣлу, напротивъ небесное не таково, нескончаемо и вѣчно: такъ и пожелали быть странниками по отношенію къ скоротечному и преходящему, чтобы получить блага постоянныя. Итакъ они были странниками не потому, что не имѣли отечества, но потому, что стремились къ отечеству вѣчному. Сіе-то объясняя, и Павелъ говорилъ: *ибо таковая глаголющіи, являются, яко отечествія взыскуютъ* (ст. 14). Какого, скажи, отечества? Не прежняго-ли, которое они оставили? Нѣтъ, говоритъ: *аще бы убо о̀но помнили, изъ него-же изыдоша, имѣли бы время возвратитися: нынѣ же лучшаго желаютъ, сирѣчь небеснаго, его-же художникъ и Содѣтель Богъ. Тѣмже не стыдится Богъ, Богъ нарицатися ихъ* (ст. 10, 15 и 16).

6. Будемъ же и мы, прошу, подражать имъ, презримъ настоящее и пожелаемъ будущаго; возмемъ эту жену въ учительницы себѣ, и будемъ всегда прибѣгать къ Богу и у Него просить всего. Ничего нѣтъ равнаго молитвѣ: она и невозможное дѣлаетъ возможнымъ, трудное — легкимъ, неудобное — удобнымъ. Ее совершалъ и блаженный Давидъ, потому и говорилъ: *седмерицею днемъ хвалихъ тя о судьбахъ правды твоея* (Псал. 118. 164). Если же Царь, обремененный безчисленными заботами и развлекаемый со всѣхъ сторонъ, столько разъ въ день молился Богу: то какое оправданіе или прощеніе можемъ получить мы, которые имѣемъ

столько празднаго времени, и не молимся Ему непрестанно, и притомъ тогда, какъ можемъ получить столь великую пользу? Ибо невозможно, невозможно, чтобы человѣкъ, молящійся съ должнымъ усердіемъ и призывающій Бога непрестанно, впалъ когда въ грѣхъ. А почему это, я скажу. Кто воспламенилъ свой умъ, возбудилъ душу, преселился на небо, и такимъ образомъ Господа назвалъ своимъ; кто, воспомнивъ о своихъ грѣхахъ, бесѣдуетъ съ Нимъ о прощеніи ихъ и молитъ Его быть милостивымъ и кроткимъ: тотъ, по самому упражненію въ такой бесѣдѣ, отлагаетъ всякое житейское попеченіе, окрыляется и становится выше страстей человѣческихъ. Врага ли увидитъ онъ послѣ молитвы? уже не будетъ смотрѣть на него, какъ на врага; красивую ли женщину? не соблазнится при видѣ ея, потому что пламень, возженный молитвою, еще остается внутри его и отгоняетъ всякую негодную мысль. Но поелику намъ, какъ людямъ, свойственно и впасть въ безпечность: то, какъ пройдетъ часъ другой и третій послѣ молитвы, и ты увидишь, что возбужденный въ тебѣ жаръ готовъ мало по малу охладѣть, бѣги тотчасъ опять на молитву и согрѣй охладѣвшую свою душу. И если будешь дѣлать это въ продолженіе всего дня, разогрѣвая частымъ повтореніемъ молитвъ самые промежутки между ними, то не дашь діаволу доступа и входа къ твоимъ мыслямъ. Какъ по-

ступаемъ мы, готовясь обѣдать и пить,-именно, когда увидимъ, что нагрѣтая вода остыла, то, ставимъ ее опять на очагъ, чтобы она поскорѣе нагрѣлась: такъ будемъ поступать и здѣсь; на молитву, какъ бы на горячія уголья, будемъ полагать уста свои, и такимъ образомъ опять воспламенять душу свою къ благоговѣнію. Станемъ также подражать домостроителямъ. И они, когда надобно строить (зданіе) изъ кирпича, по непрочности этаго матеріала, связываютъ эту постройку длинными бревнами, и кладутъ ихъ не на большемъ, а на маломъ, другъ отъ друга разстояніи, чтобы отъ частой кладки этихъ бревенъ связность кирпичей сдѣлать крѣпче. Это сдѣлай и ты; перелагай всѣ житейскія дѣла свои частыми молитвами, какъ бы связями изъ бревенъ, и такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ огради жизнь свою. Если будешь такъ поступать, то, хотя-бы подули безчисленные вѣтры, хотя бы напали искушенія, скорби, какія либо горькія мысли, или какое-бы то ни было несчастіе, не могутъ онѣ уронить этого дома, скрѣпленнаго такъ частыми молитвами.

7. Но какъ возможно, скажешь, человѣку свѣтскому, привязанному къ судилищу, молиться по три часа въ день и приходить въ церковь? Возможно, и весьма легко. Если-же и нельзя притти въ церковь, такъ можно и привязанному къ судилищу помолиться, стоя тамъ, предъ дверьми: потому что для этого не столь-

ко нужно слово, сколько мысль, не столько простертіе рукъ, сколько напряженіе души, не столько извѣстное положеніе тѣла, сколько расположеніе духа. И Анна была услышана не потому, чтобы испускала громкій и сильный голосъ, но потому, что крѣпко вопіяла внутренно, сердцемъ. *Гласъ ея не слышашеся*, говоритъ Писаніе (1 Цар. 1, 13); но Богъ услышалъ ее. Это часто дѣлали и многіе другіе [1]: тогда какъ начальникъ внутри (судилища) кричалъ, грозилъ, напрягался, бѣсновался, они, стоя предъ дверьми, оградивъ себя (крестнымъ знаменіемъ) и произнесши умомъ краткую молитву, входили (въ судилище), и измѣняли судію, укрощали его и изъ свирѣпаго дѣлали кроткимъ; и-ни мѣсто, ни время, ни молчаніе, не было для нихъ препятствіемъ къ такой молитвѣ. Такъ и ты сдѣлай: возстенай горько, вспомни о грѣхахъ своихъ, воззри на небо, скажи умомъ: *помилуй мя, Боже*, и-кончена молитва твоя. Кто сказалъ: *помилуй*, тотъ сдѣлалъ исповѣдь, и созналъ грѣхи свои, потому что желать помилованія свойственно согрѣшившимъ. Кто сказалъ: *помилуй мя*, тотъ получилъ отпущеніе грѣховъ; потому что помилованный не наказывается. Кто сказалъ: *помилуй мя*, тотъ получилъ царствіе небесное, потому что Богъ, кого помилуетъ, того

---

[1]) Можно думать, что св. Златоустъ разумѣетъ здѣсь христіанскихъ мучениковъ.

не только освобождаетъ отъ наказанія, но и удостоиваетъ будущихъ благъ. Не станемъ-же говорить въ свое оправданіе, что домъ молитвы не близко: благодать Духа насъ самихъ сдѣлала храмами Божіими, если только мы бдительны; стало быть (молиться) для насъ по-всему весьма легко. Наше Богослуженіе не таково, каково было прежнее — у Іудеевъ, имѣвшее въ себѣ много чувственнаго и требовавшее множества обрядовъ. Тамъ молящемуся надлежало и взойти въ храмъ, и купить горлицу, и принести дрова и огонь, и взять ножъ, и стать предъ жертвенникомъ, и исполнить множество другихъ постановленій: здѣсь-же (не нужно) ничего такого, но, гдѣ-бы ты ни былъ, вездѣ съ тобою и жертвенникъ, и ножъ, и жертва, потому-что ты самъ и жрецъ, и жертвенникъ, и жертва. Гдѣ бы ты ни былъ, вездѣ можешь поставить жертвенникъ, покажи только бодрую волю, и не помѣшаетъ тебѣ мѣсто, не воспрепятствуетъ и время; нѣтъ, хоть ты и не преклонишь колѣнъ, не станешь бить себя въ грудь, и не прострешь рукъ къ небу, а только покажешь горячую душу, такъ сдѣлаешь все (нужное для) молитвы. Можно и женѣ, сидя за прялкою или занимаясь тканьемъ, воззрѣть умомъ на небо и призвать Бога пламенно; можно и мужу, выходя на площадь, или идучи по-себѣ, совершать усердныя молитвы; другому, и сидя въ мастерской и сшивая кожи, (можно) возне-

сти душу къ Господу; можно слугѣ, и покупая, и поднимаясь вверхъ, и сходя внизъ, и занимаясь на кухнѣ, (когда нельзя пойти въ церковь), совершать искреннюю и усердную молитву. Богъ не гнушается мѣстомъ: Онъ требуетъ только одного пламеннаго сердца и цѣломудренной души. А чтобы увѣриться тебѣ, что (для молитвы) требуется не (извѣстное) положеніе тѣла, мѣсто или время, но мысль доблестная и добрая, (послушай, какъ) Павелъ, лежа въ темницѣ распростертый, а не стоя прямо, (потому-что не позволяла ему этого колода, въ которую забиты были ноги его), какъ онъ, помолившись съ усердіемъ, лежа, потрясъ темницу и поколебалъ ея основаніе, устрашилъ темничнаго стража и затѣмъ привелъ его къ святому таинству. Опять Езекія, не стоя прямо, и не преклонивъ колѣна, но лежа на постелѣ (по причинѣ болѣзни, и обратившись къ стѣнѣ, какъ съ жаромъ и цѣломудренной душею призвалъ Бога, такъ и отмѣнилъ произнесенный уже приговоръ, и привлекъ къ себѣ великое благоволеніе (Божіе), и получилъ прежнее здоровье. И это случалось не только съ святыми и великими мужами, но и съ порочными. Такъ разбойникъ, и не стоя въ домѣ молитвы, ни преклонивъ колѣна, но распростертъ будучи на крестѣ, немногими словами пріобрѣлъ царствіе небесное. Иной въ тинѣ и во рвѣ, другой во рвѣ и со звѣрями, иной даже въ чревѣ китовомъ, призвавъ Бога,

прекращалъ всѣ бѣдственныя обстоятельства, и привлекалъ къ себѣ вышнее благоволеніе. Говорю это, чтобы убѣдить васъ чаще приходить въ церковь, и дома молиться въ тишинѣ, въ свободное время и преклоняя колѣна, и воздѣвая руки. Если-же въ какое либо время или въ какомъ либо мѣстѣ будете находиться среди множества другихъ людей: и тогда не надобно оставлять обычныхъ молитвъ, но такимъ-же образомъ, какъ я сказалъ любви вашей, молитесь и призывайте Бога, въ надеждѣ получить не меньшую пользу и отъ такой молитвы. Это я сказалъ не для того, чтобы вы мнѣ рукоплескали и удивлялись, но чтобы исполнили то на дѣлѣ, занимая и время ночи и дня, и время работы молитвами и моленіями. Если мы такъ устроимъ себя, то и настоящую жизнь проведемъ въ спокойствіи, и получимъ царствіе небесное, котораго да удостоимся всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ Отцу, со святымъ Духомъ, слава, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

5 БЕСѢДА,

ОБЪ АННѢ V [1]).

1. Напрасно, кажется, увѣщавали мы бывшихъ у насъ въ предшедшее собраніе-(постоянно) пребывать въ домѣ отеческомъ [2]), а не приходить (сюда) съ тѣми, которые являются къ намъ только въ праздникъ, и опять уходить. А вѣрнѣе сказать, не напрасно: потому-что, если

---

[1]) Надписывается: «противъ тѣхъ, которые приходятъ въ церковь только въ праздники, и о томъ, что такое праздникъ; противъ ропщущихъ на промыслъ Божій за то, что въ жизни есть богатые и бѣдные; также о томъ, что бѣдность весьма полезна и доставляетъ во всемъ больше удовольствія и безопасности, чѣмъ богатство; и объ Аннѣ». [2]) т. е. въ церкви Божіей. Св. проповѣдникъ указываетъ здѣсь на бесѣду, говоренную имъ въ день Пятидесятницы,—въ которой онъ увѣщавалъ слушателей ходить въ церковь всегда, а не въ праздники только. До насъ дошли только двѣ бесѣды св. Златоуста на Пятьдесятницу. См. Opp. Chrysost. edit. Montf. tom. 2. pars. II. Paris. 1838. Одна изъ сихъ бесѣдъ, начинающаяся: Παλιν εορτη, και παλιν πανηγυρις... во вступленіи, дѣйствительно, изъясняетъ ту мысль, что въ церковь ходить должно, не по праздникамъ только, а всегда: но въ ней нѣтъ ни слова о блудномъ сынѣ и его бѣдствіяхъ, которыя св. Златоустъ, какъ замѣчаетъ онъ въ началѣ 5 бесѣды объ Аннѣ, описалъ въ упоминаемой имъ здѣсь бесѣдѣ на Пятьдесятницу; значитъ, эта послѣдняя бесѣда до насъ не дошла.

и никто изъ нихъ не убѣдился нашими словами, за то намъ уготована награда, и все сдѣлано для нашего оправданія предъ Богомъ. Поэтому проповѣдникъ, слушаетъ-ли кто его, или нѣтъ, долженъ бросать сѣмена и отдавать, (въ ростъ) серебро, чтобы Богъ требовалъ отчета уже не отъ него, а отъ мѣновщиковъ, (взявшихъ то серебро). Такъ и мы сдѣлали: обличили, упрекнули, попросили, внушили. Мы напомнили о сынѣ, расточившемъ имѣніе и возвратившемся въ домъ отеческій, описали притомъ и всѣ бѣдствія его, голодъ, стыдъ безчестіе, и все, что перенесъ онъ на чужой сторонѣ, — дабы этимъ примѣромъ сдѣлать ихъ благоразумнѣе. Не остановили мы слова и на этомъ, но еще явили имъ отеческую любовь, тѣмъ, что не подвергли ихъ наказанію за нерадѣніе, а приняли съ распростертыми объятіями и простили имъ согрѣшенія, отворили домъ, предложили трапезу, облекли ихъ одеждою ученія, и всякое другое оказали имъ угожденіе. Но они не захотѣли подражать тому сыну, не пожалѣли о прежнемъ своемъ уклоненіи (отъ церкви), не остались въ домѣ отеческомъ, но опять ушли. Такъ вамъ, вамъ, которые всегда съ нами, слѣдовало-бы опять привести ихъ сюда и убѣдить - праздновать съ нами въ каждое собраніе. Ибо, хоть Пятьдесятница и прошла, но праздникъ не прошелъ; потому-что (здѣсь) всякое собраніе праздникъ. Откуда это видно? Изъ словъ самаго

Інсуса Христа: *идѣже бо еста два или тріе*, говоритъ Онъ, *собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. 18, 20). А когда Христосъ находится посреди собравшихся, тогда какое нужно тебѣ еще бо́льшее доказательство на то, что это-праздникъ? Гдѣ поученіе и молитвы, гдѣ благословенія отцевъ и слушаніе божественныхъ заповѣдей, гдѣ собраніе братій и союзъ искренней любви, гдѣ бесѣда съ Богомъ и бесѣда Бога съ человѣками; тамъ какъ не быть празднику и торжеству? Праздники дѣлаетъ, обыкновенно, не многочисленность, но добродѣтель собирающихся, не драгоцѣнность одеждъ, но красота благочестія, не обиліе трапезы, но заботливость души. Величайшій праздникъ-добрая совѣсть. И какъ во время мірскихъ праздниковъ, кто не можетъ ни одѣться въ свѣтлую одежду, ни вкусить болѣе обильную трапезу, но живетъ въ бѣдности, въ голодѣ и въ крайнихъ бѣдствіяхъ, тотъ не чувствуетъ праздничнаго времени, хотя и видитъ весь городъ въ ликованіи, но тѣмъ болѣе скорбитъ и сокрушается, чѣмъ болѣе видитъ другихъ въ удовольствіи, а себя въ бѣдности; и какъ напротивъ богачъ, живущій въ веселіи, могущій каждый день перемѣнять одежды, и наслаждающійся великимъ благоденствіемъ, считаетъ праздникомъ и то время, когда нѣтъ праздника: такъ и въ дѣлахъ духовныхъ. Кто живетъ въ правдѣ и добродѣтели, тотъ, и безъ праздника, праздну-

етъ, получая чистое удовольствіе отъ своей совѣсти: а кто живетъ въ грѣхахъ и въ порокѣ, и сознаетъ за собою много злаго, тотъ, и въ праздникъ, менѣе всѣхъ празднуетъ.

2. Стало быть, можно намъ, если захотимъ, праздновать каждый день, если т. е. будемъ пещись о добродѣтели и очищать совѣсть свою. Ибо чѣмъ предшедшее собраніе лучше настоящаго? Не шумомъ-ли только и смятеніемъ, а больше ничѣмъ? Ибо, если и сегодня тоже—и причастіе святыхъ таинъ, и общеніе въ другихъ духовныхъ благахъ, какъ-то: въ молитвѣ, въ слушаніи, въ благословеніяхъ, въ любви и во всемъ прочемъ: то настоящій день отнюдь не меньше прошедшаго, ни для васъ, ни для меня, говорящаго. Кто слушалъ насъ тогда, тѣ, будутъ слушать и теперь; а кого нѣтъ здѣсь теперь, тѣхъ не было и тогда, хотя они, казалось, и были здѣсь тѣломъ; они не слушаютъ теперь, не слушали и тогда, и не только не слушали, но и безпокоили слушающихъ, производя шумъ и смятеніе. Значитъ, для меня и тогда, и теперь, одинаковое зрѣлище, одинаковое собраніе слушателей, и теперешнее нисколько не меньше прежняго. Даже, если уже сказать что и удивительное, это собраніе еще лучше того, потому-что (теперь) бесѣда (идетъ) безъ шума, поученіе безъ смятенія, а слушаніе съ бо́льшимъ разумѣніемъ, такъ какъ никакой шумъ не безпокоитъ нашего слуха. Говорю это не потому,

чтобы пренебрегалъ я многочисленностью собравшихся тогда, но для того, чтобы убѣдить васъ — не печалиться и не скорбѣть о малочисленности собравшихся сюда нынѣ. Не множество тѣлъ мы желаемъ видѣть въ церкви, но множество слушателей. Итакъ, послику одни и тѣже гости у насъ, какъ тогда, такъ и теперь, то я и сегодня съ тѣмъ-же усердіемъ предложу вамъ угощеніе, возвратившись къ предмету, который прерванъ былъ праздничнымъ временемъ [1]). Какъ въ Пятьдесятницу неблаговременно было, оставивъ говорить о дарованныхъ намъ въ это время благахъ, продолжать рѣчь о прежде-начатомъ предметѣ: такъ теперь, по прошествіи Пятидесятницы, прилично намъ опять взяться за продолженіе исторіи, излагать туже матерію объ Аннѣ. Не на то смотрѣть должно, много-ли сказано, и во много-ли дней, но на то, дошли-ли мы до конца этой матеріи. И нашедшіе сокровище, хоть возмутъ оттуда и тысячи денегъ, не отстаютъ однакожъ дотолѣ, пока не выберутъ всего: не то, чтобы получить много, но—чтобы ничего не оставить, вотъ это особенно утѣшаетъ ихъ. Еслиже пристрастные къ деньгамъ показываютъ такую заботливость о вещахъ тлѣнныхъ и преходящихъ; тѣмъ болѣе намъ должно такъ поступать съ божественными сокровищами, — не оставлять ихъ дотолѣ, пока

[1]) т. е., праздникомъ Пятидесятницы.

не извлечемъ всего, что только увидимъ. Что увидимъ, сказалъ я, потому-что извлечь все невозможно. Сила божественныхъ мыслей есть источникъ, постоянно текущій, никогда не оскудѣвающій и не истощающійся? Не полѣнимся-же: рѣчь у насъ не о вещахъ обыкновенныхъ, но о молитвѣ,—надеждѣ нашей; о молитвѣ, посредствомъ которой безплодная содѣлалась матерью, бездѣтная многочадною, печальная веселою; посредствомъ которой исправлено несовершенство природы, отверзлась заключенная утроба и все невозможное стало возможнымъ. Потому разсмотримъ все по немногу, — объяснимъ каждое рѣченіе, такъ чтобы и самое малое, сколько то возможно, не ускользнуло отъ насъ. Для этого-то цѣлыя двѣ бесѣды употребили мы только на двѣ рѣченія,-на первое, которое гласитъ: *утвердися сердце мое въ Господѣ*, и на второе, слѣдующее за тѣмъ: *вознесеся рогъ мой въ Бозѣ моемъ* (1 Цар. 2, 1).

3. Сегодня слѣдуетъ перейти къ третьему. Какое-же это? *Разширишася*, говоритъ (Анна), *уста моя на враги моя, возвеселихся о спасеніи твоемъ* (тамъ-же). Обратите вниманіе на точность выраженія. Не сказала: изощрились уста мои на враговъ моихъ; потому-что онѣ настроены были не къ брани и насмѣшкамъ, не къ безчестнымъ словамъ и осужденію, но къ увѣщанію и совѣту, къ исправленію и внушенію. Поэтому она не сказала: изощрился языкъ мой на враговъ

моихъ, но *разширишася* (уста). Я наслаждаюсь, говоритъ, свободою, могу говорить смѣло; нынѣ я избавилась отъ стыда, получила дерзновеніе. И здѣсь она не назвала по имени свою соперницу, но просто неопредѣленностію названія, какъ-бы личиною, прикрыла ту, которая причинила ей столько горестей. Не сказала, какъ говорятъ многія жены: посрамилъ ее Богъ, сокрушилъ и уничтожилъ эту негодную, гордую и надменную, но (сказала) просто: *разширишася уста моя на враги моя, возвеселихся о спасеніи твоемъ*. Смотри, какъ она соблюдаетъ одно правило въ продолженіе всей молитвы: какъ въ началѣ говорила: *утвердися сердце мое въ Господѣ, вознесеся рогъ мой въ Бозѣ моемъ, разширишася уста моя на враги моя*; такъ и здѣсь (говоритъ): *возвеселихся о спасеніи твоемъ*. Не просто: о спасеніи, но *о спасеніи твоемъ*. Не потому, говоритъ, радуюсь и восхищаюсь, что я спасена, но—что спасена Тобою. Таковы души святыхъ! Онѣ болѣе, нежели о дарахъ, радуются о Богѣ, давшемъ ихъ; потому что любятъ, не Его ради даровъ, но дары ради Его. Такъ слугамъ признательнымъ, такъ рабамъ благодарнымъ обычно—всему своему предпочитать господина. Такъ будемъ, прошу, располагаться и мы: согрѣшимъ ли, станемъ скорбѣть не о томъ, что наказываемся, но-что прогнѣвили Господа; сдѣлаемъ ли доброе дѣло, станемъ радоваться не ради царствія небеснаго, но о томъ, что угодили Ца-

рю небесному. У кого есть умъ, для того прогнѣвать Бога ужаснѣе всякой геенны, равно какъ и угодить Богу—вожделѣннѣе всякаго царствія. И не удивляйся, что должно имѣть такія чувствованія по отношенію къ Богу, когда многіе также поступаютъ и по отношенію къ людямъ. Такъ часто поступаемъ мы съ своими дѣтьми: если невольно сдѣлаемъ имъ какое либо зло, то мучимъ себя и наказываемъ; тоже дѣлаемъ и съ друзьями. Если-же оскорбить друзей или дѣтей для насъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ вытерпѣть наказаніе; тѣмъ болѣе должно питать такія чувствованія по отношенію къ Богу, неугодное Ему дѣло считать ужаснѣе всякой геенны. Таковъ былъ блаженный Павелъ; потому и говорилъ: *извѣстихся, яко ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. 8, 38. 39). И мы, когда ублажаемъ святыхъ мучениковъ, то ублажаемъ прежде за раны, а потомъ за награды, прежде за страданія, а потомъ за уготованные имъ вѣнцы; потому что награды отъ ранъ, а не раны отъ наградъ, получаютъ свое начало и основаніе. Такъ и блаженный Павелъ радовался прежде, не о благахъ, уготованныхъ (ему), но о скорбяхъ, постигшихъ его ради Христа, и восклицалъ: *радуюся во страданіяхъ моихъ о васъ*

(Колос. 1, 24); и въ другомъ мѣстѣ: *не точію-же, но и хвалимся въ скорбехъ* (Рим. 5, 3), и еще: *яко намъ даровася, еже о Христѣ, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати* (Филип. 1, 29, 30). И подлинно, удостоиться претерпѣть что либо ради Христа, величайшая благодать, вѣнецъ совершенный и награда, не меньшая будущаго воздаянія! Это знаютъ тѣ, которые умѣютъ искренно и пламенно любить Христа.

4. Такова была и эта жена (Анна): она имѣла горячее расположеніе и пламенную любовь къ Богу; поэтому и говорила: *возвеселихся о спасеніи твоемъ.* Не было у ней ничего общаго съ землею; нѣтъ, она презрѣла всякую человѣческую помощь, окрылялась благодатію Духа, носилась горѣ, во всемъ взирала на Бога, и у Него искала избавленія отъ постигшихъ ее бѣдъ. Знала она, вѣрно знала, что все человѣческое, каково бы оно ни было, подобно природѣ дающихъ (людей), и что, если мы хотимъ стать на крѣпкомъ якорѣ, то намъ нужна во всемъ помощь свыше. Поэтому она и прибѣгала во всемъ къ Богу, и, получивъ отъ Него благодать, радовалась болѣе о подателѣ, и съ благодарностію говорила: *нѣсть святъ, яко Господь, и нѣсть праведенъ, яко Богъ нашъ, и нѣсть святъ паче Тебе* (1 Цар. 2, 2). Не укоризненъ, говоритъ, судъ Его; свято и неложно опредѣленіе Его. Видишь, какъ мыслитъ признательная ду-

ша? Не сказала она про себя: что̀ сдѣлалъ онъ для меня великаго? Что̀ больше, чѣмъ другимъ? Что соперница получила давно и съ великимъ избыткомъ, то я (получила) послѣ долгаго времени, съ усиліемъ и слезами, съ прошеніемъ и моленіемъ, и съ великимъ трудомъ. Напротивъ, такъ какъ она была твердо увѣрена въ Божіемъ промыслѣ, то и не требуетъ отъ Господа отчета въ происходящемъ, какъ дѣлаютъ многіе изъ людей, ежедневно вызывая Бога на судъ. Когда увидятъ они одного богатымъ, а другаго бѣднымъ, то многое говорятъ противъ Его промысла. Что ты дѣлаешь, человѣкъ? И о подобномъ тебѣ рабѣ судить не позволилъ тебѣ Павелъ, говоря такъ: *тѣмже прежде времене ничтоже судите, дондеже пріидетъ Господь* (1 Кор. 4, 5); а ты влечешь на судъ Господа, требуешь отъ Него отчета въ дѣлахъ (Его), и не трепещешь, не страшишься? Какое же, скажи мнѣ, получишь ты прощеніе, какое оправданіе, когда каждый день и часъ видишь столько доказательствъ Его промысла, и изъ-за кажущагося неравенства въ раздѣленіи богатства и бѣдности осуждаешь, и при томъ несправедливо, порядокъ во вселенной? Еслибы ты захотѣлъ изслѣдовать и это съ должнымъ расположеніемъ и внимательною мыслію, то, когда-бы не было и никакого другаго доказательства Божія промысла, самое богатство и бѣдность доказали бы его весьма ясно. Ибо, уничтожь бѣдность,

и ты уничтожишь весь порядокъ въ жизни, и разстроишь жизнь нашу: тогда не будетъ ни корабельщика, ни кормчаго, ни земледѣльца, ни домостроителя, ни ткача, ни сапожника, ни плотника, ни кузнеца, ни кожевника, ни хлѣбопекаря, и никого изъ подобныхъ ремесленниковъ, а безъ нихъ у насъ все разстроится. Между тѣмъ теперь бѣдность, какъ-бы отличная какая учительница, сидя при каждомъ изъ нихъ, и противъ воли побуждаетъ ихъ къ дѣламъ. А если бы всѣ были богаты, то всѣ стали-бы жить въ праздности, и тогда бы все разстроилось и погибло.

5. Но кромѣ сказаннаго, легко заградить этимъ людямъ) уста и тѣмъ самымъ, что говорятъ они (противъ Божія промысла). Въ чемъ, скажи мнѣ, обвиняешь ты промыслъ Божій? Въ томъ, что одинъ имѣетъ больше денегъ, а другой меньше? А что если мы докажемъ, что самыми необходимыми вещами, гораздо болѣе важными, (чѣмъ богатство), и составляющими опору нашей жизни, всѣ люди обладаютъ по-ровну? признаешь ли тогда промыслъ Божій? По всей необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, если ты обращаешь въ доказательство небытія промысла то, что не всѣ по-ровну имѣютъ одну вещь, т. е. деньги: то, какъ откроется, что всѣ равно поль зуются, не одною вещію, и притомъ столь маловажною, но весьма многими и гораздо важнѣйшими, ты, очевидно, и по неволѣ принуж-

деиъ будешь этимъ признать промыслъ Божій. Такъ перейдемъ же словомъ къ тому, что поддерживаетъ нашу жизнь; изслѣдуемъ это съ точностію, и посмотримъ, имѣетъ ли въ этомъ богатый преимущество предъ бѣднымъ. Богачъ на-прим. имѣетъ ѳасійское (вино) и множество другихъ сего рода напитковъ, искусно составленныхъ и приготовленныхъ съ великою изысканностію: но источники водъ открыты для всѣхъ равно, и для богатыхъ, и для бѣдныхъ. Ты, можетъ быть, усмѣхнулся, слыша о такомъ равенствѣ? Узнай же, сколько вода лучше, необходимѣе и полезнѣе всякаго вина; и тогда перемѣнишь свое мнѣніе, и узнаешь истинное богатство бѣдныхъ. Если и уничтожить вино, отъ этого не будетъ ни кому большаго вреда, развѣ только больнымъ; но если кто заградитъ источники воды и уничтожитъ эту стихію, тотъ разрушитъ всю нашу жизнь и истребитъ всѣ искуства, мы не будемъ тогда въ состояніи прожить и двухъ дней, но тотчасъ всѣ умремъ смертію жалкою и самою мучительною. Итакъ, вещей необходимыхъ и составляющихъ опору нашей жизни, бѣдный имѣетъ не меньше, даже, если сказать нѣчто и удивительное, еще больше богатаго. Многіе богачи, какъ видѣть можно, по разстройству тѣла, происходящему у нихъ отъ роскоши, бо́льшею частію не могутъ пить воды: но бѣднякъ во всю жизнь свободно наслаждается этою влагою, прибѣгая къ источни-

камъ водъ какъ-бы къ источникамъ меда, и получая оттуда истинное и чистое удовольствіе. А что огонь? не необходимѣе ли онъ безчисленныхъ сокровищъ и всего богатства человѣческаго? но и это сокровище равно открыто для употребленія и богатому, и бѣдному. А польза, происходящая для тѣлъ нашихъ отъ воздуха, и свѣтъ солнечный, развѣ больше бываетъ для богатыхъ, а для бѣдныхъ меньше? и первые развѣ четырьмя, а послѣдніе только двумя глазами смотрятъ на него (свѣтъ)? Но этого нельзя сказать; потому-что и богатымъ, и бѣднымъ назначено наслаждаться этими вещами въ равной мѣрѣ, или лучше сказать, и здѣсь можно видѣть тѣмъ бо̀льшее преимущество бѣдныхъ предъ богатыми, чѣмъ живѣе у нихъ чувства, острѣе зрѣніе и совершеннѣе всѣ силы воспріемлющія. Потому они и получаютъ существеннѣйшее удовольствіе, и больше радости и наслажденія отъ разсматриванія природы.

6. Впрочемъ, не только въ этихъ стихіяхъ, но и во всемъ прочемъ, что доставляетъ намъ природа, можно видѣть равенство (бѣдныхъ съ богатыми), или лучше преимущество бѣдныхъ (предъ богатыми). Такъ, сонъ, который пріятнѣе и необходимѣе всѣхъ удовольствій и полезнѣе всякой пищи, бываетъ легче у бѣдныхъ, чѣмъ у богатыхъ, и не только легче, но и крѣпче. Эти послѣдніе отъ того, что много веселятся, ѣдятъ, когда нѣтъ алчбы, пьютъ, когда нѣтъ

жажды, и спятъ, когда не хочется спать, обыкновенно, ни въ чемъ не находятъ удовольствія: потому-что, не столько самое свойство вещей, сколько нужда ихъ употребленія, дѣлаетъ каждую изъ нихъ пріятною намъ. Не такъ пріятно пить сладкое и благовонное вино, какъ отрадно бываетъ пить воду, когда жаждемъ; не такъ (пріятно) ѣсть сладкіе пирожки, какъ ѣсть, когда алчемъ; не такъ (пріятно) спать на мягкой постели, какъ спать, когда клонитъ ко сну: все это бываетъ больше у бѣдныхъ, чѣмъ у богатыхъ. А что относится къ тѣлесному здоровью и вообще доброму положенію, не равно ли это принадлежитъ богатымъ и бѣднымъ? Можетъ ли кто сказать или доказать, что одни бѣдные бываютъ больны, а богатые всегда въ добромъ здоровьи? Напротивъ, можно видѣть, что бѣдные рѣдко подвергаются неизлечимымъ болѣзнямъ, а у богатыхъ разрастаются онѣ во всемъ тѣлѣ. Подагры и тягости въ головѣ, разслабленіе и неизлечимое разстройство нервовъ, злокачественныя и негодныя течи всякаго рода, обыкновенно, всего болѣе мучатъ этихъ людей, которые живутъ роскошно и пахнутъ ароматами, а не тѣхъ, которые трудятся, работаютъ и ежедневными трудами достаютъ себѣ необходимое пропитаніе. Поэтому всѣ живущіе въ роскоши несчастнѣе даже нищихъ; и этого не станутъ отвергать и сами роскошные. Часто богачъ, лежащій на мягкой постели, окруженный слугами

и служанками, и отъ всѣхъ принимающій множество услугъ, услышавъ, какъ бѣдный кричитъ на улицѣ и проситъ хлѣба, заплачетъ, застонетъ и пожелаетъ лучше быть такимъ-же, только бы здоровымъ, чѣмъ богатымъ и больнымъ.

7. И не только въ здоровьи, но и въ чадородіи, богатый также не имѣетъ никакого преимущества предъ бѣднымъ: напротивъ, одинаково и у этихъ и у тѣхъ бываетъ и много дѣтей, и ни одного, а лучше сказать, и здѣсь можно видѣть, что меньше у богатаго. Бѣднякъ, если и не будетъ отцомъ, не чувствуетъ большой скорби: а богачъ, чѣмъ болѣе умножается имущество, тѣмъ болѣе терзается бездѣтствомъ и ни въ чемъ не находитъ удовольствія отъ того, что не имѣетъ наслѣдника. Наслѣдство бѣднаго, если и умретъ онъ бездѣтнымъ, не возбуждая спора по своей маловажности, переходитъ къ его друзьямъ и родственникамъ: а наслѣдство богача, привлекая къ себѣ взоры всѣхъ, часто переходитъ въ руки враговъ покойнаго; и какъ онъ еще при жизни своей видитъ это на другихъ, то и ведетъ жизнь, ужаснѣйшую всякой смерти, ожидая, что и съ нимъ будетъ тоже самое. А смерть не равно ли (постигаетъ тѣхъ и другихъ)? Не умираютъ ли преждевременною смертію, какъ богатые, такъ и бѣдные? И по смерти не одинаково ли и у тѣхъ и у другихъ тѣло разрушается, обращается въ прахъ и пепелъ, и зараждаетъ въ себѣ червей? Но не оди-

наково, скажешь, погребеніе? Что жъ изъ этого пользы? когда ты надѣнешь на (умершаго) богача много драгоцѣнныхъ и позлащенныхъ одеждъ, то ничего другаго не доставишь ему, какъ только больше ненависти и осужденія, отворишь противъ покойнаго уста всѣхъ, навлечешь на него тысячу проклятій, и зажжешь сильнѣйшую брань за корыстолюбіе, потому что всѣ будутъ разрываться и задыхаться (отъ досады) и проклинать умершаго за то, что онъ, и послѣ смерти, не оставилъ безумной страсти къ деньгамъ. И зло не въ этомъ только, но и въ томъ еще, что (пышное погребеніе) открываетъ глаза грабителямъ, и такимъ образомъ, бо́льшее украшеніе (богатаго) становится поводомъ къ бо́льшему его безчестію. Тѣла бѣдняка никто не рѣшится обнажать; малоцѣнность одежды служитъ стражею тѣла его. А здѣсь (у гробовъ богачей) и запоры и ограды, и двери и стражи, и все напрасно и безъ пользы, потому что жадность къ деньгамъ побуждаетъ на все отваживаться привыкшихъ къ подобнымъ злодѣяніямъ. Стало быть, чѣмъ больше оказываютъ покойному почестей, тѣмъ больше наносятъ ему оскорбленія: кто получилъ небогатыя похороны, тотъ лежитъ съ честію, а погребенный великолѣпно обнажается и терпитъ безчестіе. Если-же и ничего такого не случится, и тогда онъ (богатый) не выиграетъ ничего, развѣ только доставитъ обильнѣйшую пищу

червю и произведетъ больше гнилости. Такъ это ли, скажи мнѣ, достойно ублажанія? И кто такъ жалокъ и несчастенъ, что изъ-за этого станетъ завидовать человѣку? Впрочемъ, если не только это, но и все прочее разберемъ подробно и изслѣдуемъ съ точностію, найдемъ, что бѣдные имѣютъ гораздо больше, чѣмъ богатые.

8. Разсматривая все это со вниманіемъ, пересказывая и всѣмъ другимъ, по словамъ Писанія: *даждь премудрому вину, и премудрѣйшій будетъ* (Притч. 9, 9), и постоянно помня, что и множество денегъ не доставляетъ богачамъ ничего больше, кромѣ заботъ и безпокойствъ, кромѣ страховъ и опасностей, будемъ думать, что мы имѣемъ отнюдь не меньше, чѣмъ богатые. Въ самомъ дѣлѣ, будемъ только бдительны, и мы будемъ имѣть гораздо больше, чѣмъ они, какъ въ вещахъ божественныхъ, такъ и во всемъ настоящемъ. Удовольствіе и безопасность, добрую славу и тѣлесное здоровье, любомудріе души и благія надежды, и нескорость на грѣхъ, найдешь больше у бѣдныхъ, чѣмъ у богатыхъ. Итакъ не станемъ роптать подобно рабамъ неблагодарнымъ, и обвинять Господа, но будемъ благодарить (Его) за все, и почитать зломъ только одно — грѣхъ, и добромъ—правду. Если будемъ имѣть такія чувствованія, то ни болѣзнь, ни бѣдность, ни безчестіе и никакое другое мнимое бѣдствіе, не постигнетъ насъ, но отъ всего получивъ чистое удовольствіе (въ настоя-

щей жизни), мы удостоимся и благъ будущихъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, со святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

6 БЕСѢДА [1]

НА ПРИТЧУ О ДОЛЖНИКѢ ДЕСЯТЬЮ ТЫСЯЧАМИ ТАЛАНТОВЪ, ВЗЫСКИВАВШЕМЪ СТО ДЕНАРІЕВЪ (Матѳ. 18, 23—35); И О ТОМЪ, ЧТО ЗЛОПАМЯТСТВО ХУЖЕ ВСЯКАГО ГРѢХА.

1. Какъ-будто возвратился я къ вамъ изъ дальняго пути, — такъ чувствую себя сегодня. Для любящихъ, когда имъ нельзя быть вмѣстѣ съ любимыми, нѣтъ никакой пользы отъ близости. Потому и мы, оставаясь дома, чувствовали себя ничѣмъ не лучше странниковъ, такъ какъ не могли въ прошедшее время бесѣдовать съ

---

[1]) Произнесена, какъ видно изъ 2 отдѣл. ея, въ томъ-же 387 г., въ которомъ, въ теченіе четыредесятницы, говорены были бесѣды по случаю низверженія статуй, и притомъ вскорѣ послѣ четыредесятницы; впрочемъ не прежде бесѣдъ объ Аннѣ, которыя, какъ замѣчено (Хр. Чт. 1849. Январ. 1-е примѣчаніе къ 1 бесѣд. объ Аннѣ), произнесены также послѣ бесѣдъ о статуяхъ. См. opera Chrysost. Edit. Montf. tom. III. monit. ad homil. in parabol. debitoris decem mill. talentorum etc.

вами. Но—простите: это молчаніе было не отъ лѣности, а отъ болѣзни. Теперь, вы радуетесь тому, что мы освободились отъ болѣзни; а я радуюсь, что снова наслаждаюсь вашею любовію. Для меня, и тогда, какъ я былъ боленъ, тягостнѣе самой болѣзни было то, что я не могъ участвовать въ этомъ любезномъ собраніи; и теперь, какъ оправился отъ болѣзни, вожделѣннѣе самаго здоровья то, что имѣю возможность наслаждаться вашею любовію. Не такъ горячка жжетъ, обыкновенно, тѣла одержимыхъ ею, какъ наши души — разлука съ любимыми; и какъ тѣ ищутъ чашъ, и стакановъ, и холодной воды, такъ эти лицъ любимыхъ: это хорошо знаютъ привыкшіе любить. Такъ вотъ, когда освободились мы отъ болѣзни, насытимся опять другъ другомъ, если только можно когда-нибудь насытиться; потому-что любовь не знаетъ насыщенія, но, постоянно наслаждаясь любимыми, болѣе и болѣе воспламеняется. Зная это, питомецъ любви, Павелъ сказалъ: *ни единому же ничимже должни бывайте, точію еже любите другъ друга* (Рим. 13, 8). Этотъ только долгъ всегда дается, и никогда не выплачивается: здѣсь постоянно быть въ долгу хорошо и достохвально. Въ разсужденіи денегъ, мы хвалимъ тѣхъ, кто ничего не долженъ, а въ отношеніи къ любви одобряемъ и почитаемъ всегдашнихъ должниковъ; и что тамъ служитъ признакомъ безсовѣстности, это здѣсь признакъ добросовѣстно-

сти — никогда, то-есть, не выплачивать долга любви.

2. Не поскучайте-же продолжительностію предначинаемой рѣчи: нѣкоей чудной пѣсни хочу научить васъ, взявъ не мертвую лиру въ руки, но, вмѣсто струнъ, натянувъ исторію Писанія и заповѣди Божіи. И какъ арфисты, взявъ пальцы учениковъ, тихонько прикладываютъ ихъ къ струнамъ, и пріучая ударять съ искуствомъ, выучиваютъ ихъ изъ мертвыхъ тоновъ и струнъ извлекать звукъ, нѣжнѣе и пріятнѣе всякаго голоса: такъ сдѣлаемъ и мы. Взявши, вмѣсто пальцовъ, умъ вашъ, и прикладывая его къ заповѣдямъ Божіимъ, попросимъ любовь вашу касаться ихъ съ умѣньемъ, чтобы этимъ увеселеніемъ восторгнуть вамъ не собраніе людей, но ликъ Ангеловъ. Не довольно того, чтобы только прослѣдить Божественныя слова; нѣтъ, требуется еще доказательство отъ дѣлъ. Какъ на арфѣ, конечно, ударяетъ по струнамъ игрокъ искусный, ударяетъ и неискусный, но одинъ наводитъ на слушателя скуку, другой увеселяетъ и восхищаетъ его; пальцы одинаковы и струны однѣ, да не одно искуство: такъ и въ отношеніи къ Божественному писанію,—многіе, конечно, узнаютъ Божіи слова, но не всѣ получаютъ пользу, не всѣ приносятъ плодъ; причина та, что они не углубляются въ сказанное, и безъ искуства касаются арфы. Ибо, что въ игрѣ на арфѣ искуство, то въ отношеніи къ Божіимъ

законамъ доказательство отъ дѣлъ. Вотъ мы уже ударяли по одной струнѣ во всю пятьдесятницу, читая вамъ законъ о клятвахъ и, — по милости Божіей, многія уста слушателей научились у насъ мелодіи этого закона, и, бросивъ дурную привычку, вмѣсто того, чтобы клясться Богомъ, всегда при каждомъ разговорѣ носятъ на языкѣ: *ей* и *ни*, и *повѣрь*; пусть будетъ нудить ихъ безчисленное множество дѣлъ, они не рѣшатся пойти дальше [1]).

3. А какъ для спасенія мало намъ соблюденія одной заповѣди: то вотъ сегодня мы поведемъ васъ и къ другой. Если еще и не всѣ исполнили прежній законъ (о клятвахъ), такъ съ теченіемъ времени отставшіе догонятъ упредившихъ. Я узналъ, что усердіе къ этому таково, что объ этой заповѣди, и дома, и за трапезой, бываетъ состязаніе у мужей съ женами, у рабовъ съ свободными; и блаженными назвалъ я тѣхъ, которые такимъ образомъ вкушаютъ пищу. Что можетъ быть святѣе той трапезы, отъ которой изгнано пьянство и объяденіе и всякая неумѣренность, и въ которую, вмѣсто того, введено дивное состязаніе о соблюденіи Божіихъ законовъ? (гдѣ) и мужъ смотритъ за женою, чтобы она не впала въ бездну клятвопреступленія,—а жена наблюдаетъ за мужемъ, и преступника ожидаетъ величайшее наказаніе; гдѣ и господинъ не стыдится слышать обличе-

[1]) Т. е. сказать какую нибудь клятву.

ніе отъ рабовъ, и самъ исправлять въ этомъ своихъ рабовъ? Не погрѣшитъ, кто назоветъ такой домъ церковію Божіей. Ибо, гдѣ столько цѣломудрія, что и во время пиршества помышляютъ о Божественныхъ законахъ, и всѣ присутствующіе другъ предъ другомъ ревнуютъ и состязуются объ этомъ, оттуда, явно, всякій демонъ и лукавая сила изгнаны, а присутствуетъ тамъ Христосъ, радуясь о святомъ соревнованіи своихъ рабовъ, обильно даруя имъ всякое благословеніе. Поэтому, оставивъ наконецъ ту заповѣдь (ибо знаю, что по милости Божіей, (исполненіе ея) распространится во всемъ городѣ; такъ какъ вы сдѣлали усердное начало и прочное основаніе), перейду къ другой—къ презрѣнію гнѣва. Какъ на арфѣ мало того, чтобы извлечь мелодію изъ одной струны, но должно пройти по всѣмъ струнамъ съ надлежащею стройностію: такъ и въ отношеніи къ душевной добродѣтели, недостаточно намъ для спасенія, какъ я сказалъ, одной заповѣди, но должно со тщаніемъ соблюдать ихъ всѣ,—если только хотимъ дѣлать такую мелодію, которая пріятнѣе и полезнѣе всякой гармоніи. Уста твои научились не клясться? Языкъ научился вездѣ говорить: *ей* и *ни?* Пусть онъ научится удерживаться и отъ всякой брани и прилагать еще бо́льшее стараніе объ этой заповѣди, потому-что здѣсь требуется отъ насъ и трудъ бо́льшій. Тамъ нужно было только одолѣть привычку, а въ от-

ношенія къ гнѣву нужно гораздо сильнѣйшее стараніе: потому-что это страсть сильная и часто даже внимательныхъ увлекаетъ и ввергаетъ въ самую бездну погибели. Итакъ вытерпите продолжительность слова. Странно было-бы намъ, получая ежедневно раны на площадяхъ, въ домахъ, отъ друзей, отъ сродниковъ, отъ враговъ, отъ сосѣдей, отъ слугъ, отъ жены, отъ сына, отъ своихъ собственныхъ помысловъ, и однажды во всю недѣлю не позаботиться объ уврачеваніи этихъ ранъ, особенно, когда знаемъ, что этотъ способъ врачеванія не требуетъ издержекъ и не причиняетъ боли. Не желѣзо держу я теперь въ рукѣ, но вмѣсто желѣза беру слово, которое острѣе всякаго желѣза и отсѣкаетъ всякую грѣховную гниль, а боли не причиняетъ тому, кого рѣжутъ. Нѣтъ у меня огня въ правой рукѣ, но есть ученіе, которое сильнѣе огня; не причиняетъ обжога, но сводя наростъ зла, доставляетъ освобождаемому отъ зла, вмѣсто боли, удовольствіе. Не требуется здѣсь много времени, не требуются труды, не требуются деньги: довольно только захотѣть, и — все, для добродѣтели, у насъ сдѣлано. Подумаемъ только о величіи Бога, повелѣвающаго и дающаго законъ, и получимъ достаточное наставленіе и убѣжденіе: мы не отъ себя говоримъ, но ведемъ всѣхъ васъ къ Законодателю. Послѣдуйте-же за нами и выслушайте божественные законы.

4. Гдѣ же сказано о гнѣвѣ и злопамятствѣ? Во многихъ и другихъ мѣстахъ, но особенно въ той притчѣ, которую (Господь) сказалъ ученикамъ своимъ, начавши такъ: *Сего ради уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже восхотѣ стязатися о словеси съ рабы своими. Наченшу же ему стязатися, приведоша ему единаго должника тмою талантъ. Не имущу же ему воздати, повелѣ й господинъ его продати, и жену его, и чада, и вся, елика имѣяше, и отдати. Падъ убо рабъ той, кланяшеся ему, глаголя: господи! потерпи на мнѣ, и вся ти воздамъ. Милосердовавъ же господь раба того, прости его, и долгъ отпусти ему. Изшедъ же рабъ той обрѣте единаго отъ клевретъ своихъ, иже бѣ долженъ ему стомъ пѣнязь: и емъ его давляше, глаголя: отдаждь ми. имже ми еси долженъ. Падъ убо клевретъ его на ногѣ его, моляше его глаголя: потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти. Онъ же не хотяше; но ведъ всади его въ темницу, дондеже воздастъ должное. Видѣвше же клеврети его бывшая, сжалиша (си) зѣло, и пришедше сказаша господину своему вся бывшая. Тогда призвавъ его господинъ его, глагола ему: рабе лукавый! весь долгъ онъ отпустихъ тебѣ, понеже умолилъ мя еси: не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета твоего, якоже и азъ тя помиловахъ; и прогнѣвався господь его, предаде его мучителемъ, дондеже воздастъ весь долгъ свой. Тако и Отецъ мой небесный сотворитъ вамъ, аще не отпусти-*

те кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ прегрѣшенія ихъ (Мато. 18, 23—35).

5. Такова притча! Надобно-же сказать, для чего (Господь) предложилъ ее съ присовокупленіемъ причины; ибо Онъ не просто сказалъ: *уподобися царствіе небесное*, но: *сего ради уподобися царствіе небесное.* Для чего-же прибавлена причина?—Онъ бесѣдовалъ съ учениками о непамятозлобіи, и училъ ихъ обуздывать гнѣвъ и не обращать много вниманія на оскорбленія, дѣлаемыя намъ другими,—говоря такъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще тебе послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего* (Мато. 18, 15). Когда объ этомъ и тому подобномъ Христосъ бесѣдовалъ съ учениками, и училъ ихъ любомудрію, Петръ, перво-верховный въ ликѣ Апостоловъ, уста учениковъ, столпъ Церкви, утвержденіе вѣры, основаніе исповѣданія, ловецъ вселенной, возведшій родъ нашъ изъ бездны заблужденія на небо, вездѣ пламенный и исполненный дерзновенія, а лучше сказать, болѣе любви, нежели дерзновенія, между-тѣмъ какъ всѣ молчали, приступаетъ къ Учителю и говоритъ: *колькраты согрѣшитъ въ мя братъ мой, и отпущу ли ему до седмь кратъ* (ст. 21)? Въ одно время онъ и спрашиваетъ, и обѣщаетъ, и еще не будучи наставленъ, уже показываетъ усердіе! Ясно зная, что сердце Учителя наклонено къ человѣколюбію, и что тотъ болѣе всѣхъ

угождаетъ Ему, кто больше всѣхъ прощаетъ грѣхи ближнимъ, и не взыскиваетъ за нихъ строго, (Петръ), чтобы угодить Законодателю, говоритъ: *до седмь кратъ?* Потомъ, чтобы ты зналъ, что̀ такое человѣкъ и что̀ Богъ, и какъ щедрость человѣка, до чего-бы ни простиралась, въ-сравненіи съ обиліемъ (милости) Бога, бѣднѣе всякой бѣдности,—и что наша доброта въ отношеніи къ несказанному человѣколюбію Его тоже, что капля въ отношеніи къ безпредѣльному морю, — послушай, что Христосъ, когда Петръ сказалъ: *до седмь кратъ?* и подумалъ о себѣ, будто показалъ великое усердіе и щедрость, говоритъ: *не глаголю тебѣ: до седмь кратъ, но до седмьдесятъ кратъ седмерицею.* Иные полагаютъ, что это значитъ семьдесятъ семь; не такъ: напротивъ, это безъ-малаго пятьсотъ, потому-что семью семдесять составляетъ четыреста девяносто. И не подумай, возлюбленный, что эта заповѣдь тяжела. Если ты простишь согрѣшившему въ день разъ, и другой, и третій; то оскорбитель твой, хотя-бы былъ совсѣмъ каменный и свирѣпѣе самыхъ демоновъ, не будетъ столько безчувственъ, чтобы опять впасть въ тѣже (грѣхи), но, образумленный многократнымъ прощеніемъ, сдѣлается лучше и скромнѣе. Да и ты, если будешь въ состояніи столько разъ оставить безъ вниманія сдѣланные противъ тебя грѣхи, пріобрѣтши навыкъ отъ одного, другаго и третьяго прощенія, не почувствуешь уже труда отъ такого лю-

бомудрія: часто прощая, пріучишься вовсе не поражаться грѣхами ближняго (противъ тебя).

6. Услышавъ это, Петръ сталъ въ изумленіи, заботясь не только о себѣ, но и о тѣхъ, которые будутъ ему ввѣрены. Итакъ, чтобы онъ не сдѣлалъ того-же, что сдѣлалъ и въ отношеніи къ другимъ заповѣдямъ, Господь, предварительно отклонилъ его отъ всякаго вопроса. Что-же такое онъ сдѣлалъ въ отношеніи къ другимъ заповѣдямъ? Если когда Христосъ повелѣвалъ что-нибудь, по-видимому, трудное, (Петръ), выходя напередъ другихъ (учениковъ), спрашивалъ и развѣдывалъ на счетъ заповѣди. Такъ, когда приступилъ богачъ и вопрошалъ Христа о вѣчной жизни, и узнавъ, что̀ должно сдѣлать для достиженія совершенства, *отъиде скорбя о стяжаніи* (Марк. 10, 22),—и когда Христосъ сказалъ, что *удобѣе верблюду сквозѣ иглинѣ уши проити, неже богату въ царствіе Божіе внити* (ст. 25): Петръ, хотя уже отказался отъ всего, не удержалъ при себѣ даже и сѣти, но бросилъ и свое ремесло, и рыбачью лодку,—подошедши сказалъ Христу: *и кто можетъ спасенъ быти* (ст. 26)? Замѣть здѣсь и скромность ученика, и горячность его. Не сказалъ онъ: ты заповѣдуешь не возможное; повелѣніе тяжко; законъ суровъ. Однакожъ и не промолчалъ, но показалъ и заботливость о другихъ, и воздалъ учителю должную со стороны ученика честь, сказавъ такъ: *и кто можетъ спасенъ быти?* Еще не сдѣлался

онъ пастыремъ, а имѣлъ душу пастырскую; еще не получилъ начальства, а показывалъ попечительность, приличную начальнику, заботясь о всей вселенной. Если-бы онъ былъ богатъ и владѣлъ множествомъ денегъ, иной, можетъ-быть, сказалъ-бы, что онъ предложилъ этотъ вопросъ, заботясь не о другихъ, но о самомъ себѣ и о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Теперь-же, бѣдность освобождаетъ его отъ этого подозрѣнія, и показываетъ, что онъ такъ безпокоился, и развѣдывалъ, и хотѣлъ узнать отъ учителя о пути ко спасенію, заботясь о спасеніи другихъ. Поэтому и Христосъ, ободряя его, сказалъ: *невозможная отъ человѣкъ возможна суть у Бога* (ст. 27). Не подумай, говоритъ, будто вы остаетесь безпомощными; Я въ этомъ дѣлѣ участвую съ вами, и трудное дѣлаю удобнымъ и легкимъ. Опять, когда Христосъ бесѣдовалъ о бракѣ и женѣ, и говорилъ, что *всякъ отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю любодѣйствовати* (Матѳ. 5, 32); и когда убѣждалъ прощать женѣ всякое преступленіе, кромѣ одного прелюбодѣянія: Петръ, между-тѣмъ, какъ другіе молчали, подошелъ и сказалъ Христу: *аще тако есть вина человѣку съ женою, лучше есть не женитися* (Матѳ. 19, 10). Смотри и здѣсь, какъ онъ и соблюлъ должное почтеніе къ Учителю, и показалъ попечительность о спасеніи другихъ, заботясь не о своихъ собствен-

ныхъ дѣлахъ. Итакъ, чтобы и здѣсь [1]) не сказалъ онъ чего-либо подобнаго, Господь притчею предупредилъ возраженіе съ его стороны. Поэтому и сказалъ Евангелистъ: *сего ради уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже восхотѣ стязатися о словеси съ рабы своими*, — показывая, что Онъ говоритъ эту притчу для того, чтобы ты зналъ, что, если бы ты и *седмдесять разъ седмерицею* въ день оставилъ брату согрѣшенія, то не сдѣлалъ еще ничего великаго, но далеко, несказанно далеко, отстоишь отъ человѣколюбія Господня, и дашь не столько, сколько получаешь.

7. Послушаемъ же притчи: если она и кажется ясною сама по себѣ, за то и содержитъ въ себѣ несказанное сокровище мыслей. *Уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже восхотѣ стязатися о словеси съ рабы своими.* Не пробѣгай безъ вниманія это изрѣченіе, но открой мнѣ судилище то, и вошедши въ свою совѣсть, подумай о томъ, что сдѣлано тобою во всю жизнь. И когда услышишь, что (царь) считается съ рабами своими, представь себѣ и царей, и военачальниковъ, и градоправителей, и богатыхъ и бѣдныхъ, и рабовъ и свободныхъ, и всѣхъ: *всѣмъ бо намъ явитися подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ* (2 Кор. 5, 10). Если ты богатъ: подумай что отдашь отчетъ, на блудницъ истратилъ ты деньги, или на бѣдныхъ; на

---

[1]) Т. е. по отношенію къ заповѣди о прощеніи обидъ.

тунеядцевъ и льстецовъ, или нануждающихся; на распутство, или на человѣколюбіе; на удовольствіе, лакомство и пьянство, или на вспоможеніе несчастнымъ? И не въ одной только тратѣ потребуютъ у тебя отчета, но и въ пріобрѣтеніи имущества: праведными ли трудами собралъ ты его, или хищеніемъ и лихоимствомъ; получивъ-ли родительское наслѣдство, или разоривши домы сиротъ и расхитивши имущества вдовицъ? Какъ мы у своихъ слугъ требуемъ отчета, не только въ расходѣ денегъ, но и въ приходѣ, допрашивая, откуда и отъ кого, и какъ, и сколько получили они денегъ: такъ и Богъ требуетъ отъ насъ отчета, не только въ употребленіи, но и въ пріобрѣтеніи. И не богачъ только, но и бѣдный дастъ отчетъ — въ бѣдности: благодушно-ли и съ благодареніемъ перенесъ бѣдность, не впалъ-ли въ уныніе, не подосадовалъ-ли, не возропталъ-ли на Божій промыслъ, видя другаго въ роскоши и удовольствіяхъ, а себя въ нуждѣ? Какъ у богача потребуютъ отчета въ милостынѣ, такъ у бѣднаго въ терпѣніи, или лучше, не въ терпѣніи только, но и въ самой милостынѣ, потому-что бѣдность не мѣшаетъ милостынѣ: свидѣтель—вдовица, положившая двѣ лепты и этимъ малымъ вкладомъ превзошедшая тѣхъ, которые положили по-многу. И не богатые только, да бѣдные, но и начальники и судіи, истязуются съ великою строгостію: не извратили-ли они правду,

не произнесли-ль приговора надъ подсудимыми по пристрастію, или по ненависти; не дали-ли, уступивъ лести, неправеднаго рѣшенія, или, по злопамятству, не сдѣлали-ли зла безвиннымъ? Да и не свѣтскіе только начальники, но и предстоятели Церквей дадутъ отчетъ въ своемъ начальствѣ: и особенно эти подвергнутся гораздо болѣе строгимъ и тяжкимъ взысканіямъ. Ибо тотъ, кому ввѣрено служеніе слова, дастъ тамъ строгій отчетъ, не опустилъ-ли, по лѣности или по злорадству, чего-либо такого, чтó-бы сказать надлежало, и доказалъ-ли на дѣлѣ, что изъяснилъ онъ все и не скрылъ ничего полезнаго. Опять, получившій епископство, на-сколько высшую взошелъ онъ степень, сколько-же строжайшій дастъ и отчетъ, не только въ ученіи и предстательствѣ за бѣдныхъ, но и въ испытаніи рукополагаемыхъ и въ безчисленномъ множествѣ другихъ дѣлъ. На это-то указывая, Павелъ и писалъ къ Тимоѳею: *руки скоро не возлагай ни на когоже, и не пріобщайся чужимъ грѣхомъ* (1 Тим. 5, 22). И, давая наставленія Евреямъ касательно ихъ начальниковъ, устрашалъ (епископовъ) другимъ образомъ, говоря такъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. 13, 17).

8. Но не въ однихъ дѣлахъ, но и въ словахъ дадимъ тогда отчетъ. И мы, ввѣривъ слугамъ своимъ деньги, требуемъ у нихъ отчета

во всемъ: такъ и Богъ, ввѣривъ намъ (даръ) слова, взыщетъ за его употребленіе. Такъ мы истязаны будемъ и строгой дадимъ отчетъ въ томъ, не безсмысленно-ли и не попусту-ли тратили слова; ибо не столько вредна пустая трата денегъ, сколько безсмысленное, суетное и напрасное употребленіе словъ. Напрасная трата денегъ дѣлаетъ иногда ущербъ имѣнію; а слово, произнесенное безъ разсужденія, раззоряетъ цѣлые домы, губитъ и разрушаетъ души. Ущербъ имѣнія можно опять поправить, а слово, разъ вылетѣвшее, возвратить назадъ нельзя. А что мы дадимъ отчетъ въ словахъ, послушай, что говоритъ Христосъ: *глаголю же вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы* (на земли), *воздадятъ о немъ слово въ день судный: отъ словесъ бо своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися* (Мате. 12, 36, 37). И не только въ своихъ словахъ дадимъ мы отчетъ, но и въ слушаніи (чужихъ словъ), на-прим. не внялъ-ли ты ложному обвиненію ближняго; ибо сказано: *да не пріимеши слуха суетна* (Исх. 23, 1). Если-же пріемлющіе *слухъ суетный* не получатъ извиненія: то какое оправданіе будутъ имѣть тѣ, которые клевещутъ и обносятъ? — И что говорю о словахъ, и о слухѣ, когда мы подлежимъ взысканію даже за помыслы? Это самое показывая, и Павелъ говорилъ: *тѣмже прежде времени ничтоже судите, дондеже пріидетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы*

и объявитъ совѣты сердечныя (1 Кор. 4, 5). И Псалмопѣвецъ говоритъ: *яко помышленіе человѣческое исповѣстся тебѣ* (Пс. 75, 11) Что такое: *помышленіе человѣческое исповѣстся тебѣ?* То-есть, не коварно-ли и злонамѣренно говорилъ ты съ братомъ, не хвалилъ-ли его устами и языкомъ, а въ сердцѣ пожелалъ зла и позавидовалъ ему? На это-же самое указывая, т. е. что мы подвергнемся суду не за одни дѣла, но и за помыслы, Христосъ сказалъ: *иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. 5, 28). Хотя грѣхъ не вышелъ еще въ дѣло, а остается пока въ сердцѣ; но и при этомъ не можетъ остаться безъ вины, кто смотритъ на красоту женскую для того, чтобъ возжечь похоть блудную.

9. Итакъ, когда услышишь, что (господинъ) *стязуется о словеси съ рабы своими*, не проходи безъ вниманія это изрѣченіе, но представь себѣ людей всякаго достоинства, всякаго возраста, обоихъ половъ, мужей и женъ; подумай, каково тогда будетъ судилище, припомни себѣ всѣ грѣхи твои. Хоть самъ ты и забудешь твои преступленія, но Богъ никогда не забудетъ, и представитъ всѣ (грѣхи) предъ глаза наши, если только мы не предупредимъ загладить ихъ теперь покаяніемъ и исповѣдію, и тѣмъ, что никогда не будемъ злопамятствовать на ближняго. Для чегоже Онъ дѣлаетъ этотъ расчетъ? Не потому, что-

бы Онъ не зналъ (какъ не знать Тому, кто зналъ всѣ вещи прежде ихъ бытія?), но для того, чтобы убѣдить тебя—раба, что всѣмъ, чѣмъ ни долженъ ты, долженъ по правдѣ; а лучше сказать, не для того, чтобы ты только узналъ, но чтобы и очистился. Такъ и пророку для этого повелѣлъ Онъ говорить о грѣхахъ Іудеевъ: *възглаголи*, говоритъ, *беззаконія ихъ дому Іаковлю, и грѣхи ихъ дому Израилеву* (Ис. 58, 1), не для того, чтобы они только услышали, но чтобы исправились.

10. *Наченшу же ему стязатися, приведоша ему единаго должника тмою талантъ* (Мате. 19, 34). Такъ, вотъ сколько ему было довѣрено, и столько-то онъ издержалъ! Огромное количество долга! Но бѣда была не въ этомъ только, но и въ томъ еще, что онъ первый приведенъ былъ къ господину. Еслибы привели его въ слѣдъ уже за многими другими исправными (должниками), не такъ было-бы удивительно то, что господинъ не разгнѣвался: исправность вошедшихъ прежде могла сдѣлать его болѣе снисходительнымъ къ послѣдующимъ за ними неисправнымъ. Но что введенный первымъ оказался неисправнымъ, и, не смотря на такую неисправность, нашелъ однакожъ господина человѣколюбивымъ, вотъ это особенно удивительно и необычайно. Люди, когда найдутъ должниковъ, обрадуются такъ, какъ будто-бы нашли добычу и ловъ, и дѣлаютъ все, чтобы взыскать

весь долгъ; если же это не удастся имъ по бѣдности должниковъ, то они гнѣвъ свой изъ-за денегъ изливаютъ на бѣдное тѣло несчастныхъ; сѣкутъ и бьютъ его, и наносятъ ему тьму зла. А Богъ, напротивъ, все двигалъ и направлялъ къ тому, чтобы освободить его (должника) отъ долговъ. У насъ взыскать (долгъ)—богатство, а у Бога простить—богатство. Мы богатѣемъ, когда получимъ долги, а Богъ тогда особенно бываетъ богатъ, когда проститъ долги; богатство Божіе есть спасеніе людей, какъ говоритъ Павелъ: *богатъ сый во всѣхъ (и на всѣхъ) призывающихъ его* (Рим. 10, 12). Но, можетъ-быть, скажетъ кто: какъ-же это, тотъ, кто хотѣлъ оставить и простить вины, приказалъ продать его? Это-то самое особенно и доказываетъ его человѣколюбіе. Но не будемъ спѣшить; послѣдуемъ въ порядкѣ за расказомъ притчи.

11. *Не имущу же ему воздати*, говорится. Что значитъ: *не имущу ему воздати?* Опять усиленное свидѣтельство о неисправности (должника). Когда говорится: *не имущу ему воздати*, говорится не что иное, какъ то̀, что онъ былъ чуждъ добродѣтелей, не имѣлъ ни одного добраго дѣла, которое-бы можно было вмѣнить ему въ отпущеніе грѣховъ; ибо вмѣняются, несомнѣнно вмѣняются намъ въ отпущеніе грѣховъ добрыя дѣла, какъ и вѣра въ правду: *не дѣлающему, вѣрующему же во оправдающаго нечестива, вмѣняется вѣра его въ правду* (Рим. 4, 5).

И что говорю о вѣрѣ и о добрыхъ дѣлахъ, когда и скорби вмѣняются намъ въ разрѣшеніе грѣховъ? Это доказываетъ Христосъ притчею о Лазарѣ, когда вводитъ Авраама говорящимъ богачу, что Лазарь *воспріялъ въ животѣ своемъ злая*, и за это *здѣ утѣшается* (Лук. 16, 25). Доказываетъ и Павелъ, когда пишетъ къ Коринѳянамъ о прелюбодѣѣ, и говоритъ такъ: *предайте таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется* (1 Кор. 5, 5). Вразумляя и другихъ грѣшниковъ, онъ говоритъ такъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и спятъ довольни. Аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были. Судими же отъ Господа, наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. 11, 30—32). Если-же вмѣняются намъ въ оставленіе грѣховъ и искушеніе, и болѣзнь, и немощь, и изможденіе плоти, которыя мы терпимъ непроизвольно, и не сами себѣ причиняемъ: тѣмъ болѣе (вмѣняются) подвиги, совершаемые нами добровольно и съ усердіемъ. Но этотъ (должникъ) былъ чуждъ всякаго добра, а грѣховъ имѣлъ невыносимое бремя; поэтому и говорится: *не имущу же ему воздати, повелѣ его продати* (Матѳ. 18, 25).

12. Отсюда-то особенно можно узнать человѣколюбіе господина, что онъ и сдѣлалъ расчетъ и приказалъ продать его: ибо то и другое сдѣлалъ онъ для того, чтобъ не продать его. Изъ чего это видно? Изъ конца. Если онъ бы

хотѣлъ продать его, кто-бы воспрепятствовалъ? кто-бы удержалъ? Итакъ, для чего-же онъ приказалъ, не имѣя намѣренія исполнить (это приказаніе)? Для того, чтобы увеличить страхъ (должника). А страхъ увеличилъ угрозой для того, чтобы заставить его просить (о пощадѣ); а просить заставилъ для того, чтобы имѣть случай къ прощенію. Могъ онъ, конечно, простить его и до просьбы, но не сдѣлалъ этого, чтобы должника не сдѣлать худшимъ. Могъ дать прощеніе и прежде расчета, но, чтобы тотъ, не зная тяжести (своихъ) грѣховъ, не сдѣлался безчеловѣчнѣе и жесточе къ ближнимъ, для этого напередъ показалъ ему великость долга, а потомъ простилъ ему все. Ибо, если и послѣ того, какъ сдѣланъ былъ расчетъ, показанъ долгъ, произнесена угроза и объявленъ приговоръ, которому долженъ былъ подвергнуться (этотъ человѣкъ), онъ былъ такъ жестокъ и безчеловѣченъ къ товарищу: то до какой-бы жестокости не дошелъ онъ, когда-бы ничего этого не было? Для того Богъ сдѣлалъ и устроилъ все это, чтобы предотвратить такое безчеловѣчіе его. Если-же онъ ничѣмъ этимъ не исправился, то вина уже не въ учителѣ, но въ томъ, кто не принялъ исправленія. Однакожъ посмотримъ, какъ прикрываетъ онъ свою язву.

13. *Падши*, говорится, *къ ногамъ его, моляше его, глаголя: потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти* (Матѳ. 18, 26). Не сказалъ вѣдь, что не можетъ

заплатить: таковъ ужь обычай у должниковъ— обѣщать, хоть и ничего не могутъ отдать, лишь-бы избѣжать настоящей бѣды. Послушаемъ всѣ мы, которые нерадимъ о молитвѣ, какова сила моленій. Этотъ должникъ не показалъ ни поста, ни нестяжательности, и ничего другаго подобнаго; однакожъ, лишенный и чуждый всякой добродѣтели, лишь только попросилъ онъ господина, то и успѣлъ преклонить его на милость. Не будемъ-же ослабѣвать въ молитвахъ. Кто можетъ быть грѣшнѣе этого должника, который виновенъ былъ въ столькихъ преступленіяхъ, а добраго дѣла, ни малаго, ни великаго, не имѣлъ? Однакожъ онъ не сказалъ себѣ: я не имѣю дерзновенія, покрытъ стыдомъ; какъ могу приступить? какъ могу просить? — а такъ говорятъ многіе изъ согрѣшающихъ, недугуя діавольскою робостію! Ты не имѣешь дерзновенія? Для того и приступи, чтобы пріобрѣсти тебѣ великое дерзновеніе. Тотъ, кто хочетъ съ тобою примириться, не человѣкъ, предъ которымъ-бы пришлось тебѣ стыдиться и краснѣть; это Богъ, желающій, больше твоего, освободить тебя отъ грѣховъ. Не столько ты желаешь собственной безопасности, сколько онъ ищетъ твоего спасенія; и-это Онъ показалъ намъ самыми дѣлами. Ты не имѣешь дерзновенія? Потому-то и можешь имѣть дерзновеніе, что ты въ такомъ расположеніи духа: величайшее дерзновеніе въ томъ, чтобы не думать, что имѣешь

дерзновеніе, равно какъ и величайшій стыдъ— оправдывать себя предъ Богомъ. Этотъ не чистъ [1]), хотя-бы былъ святѣе всѣхъ людей; напротивъ, считающій себя послѣднимъ между всѣми, становится праведнымъ. И свидѣтели того, что я говорю, фарисей и мытарь. Не станемъ-же отчаяваться изъ-за грѣховъ, не станемъ унывать, но будемъ приходить къ Богу, припадать, умолять, какъ сдѣлалъ этотъ должникъ, доселѣ показавшій доброе расположеніе. Что не палъ онъ духомъ, не повергся въ отчаяніе, исповѣдалъ грѣхи, попросилъ нѣкоторой отсрочки и замедленія, — все это хорошо, и (обнаруживаетъ) сокрушенное сердце и смиренную душу. Но послѣдующее уже не похоже на прежнее: что пріобрѣлъ онъ усердною мольбою, все это вдругъ погубилъ гнѣвомъ на ближняго.

14. Теперь перейдемъ къ образу прощенія; узнаемъ, какъ господинъ простилъ его, и какъ дошелъ до этого. *Милосердовавъ*, говорится, *господь раба того, прости его, и долгъ отпусти ему* (Матѳ. 19, 27). Тотъ просилъ отсрочки: этотъ далъ прощеніе; стало быть, тотъ получилъ больше, чѣмъ сколько просилъ. Потому и Павелъ говоритъ: *могущему (паче) вся творити по преизбыточествію, ихже просимъ, или разумѣемъ* (Еф. 3, 20). Ты не можешь и помыслить, сколько Онъ готовъ дать тебѣ. Не стыдись-же, не

[1]) Т. е. кто оправдываетъ себя предъ Богомъ.

краснѣй; или лучше, стыдись грѣховъ, только не отчаявайся, не оставляй молитвы, но, хоть ты и грѣшникъ, приступи, чтобы примирить съ собою Владыку, чтобы дать ему случай показать свое человѣколюбіе въ прощеніи твоихъ грѣховъ. Стало быть, если побоишься приступить, помѣшаешь Его благости, преградишь путь щедротамъ Его милосердія, сколько это зависитъ отъ тебя. Итакъ не будемъ упадать духомъ, не будемъ нерадѣть о молитвахъ. Хотя бы мы низринулись въ самую глубину порока, Онъ можетъ скоро извлечь насъ и оттуда. Никто не согрѣшилъ столько, сколько этотъ (должникъ); всякой видъ зла сдѣлалъ онъ: это показываютъ десять тысячь талантовъ (долга). Никто не былъ такъ бѣденъ, какъ онъ: это явно изъ того, что ему не чѣмъ было заплатить. И однакожъ, кому все измѣнило, того могла спасти сила молитвы. Такъ молитва, скажутъ, столько сильна, что можетъ освободить отъ казни и мученія того, кто оскорбилъ Господа безчисленными дѣлами и поступками? Да, столько можетъ она, человѣкъ! Впрочемъ все это она совершаетъ не одна, но имѣетъ величайшаго споборника и помощника въ человѣколюбіи Бога, пріемлющаго молитву, которое и здѣсь [1]) совершило все, и самую молитву сдѣлало сильною. На это указывая, Христосъ сказалъ: *милосердовавъ же го-*

---

[1]) Въ отношеніи къ должнику.

сподь раба того, прости его и долгъ отпусти ему, дабы ты зналъ, что и послѣ молитвы, такъ-какъ и прежде молитвы, все сдѣлала благость Владыки.

15. *Изшедъ же рабъ той, обрѣте единаго отъ клевретъ своихъ, иже бѣ долженъ ему стомъ пѣнязь: и емь его давляше, глаголя: отдаждь ми, имже еси долженъ* (Матѳ. 19, 28). Что можетъ быть преступнѣе этого? Еще въ ушахъ его раздавались (слова) благодѣянія,—и онъ забылъ уже о человѣколюбіи господина! Видишь, какое благо—помнить (свои) грѣхи? Вѣдь и этотъ (должникъ), еслибы постоянно помнилъ ихъ, не былъ-бы такъ жестокъ и безчеловѣченъ. Поэтому всегда говорю, и не перестану говорить, что весьма полезно и нужно намъ постоянно помнить всѣ наши проступки. Ибо ничто не можетъ сдѣлать душу такъ любомудрою, и смиренною, и кроткою, какъ постоянное памятованіе о грѣхахъ. Поэтому и Павелъ помнилъ грѣхи, сдѣланные имъ не только послѣ купели, но и до крещенія, хотя они и были уже изглажены совершенно. Если же онъ помнилъ грѣхи, сдѣланные до крещенія: тѣмъ болѣе намъ должно помнить сдѣланные нами послѣ крещенія. Памятуя объ нихъ, мы не только изгладимъ ихъ, но и будемъ ко всѣмъ людямъ снисходительнѣе, и Богу послужимъ съ большимъ усердіемъ, изъ памятованія о грѣхахъ познавая несказанное его человѣколюбіе. Этого не сдѣлалъ (должникъ) этотъ; но забывъ

великость долга, забылъ и благодѣяніе. А забывъ благодѣяніе, онъ сталъ злымъ къ товарищу, и злобою къ нему погубилъ все, что получилъ отъ Божія человѣколюбія. *Емь его, давляше, глаголя: отдаждь ми, имже еси долженъ.* Не сказалъ: сто денаріевъ, ибо стыдился малостію долга, но: *отдаждь ми, имже еси долженъ. Падъ убо (клевретъ его) на нозѣ его, моляше его, глаголя: потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти* (Матѳ. 19, 29). Тѣми-же словами, посредствомъ которыхъ тотъ нашелъ прощеніе, и этотъ проситъ о спасеніи. Но тотъ, по безмѣрной жестокости, не тронулся и этими словами, и не подумалъ, что самъ онъ спасся посредствомъ этихъже словъ. Еслибы онъ даже простилъ, такъ и это не было-бы уже дѣломъ человѣколюбія, но долгомъ и обязанностію. Еслибы онъ сдѣлалъ это прежде, чѣмъ былъ расчетъ (съ господиномъ), и послѣдовало то рѣшеніе, и онъ получилъ такое благодѣяніе: поступокъ его былъ-бы дѣломъ его собственнаго великодушія. Теперьже, послѣ такого дара и прощенія столькихъ грѣховъ, онъ былъ уже обязанъ, какъ-бы неизбѣжнымъ нѣкоторымъ долгомъ, не злопамятствовать на товарища. Однакожъ онъ не сдѣлалъ этого, и не подумалъ, какъ велика разность между прощеніемъ, которое самъ онъ получилъ, и — которое онъ долженъ-бы оказать товарищу. Въ самомъ дѣлѣ, великую увидишь разность не только въ количествѣ долговъ, не только въ

достоинствѣ лицъ, но и въ самомъ образѣ (прощенія). Тамъ долгъ былъ десять тысячь талантовъ, а здѣсь сто денаріевъ; тотъ провинился предъ господиномъ, а его должникъ предъ товарищемъ; тотъ сдѣлалъ-бы милость, самъ получивъ добро, а господинъ простилъ ему все, не видѣвъ отъ него никакого добра, ни малаго, ни великаго. Но (должникъ) ни о чемъ этомъ не подумалъ; а вдругъ, воспламенившись гнѣвомъ, *давляше его и всади въ темницу.*

16. *Видѣвше же клеврети его*, говорится, вознегодовали. Такъ товарищи осуждаютъ прежде, чѣмъ господинъ, чтобы позналъ ты кротость господина. Услышавъ (объ этомъ), господинъ его, и призвавъ его, опять начинаетъ съ нимъ судъ; и не просто такъ произноситъ приговоръ, но напередъ входитъ въ разбирательство. И что говоритъ? *Рабе лукавый, весь долгъ онъ отпустихъ тебѣ* (ст. 31). Что можетъ быть добрѣе господина? Когда тотъ долженъ былъ ему десять тысячь талантовъ, онъ не оскорбилъ его даже словомъ, не назвалъ и злымъ, но только приказалъ продать; и это для того, чтобъ освободить его отъ долговъ. А какъ тотъ оказался злымъ къ своему товарищу, тогда-то (господинъ) уже гнѣвается, и раздражается, дабы зналъ ты, что онъ легче прощаетъ грѣхи противъ него самаго, нежели противъ ближнихъ. Итакъ дѣлаетъ Онъ не только здѣсь, но и въ другихъ случаяхъ. *Аще убо*, говоритъ, *принесеши даръ твой ко*

олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой иматъ нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой (Матѳ. 5, 23—24). Видишь, какъ Онъ вездѣ наше предпочитаетъ своему, и не ставитъ ничего выше мира и любви къ ближнему. И опять въ другомъ мѣстѣ: *отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати* (Матѳ. 5, 32). А чрезъ Павла дастъ законъ такой: *аще который братъ жену иматъ невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея* (1 Кор. 7, 12). Если она, говоритъ, сдѣлаетъ прелюбодѣяніе, отвергни ее; а если будетъ невѣрующая, не отвергай; если, то-есть, согрѣшитъ противъ тебя, брось ее; а если противъ Меня, оставь при себѣ. Такъ и здѣсь [1]), когда тотъ сдѣлалъ столько грѣховъ противъ Него (Бога), Онъ простилъ; а когда согрѣшилъ онъ противъ товарища, хоть гораздо менѣе и легче, чѣмъ противъ господина, тогда не простилъ, но подвергъ наказанію. Теперь назвалъ его и злымъ, а тогда не оскорбилъ даже и словомъ. Поэтому здѣсь и прибавлено, что (господинъ) *прогнѣвався, предаде его мучителемъ;* но этого не прибавилъ Онъ, когда требовалъ у него отчета въ десяти тысячахъ талантовъ, дабы зналъ ты, что то (прежнее)

---

[1]) Въ отношеніи къ должнику, о которомъ говорится въ притчѣ.

рѣшеніе произошло не отъ гнѣва, но отъ попечительности, спѣшившей къ прощенію, а болѣе всего раздражилъ Его этотъ грѣхъ [1]). Что-же можетъ быть хуже злопамятства, когда оно отъемлетъ назадъ и явленное уже человѣколюбіе Божіе; и когда то, къ чему [2]) не могли расположить Его грѣхи (должника), заставилъ сдѣлать гнѣвъ на ближняго? А вѣдь написано, что *нераскаянны дарованія Божіи* (Рим. 11, 29). Какъ же здѣсь, послѣ того, какъ даръ уже оказанъ, и человѣколюбіе явлено, приговоръ опять отмѣненъ? Ради злопамятства. Итакъ не погрѣшитъ, кто назоветъ этотъ грѣхъ тягчайшимъ всякаго грѣха: другіе грѣхи всѣ были прощены, а этотъ не только (самъ) не могъ быть прощенъ, но возобновилъ опять и другіе грѣхи, которые были уже изглажены совсѣмъ. Такимъ образомъ, злопамятство есть двойное зло: потому-что (само) никакого не имѣетъ извиненія предъ Богомъ, да и другіе грѣхи наши, хоть они и прощены будутъ, опять возобновляетъ и ставитъ противъ насъ, что сдѣлало оно и здѣсь. Ничего, ничего такъ не ненавидитъ и не отвращается Богъ, какъ человѣка злопамятнаго и коснящаго въ гнѣвѣ. Это въ особенности показалъ Онъ здѣсь; да и въ самой молитвѣ заповѣдалъ намъ говорить такъ: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѳ. 6, 12).

---

[1]) Жестокость должника къ товарищу. [2]) Т. е. осудить должника на казнь.

17. Итакъ, зная все это, и написавъ эту притчу на сердцахъ, какъ вспомнимъ, что̀ мы потерпѣли отъ сорабовъ, подумаемъ, что́ (сами) сдѣлали мы противъ Владыки; — и страхомъ за свои собственные грѣхи мы скоро можемъ отогнать гнѣвъ на чужія прегрѣшенія. Такъ, если ужь помнить грѣхи, то помнить должно только свои: помня собственные грѣхи, о чужихъ мы никогда и не подумаемъ; а коль скоро о тѣхъ забудемъ, эти легко придутъ намъ на мысль. Еслибы и этотъ (должникъ) помнилъ о десяти тысячахъ талантовъ, то не вспомнилъ-бы ста денаріевъ. Но какъ забылъ о тѣхъ, такъ за эти сталъ душить товарища, и желая истребовать не многое, и тѣхъ (ста денаріевъ) не получилъ, да и привлекъ на свою голову тяжесть (долга) въ десять тысячъ талантовъ. Поэтому смѣло скажу я, что этотъ грѣхъ тяжелѣе всякаго другаго; или лучше, не я, но Христосъ изрекъ это настоящею притчею. Ибо, еслибы этотъ грѣхъ не былъ тяжелѣе (долга) въ десять тысячъ талантовъ, то-есть, несказаннаго множества грѣховъ, они не были-бы снова вызваны чрезъ него. Итакъ, ни о чемъ столько не будемъ стараться, какъ объ очищеніи себя отъ гнѣва и примиреніи съ тѣми, которые имѣютъ на насъ неудовольствіе,—зная, что ни молитва, ни милостыня, ни постъ, ни участіе въ таинствахъ, ни другое что подобное не защититъ насъ въ тотъ день (суда), если мы будемъ злопамятствовать;

тогда-какъ напротивъ, победивъ этотъ грѣхъ, можемъ получить нѣкоторое снисхожденіе, хоть у насъ будетъ и множество грѣховъ. Не мое это слово, но самаго Бога, который будетъ тогда судить насъ. Какъ здѣсь (въ притчѣ) сказалъ Онъ, что *тако и Отецъ Мой небесный сотворитъ вамъ, аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ* (Матѳ. 18, 35); такъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Матѳ. 6, 14). Итакъ, чтобы намъ и здѣсь проводить жизнь тихую и безмятежную, и тамъ получить прощеніе и оставленіе (грѣховъ), будемъ дѣятельно стараться о примиреніи со всѣми врагами, какихъ только имѣемъ. Такимъ образомъ мы преклонимъ на милость къ себѣ и Владыку нашего, хотя-бы и согрѣшили безъ числа, и получимъ будущія блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

7 БЕСѢДА,

о Давидѣ и Саулѣ 1-я [1]).

1. Когда въ тѣлѣ затвердѣетъ давнее и сильное воспаленіе, тогда нужно бываетъ много времени и труда, много и благоразумія въ употребленіи лекарствъ, чтобы опала безвредно опухоль отъ онаго. Тоже видѣть можно и на душѣ. Когда кто захочетъ съ корнемъ исторгнуть страсть, укоренившуюся и долго жившую въ душѣ, тогда, для этого исправленія, недостаточно однодневнаго, или двухдневнаго, увѣщанія, но надобно часто и въ продолженіе многихъ дней бесѣдовать объ этомъ предметѣ,-если только хотимъ проповѣдовать не изъ честолюбія и для удовольствія, а для блага и пользы. Поэтому что̀ мы сдѣлали въ отношеніи къ клятвамъ, побесѣдовавъ съ вами объ одномъ и томъ же предметѣ въ теченіе многихъ дней сряду, то-же сдѣлаемъ и въ отношеніи къ гнѣву, предложимъ объ немъ, по мѣрѣ силъ нашихъ, продолжительное увѣщаніе. И это, мнѣ кажется,

---

[1]) Три бесѣды о Давидѣ и Саулѣ, по словамъ самаго Златоуста (бес. 1. отд. 1.), говорены были вскорѣ послѣ бесѣды о должникѣ десятью тысячами талантовъ. — Первая изъ нихъ надписывается такъ: «о Давидѣ и Саулѣ, также о незлобіи, и о томъ, что должно щадить враговъ и не злословить отсутствующихъ.»

самый лучшій способъ наставленія — не переставать внушать, что-бы то ни было, дотолѣ, пока не увидимъ, что внушеніе перешло въ дѣло. Кто говоритъ сегодня о милостынѣ, завтра о молитвѣ, послѣ-завтра о кротости, потомъ еще о смиренномудріи: тотъ не доведетъ своихъ слушателей ни до одной изъ этихъ добродѣтелей, потому что онъ постоянно перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому и отъ этого опять къ иному. Напротивъ, кто хочетъ, чтобы слушатели исполняли на дѣлѣ слова его: тотъ дотолѣ не долженъ прекращать свое увѣщаніе и совѣты объ одномъ и томъ же предметѣ, и переходить къ другому какому нибудь, пока не увидитъ, что прежнее увѣщаніе хорошо укоренилось въ нихъ. Такъ поступаютъ и учители (чтенія): они дотолѣ не переводятъ дѣтей къ слогамъ, пока не увидятъ въ нихъ совершенное знаніе буквъ. Итакъ, прочитавъ вамъ недавно притчу о стахъ денаріяхъ и десяти тысячахъ талантовъ, мы показали, какъ гибельно было злопамятствовать. Ибо, кого десять тысячь талантовъ не погубили, того потопили сто денаріевъ: онѣ и данное уже прощеніе отмѣнили, и даръ отняли, и освободившагося отъ суда снова ввели въ судилище, а оттуда ввергли въ темницу, и такимъ образомъ предали его вѣчному наказанію. Сего-дня же переведемъ слово къ другому предмету. Говорящему о смиренномудріи и кротости, надлежало-бы, правда, самому

подавать собою примѣры этого прекраснаго любомудрія, чтобы и словами наставлять, и дѣлами поучать. Но какъ мы весьма скудны въ этой добродѣтели, то, выведя на среду одного кого-либо изъ святыхъ, и поставивъ его предъ вашими очами, сдѣлаемъ вамъ убѣдительное и сильное увѣщаніе, побуждая и васъ и себя подражать добродѣтели праведника, какъ нѣкоему первообразу.

2. Кого же представить (въ примѣръ), говоря о кротости? Кого другаго, какъ не того, кто получилъ свидѣтельство свыше, и этимъ особенно заслужилъ удивленіе? *Обрѣтохъ*, говоритъ (Богъ), *Давида, сына Іесеева, мужа по сердцу моему* (Дѣян. 13, 22). Когда дастъ рѣшеніе Богъ, тогда не остается никакого повода къ противорѣчію: это рѣшеніе нелицепріятно, потому что Богъ судитъ не по пристрастію и не по ненависти, но произноситъ рѣшеніе, судя только по добродѣтели души. Впрочемъ, мы представляемъ Давида въ примѣръ, не потому только что онъ получилъ свидѣтельство отъ Бога, но и потому еще, что онъ изъ числа воспитанныхъ въ ветхомъ Завѣтѣ. Нисколько не удивительно, если кто, подъ благодатію, послѣ Христовой смерти, послѣ толикаго отпущенія грѣховъ, послѣ заповѣдей, исполненныхъ любомудрія, явится чистымъ отъ гнѣва, будетъ прощать врагамъ обиды, и щадить оскорбителей. Но если въ ветхомъ Завѣтѣ, когда законъ позволялъ вырывать око за око и зубъ за зубъ,

и за обиду платить равною обидою, явился кто превыше законныхъ повелѣній и достигнулъ до апостольскаго любомудрія: то кого изъ слышащихъ не изумитъ это? у кого изъ неподражающихъ (такому примѣру) не отниметъ всякаго извиненія и оправданія? Но, чтобы намъ обстоятельнѣе узнать добродѣтель Давида, позвольте мнѣ начать слово нѣсколько повыше и сказать о благодѣяніяхъ, которыя этотъ блаженный мужъ оказалъ Саулу. Не мстить только врагу, сдѣлавшему обиду, нисколько не удивительно; но человѣка, которому оказаны многія и великія благодѣянія, и который за этѣ благодѣянія, и разъ и два, и многократно, покушался убить благодѣтеля, (такого человѣка) захвативъ въ руки, и имѣя возможность убить, и самому отпустить, и спасти отъ умысла другихъ, зная притомъ, что онъ снова примется за тоже,-такому поступку, какой еще не доставало бы высшей степени любомудрія?

3. Итакъ выслушайте терпѣливо краткое повѣствованіе о томъ, какія, когда и какъ оказалъ Давидъ благодѣянія Саулу. Іудеевъ однажды постигла жесточайшая война; всѣ поражены были страхомъ и повергліcь въ уныніе; никто не смѣлъ поднять головы, но все государство находилось въ крайней опасности; каждый видѣлъ предъ глазами смерть и всѣ съ каждымъ днемъ ожидали гибели, и вели жизнь болѣе жалкую, чѣмъ ведомые къ про-

пасти [1]). Въ это время Давидъ пришелъ отъ (стада) овецъ въ воинской станъ, и, не смотря на свой возрастъ и неопытность въ военныхъ трудахъ, взялъ на себя войну за всѣхъ, и совершилъ подвиги, превзошедшіе всякое ожиданіе. Если бы онъ даже и нисколько не успѣлъ; такъ за одно усердіе и рѣшимость слѣдовало бы увѣнчать его. Не удивительно было бы, когда бы сдѣлалъ это воинъ возмужалый: (отъ него) требовалъ бы этого законъ воинскій. Но Давидъ, не видя никакой настоятельной нужды, напротивъ будучи удерживаемъ многими (ибо и братъ оговаривалъ его, и царь, смотря на юный возрастъ его и на чрезмѣрную великость опасностей, удерживалъ и останавливалъ, говоря: *невозможеши поити, яко ты дѣтищь еси, сей же мужъ борецъ есть отъ юности своея* (1 Цар. 17, 33),— такъ не вынуждаемый никакою необходимостію, напротивъ самъ собою, воспламенившись божественною ревностію и любовію къ отечеству, смѣло устремился на враговъ, какъ будто видѣлъ предъ собою овецъ, а не людей, и какъ будто собирался прогнать собакъ, а не такое полчище людей. И такую показалъ онъ тогда заботливость о царѣ, что еще до сраженія и побѣды ободрилъ его, поникшаго взоромъ: ибо не только послѣдующими дѣлами принесъ царю

[1]) Т. е. преступники, приговоренные быть брошенными въ пропасть.

пользу, но еще и прежде того утѣшилъ его словами и убѣдилъ имѣть бодрость и добрую надежду на счетъ будущаго, говоря: *да не ужасается сердце господину моему о семъ: рабъ твой пойдетъ и поборется съ иноплеменникомъ симъ* (32). Ужели это малость, скажи мнѣ, пожертвовать своею жизнію, не имѣя никакой необходимости, и броситься въ средину враговъ изъ-за пользы другихъ, не получивъ отъ нихъ никогда никакого добра? Не надлежало ли послѣ этого наименовать его владыкою, провозгласить спасителемъ всего государства, — его, который, по милости Божіей, спасъ и достоинство царя, и землю отечественную, и жизнь всѣхъ? Какое еще другое благодѣяніе могло быть больше этого? (Давидъ) сдѣлалъ добро не для денегъ и не для славы и власти, но для самой жизни (царя): онъ исхитилъ его изъ самыхъ вратъ смерти; и, сколько зависѣло отъ человѣка, царь изъ-за него-то и остался живъ и удержалъ власть.

4. Чѣмъ же послѣ этого Саулъ наградилъ (Давида)? Если посмотрѣть на самую великость подвиговъ, то, когда бы Саулъ, снявши съ своей головы вѣнецъ, возложилъ на Давида, и тогда бы не наградилъ его по заслугамъ, но былъ бы долженъ еще бо̀льшимъ: тотъ даровалъ ему и жизнь и царство, а онъ уступилъ бы тому одно царство. Посмотримъ, однакожъ, на его награды. Какія же онѣ были? Саулъ тотчасъ началъ имѣть его въ подозрѣніи, и *бѣ*

подзирая Давида отъ дне онаго (1 Цар. 18, 9). За что же и почему? Надобно же сказать и о причинѣ подозрѣнія. Но, кто что ни говоря, не скажетъ никакой справедливой причины: какой, въ самомъ дѣлѣ, могъ быть поводъ къ справедливому подозрѣнію на счетъ того, кто отдалъ свою душу, и пожертвовалъ своею жизнію? Посмотримъ, однакожъ, и на самую причину вражды, чтобы узнали вы, что Давидъ заслуживалъ почестей, не менѣе, чѣмъ и за побѣду, за то самое, за что въ послѣдствіи подвергся подозрѣнію и козиямъ (Саула). Такъ, какая же была причина подозрѣнія? Когда Давидъ взялъ голову иноплеменника и возвращался съ добычею, *изыдоша*, сказано, *(дѣвы) ликовствующія, поюще и глаголюще: побѣди Саулъ съ тысящами своими, и Давидъ со тьмами своими. И разгнѣвался Саулъ зѣло... и бѣ подзирая Давида отъ дне онаго и потомъ* (1 Цар. 18, 6—9). За что же? скажи мнѣ. Если-бы даже слова тѣ были и не справедливы, то и въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы Саулу враждовать противъ Давида; напротивъ, узнавъ изъ самыхъ дѣлъ благорасположенность его къ себѣ, и то, что онъ подвергался такой опасности по собственной доброй волѣ, а не по чьему либо принужденію или настоянію,—(Саулъ) ужс не долженъ былъ ничего злаго подозрѣвать въ немъ. Но теперь похвалы (женъ Давиду) были еще и справедливы; а если сказать что и удивительное, — такъ го-

ворившія это больше польстили Саулу, нежели Давиду: и ему слѣдовало быть довольну тѣмъ, что ему дали только тысящи. Почему же онъ негодуетъ, что тому дали десятки тысячъ? Если бы (самъ) онъ хоть что нибудь сдѣлалъ для окончанія войны и принялъ въ ней хотя малое участіе; тогда бы кстати было это сказано, что *Саулъ* (побѣдилъ) *съ тысящами и Давидъ со тьмами.* Но когда онъ, въ страхѣ и трепетѣ сидѣлъ дома, каждый день ожидая смерти, а этотъ одинъ сдѣлалъ все: какъ-же не нелѣпо было ему негодовать на то, что не получилъ больше похвалы,—ему, который нисколько не боролся съ тѣми опасностями? Если ужъ негодовать, такъ негодовать слѣдовало Давиду на то, что онъ, сдѣлавши все одинъ, имѣлъ другаго участникомъ въ славѣ.

5. Впрочемъ, ни о чемъ этомъ я не говорю; скажу вотъ что: пусть такъ, жены сдѣлали худо, и за это достойны осужденія и порицанія: что же до этого Давиду? Пѣсенъ тѣхъ онъ не слагалъ; женамъ говорить то, что онѣ говорили, не внушалъ, и не подстроивалъ, чтобы похвала была такого рода. Такъ, если досадовать, то надлежало досадовать на женъ, а не на благодѣтеля цѣлаго царства, который достоинъ былъ тысячи вѣнцовъ. Но Саулъ, оставивши тѣхъ, пошелъ противъ Давида. Пусть бы этотъ блаженный, возгордившись такою похвалою, сталъ завидовать державному, дѣлать ему оскорбле-

нія и презирать его власть: злоба (Саула) имѣла бы, можетъ быть, нѣкоторое основаніе. Но если Давидъ сдѣлался еще болѣе кроткимъ и скромнымъ, и держалъ себя въ ряду подчиненныхъ: то какой справедливый предлогъ имѣла скорбь (Саулова)? Когда удостоиваемый почестей возстаетъ противъ своего покровителя и пользуется этими почестями съ обидою для него, въ такомъ случаѣ страсть эта имѣетъ нѣкоторое основаніе: но коль скоро онъ остается почтительнымъ, даже еще болѣе угождаетъ, и во всемъ покоренъ, какое основаніе можетъ тогда имѣть ненависть? Итакъ, если бы Давидъ и никакого другаго не сдѣлалъ подвига, за одно то слѣдовало еще болѣе любить его, что онъ, имѣвъ такой случай къ присвоенію власти, соблюлъ приличную ему скромность: его не надмили не только прежнія, но и послѣдующія, гораздо важнѣйшія дѣла. Какія же онѣ? *И бѣ*, сказано, *Давидъ во всѣхъ путехъ своихъ смысля, и Господь* Вседержитель *бѣ съ нимъ* (1 Цар. 18, 14); *весь же Израиль и Іуда любляху Давида, яко той вхождаше и исхождаше предъ лицемъ людей* (16); *и Мелхола, дщерь Саула и весь Израиль возлюби его* (20), *и Давидъ разумѣнъ бѣ паче всѣхъ слугъ Сауловыхъ и почтеся имя его зѣло.* (30); *и Іонаѳанъ*, сынъ Сауловъ, *возлюби Давида отъ души своея* (2). Но, расположивъ къ себѣ весь народъ и самый домъ царскій, вездѣ побѣждая на сраженіяхъ и нигдѣ не испытывая неудачи,

и за эти благодѣянія получивъ такія награды, онъ однакожъ не возгордился, не пожелалъ царства, не мстилъ врагу, но продолжалъ благодѣтельствовать и за него велъ войны. Кого бы, и звѣрски — жестокаго и свирѣпаго, не заставило это оставить вражду и прекратить злобу? Но этого жестокаго и безчеловѣчнаго (Саула) ничто не преклонило: закрывъ глаза для всего и предавъ душу злобѣ, онъ замышляетъ убить Давида. И когда же?—(это-то особенно важно и дивно), — когда тотъ пѣлъ и укрощалъ бѣшенство Саула: *и Давидъ*, сказано, *пояше рукою своею по вся дни: копіе же въ руцѣ Саула* (1 Цар. 18, 10). *И взя Саулъ копіе и рече: поражу Давида, и порази къ стѣнѣ: и уклонися Давидъ отъ лица его дважды* (11). Можно ли представить высшую степень злости? Развѣ еще въ томъ, что было послѣ сего. Только-что непріятели были прогнаны, государство ободрилось и всѣ приносили благодарственныя жертвы за побѣду, Саулъ рѣшился убить благодѣтеля, и спасителя, и виновника такихъ благъ, во время его пѣнія: самыя благодѣянія не укротили этого неистоваго безумца; нѣтъ, онъ и разъ и два бросалъ копье въ намѣреніи убить его.

6. Такими-то наградами Саулъ заплатилъ Давиду за опасности! И это дѣлалъ онъ много разъ, а не въ одинъ только день. Но тотъ святый и послѣ всего этого продолжалъ служить ему, подвергался опасностямъ для его спасенія,

сражался на всѣхъ войнахъ, собственными опасностями спасалъ своего убійцу, и ни словами, ни дѣлами не оскорбилъ этого дикаго звѣря, но во всемъ уступалъ и повиновался; не получилъ даже награды, опредѣленной ему за побѣду, но, и будучи лишенъ воздаянія за тѣ опасности, никогда и словомъ не напомнилъ (объ этой наградѣ), ни воинамъ, ни царю; ибо дѣлалъ это, не изъ-за-награды человѣческой, но въ надеждѣ на воздаяніе свыше. И дивно не это только, что онъ не требовалъ награды, но то еще, что, по необычайному смиренномудрію, отказался и отъ предложенной награды. Когда Саулъ, не смотря на всѣ свои попытки и усилія, не могъ умертвить его, то вотъ строитъ ковы посредствомъ брака и выдумываетъ какой-то новый родъ приданаго и даровъ невѣстѣ: *не хощетъ*, сказано, *царь даровъ, но токмо во стѣ краенеобрѣзаній иноплеменническихъ отмстити врагомъ царевымъ* (1 Царь. 18, 25). Слова этѣ значатъ: убей мнѣ сто мужей, и это будетъ мнѣ вмѣсто даровъ. Такъ говорилъ онъ, желая, подъ предлогомъ брака, предать его врагамъ. Впрочемъ Давидъ, судя о вещахъ съ обычною своею скромностію, отрекся отъ этого брака, не по страху опасностей и враговъ, но потому, что считалъ себя недостойнымъ родства съ царемъ; и-вотъ что сказалъ слугамъ его: *еда легко предъ очима вашима, еже быти ми зятемъ царю; азъ бо есмь мужъ смиренъ и неславенъ* (1 Цар. 18, 23). Бракъ

этотъ, конечно, былъ долгомъ (со стороны царя), воздаяніемъ и наградою Давиду за труды: но онъ имѣлъ такое смиренное сердце, что, и послѣ такихъ подвиговъ, послѣ такой славной побѣды, и торжественнаго обѣщанія, (Саулова, 1 Цар. 48, 15), считалъ себя недостойнымъ принять должную ему награду; и такъ думалъ онъ (о себѣ), готовясь подвергнуться новымъ опасностямъ.

7. Побѣдивъ враговъ и взявши (въ супружество) царскую дочь, *Давидъ играше, и искаше Саулъ копіемъ поразити Давида, и отступи Давидъ, и удари Саулъ копіемъ въ стѣну* (1 Цар. 19, 8—10). Кого-бы изъ самыхъ опытныхъ въ любомудріи не привело это въ гнѣвъ, и не заставило убить несправедливаго гонителя, если не для чего другаго, такъ для собственной безопасности? Вѣдь, это уже не было-бы и убійствомъ, напротивъ, (Давидъ) и въ такомъ случаѣ сталъ-бы выше закона. Законъ повелѣваетъ вырывать око за око; а Давидъ, если-бы и убилъ Саула, такъ сдѣлалъ-бы за три убійства только одно,—за три такія убійства, которыя не имѣли никакого благовиднаго предлога. Однакожъ онъ ни на что такое не покусился, но рѣшился лучше бѣжать, оставить домъ отеческій, сдѣлаться странникомъ и скитальцемъ, и съ горемъ пріобрѣтать себѣ необходимое пропитаніе, нежели подать царю случай къ убійству. Онъ заботился, не о томъ, чтобы отмстить за себя, но-что-

бы царя освободить отъ страсти. Поэтому и скрылся отъ глазъ врага, чтобы укротить его гнѣвъ, потушить огонь (страсти), обуздать злобу. Лучше самому мнѣ, говорилъ онъ, подвергнуться бѣдствіямъ и потерпѣть тысячу золъ, нежели подвергнуть его суду Божію за неправедное убійство. Этому будемъ, не только внимать, но и подражать; станемъ все переносить, и дѣлать и терпѣть, лишь-бы враговъ (нашихъ) освободить отъ непріязни къ намъ; не того будемъ доискиваться, справедливо, или несправедливо они злобятся на насъ, а того только, чтобы они перестали враждовать противъ насъ. Врачъ заботится о томъ, какъ-бы вылечить больнаго отъ болѣзни, а не о томъ, по своей-ли винѣ, или безъ причины этотъ подвергся болѣзни. И ты— врачъ для оскорбившаго тебя: объ одномъ только старайся, какъ-бы уничтожить болѣзнь его. Такъ поступилъ и этотъ блаженный: онъ предпочелъ бѣдность богатству, пустыню отчизнѣ, труды и опасности удовольствіямъ и покою, непрерывное бѣгство домашней жизни, для того, чтобы освободить Саула отъ злобы и вражды противъ себя.

8. Но Саулъ не воспользовался и этимъ: онъ продолжалъ преслѣдовать его, и всюду искалъ того, кто ничѣмъ не оскорбилъ его, напротивъ, самъ потерпѣлъ отъ него крайнія обиды, и за эти обиды еще сдѣлалъ чрезвычайно много добра. Наконецъ, онъ, не зная того, попадаетъ въ

самыя сѣти Давида: *и бѣ тамо*, сказано, *вертепъ. И Саулъ вниде испразднитися, Давидъ же и мужіе его во внутреннихъ вертепа сѣдяху. И рѣша мужи Давидовы къ нему: се день сей, о немже рече Господь тебѣ предати врага твоего въ руцѣ твои, и сотвориши ему, якоже угодно предъ очима твоима. И воста Давидъ, и отрѣза воскриліе одежды Саули отай. И бысть по сихъ, и вострепета Давиду сердце его, яко отрѣза воскриліе одежды Саули. И рече Давидъ къ мужемъ своимъ: никакоже ми отъ Господа, аще сотворю глаголъ сей господину моему Хрісту Господню, еже нанести руку мою нань, яко Хрістосъ Господень есть сей* (1 Цар. 24, 4—7). Видѣлъ ты, какъ раскинуты были сѣти, захвачена добыча, ловецъ стоялъ тутъ, и всѣ заставляли его вонзить мечъ въ грудь врага? Посмотри-же на любомудріе, посмотри на борьбу, на побѣду, на вѣнецъ. Поле́мъ (брани) была та пещера; борьба была чудная и необыкновенная: боролся Давидъ, нападалъ на него гнѣвъ, предметомъ борьбы служилъ Саулъ, а подвигоположникомъ былъ — Богъ. Мало этого, - у него (Давида) была борьба не только съ собою и съ своею страстію, но и съ бывшими тутъ воинами. Пусть-бы даже самъ онъ и хотѣлъ быть умѣреннымъ и пощадить оскорбителя: но вотъ, надлежало ему еще опасаться воиновъ, чтобы они не убили его самаго въ пещерѣ, какъ губителя и предателя ихъ спасенія, и сохраняющаго жизнь общему врагу ихъ.

и естественно было каждому изъ нихъ съ неудовольствіемъ говорить мысленно: мы сдѣлались бѣглецами и скитальцами, оставили домъ, отечество и все другое, дѣлили съ тобою всѣ бѣдствія; а ты, имѣя въ рукахъ виновника всѣхъ этихъ золъ, думаешь выпустить его, чтобы намъ никогда не отдохнуть отъ этихъ бѣдствій, и стараясь спасти врага, предаешь друзей. Гдѣ-же тутъ справедливость? Если ужъ не заботишься о своемъ собственномъ спасеніи, такъ пощади нашу жизнь. Тебя не огорчаетъ прошедшее? Ты не помнишь зла, которое потерпѣлъ отъ него? Умертви его ради будущаго, чтобы не потерпѣть намъ еще бóльшихъ и тягчайшихъ золъ. Все это, и еще больше этого, они, если и не высказали словами, такъ, по крайней мѣрѣ, передумали въ умѣ.

9. Но праведникъ не думалъ ни о чемъ этомъ; онъ имѣлъ въ виду одно только, какъ-бы ему украситься вѣнцомъ незлобія и показать на дѣлѣ нѣкое новое и особенное любомудріе. Ибо, если-бы онъ пощадилъ врага, будучи одинъ и самъ по себѣ, это было-бы не такъ удивительно, какъ теперь удивительно то, что онъ сдѣлалъ это при другихъ: потому-что присутствіе тѣхъ воиновъ служило двойнымъ препятствіемъ любомудрію. Такъ, часто мы сами, рѣшившись оставить гнѣвъ и простить кому-бы то ни было обиды, какъ увидимся съ другими, которые станутъ раздражать и подстрекать насъ,

оставляемъ свое рѣшеніе, покаряясь словамъ этихъ людей. Не случилось этого съ тѣмъ блаженнымъ; напротивъ онъ, и послѣ убѣжденій и совѣта воиновъ, остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи. И удивительно не только то, что онъ и не увлекся совѣтами другихъ, и не побоялся ихъ, но также то, что и ихъ настроилъ къ одинаковому съ собою любомудрію. Великое дѣло одолѣть самому собственныя страсти; но гораздо важнѣе — убѣдить и другихъ принять тотъ-же образъ мыслей, — и другихъ, не кроткихъ и скромныхъ людей, но воиновъ, привыкшихъ къ брани, утомленныхъ множествомъ трудовъ, желавшихъ хоть не много успокоиться, и знавшихъ, что отъ гибели врага зависѣло тогда прекращеніе ихъ бѣдствій, и не только прекращеніе бѣдствій, но и пріобрѣтеніе безчисленныхъ благъ, потому что, по смерти Саула, ничто-бы не мѣшало царству тотчасъ перейти въ руки Давида. Но не смотря, что столько было (обстоятельствъ), которыя раздражали воиновъ, этотъ доблестный нашелъ въ себѣ силы преодолѣть все это и убѣдить (воиновъ) пощадить врага.

10. Стóитъ послушать и самаго совѣта воиновъ: хитрость убѣжденія выказываетъ всю твердость и непреклонность воли праведника. Не сказали они: вотъ, кто причинилъ тебѣ безчисленное множество зла, кто искалъ твоей гибели, кто ввергнулъ и насъ въ невыносимыя

бѣдствія. Нѣтъ; такъ какъ они знали, что Давидъ пренебрегалъ всѣмъ этимъ и не обращалъ много вниманія на сдѣланныя ему оскорбленія, то указываютъ ему на приговоръ свыше, говоря: Богъ предалъ его (1 Цар. 24, 5), чтобы, покорившись высшему суду, онъ скорѣе рѣшился на убійство. Развѣ ты мстишь за себя? говорили они; Богу повинуешься и служишь, Его судъ приводишь въ исполненіе. Но чѣмъ болѣе говорили они такого, тѣмъ болѣе онъ оказывалъ пощады врагу; ибо зналъ, что Богъ предалъ ему Саула для того, чтобы дать ему случай заслужить бóльшую славу. И ты, какъ увидишь, что врагъ попалъ въ твои руки, не думай, что это случай къ наказанію (врага), но-къ его спасенію. Поэтому тогда то особенно и должно оказывать врагамъ пощаду, когда получаемъ надъ ними власть. Но можетъ быть, скажетъ кто: что-жъ важнаго и удивительнаго въ томъ, чтобы, имѣя врага въ своей власти, пощадить его?— Многіе и другіе цари, достигши власти и имѣя у себя въ рукахъ людей, нѣкогда ихъ оскорбившихъ, часто считали недостойнымъ себя, на такой высотѣ власти, мстить за оскорбленія: самая великость власти служила поводомъ къ прощенію. Но здѣсь нельзя сказать ничего такого. Давидъ имѣлъ Саула въ своихъ рукахъ, еще не достигши власти и не получивъ царства, и, не смотря на это, пощадилъ его, чтобы не сказалъ кто, будто величіе власти потушило въ немъ

гнѣвъ. Напротивъ, онъ зналъ, что пощаженный (Саулъ) снова примется за тоже и подвергнетъ его еще бо́льшимъ опасностямъ, и-однакожъ не убилъ. Не будемъ-же сравнивать его съ тѣми (царями). Тѣмъ легко оказывать пощаду, когда они имѣютъ вѣрный залогъ своей безопасности въ будущемъ: а этотъ, зная, что отпускаетъ врага себѣ и спасаетъ своего гонителя, однакожъ не умертвилъ его, и при томъ тогда, какъ многое побуждало его къ этому убійству. Въ самомъ дѣлѣ, и отсутствіе тѣхъ, кои-бы помогли Саулу, и убѣжденіе воиновъ, и воспоминаніе о прошедшемъ, и страхъ будущаго; также то, что онъ, убивъ врага, не будетъ и судимъ за убійство, и то, что послѣ этого убійства онъ можетъ стать выше закона, и многое другое, бо́льшее этого склоняло и побуждало вонзить мечь въ Саула, но ничему этому онъ не уступилъ, а устоялъ, какъ адамантъ, и непоколебимо соблюлъ законъ любомудрія. За симъ, чтобы не сказалъ ты, что онъ ничего такого и не чувствовалъ, какъ было естественно, и что поступокъ его доказывалъ не любомудріе, а безчувственность; смотри, какъ онъ укротилъ свое раздраженіе. Что въ немъ воздымались волны гнѣва, и происходило сильное волненіе помысловъ, но бурю укрощалъ онъ страхомъ Божіимъ и боролся съ помыслами (своими),—это видно изъ самаго событія. *И воста*, сказано, *и отрѣза воскриліе одежды Саулы отай.* Видишь, какая поднялась буря гнѣва? но она не

усилилась болѣе и не причинила кораблекрушенія; ибо кормчій, — благочестивый помыслъ, тотчасъ почувствовавъ (опасность), возстановилъ тишину на мѣсто бури. *И вострепета*, сказано, *Давиду сердце его*, и онъ обуздалъ гнѣвъ, какъ скачущаго и бѣшенаго коня (1 Цар. 24, 5. 6).

11. Таковы души святыхъ: онѣ возстаютъ, прежде чѣмъ упадутъ, и, прежде чѣмъ дойдутъ до грѣха, удерживаютъ себя, потому что трезвенны и непрестанно бодрствуютъ. Велико ли было разстояніе между тѣломъ и одеждою? Однако жъ Давидъ имѣлъ столько силы, чтобы не пойти далѣе, да и за это самое строго осудилъ себя; ибо *вострепета*, сказано, *Давиду сердце его, яко отрѣза воскриліе одежды Саули, и рече къ мужемъ своимъ: никакоже ми отъ Господа.* Что такое: *никакоже ми отъ Господа?* Да будетъ, говоритъ, милостивъ ко мнѣ Господь, и если бы даже самъ я и захотѣлъ, да не попуститъ мнѣ Богъ сдѣлать когда либо это, и да не позволитъ дойти до этого грѣха. Онъ видѣлъ, что такое любомудріе почти превышаетъ природу человѣческую и нуждается въ горней помощи, что и самъ онъ едва не склонился на убійство: поэтому и молится, чтобы Господь сохранилъ руку его чистою. Что можетъ быть болѣе кроткаго этой души? Называть ли его еще человѣкомъ, — его, который въ человѣческой природѣ совершилъ подвигъ ангельскій? Но не позволятъ этого божественные законы. Ибо кто бы, скажи

мнѣ, скоро рѣшился принести такую молитву Богу? И что говорю такую молитву? Кто безъ труда удержался бы отъ молитвы (о погибели) врага? Многіе вѣдь дошли до такого звѣрства, что, когда почувствуютъ себя слабыми и безсильными — сдѣлать зло оскорбившему ихъ, такъ вызываютъ на мщеніе самаго Бога, и просятъ, чтобы Онъ далъ имъ возможность наказать обидѣвшихъ. А этотъ (Давидъ), вознося молитву, совершенно противную молитвѣ всѣхъ такихъ людей, проситъ — не допустить его до мщенія, говоря: *никакоже ми отъ Господа, еже нанести руку мою нань*; говоритъ о врагѣ, какъ о сынѣ, какъ о родномъ дѣтищѣ. И онъ не только пощадилъ (Саула), но еще придумываетъ для него и оправданіе, и смотри, какъ разумно и мудро! Такъ какъ, разсматривая жизнь Саула, онъ не нашелъ въ ней ничего добраго, и не могъ сказать: я не обиженъ имъ и не потерпѣлъ отъ него никакого зла (это опровергли-бы бывшіе тутъ воины, которые опытомъ дознали злобу Саула): то и заходитъ съ другой стороны, стараясь найти благовидное оправданіе. Не могши найти этого ни въ жизни, ни въ поступкахъ Саула, онъ прибѣгнулъ къ его сану, и сказалъ: *яко христосъ Господень есть сей.* Что говоришь ты? Вѣдь это злодѣй, нечестивецъ, исполненный безчисленныхъ пороковъ, сдѣлавшій намъ всякое зло? — Но онъ царь, онъ начальникъ; ему ввѣрена власть надъ ними! — При-

томъ, не сказалъ: царь; но что? *Яко Христосъ Господень есть*; представилъ его достоуважаемымъ не за земной санъ, но ради горняго опредѣленія. Ты, говоритъ, презираешь сораба?–почтиже Владыку. Гнушаешься рукоположеннымъ?—убойся рукоположившаго. Если мы боимся и трепещемъ этихъ начальниковъ, поставленныхъ отъ царя, хотя-бы то были злые, хищники, разбойники, неправосудные, или другое что; если не презираемъ ихъ за такую ихъ злость, но уважаемъ ради достоинства того, кто поставилъ ихъ: тѣмъ болѣе должно это дѣлать по отношенію къ Богу. (Богъ), говоритъ Давидъ, еще не отнялъ у него (Саула) власти и не сдѣлалъ его частнымъ человѣкомъ. Не будемъ-же извращать порядка, не будемъ воевать съ Богомъ, приводя въ дѣло эти апостольскія слова: *тѣмже противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется; противляющіися-же себѣ грѣхъ пріемлютъ* (Евр. 13, 2).

12. И не помазанникомъ только (Давидъ) называлъ Саула, но и своимъ Господиномъ. Назвать врага именами, выражающими почтеніе и покорность—не обыкновеннаго благоразумія дѣло. — Какъ это важно, опять видѣть можно изъ того, что случается съ другими. Такъ многіе не могутъ называть враговъ своихъ простыми и голыми именами, но (называютъ) другими весьма бранными, каковы напримѣръ: негодяй, безумный, сумасшедшій, помѣшанный, губитель; при-

бираютъ множество и другихъ подобныхъ именъ, и ими называютъ враговъ. И что это правда, такъ я представлю тебѣ примѣръ, не изъ-далека, а изъ-близи, именно въ этомъ самомъ Саулѣ. По сильной ненависти, онъ не могъ называть этого праведника собственнымъ его именемъ, но, когда однажды совершаемо было празднество, спрашивалъ объ немъ вотъ какъ: *гдѣ сынъ Іесеевъ?* А такъ называлъ его, съ одной стороны потому, что ненавидѣлъ его имя, съ другой потому, что незнатностію отца хотѣлъ уменьшить славу праведника, а того не зналъ, что знаменитымъ и славнымъ человѣка дѣлаетъ, не знатность предковъ, но доблесть души. Не такъ поступилъ блаженный Давидъ. Не назвалъ онъ Саула и по отцѣ, хотя и тотъ былъ весьма низкаго и подлаго состоянія; не назвалъ и простымъ и голымъ его именемъ; напротивъ (назвалъ) по сану, по власти. Такъ незлобива была душа его! И ты, возлюбленный, поревнуй ему, и научись прежде всего, никогда не называть врага именами презрительными, но почетными. Ибо, если уста привыкнутъ называть оскорбившаго именемъ почетнымъ и пріятнымъ, то и душа, услышавъ это и будучи вразумляема и научаема языкомъ, охотно примирится съ нимъ. Самыя слова будутъ наилучшимъ врачествомъ сердечной язвы.

13. Это сказалъ я нынѣ, не для того, чтобы мы только похвалили Давида, но и—чтобы по-

ревновали ему. Пусть каждый живописуеть эту исторію на сердцѣ своемъ, постоянно изображая мыслями, какъ-бы рукою, ту двойную пещеру,—Саула, спящаго внутри ея, связаннаго сномъ, какъ бы какою цѣпью и лежащаго подъ рукою у того, кто потерпѣлъ отъ него величайшія обиды; — Давида, стоящаго надъ спящимъ;—воиновъ, тутъ бывшихъ и подстрекавшихъ къ убійству; блаженнаго того (Давида), любомудрствующаго и обуздывающаго гнѣвъ, и свой собственный и тѣхъ (воиновъ), и заступающагося за того, кто столько зла сдѣлалъ ему.— Это будемъ не только изображать на душѣ, но постоянно говорить другъ съ другомъ и въ собраніяхъ; эти повѣсти станемъ всегда расказывать и женѣ и дѣтямъ. Хочешь-ли говорить о царѣ? вотъ царь; о воинахъ-ли, о домѣ-ли, о дѣлахъ-ли общественныхъ? объ этомъ весьма много (повѣствованій) увидишь въ Писаніи. Этѣ повѣствованія приносятъ величайшую пользу. Ибо невозможно, невозможно, чтобы душа, занимающаяся этими исторіями, могла когда поддаться страсти. Итакъ, чтобы намъ не терять время напрасно, и не тратить жизнь свою на пустые и безполезные разговоры, изучимъ исторіи благочестивыхъ мужей, и будемъ постоянно говорить объ нихъ. И если кто изъ собесѣдниковъ захочетъ говорить или о зрѣлищахъ или о конскомъ бѣгѣ, или о дѣлахъ, вовсе до тебя не касающихся, ты, отвлекши его отъ того

предмета, введи въ эту исторію, чтобы намъ, и очистивъ душу, и свободно насладившись удовольствіемъ, и сдѣлавъ себя кроткими и снизходительными ко всѣмъ оскорбившимъ насъ, отойти туда, не имѣя ни одного врага, и достигнуть вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки. Аминь.

8 БЕСѢДА,

о Давидѣ и Саулѣ II [1]).

1. Вы недавно похвалили Давида за терпѣніе, а я вамъ подивился за благорасположеніе и любовь къ Давиду. Ибо не только упражненіе и соревнованіе въ добродѣтели, но и похвала и удивленіе упражняющимся въ ней приноситъ намъ не малую награду: точно такъ, какъ не только дѣланіе грѣха, но и одобреніе живу-

[1]) Надписывается: «о томъ, что не только подвизаться въ добродѣтели, но и хвалить ее—великое благо; такъ-же о томъ, что Давидъ большую одержалъ побѣду, пощадивъ Саула, нежели тогда, какъ низложилъ Голіаѳа; и что, сдѣлавъ это, онъ больше принесъ пользы себѣ, нежели Саулу; наконецъ, объ оправданіи его предъ Сауломъ».

щихъ въ немъ, приноситъ намъ не малое наказаніе, и, если уже сказать что и удивительное, (наказаніе), гораздо тягчайшее, чѣмъ то, которому подвергаются сами живущіе въ грѣхѣ. И что это правда, показываетъ Павелъ въ слѣдующихъ словахъ. Изчисливъ всѣ виды грѣха, и обвинивъ всѣхъ, попирающихъ законы Божіи, онъ прибавилъ и о тѣхъ самыхъ (которые одобряютъ злыхъ) вотъ что: *иже и оправданіе Божіе разумѣвше, яко таковая творящіи достойни смерти суть, не точію сами творятъ, но и соизволяютъ* (одобряютъ) *творящимъ. Сего ради безотвѣтенъ еси, о человѣче* (Рим. 1, 32. 2, 1)! Видишь, что Апостолъ сказалъ такъ для того, дабы показать, что это (одобреніе дѣлающихъ худое) преступнѣе того (самаго дѣланія зла). Такъ, одобреніе согрѣшающихъ гораздо бо̀льшаго заслуживаетъ наказанія, чѣмъ самое совершеніе грѣха. И совершенно справедливо: потому-что такое одобреніе обнаруживаетъ душу развращенную и страждущую неизцѣльною болѣзнію. Кто, сдѣлавъ грѣхъ, осуждаетъ его, тотъ со временемъ когда-нибудь можетъ исправиться: но кто хвалитъ грѣхъ, тотъ самъ отнялъ у себя врачевство покаянія. Стало быть, Апостолъ справедливо призналъ это (одобреніе грѣха) преступнѣйшимъ того (дѣланія грѣха). Слѣдовательно, какъ не только дѣлающіе зло, но и одобряющіе этихъ, подвергаются одинаковому съ нимъ, или еще болѣе тяжкому наказанію: такъ и хваля-

щіе и уважающіе добродѣтельныхъ бываютъ участниками въ вѣнцахъ, кои тѣмъ уготованы. И это самое можно видѣть также изъ Писанія. Бесѣдуя съ Авраамомъ, Богъ говоритъ: *благословлю благословящія тя, и кленущія тя проклену* (Быт. 12, 3). Это всякой можетъ видѣть и на олимпійскихъ играхъ: тамъ не только (прославляется) борецъ, украшенный вѣнцомъ, не только тотъ, кто понесъ труды и подвиги, но и кто удивляется побѣдителю, и тотъ получаетъ не малое удовольствіе отъ этого прославленія. Поэтому и я ублажаю, не только доблестнаго того (Давида) за любомудріе, но и васъ за благорасположеніе къ нему. Онъ сразился, побѣдилъ и— получилъ вѣнецъ: и вы, какъ прославили его побѣду, такъ и отошли отсюда, получивъ не малую часть того вѣнца. Итакъ, чтобы больше было удовольствія и пользы, вотъ предложимъ вамъ и остальную часть исторіи.

2. Дѣеписатель, сказавши слова, которыми Давидъ отказался отъ убійства, прибавилъ, что онъ *не даде имъ воставшимъ убити Саула* (1 Цар. 24, 8); этимъ хотѣлъ онъ вдругъ показать стремленіе воиновъ къ убійству и мужество Давида. Многіе изъ враждующихъ, и кажущіеся любодрами, если сами и не рѣшатся убить врага, такъ не захотятъ помѣшать другимъ губить его. Но Давидъ не такъ поступилъ; напротивъ, считая врага за нѣкій залогъ, въ которомъ долженъ онъ дать отчетъ, не только самъ не коснулся,

но и другимъ воспрепятствовалъ убить его, и такимъ образомъ, сдѣлался, вмѣсто врага, наилучшимъ тѣлохранителемъ и защитникомъ (Саула). Стало быть, не погрѣшитъ, кто скажетъ, что Давидъ подвергался тогда бóльшей опасности, нежели Саулъ. Ибо не малую вынесъ онъ борьбу, всячески стараясь избавить его (Саула) отъ злаго умысла воиновъ; и не столько боялся самъ быть убитымъ, сколько боялся того, чтобы кто-нибудь изъ воиновъ, увлекшись гнѣвомъ, не убилъ этого человѣка; поэтому и составилъ онъ такое оправданіе (Саулу). Тѣ обвиняли; а обвиняемъ былъ спавшій, оправдывалъ врагъ, судіею былъ Богъ, и—утвердилъ рѣшеніе Давида. Въ самомъ-дѣлѣ, Давидъ безъ Божіей помощи не могъ-бы одолѣть этихъ неистовыхъ (воиновъ); но благодать Божія возсѣдала на устахъ пророка и сообщала словамъ тѣмъ нѣкую убѣдительность. Впрочемъ и Давидъ не мало тому содѣйствовалъ: въ прежнее время такъ онъ училъ ихъ (воиновъ); поэтому и во время подвиговъ нашелъ ихъ готовыми и послушными. Онъ начальствовалъ надъ ними, не какъ вождь надъ воинами, но какъ священникъ; и—пещера та была уже церковію. Какъ будто облеченный епископствомъ, такъ онъ говорилъ имъ бесѣду, и послѣ этой бесѣды вознесъ чудную нѣкую и необычайную жертву: не тельца возложилъ на жертвенникъ, не агнца заклалъ, но, что гораздо драгоцѣннѣе этихъ жертвъ, при-

несъ Богу кротость и незлобіе, заклалъ безумную ярость, убилъ гнѣвъ, и *умертвилъ уды сущія на земли* (Кол. 3, 5). Самъ онъ былъ — и жертвою, и жрецомъ, и жертвенникомъ. Ибо и разумъ, принесшій (въ жертву) кротость и незлобіе, и это незлобіе, и эта кротость, и сердце, на которомъ онѣ принесены, все было-отъ него.

3. Итакъ, когда (Давидъ) принесъ эту прекрасную жертву, одержалъ такую побѣду и не опустилъ ничего, что (нужно было) для торжества, — всталъ наконецъ и предметъ борьбы — Саулъ, и вышелъ изъ пещеры, не зная ничего случившагося. *Изыде же и Давидъ въ слѣдъ его* (1 Цар. 24, 9), взирая уже свободными очами на небо и радуясь въ это время гораздо болѣе, нежели — когда низложилъ Голіаѳа и отсѣкъ главу иноплеменника. Ибо и побѣда эта была славнѣе той, и добыча значительнѣе, и прибыль важнѣе, и торжество блистательнѣе. Тамъ нужны были и праща, и камни, и борьба: здѣсь все совершилъ разумъ,—и побѣда одержана безъ оружія, трофей воздвигнутъ безъ пролитія крови. Итакъ Давидъ возвратился, неся, не главу иноплеменника, но умерщвленную ярость и обезсиленный гнѣвъ; и эту добычу внесъ онъ, не въ Іерусалимъ, но на небо, въ горній градъ. Теперь не хоры женъ встрѣчали его похвальными пѣснями, но ликъ Ангеловъ свыше рукоплескалъ, дивясь его любомудрію и кротости. Онъ возращался, послѣ того, какъ нанесъ врагу

безчисленныя раны; Саула онъ спасъ, а истиннаго врага—діавола поразилъ многими ударами. Ибо этотъ (діаволъ), какъ врагъ мира, ненавистникъ согласія и отецъ злобы, сколько радуется и торжествуетъ, когда мы предаемся гнѣву, ссоримся и нападаемъ другъ на друга, столько-же скорбитъ и печалится, когда мы сохраняемъ миръ и согласіе, и обуздываемъ гнѣвъ. Итакъ, Давидъ вышелъ (изъ пещеры), имѣя десницу свою, стоющую цѣлаго міра, увѣнчанною наравнѣ съ главою. Какъ цари, за успѣшную борьбу, часто украшаютъ вѣнкомъ, прежде головы, правую руку борца или панкратіаста [1]): такъ и Богъ увѣнчалъ ту руку, которая была въ состояніи вынести мечъ чистымъ, представить Богу оружіе не-обагреннымъ кровію, и устоять противъ такого напора гнѣва. Давидъ не вышелъ съ діадемою Сауловою, за то вышелъ съ вѣнцомъ правды; не вышелъ въ царской багряницѣ, за то вышелъ облеченный превышающею природу человѣческую кротостію, — такою одеждою, которая блистательнѣе всякаго облаченія. Онъ вышелъ изъ пещеры съ такою-же славою, съ какою три отрока (вышли) изъ печи: тѣхъ не сожегъ огнь, и его не опалило пламя гнѣва. Тѣмъ ничего не сдѣлалъ со-внѣ обнимавшій ихъ огонь; а этотъ, и внутри себя имѣя горящіе

[1]) Панкратіастъ—побѣдитель въ пяти гимнастическихъ играхъ, именно: въ игрѣ въ борьбу, въ кулачки, въ бѣгъ, въ дискъ, и въ прыжки.

угли, и внѣ видя діавола, который поджигалъ печь видомъ врага, внушеніемъ воиновъ, удобствомъ совершить убійство, отсутствіемъ тѣхъ, кои помогли-бы (Саулу), воспоминаніемъ прошедшаго, опасеніемъ за будущее (а это, конечно, возбуждало болѣе яркое пламя, чѣмъ хворостъ, смола, и солома и всѣ вещества, разжигавшія вавилонскую печь), не воспламенился и не потерпѣлъ ничего такого, что̀ бы естественно было (потерпѣть), но вышелъ чистъ; и тѣмъ-то особенно и воодушевился, что увидѣлъ лицо врага. Увидя его спящимъ, неподвижнымъ и не способнымъ ничего сдѣлать, онъ сказалъ самъ себѣ: гдѣ теперь гнѣвъ тотъ? гдѣ злоба? гдѣ столь многократныя злоумышленія и навѣты? Все это ушло и пропало при легкомъ нападеніи сна; и царь лежитъ связаннымъ, хотя мы нисколько не думали и не заботились объ этомъ. Смотрѣлъ онъ на спящаго, и размышлялъ объ общей для всѣхъ смерти: ибо сонъ есть не иное что, какъ временная смерть и ежедневная кончина.

4. Не неблаговременно вспомнить здѣсь и о Даніилѣ. Какъ тотъ вышелъ изъ рва, побѣдивъ звѣрей, такъ и этотъ (Давидъ) изъ пещеры, одолѣвъ иныхъ, болѣе лютыхъ звѣрей. Какъ того праведника съ обѣихъ сторонъ окружали львы, такъ и на этого нападали свирѣпѣйшіе изъ всѣхъ львовъ, — страсти: съ одной стороны — негодованіе за прошедшее, съ другой-страхъ

будущаго; однакожъ онъ усмирилъ и обуздалъ того и другаго звѣря, самымъ дѣломъ научая (насъ), что нѣтъ ничего безвреднѣе, какъ щадить враговъ, и ничего опаснѣе, какъ желаніе платить и мстить за себя. Вотъ, (Саулъ) захотѣвшій преслѣдовать (Давида), лежалъ обнаженный, безоружный, оставленный всѣми, преданный (врагу), какъ плѣнникъ; а кроткій и всегда уступчивый, не рѣшившійся даже и на справедливое преслѣдованіе, Давидъ захватилъ въ свои руки врага безъ хитростей, безъ оружія, безъ конницы, безъ войска, и, что всего важнѣе, привлекъ къ себѣ еще бо́льшее благоволеніе Божіе. Ибо не за то ублажаю этого праведника, что онъ увидѣлъ врага лежащаго у своихъ ногъ, но за то, что, захвативъ его въ свои руки, пощадилъ. То было дѣломъ силы Божіей, а это— его любомудрія. И какъ потомъ воины должны были быть послушны ему; какую любовь питать къ нему! Если-бы у нихъ было по тысячѣ душъ, не охотно-ли бы они отдали всѣ (души) за своего вождя, узнавъ на дѣлѣ, изъ пощады врагу, любовь его къ своимъ? Если онъ былъ кротокъ и снисходителенъ къ оскорбившимъ, тѣмъ болѣе могъ быть такъ расположенъ къ своимъ доброжелателямъ. А это служило ему наилучшимъ залогомъ безопасности. Впрочемъ, воины стали не только расположеннѣе къ нему, но и усерднѣе сражаться съ врагами, узнавъ, что поборникомъ своимъ они имѣютъ Бога,

всегда присущаго их вождю и облегчающаго всѣ дѣла его. И — они повиновались Давиду, не какъ уже человѣку, но какъ Ангелу. Такимъ образомъ, онъ, прежде награды отъ Бога, еще здѣсь получилъ болѣе пользы, нежели спасенный имъ (Саулъ), и одержалъ теперь болѣе славную побѣду, нежели когда-бы умертвилъ его. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-бы могъ онъ получить столько пользы, убивъ врага, сколько получилъ теперь, пощадивъ его? Посему и ты, когда захватишь въ свои руки оскорбившаго тебя, разсуждай такъ, что гораздо лучше и полезнѣе пощадить, нежели погубить его. Ибо кто погубитъ (врага), тотъ будетъ и себя часто осуждать, и имѣть безпокойную совѣсть, ежедневно и ежечасно преслѣдуемый этимъ своимъ грѣхомъ. А кто пощадитъ и удержится на короткое время, тотъ послѣ веселится и радуется, питая отрадныя надежды и ожидая отъ Бога наградъ за терпѣніе. И если онъ когда подвергнется какой нибудь опасности, то съ великимъ дерзновеніемъ будетъ просить у Бога награды, какъ все это испыталъ на себѣ и Давидъ, получившій въ послѣдствіи отъ Бога великія и чудныя награды за пощаду этого врага. Но посмотримъ и на послѣдующее.

5. *И изыде*, говоритъ Писаніе, *Давидъ въ слѣдъ Саула изъ вертепа, и возопи Давидъ въ слѣдъ его, глаголя: господине царю, и озрѣся Саулъ въ слѣдъ себе, и преклонися Давидъ лицемъ*

своимъ до земли, и поклонися ему (1 Цар. 24, 9). Это не менѣе приноситъ чести Давиду, какъ и спасеніе врага. Не обыкновенной души было дѣломъ — не возгордиться благодѣяніями, оказанными ближнему, тѣмъ болѣе не поступить подобно бóльшей части людей, которые съ презрѣніемъ смотрятъ на облагодѣтельствованныхъ ими, какъ на рабовъ, и высоко поднимаютъ брови. Нѣтъ, не такъ поступилъ блаженный Давидъ: напротивъ, оказавъ благодѣяніе, онъ былъ еще болѣе скроменъ. Причина та, что онъ ни одного изъ этихъ добрыхъ дѣлъ не считалъ плодомъ своего старанія, но все приписывалъ благодати Божіей. Поэтому, самъ онъ — спасшій (Саула), самъ кланяется спасенному, и опять называетъ его царемъ, а себя именуетъ рабомъ, низлагая достоинствомъ того (собственное) надменіе, укрощая гнѣвъ, и искореняя злобу.

6. Послушаемъ и самаго оправданія. *Почто слушаеши словесъ людей, глаголющихъ: се Давидъ ищетъ души твоея* (1 Цар. 24, 10)? Выше писатель сказалъ, что весь народъ былъ на сторонѣ Давида (1 Цар. 18, 16—28),—что онъ пользовался любовію слугъ царскихъ (22); что и сынъ царя и все войско стояли за-одно съ нимъ (19, 1). Какъ-же здѣсь говоритъ, что были люди, которые обносили (Давида), клеветали на него, и раздражали Саула? Что Саулъ гналъ праведника не по наученію другихъ, но самъ возбудивъ въ себѣ эту злобу, это также показалъ

писатель книги, сказавши, что зависть родилась (въ Саулѣ) отъ похвалъ (Давиду), и потомъ возрастала съ каждымъ днемъ (1 Цар. 18, 9. 29). Для чего-же Давидъ слагаетъ вину на другихъ, говоря: *почто слушаеши словесъ людей, глаголющихъ: се Давидъ ищетъ души твоея?* Для того, чтобы дать ему случай прекратить злобу. Это дѣлаютъ часто и отцы съ сыновьями: какъ случится, что у кого нибудь изъ нихъ испортится сынъ и надѣлаетъ много зла, то, хотя отецъ и совершенно убѣжденъ, что сынъ уклонился ко злу самъ собою, слагаетъ однакожъ проступки его на другаго, говоря такъ: «знаю что это не твой былъ грѣхъ; другіе соблазнили тебя и испортили; они всему этому виною.» Слыша это, сынъ скорѣе будетъ въ состояніи, мало-по-малу устраняясь отъ зла, возвратиться къ добродѣтели, потому-что стыдно и совѣстно ему оказаться недостойнымъ такого о себѣ мнѣнія. Такъ поступилъ и Павелъ, пиша къ Галатамъ. Послѣ многихъ и продолжительныхъ тѣхъ словъ и несказанныхъ обвиненій, которыми онъ обвинилъ ихъ, подъ конецъ посланія, желая устранить отъ нихъ обвиненіе, чтобы они, нѣсколько отдохнувъ отъ обличеній, могли дойти до оправданія, вотъ какъ онъ говоритъ: *азъ надѣюся о васъ, яко ничтоже ино разумѣти будете: смущаяй-же васъ понесетъ грѣхъ, кто-бы ни былъ* (Гал. 5, 10). Тоже сдѣлалъ здѣсь и Давидъ. Словами: *почто слушаеши словесъ людей, глаголющихъ: се Давидъ*

ищетъ души твоея? онъ показалъ, что другіе раздражали (Саула), другіе разстроивали;—такимъ образомъ онъ всячески старался доставить Саулу оправданіе отъ его винъ. За тѣмъ Давидъ, оправдывая самаго себя, говоритъ: *се днесь видѣста очи твои, яко предаде тя Господь днесь въ руцѣ мои въ вертепѣ, и не восхотѣхъ убити тебе, и пощадихъ тя, и рѣхъ: не нанесу руки моея на Господа моего, яко помазанникъ Господень сей есть* (1 Царств. 24, 11). Тѣ обносятъ меня словами, говоритъ онъ, а я оправдываюсь дѣлами, опровергаю обвиненіе поступками. Не нужны мнѣ слова, когда самый исходъ дѣлъ, яснѣе всякаго слова, можетъ показать, кто они и кто я, и что доносъ, на меня сдѣланный, ложь и клевета; въ свидѣтели этому призываю не другаго кого, но самаго тебя, мною облагодѣтельствованнаго.

7. Да какъ, скажетъ кто нибудь, Саулъ могъ быть свидѣтелемъ? вѣдь, когда это происходило, онъ спалъ, и ни словъ не слыхалъ, ни самаго Давида не видалъ, когда этотъ былъ тутъ и разговаривалъ съ воинами.-Какъ-же отвѣтить намъ, чтобы доказательство было ясно? Если-бы Давидъ представилъ въ свидѣтели людей, которые тогда съ нимъ были, Саулъ заподозрилъ-бы это свидѣтельство, и подумалъ-бы, что они говорятъ это въ угодность праведнику. А если-бы онъ вздумалъ оправдываться посредствомъ умозаключеній и вѣроятностей, то еще менѣе заслужилъ-

бы вѣры, потому-что разумъ судьи былъ разстроенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто послѣ столькихъ благодѣяній преслѣдовалъ человѣка, не сдѣлавшаго ему никакой непріятности, тотъ какъ могъ-бы повѣрить, что обиженный, захвативъ въ руки обидѣвшаго, пощадилъ его? Люди, бо́льшею частію, судятъ и о другихъ по себѣ. Такъ, постоянно пьянствующій не легко повѣритъ, что есть человѣкъ, живущій трезво; привязанный къ распутнымъ женщинамъ считаетъ распутными и тѣхъ, кто живетъ честно; похититель чужаго не легко повѣритъ, что есть люди, которые раздаютъ и свое. Такъ и Саулъ, разъ отдавшись въ плѣнъ гнѣву, не легко повѣрилъ-бы, что есть человѣкъ, до того возвысившійся надъ этою страстію, что не только не дѣлаетъ никакой обиды, но и спасаетъ своего оскорбителя. Итакъ, послику и разумъ судьи (Саула) былъ разстроенъ, и свидѣтели, если-бы были представлены, могли быть заподозрѣны, Давидъ приготовилъ такое доказательство, которое сильно было заградить уста и самымъ безстыднымъ людямъ. Какое-же это доказательство? Край одежды, который выставляя, говорилъ (Давидъ): *се воскриліе одежды твоея въ руцѣ моей, азъ отъяхъ воскриліе одежды твоея, и не убихъ тебе* (1 Цар. 24, 12). Свидѣтель безгласный, но говорившій яснѣе имѣющихъ голосъ! Если-бы я, говорилъ (Давидъ), не былъ близко и не стоялъ подлѣ самаго твоего тѣла, то не отрѣзалъ-бы части

отъ твоей одежды. Видишь, сколько добра вышло изъ того, что Давидъ въ началѣ былъ возмущенъ? Если-бы онъ не подвигся на гнѣвъ, мы не узнали-бы любомудрія этого мужа (многимъ скорѣе показалось-бы, что пощада сдѣлана не по любомудрію, а по безчувственности); да и онъ не отрѣзалъ-бы края (Сауловой) одежды, а не отрѣзавъ, не могъ-бы ни чѣмъ другимъ убѣдить врага. Теперь-же, разгнѣвавшись и отрѣзавши, онъ представилъ несомнѣнное доказательство своей предусмотрительности.

8. Представивъ такимъ образомъ истинное и незаподозримое свидѣтельство, Давидъ уже призываетъ самаго врага въ судіи и свидѣтели своего къ нему уваженія,—говоря: *уразумѣй и виждь днесь, яко нѣсть злобы въ руцѣ моей, ниже презорства, а ты ищеши души моея изъяти ю.* Особенно заслуживаетъ онъ удивленія за великодушіе потому, что заимствуетъ свое оправданіе только изъ случившагося въ тотъ день, ибо на это указалъ онъ словами: *уразумѣй и виждь днесь.* Ничего, сказалъ, не говорю о прошедшемъ; въ доказательство довольно для меня и настоящаго дня. Могъ онъ, если-бы захотѣлъ, насчитать много и великихъ благодѣяній, прежде оказанныхъ (Саулу); могъ напомнить ему о единоборствѣ съ иноплеменникомъ и сказать: когда иноплеменническая война, какъ нѣкое наводненіе, угрожала всему государству раззореніемъ, и вы всѣ поражены были страхомъ и уныніемъ,

и каждый день ожидали смерти; тогда я пришелъ, и, хотя никто меня не понуждалъ, напротивъ, и ты останавливалъ и удерживалъ, говоря: *не возможеши поити, яко, ты дѣтищъ еси, сей же мужъ борецъ есть отъ юности своея* (1 Цар. 17, 33), однакожъ я не утерпѣлъ, но выступилъ напередъ всѣхъ другихъ, схватилъ противника, отсѣкъ ему голову, остановилъ нападеніе враговъ, какъ нѣкое стремленіе потока, и укрѣпилъ колеблющееся государство. Чрезъ меня и ты имѣешь царство и жизнь, и всѣ другіе, вмѣстѣ съ жизнію, отечество и домы, дѣтей и женъ. Да и кромѣ этой побѣды, могъ онъ указать и на другія, не менѣе важныя войны, счастливо оконченныя имъ. Могъ присовокупить и то, что, хотя (Саулъ) не разъ и не два, но многократно покушался убить его, и даже пускалъ копье въ его голову, однакожъ онъ не помнилъ зла; что и послѣ этого, (Саулъ), намѣреваясь дать награду (Давиду) за прежнее сраженіе, потребовалъ отъ него въ даръ (невѣстѣ), не золота и серебра, но смерти и совершенной погибели; да и на этомъ не остановился. Все это, и гораздо еще больше этого, могъ сказать Давидъ: однакожъ ничего такого не сказалъ, потому что хотѣлъ не попрекнуть его своими благодѣяніями, но только убѣдить, что онъ (Давидъ) изъ числа тѣхъ, которые любятъ и почитаютъ его (Саула), а не изъ тѣхъ, кои злоумышляютъ и враждуютъ противъ него. Посему

оставивъ все это, онъ привелъ въ оправданіе свое только то, что случилось въ тотъ день. Такъ-то былъ онъ чуждъ гордости и всякаго тщеславія, и имѣлъ въ виду только одно—волю Божію!

9. За тѣмъ (Давидъ) говоритъ: *да судитъ Господь между мною и тобою.* Это слово сказалъ онъ не потому, чтобы желалъ Саулу наказанія и отмщенія, но чтобы устрашить его напоминаніемъ о будущемъ судѣ, и не только чтобы его устрашить, но чтобы и самому оправдать себя. Конечно, у меня, говоритъ онъ, весьма сильныя есть доказательства въ самыхъ дѣлахъ моихъ; но если не вѣришь имъ, такъ я призываю въ свидѣтели самаго Бога, который знаетъ сердечныя тайны и можетъ испытать совѣсть каждаго. Говорилъ-же онъ это, давая разумѣть, что онъ не осмѣлился-бы призывать Судію нелицепріятнаго и передавать дѣло на Его судъ, еслибы не былъ совершенно увѣренъ о себѣ, что чистъ отъ всякаго злаго умысла. И что сказанное мною не догадка, но что Давидъ напомнилъ объ этомъ судѣ, желая и оправдать себя, и вразумить Саула, это довольно показываютъ уже и прежнія событія; но не менѣе ихъ можетъ увѣрить въ этомъ и случившееся послѣ. Когда онъ снова захватилъ въ свои руки Саула, который и послѣ той пощады преслѣдовалъ его и хотѣлъ погубить; когда имѣлъ возможность истребить его со всѣмъ войскомъ: и

тогда отпустилъ его, не причинивъ ему никакой непріятности, какой тотъ, естественно, могъ бы подвергнуться. Для этого-же, зная, что Саулъ боленъ неисцѣльно и никогда не оставитъ вражды противъ него, Давидъ скрылся съ глазъ его и жилъ у иноплеменниковъ, въ рабствѣ, въ уничиженіи, въ поношеніи, съ трудомъ и съ горемъ пріобрѣтая себѣ необходимую пищу.

10. И не это только достойно удивленія, но еще и то, что онъ, услышавъ о пораженіи Саула на войнѣ, раздралъ одежду, посыпалъ себя пепломъ, и восплакалъ такимъ плачемъ, какимъ другой восплакалъ-бы, развѣ только лишившись единственнаго и любимаго сына; — постоянно повторялъ онъ имя Саула вмѣстѣ съ именемъ сына его, слагалъ имъ похвальную рѣчь, испускалъ жалобный вопль, до вечера оставался безъ пищи, и проклиналъ самыя тѣ мѣста, которыя приняли въ себя кровь Саула. *Горы гелвуйскія*, говорилъ онъ, *да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ*: горы смерти, *яко тамо поверженъ бысть щитъ сильныхъ* (2 Цар. 1, 21). Что дѣлаютъ часто отцы, отвращаясь отъ дома, и съ грустію смотря на дорогу, по которой пронесли они (умершаго) сына: тоже сдѣлалъ и Давидъ, — проклялъ горы, на которыхъ совершилось пораженіе Саула. Ненавижу, говорилъ онъ, самое мѣсто изъ-за тѣхъ, которые пали тамъ мертвыми. Да не орошаютъ васъ (горы) болѣе дожди небесные: ибо вы однажды оро-

сились несчастію кровію возлюбленныхъ моихъ. И непрестанно повторяетъ онъ имена ихъ, говоря такъ: *Саулъ и Іонаѳанъ, возлюбленніи и прекрасніи, неразлучни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучишася* (2 Цар. 1, 23). Не имѣя возможности обнять отсутствующія тѣла ихъ, онъ объемлетъ ихъ имена, услаждая такимъ образомъ, по возможности, скорбь свою и облегчая тяжесть несчастія. Ибо тогда, какъ для многихъ паденіе обоихъ (Саула и Іонаѳана) въ одинъ день казалось невыносимымъ несчастіемъ, Давидъ это самое (паденіе) обратилъ въ предметъ утѣшенія. Это именно, а не другое что, показываютъ слова его: *неразлучни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучишася.* Нельзя, говоритъ, сказать, чтобы сынъ оплакивалъ свое сиротство, а отецъ рыдалъ о потерѣ сына; нѣтъ, чего не случилось ни съ кѣмъ, то случилось, говоритъ, съ ними: вмѣстѣ, въ одинъ день отторгнуты они отъ жизни, и ни одинъ не пережилъ другаго; иначе, каждому изъ нихъ жизнь была-бы не въ жизнь, еслибы пришлось разстаться съ другимъ.

11. Вы растрогались теперь, заплакали, возмутились духомъ, и ваши глаза стали готовы проливать слезы? Вспомни-же теперь, пока еще сердце горитъ печалію, (вспомни) каждый о своемъ врагѣ и оскорбителѣ, и береги его при жизни, и оплакивай по смерти, не на показъ, но отъ души и отъ чистаго сердца. И хотя-бы

пришлось потерпѣть что, только-бы не оскорбить обидѣвшаго, все сдѣлай и перенеси, въ надеждѣ великихъ наградъ отъ Бога. Вотъ Давидъ и царство получилъ, и руки не осквернилъ, но какъ соблюлъ десницу свою чистою, такъ и вѣнцомъ украсился, и на престолъ взошелъ, имѣя болѣе багряницы и діадемы блистательное основаніе славы—то, что пощадилъ врага и оплакалъ его, когда тотъ палъ. За это воспоминается онъ, не только при жизни, но и по смерти. Такъ, если и ты, человѣкъ, желаешь и здѣсь получить всегдашнюю славу, и тамъ насладиться неизмѣнными благами: подражай добродѣтели (этого) праведника, поревнуй его любомудрію, покажи на дѣлѣ такое-же терпѣніе, чтобы, понесши одинаковые съ нимъ труды, удостоиться (тебѣ) одинаковыхъ и благъ, которыя получить да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

9 БЕСѢДА,

о Давидѣ и Саулѣ III [1]).

1. Многіе, думаю, изъ тѣхъ, которые недавно оставили насъ и ушли на зрѣлища беззаконія, сего-дня находятся здѣсь. И хотѣлъ-бы я знать ихъ вѣрно, дабы изгнать изъ священнаго притвора, не съ тѣмъ, чтобы они навсегда остались внѣ его, но чтобы исправились, и потомъ вошли сюда снова. Такъ часто и отцы выгоняютъ дурныхъ дѣтей изъ дому и удаляютъ отъ стола, не съ тѣмъ, чтобы они навсегда лишились этихъ (дома и стола отцовскаго), но чтобы, сдѣлавшись лучшими отъ этого вразумленія, возвратились подъ родительской кровъ съ подобающею честію. Такъ дѣлаютъ и пастухи: отдѣляютъ овецъ, покрытыхъ коростою, отъ здоровыхъ, чтобы онѣ, освободившись отъ злокачественной болѣзни, безопасно могли возвратиться къ здоровымъ, и чтобы (напротивъ) больныя не сообщили всему стаду той-же болѣзни. Для

---

[1]) Надписывается: «о томъ, что ходить на зрѣлища гибельно,—что это ведетъ къ прелюбодѣянію и бываетъ причиною неудовольствія и раздора; такъ-же, о томъ, что Давидъ въ отношеніи къ Саулу превзошелъ всякую мѣру терпѣнія,—о томъ, наконецъ, что перенести съ кротостію хищеніе столько же значитъ, какъ подать милостыню.»

этого-же и намъ хотѣлось-бы знать тѣхъ [1]); но, если и не можемъ мы распознать ихъ чувственными глазами, то слово, конечно, узнаетъ ихъ и, коснувшись ихъ совѣсти, легко убѣдитъ ихъ добровольно выдти (изъ церкви), внушая имъ, что внутри (ея) находится только тотъ, кто имѣетъ расположеніе духа, достойное пребыванія здѣсь; а тотъ, напротивъ, кто приходитъ въ это священное собраніе съ развращенными нравами, хоть и входитъ сюда тѣломъ, изверженъ (отсюда) и удаленъ гораздо больше, нежели стоящіе за дверьми и еще не могущіе быть причастниками священной трапезы. Тѣ, изверженные и остающіеся внѣ (церкви) по заповѣди Божіей, еще имѣютъ благія надежды: потому что, если захотятъ исправиться отъ грѣховъ, за которыя изгнаны изъ церкви, могутъ съ чистою совѣстію опять войти. Но осквернившіе себя, и, не смотря на запрещеніе входить сюда, пока не очистятся отъ скверны грѣховной, безстыдно приходящіе (въ церковь), усиливаютъ свою болѣзнь и растравляютъ рану. Преступно не столько дѣланіе грѣха, сколько безстыдство послѣ грѣха и неповиновеніе священникамъ, которые налагаютъ подобныя запрещенія. Но что за важный грѣхъ, скажешь, сдѣлали эти люди, чтобы за него изгнать ихъ изъ этой священной ограды? А какой другой еще надобенъ

---

[1]) Т. е. ушедшихъ въ театры.

тебѣ грѣхъ, больше грѣха этихъ людей, когда они, сдѣлавъ себя совершенными прелюбодѣями, безстыдно, какъ бѣшеные псы, устремляются къ этой священной трапезѣ? И если хочешь ты узнать и самый способъ прелюбодѣянія, то скажу тебѣ слово, не мое, но самого того, кто будетъ судить всю нашу жизнь. *Всякъ*, говоритъ Онъ, *иже воззритъ на жену, ко еже вождел҃ѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. 5, 28). Если случайно встрѣтившаяся на площади и одѣтая, какъ-попало, женщина своимъ видомъ можетъ иногда уловить человѣка, который изъ любопытства посмотритъ на нее: то какъ могутъ сказать о себѣ, что смотрѣли не съ похотствованіемъ, тѣ, которые входятъ туда (въ театры) не просто и не случайно, но для этого именно и съ такимъ рвеніемъ, что небрегутъ и о церкви, проводятъ цѣлые дни, пригвоздившись глазами къ безчестнымъ тѣмъ женщинамъ, (проводятъ тамъ), гдѣ развратныя рѣчи, блудныя пѣсни, любострастный голосъ, подкрашенныя брови, нарумяненныя щеки, наряды, подобранные съ особеннымъ искуствомъ, поступь, исполненная очарованія, и множество приготовлено другихъ приманокъ для обольщенія и увлеченія зрителей;—гдѣ и душа зрителя въ безпечности и великой разсѣянности, гдѣ и самое мѣсто возбуждаетъ къ любострастію; гдѣ мелодія предшествующихъ и послѣдующихъ пѣсней, выигрываемыхъ на трубахъ, свирѣляхъ

и другихъ подобныхъ инструментахъ, очаровываетъ и разслабляетъ силу ума, подготовляетъ души находящихся тамъ къ обольщеніямъ блудницъ, и дѣлаетъ ихъ легкоуловимыми. Если похоть часто, какъ какой нибудь хитрый разбойникъ, тайно входитъ (въ человѣка) и здѣсь, гдѣ псалмы, и молитвы, и слышаніе божественныхъ словъ, и страхъ Божій, и великое благоговѣніе: то какъ могутъ быть выше этой злой похоти тѣ, которые сидятъ въ театрѣ, и ничего здраваго не видятъ и не слышатъ, напротивъ, (и внутри) исполнены гнусности и разврата, и (отвнѣ) терпятъ пораженіе чрезъ всѣ (чувства), и чрезъ слухъ, и чрезъ зрѣніе? Если-же они этого не могутъ: то какъ могутъ когда-либо освободиться отъ вины прелюбодѣянія? А не свободные отъ вины прелюбодѣянія, какъ могутъ они, безъ покаянія, вступить въ этотъ священный притворъ и участвовать въ этомъ прекрасномъ собраніи?

2. Поэтому увѣщаваю и прошу ихъ напередъ очиститься, исповѣдію, и покаяніемъ, и всѣми другими способами, отъ грѣха, сдѣланнаго ими на зрѣлищѣ, и тогда уже слушать божественныя слова. Грѣхъ этотъ не маловаженъ; это всякій ясно увидитъ изъ примѣровъ. Еслибы какой слуга въ тотъ ящикъ, гдѣ хранится дорогая и раззолоченная, господская одежда, положилъ грязное и покрытое вшами, служительское платье: перенесъ-ли бы ты, скажи мнѣ, равнодушно такое оскорбленіе? А что, если-бы

кто въ золотой сосудъ, въ которомъ постоянно держались благовонныя масти, влилъ пометъ и грязь: не наказалъ-ли бы ты и побоями виновнаго въ этомъ? Такъ о ящикахъ и сосудахъ, одеждахъ и благовонныхъ мастяхъ мы станемъ показывать столько заботливости, а душу свою почтемъ хуже всего этого? и туда, куда влито духовное мvро, будемъ влагать дьявольскіе образы, сатанинскія басни и пѣсни блудныя? Какъ, скажи мнѣ, потерпитъ это Богъ? Между тѣмъ, не такъ велико разстояніе между благовонною мастію и грязью, и между одеждою господскою и служительскою, какъ между духовною благодатію и этимъ злымъ дѣломъ. Ужели не боишься ты, человѣкъ, одними и тѣми-же глазами смотрѣть-и на сцену въ театрѣ, гдѣ представляются гнусныя драмы прелюбодѣянія, и на эту священную трапезу, гдѣ совершаются страшныя таинства? одними и тѣми-же ушами слушать и сквернословящую блудницу, и поучающаго тебя (тайнамъ) пророка и апостола? однимъ и тѣмъ-же сердцемъ принимать и смертоносный ядъ, и страшную и святую жертву? Не отсюда-ли развращеніе жизни, разстройство брачныхъ союзовъ, распри и ссоры въ семействахъ? Въ самомъ дѣлѣ, когда ты разстроившись тамошнимъ зрѣлищемъ, и сдѣлавшись болѣе сладострастнымъ и похотливымъ, и совершеннымъ врагомъ цѣломудрія, возвратишься домой и увидишь свою жену: тебѣ уже не такъ пріятно бу-

детъ смотрѣть на нее, какова-бы она ни была. Распалившись (возбужденною) на зрѣлищахъ похотію, и плѣняясь чужимъ обольстительнымъ лицомъ, ты отвращаешься отъ цѣломудренной и скромной жены, подруги всей твоей жизни, оскорбляешь ее, осыпаешь тысячею упрековъ, не потому, чтобы было тебѣ за что винить ее, но потому-что стыдно высказать страсть и показать рану, съ которою ты возвратился оттолѣ домой; сплетаешь другіе предлоги, безумно выискивая повода къ ссорѣ; — съ отвращеніемъ смотришь на всѣхъ домашнихъ, предавшись совершенно той гнусной и нечистой похоти, которою уязвленъ, и, нося въ душѣ запавшій въ нее звукъ голоса, поступь, взглядъ, движенія и всѣ образы блудные, ни на что домашнее не смотришь съ удовольствіемъ. И что говорю о женѣ и домѣ? На самую церковь будешь смотрѣть не такъ пріятно, и слова о цѣломудріи и чистотѣ будешь слушать съ неудовольствіемъ. Слова эти будутъ тебѣ не поученіемъ, а осужденіемъ; мало-по-малу ты уклоняешься и наконецъ совсѣмъ отстаешь отъ этого общеполезнаго ученія. Поэтому, прошу всѣхъ васъ, и сами избѣгайте гибельнаго пребыванія на зрѣлищахъ, и посѣщающихъ оныя увлекайте оттуда. Ибо все, что бываетъ тамъ, ведетъ, не къ исправленію души, но къ погибели, осужденію и наказанію. Что пользы въ этомъ кратковременномъ удовольствіи, когда изъ него раждается посто-

янная скорбь, и ты днемъ и ночью уязвляемый похотію, для всѣхъ становишься тягостнымъ и непріятнымъ? Испытай-же самаго себя, каковъ бываешь ты по возвращеніи изъ церкви, и каковъ по выходѣ изъ театра; сличи оба эти дни,— и тебѣ не будетъ нужды въ нашихъ словахъ. Сравненіе этихъ двухъ дней достаточно покажетъ, какъ много пользы (пріобрѣтается) здѣсь, и какъ много вреда—тамъ.

3. Объ этомъ я и теперь сказалъ вашей любви, и никогда не перестану говорить: потому что чрезъ это мы и страждущихъ такими недугами облегчимъ, и здоровымъ доставимъ болѣе безопасности; тѣмъ и другимъ слово объ этомъ полезно;—однимъ для того, чтобы отстали (отъ страсти къ театрамъ), а другимъ для того, чтобы не впали (въ эту страсть). Но какъ и въ обличеніи нужно быть умѣренными, то, остановивъ на этомъ наше увѣщаніе, предложимъ вамъ остальное изъ прежняго предмета;—снова возвратимся къ Давиду. Живописцы, когда хотятъ написать портретъ, сходный (съ подлинникомъ), сидятъ, обыкновенно, день, два и три, предъ тѣми, съ кого хотятъ писать, чтобы при помощи продолжительнаго наблюденія сдѣлать изображеніе безошибочно-вѣрнымъ. А какъ и намъ предлежитъ теперь живописать, не изображеніе тѣлеснаго вида, но красоту души и благообразіе духа: то и хотимъ мы, чтобы сегодня сидѣлъ съ вами Давидъ, дабы всѣ вы,

смотря на него, изобразили, каждый на своей душѣ, прекрасный видъ праведника, его кротость и тихость, и великодушіе, и всякую другую добродѣтель. Ибо, если изображенія тѣла доставляютъ зрителямъ удовольствіе, тѣмъ болѣе изображенія души. Тѣхъ нельзя видѣть вездѣ, но нужно для этого оставаться постоянно на одномъ мѣстѣ: а этотъ (образъ души) безпрепятственно можно переносить, куда тебѣ будетъ угодно. Положивъ его въ сокровищницѣ души, ты постоянно, гдѣ ни будешь, можешь смотрѣть на него и получать отъ него великую пользу. И какъ больные глазами, держа тряпки и лоскутья отъ одеждъ зеленаго цвѣта, и постоянно смотря на нихъ, получаютъ отъ этого цвѣта нѣкоторое облегченіе болѣзни: такъ и ты, если будешь имѣть предъ глазами своими образъ Давида и непрестанно смотрѣть на него, то, хотя бы гнѣвъ и тысячу разъ возмущалъ и помрачалъ око ума, однакожъ, взирая на этотъ образъ добродѣтели, получишь совершенное здоровье и чистое любомудріе.

4. Такъ никто не говори мнѣ: у меня врагъ— человѣкъ злой, нечестивый, развращенный, неисправимый. Какъ бы ты ни назвалъ его, онъ не хуже Саула, который, будучи спасенъ Давидомъ разъ, и два, и многократно, самъ потомъ строилъ ему безчисленныя козни, да и послѣ, вмѣсто (мщенія) за нихъ, получивъ отъ него (новыя) благодѣянія, продолжалъ питать въ себѣ

злобу. Что, въ самомъ дѣлѣ, можешь ты сказать (о своемъ врагѣ)? Что онъ отрѣзалъ у тебя земли, обидѣлъ въ размежеваніи полей, перешелъ за предѣлы твоихъ владѣній, похитилъ твоихъ рабовъ, сдѣлалъ тебѣ уронъ, отнялъ у тебя имущество и довелъ тебя до бѣдности? Но онъ еще не отнялъ у тебя жизни, на что покушался тотъ (Саулъ); если же покусился онъ отнять и жизнь, такъ, можетъ быть, отважился на это однажды, а не дважды, не трижды и не многократно, какъ тотъ; а если (покушался) и разъ, и два, и три, и многократно, то не будучи столько облагодѣтельствованъ, не послѣ того, какъ попался въ твои руки и разъ, и другой, и былъ спасенъ. Но пусть бы и такъ: Давидъ и въ этомъ случаѣ стоитъ выше. Ибо не равно любомудрствовать такъ въ ветхомъ завѣтѣ, и оказывать такія благодѣянія нынѣ, по явленіи благодати. Давидъ не слышалъ притчи о десяти тысячахъ талантовъ и о стѣ денаріевъ. Давидъ не слышалъ повелѣнія, которое гласитъ: «прощайте людямъ долги ихъ, какъ и Отецъ нашъ небесный (Марк. 11, 25)»; не видѣлъ Христа распятымъ, ни драгоцѣнной крови Его пролитою: не слышалъ и безчисленныхъ уроковъ любомудрія; не вкушалъ этой жертвы, не причащался Владычней крови; но достигъ самаго верха любомудрія, достойнаго временъ благодати, будучи воспитанъ въ законѣ такъ несовершенномъ, не требовавшемъ ничего такого. Притомъ,

ты часто злопамятствуешь, гнѣваясь за прошедшее, а онъ, хотя и опасался за будущее, и совершенно зналъ, что въ (цѣломъ) царствѣ не найдется ему мѣста, и жизнь не будетъ ему въ жизнь, если онъ спасетъ врага, не переставалъ однакожъ заботиться объ немъ, но дѣлалъ все, тогда какъ воспитывалъ (въ немъ) врага себѣ. Кто можетъ указать на бо́льшее этого терпѣніе? Но дабы и изъ того, что случается и нынѣ, узналъ ты, что можно, если только мы захотимъ, смягчить всякаго человѣка, враждующаго противъ насъ, (спрошу тебя): что свирѣпѣе льва? но и его укрощаютъ люди; искуство ихъ беретъ верхъ надъ природою, и лютѣйшій изъ звѣрей, царь ихъ, дѣлается смирнѣе всякой овцы и ходитъ по площади, никого не пугая. Итакъ какое будемъ мы имѣть оправданіе, какое извиненіе, если, укрощая звѣрей, будемъ говорить о людяхъ, что никакъ не можемъ ихъ смягчить и расположить къ себѣ? Между тѣмъ, для звѣря не естественна кротость, а для человѣка не естественна жестокость. Итакъ, когда мы побѣждаемъ природу, какое будемъ имѣть оправданіе, говоря, будто не можемъ исправить свободной воли? Если же ты и послѣ этого еще упорствуешь, скажу тебѣ, что, пусть (врагъ твой) болитъ неисцѣльно, за то, чѣмъ больше тебѣ труда, тѣмъ больше тебѣ и награды за терпѣніе во врачеваніи неизлечимо-больнаго.

5. Итакъ, будемъ заботиться не о томъ,

чтобы намъ не потерпѣть отъ враговъ ничего худаго, но о томъ только, чтобы самимъ не сдѣлать никакого зла: тогда мы точно не потерпимъ никакого зла, хотя бы подверглись безчисленнымъ опасностямъ, такъ какъ и Давидъ не потерпѣлъ никакого зла, не смотря на то, что былъ гонимъ, убѣгалъ изъ отечества, подвергался даже умысламъ на самую жизнь; напротивъ, еще сдѣлался гораздо славнѣе, почтеннѣе и любезнѣе (Саула) всѣмъ,—не только людямъ, но и самому Богу. Въ самомъ дѣлѣ, что потерялъ этотъ праведникъ, столько перенесшій тогда отъ Саула? Не воспѣвается ли онъ доселѣ? не славенъ ли на землѣ, и не славнѣе ли еще на небѣ? не ожидаютъ ли его неизрѣченныя блага и царство небесное? А что пріобрѣлъ тотъ несчастный и жалкій (Саулъ), строившій столько козней? Не потерялъ ли онъ царство, не подвергся ли несчастной смерти вмѣстѣ съ сыномъ, не осуждается ли всѣми, и, что еще ужаснѣе, не терпитъ ли теперь вѣчное наказаніе? И вообще, какая есть еще вина, изъ-за-которой не хочешь ты примириться съ врагомъ? Онъ отнялъ у тебя деньги? Но если великодушно перенесешь это похищеніе, то получишь такую же награду, какую получилъ бы ты, еслибы положилъ деньги въ руки: потому что и кто подаетъ бѣдному, и кто не мститъ похитителю, и не проклинаетъ его, тотъ и другой дѣлаетъ это для Бога; а коль скоро у нихъ одно побу-

жденіе къ пожертвованію, очевидно, что одинъ и вѣнецъ. Но врагъ твой покусился на жизнь твою, замыслилъ убить тебя? Если ты навѣтника, который простеръ злобу свою даже до этого, считаешь за благодѣтеля и не перестаешь молиться за него и умолять Бога о милосердіи къ нему: это дѣло вмѣняется тебѣ въ мученическій подвигъ. Не будемъ смотрѣть на то, что Богъ не попустилъ Давиду быть убитымъ; но обрати вниманіе на то, что отъ козней Сауловыхъ онъ получилъ три, или даже четыре вѣнца мученическихъ. Въ самомъ дѣлѣ, ради Бога спасая врага, разъ, и два, и многократно бросавшаго копье въ его голову, и пощадивъ его, когда имѣлъ возможность убить, и зналъ притомъ, что тотъ, и послѣ пощады, опять начнетъ преслѣдовать его, Давидъ, очевидно, тысячу разъ умиралъ произволеніемъ; а тысячу разъ умерши ради Бога, получаетъ онъ много и вѣнцевъ мученическихъ. И, что Павелъ говорилъ о себѣ, что ради Бога онъ умираетъ каждый день (Рим. 8, 36), тоже и Давидъ терпѣлъ для Бога. Онъ могъ убить врага, но ради Бога не захотѣлъ, а рѣшился лучше подвергаться каждый день опасностямъ, нежели освободиться отъ столькихъ смертей совершеніемъ убійства, хотя и справедливаго. Если же не должно мстить и платить ненавистію покушающемуся на самую жизнь: тѣмъ болѣе причиняющему другую какую нибудь обиду.

6. Для многихъ невыносимѣе всѣхъ смертей кажется то, когда враги распространяютъ объ нихъ худые слухи и наводятъ на нихъ подозрѣніе. Такъ разсмотримъ и это. О тебѣ кто нибудь сказалъ худое, назвалъ тебя блудникомъ и прелюбодѣемъ? Если это правда, исправься; если ложь, посмѣйся надъ этимъ; если сознаешь за собою то, что сказано, вразумись; если не сознаешь, оставь безъ вниманія. Мало этого; не только посмѣйся, не только оставь безъ вниманія, но и радуйся и веселись, по слову Господа повелѣвающаго такъ дѣлать: *егда поносятъ вамъ*, говоритъ Онъ, *и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще Мене ради, радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Матѳ. 5, 11. 12); и еще: *возрадуйтеся и взыграйте, егда пронесутъ имя ваше, яко зло, лжуще* (Лук. 6, 22. 23). Впрочемъ, если (клеветникъ) и правду скажетъ, а ты перенесешь слово его съ кротостію, не будешь мстить ему и поносить его, но горько возстенаешь и осудишь свои грѣхи: и тогда получишь награду не меньше первой. Это также постараюсь доказать вамъ изъ Писанія, чтобы узнали вы, что, сколько вреда дѣлаютъ намъ друзья, когда хвалятъ и ласкаютъ насъ, столько же пользы приносятъ враги, когда поносятъ насъ, хоть и по правдѣ, только-бы мы захотѣли по надлежащему воспользоваться ихъ порицаніями. Ибо друзья, изъ любви, часто и льстятъ намъ; а враги высказываютъ наши грѣхи. По

самолюбію, мы не видимъ своихъ недостатковъ, а они, по враждѣ, смотрятъ за нами внимательнѣе и своимъ злословіемъ поставляютъ насъ въ необходимость исправиться; и вотъ вражда ихъ становится для насъ источникомъ величайшей пользы, потому что, вразумляемые ими, мы не только познаемъ свои грѣхи, но и отстаемъ отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если врагъ укорилъ тебя въ грѣхѣ, который ты сознаешь за собою, и ты, услышавъ это, не оскорбилъ его, но горько возстеналъ и помолился Богу: такъ тотчасъ ты и сложилъ съ себя весь грѣхъ. Что-же можетъ быть лучше? что удобнѣе къ освобожденію отъ грѣховъ? Но чтобы не подумалъ ты, будто мы безъ основанія внушаемъ это тебѣ, я приведу на это свидѣтельство изъ божественнаго Писанія, дабы не осталось у тебя никакого сомнѣнія. Былъ нѣкто фарисей, и мытарь: этотъ дошелъ до крайняго нечестія; тотъ заботился о высокой праведности, раздавалъ свое имѣніе, пребывалъ въ постѣ, былъ чуждъ любостяжанія, тогда какъ мытарь проводилъ все время въ хищничествѣ и насиліи. Оба они пришли въ церковь помолиться. Потомъ фарисей, ставъ, говорилъ: *Боже, хвалу тебѣ воздаю, яко нѣсмь, яко-же прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, или яко-же сей мытарь* (Лук. 18, 11. 12). А мытарь, стоя вдали, не укорилъ (фарисея) взаимно, не отплатилъ ему поношеніемъ, не сказалъ ему, какъ говорятъ многіе: «и ты смѣешь

припомнить мою жизнь и взяться за мои поступки? не лучше-ли я тебя? Разскажу твои преступленія, и сдѣлаю то, что ты никогда уже не войдешь въ этотъ священный притворъ». Нѣтъ, онъ не сказалъ ни одного изъ этихъ безумныхъ словъ, которыя мы каждодневно говоримъ, укоряя другъ друга; но горько возстенавъ и ударивъ себя въ грудь, сказалъ только вотъ что: *буди милостивъ мнѣ грѣшнику* (13),—и вышелъ оправданъ. Видишь, какъ скоро? Онъ получилъ укоризну, и смылъ ее; созналъ грѣхи, и освободился отъ нихъ: упрекъ въ грѣхѣ сдѣлался искорененіемъ грѣха, и врагъ, по неволѣ, сталъ благодѣтелемъ. Сколько надлежало мытарю потрудиться въ постѣ, въ возлежаніи на землѣ, въ бодрствованіи, въ раздаяніи бѣднымъ имущества, въ долговременномъ ношеніи вретища и посыпаніи головы пепломъ, чтобы успѣть очистить свои грѣхи! И вотъ, не сдѣлавши ничего такого, онъ очистилъ всѣ грѣхи однимъ только словомъ; укоризны и оскорбительныя слова, которыми (фарисей) думалъ унизить его, доставили ему вѣнецъ праведности, безъ усилій (съ его стороны), безъ трудовъ, въ короткое время. Видишь-ли, что, хотя-бы и правду говорилъ кто про насъ, именно то, что сами знаемъ за собою, но, если мы не оскорбимъ говорящаго это, будемъ горько плакать и умолять Бога о своихъ согрѣшеніяхъ, то успѣемъ загладить всѣ грѣхи? Такъ оправдался и

этотъ (мытарь): не отплатилъ онъ фарисею за укоризну укоризною, но возстеналъ о своихъ грѣхахъ; потому *и сниде сей оправданъ паче онаго.*

7. Видишь, сколько пользы доставляетъ обида отъ враговъ, если мы великодушно ее переносимъ. Если-же враги приносятъ намъ пользу говоря ложь и правду: такъ для чего мы скорбимъ? за чѣмъ приходимъ въ досаду? Если ты, человѣкъ, самъ не повредишь себѣ, не можетъ повредить тебѣ ни другъ, ни врагъ, ни самъ діаволъ. Коль скоро и оскорбители, и похитители имѣнія, даже умышляющіе на самую жизнь приносятъ намъ пользу, и одни сплетаютъ намъ вѣнецъ мученическій, какъ мы доказали, а другіе изглаждаютъ наши грѣхи и доставляютъ намъ оправданіе, какъ это было съ мытаремъ: за что-же мы раздражаемся противъ нихъ? — Не будемъ-же говорить: «такой-то раздражилъ меня,—такой-то вынудилъ меня сказать дурныя слова»; сами мы виною всего этого. Если мы захотимъ любомудрствовать, такъ самъ демонъ будетъ не въ состояніи подвигнуть насъ къ гнѣву. Это видно и изъ многаго другаго, и изъ предлежащей намъ исторіи о Давидѣ, которую слѣдуетъ предложить и сегодня, напомнивши напередъ вашей любви, на чемъ мы прежде остановились. Итакъ, на чемъ мы остановились? На оправданіи Давидовомъ. — Такъ сегодня надобно намъ привести слова Саула,—видѣть, что

онъ отвѣчалъ Давиду на его оправданіе. Ибо мы будемъ судить о добродѣтели Давида не по тѣмъ только словамъ, какія сказалъ самъ Давидъ, но и по словамъ Саула. Если окажется, что этотъ (Саулъ) отвѣчаетъ скромно и кротко, то причину этого припишемъ Давиду, перемѣнившему такого человѣка, вразумившему и приведшему въ порядокъ его душу.

8. Что-же говоритъ Саулъ? Услышавъ слова Давида: *се воскриліе одежды твоея въ руцѣ моей*, и все другое, что тотъ говорилъ послѣ въ свое оправданіе, (онъ сказалъ): *твой-ли гласъ чадо Давиде* (17)? Какая произошла вдругъ перемѣна! Тотъ, кто не хотѣлъ прежде назвать его даже и простымъ именемъ, но ненавидѣлъ и самое имя его, теперь ввелъ его даже въ родство съ собою, назвавъ его чадомъ. Что-же блаженнѣе Давида, который изъ человѣкоубійцы сдѣлалъ отца, и изъ волка овцу, печь гнѣва обильно наполнилъ росою, бурю превратилъ въ тишину, и совершенно погасилъ пламя ярости? Ибо тѣ именно слова Давидовы, проникши въ душу ожесточеннаго Саула, произвели въ ней всю эту перемѣну, какую можно замѣтить изъ сихъ словъ (Саула). Не сказалъ онъ: твои-ли эти слова, чадо Давиде; но что? *твой-ли гласъ сей, чадо Давиде?* Вотъ уже смягченъ онъ отъ самаго голоса! Какъ отецъ, послѣ продолжительной разлуки, услышавъ голосъ возвратившагося откуда нибудь сына, возбуждается не только

при видѣ лица, но и самымъ голосомъ сына: такъ и Саулъ, послѣ того, какъ слова Давида, проникши въ его душу, изгнали оттуда гнѣвъ, узналъ наконецъ святаго, и, отложивши (одну) страсть, принялъ въ себя (другую) страсть: отложивши гнѣвъ, принялъ въ себя благодушіе и сострадательность. Какъ ночью мы часто не узнаемъ и друга даже вблизи, а днемъ узнаемъ его и издали: такъ бываетъ обыкновенно, и во враждѣ. Доколѣ есть между нами непріязнь, то и голосъ слышится намъ иначе, и на лицо смотримъ мы съ разстроенною мыслію; а какъ отложимъ гнѣвъ, то и голосъ, прежде ненавистный и противный, кажется намъ мягкимъ и весьма пріятнымъ, и лицо, противное и непріятное, является милымъ и любезнымъ.

9. Тоже бываетъ и въ непогоду. Сгущеніе облаковъ не даетъ открываться красотѣ неба, и тогда, хотя-бы зрѣніе у насъ было самое острое, мы не можемъ усмотрѣть горней свѣтлости. Когда-же теплота лучей (солнечныхъ), проникши сквозь облака и разсторгши ихъ, покажетъ солнце: тогда выказываетъ она снова и красоту неба. Такъ бываетъ и съ нами въ минуты гнѣва: вражда, какъ густое облако, ставши у насъ передъ глазами и ушами, дѣлаетъ то, что иными кажутся намъ и голоса, и лица. Но когда кто по любомудрію отложитъ вражду, и разсѣетъ облако скорби, то и видѣть, и слушать

все будетъ безпристрастно. Это испыталъ на себѣ и Саулъ. Какъ разсѣялось облако вражды, такъ онъ и узналъ голосъ Давида и сказалъ: *твой-ли гласъ сей, чадо Давиде?* Какой — *сей?* Тотъ, который низложилъ Голіаөа, избавилъ царство отъ несчастій, возвратилъ безопасность и свободу всѣмъ, кому угрожали рабство и смерть, укрощалъ неистовство самаго Саула, сдѣлалъ ему много и великаго добра. Дѣйствительно, этотъ голосъ низложилъ того иноплеменника: его побѣдила сила молитвы прежде, чѣмъ камень, потому что Давидъ бросилъ камень не просто, но сказавъ напередъ: *ты идеши на мя* во имя своихъ боговъ, *азъ же иду на тя во имя Господа Бога Саваоөа, Его-же уничижилъ еси днесь* (1 Цар. 17, 15); потомъ уже пустилъ и камень. Этотъ-же голосъ далъ направленіе камню; онъ привелъ въ смущеніе иноплеменника; онъ отнялъ у непріятеля бодрость. И почему дивишься ты, что голосъ праведника укрощаетъ гнѣвъ и поражаетъ враговъ, когда онъ прогоняетъ и демоновъ? Апостолы лишь только начинали говорить, и — всѣ противныя силы убѣгали. Голосъ праведныхъ нерѣдко останавливалъ и стихіи, и измѣнялъ ихъ дѣйствія. Такъ Іисусъ Навинъ сказалъ только: *да станетъ солнце и луна* (10, 12), и стали. Такъ и Моисей запретилъ морю, и—оно покорилось. Такъ три отрока погасили силу огненную своими пѣснями и голосомъ. Поэтому и Саулъ, смягченный

самымъ голосомъ (Давида), сказалъ: *твой ли гласъ сей, чадо Давиде?* Что-же Давидъ? *Рабъ твой, господине мой царю.* Уже начинается споръ и состязаніе о томъ, кто больше почтитъ ближняго! Тотъ вводитъ въ родство съ собою; этотъ называетъ себя рабомъ. Слова (Давида) означаютъ вотъ что: «одного ищу я, твоего спасенія и преуспѣянія въ добродѣтели. Ты назвалъ меня сыномъ; а мнѣ будетъ пріятно и любезно, если ты будешь считать меня рабомъ своимъ, только оставь гнѣвъ, только не подозрѣвай меня ни въ чемъ худомъ, и не почитай злоумышленникомъ и врагомъ». Онъ исполнялъ апостольскую заповѣдь, повелѣвающую *другъ друга честію больша себе творить* (Филип. 2, 3),— не такъ, какъ поступаютъ многіе, которые, по чувствамъ будучи хуже скотовъ, не хотятъ первые и заговорить съ ближнимъ, и считаютъ за стыдъ и униженіе сказать кому нибудь простое привѣтствіе. Что можетъ быть смѣшнѣе этого безумія? что постыднѣе этой надменности и высокомѣрія? ибо тогда-то, тогда ты и унижаешься, человѣкъ, тогда покрываешься и стыдомъ и безчестіемъ, когда выжидаешь, чтобы ближній твой первый заговорилъ съ тобою. Что хуже этой надменности? что смѣшнѣе этого высокомѣрія и тщеславія? Если ты заговоришь первый, то и Богъ, что важнѣе всего, одобритъ тебя, и люди похвалятъ, и ты получишь полную награду за то привѣтствіе (врагу).

Но если ты выжидаешь, чтобы онъ напередъ почтилъ тебя, а потомъ уже и ты почтишь его; то ничего великаго не сдѣлаешь, потому что, кто предупредилъ почтить тебя, тотъ получитъ всю награду и за показанную ему тобою ласку.

10. Итакъ не будемъ выжидать, чтобы другіе почтили насъ первые; напротивъ, будемъ мы спѣшить дѣлать честь ближнимъ своимъ, и всегда первые обращаться къ нимъ съ привѣтствіемъ; не станемъ думать, будто пустое и низкое дѣло быть ласковымъ и привѣтливымъ. Пренебреженіе этого дѣла расторгло многія дружескія связи, породило многія вражды; тогда какъ тщательное исполненіе его прекратило продолжительныя вражды и укрѣпило состоявшіяся уже дружескія связи. Не пренебрегай-же, возлюбленный, заботливостію объ этомъ; но, когда случится намъ сойтись, съ кѣмъ бы то ни было, первые обласкаемъ ихъ и привѣтствіями, и всѣмъ прочимъ. Если-же другой предваритъ тебя, тѣмъ бо̀льшую окажу ему честь съ своей стороны. И это заповѣдалъ Павелъ сказавъ такъ: *другъ друга честію бо̀льша себе творите* (Фил. 2, 3). Такъ поступилъ и Давидъ: онъ первый почтилъ (Саула), и, когда самъ былъ почтенъ имъ, то съ своей стороны оказалъ ему еще бо̀льшую честь, сказавъ: *рабъ твой, господине царю мой.* И смотри, сколько получилъ онъ пользы. Послѣ того, какъ Давидъ сказалъ это,

Саулъ уже не могъ безъ слезъ слышать его голоса; но горько заплакалъ, и этими слезами обнаружилъ душевное здравіе и любомудріе, которое сообщилъ ему Давидъ.

11. Что можетъ быть блаженнѣе пророка, который въ краткое мгновеніе времени такъ преобразовалъ врага, и душу, жаждавшую крови и убійства, вдругъ повергъ въ слезы и стенанія? Я не столько дивлюсь Моусею, что онъ извелъ потоки водъ изъ твердаго камня, сколько Давиду, за то, что онъ извелъ источники слезъ изъ каменныхъ очей. Тотъ побѣдилъ природу; этотъ восторжествовалъ надъ свободною волею. Тотъ жезломъ ударилъ въ камень; этотъ словомъ поразилъ сердце, не съ тѣмъ, чтобы опечалить его, но чтобы сдѣлать чистымъ и кроткимъ; что и сдѣлалъ онъ, и этимъ оказалъ (Саулу) еще бо́льшее прежняго благодѣяніе. Конечно, достойно хвалы и величайшаго удивленія и то, что онъ не вонзилъ меча, не отсѣкъ враждебную ту голову. Но еще бо́льшихъ заслуживаетъ вѣнцовъ то, что (Давидъ) измѣнилъ и самую волю (Саула), сдѣлалъ его лучшимъ и довелъ до той-же, какую имѣлъ самъ онъ, кротости. Это благодѣяніе больше того, потому что не все равно—даровать жизнь, и возвести къ любомудрію; не все равно-освободить отъ гнѣва, дышущаго неправеднымъ убійствомъ, отвлечь отъ убійства, и вывести изъ умоизступленія, стремившагося къ самому злодѣянію. Возбра-

нивъ своимъ тѣлохранителямъ убить Саула, Давидъ сдѣлалъ ему добро для настоящей жизни; а исторгши, кроткими словами, злобу изъ его души, онъ даровалъ ему, сколько это зависѣло отъ него, будущую жизнь и неизмѣнныя блага. Итакъ, когда станешь хвалить Давида за его собственную кротость, то особенно подивись ему за перемѣну Саула. Въ самомъ дѣлѣ, восторжествовать надъ безуміемъ другихъ, укротить пламенѣющее сердце, такую бурю превратить въ такую тишину, и глаза, смотрѣвшіе убійствомъ, наполнить горячими слезами, гораздо важнѣе, чѣмъ побѣдить собственныя страсти. Это-то и заслуживаетъ полнаго удивленія и уваженія. Еслибы Саулъ былъ изъ числа людей кроткихъ и умѣренныхъ, не очень великое было бы дѣло—привести его къ свойственной ему добродѣтели; но человѣка разъяреннаго, дошедшаго до крайней злобы и стремившагося къ убійству, заставить въ краткое мгновеніе времени потушить всю эту злость—такой подвигъ кого не затмитъ изъ всѣхъ, когда либо прославившихся любомудріемъ?

12. Такъ и ты, когда будешь врага имѣть у себя въ рукахъ, не о томъ заботься, какъбы отмстить ему и, осыпавъ безчисленными ругательствами, выставить его на позоръ, но о томъ, какъ бы уврачевать его, какъ бы возвратить къ кротости; и дотолѣ не переставай дѣлать и говорить все, пока не побѣдишь крото-

стію жестокость его. Ибо ничего нѣтъ могущественнѣе кротости. Указывая на это самое, нѣкто сказалъ: *языкъ мягокъ сокрушаетъ кости* (Притч. 25, 16). Что тверже кости? Однакожъ, хотя бы кто былъ также твердъ и жестокъ, (какъ она), и его легко побѣдитъ тотъ, кто будетъ обращаться съ нимъ кротко. И еще: *отвѣтъ смиренъ отвращаетъ ярость* (Притч. 15, 1), Отсюда ясно, что ты болѣе, чѣмъ самъ врагъ твой, властенъ и раздражить, и укротить его. Въ самомъ дѣлѣ, отъ насъ, а не отъ тѣхъ, кто гнѣвается (на насъ), зависитъ и погасить пламень ихъ гнѣва, и раздуть его сильнѣе. И это самое объяснилъ опять тотъ же, кто сказалъ предыдущія слова, простымъ примѣромъ. *Аще*, говоритъ, *подуеши на искру* огня, *возгорится пламень: и аще плюнеши на ню, погаснетъ*; то и другое въ твоей власти; *обоя изо-устъ твоихъ исходятъ* (Сир. 28, 14). Такъ и со враждою ближняго: если ты будешь говорить съ нимъ дерзко и надменно, то зажжешь въ немъ огонь, раздуешь угли; а если кротко и ласково, то потушишь весь гнѣвъ прежде, чѣмъ поднимется пламя. Не говори же: то и то потерпѣлъ я; то и то слышалъ; все это отъ тебя зависитъ. Отъ тебя зависитъ и воспламенить или погасить гнѣвъ, точно также, какъ зажечь или потушить искру. Когда увидишь врага, или придетъ тебѣ на умъ, сколько ты слышалъ или потерпѣлъ непріятностей, старайся забыть все это; если же

и вспомнить, приписывай это діаволу; а самъ припоминай то, что (врагъ) сказалъ или сдѣлалъ тебѣ когда добраго. Если на этомъ будешь останавливаться воспоминаніемъ, то скоро прекратишь вражду. А если вознамѣришься и обличить врага, и расчитаться съ нимъ, такъ напередъ выбрось страсть и погаси гнѣвъ, а потомъ уже расчитывайся и обличай: тогда легко можешь побѣдить его. Ибо въ гнѣвѣ мы не можемъ ни сказать, ни выслушать что нибудь здравое; а освободясь отъ этой страсти, и сами не выпустимъ обиднаго слова, и не послышится намъ, будто другіе говорятъ что нибудь такое: потому что, обыкновенно, раздражаемся мы не отъ самаго свойства словъ, но отъ того, что уже обьяты мы враждою. Такъ часто, когда тѣже самыя оскорбительныя слова говорятъ намъ или друзья въ шутку и въ веселомъ расположеніи духа, или малыя дѣти, мы не только не чувствуемъ ничего непріятнаго и не сердимся, но еще улыбаемся и разливаемся смѣхомъ: это оттого, что мы слушаемъ не съ растроеннымъ духомъ, не съ объятою гнѣвомъ душею. Стало быть, и въ отношеніи ко врагамъ, если ты погасишь гнѣвъ, если отбросишь вражду, то ни одно изъ словъ не можетъ огорчить тебя.

13. И что говорю: ни одно изъ словъ? (Не огорчитъ) ни одно и изъ дѣлъ, какъ и этого блаженнаго. Видя, что врагъ покушается на его безопасность и для этого употребляетъ все, Да-

видъ не только не озлобился, но и почувствовалъ еще бо́льшее состраданіе (къ нему); чѣмъ бо́льше тотъ злоумышлялъ противъ него, тѣмъ больше этотъ его оплакивалъ. Зналъ онъ, хорошо зналъ, что не тотъ, кто терпитъ, а тотъ, кто дѣлаетъ зло, достоинъ слезъ и оплакиванья, потому, что онъ губитъ самъ себя. Поэтому Давидъ и сложилъ столь продолжительное оправданіе предъ нимъ, и окончилъ не прежде, какъ расположивши и самаго (Саула) извиняться со слезами и плачемъ. Ибо, послушай, что сказалъ тотъ, воздохнувъ, испустивъ горестный звукъ и сильно зарыдавъ: *праведенъ еси ты паче мене, яко ты воздалъ ми еси благая, азъ же тебѣ воздахъ злая* (1 Цар. 24, 18). Видишь, какъ онъ и осуждаетъ свою собственную злобу, и прославляетъ добродѣтель праведника, и извиняется, ни кѣмъ не будучи принуждаемъ къ тому? Такъ и ты сдѣлай. Когда врагъ твой будетъ въ твоихъ рукахъ, не вини его, но оправдывай, чтобы заставить его самаго обвинить себя. Ибо, если мы станемъ винить врага, онъ ожесточится; если же будемъ его извинять, онъ, пристыженный нашею кротостью, самъ наконецъ станетъ обвинять себя. Такимъ образомъ и обвиненіе будетъ не подозрительно, и обвиняемый вовсе прекратитъ злобу, какъ это случилось и здѣсь. Оскорбленный молчалъ, — а оскорбившій обвинялъ себя съ великою силою. Онъ не просто сказалъ: ты сдѣлалъ мнѣ

добро, но: *воздалъ ми еси благая*; то-есть, за коварство, за убійство, за неизчислимыя оскорбленія ты отплатилъ намъ великими благодѣяніями; я между тѣмъ не сдѣлался лучше, но и послѣ тѣхъ благодѣяній упорно стоялъ въ своей злобѣ; а ты и тогда не перемѣнился, но продолжалъ дѣйствовать по своимъ правиламъ и благодѣтельствовать намъ, не смотря на наши злые умыслы. Сколькихъ вѣнцовъ достоинъ Давидъ за каждое изъ этихъ словъ! Хотя произнесли уста Саула, но насадили ихъ въ душѣ его мудрость и искуство Давида.

14. *И ты*, говоритъ Саулъ: *возвѣстилъ ми еси днесь, яже сотворилъ ми благая, яко заключи мя Господь въ руки твоя днесь, и не убилъ мя еси* (1 Цар. 24, 19). Вотъ онъ свидѣтельствуетъ и о другой добродѣтели (Давида), — о томъ, что этотъ, оказавши благодѣяніе, не умолчалъ, не оставилъ безъ вниманія, но, пришедши, сказалъ (Саулу); а дѣлалъ это не изъ тщеславія, но чтобы показать и внушить (Саулу) самымъ дѣломъ, что (Давидъ) изъ числа преданныхъ ему и пекущихся о немъ, а не изъ числа навѣтниковъ и зложелателей. Можно говорить и о своихъ добрыхъ дѣлахъ, когда предвидится отъ этого очень большая польза. Кто обнаруживаетъ, и разглашаетъ ихъ безъ всякаго повода, тотъ ни чѣмъ не лучше поносителя; а кто дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы разувѣрить человѣка, разстроеннаго (умомъ) и пре-

дубѣжденнаго противъ него, тотъ становится попечителемъ и благодѣтелемъ этого человѣка. Такъ и поступилъ Давидъ, не ища себѣ славы отъ Саула, но желая вырвать укоренившійся въ немъ гнѣвъ. За это-то и похвалилъ его Саулъ, что онъ и сдѣлалъ благодѣяніе, и сказалъ объ немъ. За тѣмъ Саулъ, пріискивая награду, и не находя ни одной, которая-бы достойна была дѣлъ Давидовыхъ, предлагаетъ должникомъ ему самаго Бога, говоря такъ: *и якоже аще кто обрѣлъ-бы врага своего въ печали, и отпустилъ-бы его въ путь благъ, и Господь воздастъ ему благая, якоже ты сотворилъ еси днесь* (20). Въ самомъ дѣлѣ, могъ-ли бы онъ заплатить вполнѣ за благодѣянія Давидовы, если-бы отдалъ Давиду и царство и города? Давидъ подарилъ ему не города только и царство, но и самую жизнь; а Саулъ не могъ заплатить другою жизнію. Поэтому онъ отсылаетъ Давида къ Богу и награждаетъ его небесными наградами, чѣмъ и прославляетъ Давида, и внушаетъ всѣмъ, что бóльшія награды будутъ приготовлены намъ отъ Бога тогда, когда мы, сдѣлавъ безчисленномного добра врагамъ, получимъ отъ нихъ противное.

15. Потомъ говоритъ (Саулъ): *и нынѣ се азъ вѣмъ, яко царюя царствовати имаши, и стати имать въ руцѣ твоей царство израилево: и нынѣ кленися ми Господемъ, яко не искорениши сѣмене моего по мнѣ, и не погубиши имене моего*

отъ дому отца моего (21, 22). Откуда-же знаешь это? скажи мнѣ. У тебя войско, у тебя деньги, оружіе, города, кони, воины, вся охранительная сила царская: а этотъ—одинокій, не имѣющій ничего, ни города, ни дома, ни семьи. Почему-же ты говоришь это? скажи мнѣ. Судя по его нраву. Ничего не имѣющій, безоружный и одинокій не побѣдилъ бы меня, вооруженнаго и обладающаго такою силою, если-бы не былъ съ нимъ Богъ. А теперь, когда съ нимъ Богъ, онъ всѣхъ сильнѣе. Видишь, какъ любомудрствуетъ Саулъ послѣ злаго умысла? видишь, какъ можно выкинуть изъ себя всякую злобу, перемѣниться и обратиться къ лучшему? Итакъ не будемъ отчаяваться въ своемъ спасеніи. Хотя-бы низверглись мы въ самую бездну порока, можно опять подняться, сдѣлаться лучшими и во-все оставить порокъ.

16. Что потомъ сказалъ Саулъ? *Кленися ми Господемъ, яко не искорениши сѣмене моего по мнѣ, и не погубиши имене моего отъ дому отца моего.* Царь обращается съ просьбою къ частному человѣку; украшенный діадемою умоляетъ изгнанника, упрашивая за дѣтей своихъ. И это самое, что врагъ осмѣлился сдѣлать такую просьбу свидѣтельствуетъ о добродѣтели Давидовой. А что онъ требовалъ клятвы, такъ это происходило не отъ недовѣрія къ нраву Давида, но отъ мысли о томъ, сколько зла онъ сдѣлалъ ему. — *Кленися ми, яко не искорениши сѣмене*

моего по мнѣ. Врага оставляетъ попечителемъ своихъ дѣтей, и въ его руки отдаетъ своихъ потомковъ, словами этими какъ-бы взявши ихъ за руки и поставляя Бога посредникомъ. Что-же Давидъ? Посмѣялся-ли хоть сколько нибудь надъ этимъ? Нисколько; но въ ту-жь минуту согласился на просьбу. И когда Саулъ умеръ, онъ не только не истребилъ его потомства, но и сдѣлалъ для него больше, нежели сколько обѣщалъ. Хромаго и разслабленнаго голенями, сына его онъ ввелъ въ свой домъ, посадилъ за свою трапезу и удостоилъ величайшей почести. И не стыдился этого, не скрывалъ и не думалъ, будто трапеза царская опозорена увѣчьемъ отрока; напротивъ, еще красовался и хвалился этимъ. И въ самомъ дѣлѣ, всякій изъ раздѣлявшихъ съ нимъ трапезу уходилъ отъ него съ великимъ урокомъ любомудрія. Видя, что сынъ Саула, сдѣлавшаго Давиду такъ много зла, пользуется у него такою честію, всякій, хотя бы онъ былъ свирѣпѣе всѣхъ звѣрей, начиналъ стыдиться и краснѣть за себя, и мирился со всѣми врагами. Велико было бы и то, если бы Давидъ въ другомъ мѣстѣ далъ столъ сыну Саулову и назначилъ ему опредѣленное содержаніе: но допустить его къ собственной своей трапезѣ — это уже верхъ любомудрія. Вы, конечно, знаете, какъ не легко любить дѣтей враговъ своихъ. И что я говорю — любить? — (какъ не легко) не ненавидѣть ихъ, не преслѣдовать.

Многіе, по смерти своихъ враговъ, переносятъ свою къ нимъ ненависть на ихъ дѣтей. Не такъ поступилъ этотъ великодушный; нѣтъ, онъ и при жизни врага сохранилъ его, и по смерти его перенесъ свое къ нему благорасположеніе на дѣтей его. Что святѣе трапезы Давидовой, которую окружали дѣти врага, и врага — убійцы? Что духовнѣе того пиршества, на которое изливалось такъ много благословеній? Скорѣе Ангелъ, а не человѣкъ, тотъ, кто созывалъ (на это пиршество): ибо, дѣйствительно, въ ангельскій ликъ вводитъ его это благоволеніе и любовь къ дѣтямъ человѣка, который тысячу разъ покушался убить его и въ такомъ расположеніи окончилъ жизнь.

17. Это дѣлай и ты, возлюбленный! Оказывай услуги дѣтямъ враговъ своихъ и при жизни, и по смерти ихъ: при жизни, чтобы такимъ образомъ примириться съ ихъ отцами; по смерти, чтобы привлечь на себя великую милость отъ Бога, получить безчисленные вѣнцы, и заслужить также безчисленныя благожеланія отъ всѣхъ, не только отъ облагодѣтельствованныхъ тобою, но и отъ видѣвшихъ это. Это защититъ тебя въ тотъ день; облагодѣтельствованные (тобою) враги будутъ для тебя сильными ходатаями во время суда; и много загладишь ты грѣховъ и получишь награду. Хотя бы ты и безъ числа согрѣшилъ, вознося молитву, гласящую: «простите врагамъ ва-

шимъ, и Отецъ вашъ проститъ вамъ согрѣшенія ваши» (Матѳ. 6, 14), съ великимъ дерзновеніемъ получишь прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ, и будешь здѣсь жить въ доброй надеждѣ, и пользоваться всеобщимъ благорасположеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, видящіе, что ты любишь такъ враговъ и ихъ дѣтей, не захотятъ ли сдѣлаться твоими друзьями и пріятелями, и все за тебя и сдѣлать и потерпѣть? Когда же ты будешь пользоваться такимъ благоволеніемъ Божіимъ, и всѣ будутъ такъ желать тебѣ молитвами всѣхъ благъ: какую тогда испытаешь ты непріятность? напротивъ, кого не будешь счастливѣе въ жизни? Не будемъ только дивиться этому здѣсь, но и вышедши отсюда, станемъ это соблюдать: обойдемъ вездѣ и, узнавши каждый враговъ своихъ, примиримъ ихъ съ собою и сдѣлаемъ искренними друзьями. Если нужно будетъ и извиниться и попросить у нихъ прощенія, не откажемся и отъ этого, хотя бы мы сами были обижены. Такимъ образомъ бо̀льшая будетъ намъ награда, бо̀льшое дерзновеніе; такимъ образомъ мы несомнѣнно достигнемъ царствія небеснаго, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА [1])

противъ тѣхъ, кои говорятъ, что демоны управляютъ человѣческими дѣлами,—которые негодуютъ на божескія наказанія, и соблазняются благополучіемъ нечестивыхъ и несчастіями праведныхъ.

1. Я думалъ, что отъ непрерывнаго собесѣдованія вы почувствуете отвращеніе къ нашимъ словамъ: но, вижу, выходитъ противное; не отвращеніе раждается въ васъ отъ непрерывности бесѣдъ, но увеличивается желаніе; не пресыщеніе чувствуете вы, но удовольствіе; выходитъ тоже, что и на мірскихъ пиршествахъ бываетъ съ любителями вина. Они чѣмъ болѣе пьютъ вина, тѣмъ большую возжигаютъ въ себѣ жажду: и въ васъ, чѣмъ болѣе мы предлагаемъ ученія, тѣмъ бóльшую возжигаемъ охоту, тѣмъ болѣе увеличиваемъ желаніе, усиливаемъ любовь. Поэтому я, хоть и сознаю въ себѣ крайнюю бѣд·

---

[1]) Эти и двѣ слѣдующія бесѣды, говоренныя св. Златоустомъ въ Антіохіи, по мнѣнію Тиллемонта въ 388 г., имѣютъ связь между собою по главной мысли, въ нихъ излагаемой, именно, что виною всѣхъ золъ, какія діаволъ вводитъ въ жизнь человѣческую, есть наша безпечность и нерадѣніе. Предлагаемая здѣсь бесѣда, какъ видно изъ ея вступленія, сказана послѣ обширной бесѣды о неясности Ветхаго Завѣта, напечат. Хр. Чт. 1846 г. Ч. I. стр. 154—201. См. Opp. Chrysost. edit. Montf. t. 2. monit. ad hom. de diabol. tentator.

ность, не перестаю подражать щедрымъ угощателямъ, предлагать вамъ непрерывную трапезу и ставить полную чашу ученія; ибо вижу, что вы, и выпивъ ее всю, уходите отсюда съ новою жаждою. Это обнаруживалось и во всякое время, но особенно (оказалось) въ прошлое воскресенье. Что вы имѣете ненасытимую жажду къ словамъ Божіимъ, это показалъ особенно тотъ день, въ который я говорилъ къ вамъ, что не должно злословить другъ-друга; когда я указалъ вамъ и безопаснѣйшій предметъ для осужденія, увѣщавая васъ порицать собственные грѣхи, а не любопытствовать о чужихъ; когда приводилъ въ примѣръ Святыхъ, которые осуждали самихъ себя, но щадили другихъ; - (приводилъ) Павла, который говорилъ о себѣ, что онъ первый изъ грѣшниковъ (1 Тим. 1, 15), и что его—богохульника, и гонителя, и обидчика помиловалъ Богъ (1 Тим. 1, 13), - который называлъ себя извергомъ, и не считалъ достойнымъ даже имени апостольскаго (1 Кор. 15, 8—9);—Петра, который говорилъ: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь* (Лук. 5, 8); Матѳея, который называлъ себя мытаремъ и во время апостольства (Мат. 10, 3);—Давида, который взывалъ и говорилъ: *яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, и яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Псал. 37, 4);-Исаію, который рыдалъ и съ плачемъ вопіялъ: *яко нечистъ есмь и нечисты устнѣ имый* (Ис. 6, 5);—трехъ отроковъ, которые въ печи огненной ис-

повѣдали и говорили о себѣ, что они согрѣшили, преступили законъ, и не сохранили повелѣній Божіихъ (Дан. 3, 29—30);—Даніила, который плакалъ о томъ-же. Когда, перечисливъ этихъ Святыхъ, я назвалъ осуждающихъ мухами и представилъ справедливую причину такого сравненія, то-есть, что, какъ тѣ (мухи) садятся на чужія раны, такъ и осуждающіе уязвляютъ чужіе грѣхи, причиняя чрезъ это болѣзнь и сообщающимся съ ними; когда дѣлающихъ противное назвалъ пчелами, не тѣми, которыя причиняютъ болѣзни, но—которыя устрояютъ ульи величайшаго благоговѣнія и за тѣмъ летаютъ по лугу добродѣтели Святыхъ: тогда-то, тогда показали вы ненасытимую свою любовь! Какъ рѣчь наша продлилась (тогда) долго, безмѣрно долго, какъ никогда еще не бывало, то многіе ожидали, что отъ такой продолжительности слова погаснетъ въ васъ усердіе (къ слушанію): но вышло противное; въ васъ еще болѣе разгаралось сердце, болѣе воспламенялось усердіе. Изъ чего-же это видно? Изъ того, что рукоплесканія подъ конецъ увеличились и восклицанія усилились: и случилось тоже самое, что бываетъ въ печахъ. Какъ тамъ сначала не очень ярокъ бываетъ блескъ огня, но, когда пламя охватитъ накладенныя дрова, то и поднимается на большую высоту: такъ точно случилось и въ тотъ день. Сначала это собраніе волновалось не сильно; но когда рѣчь простерлась далеко, обняла всѣ части предмета,

и предложено было обильнѣйшее наставленіе, тогда-то именно и разгорѣлась въ васъ охота къ слушанію, и стали раздаваться сильнѣйшія рукоплесканія. Поэтому я тогда, хоть и располагался-было сказать меньше, нежели сколько сказалъ, преступилъ однакожъ обыкновенную мѣру; а лучше сказать, нисколько не преступилъ я мѣры, потому-что количество ученія привыкъ я измѣрять не множествомъ словъ, но расположеніемъ слушающихъ. У кого слушатели нерадивы, тотъ, хоть и сократитъ бесѣду, кажется скучнымъ: а у кого слушатели усердны, живы и бодры, тотъ, если и далеко продлитъ рѣчь, и тогда еще не удовлетворитъ желанію (слушателей).

2. Впрочемъ, такъ какъ въ такомъ множествѣ слушателей есть, конечно, и слабые, которые не могутъ прослѣдить (до конца) за продолжительнымъ словомъ; то я посовѣтую таковымъ вотъ что: выслушавъ, что могутъ, пусть примутъ они это, и принявъ сколько для нихъ вмѣстимо, пусть и удалятся отсюда; никто не запрещаетъ имъ (уходить), никто не принуждаетъ ихъ и оставаться здѣсь сверхъ силы; пусть не заставляютъ они насъ прервать слово прежде времени и обычнаго часа. Ты насытился: но братъ твой еще алчетъ; ты упоенъ обиліемъ сказаннаго: но братъ твой еще жаждетъ. Пусть-же и онъ не отягощаетъ твоей слабости, заставляя тебя принять что-либо сверхъ силы; и ты не

оскорбляй его усердія, препятствуя ему принять все, что только онъ можетъ вмѣстить. Это бываетъ и на мірскихъ трапезахъ. Одни насыщаются скорѣе, другіе медленнѣе: но ни эти не укоряютъ тѣхъ, ни тѣ не осуждаютъ этихъ. Только тамъ выдти (изъ-за-стола) скорѣе—похвально: а здѣсь выдти (изъ церкви) скорѣе не похвально, но (только) простительно. Тамъ оставаться дольше предосудительно и позорно: а здѣсь выходить позднѣе—похвально и достойно величайшаго одобренія. Почему такъ? Потому, что тамъ отъ пресыщенія происходитъ разслабленіе: а здѣсь отъ духовнаго усердія и богоугодной ревности раждается постоянство и терпѣніе.

3. Но для вступленія довольно: время уже намъ перейти къ тому долгу, который остался за нами отъ того дня. О чемъ-же тогда говорено было? О томъ, что у всѣхъ людей рѣчь была одна (Быт. 11, 1), какъ и природа одна, и не было никого, кто говорилъ-бы на другомъ нарѣчіи, или языкѣ. Откуда-же такое разнорѣчіе? Отъ безпечности тѣхъ, кои получили даръ (слова). О томъ и другомъ сказали мы тогда, доказавъ единорѣчіемъ-человѣколюбіе Господа, а разнорѣчіемъ-неблагодарность рабовъ; потому-что Онъ, хоть и предвидѣлъ, что мы потеряемъ даръ, однакожъ далъ его; а тѣ, коимъ даръ былъ ввѣренъ, оказались небрежными въ храненіи залога. Итакъ первое оправдательное доказатель-

ство то, что не Богъ отнялъ даръ, но мы потеряли данное. Второе за тѣмъ то, что въ послѣдствіи мы получили бо̀льшіе, въ сравненіи съ потерянными, дары; за временные труды Онъ почтилъ (насъ) вѣчною жизнію, за тернія и волчцы произрастилъ въ душахъ нашихъ плодъ Духа. Ничего не было презрѣннѣе человѣка, и ничто не сдѣлалось почтеннѣе человѣка. Онъ былъ самою низшею частію разумнаго творенія: но ноги сдѣлались головою, и вмѣстѣ съ первенцомъ [1]) вознеслись на царскій престолъ. Какъ если-бы великодушный и благотворительный человѣкъ, увидя, что кто-либо, избѣжавъ кораблекрушенія, могъ спасти отъ волнъ одно только тѣло, принялъ (его) распростертыми руками, одѣлъ въ свѣтлую одежду, и оказалъ ему самую высокую почесть: такъ и Богъ поступилъ съ нашею природою. Человѣкъ потерялъ все, что имѣлъ,—дерзновеніе, собесѣдованіе въ раю, безпечальную жизнь, и вышелъ нагимъ, какбы послѣ кораблекрушенія: но Богъ, принявъ его, тотчасъ одѣлъ, и, исподоволь ведя его за руку, возвелъ на небо; хоть кораблекрушеніе и не заслуживало извиненія, потому-что вся эта буря произошла не отъ напора вѣтровъ, а отъ безпечности пловца. Но Богъ не посмотрѣлъ на это, а пожалѣлъ о великости несчастія, и-того, кто потерпѣлъ кораблекрушеніе въ пристани, принялъ такъ благосклонно, какъ будто-бы онъ подвергся оному

[1]) Т. е., со Христомъ (1 Кор. 15. 20. Кол. 1, 18).

на самой срединѣ моря. Вѣдь пасть въ раю есть тоже, что потерпѣть кораблекрушеніе въ пристани. Почему такъ? потому-что человѣкъ преткнулся и палъ тогда, какъ еще не устремлялись на нашу природу ни скорбь, ни забота, ни труды, ни безпокойства, ни безчисленныя волненія страстей. И какъ морскіе разбойники, просверливъ иногда небольшимъ желѣзомъ корабль, впускаютъ снизу въ судно цѣлое море: такъ и тогда діаволъ, увидя корабль Адамовъ, т. е. душу, наполненную множествомъ добра, подошелъ и однимъ словомъ, какбы небольшимъ какимъ желѣзомъ, просверливъ (этотъ корабль), похитилъ изъ него все богатство, и самое судно потопилъ. Но Богъ сдѣлалъ прибыль бо́льше потери,—возвелъ нашу природу на царскій престолъ. Поэтому и Павелъ взываетъ, говоря: *и съ Нимъ воскреси, и спосади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ, да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презѣлное богатство благодати своея благостынею на насъ* (Еф. 2, 6—7). Что говоришь? Дѣло сдѣлано и окончено, а ты говоришь: *да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ?* Развѣ Онъ еще не явилъ? Явилъ уже, только не всѣмъ людямъ, но мнѣ—вѣрующему, а невѣрующій еще не видѣлъ чуда. Но тогда, въ тотъ день, весь родъ человѣческій, выступивъ на средину, удивится тому, что сдѣлано; притомъ и для насъ тогда будетъ это яснѣе. Мы и теперь вѣруемъ: но вѣдь не съ одинаковою ясностію представляютъ это чу-

до слухъ и зрѣніе. Удивляемся мы царямъ и тогда, какъ слышимъ о порфирѣ, діадемѣ, золотыхъ одеждахъ и царскомъ тронѣ: но еще болѣе удивляемся, когда, по открытіи завѣсъ, увидимъ самаго (царя) сидящимъ на высокомъ престолѣ. Тоже надобно сказать и о Единородномъ. Когда увидимъ мы, что небесныя завѣсы поднялись, и Царь Ангеловъ сходитъ оттуда, окруженный небесными сонмами: тогда зрѣніе представитъ намъ это чудо въ бóльшемъ видѣ; ибо, каково, подумай, увидѣть, что наша природа носится на Херувимахъ и окружена всею Ангельскою силою!

4. Посмотри и на мудрость Павлову: сколько выискиваетъ онъ именъ, чтобы изобразить человѣколюбіе Божіе! Не сказалъ просто: *благодать*; не сказалъ также просто: *богатство*, но: *презѣлное богатство благодати благостынею.* Однакожъ и такъ выразился еще не довольно сильно. Какъ скользкія тѣла, и бывъ удерживаемы тысячью рукъ, вырываются у насъ, и легко ускользаютъ: такъ и человѣколюбія Божія, какими-бы именами ни изображали мы, не можемъ обнять вполнѣ, но великость его чрезмѣрно превышаетъ слабость нашихъ словъ. И Павелъ, испытавъ это и видя, что великость человѣколюбія (Божія) преодолѣваетъ силу словъ, сказалъ только одно слово, и-отступилъ. Какое-же это слово? *Благодареніе же Богови о неизреченномъ Его дарѣ* (2 Кор. 9, 15). Въ са-

момъ дѣлѣ, никакое слово и никакой умъ не можетъ выразить попечительности Божіей. Поэтому Апостолъ здѣсь говоритъ, что она неизреченна, а въ другомъ мѣстѣ — что она превосходитъ и умъ нашъ, такъ говоря: *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша* (Фил. 4, 7).

5. Но доселѣ, какъ сказалъ я, найдены эти два оправдательныя доказательства: одно то, что не Богъ отнялъ, но мы потеряли (даръ); а другое то, что намъ дарованы блага, гораздо многочисленнѣйшія и бо̀льшія въ сравненіи съ потерянными. Теперь я хочу сказать и о третьемъ доказательствѣ. Какое-же это третье?—То, что, еслибы Богъ и не далъ намъ впослѣдствіи бо̀льшія блага въ сравненіи съ потерянными, но только отнялъ (прежде) дарованныя намъ, когда мы сами подали поводъ къ тому (это надобно прибавить): то это одно уже достаточно доказывало-бы Его попечительность объ насъ. Ибо не только дать, но и отнять данное, есть знакъ величайшаго человѣколюбія; и (въ доказательство сего), если хотите, предложимъ слово о раѣ. Богъ далъ рай,—это знакъ Его попечительности; мы оказались недостойными дара, — это знакъ нашей неризнательности; Онъ отнялъ рай у недостойныхъ, — это было дѣломъ Его благости. Какая-же благость, скажешь, въ отнятіи дара? Подожди, и, навѣрное, услышишь. Подумай, чѣмъ былъ бы Каинъ, если бы жилъ въ раю послѣ

убійства? Когда уже онъ, и бывъ изгнанъ изъ того жилища, осужденъ на страданіе и трудъ, и видя близкую угрозу смерти, когда, имѣя предъ глазами несчастіе отца, и осязая, какъ-бы руками, слѣды гнѣва Божія,—когда и останавливаемый толикими бѣдствіями, впалъ въ такое нечестіе, что не узналъ природы, забылъ объ узахъ родства, убилъ не-причинившаго ему никакой обиды, коснулся братняго тѣла, обагрилъ кровію правую руку свою, и не послушался Бога, который увѣщавалъ его быть спокойнымъ, но оскорбилъ Творца, и нанесъ безчестіе родителямъ: смотри на какое злодѣйство не рѣшился-бы онъ, если бы оставался въ раю. Если онъ и тогда, какъ лежало на немъ столько уздъ, сдѣлалъ смертельные скачки: то въ какую-бы пропасть онъ не низринулся, когда-бы отняты были эти преграды?

6. Хочешь-ли и отъ матери его узнать, сколь великимъ было благомъ изгнаніе изъ райскаго жилища? Разсмотри, что была Ева прежде, и чѣмъ стала послѣ. Прежде она обольстителя-діавола, этаго злаго демона, почитала болѣе достойнымъ вѣры, нежели заповѣди Божіи, и отъ одного взгляда на дерево попрала данный Богомъ законъ: когда же изгнана была изъ рая, то, смотри, какъ она сдѣлалась лучше и благоразумнѣе; ибо родивъ сына, говоритъ: *стяжахъ человѣка Богомъ* (Быт. 4, 1). Къ Господу тотчасъ прибѣгла та, которая прежде сего

презрѣла Господа; уже не природѣ приписываетъ плодъ свой, и не силѣ брака усвояетъ рожденіе сына; но признаетъ Владыку природы, и Ему приноситъ благодарность за рожденіе дитяти. Та, которая прежде обольстила мужа, въ послѣдствіи и дитя свое научила, и дала ему такое имя, которое могло приводить ему на память даръ Божій; а родивъ еще другаго сына, говоритъ: *воскреси ми Богъ сѣмя другое, вмѣсто Авеля, егоже уби Каинъ* (Быт. 4, 25). Вспомнила жена о несчастіи, и-не ропщетъ, но еще благодаритъ Бога, и называетъ дитя по дару, доставляя ему въ этомъ всегдашній предметъ для наученія. Такъ и въ самомъ лишеніи Богъ далъ еще бо́льшія блага! Жена изгнана была изъ рая, но чрезъ изгнаніе приведена къ Богопознанію, такъ что пріобрѣла болѣе, нежели сколько потеряла. Но если полезно было, скажешь, это изгнаніе изъ рая: то для чего и вначалѣ Богъ далъ рай? Полезно это было, человѣкъ, по причинѣ нашей безпечности: такъ какъ, если-бы (прародители) были внимательны къ самимъ себѣ, и признательны къ Господу, и умѣли вести себя воздержно и скромно, то остались бы въ чести; но когда пренебрегли даннымъ даромъ, тогда полезнымъ оказалось изгнаніе. Для чего же вначалѣ Богъ далъ (рай)? Для того, чтобы показать свое человѣколюбіе и то, что онъ готовъ всегда возвести насъ въ большую честь, но что мы сами виною всѣхъ

наказаній и мученій своихъ, лишая себя, по безпечности, данныхъ намъ благъ. И вотъ, какъ любящій отецъ вначалѣ позволяетъ сыну своему жить дома, и пользоваться всѣмъ отцовскимъ; когда-же увидитъ, что сынъ отъ этой чести сталъ хуже, лишаетъ его стола, и удаляетъ отъ своего лица, а часто выгоняетъ и изъ самаго дома отцовскаго, чтобы онъ, по изгнаніи, сдѣлавшись лучше отъ этого позора и безчестія, показалъ себя достойнымъ опять возвратиться (въ домъ) и получить отцовское наслѣдство: такъ сдѣлалъ и Богъ. Онъ далъ человѣку рай, но, когда этотъ оказался недостойнымъ, изгналъ его, чтобы онъ, живя внѣ (рая) и въ безчестіи, сдѣлался лучше и благоразумнѣе, и затѣмъ оказался достойнымъ возвращенія. И вотъ, когда онъ въ послѣдствіи сдѣлался лучше, Богъ опять вводитъ его (въ рай) и говоритъ: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. 23, 43). Видишь, что не только дать рай, но и изгнать изъ рая, было дѣломъ величайшей попечительности? ибо, еслибы человѣкъ не былъ изгнанъ изъ рая, то и не оказался-бы опять достойнымъ рая.

7. Это слово будемъ хранить въ памяти всегда; его, если хотите, прострemъ и на предлежащій предметъ. Богъ далъ всѣмъ общій языкъ: это дѣло Его человѣколюбія. Люди не воспользовались даромъ, какъ должно, но уклонились въ крайнее безуміе, за то онъ опять от-

нялъ данное. Ибо, если они и тогда, какъ имѣли одинъ языкъ, впали въ такое безуміе, что захотѣли построить башню до неба: то не пожелали-ль бы они ухватиться за самую вершину неба, когда бы не тотчасъ были наказаны? Конечно, это было и невозможно для нихъ, однакожъ, судя по намѣренію, они готовы были на такое нечестіе. Все это предвидя, Богъ, за то, что они не воспользовались, какъ должно, однорѣчіемъ, разъединяетъ ихъ, какъ слѣдовало, разнорѣчіемъ. И посмотри на Его человѣколюбіе. *Се устнѣ единѣ всѣхъ*, говоритъ, *и сіе начаша творити* (Быт. 11, 6). Для чего не тотчасъ приступилъ онъ къ раздѣленію языка, но прежде оправдывается, какъ бы готовясь судиться въ судилищѣ? Никто вѣдь не скажетъ Ему: что Ты сдѣлалъ?—напротивъ, Онъ властенъ дѣлать все, что только хочетъ. Однакожъ Онъ, какъ будто подлежащій отвѣту, представляетъ оправданія, научая насъ быть кроткими и человѣколюбивыми. Ибо, если Господь оправдывается предъ рабами, и притомъ оскорбившими (Его), тѣмъ болѣе мы должны извиняться другъ предъ другомъ, хотя-бы потерпѣли величайшія оскорбленія. Смотри-же, какъ Онъ оправдывается: *се устнѣ единѣ, и гласъ единъ всѣмъ, и сіе начаша творити* (Быт. 11, 1 и 6). Какъ бы такъ сказалъ: никто, видя раздѣленіе языка, не поставляй этого Мнѣ въ вину; никто не думай, будто разнорѣчіе это введено въ людяхъ вначалѣ. *Се устнѣ*

единъ, и гласъ единъ всѣмъ: но они не воспользовались даромъ, какъ должно. И—чтобы ты зналъ, что Богъ не столько наказываетъ за настоящее дѣло, сколько напередъ исправляетъ будущее, выслушай слѣдующія за тѣмъ слова: *и нынѣ не оскудѣютъ отъ нихъ вся, елика аще восхотятъ творити* (Быт. 11, 6). Смыслъ этихъ словъ такой: если теперь они не потерпятъ наказанія, и не будутъ оставлены при самомъ корнѣ грѣховъ, то нигдѣ не остановятся во злѣ; это и значитъ: *не оскудѣютъ отъ нихъ вся, елика аще восхотятъ творити*, какбы такъ сказалъ: сверхъ этихъ, они сдѣлаютъ и другія, еще бо́льшія беззаконія. Таковъ грѣхъ! Когда онъ не будетъ остановленъ въ самомъ началѣ, то, подобно огню, охватившему дрова, поднимается на несказанную высоту. Видишь, что и уничтоженіе однорѣчія было дѣломъ великаго человѣколюбія? Богъ повергъ людей въ разнорѣчіе, чтобы они не впали въ бо́льшее нечестіе.

8. Такъ это слово храните въ памяти, и да будетъ у васъ всегда твердою и непоколебимою мысль, что Богъ благъ и человѣколюбивъ, не только когда благотворитъ, но и когда наказываетъ, потому-что и наказанія Его и кары составляютъ самую великую часть благотворительности, важнѣйшій видъ Промысла. Итакъ, когда увидишь, что случились неурожаи, и язвы, и засухи, и наводненіе, и безпорядочныя перемѣны въ воздухѣ, или другой подобный бичъ

человѣческой природы; то не изъявляй досады и негодованія, но поклонись Творцу, подивись Его попечительности; Онъ дѣлаетъ это и наказываетъ тѣло, чтобы вразумить душу. Такъ Богъ дѣлаетъ это, скажешь ты? Да, Богъ дѣлаетъ это; и пусть предстанетъ здѣсь весь городъ, пусть вся вселенная, я не замедлю сказать это. О, если-бы у меня былъ голосъ сильнѣе трубы, и могъ я стать на высокомъ мѣстѣ, и предъ всѣми воскликнуть и засвидѣтельствовать, что это Богъ дѣлаетъ. Не по гордости говорю это, но имѣю на своей сторонѣ Пророка, который со мною восклицаетъ и говоритъ: *или будетъ зло во градѣ, еже Господь не сотвори* (Амос. 3, 6)? Но такъ какъ слово—*зло* имѣетъ два смысла, то я и хочу сообщить вамъ точное значеніе того и другаго понятія, чтобы вы, изъ-за двусмысленности названія, не смѣшали самыхъ вещей, не впали въ богохульство.

9. Итакъ есть зло — дѣйствительное зло, блудъ, прелюбодѣяніе, любостяжаніе и безчисленное множество пороковъ, достойныхъ крайняго осужденія и наказанія. Опять есть зло, а лучше сказать, не есть, а называется (зломъ), голодъ, язва, смерть, болѣзнь, и тому подобное; ибо все это не можетъ быть (истиннымъ), зломъ,—потому я и сказалъ, что это называется только зломъ. Почему-же? потому, что если-бы все это было зломъ, то не дѣлалось-бы для насъ виною благъ,-не обуздывало-бы гордости

не искоренялобы безпечности, не возбуждало бы насъ къ рачительности, и не дѣлало-бы болѣе внимательными къ самимъ себѣ. *Егда убиваше я*, говоритъ Писаніе, *тогда взыскаху Его, и обращахуся и утреневаху къ Богу* (Псал. 77, 34). Зло разумѣетъ здѣсь то, которое насъ вразумляетъ, дѣлаетъ доблестными и болѣе рачительными, приводитъ къ любомудрію, а не то, которое достойно проклятія и осужденія: это не Божіе дѣло, но изобрѣтеніе нашего произволенія, а то служитъ къ уничтоженію этого. Зломъ называетъ здѣсь страданіе, причиняемое намъ наказаніями, и называетъ такъ оное, не по собственной его природѣ, но приспособительно къ мнѣнію людей. Такъ-какъ мы привыкли называть зломъ не только воровство и прелюбодѣяніе, но и несчастія: то (Богъ) назвалъ такъ страданіе, примѣняясь къ мнѣнію людей. Такъ, вотъ что означаютъ слова Пророка: *не будетъ зла во градѣ, еже Господь не сотвори*. Это-же выразилъ Богъ и чрезъ Исаію: *Азъ Богъ, творяй миръ, и зиждяй злая* (Ис. 45, 7), зломъ называя и здѣсь бѣдствія. На это зло дѣлаетъ намекъ и Христосъ въ Евангеліи, когда говоритъ ученикъ: *довлѣетъ дневи злоба его* (Мат. 6, 34), т. е. огорченіе, безпокойство. Итакъ изъ всего видно, что зломъ (Богъ) называетъ здѣсь наказанія, и что эти наказанія Самъ онъ насылаетъ на насъ, являя въ нихъ важнѣйшій видъ своего Промысла. И врачъ не только тогда

достоинъ хвалы, когда выводитъ больнаго въ сады и на луга, или въ бани и купальни, или когда предлагаетъ ему роскошный столъ, но и когда заставляетъ его оставаться безъ пищи, мучитъ голодомъ и томитъ жаждою,-когда приковываетъ къ постелѣ, и домъ дѣлаетъ темницею, лишаетъ (больнаго) самаго свѣта и закрываетъ комнату со всѣхъ сторонъ завѣсами; когда подвергаетъ его и сѣченію, и жженію, и предписываетъ горькія лекарства; и тогда онъ тотъ-же врачъ. Такъ не странно-ли: того, кто причиняетъ столько непріятностей, называть врачемъ, а Бога, если онъ сдѣлаетъ одну такую непріятность, напр: наведетъ или голодъ, или смерть, хулить и не признавать Промыслителемъ вселенной? А Онъ-то одинъ и есть истинный врачъ душъ и тѣлесъ. Такъ, часто Онъ, принявъ въ свое попеченіе нашу природу, которая скачетъ отъ полноты счастія, а между тѣмъ одержима грѣховною горячкою, избавляетъ ее отъ болѣзней, бѣдностію, голодомъ, смертію, и другими бѣдствіями, и иными, какими Самъ знаетъ, врачествами.

10. Но, скажешь, одни бѣдные чувствуютъ голодъ. — Такъ Онъ наказываетъ не однимъ голодомъ, но и другими безчисленными бѣдствіями. Бѣднаго Онъ часто вразумляетъ голодомъ, а богатаго и въ изобиліи живущаго—опасностями, болѣзнями, и преждевременными смертями; потому что Онъ изобрѣтателенъ и имѣетъ

различныя врачевства для нашего спасенія. Такъ поступаютъ и судьи: они не только оказываютъ почести жителямъ городовъ, не только награждаютъ ихъ вѣнцами, не только даютъ имъ дары, но часто и наказываютъ ихъ. Поэтому у нихъ и мечъ изощренъ, и изготовлены ямы, и колеса, и палки, и палачи, и другіе безчисленные виды наказаній. Но что у судей палачъ, что у Бога голодъ, который, подобно палачу, наказываетъ насъ и отводитъ отъ зла. Тоже можно видѣть и у земледѣльцевъ: они не только закрываютъ корень винограда, не только огораживаютъ его, но и отрѣзываютъ и отсѣкаютъ у него множество вѣтвей. Поэтому у нихъ есть не только заступъ, но и серпы, годные къ сѣченію. Однакожъ мы не осуждаемъ и ихъ, напротивъ, еще хвалимъ ихъ, особенно тогда, когда видимъ, что они отсѣкаютъ множество безполезныхъ вѣтвей, чтобы, отнявъ излишнія, лучше сохранить остальныя. Итакъ не странно-ли: отца и врача, и судію, и земледѣльца такъ одобрять, и ни отца, который выгоняетъ сына изъ дома, ни врача, который изнуряетъ больнаго, ни судію, который наказываетъ, ни земледѣльца, который отсѣкаетъ вѣтви, не порицать и не обвинять, а Бога, если когда Онъ захочетъ насъ, какбы страждущихъ головною болью, излечить отъ великаго опьяненія въ нечестіи, порицать и осыпать безчисленными укоризнами? Какое безуміе, не давать Господу

и того права къ защищенію себя, какое даемъ мы подобнымъ намъ рабамъ!

11. Это говорю теперь изъ опасенія за самихъ обвинителей, чтобы они, наступая на острія, не окровавили ногъ, чтобы, бросая камни на небо, не поранили себѣ голову. Но сверхъ того намѣренъ я сказать и еще нѣчто, гораздо болѣе важное. Не стану разсуждать болѣе, по снисхожденію къ нимъ, о томъ, для нашей ли пользы Богъ взялъ отъ насъ (даръ), и скажу только вотъ что: если бы Онъ взялъ (только) данное, такъ и за это никто не могъ обвинять Его; потому что Онъ былъ властенъ въ своемъ. И людей, когда они довѣряютъ намъ свои деньги и даютъ взаймы серебро, мы благодаримъ за то время, на которое они ссудили насъ, а не бранимъ за то время, когда они берутъ отъ насъ свою собственность: неужели же, скажи мнѣ, станемъ мы винить Бога, когда Онъ хочетъ взять свое? не будетъ ли это крайне безумно? Но не такъ поступилъ великій и доблестный Іовъ: онъ, не только когда получалъ, но и когда терялъ, и тогда свидѣтельствовалъ величайшую благодарность, говоря такъ: *Господь даде, Господь отъятъ: буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. 1; 21). Если же должно благодарить за то и другое въ отдѣльности, и потеря не менѣе полезна, какъ и самый даръ: то какое, скажи мнѣ, будемъ имѣть извиненіе, когда станемъ платить неблагодарностію Тому,

кто столько кротокъ, человѣколюбивъ и попечителенъ, кто мудрѣе всякаго врача, сердобольнѣе всякаго отца, правдивѣе всякаго судіи, и рачительнѣе всякаго земледѣльца заботится о душахъ нашихъ,—когда станемъ негодовать на Того, предъ кѣмъ должно благоговѣть? Можно ли быть еще безумнѣе и несмысленнѣе тѣхъ, кои, при такомъ благоустройствѣ (вселенной), говорятъ, что Богъ не промышляетъ о насъ? Какъ тотъ, кто сталъ бы утверждать, что солнце темно и холодно, обнаружилъ бы такимъ сужденіемъ свое крайнее неразуміе: такъ и тотъ, кто сомнѣвается въ Божіемъ Промыслѣ, заслуживаетъ гораздо большихъ упрековъ въ безразсудствѣ. Не такъ свѣтло солнце, какъ явно Провидѣніе Божіе: и однакожъ нѣкоторые дерзаютъ говорить, что демоны управляютъ нашими дѣлами. Что мнѣ дѣлать? Человѣколюбивъ твой Владыка: Онъ хочетъ лучше, чтобы ты оскорблялъ Его этими словами, нежели чтобы, ввѣривъ демонамъ управленіе дѣлами твоими, убѣдился опытомъ, каково управляютъ демоны. Тогда ты хорошо узналъ бы ихъ злобу на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ можно и теперь представить вамъ ее, какъ бы въ маломъ какомъ образцѣ. Встрѣтились со Христомъ нѣкоторые бѣсноватые, изшедшіе изъ гробовъ, и просили Его демоны позволить имъ войти въ стадо свиное. Онъ позволилъ, и они пошли, и тотчасъ низвергли всѣхъ (свиней) съ утеса въ

море (Мат. 8, 28-32): вотъ какъ управляютъ демоны. Но до свиней у нихъ не было никакого дѣла, а съ тобою всегда война непримиримая, брань непрестанная, вражда вѣчная. Если же тѣхъ (животныхъ), съ коими у нихъ ничего не было общаго, (демоны) не могли потерпѣть и на малое мгновеніе времени: то чего бы не сдѣлали они, когда бы взяли подъ свою власть насъ, которые враги имъ и безпрестанно уязвляемъ ихъ? Поэтому Богъ и позволилъ имъ войти въ стадо свиное, чтобы на тѣлахъ безсловесныхъ узналъ ты ихъ злобу. А всякому ясно, что демоны съ бѣсноватыми сдѣлали бы тоже самое, что и со свиньями, еслибы бѣсноватые, и во время самаго бѣснованія, не были хранимы Промысломъ Божіимъ.

12. Итакъ и теперь, когда увидишь человѣка, одержимаго демономъ, возблагоговѣй предъ Господомъ, познай злобу демоновъ; ибо можно видѣть на этихъ бѣснуемыхъ и то, и другое, человѣколюбіе Божіе, и злобу демоновъ,—злобу демоновъ, когда они возмущаютъ и мучатъ душу одержимаго,—человѣколюбіе Божіе, когда (Богъ) столь лютаго демона, который, вселившись въ человѣка, усиливается низринуть его въ бездну, удерживаетъ и останавливаетъ, не попуская ему вполнѣ выказать свою силу, но дозволяя обнаружить ее столько, сколько нужно для вразумленія человѣка, и для обличенія собственной его (демона) злобы. Хочешь видѣть опять

и изъ другаго примѣра, какъ управляетъ демонъ, когда Богъ позволилъ ему выказать свою силу? Подумай о стадахъ воловъ и овецъ Іова, какъ онъ потерялъ все въ одно мгновеніе времени; подумай о жалкой смерти его дѣтей, о пораженіи тѣла его, и увидишь, какъ жестока, безчеловѣчна и безпощадна злоба демоновъ, а изъ этого ясно познаешь, что, еслибы Богъ предалъ во власть ихъ и вселенную, они все привели бы въ смятеніе и безпорядокъ, и съ нами поступили бы также, какъ съ свиньями и тѣми стадами, не пощадили бы нашего спасенія и на краткое мгновеніе времени. Если-бы демоны управляли: то мы были-бы ничѣмъ не лучше бѣсноватыхъ, напротивъ, еще и хуже ихъ: потому-что и тѣхъ Богъ не совсѣмъ предалъ неистовству демоновъ; иначе они терпѣли бы гораздо большія мученія, нежели какія терпятъ теперь.

13. Но я желалъ-бы говорящихъ это спросить еще вотъ о чемъ: какой безпорядокъ въ мірѣ видятъ они, что все, случающееся съ нами, приписываютъ управленію демоновъ? Напротивъ, мы видимъ, что солнце въ теченіе столькихъ лѣтъ каждый день ходитъ правильно, многоразличный хоръ звѣздъ соблюдаетъ свой порядокъ, луна течетъ безостановочно, день и ночь смѣняются точно, всѣ твари, и горнія, и дольнія, какъ-бы въ стройномъ какомъ хороводѣ, даже гораздо лучше и точнѣе, удерживаютъ каждая

свое мѣсто, и не выходятъ изъ того порядка, какой вначалѣ, при созданіи ихъ, установилъ Богъ.

14. Но что пользы отъ этого, скажешь ты, когда небо, и солнце, и луна, и хоръ звѣздъ, и всѣ прочія твари находятся въ великомъ порядкѣ, а наши дѣла въ неустройствѣ и безпорядкѣ? Въ какомъ это неустройствѣ и безпорядкѣ? Такой-то, говоришь, богатъ, и притѣсняетъ, грабитъ, похищаетъ, и каждый день иждиваетъ на вино имущество бѣдныхъ, и—не терпитъ никакого несчастія; а другой живетъ скромно, украшается воздержаніемъ, справедливостію и всѣми другими добродѣтелями, и—терпитъ бѣдность, и болѣзни, и крайнія бѣдствія? Такъ это соблазняетъ тебя? Это, говоришь. Что̀ же, когда видишь ты, что и изъ грабителей многіе терпятъ несчастіе, и изъ добродѣтельныхъ нѣкоторые, или даже чрезвычайно многіе, наслаждаются счастіемъ, почему не оставляешь такого мнѣнія, и не прославляешь Господа? Потому-что, (скажешь), это самое еще болѣе соблазняетъ меня. Почему т. е. изъ двухъ злыхъ одинъ наказывается, а другой умираетъ безъ наказанія, и изъ двухъ добрыхъ одинъ получаетъ почести, а другой всю жизнь бѣдствуетъ? — Но это-то самое и есть величайшее дѣло Промысла Божія. Если бы Онъ здѣсь всѣхъ злыхъ наказывалъ и всѣхъ добрыхъ награждалъ, то не нуженъ былъ бы день суда. Опять, когда бы ни одного злаго не наказывалъ, и никого изъ добрыхъ не награ-

ждалъ, тогда порочные сдѣлались бы еще развратнѣе и хуже, такъ какъ они гораздо болѣе честныхъ людей склонны къ безпечности; и охотники до злорѣчія еще болѣе стали бы винить Бога, и сказали бы, что̀ дѣла наши остаются совсѣмъ безъ Промысла. Если и теперь, когда нѣкоторые злые наказываются, а добрые награждаются, говорятъ такъ, что дѣла человѣческія не управляются Промысломъ: то когда бы и этого не было, чего (богохульники) не сказали бы? какихъ словъ не изрыгнули бы? Вотъ почему Богъ однихъ изъ злыхъ людей наказываетъ, а другихъ не наказываетъ, и однихъ изъ добрыхъ награждаетъ, а другихъ не награждаетъ. Не наказываетъ всѣхъ, чтобы увѣрить тебя, что есть воскресеніе; наказываетъ нѣкоторыхъ, чтобы безпечныхъ сдѣлать болѣе рачительными, возбуждая въ нихъ страхъ наказаніемъ другихъ. Опять, нѣкоторыхъ изъ добрыхъ награждаетъ, чтобы этими наградами побудить другихъ къ ревности о добродѣтели; но не награждаетъ всѣхъ, чтобы ты зналъ, что есть другое время, въ которое всѣмъ даны будутъ награды. Если бы здѣсь всѣ получали, что заслуживаютъ, то не стали бы вѣрить въ воскресеніе; а если бы никто не получалъ по заслугамъ, то очень многіе сдѣлались бы болѣе безпечными. Поэтому (Богъ) однихъ наказываетъ, а другихъ не наказываетъ, и дѣлаетъ это ко благу и наказываемыхъ, и не наказываемыхъ: въ тѣхъ Онъ истребляетъ по-

рокъ, а другихъ чрезъ наказаніе первыхъ дѣлаетъ болѣе благоразумными. И это ясно видно изъ того, что сказалъ Самъ Христосъ: когда возвѣстили Ему, что обрушившаяся башня задавила нѣсколько человѣкъ, Онъ сказалъ Іудеямъ: *мните ли, яко тіи токмо грѣшніи бяху? Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лук. 13, 2. 3). Видишь, какъ и тѣ погибли за грѣхъ, и прочіе спаслись не за свою правду, но для того, чтобы отъ наказанія тѣхъ сдѣлались лучше!

15. Итакъ наказаннымъ, скажешь, сдѣлана обида; и они, не бывъ сами наказаны, могли сдѣлаться лучше отъ наказанія другихъ? Но, если бы Богъ зналъ, что они исправятся покаяніемъ, то не наказалъ бы ихъ; если Онъ и тогда, какъ предвидѣлъ, что многіе не воспользуются Его долготерпѣніемъ, терпитъ однакожъ ихъ съ великимъ снисхожденіемъ, выполняя свое дѣло и давая имъ возможность отстать отъ своего безумія: то какъ же Онъ не дастъ воспользоваться покаяніемъ тѣмъ, кои могутъ сдѣлаться лучшими отъ наказанія другихъ? Стало быть, этимъ людямъ не сдѣлано никакой обиды, коль скоро и порокъ въ нихъ истребленъ наказаніемъ, и тамошнее мученіе будетъ имъ легче отъ того, что они здѣсь уже пострадали. Опять, и не наказанные не понесли никакой обиды: они могли, еслибъ захотѣли, воспользоваться долготерпѣніемъ Божіимъ къ исправленію себя, и, удивив-

шись незлобію (Господа), возблагоговѣть предъ безмѣрнымъ снисхожденіемъ, перейти когда нибудь къ добродѣтели, и чужія наказанія обратить въ собственное спасеніе. Если-же они остаются во злѣ, то виною этого не Богъ, который для того и долготерпитъ, чтобы примирить ихъ съ собою; нѣтъ; сами они недостойны извиненія, потому-что не воспользовались, какъ должно, Божіимъ долготерпѣніемъ.

16. Впрочемъ, не эту только указать можно причину того, почему не всѣ злые наказываются здѣсь, но и другую, не меньшую той. Какую же это? Ту, что, еслибы Богъ всѣхъ подвергалъ наказаніямъ тотчасъ послѣ преступленій, то родъ нашъ давно-бы уже истребился, и не могъ бы распространиться. И, чтобы увѣриться тебѣ, что это правда, послушай, что говоритъ Пророкъ: *аще беззаконія назриши, Господи, кто постоитъ* (Псал. 129, 3)? Если же угодно и разсмотрѣть силу этого изреченія, то, не входя въ точное изслѣдованіе жизни каждаго (да и невозможно намъ знать, что̀ каждый сдѣлалъ въ своей жизни), укажемъ на то, въ чемъ, безпрекословно, мы всѣ согрѣшаемъ, и изъ этого будетъ намъ видно и ясно, что, еслибы мы наказывались за каждый грѣхъ, то давно-бы погибли. *Ижеречетъ брату своему: уроде, повиненъ есть геенню огненной* (Мат. 5, 22), говоритъ Писаніе. Кто̀ изъ насъ не виновенъ въ этомъ грѣхѣ? Что̀-же? (каждаго виновнаго) тотчасъ надле-

жало бы истребить? но такимъ образомъ мы всѣ были-бы истреблены и уничтожены давно, давно. Опять о клянущемся сказано, что онъ, хотя бы и неложно клялся, дѣлаетъ дѣла отъ лукаваго (Мат. 5, 27). Кто-же не клялся? еще болѣе, кто не нарушалъ когда-либо клятвы? Взирающій на жену любострастными очами, по слову Писанія, есть настоящій любодѣй (Мат. 5, 28). И въ этомъ грѣхѣ многіе найдутся виновными. Итакъ, если и явные грѣхи такъ велики и невыносимы, и каждый изъ нихъ порознь навлекаетъ на насъ неизбѣжное наказаніе: то, когда мы подумаемъ еще о тайныхъ грѣхахъ своихъ, тогда-то особенно признаемъ Промыслъ Божій, который не посылаетъ на насъ наказанія за каждый грѣхъ. Посему, когда увидишь, что иной грабитъ, неправедно обогащается, и за это не наказывается, раскрой и ты свою совѣсть, разсмотри свою жизнь, изслѣдуй свои грѣхи, и узнаешь хорошо, что тебѣ первому не выгодно быть наказываему за каждый грѣхъ. Многіе потому и кричатъ нещадно, что не смотрятъ на свои грѣхи прежде чужихъ, но, оставивъ свои, всѣ мы занимаемся чужими. Но впредь не будемъ дѣлать этого, а станемъ дѣлать противное; и если увидишь, что иной праведникъ терпитъ наказаніе, вспомни объ Іовѣ. Какъ бы ни былъ кто праведенъ, не будетъ однакожъ ни праведнѣе его, ни сколько нибудь близокъ къ нему; и хотя бы терпѣлъ

онъ безчисленное множество бѣдствій, все еще не перенесъ столько, сколько тотъ.

17. Итакъ, взявъ это въ умъ, перестань обвинять Господа, зная, что Богъ не оставляетъ человѣка, когда попускаетъ ему страдать, но желаетъ увѣнчать его и сдѣлать болѣе славнымъ. Если-же увидишь, что грѣшникъ наказывается, вспомни о разслабленномъ, который тридцать восемь лѣтъ лежалъ на одрѣ. Въ удостовѣреніе, что и онъ преданъ былъ этой болѣзни за грѣхъ, послушай что говоритъ Христосъ: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14). Мы или пріемлемъ возмездіе за грѣхи, когда бываемъ наказываемы, или получаемъ поводъ къ пріобрѣтенію вѣнцовъ, если, живя добродѣтельно, терпимъ несчастіе: такъ что, въ правдѣ-ли мы живемъ, или въ грѣхахъ, наказаніе полезно для насъ, потому-что оно, или дѣлаетъ насъ болѣе славными, или заставляетъ быть осмотрительнѣе, и облегчаетъ для насъ будущія муки. Что наказанный здѣсь и перенесшій это наказаніе съ благодарностію, тамъ потерпитъ легчайшее мученіе, объ этомъ вотъ какъ говоритъ Павелъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и спятъ* (умираютъ) *довольни. Аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были. Судими же, отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. 11, 30).

18. Зная все это, будемъ такъ и любомудрство-

вать о Промыслѣ Божіемъ, и прекословящимъ заграждать уста; и, если какого-либо произшествія не объяснитъ умъ нашъ, не станемъ поэтому думать, будто нѣтъ Промысла о дѣлахъ нашихъ, но, постигнувъ отчасти Промыслъ Божій, непостижимое предоставимъ Его неизслѣдимой премудрости. Ибо, если простому человѣку невозможно понять и человѣческаго искуства; тѣмъ болѣе уму человѣческому нельзя постигнуть безпредѣльнаго Промысла Божія: *яко не испытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Рим. 11, 33). Впрочемъ, такъ какъ и изъ малаго получили мы ясное и вѣрное познаніе обо всемъ, то станемъ благодарить Господа за всѣ событія. Есть вѣдь для желающихъ любомудрствовать о Промыслѣ Божіемъ и другое непререкаемое доказательство. Мы спросимъ противниковъ: есть ли Богъ? Если они скажутъ, что нѣтъ: то мы не будемъ и отвѣчать; потому что, какъ безумные, такъ и говорящіе, что нѣтъ Бога, не стоятъ отвѣта. Если корабль, и съ малымъ числомъ корабельщиковъ и пловцовъ, не переплыветъ благополучно и одной стадіи безъ управляющей имъ руки: тѣмъ болѣе столь великій міръ, заключающій въ себѣ такое множество тѣлъ, составленныхъ изъ разныхъ стихій, не просуществовалъ бы столько времени, еслибы не было Промысла, управляющаго имъ, и эту вселенную постоянно поддерживающаго и сохраняющаго. Если-же они, уваживъ всеобщее мнѣніе и опытъ,

сознаются, что есть Богъ; то скажемъ имъ вотъ что: если есть Богъ, какъ и дѣйствительно есть, то слѣдуетъ, что Онъ и справедливъ; ибо если Онъ несправедливъ, то и не Богъ; а если справедливъ, то каждому воздастъ по заслугамъ. Но, мы видимъ, не всѣ здѣсь получаютъ по заслугамъ; поэтому необходимо надѣяться, что готовится какая-либо другая награда, чтобы тогда, какъ каждый получитъ по заслугамъ, открылось правосудіе Божіе. И вотъ это доказательство ведетъ насъ къ мысли не только о Промыслѣ, но и о воскресеніи. Итакъ зная это, будемъ и сами размышлять о Промыслѣ и воскресеніи, и учить другихъ; всячески постараемся заграждать уста неистовствующихъ противъ Господа, и сами прославимъ Его во всемъ. Такимъ образомъ мы болѣе привлечемъ къ себѣ Его попечительность, и получимъ великую помощь, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможемъ освободиться отъ настоящаго зла (κακίας, грѣха), и достигнуть будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

ПРОТИВЪ ВОЗРАЖАЮЩИХЪ, ПОЧЕМУ ДІАВОЛЪ НЕ ИСТРЕБЛЕНЪ; ТАКЖЕ О ТОМЪ, ЧТО ЗЛОБА ЕГО НИСКОЛЬКО НЕ ВРЕДИТЪ НАМЪ, ЕСЛИ МЫ ВНИМАТЕЛЬНЫ КЪ САМИМЪ СЕБѢ, И—О ПОКАЯНІИ.

1. Исаакъ, пожелавъ нѣкогда вкусить снѣдь изъ рукъ сына, выслалъ сына изъ дома на ловлю: а этотъ Исаакъ [1]), пожелавъ принять снѣдь изъ нашихъ рукъ, не насъ выслалъ изъ дома, но самъ притекъ къ нашей трапезѣ. Что можетъ быть любвеобильнѣе, что смиреннѣе его, который удостоилъ показать столь пламенную любовь и соизволилъ такъ снизойти? Потому и мы, хоть и потеряли силу голоса и крѣпость ногъ отъ утренней бесѣды, увидѣвъ отеческое лице, тотчасъ забыли слабость, отринули усталость, окрылились радостію; увидѣли свѣтлыя сѣдины, и душа наша исполнилась свѣта. Поэтому и предлагаемъ трапезу съ охотою, чтобы онъ, вкусивъ, благословилъ насъ. Здѣсь нѣтъ подлога и обмана, какъ тамъ. Тогда велѣно было принести одному, а принесъ другой; нѣтъ, мнѣ и приказано принести, я и принесъ. Благослови же насъ, отецъ, благословеніемъ духовнымъ, которое всѣ мы желаемъ получать всегда, и ко-

[1]) Епископъ Флавіанъ.

торое полезно не только тебѣ, но и мнѣ, и всѣмъ этимъ [1]); умоли общаго нашего Владыку, да продлитъ Онъ жизнь твою до глубокой старости Исаака: это и для меня, и для этихъ дороже и необходимѣе росы небесной и тука земнаго.

2. Но время уже предложить трапезу. Какая же она? Это остатки того, о чемъ недавно сказано было къ вашей любви: мы все еще ведемъ слово о діаволѣ; которое начали за два дня предъ симъ, которое и (нынѣ) утромъ [2]) предложили готовящимся къ крещенію, когда бесѣдовали съ ними объ отреченіи (отъ діавола) и сочетаніи (со Христомъ). Дѣлаемъ же это не потому, чтобы намъ было пріятно говорить о діаволѣ, но потому, что ученіе о немъ доставляетъ намъ безопасность: онъ врагъ и непріятель, а ясно знать о врагахъ весьма нужно для безопасности. Мы сказали недавно, что онъ не побѣждаетъ (людей) ни силою, ни жестокостію, ни принужденіемъ, ни насиліемъ; потому-что, если бы это было, онъ всѣхъ погубилъ бы. И въ доказательство этого мы привели свиней, надъ которыми демоны не осмѣлились показать свою злобу прежде позволенія Господа (Мат. 8. 31): (указали на) стада воловъ и овецъ Іова, потому что и этихъ діаволъ не осмѣлился истребить, пока не получилъ власти свыше. Итакъ мы узнали, во-первыхъ то, что

---

[1]) т. е. предстоящимъ въ храмѣ. [2]) упоминаемая здѣсь утренняя бесѣда не дошла до насъ.

діаволъ не одолѣваетъ насъ ни силою, ни принужденіемъ; за тѣмъ, во-вторыхъ, присовокупили, что хотя онъ и одолѣваетъ обманомъ, но и то не всѣхъ, и, въ примѣръ этого, опять представили мы самаго подвижника—Іова, противъ коего сколько ни строилъ (діаволъ) казней, однакожъ не одолѣлъ его, напротивъ, самъ былъ побѣжденъ, и отступилъ. Остается еще одинъ вопросъ. Какой же это? Говорятъ, что, если (діаволъ) и не побѣждаетъ силою, такъ — хитростію, а поэтому лучше было бы истребить его. Пусть Іовъ побѣдилъ, за то Адамъ былъ обольщенъ и преткнулся; а если бы діаволъ однажды на-всегда былъ уничтоженъ, то и Адамъ не палъ-бы нѣкогда: а теперь, оставаясь, діаволъ побѣждается однимъ, а одолѣваетъ многихъ; его побѣждаютъ десять, а онъ одолѣваетъ и поражаетъ тысячи;—тысячи эти не погибли бы, еслибы діаволъ былъ совсѣмъ уничтоженъ. Что-же скажемъ на это? Во-первыхъ то, что побѣждающіе гораздо бо́льшей достойны чести, чѣмъ побѣждаемые, хотя бы послѣднихъ было больше, а первыхъ меньше: *лучше бо*, сказано *единъ* творящій волю Божію, *нежели тысяча грѣшникъ* (Сир. 16, 3). А во-вторыхъ то, что, съ уничтоженіемъ противника, самъ побѣдитель терпитъ отъ того вредъ: если попустишь оставаться противнику, то безпечные терпятъ вредъ, не изъ-за рачительныхъ, а отъ своей безпечности; а если уничтожишь противника, то рачи-

тельные изъ-за нерадивыхъ потерпятъ вредъ, не обнаружатъ своей силы, и не получатъ вѣнцовъ.

3. Можетъ быть, вы еще не поняли сказаннаго: такъ нужно сказать объ этомъ яснѣе. Пусть будетъ одинъ противникъ, пусть будутъ и два борца, которые должны съ нимъ бороться, и изъ этихъ двухъ борцовъ одинъ пусть будетъ разстроенный отъ пресыщенія, преданный безпечности, изможденный, обезсиленный, а другой старательный, крѣпкій здоровьемъ, постоянно упражняющійся въ школѣ, въ различныхъ опытахъ, всячески изучающій искуство борьбы. Если ты уничтожишь противника, которому изъ нихъ причинишь вредъ? нерадивому ли и безпечному, или старательному, который столько трудился? Явно, что старательному: онъ, съ уничтоженіемъ противника, потерпѣлъ бы вредъ изъ-за нерадиваго, а нерадивый и въ томъ случаѣ, когда бы противникъ оставался, потерпѣлъ бы вредъ не изъ-за старательнаго, потому-что палъ-бы отъ собственнаго нерадѣнія. Скажу и другое рѣшеніе на этотъ вопросъ, чтобы ты узналъ, что не діаволъ причиняетъ вредъ людямъ, но собственная безпечность невнимательныхъ вездѣ подвергаетъ ихъ паденію.

4. Оставимъ діавола; онъ весьма золъ, только не по природѣ, но по произволу и свободѣ; а что діаволъ золъ не по природѣ, это можемъ узнать изъ самыхъ наименованій его. Онъ названъ діаволомъ т. е. клеветникомъ, отъ слова

διαβάλλειν, *клеветать*, потому-что онъ оклеветалъ человѣка предъ Богомъ, сказавъ: *еда туне Іовъ чтитъ Господа? но посли руку твою, и коснися всѣхъ, яже иматъ, аще не въ лице тя благословитъ* (Іов. 1, 9. 11). Оклеветалъ опять и Бога предъ человѣкомъ, сказавъ: *огонь спаде съ небесе и пожже овцы* (ст. 16); онъ старался увѣрить Іова, будто война эта возгорѣлась свыше — съ небесъ, и вооружилъ раба противъ Господа, и Господа противъ раба, а вѣрнѣе сказать, не вооружилъ, но покушался, только не успѣлъ (вооружить). Такъ, когда увидишь, что и другой рабъ возстаетъ противъ Господа, — Адамъ противъ Бога, и вѣритъ клеветѣ діавола, то знай, что діаволъ получилъ успѣхъ, не отъ своей силы, но отъ безпечности и нерадѣнія Адама. Вотъ почему онъ названъ діаволомъ (клеветникомъ)! Но клеветать и не клеветать—не отъ природы, но есть такое дѣйствіе, которое бываетъ и перестаетъ быть, является и исчезаетъ; а такія дѣйствія не входятъ въ составъ ни природы, ни сущности. Знаю, что для многихъ непонятно это слово о сущности и случайностяхъ; впрочемъ есть и такіе, которые способны слушать и болѣе тонкія (разсужденія), потому мы и сказали это. Хотите, перейду и къ другому наименованію (діавола)? увидите, что и оно есть наименованіе не сущности и не природы. Діаволъ называется злымъ, а злость не отъ природы, но отъ произволенія; потому-что и она то̀ бываетъ, то̀ пе-

рестаетъ быть. Не говори мнѣ, что злость всегда есть въ діаволѣ: и въ немъ она не была въ началѣ, но явилась послѣ, почему и называется онъ отступникомъ; и—хотя много есть злыхъ и людей, но онъ одинъ по преимуществу называется злымъ. Почему-же такъ называется? потому, что онъ, не потерпѣвъ никакого зла отъ насъ, не имѣя повода винить насъ ни въ маломъ, ни въ великомъ, (а только) увидѣвъ человѣка въ чести, тотчасъ позавидовалъ его блаженству. Что можетъ быть хуже этой злости, когда возникаетъ вражда и война безъ всякой благовидной причины?

5. Итакъ оставимъ діавола, и выведемъ на средину тварь (природу), чтобы ты позналъ, что не діаволъ виною нашихъ грѣховъ, если только мы захотимъ быть внимательными; чтобы ты позналъ, что слабый волею, нерадивый, и безпечный (человѣкъ) и безъ діавола падаетъ и низвергается во многія пропасти грѣха. Діаволъ золъ,—знаю это и я, знаютъ всѣ; но внимай тщательно тому, что будетъ сказано теперь. Это не маловажный предметъ, но такой, что объ немъ говорятъ многіе часто и во многихъ мѣстахъ; объ немъ великая распря и война не только у вѣрующихъ съ невѣрующими, но и у вѣрующихъ съ вѣрующими: а это весьма прискорбно! Итакъ всѣ, какъ сказалъ я, признаютъ діавола злымъ. Что же скажемъ объ этой прекрасной и чудной твари (природѣ)? ужели и тварь зла?

Но кто столько нечестивъ, кто столько безразсуденъ и безуменъ, что опорочитъ тварь? Итакъ что скажемъ объ ней? Она не зла, напротивъ прекрасна, и служитъ доказательствомъ Божіей премудрости, и силы, и человѣколюбія. Послушай, какъ удивляется ей Пророкъ, говоря: *яко возвеличишася дѣла твоя, Господи: вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24): не сталъ онъ изслѣдовать каждое (дѣло Божіе) порознь, но поникъ предъ непостижимою премудростію Божіей! А дабы видѣть, что (Богъ) создалъ тварь столь прекрасною и величественною съ благою цѣлію, послушай, какъ говоритъ нѣкто: *отъ величества красоты созданій сравнительно рододѣлатель ихъ познавается* (Прем. Сол. 13, 5); послушай и Павла, который говоритъ: *невидимая бо Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* (Рим. 1, 20). Тотъ и другой словами своими указалъ на то, что (тварь) руководитъ насъ къ Богопознанію, что она помогаетъ намъ познавать Господа. Что же? если увидимъ, что эта прекрасная и чудная тварь бываетъ для многихъ причиною нечестія, ужели станемъ винить ее? Никакъ; напротивъ, винить (должны мы) тѣхъ, кои не воспользовались, какъ должно, лекарствомъ. Какъ же стала причиною нечестія эта (тварь), руководительница къ Богопознанію? *Омрачишася*, говоритъ Писаніе, *мудри помышленіи своими, и почтоша и послужиша твари паче Творца* (Рим. 1, 21—25). Здѣсь является на

среду отнюдь не діаволъ, отнюдь не демонъ, но одна тварь,—учительница Богопознанія. Какъ же сдѣлалась она причиною нечестія? Не сама собою, но отъ безпечности невнимательныхъ. Что же? не уничтожить ли намъ и тварь, скажи мнѣ?

6. Но что говорить о твари? Перейдемъ къ нашимъ членамъ; найдемъ, что и они бываютъ причиною погибели, когда мы невнимательны,— не по собственной ихъ природѣ, но отъ нашей безпечности. Смотри: глазъ данъ для того, чтобы ты, взирая на тварь, прославлялъ Владыду; но, если ты не хорошо станешь пользоваться глазомъ, онъ бываетъ для тебя виновникомъ любодѣянія. Языкъ данъ для того, чтобы ты прославлялъ, чтобы хвалилъ Творца; но, если ты не имѣешь надлежащей внимательности, онъ бываетъ у тебя виною богохульства. Руки даны для того, чтобы ты воздѣвалъ ихъ на молитву: но если ты невоздерженъ, то простираешь ихъ на хищничество. Ноги даны для того, чтобы ты текъ на добрыя дѣла: но, если ты безпеченъ, то пойдешь ими на худыя дѣла. Видишь, что слабому все вредитъ; видишь, что слабаго и спасительныя лекарства подвергаютъ смерти, не по собственной ихъ природѣ, а по его слабости? Богъ создалъ небо, что бы ты, подивившись дѣлу рукъ Его, поклонился Владыкѣ. но иные, оставивъ Творца, поклонились самому небу, а это отъ ихъ нерадѣнія и неразумія. Но что говорить о твари? Что можетъ быть спасительнѣе

креста? но и этотъ крестъ для слабыхъ сдѣлался соблазномъ. *Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть* (1 Кор. 1, 19); и опять: *проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе* (Кор. 1, 23). Что можетъ быть учительнѣе Павла и Апостоловъ? но эти Апостолы для многихъ были запахомъ смертоноснымъ, почему и сказано: *овѣмъ убо воня смертная въ смерть: овѣмъ же воня животная въ животъ* (2 Кор. 2, 16). Видишь, что слабый и отъ Павла получаетъ вредъ, а сильный и отъ діавола не терпитъ зла? Хочешь, предложимъ слово и о Христѣ? Что сравнится съ тѣмъ спасеніемъ? что благотворнѣе того пришествія? но и это спасительное, благотворное пришествіе для многихъ послужило къ умноженію наказанія. *На судъ*, говоритъ Спаситель, *Азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (Іоан. 9, 39). Что говоришь? свѣтъ сдѣлался причиною слѣпоты? Не свѣтъ сдѣлался причиною слѣпоты, но слабыя очи души не могли принять свѣта. Видишь, что слабый отъ всего терпитъ вредъ, а сильный отъ всего получаетъ пользу? потому что вездѣ виною произволеніе, вездѣ властна воля.

7. Такъ діаволъ, если хочешь знать, даже полезенъ намъ, только бы мы умѣли обращаться съ нимъ; тогда онъ доставляетъ намъ многія выгоды и не маловажныя пріобрѣтенія. Его

многократно доказали мы и примѣромъ Іова, но можно узнать и отъ Павла. Пиша о кровосмѣсникѣ, онъ такъ говоритъ: *предадите таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется* (Кор. 5, 5). Вотъ діаволъ сдѣлался и виновникомъ спасенія, только не по своей волѣ, но по искуству Апостола. Какъ врачи берутъ змѣй, и отсѣкая у нихъ вредныя части, приготовляютъ изъ этихъ ядовитыхъ животныхъ лекарства: такъ поступилъ и Павелъ; изъ причиняемаго діаволомъ страданія, онъ взялъ, что только было полезно, а прочее оставилъ. И чтобы зналъ ты, что (здѣсь) діаволъ не—виновникъ спасенія, напротивъ старался погубить и поглотить человѣка, но что Апостолъ своею мудростію сокрушилъ ему челюсть, послушай, что говоритъ онъ (Апостолъ) о томъ же кровосмѣсникѣ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ: *утвердите къ нему любовь, да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый, да не обидимы будемъ отъ сатаны* (2 Кор. 2, 8, 7, 11), т. е., поспѣшимъ исхитить человѣка изъ челюстей звѣря. Апостолъ часто пользовался діаволомъ, какъ палачемъ; а палачи наказываютъ преступниковъ, не какъ сами хотятъ, но какъ позволяютъ судіи; потому-что законъ для палача—наказывать, какъ велитъ судія. Видишь, на какое достоинство взошелъ Апостолъ? Обложенный тѣломъ распоряжался безтѣлеснымъ, какъ палачемъ; и—что говоритъ діаволу объ Іовѣ общій всѣхъ Вла-

дыка, повелѣвая ему такъ: *коснися плоти его, токмо душу его соблюди* (Іов. 2, 6), полагая ему предѣлы и мѣру наказаній, чтобы этотъ свирѣпый звѣрь (діаволъ) не напалъ на него (Іова) слишкомъ нагло: тоже дѣлаетъ и Апостолъ. Предавая блудника діаволу, онъ говоритъ: *во изможденіе плоти* (1 Кор. 6, 9) т. е. души его не касайся. Видишь власть раба? не бойся же діавола, хоть онъ и безтѣлесенъ; потому-что онъ палъ, а нѣтъ ничего слабѣе павшаго, хотя бы онъ не былъ обложенъ тѣломъ: какъ и нѣтъ ничего сильнѣе имѣющаго дерзновеніе (предъ Богомъ), хотя бы онъ облеченъ былъ въ смертное тѣло.

8. Все это сказано мною теперь, не для того, чтобы діавола освободить отъ обвиненій, но чтобы васъ отвести отъ безпечности. Онъ-то сильно желаетъ, чтобы мы вину нашихъ грѣховъ слагали на него, дабы, питаясь этими надеждами и дѣлая всякаго рода грѣхи, увеличили мы свое наказаніе и не получили никакого извиненія отъ того, что на него слагаемъ вину, такъ какъ не получила и Ева. Но мы не будемъ дѣлать этого, а познаемъ самихъ себя, узнаемъ свои раны: тогда будемъ въ состояніи приложить и лекарства; потому-что не знающій болѣзни нисколько не позаботится о (излеченіи) недуга. Много согрѣшили мы, знаю это и я; всѣ мы находимся въ епитиміяхъ, однакожъ не оставлены безъ (надежды на) помилованіе, не лишены покаянія, потому-что стоимъ еще на по-

прищѣ борьбы, и находимся въ подвигахъ покаянія. Старецъ ты, и достигъ крайняго предѣла жизни? не думай однакожъ, будто отнято у тебя покаяніе; не отчаявайся въ своемъ спасеніи, но подумай о разбойникѣ, который на крестѣ спасенъ. Что короче того часа, въ который онъ получилъ вѣнецъ? однакожъ и этого часа достаточно было ему для спасенія. Юноша ты? не полагайся на юность, и не думай, что у тебя впереди довольно времени для жизни; ибо *день Господень, якоже тать въ нощи, тако пріидетъ* (1 Сол. 5, 2). Для того (Богъ) и сдѣлалъ неизвѣстною нашу кончину, чтобы мы сдѣлали извѣстною свою заботливость и осмотрительность. Не видишь ли, сколько каждый день похищается преждевременною смертію? поэтому и увѣщаваетъ нѣкто: *не медли обратитися ко Господу, и не отлагай день отъ дне* (Сир. 5, 8), чтобы, когда будешь медлить, не погибнуть тебѣ. Старецъ да послѣдуетъ тому увѣщанію, а юноша этому внушенію. Но ты въ безопасности; ты богатъ и изобилуешь деньгами; съ тобою не бываетъ никакой непріятности? Но послушай, что говоритъ Павелъ: *егда рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство* (1 Сол. 5, 3). Дѣла (наши) весьма перемѣнчивы; мы не властны въ смерти, будемъ властны въ добродѣтели: человѣколюбивъ Господь нашъ Христосъ!

9. Хотите, скажу и о путяхъ покаянія? они

многочисленны, разнообразны и различны, и всѣ ведутъ къ небу. Первый путь покаянія есть осужденіе грѣховъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26). Поэтому и Пророкъ говорилъ: *рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви: и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Псал. 31, 5). Итакъ осуди и ты грѣхи свои: этого достаточно для Господа къ твоему оправданію, потому-что осудившій грѣхи свои не такъ скоро рѣшится опять впасть въ нихъ. Пробуди внутри у себя обличителя— твою совѣсть, дабы тамъ—на судилищѣ Господнемъ, не имѣть тебѣ обличителя. Вотъ одинъ путь покаянія, прекраснѣйшій! Есть и другой, не хуже этого, состоящій въ томъ, чтобы не злопамятствовать на враговъ, воздерживаться отъ гнѣва, прощать грѣхи сорабамъ: потому-что въ такомъ случаѣ простятся намъ и наши грѣхи противъ Господа. Вотъ и второе средство очиститься отъ грѣховъ! *Аще бо отпущаете*, говоритъ Господь, *человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Матѳ. 6, 14). Хочешь знать и третій путь покаянія? Это пламенная и усердная молитва, возносимая притомъ отъ самой глубины сердца. Не видѣлъ ли ты, какъ та вдовица умилостивила жестокаго судію (Лук. 18, 3)? а у тебя Владыка кроткій, снизходительный, и человѣколюбивый. Она просила на враговъ, а ты просишь не на враговъ, но о своемъ спасеніи. Если-же хочешь знать и

четвертый (путь покаянія), то назову милостыню: она имѣетъ великую и несказанную силу. И Навуходоносору, который сдѣлалъ всякаго рода грѣхъ и совершилъ всякое нечестіе, Даніилъ говоритъ: *царю, совѣтъ мой да будетъ тебѣ угоденъ: грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ* (Дан. 4, 24). Что можетъ сравниться съ этимъ человѣколюбіемъ? Послѣ безчисленныхъ грѣховъ, послѣ столькихъ беззаконій, грѣшнику обѣщается прощеніе, если онъ будетъ человѣколюбивъ къ своимъ сорабамъ. Также, скромность и смиренномудріе, не менѣе всѣхъ сказанныхъ средствъ, заглаждаетъ грѣхи: свидѣтель тому мытарь, который не могъ указать на свои добрыя дѣла, но, вмѣсто всѣхъ (такихъ дѣлъ), выставляетъ смиреніе, и—слагаетъ съ себя тяжкое бремя грѣховъ (Лук. 18. 13).

10. Вотъ мы показали пять путей покаянія: первый—осужденіе грѣховъ, вторый—отпущеніе грѣховъ ближнимъ, третій — состоящій въ молитвѣ, четвертый — въ милостынѣ, пятый—въ смиренномудріи. Итакъ не оставайся въ праздности, но каждый день проходи по всѣмъ этимъ путямъ: потому что и пути удобные, и ты не можешь отговориться бѣдностію. Нѣтъ, хотя бы жилъ ты бѣднѣе всѣхъ, можешь и оставить гнѣвъ, и смириться, и помолиться усердно, и осудить грѣхи, словомъ: бѣдность ни въ чемъ этомъ не служитъ помѣхою. И что говорю объ

этомъ, когда и на томъ пути покаянія, на которомъ нужно издерживать деньги (разумѣю милостыню), и тамъ бѣдность нисколько не препятствуетъ намъ исполнить заповѣдь? это показала вдовица, положившая двѣ лепты (Марк. 12, 42). Итакъ, узнавъ способъ врачеванія нашихъ ранъ, будемъ постоянно употреблять эти лекарства, чтобы, возстановивъ въ себѣ истинное здравіе, и вкусить намъ съ дерзновеніемъ священной трапезы, и срѣтить съ великою славою Царя славы Христа, и получить вѣчныя блага, благодатію, и щедротами, и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ слава, держава, честь Отцу со всесвятымъ, и благимъ, и животворящимъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

12 БЕСѢДА

О томъ, что грѣхъ отъ безпечности, а добродѣтель отъ рачительности, и что бдительному не могутъ повредить — ни злые люди, ни самъ діаволъ.

1. Мы предъ вчерашнимъ днемъ бесѣдовали къ вашей любви о діаволѣ, а иные предъ вчерашнимъ же днемъ, когда шла здѣсь такая бесѣда, сидѣли въ театрахъ и смотрѣли на діа-

вольскій праздникъ; они слушали блудныя пѣсни, вы внимали духовнымъ наставленіямъ; они вкушали скверну діавольскую, вы насыщались духовнымъ мvромъ. Кто же увлекъ ихъ? кто отлучилъ ихъ отъ священнаго стада? Ужели и ихъ обольстилъ діаволъ? какъ же онъ не обольстилъ васъ? Вы и они-одинаковые люди, разумѣю по природѣ; у васъ и у нихъ одинаковая душа, одинаковыя природныя наклонности: какъ же вы и они не одинаковы въ дѣлахъ? — Такъ какъ не одинакова воля у васъ и у нихъ, то они—въ обольщеніи, а вы не-въ обольщеніи. Говорю это опять не въ оправданіе діавола, но чтобы освободить васъ отъ грѣховъ.

2. Золъ діаволъ, признаю это и я: но онъ золъ для себя, а не для насъ, если только мы бдительны. Таково свойство грѣха — онъ пагубенъ только дѣлающимъ его: не такова, напротивъ, добродѣтель,-она можетъ приносить пользу не только дѣлающимъ ее, но и ближнимъ. И чтобы увѣрился ты, что злой золъ для себя, а добрый добръ и для другихъ, представляю тебѣ свидѣтельство изъ Притчей. *Сыне*, сказано, *аще золъ будеши, единъ почерпнеши злая: аще же премудръ, себѣ и искреннему* (Притч. 9, 12). Они обольщены въ театрахъ, а вы не обольщены — это самое важное опытное доказательство, ясное свидѣтельство и неопровержимый доводъ на то, что во всемъ властна воля. Этимъ-то доказательствомъ воспользуйся и ты. Когда уви-

дишь, что человѣкъ живетъ порочно и дѣлаетъ всякой грѣхъ, между тѣмъ жалуется на Промыслъ Божій и говоритъ, будто Онъ предалъ нашу природу неизбѣжному року и судьбѣ, и жестокому владычеству демоновъ, что этотъ человѣкъ во всемъ снимаетъ вину съ себя и слагаетъ на Создателя и Промыслителя вселенной: загради ему уста, не словомъ, но дѣломъ, указавъ на другаго, такого же, какъ и онъ, человѣка, живущаго добродѣтельно и честно. Не нужно длинныхъ рѣчей, не нужно стройнаго расположенія (доказательствъ), ни умозаключеній; доказательство—въ дѣлахъ. Скажи ему: и ты рабъ, и онъ рабъ; и ты человѣкъ, и онъ человѣкъ; въ томъ же мірѣ живешь ты, подъ тѣмъ же небомъ, тою же питаешься пищею: какъ же ты живешь порочно, а онъ добродѣтельно? Для того и Богъ попустилъ злымъ смѣшаться съ добрыми, и злымъ не далъ другой земли, а добрыхъ не помѣстилъ на другую вселенную, но смѣшалъ этихъ съ тѣми, чтобы доставить (людямъ) великую пользу. Добрые являются въ бóльшей славѣ, когда находясь среди препятствующихъ имъ жить праведно и влекущихъ къ грѣху, крѣпко держатся добродѣтели. *Подобаетъ бо*, сказано, *и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ васъ* (1 Кор. 11, 19).

3. Такъ вотъ, и для этого Богъ попустилъ злымъ быть среди (добрыхъ), чтобы добрые

просіяли болѣе. Видишь какая польза? Впрочемъ польза (собственно) не отъ злыхъ, но отъ мужества добрыхъ. И Ною мы удивляемся, не потому только, что онъ былъ праведникъ, и не потому что былъ совершенъ, но потому, что соблюлъ добродѣтель среди того племени развращеннаго и грѣшнаго, когда не было предъ нимъ примѣра добродѣтели, когда всѣ увлекали его къ пороку, а онъ во всемъ шелъ напротивъ имъ, какъ какой либо путникъ, который идетъ по дорогѣ наперекоръ быстро стремящейся многочисленной толпѣ.—Поэтому не просто сказано: *Ное праведенъ, совершенъ,* но прибавлено: *въ родѣ своемъ* (Быт. 6, 9), — въ развращенномъ, въ отчаянномъ, потому что не было никакой заботы о добродѣтели.

4. Вотъ какая польза добрымъ отъ злыхъ! Такъ и деревья дѣлаются крѣпче, когда качаютъ ихъ вѣтры. Впрочемъ, и злымъ есть польза отъ сообщества съ добрыми: они стыдятся этихъ, краснѣютъ, совѣстятся; если и не отстаютъ отъ грѣха, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ зло скрытно. А это не мало значитъ, что они не дѣлаютъ зла нагло: жизнь другихъ служитъ обличеніемъ порочности ихъ. Послушай, что говорятъ (нечестивые) о праведникѣ: *тяжекъ есть намъ и къ видѣнію* (Премудр. 2, 15). Не маловажное уже начало исправленія, когда (нечестивые) мучатся присутствіемъ праведника; они и не говорили-бы этого, еслибы видъ правед-

ника не терзалъ ихъ. А мученіе и терзаніе совѣсти отъ присутствія праведника будетъ для нихъ не малымъ препятствіемъ—дѣлать зло съ безстыдствомъ. Видишь, сколько пользы и добрымъ отъ злыхъ, и злымъ отъ добрыхъ? Поэтому Богъ не отдѣлилъ ихъ, но попустилъ смѣшаться между собою.

5. Тоже самое должны мы сказать и о діаволѣ. И его (Богъ) оставилъ здѣсь, для того, чтобы тебя сдѣлать крѣпче, чтобы подвижника показать въ бóльшей славѣ, чтобы борьба была важнѣе. Итакъ, когда кто будетъ говорить, для чего Богъ оставилъ діавола, скажи ему вотъ какія слова: бдительнымъ и внимательнымъ (діаволъ) не только ни мало не вредитъ, но и приноситъ пользу,—не по своей волѣ, потому что она зла, но по мужеству тѣхъ людей, потому что они пользуются его злобою, какъ должно. Вотъ, и съ Іовомъ сразился (діаволъ), только не для того, чтобы его сдѣлать славнѣе, но—чтобы низринуть: онъ золъ по такому хотѣнію и намѣренію своему, однакожъ нисколько не повредилъ праведнику, напротивъ, этотъ получилъ еще большую пользу отъ борьбы, какъ это мы и доказали, и — демонъ выказалъ свою злобу, а праведникъ свое мужество. Но онъ, скажешь, многихъ и низлагаетъ? по ихъ слабости, а не по своей силѣ; и это уже доказано многимъ. Итакъ исправь свою волю, и никогда ни отъ кого не потерпишь вреда, напротивъ,

еще получишь величайшую пользу, не только отъ добрыхъ, но и отъ злыхъ. Для того Богъ, какъ я сказалъ прежде, и попустилъ людямъ быть вмѣстѣ, и особенно добрымъ съ злыми, чтобы тѣ и этихъ привлекли къ своей добродѣтели.

6. Послушай, что Христосъ говоритъ ученикамъ: *подобно есть царствіе небесное женѣ, яже веземши квасъ, скры въ сатѣхъ трехъ муки* (Мат. 13, 33). Итакъ праведники имѣютъ силу закваски, чтобы злыхъ дѣлать такими, каковы они сами. Но праведниковъ немного, такъ какъ и закваска невелика? Но эта малость не вредитъ тѣсту, напротивъ, и небольшая та закваска, заключающеюся въ ней силою, заквашиваетъ все тѣсто (1 Кор. 5, 6). Такъ точно, и сила праведниковъ, не въ количествѣ численномъ, но въ благодати Духа. Апостоловъ было двѣнадцать: видишь, какъ мала закваска?—но эти двѣнадцать обратили къ себѣ всю вселенную. Закваска и тѣсто одинаковой природы, но не одинаковаго качества: поэтому Богъ оставилъ между праведниками злыхъ, чтобы эти, будучи одинаковы съ праведниками по природѣ, сдѣлались одинаковыми и по расположенію воли.

7. Это помните, этимъ заграждайте уста лѣнивымъ, слабымъ, небрежнымъ, уклоняющимся отъ трудовъ добродѣтели, обвиняющимъ общаго Владыку. *Согрѣшилъ ли еси?* сказано, *умолкни* (Быт. 4, 7). Не прибавляй другаго, болѣе тяж-

каго, грѣха: не такъ тяжко грѣшить, какъ—послѣ грѣха — обвинять Господа. Постарайся узнать виновника грѣха, и—найдешь, что это не иной кто, какъ ты, сдѣлавшій грѣхъ. Во всемъ нужна добрая воля: это я доказалъ вамъ, не голыми умозаключеніями, но примѣрами подобныхъ вамъ рабовъ, которые жили въ этомъ-же мірѣ. Этимъ доказательствомъ воспользуйся и ты; такъ и общій Владыка будетъ судить насъ. Научитесь этому способу доказывать, и никто не будетъ въ состояніи оспорить васъ. Блудодѣйствуетъ ли кто? покажи ему другаго—цѣломудренно живущаго. Лихоимствуетъ ли кто и похищаетъ чужое? укажи ему на подающаго милостыню. Преданъ ли кто зависти и зложелательству? укажи ему на свободнаго отъ этой страсти. Одержимъ ли кто гнѣвомъ? выстави предъ нимъ умѣющаго обладать собою. Должно не только прибѣгать къ древнимъ сказаніямъ, но и брать примѣры изъ настоящаго: потому что и нынѣ, по благодати Божіей, есть подвиги не меньше прежнихъ. Не вѣритъ кто Писанію и считаетъ его ложнымъ? не вѣритъ, что Іовъ былъ таковъ? укажи ему на другаго человѣка, который подражаетъ въ жизни этому праведнику. Такъ и Господь будетъ судить насъ: Онъ ставитъ рабовъ съ такими же рабами, и произноситъ рѣшеніе не по своему суду, чтобы кто не началъ опять говорить, какъ тотъ слуга, который получилъ талантъ, и вмѣсто таланта пред-

ставилъ вотъ какое обвиненіе: *яко жестокъ еси* (Мат. 25, 24). Надлежало бы ему стенать о томъ, что не удвоилъ таланта, а онъ сдѣлалъ еще болѣе тяжкій грѣхъ, прибавивъ къ своей безпечности клевету на господина. Ибо что говоритъ онъ? *вѣдѣхъ тя, яко жестокъ еси.* Несчастный и жалкій, неблагодарный и безпечный! надлежало бы тебѣ обвинять себя въ праздности, и тѣмъ нѣсколько уменьшить прежній грѣхъ твой, а ты взнесъ обвиненіе на господина, и—удвоилъ, вмѣсто таланта, грѣхъ.

8. Богъ для того ставитъ рабовъ съ рабами, чтобы эти судили тѣхъ, и тѣ, будучи судимы этими, не могли уже обвинять Господа. Поэтому (Христосъ) говоритъ: *пріити имать Сынъ человѣческій во славѣ Отца своего* (Мат. 16, 27). Смотри на равенство славы; не сказалъ: во славѣ, подобной славѣ Отца, но: во славѣ Отца. *И* соберетъ *вся языцы* (Мат. 25, 32). Страшное судилище,—страшное для грѣшниковъ и виновныхъ; напротивъ, вожделѣнное и пріятное для сознающихъ за собою добрыя дѣла! *И поставитъ овцы одесную, а козлища ошуюю* (ст. 33). И эти, и тѣ—люди: почему же тѣ овцы, а эти козлища? Не по разности природы, но по различію воли. Почему же не дающіе милостыни названы козлищами? потому, что это животное безплодно, и не можетъ доставлять владѣльцамъ пользы ни молокомъ, ни дѣтьми, ни шерстью, будучи совсѣмъ негодно къ такому плодоноше-

нію по незрѣлости своего возраста. Вотъ почему (Христосъ) неприносящихъ плода милостыни назвалъ козлищами; а *сущихъ одесную* — овцами, потому что отъ этихъ большая прибыль—шерстью, дѣтьми, молокомъ. Что же (Господь) говоритъ этимъ?—Видѣли вы меня алчущимъ, и напитали; нагимъ, и одѣли; странникомъ, и приняли (ст. 35). А тѣмъ (говоритъ) противное, хотя и эти, и тѣ—одинаковые люди, и эти и тѣ получили одинаковыя обѣтованія, тѣмъ и другимъ предложены одинаковыя награды за добрыя дѣла, къ этимъ и къ тѣмъ пришелъ Онъ въ одинаковомъ видѣ, — къ этимъ и къ тѣмъ въ одинаковой наготѣ, въ одинаковой бѣдности и одинаково странникомъ; все одинаково и у тѣхъ, и у этихъ. Почему же конецъ не одинаковъ? потому что помѣшала воля; она одна сдѣлала такую разницу. Вотъ почему тѣ (пошли) въ геенну, а эти въ царство. Если же бы у тѣхъ виною грѣховъ былъ діаволъ, то они не подлежали бы наказанію, такъ какъ другой согрѣшилъ и подвигнулъ (на грѣхъ).

9. Видѣлъ ты здѣсь и грѣшниковъ, и праведниковъ? видѣлъ, какъ (грѣшники), увидя подобныхъ себѣ рабовъ (праведниковъ), принуждены замолчать? Вотъ, представимъ и другой примѣръ. Было, говорится, десять дѣвъ (Мат. 25. 1—11). И здѣсь опять, по волѣ и дѣлаютъ добро, по волѣ и грѣшатъ, чтобы чрезъ сравненіе увидѣлъ ты и грѣхи этихъ, и добродѣтели тѣхъ:

сравненіе дѣлаетъ предметъ яснѣе. И эти дѣвы, и тѣ; и этихъ пять, и тѣхъ; и у этихъ, и у тѣхъ были свѣтильники; всѣ ожидали жениха. Почему же однѣ вошли (въ чертогъ), а другія не вошли? потому что эти были безчеловѣчны, а тѣ кротки и человѣколюбивы. Видишь опять, что виною такого конца воля, а не діаволъ? — Видѣлъ ты, какъ произносится судъ и рѣшеніе по сравненію подобныхъ съ подобными? (какъ) судятъ рабы подобныхъ себѣ рабовъ? Хочешь, покажу тебѣ сравненіе и не подобныхъ другъ другу? а оно дѣлается для того, чтобы очевиднѣе былъ обвинительный приговоръ. *Мужіе Ниневитстіи*, сказано, *востанутъ и осудятъ родъ сей* (Мат. 12, 41). Подсудимые уже не одинаковы: одни иноплеменники, другіе Іудеи; эти пользовались наставленіями пророковъ, а тѣ никогда не слышали слова Божія. Но различіе не только въ этомъ, но и въ томъ еще, что туда приходилъ рабъ, а сюда Господь, и-тотъ, пришедши, предвозвѣщалъ разрушеніе (Ниневіи), а Сей благовѣствовалъ о царствѣ небесномъ. Кто же болѣе долженъ былъ повѣрить, иноплеменники-ли, неразумные и никогда неслышавшіе Божественнаго ученія, или тѣ, кои съ юныхъ лѣтъ питались пророческими книгами? Очевидно всякому, что Іудеи болѣе: но вышло напротивъ. Эти не повѣрили и Господу, который возвѣщалъ царство небесное, а тѣ повѣрили рабу, который угрожалъ разрушеніемъ: дабы

тѣмъ яснѣе обнаружилась и благопокорность тѣхъ (Ниневитянъ), и злонравіе этихъ (Іудеевъ). Что же тутъ демонъ? что діаволъ? что рокъ? что судьба? не всякій-ли былъ самъ виною и грѣха, и добродѣтели? Если бы (Іудеи) не сами были виновны, (Христосъ) не сказалъ бы: *осудятъ родъ сей;* не сказалъ бы, что *и царица южская* осудитъ Іудеевъ (ст. 42).

10. Такъ, не только народы осуждаютъ народы, но нерѣдко и одинъ человѣкъ осуждаетъ цѣлый народъ, когда тѣ, которые могли бы скорѣе поддаться обольщенію, оказываются устоявшими противъ обольщенія, а тѣ, которые всячески должны бы одолѣть, являются побѣжденными. Поэтому и вспомнили мы (теперь) объ Адамѣ и объ Іовѣ: надобно же опять обратиться къ тому предмету, чтобы досказать и остальное. На Адама напалъ (діаволъ) простыми словами, а на Іова дѣлами; у этого отнялъ все богатство и дѣтей, а у того не взялъ ничего, ни малаго, ни великаго. Но лучше, разсмотримъ и самыя слова, и способъ нападенія. Пришелъ, сказано, *змій, и рече женѣ: что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго древа райскаго* (Быт. 3, 1)? Здѣсь змій, тамъ — у Іова жена; великая разность и въ совѣтникахъ; тотъ рабъ, а эта подруга въ жизни; эта помощница, а тотъ подчиненный. Видишь, какой непростительный грѣхъ? эту (Еву) прельстилъ подчиненный и рабъ, а того (Іова) не могла низринуть и подруга, и помощ-

ница. Но посмотримъ еще, что змій говоритъ. *Что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго древа райскаго?* Но Богъ сказалъ не такъ, а напротивъ. Смотри же на хитрость діавола: онъ сказалъ то, что (Богомъ) не сказано, чтобы узнать, что сказано.—А жена что? вмѣсто того, чтобы заградить уста (діаволу), вмѣсто того, чтобы не отвѣчать ему, она, по неразумію, высказала волю Господню, и этимъ дала ему крѣпкую опору. Вотъ, какое зло — ввѣряться необдуманно врагамъ и зложелателямъ! Поэтому Христосъ сказалъ: *не дадите святая псомъ, не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да некогда вращшеся расторгнутъ вы* (Мат. 7, 6). А это случилось съ Евою: дала она святое псу, свиніѣ, а тотъ (діаволъ) попралъ слова и, обратившись, растерзалъ жену.

11. И смотри, какъ лукаво онъ говоритъ: *не смертію умрете.* Здѣсь обратите вниманіе на то, что жена въ состояніи была узнать обманъ. (Діаволъ) тотчасъ объявилъ вражду и брань противъ Бога, тотчасъ заговорилъ противъ (Него). Пусть такъ, ты говорила съ нимъ предъ тѣмъ, какъ онъ хотѣлъ знать волю (Божію): но зачѣмъ слушала его послѣ того, какъ онъ сказалъ противное? Богъ сказалъ: *смертію умрете;* а онъ заговорилъ противъ этого, и сказалъ: *не смертію умрете.* Чтὸ яснѣе этого противорѣчія? откуда еще надлежало узнать врага и противника, какъ не отсюда — изъ того, что

онъ заговорилъ противъ Бога? Такъ, надлежало бы тотчасъ бѣжать отъ яда, надлежало бы отскочить отъ сѣти.—*Не смертію умрете*, говоритъ діаволъ; *вѣдяше бо Богъ, яко, въ онь-же аще день снѣсте, отверзутся очи ваши, и будете яко бози* (Быт. 3, 5). Обѣщаніемъ большаго исторгъ (діаволъ у прародителей) и то добро, какое было у нихъ въ рукахъ; обѣщалъ сдѣлать ихъ богами, и подвергъ владычеству смерти. Такъ, почему, жена, повѣрила ты діаволу? что добраго увидѣла въ немъ? не довольно-ли было тебѣ высокаго достоинства Законодателя, т. е. что Онъ— Богъ, Творецъ и Создатель, а тотъ діаволъ и врагъ?—Но еще не называю его діаволомъ: ты думала, что это простой змій. Такъ змія, по-твоему, надлежало удостоить такой откровенной бесѣды,—объявить ему даже волю Господню?

12. Видишь, что возможно было (женѣ) увидѣть обманъ, но она не захотѣла? Богъ далъ довольно доказательствъ Своей благости и явилъ Свою попечительность на дѣлѣ: создалъ человѣка изъ ничего, вдунулъ въ него душу, сотворилъ его по образу Своему, поставилъ владыкою надъ всѣмъ земнымъ, далъ ему помощницу, насадилъ рай, и, позволивъ ему пользоваться прочими древами, запретилъ только касаться одного, да и это самое запретилъ для его пользы. А діаволъ не показалъ на дѣлѣ ни малаго, ни великаго добра, а только надмилъ жену голыми словами и пустыми надеждами, и — обманулъ.

Однакожъ жена признала діавола болѣе заслуживающимъ вѣры, нежели Бога, который дѣлами доказалъ Свою благость; повѣрила тому, кто представилъ однѣ голыя слова, и ничего болѣе. Видишь, что обманъ произошелъ отъ одного неразумія и безпечности, а не отъ принужденія? И чтобы это узнать тебѣ яснѣе, послушай, какъ Писаніе обвиняетъ жену. Не сказало оно, что (жена) *яде*, бывъ обманута, но: увидя *древо, яко красно есть* (ст. 6). Стало быть вина—въ невоздержномъ зрѣніи (жены), а не въ одномъ обманѣ со стороны діавола: жена побѣждена собственною похотію, а не злостію демона. Поэтому она и не получила прощенія, но послѣ того, какъ сказала: *змій прельсти мя* (ст. 13), подверглась крайнему осужденію, потому что въ ея власти было не пасть,

13. И чтобы тебѣ узнать это еще яснѣе, обратимъ слово къ Іову, отъ побѣжденныхъ къ побѣдившему, отъ пораженныхъ къ одолѣвшему: этотъ придастъ намъ болѣе ревности о томъ, чтобы поднять руки на діавола. Тамъ обольщалъ змій, и одолѣлъ; здѣсь жена, и не успѣла, хоть она и способнѣе была склонить, нежели тотъ. Притомъ, на Іова сдѣлано это нападеніе послѣ потери богатства, послѣ погибели дѣтей и всего имѣнія; а тамъ ничего такого не было. Адамъ не потерялъ дѣтей, не лишился богатства, не сидѣлъ на кучѣ помета, но жилъ *въ раю сладости* (ст. 23) пользовался всякаго рода древами,

источникомъ, рѣками, и всякимъ другимъ удобствомъ. Не было у него ни труда, ни болѣзни, ни горя, ни заботъ, ни оскорбленій, ни поруганій, ни (другихъ) безчисленныхъ бѣдъ, какія обрушились на Іова: однакожъ, хоть ничего такого не было, онъ (Адамъ) преткнулся и палъ. Не очевидно ли, что (онъ палъ) по безпечности? Равно какъ и Іовъ, если устоялъ мужественно и не палъ, когда всѣ этѣ бѣдствія обрушились и тяготѣли на немъ,—не очевидно ли, что и онъ (устоялъ) по бдительности душевной?

14. Такъ отъ того и другаго можешь, возлюбленный, получить весьма великую пользу: остерегайся подражать Адаму, зная, сколько зла раждается отъ безпечности; поревнуй благоговѣнію Іова, видя, сколько добра произрастаетъ отъ старательности. Этого увѣнчаннаго побѣдителя имѣй всегда въ мысляхъ, и во всякой скорби и бѣдѣ получишь достаточное утѣшеніе. Этотъ блаженный и доблестный стоитъ какъ бы на всеобщемъ зрѣлищѣ вселенной, и постигшими его несчастіями увѣщаваетъ всѣхъ переносить мужественно, что ни случится, и не поддаваться ни одному изъ постигающихъ бѣдствій. Нѣтъ, нѣтъ ни одного человѣческаго страданія, въ которомъ-бы невозможно было получить отъ него утѣшенія: всѣ страданія, какія только разсѣяны въ цѣлой вселенной, сошлись вмѣстѣ и обрушились на одно его тѣло. Какое-же будетъ прощеніе не могущему перенести съ благодареніемъ

нѣкоторую только часть постигшихъ его бѣдствій, — его, который является переносящимъ, не часть только бѣдствій, но всѣ несчастія человѣческія? А чтобы слова мои не показались тебѣ преувеличенными, разсмотримъ порознь каждое изъ постигшихъ его бѣдствій, и подтвердимъ справедливость этихъ словъ. И, если угодно, на первомъ мѣстѣ выставимъ то, что кажется невыносимѣе всего,—разумѣю бѣдность и происходящую отъ нея скорбь: это бѣдствіе оплакиваютъ всѣ люди, вездѣ.

15. Итакъ, что было бѣднѣе Іова? не бѣднѣе ли онъ былъ даже валяющихся въ баняхъ, спящихъ на печномъ пеплѣ, и вообще всѣхъ людей? У этихъ есть хоть изодранная одежда, а онъ сидѣлъ нагой, да и эту единственную одежду, которую имѣлъ онъ отъ природы,—одежду плоти, діаволъ испортилъ всю сильнымъ гноемъ. Эти, опять, бѣдняки находятся хоть подъ кровлею банныхъ сѣней, скрываются хоть въ шалашѣ: а онъ день и ночь проводилъ подъ открытымъ небомъ, не получалъ защиты и отъ простой кровли; и, что еще важнѣе, эти знали за собою много худаго, а онъ не зналъ за собою ничего. Ибо вотъ что надобно замѣтить на счетъ каждаго изъ постигшихъ его бѣдствій: онъ не зналъ и причины этихъ бѣдствій, а это самое усиливало его скорбь, увеличивало горесть. Такъ эти, сказалъ я, могли винить себя во многомъ: а сознаніе, что наказываешься справедливо, не мало облег-

часть въ несчастіи; но Іовъ лишенъ былъ и этого утѣшенія, потому-что онъ, послѣ жизни самой добродѣтельной, подвергся такимъ наказаніямъ, какихъ заслуживаютъ только величайшіе преступники. Эти, что у насъ, бѣдные издавна и съ-начала ознакомились съ бѣдностію: а онъ впалъ въ бѣдность неожиданно, лишился богатства внезапно. Но, какъ знаніе причины бѣдствій весьма много способствуетъ къ утѣшенію, такъ и жизнь въ бѣдности легче для того, кто уже съ-начала свыкся съ бѣдностію: но праведникъ лишенъ былъ и того, и другаго утѣшенія, и—однакожъ не палъ. Видѣлъ ты его дошедшимъ до крайней бѣдности,—до такой, больше которой и найти нельзя?—Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть бѣднѣе нагаго, того, кто не имѣетъ и крова? А Іовъ не могъ пользоваться даже и землею онъ сидѣлъ, не на землѣ, а на кучѣ помета.—Такъ, когда увидишь и себя въ бѣдности, подумай о страданіи этого праведника, и—тотчасъ воспрянешь и прогонишь всякую печальную мысль.

16. Итакъ это одно несчастіе (бѣдность) почитается у людей основаніемъ всѣхъ въ совокупности бѣдствій. Второе послѣ него, а лучше—прежде него, пораженіе тѣла (болѣзнію). Кто же и когда болѣлъ такъ (какъ Іовъ)? кто подвергался такому недугу? кто получалъ, или видѣлъ другаго получавшимъ такую рану? Никто. У него (Іова) тѣло часъ-отъ-часу измождалось;

изъ всѣхъ членовъ, какъ изъ источника, точились черви; это теченіе было непрерывное; зловоніе отвсюду сильное; постепенное изнуреніе и изможденіе тѣла отъ такой гнилости дѣлало самую пищу непріятною, и голодъ у него былъ странный и необычайный, потому-что онъ не могъ вкушать и предлагаемой ему пищи. *Смрадъ бо*, говоритъ онъ, *зрю брашна моя* (Іов. 6, 7). Итакъ, человѣкъ, когда впадешь въ болѣзнь, вспомни объ этомъ тѣлѣ, объ этой святой плоти: точно, она была свята и чиста, хоть и имѣла столько ранъ. Пусть кто, и находясь въ войскѣ, напрасно и безъ всякой благовидной причины, будетъ повѣшенъ на деревѣ и избитъ по бокамъ: и такой не считай этого позоромъ для себя и не вдавайся въ горе, представляя себѣ этого святаго. Но этому скажешь, немалое утѣшеніе и отраду доставляла увѣренность, что эти бѣдствія посылаетъ на него Богъ. Эта-то мысль особенно и безпокоила и смущала его,—мысль, что правосудный Богъ, коему онъ всячески угождалъ, — Онъ-то и возстаетъ на него. Точно, онъ не могъ найти никакой благовидной причины своихъ бѣдствій. А какъ узналъ послѣ причину, смотри, какое показалъ благоговѣніе. Когда Богъ сказалъ ему: *мниши ли мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися праведивъ* (Іов. 40, 3), онъ въ изумленіи отвѣчалъ: *руку положу на устѣхъ моихъ; единою глаголахъ, вторицею же не приложу* (39, 34. 35); и опять: *слухомъ уха слышахъ тя пер-*

вѣе, нынѣ же око мое видѣ тя: тѣмъ же укорихъ самъ себе, и истаяхъ, и мню себе землю и пепелъ (42, 5. 6).

17. Если ты считаешь это достаточнымъ къ утѣшенію, то можешь и самъ имѣть это утѣшеніе. Пусть случится тебѣ терпѣть какое либо несчастіе, не для Бога, а отъ злобы людской: но, если ты будешь благодарить, а не поносить Того, кто могъ воспрепятствовать, однакожъ попустилъ (это несчастіе) для твоего испытанія, то, какъ вѣнчаются пострадавшіе для Бога, такъ и ты получишь такую же награду, за то, что мужественно перенесъ причиненныя тебѣ людьми несчастія и возблагодарилъ Того, кто могъ бы, но не благоволилъ остановить оныя. Такъ вотъ, видѣлъ ты, что на праведника (Іова) наведены были и бѣдность, и болѣзнь, и обѣ въ крайней степени. Хочешь, покажу тебѣ, что съ такою же свирѣпостію напала тогда на этого доблестнаго и война со стороны природы? Онъ потерялъ десятерыхъ дѣтей, десятерыхъ вдругъ, десятерыхъ въ одинаковомъ цвѣтѣ лѣтъ, десятерыхъ отличавшихся добродѣтелію; и (потерялъ) не по общему закону природы, но отъ насильственной и жалкой смерти. Кто можетъ указать на такое несчастіе? никто. Такъ, когда потеряешь сына и дочь вмѣстѣ, прибѣгни къ этому праведнику, и, конечно, найдешь себѣ великое утѣшеніе.

18. Но этѣ-ли только несчастія постигли его? нѣтъ; оставленіе и измѣна со стороны

друзей, поношенія и поруганія, брань и насмѣшки отъ всѣхъ: а быть у всѣхъ въ посмѣяніи— какъ это невыносимо! Обыкновенно, уязвляютъ нашу душу, не столько самыя несчастія, сколько люди, кои позорятъ насъ въ несчастіяхъ. А у Іова не только не было утѣшителя, но еще нападали на него многіе ругатели со всѣхъ сторонъ. И вотъ, какъ онъ жалуется на это, и говоритъ: *но и вы наскакаете ми* (Іов. 19, 5); называетъ друзей безжалостными (ст. 14), и говоритъ: *не снабдѣша мя ближніи мои* (14), и слуги мои говорили противъ меня; *призвахъ же сыны подложницъ моихъ, они же мене отринуша* (ст. 17, 18). *Друзіи*-же, говоритъ, *наплеваша ми, и въ притчу всѣмъ быхъ* (30, 9); *возгнушася-же мною одежда моя* (9, 31). Это и слышать невыносимо, не только что терпѣть на самомъ дѣлѣ. Бѣдность крайняя; болѣзнь нестерпимая, новая и необычайная; потеря столькихъ и такихъ дѣтей и такимъ образомъ; поношенія насмѣшки и ругательства отъ людей; одни издѣвались, другіе поносили, иные презирали,—не только враги, но и друзья; не только друзья, но и слуги; и не только издѣвались и поносили, но и гнушались; притомъ, не два, не три и не десять дней, но въ теченіе многихъ мѣсяцовъ; и,—что случилось съ нимъ однимъ,—онъ и ночью не имѣлъ отрады, но дневныя страданія его усиливало еще видѣніе ночныхъ ужасовъ. А для удостовѣренія, что онъ во время сна тер-

пѣлъ еще тягчайшія страданія, послушай, что говоритъ онъ: *чего ради устрашаеши мя сонiями и видѣнiями ужасаеши мя* (7, 14). Какой желѣзный человѣкъ, какой адамантъ вынесъ-бы столько страданій? Если и каждое изъ этихъ страданій, порознь, нестерпимо, такъ подумай, какую бурю подняли онѣ, сошедшись вмѣстѣ. Однакожъ онъ всѣ этѣ страданія перенесъ, *и во всѣхъ, приключившихся ему, не согрѣши* (2, 10), и не было лукавства въ устахъ его.

19. Да будутъ-же страданія его лекарствомъ для нашихъ бѣдъ, и его ужасное волненіе—пристанью для нашихъ страданій. Будемъ, во всѣхъ своихъ несчастіяхъ, вспоминать объ этомъ святомъ; и, видя, какъ одно тѣло (Іова) перенесло всѣ страданія человѣческія, мы благодушно перенесемъ постигающія насъ только немногія несчастія. Будемъ всегда прибѣгать къ этой книгѣ, какъ къ сердобольной матери, которая простираетъ руки во всѣ стороны и принимаетъ, и одобряетъ испуганныхъ дѣтей: и, пусть постигнутъ насъ самыя тяжкія бѣдствія, мы во всѣхъ нихъ получимъ достаточное утѣшеніе. Если-же скажешь: «то былъ Іовъ, и по этому перенесъ, а я не таковъ, какъ онъ»;—этими словами ты только больше осудишь себя, а праведника похвалишь. Тебѣ-бы надлежало болѣе перенести, нежели ему. Почему-же? потому, что онъ (жилъ) до благодати и до закона, когда не было большой строгости въ жизни, не было та-

кой благодати Духа; когда трудно было побѣждать грѣхъ; когда владычествовала клятва; когда смерть была страшна: а теперь борьба стала легче, потому-что, по пришествіи Христовомъ, всѣ эти (препятствія) уничтожены. Стало быть, мы совершенно неизвинительны, если послѣ столь долгаго времени, послѣ такой помощи и столь многихъ даровъ, сообщенныхъ намъ отъ Бога, не можемъ достигнуть одинаковаго съ Іовомъ совершенства. Все это имѣя въ мысляхъ, т. е. что страданія Іова были болѣе тяжки (нежели наши), и что онъ тогда выступилъ на брань и сразился, когда борьба была труднѣе, будемъ переносить всѣ постигающія насъ бѣдствія мужественно и съ великою благодарностію, чтобы могли мы получить такіе-же, какъ онъ, вѣнцы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу слава, со святымъ Духомъ, и нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

13 БЕСѢДА,

О ПОКАЯНІИ 1 [1])

1. Помнили-ль вы объ насъ, когда мы въ теченіе этого времени были въ разлукѣ съ вами? Я такъ никогда не могъ забыть васъ, но и оставивъ городъ, не оставилъ памяти объ васъ. Какъ любящіе красивыя тѣла, куда-бы ни пошли, вездѣ носятъ съ собою любимый образъ: такъ и мы, возлюбивъ красоту вашей души, всегда носимъ съ собою прекрасный образъ вашего духа. И какъ живописцы, смѣшивая различныя краски, дѣлаютъ изображенія тѣлъ: такъ и мы, вашу ревность къ собраніямъ, усердіе къ слушанію, благосклонность къ проповѣднику, и всѣ другія добрыя дѣла смѣшавъ, какъ-бы различныя краски добродѣтели, начертали образъ вашей души, и, поставивъ его предъ очами ума, отъ созерцанія его получали немалое утѣшеніе въ разлукѣ, съ вами. И этимъ мы занимались постоянно,-и

---

[1]) Изъ 9 ти бесѣдъ св. Златоуста о покаяніи, помѣщенныхъ во 2 томѣ Монфокон. изданія, предлагаются здѣсь только 6-ть, отъ 1-й до 6-й включительно, потому-что эти бесѣды, какъ видно изъ соображеній издателей, говорены были въ Антіохіи, но въ какомъ году, и въ какомъ порядкѣ одна за другою, неизвѣстно. Первая бесѣда, какъ видно изъ самаго начала ея, произнесена св. Златоустомъ, по возвращеніи его изъ села, куда удалялся онъ изъ Антіохіи для поправленія своего здоровья.

когда сидѣли дома и вставали, и когда ходили и отдыхали, и когда входили и выходили, всегда представляли себѣ вашу любовь. И этимъ созерцаніемъ услаждались мы не только днемъ, но и ночью; съ нами тогда было тоже, что сказалъ Соломонъ: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣс. Пѣс. 5, 2); потребность сна смыкала наши вѣжди, но сила любви вашей пробуждала отъ сна очи души моей; и часто казалось мнѣ, будто я во снѣ бесѣдую съ вами. И въ самомъ дѣлѣ, душа, обыкновенно, ночью представляетъ то, о чемъ размышляетъ днемъ: это-же было тогда и съ нами: и не видя васъ плотскими глазами, я видѣлъ васъ очами любви, и не бывши съ вами тѣломъ, былъ съ вами душою, а уши мои постоянно оглашались вашимъ воплемъ. Поэтому, хотя болѣзнь тѣлесная и побуждала меня оставаться тамъ (въ селѣ) долѣе и пользоваться цѣлительнымъ для плотскаго здоровья воздухомъ, но сила любви вашей не позволяла этого, напротивъ, вопіяла и не переставала докучать дотолѣ, пока не заставила меня встать еще раньше надлежащаго времени, и ваше сообщество поставить на ровнѣ и съ здоровьемъ, и съ наслажденіемъ, и со всѣмъ, что только есть добраго. И мы, склонившись на ея убѣжденія, лучше захотѣли возвратиться съ остатками болѣзни, чѣмъ, стараясь о совершенномъ исцѣленіи отъ немощи тѣлесной, долѣе опечаливать любовь вашу. Вѣдь, и живя тамъ, я слышалъ ваши у-

преки,—частыя письма доносили ихъ до насъ; и упрекающимъ я внималъ не менѣе, чѣмъ хвалящимъ, потому-что упреки тѣ были выраженіемъ души, умѣющей любить. Вотъ почему я всталъ и поспѣшно пришелъ; вотъ почему я никогда не могъ выкинуть васъ изъ своего ума!

2. И что удивительнаго въ томъ, что я, живя въ селѣ и наслаждаясь свободою, помнилъ о вашей любви, когда Павелъ, обложенный узами, живя въ темницѣ, и видя безчисленное множество грозившихъ ему опасностей,—и въ темницѣ, какъ-бы среди луга, помнилъ о братіяхъ, и писалъ имъ такъ: *якоже есть праведно мнѣ сіе мудрствовати о всѣхъ васъ, за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ, во узахъ моихъ и во отвѣтѣ и извѣщеніи благовѣстія* (Филип. 1, 7). Снаружи цѣпь отъ враговъ, и внутри цѣпь любви къ ученикамъ; но наружная (цѣпь) скована изъ желѣза, а внутренняя составлена изъ любви; ту часто онъ и снималъ, а этой никогда не разрывалъ. Напротивъ, какъ жены, испытавшія болѣзни рожденія и сдѣлавшіяся матерями, всегда привязаны бываютъ къ своимъ дѣтямъ, гдѣ-бы они ни были: такъ, или еще гораздо крѣпче ихъ, и Павелъ всегда привязанъ былъ къ ученикамъ своимъ, и тѣмъ крѣпче, чѣмъ болѣзненнѣе духовное рожденіе плотскаго. Ибо онъ былъ въ мукахъ рожденія для однихъ и тѣхъ-же, не однажды, но дважды, и потому вопіялъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную* (Гал. 4, 19). Этого пи-

когда не можетъ испытать жена, никогда не вытерпитъ она въ другой разъ тѣ-же муки рожденія: но Павелъ вытерпѣлъ то , чего нельзя видѣть въ природѣ,—онъ снова зачалъ тѣхъ , которыхъ уже разъ родилъ; снова вытерпѣлъ для нихъ жестокія муки рожденія. Поэтому, и желая пристыдить ихъ, онъ говорилъ: *имиже паки болѣзную*, какъ-бы такъ говоря: пощадите меня; никакой сынъ въ другой разъ не подвергалъ матерняго чрева мукамъ рожденія, а вы заставляете меня терпѣть это. Притомъ, тѣ болѣзни мучатъ одно мгновеніе , и прекращаются кольскоро дитя выдетъ изъ утробы матерней: а этѣ не такъ, напротивъ, продолжаются даже по цѣлымъ мѣсяцамъ. Павелъ часто по цѣлому году былъ въ мукахъ рожденія, и не могъ родить зачатыхъ имъ. Тамъ трудъ плоти, а здѣсь болѣзни не чрево терзаютъ , а поражаютъ самую силу души. И чтобы увѣриться, что этѣ болѣзни (духовнаго рожденія) тяжелѣе , (подумай) , какая мать рѣшилась когда-либо пойти въ геенну за своихъ дѣтей ? А Павелъ не только рѣшается пойти въ геенну , но желаетъ отлученъ быть отъ Христа, только-бы ему родить Іудеевъ, для которыхъ онъ всегда и непрерывно былъ въ мукахъ рожденія; и какъ это не сбывалось, то онъ, съ горестію говорилъ : *скорбь ми есть велія, и непрестающая болѣзнь сердцу моему* (Римл. 9, 2). И здѣсь такъ: *чадца моя , имиже паки болѣзную , дондеже вообразится Христосъ въ васъ*

(Гал. 4, 19). Что блаженнѣе той утробы, которая могла раждать такихъ дѣтей, кои способны имѣть въ себѣ Христа? Что плодоноснѣе той, которая родила всю вселенную? Что сильнѣе той, которая родившихся и возросшихъ недоносковъ могла снова зачать и преобразовать? Это въ естественныхъ родахъ невозможно. Но почему Павелъ не сказалъ: *чадца моя*, ихже паки раждаю, но: *имиже паки болѣзную?* тогда, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о себѣ, что онъ раждаетъ: *о Христѣ бо Іисусѣ азъ вы родихъ* (1 Кор. 4, 15). Потому, что тамъ онъ хотѣлъ показать только сродство, а здѣсь старался выставить и трудъ. Какъ-же онъ называетъ чадами тѣхъ, которые еще не родились? вѣдь, если онъ болѣзнуетъ, значитъ еще не родилъ: какъ-же называетъ чадами? Знай, что это терпитъ онъ уже не первыя муки рожденія; и сего довольно было, чтобы пристыдить Галатянъ. Я, говоритъ, былъ уже разъ отцемъ и перенесъ для васъ, какія слѣдовало, муки рожденія; и вы разъ сдѣлались уже чадами: для чего-же снова подвергаете меня вторичнымъ мукамъ рожденія? Довольно скорбей и отъ перваго рожденія: для чего-же снова терзаете меня болѣзнями? Точно, паденія вѣрныхъ причиняли ему не меньшую скорбь, какъ и (грѣхи) еще неувѣровавшихъ: невыносимо тяжко было видѣть, какъ они (вѣрующіе), послѣ участія въ такихъ таинствахъ, уклонялись въ нечестіе. Поэтому онъ весьма горько и жалоб-

нѣе всякой жены плакалъ и говорилъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19). А это говорилъ онъ для того, чтобы въ тоже время и ободрить и устрашить (Галатянъ). Показавъ, что Христосъ не вообразился въ нихъ, Павелъ повергъ ихъ въ смущеніе и страхъ; а давъ знать, что Онъ можетъ вообразиться,—опять возбудилъ въ нихъ бодрость. Ибо слова: *дондеже вообразится*, показываютъ и то, что (Христосъ) еще не вообразился, и то, что Онъ можетъ снова вообразиться. Еслибъ это было невозможно, то (Павелъ) напрасно-бы и говорилъ имъ: *дондеже вообразится Христосъ въ васъ*, и льстилъ-бы ихъ суетными надеждами.

3. Итакъ зная это, не станемъ и мы отчаяваться, но и не будемъ совершенно безпечны: то и другое пагубно. Отчаяніе не позволяетъ встать лежащему, а отъ безпечности падаетъ и стоящій; то обыкновенно лишаетъ пріобрѣтенныхъ благъ, эта не позволяетъ избавиться отъ постигшихъ золъ. Нерадѣніе низвергаетъ и съ самаго неба, а отчаяніе сводитъ въ самую бездну зла, тогда какъ не-отчаяніе скоро изводитъ и оттуда. Вотъ, смотри на силу того и другаго. Діаволъ прежде былъ добръ; но, сдѣлавшись безпечнымъ и отчаявшись, палъ въ такую злобу, что послѣ уже и не возсталъ. А что онъ былъ добръ; такъ послушай, что (Христосъ) говоритъ: *видѣхъ сатану, яко молнію съ небесе спадша* (Лук.

10, 18). Сравненіе съ молніей показываетъ и свѣтлость прежняго состоянія, и быстроту паденія. Павелъ былъ хулитель, и гонитель, и обидчикъ; но какъ возревновалъ и не предался отчаянію, то и возсталъ и сдѣлался равнымъ Ангеламъ. Напротивъ, Іуда былъ Апостоломъ, но предавшись безпечности, сдѣлался предателемъ. Опять, разбойникъ, такъ какъ не отчаялся и послѣ такой злой жизни, то прежде всѣхъ другихъ вошелъ въ рай; Фарисей, по самонадѣянности, упалъ съ самаго верха добродѣтели; Мытарь, не поддавшись отчаянію, такъ исправился, что упредилъ и того (Фарисея). Хочешь, покажу тебѣ и цѣлый городъ, сдѣлавшій это? Такъ спасся цѣлый городъ Ниневитянъ. Хотя приговоръ повергалъ ихъ въ отчаяніе, ибо (Пророкъ) не сказалъ, что, если они покаются, то спасутся, но просто: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іоан. 3, 4); однакожъ, не смотря на то, что Богъ угрожалъ, и Пророкъ вопіялъ, и приговоръ не допускалъ ни отсрочки, ни ограниченія, они не упали духомъ, и не потеряли доброй надежды. Богъ для того не сдѣлалъ (въ этомъ приговорѣ) ограниченія и не сказалъ: если покаются, то спасутся, чтобы и мы, когда услышимъ Божій приговоръ, произносимый безъ ограниченія, и тогда не отчаявались и не унывали, взирая на этотъ примѣръ (Ниневитянъ). Но человѣколюбіе Бога видно не изъ того только, что Онъ, хотя и не сдѣлалъ ограниченія въ

приговорѣ, однакожъ примирился съ покаявшимися, но даже изъ того, что произнесъ безусловный приговоръ. Онъ сдѣлалъ это, что бы увеличить (въ Ниневитянахъ) страхъ и поразить великую ихъ безпечность. Да и самое время покаянія показываетъ неизреченное Его человѣколюбіе; ибо чтó-бы такое сдѣлали три дня, что могли загладить столь великіе пороки? Не видишь-ли, какъ и отсюда открывается Божія попечительность! Она-то преимущественно содѣйствовала спасенію этого города.

4. Итакъ зная это, не будемъ никогда отчаяваться; ибо нѣтъ ни одного столь сильнаго оружія у діавола, какъ отчаяніе. Поэтому мы не такъ радуемъ его, когда грѣшимъ, какъ-когда отчаяваемся. Можешь видѣть на блудникѣ, какъ Павелъ страшился отчаянія больше грѣха. Пиша къ Коринѳянамъ, онъ такъ говорилъ: *отнюдь слышится въ васъ блуженіе, и таково блуженіе, яковоже ни во языцѣхъ именуется* (1 Кор. 5, 1). Не сказалъ: на каковое не рѣшаются даже между язычниками, но *ниже именуется*, то есть, чтó у нихъ нетерпимо даже по имени, на то у васъ дерзнули самымъ дѣломъ. *И вы разгордѣсте?* Не сказалъ: и онъ (блудникъ) разгордѣлся; но, оставивъ согрѣшившаго, обращается къ здоровымъ, подобно тому, какъ поступаютъ врачи, которые, оставивъ больнаго, много говорятъ съ родными его. Съ другой стороны, и сами (здоровые) были причиною гордости его, потому-что

не осуждали и не устрашали его. Итакъ Павелъ сдѣлалъ вину общею, чтобы удобнѣе было леченіе раны. Худо грѣшить, но гораздо хуже еще гордиться грѣхами. Если надменіе праведностію уничтожаетъ праведность, тѣмъ болѣе надменіе грѣхами причинитъ намъ крайній вредъ, и будетъ гораздо виновнѣе самыхъ грѣховъ. Поэтому (Господь) говоритъ: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. 17, 10). Если же сотворившіе все должны уничижать себя, тѣмъ болѣе грѣшнику прилично и плакать, и считать себя между последними. На сіе то и (Апостолъ) указывая тогда, говорилъ: *и не паче плакасте* (1 Кор. 5, 2)? Что говоришь? Другой согрѣшилъ, а я буду плакать? Да, говоритъ; потому что всѣ мы связаны между собою на подобіе тѣла и членовъ, а въ тѣлѣ мы видимъ, что, если и нога получитъ рану, то склоняется голова. Что, кажется, почетнѣе головы? Но она не смотритъ на (свое) достоинство во время несчастія; такъ и ты поступи. Поэтому и Павелъ увѣщаваетъ: *радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими* (Рим. 12, 15). Поэтому и Коринѳянамъ онъ говоритъ: *и не паче плакасте, да изъмется отъ среды васъ содѣявый дѣло сіе* (1 Кор. 5, 2)? Не сказалъ: и вы не постарались, но что? *Не паче плакасте*, какъ будто всеобщая болѣзнь и зараза постигла городъ. Какъ бы такъ говоритъ онъ: потребны молитва и исповѣдь, и усерд-

ныя моленія, чтобы эта болѣзнь изгнана была изъ всего города. Видишь, какой навелъ на нихъ страхъ? Они думали, что зло остановилось только на согрѣшившемъ; поэтому Апостолъ возбуждаетъ въ нихъ безпокойство, говоря: *не вѣсте ли, яко малъ квасъ все смѣшеніе квасить* (1 Кор. 5, 6)? А это значитъ вотъ что: зло, распространяясь мало по малу, касается и прочихъ членовъ; потому нужно тебѣ заботиться такъ, какъ слѣдуетъ объ общемъ бѣдствіи. Не говори мнѣ, что онъ согрѣшилъ одинъ; посмотри на то, что этотъ грѣхъ есть нѣкотораго рода ядъ, и (отъ одного члена) распространяется по всему остальному тѣлу. И какъ во время пожара, и тѣ, которые еще не пострадали отъ него, суетятся не менѣе подвергшихся уже этому несчастію, и употребляютъ всѣ усилія, чтобы огонь, распространяясь, не дошелъ и до ихъ дверей; такъ и Павелъ возбуждаетъ Коринѳянъ, говоря: пожаръ занялся; предупредимъ несчастіе; погасимъ пожаръ, прежде чѣмъ онъ объялъ Церковь. Если же ты не обращаешь вниманія на грѣхъ, потому что онъ совершился въ тѣлѣ другаго, то и въ этомъ случаѣ поступаешь весьма худо; ибо согрѣшившій есть членъ всего тѣла (Церкви). Но притомъ смотри, что, если ты полѣнишься и не обратишь вниманія (на чужой грѣхъ), онъ когда нибудь овладѣетъ и тобою. Итакъ, если не ради брата, то, по крайней мѣрѣ, ради самого себя воспряни и останови заразу,

не дай распространяться яду, и прекрати губительный недугъ.

5. Итакъ, сказавъ это и больше этого, и повелѣвъ предать грѣшника сатанѣ, Павелъ послѣ того, какъ (грѣшникъ) перемѣнился и сдѣлался лучше, говоритъ: *довольно таковому запрещеніе сіе, еже отъ многихъ. Тѣмъ-же утвердите къ нему любовь* (2 Кор. 2, 6. 8). Такъ какъ онъ всѣмъ представилъ его, какъ общаго врага и непріятеля, отлучилъ отъ стада, и отсѣкъ отъ тѣла: то смотри, сколько употребляетъ теперь старанія, чтобы снова сблизить и присоединить его. Не просто сказалъ: полюбите его, но — *утвердите къ нему любовь*, то-есть, покажите любовь твердую и неизмѣнную, жаркую, горячую и пламенную; покажите благосклонность, равносильную прежней враждѣ. Что сталось, скажи мнѣ? Не сатанѣ ли ты предалъ его? Да, говоритъ; только не для того, чтобы онъ оставался въ рукахъ сатаны, но чтобы скорѣе избавился изъ подъ власти его. Смотри-же, сколько Павелъ, какъ я сказалъ, боялся отчаянія, какъ сильнаго оружія діавола. Сказавши: *утвердите къ нему любовь*, присовокупляетъ и причину: *да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый* (2 Кор. 2, 7). Овца, говоритъ, въ пасти волка: поспѣшимъ же, исхитимъ ее, пока (волкъ) не поглотилъ и не погубилъ нашего члена. Корабль обуревается волнами: постараемся спасти его, пока не потонулъ. Ибо какъ

ладья тонетъ, когда море воздымается и волны возстаютъ со всѣхъ сторонъ: такъ и душа, когда отвсюду обнимаетъ ее печаль, скоро гибнетъ, если никто не подастъ ей помощи; и спасительная печаль о грѣхахъ отъ неумѣренности становится гибельною. И смотри, какая точность въ словахъ. Не сказалъ: да не погубитъ его діаволъ, но что? *Да необидими будемъ отъ сатаны* (2 Кор. 2, 11); а здѣсь слово обида (πλεονεξία) значитъ похищеніе чужаго. Итакъ показавъ, что согрѣшившій чрезъ покаяніе сдѣлался уже чужимъ для діавола и своимъ въ стадѣ Христовомъ, Павелъ говоритъ: *да необидими будемъ отъ сатаны.* Ибо если сатана и послѣ этого будетъ удерживать его, то онъ похищаетъ уже нашъ членъ, беретъ овцу изъ нашего стада, потому что тотъ уже сложилъ съ себя грѣхъ чрезъ покаяніе.

6. Такъ Павелъ, зная, что сдѣлалъ діаволъ съ Іудою, боялся, чтобы и здѣсь не случилось тоже самое. Чтоже сдѣлалъ (діаволъ) съ Іудою? Іуда раскаялся: *согрѣшихъ*, говоритъ, *предавъ кровь неповинную* (Матѳ. 27, 4). Услышалъ эти слова, діаволъ, понялъ, что Іуда вступаетъ на путь къ лучшему и идетъ къ спасенію, и — устрашился такой перемѣны. Человѣколюбивъ, говоритъ, у него Господь: когда хотѣлъ (Іуда) предать Его, Онъ плакалъ объ немъ и многократно вразумлялъ его; не гораздо ли болѣе приметъ его кающагося? Когда онъ былъ не-

исправимъ, и тогда влекъ и звалъ его къ себѣ: не гораздо ли болѣе привлечетъ къ себѣ исправившагося, и познавшаго свой грѣхъ? для этого-то Онъ пришелъ и на распятіе. Что-же (діаволъ) сдѣлалъ? Смутилъ Іуду, омрачилъ чрезмѣрностію печали, гналъ, преслѣдовалъ, пока не довелъ до петли, пока не вывелъ изъ настоящей жизни и не лишилъ намѣренія покаяться. А что спасся бы и Іуда, еслибы остался живъ, это видно изъ примѣра распинателей. Если (Господь) спасъ вознесшихъ Его на крестъ, и на самомъ крестѣ умолялъ Отца и просилъ имъ прощенія въ грѣхѣ, то явно, что Онъ со всѣмъ благоволеніемъ принялъ бы и предателя, еслибъ этотъ принесъ надлежащее покаяніе, но онъ не въ состояніи былъ воспользоваться симъ врачествомъ, бывъ поглощенъ чрезмѣрною скорбію. Сего-то и Павелъ опасаясь, понуждаетъ Коринѳянъ исхитить того человѣка изъ челюстей діавола. И зачѣмъ говорить о томъ, что было у Коринѳянъ? Петръ трижды отрекся послѣ участія въ таинствахъ, но слезами загладилъ все. Павелъ былъ гонитель, богохульникъ и обидчикъ, гналъ не только Распятаго, но и всѣхъ послѣдователей Его; но—раскаялся, и сталъ Апостоломъ. Богъ требуетъ отъ насъ только малаго повода, и даруетъ намъ отпущеніе многихъ грѣховъ. Скажу вамъ и притчу, которая служитъ подтвержденіемъ этого.

7. Были два брата; они раздѣлили между

собою отеческое имѣніе, и одинъ изъ нихъ остался дома, а другой прожилъ все, что было ему дано, и ушелъ въ чужую сторону, не могши переносить стыда отъ бѣдности. Эту притчу нашелъ я нужнымъ сказать для того, чтобы вы знали, что отпускаются и грѣхи, сдѣланные послѣ крещенія,—если мы будемъ внимательны. А это говорю не для того, чтобы вовлечь васъ въ безпечность, но чтобы отвесть отъ отчаянія; ибо отчаяніе причиняетъ намъ больше зла, нежели безпечность. Итакъ, этотъ (блудный) сынъ представляетъ собою образъ падшихъ послѣ крещенія; а что онъ означаетъ падшихъ послѣ крещенія, видно вотъ откуда: онъ называется сыномъ, а сыномъ никто не можетъ назваться безъ крещенія. Онъ и жилъ въ домѣ отеческомъ, и получилъ долю во всемъ отеческомъ имуществѣ, а прежде крещенія нельзя воспользоваться отеческимъ достояніемъ, ни получить наслѣдство. Такимъ образомъ все это указываетъ намъ на сословіе вѣрныхъ. Притомъ, (блудный сынъ) былъ братомъ жившаго честно, а братомъ не могъ быть безъ духовнаго возрожденія. Итакъ этотъ (блудный сынъ) дойдя до крайней степени порока, что говоритъ? *Воставъ иду ко отцу моему* (Лук. 15, 18). Отецъ для того и отпустилъ его и непомѣшалъ ему уйти на чужую сторону, чтобы онъ опытомъ узналъ, сколько получалъ благодѣяній, живя дома. И Богъ часто, когда не убѣдитъ словами, даетъ урокъ самыми дѣ-

лами; объ этомъ Онъ говорилъ къ Іудеямъ. Такъ Онъ, когда, потративъ чрезъ Пророковъ множество словъ, не убѣдилъ и не склонилъ (ихъ), то опредѣливъ дать имъ урокъ наказаніемъ, говоритъ къ нимъ: *накажетъ тя отступленіе твое, и злоба твоя обличитъ тя* (Іер. 2, 19). Слѣдовало бы вѣрить Ему и прежде самаго событія, но какъ они были столько безчувственны, что не вѣрили Его увѣщаніямъ и совѣтамъ, коими Онъ предотвращалъ ихъ отъ порока, то Онъ уже попускаетъ самымъ событіямъ вразумить ихъ, дабы хотя такимъ образомъ снова привлечь ихъ къ себѣ. Когда-же блудный сынъ, ушедши на чужую сторону и дознавши опытомъ, какъ гибельно удаленіе изъ дома отеческаго, возвратился,— отецъ не позлопамятствовалъ, но принялъ его съ распростертыми руками. Отъ чего-же такъ? Отъ того, что онъ былъ отецъ, а не судья. И вотъ уже ликованія и пиршества, и праздники, и свѣтелъ и радостенъ сталъ весь домъ! Что говоришь? это ли плата за порокъ? не за порокъ, человѣкъ, но за возвращеніе (въ домъ); не за грѣхъ, но за покаяніе; не за худыя дѣла, но за исправленіе. И что еще больше,— когда старшій сынъ огорчился этимъ, отецъ и его ласково успокоилъ, говоря: *ты всегда со мною еси*, а *сей изгиблъ бѣ, и обрѣтеся, мертвъ бѣ, и оживе* (Лук. 15, 31. 32). Когда, говоритъ, нужно спасти погибавшаго, то тутъ время не суда и строгаго изслѣдованія, но только человѣколю-

бія и прощенія. Ни одинъ врачъ, вмѣсто того, чтобы дать лекарство больному, не подвергаетъ его взысканіямъ и наказанію за безпорядочную жизнь. Если-же блудному сыну надлежало непремѣнно понести и наказаніе, то достаточнымъ наказаніемъ для него была жизнь на чужой сторонѣ. Вѣдь столько времени онъ провелъ вдали отъ нашего сообщества, боролся и съ голодомъ, и съ униженіемъ, и съ крайними бѣдствіями. Поэтому говоритъ: *изгиблъ бѣ, и обрѣтеся, мертвъ бѣ, и оживе.* Не смотри, то-есть, на настоящее, но подумай о великости прежняго несчастія; предъ тобою братъ, не чужой. Онъ возвратился къ отцу, который не можетъ помнить прежняго, а охотнѣе помнитъ только то, что можетъ побудить къ состраданію, милосердію, любви и снисходительности, свойственной родителямъ. Поэтому и сказалъ (отецъ не о томъ, что сдѣлалъ (блудный сынъ), но о томъ, что онъ потерпѣлъ; напомнилъ не о томъ, что онъ истратилъ имущество, но о томъ что перенесъ множество несчастій. Съ такою-же, или еще съ большею, ревностію искалъ онъ овцу. Здѣсь сынъ самъ возвратился, а тамъ самъ пастырь пошелъ, и найдя овцу, привелъ ее, и радовался объ ней больше, чѣмъ о всѣхъ, возвратившихся благополучно. Смотри еще, какъ и возвратилъ: не бичемъ погонялъ, но возложивъ на плеча, принесъ, и снова соединилъ съ стадомъ.

8. Итакъ, зная, что (Богъ) не только не от-

вращается отъ обращающихся, но и принимаетъ ихъ не хуже добродѣтельныхъ; что не только не подвергаетъ наказанію, но и Самъ идетъ отыскивать заблудшихъ и, найдя ихъ, радуется (о нихъ) болѣе, чѣмъ о тѣхъ, которые были въ безопасности, не будемъ ни отчаяваться о грѣхахъ, ни излишне надѣяться на добрыя дѣла, но, и живя добродѣтельно, будемъ бояться, чтобы отъ излишней надежды не пасть, а когда согрѣшимъ, станемъ каяться. Ибо что сказалъ я въ началѣ, то говорю и теперь, то-есть, что и излишняя надежда стоящаго, и отчаяніе лежащаго, то и другое гибельны для нашего спасенія. Потому Павелъ, остерегая стоящихъ, говорилъ: *мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. 10, 12), и опять: *боюся, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (9, 27); а возставляя лежащихъ и побуждая къ большей ревности, писалъ къ Коринѳянамъ такъ: *да не* како *восплачуся многихъ прежде согрѣшшихъ, и не покаявшихся* (2 Кор. 12, 21), показывая этимъ, что слезъ достойны не столько согрѣшающіе, сколько нераскаявающіеся во грѣхахъ. Да и Пророкъ къ нимъ (грѣшникамъ) говоритъ: *еда падаяй не востаетъ, или отвращаяйся не обратится* (Іер. 8, 4)? Поэтому и Давидъ ихъ-же убѣждаетъ, говоря: *днесь, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, яко въ прогнѣваніи* (Пс. 24, 8). Итакъ, доколѣ говорится это *днесь*, не будемъ отчаяваться, но имѣя благія надежды на

Господа, и помышляя о безднѣ Его человѣколюбія, изгнавъ изъ совѣсти все злое, съ великимъ усердіемъ и надеждою возмемся за добродѣтель и покажемъ самое глубокое покаяніе, дабы, здѣсь сложивъ всѣ грѣхи, съ дерзновеніемъ могли мы стать предъ судилищемъ Христовымъ и получить царство небесное, котораго да сподобимся всѣ мы по благости и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

14 БЕСѢДА,

о покаяніи II [1]).

1. Видѣли вы въ прошедшій воскресный день брань и побѣду, брань діавола, а побѣду Христа? Видѣли, какъ покаяніе было похваляемо, и діаволъ не снесъ пораженія, но убоялся и вострепеталъ? Отъ чего ты боишься, діаволъ, когда покаяніе похваляется? Отъ чего скорбишь? отъ чего трепещешь? Да, говоритъ не напрасно я скорблю и сокрушаюсь: дорогіе мои сосуды

[1]) Надписывается: «о покаяніи и о печали царя Ахаава, и о пророкѣ Іонѣ».

похитило это покаяніе. Какіе-же сосуды? Блудницу, мытаря, разбойника, хулителя. И подлинно, много сосудовъ похитило у него покаяніе, разрушило и самую его твердыню, нанесло ему смертельный ударъ. Это можешь ты узнать, возлюбленный, изъ того, что недавно показалъ опытъ. Но отчего-же мы не любимъ собираться сюда, и не приходимъ каждый день въ церковь для покаянія? Ты грѣшникъ? приди въ церковь, чтобы исповѣдать грѣхи твои. Ты праведникъ? приди, чтобы не потерять праведности: церковь есть пристань для того и другаго. Ты грѣшникъ? не отчаявайся, но приди, принеси покаяніе. Ты согрѣшилъ? скажи Богу: я согрѣшилъ. Какой тутъ трудъ? какое обремененіе? какая скорбь? какая тягость—сказать слово: я согрѣшилъ? Если самъ ты не назовешь себя грѣшникомъ, то развѣ не будешь обвиненъ діаволомъ? Предупреди-же и лиши его этой чести; ибо его честь состоитъ въ томъ, чтобы обвинять. Почему-же не предупреждаешь его, и не исповѣдуешь грѣха, и неизглаждаешь преступленія, когда знаешь, что есть противъ тебя такой обвинитель, который не можетъ умолчать? Ты согрѣшилъ? приди въ церковь, скажи Богу: я согрѣшилъ. Ничего другаго я отъ тебя не требую, кромѣ одного этого. Божественное Писаніе говоритъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Иса. 43, 26): скажи грѣхъ, чтобы разрѣшить грѣхъ. Для этого не нужны

ни трудъ, ни многословіе, ни денежная издержка, ни что другое подобное: скажи слово, откройся въ грѣхѣ, и скажи: я согрѣшилъ. Но откуда извѣстно, скажетъ кто нибудь, что, если я первый скажу грѣхъ, то разрѣшу грѣхъ?

2. Въ Писаніи есть примѣръ и такого человѣка, который исповѣдалъ грѣхъ и загладилъ оный, и такого, который не исповѣдалъ, и былъ осужденъ. Каинъ умертвилъ брата своего Авеля изъ зависти, такъ что убійство было слѣдствіемъ зависти; онъ убилъ его, взявъ его съ собою въ поле. И что же говоритъ ему Богъ? *Гдѣ есть Авель братъ твой?* Тотъ, кто знаетъ все, спрашиваетъ, не по невѣдѣнію, но чтобы привлечь убійцу къ покаянію. А что Онъ спрашивалъ не по невѣдѣнію, это доказалъ самымъ вопросомъ: *Гдѣ есть Авель братъ твой?* А Каинъ отвѣчалъ: *не вѣмъ; еда стражъ брату моему есмь азъ?* Пусть такъ, ты не стражъ; для чего-же убійца? ты не оберегалъ, для чего-же умертвилъ? Но ты признаешься въ томъ [1]? Ты долженъ бы и беречь его. Что-же Богъ къ нему? *Гласъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли.* Тотчасъ обличилъ его и наложилъ на него наказаніе, не столько за убійство, сколько за безстыдство; потому что Богъ ненавидитъ не столько согрѣшающаго, сколько безстыднаго. И когда Каинъ раскаявался, (Богъ) не принялъ его, безъ сомнѣнія, потому, что онъ не первый исповѣдалъ

[1]) т. е. что не былъ стражемъ брату.

свой грѣхъ. Ибо что говоритъ (Каинъ)? *Вящшая вина моя, еже оставитися ми*; какъ бы такъ сказалъ: тяжко я согрѣшилъ, недостоинъ и наслаждаться жизнію. Что-же къ нему Богъ? *Стеня и трясыйся будеши на земли* (ст. 12); такимъ образомъ опредѣлилъ ему страшное и тяжкое наказаніе. Не лишаю, говоритъ, тебя жизни, дабы истина не была предана забвенію, но дѣлаю изъ тебя законъ, который-бы могли всѣ читать, чтобы твое бѣдствіе стало матерію любомудрія. И Каинъ ходилъ всюду, какъ живой законъ, какъ столпъ движущійся,—безмолвный, и однакожъ издававшій голосъ звучнѣе всякой трубы. Никто не дѣлай, говорилъ онъ, того-же, что я сдѣлалъ, дабы не потерпѣть того-же, что я терплю. Онъ подвергся наказанію за безстыдство; осужденъ за грѣхъ, потому что не самъ исповѣдалъ его, но былъ обличенъ въ немъ. А если бы онъ самъ первый сказалъ свой грѣхъ, то загладилъ бы его.

3. Но чтобы убѣдиться тебѣ, что это дѣйствительно такъ, посмотри, какъ нѣкто другой, первый исповѣдавъ грѣхъ, загладилъ его. Обратимся къ Давиду, пророку и царю. Впрочемъ я охотнѣе называю его по пророчеству; ибо царство его простиралось на Палестину, а пророчество—до предѣловъ вселенной; царство разрушилось въ короткое время, а пророчество произноситъ вѣчные глаголы. Лучше пусть солнце померкнетъ, чѣмъ слова Давида предадутся заб-

венію. Онъ впалъ въ прелюбодѣяніе и убійство. Онъ увидѣлъ, говоритъ Писаніе (2 Цар. 11, 2), моющуюся красивую женщину, и возгорѣлъ къ ней любовію; потомъ свои помыслы привелъ въ исполненіе. И вотъ Пророкъ въ прелюбодѣяніи, драгоцѣнный перлъ—въ грязи. Но онъ еще не сознавалъ, что согрѣшилъ:—такъ былъ усыпленъ страстію! Когда правящій колесницею не трезвъ, то и колесница несется безпорядочно; а колесница и правящій ею тоже, что наше тѣло и душа. Если душа омрачена, то и тѣло погрязаетъ въ нечистотѣ. Доколѣ правящій колесницею стоитъ твердо, дотолѣ и колесница бѣжитъ хорошо; но когда онъ теряетъ силы и не можетъ править возжами, тогда и самая колесница является въ самомъ худомъ положеніи. Такъ бываетъ и съ человѣкомъ. Доколѣ душа трезва и бодра, дотолѣ и само тѣло пребываетъ въ чистотѣ; а когда душа омрачена, тогда и само тѣло погрязаетъ въ нечистотѣ и сладострастіи. Что же Давидъ? Совершилъ прелюбодѣяніе, но не сознавалъ этого, и ни отъ кого не былъ обличаемъ. Притомъ, (совершилъ это) въ глубокой старости, дабы зналъ ты, что, если будешь безпеченъ, то и старость не поможетъ тебѣ, и на оборотъ, если будешь рачителенъ, то и юность не можетъ повредить тебѣ. Ибо не отъ возраста добрые нравы, но отъ душевнаго расположенія добрыя дѣла. Вотъ Даніилъ былъ только двѣнадцати лѣтъ, и—судилъ;

и старцы были и преклонныхъ лѣтъ, а замыслили прелюбодѣяніе (Дан. 13, 45. слѣд.); и какъ послѣднимъ не принесла пользы старость, такъ первому не повредила юность. Такъ, чтобы ты узналъ, что дѣла цѣломудрія зависятъ не отъ возраста, но отъ душевнаго расположенія, вотъ Давидъ, уже въ старости, впалъ въ прелюбодѣяніе, совершилъ убійство, и былъ въ такомъ состояніи, что и самъ не зналъ, что онъ согрѣшилъ; ибо управитель—умъ былъ упоенъ невоздержаніемъ. Что же Богъ? Посылаетъ къ нему Наѳана пророка. Пророкъ приходитъ къ пророку. Такъ бываетъ и съ врачами: когда врачъ сдѣлается боленъ, тогда нуждается онъ въ другомъ врачѣ. Тоже самое и здѣсь. Пророкъ согрѣшилъ, пророкъ же принесъ и врачевство. Итакъ приходитъ къ нему (Давиду) Наѳанъ, и не сейчасъ, какъ переступилъ порогъ, обличаетъ его, и не говоритъ: беззаконникъ, непотребный, прелюбодѣй и убійца! столько почестей получилъ ты отъ Бога, и—попралъ заповѣди Его! Ничего такого не сказалъ Наѳанъ, дабы не сдѣлать его безстыднымъ: ибо оглашеніе грѣховъ вызываетъ согрѣшившаго на безстыдство. Такъ, Наѳанъ приходитъ къ Давиду, и сплетаетъ расказъ о тяжебномъ дѣлѣ. Что же говоритъ? Царь, у меня есть къ тебѣ жалоба. Былъ человѣкъ богатый, и былъ другой бѣдный. У богатаго были стада и много воловъ; а бѣдный имѣлъ только одну агницу, которая пила изъ его чаши, ѣла

отъ стола его, и спала на груди у него. (Здѣсь (пророкъ) указываетъ на любовь мужа къ женѣ). Но пришелъ къ богатому одинъ гость, и—онъ пожалѣлъ своего, и взялъ овцу бѣднаго и закололъ ее (2 Цар. 12, 1—4). Видишь, какъ Наѳанъ здѣсь сплетаетъ расказъ, скрывая ножъ подъ губкою? Что-же царь? Думая, что осуждаетъ другаго, онъ тотчасъ-же произнесъ приговоръ. Таковы люди! Противъ другихъ они охотно и быстро составляютъ и произносятъ приговоры. И что-же говоритъ Давидъ? *Живъ Господь, яко сынъ смерти есть мужъ сотворивый сіе, и агницу возвратитъ четверицею за сіе* (ст. 5). А что Наѳанъ? Онъ не сталъ долго смягчать рану, но тотчасъ открываетъ ее, и весьма быстро разрѣзываетъ, чтобы не уменьшить чувства боли. «Это ты, царь». Что-же говоритъ царь? *Согрѣшихъ ко Господу.* Не сказалъ: кто ты такой, что обличаешь меня? Кто послалъ тебя такъ смѣло говорить? Какъ ты дерзнулъ сдѣлать это? Ничего такого не сказалъ, но созналъ грѣхъ и сказалъ: *согрѣшихъ ко Господу.* Что-же Наѳанъ къ нему? *и Господь отъя согрѣшеніе твое* (ст. 13). Ты самъ осудилъ себя; я освобождаю тебя отъ осужденія; ты принесъ искреннее признаніе, и-загладилъ грѣхъ; ты самъ подвергъ себя осужденію; я уничтожилъ приговоръ. Видишь, какъ исполнилось слово Писанія: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися?* Какой это трудъ—сказать первому свой грѣхъ?

4. Но есть и другой путь покаянія. Какой-же это? Оплакиваніе грѣха. Ты согрѣшилъ? — Плачь, и изгладишь грѣхъ. Какой это трудъ? Ничего больше не требую отъ тебя, кромѣ плача о грѣхѣ. Не приказываю тебѣ ни разсѣкать моря, ни входить въ пристани, ни путешествовать, ни отправляться въ дальній путь, ни тратить деньги, ни ввѣрять себя бурнымъ волнамъ, но что? Поплачь о грѣхѣ. Но откуда, скажешь, извѣстно, что, если буду плакать, то уничтожу грѣхъ? Есть для тебя и на это доказательство въ божественномъ Писаніи. Былъ нѣкто Ахаавъ царь. Самъ онъ, говорится, былъ справедливъ; но изъ-за Іезавели, жены своей, царствовалъ худо. Онъ пожелалъ имѣть виноградникъ одного Израильтянина, Навуфея, и послалъ къ нему сказать: отдай мнѣ твой виноградникъ, который мнѣ захотѣлось имѣть, и возми отъ меня или деньги, или другое мѣсто. Тотъ отвѣчалъ: не дай Богъ, чтобы я продалъ тебѣ наслѣдіе отцевъ моихъ. Ахаавъ, хоть и желалъ имѣть виноградникъ (Навуѳея), однакожъ не хотѣлъ взять его силою, такъ-что отъ этого впалъ въ болѣзнь. Но вотъ приходитъ къ нему Іезавель, женщина безстыдная и безсовѣстная, распутная и непотребная, и говоритъ: что ты печалишься и не ѣшь? Встань и ѣшь; я сдѣлаю, что ты получишь виноградникъ Навуѳея Израильтянина. И вотъ пишетъ отъ лица царя къ старѣйшинамъ письмо такого содержанія: объявите постъ, и поставьте

лжесвидѣтелей противъ Навуѳея, (которые-бы показали), что онъ не благословилъ Бога и царя, то есть, произнесъ хулу на нихъ. О, постъ, исполненный крайняго нечестія! Объявили постъ, чтобы совершить убійство! Что-же послѣдовало? Навуѳей побитъ былъ камнями и умеръ. А Iезавель, узнавши о семъ, говоритъ Ахааву: встань, овладѣемъ виноградникомъ, потому-что Навуѳей умеръ. Ахаавъ, хоть на время и опечалился, однакожъ пошелъ и овладѣлъ виноградникомъ. Богъ посылаетъ къ нему Илію Пророка: поди, говоритъ, скажи Ахааву: за то, что убилъ (Навуѳея) и овладѣлъ (виноградникомъ его), прольется кровь твоя, и псы будутъ лизать кровь твою, и блудницы мыться въ крови твоей. Гнѣвъ Божескій, приговоръ рѣшительный, осужденіе окончательное! И смотри, куда (Богъ) посылаетъ его (Илію):—въ виноградникъ. Гдѣ беззаконіе, тамъ и наказаніе (3 Цар. 21, 2, 18). Что-же далѣе? Увидѣвъ его (Илію), Ахаавъ говоритъ: *обрѣлъ еси мя, враже мой* (ст. 20); это значитъ: ты застигъ меня виновнымъ, потому-что я согрѣшилъ; теперь имѣешь случай напасть на меня. *Обрѣлъ еси мя, враже мой.* Такъ какъ Илія всегда обличалъ Ахаава, то Ахаавъ, зная, что согрѣшилъ, говоритъ: ты и всегда меня обличалъ, но теперь благовременно наступаешь на меня; онъ сознавалъ, что согрѣшилъ. Въ отвѣтъ на это (Илія) объявляетъ ему приговоръ. *Сице глаголетъ Господь*, гово-

ритъ онъ: *понеже ты убилъ еси, и пріялъ еси въ наслѣдіе* и пролилъ кровь мужа праведнаго, то прольется и твоя кровь, *и псы полижутъ ее, и блудницы измыются въ крови твоей* (ст. 19). Услышавъ сіе, Ахаавъ опечалился и плакалъ о грѣхѣ своемъ; онъ созналъ беззаконіе, и Богъ отмѣнилъ приговоръ, произнесенный на него.

5. Впрочемъ Богъ напередъ оправдалъ себя предъ Иліею, чтобы онъ не оказался лжецомъ и чтобы не случилось съ нимъ того-же, что случилось съ Іоною. А вотъ что случилось съ Іоною. Богъ говоритъ ему: поди, возвѣсти въ городѣ Ниневіи, гдѣ живетъ сто двадцать тысячь человѣкъ, исключая женъ и дѣтей: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. 1, 2). Зная человѣколюбіе Божіе, Іона не захотѣлъ поити; но что дѣлаетъ? Предается бѣгству. Вотъ, говоритъ, я пойду проповѣдывать, а Ты, по своему человѣколюбію, отмѣнишь свой приговоръ, и убьютъ меня, какъ лжепророка. Однакожъ море, принявъ его, не скрыло, но возвратило землѣ и спасло для Ниневіи, точно такъ, какъ добрая служанка сохраняетъ свою сослужанку. *Сниде Іона*, говоритъ Писаніе, *еже бѣжати, и обрѣте корабль идущь въ Ѳарсисъ, и даде наемъ свой и вниде въ онь* (Іон. 1, 3). Куда бѣжишь, Іона? Въ иную землю уходишь? Но *Господня земля и исполненіе ея* (Псал. 23, 1). Или въ море? Но развѣ не знаешь, что *Того есть море, и Той основа е* (Псал. 94, 5). Или на небо? Но развѣ не

слышалъ ты, что говоритъ Давидъ: *узрю небеса, дѣла перстъ Твоихъ* (Псал. 8. 4)?—Но, не смотря на это, онъ, объятый страхомъ, убѣжалъ — по видимому, потому что на самомъ дѣлѣ невозможно убѣжать отъ Бога. Когда же море выбросило его, онъ пришелъ въ Ниневію, и проповѣдовалъ такъ: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. 3, 4). А что дѣйствительно онъ предался бѣгству, имѣя въ мысляхъ то, что Богъ по человѣколюбію раскается о злѣ, которое опредѣлилъ Ниневитянамъ, и что онъ явится лжепророкомъ, это доказываетъ самъ онъ. Проповѣдавъ въ Ниневіи, онъ вышелъ изъ города и наблюдалъ, что̀ будетъ. Когда же увидѣлъ что три дня прошли и нигдѣ не случилось ничего, чѣмъ угрожалъ онъ, — возвращается къ прежней своей мысли и говоритъ: *не сія ли убо словеса моя, яже глаголахъ, яко милостивъ Господь и долготерпѣливъ, и каяйся о злобахъ человѣческихъ* (Іон. 4, 2)? Итакъ, чтобы не случилось того-же съ Иліею, что и съ Іоною, Богъ объявляетъ ему причину, по которой Онъ простилъ Ахаава. Что-же говоритъ Богъ Иліи? *Видѣлъ ли еси, яко умилися Ахаавъ отъ лица Моего? Сего ради не наведу зла во днѣхъ его* (3 Цар. 21, 29). Чудное дѣло! Господь становится защитникомъ раба, и Богъ предъ человѣкомъ ходатайствуетъ за человѣка! Не думай, говоритъ, будто Я безъ причины простилъ его; онъ перемѣнилъ свой правъ, и Я отмѣнилъ и укротилъ

гнѣвъ Мой. Но и ты не будешь сочтенъ за лжепророка; и ты сказалъ правду. Еслибы онъ не измѣнилъ своего нрава, то потерпѣлъ-бы, что назначено по приговору; но онъ перемѣнилъ нравъ, и Я укротилъ свой гнѣвъ. И говоритъ Богъ Иліи: *видѣлъ ли еси яко умилися Ахаавъ отъ лица Моего*? Не сотворю по гнѣву Моему. Видишь-ли, что плачъ заглаждаетъ грѣхи?

6. Есть и третій путь покаянія. Я представляю тебѣ многіе пути покаянія, чтобы чрезъ разнообразіе путей сдѣлать для тебя удобнѣе спасеніе. Какой-же это третій путь? Смиренномудріе. Будь смиренномудръ, и разрѣшишь узы грѣховныя. И на это есть доказательство въ Божественномъ писаніи,—въ повѣствованіи о мытарѣ и фарисеѣ. Пришли, говоритъ Писаніе (Лук. 18, 10), фарисей и мытарь въ церковь помолиться, и началъ фарисей вычислять свои добродѣтели. Я, говоритъ, не такой грѣшникъ, какъ всѣ люди, или какъ этотъ мытарь. Бѣдная и несчастная душа! ты осудила всю вселенную; для чего-же еще оскорбила и ближняго твоего? Мало было-бы тебѣ и вселенной, еслибы ты не осудила и мытаря? Поэтому ты обвинила всѣхъ, и не пощадила даже и одного человѣка. «Я не таковъ, какъ всѣ люди, или какъ этотъ мытарь: дважды въ недѣлю пощусь, даю бѣднымъ десятую часть моего имущества». Надменныя слова произнесъ (фарисей). Несчастный человѣкъ! пусть ты осудилъ всю вселенную; для чего-же

уязвилъ и стоящаго близъ тебя мытаря? Ты не удовольствовался-бы и осужденіемъ вселенной, еслибъ не осудилъ и стоящаго съ тобою (мытаря)? Что-же мытарь? Услышавъ это, онъ не сказалъ: ты кто таковъ, что говоришь это обо мнѣ? Откуда знаешь жизнь мою? Ты не водился, не жилъ со мною, не проводилъ много времени. Почему столько превозносишься? Кто свидѣтель твоихъ добрыхъ дѣлъ? За чѣмъ хвалишь самъ себя? Зачѣмъ льстишь самъ себѣ? Ничего такого не сказалъ мытарь, но преклонившись, помолился и говорилъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (ст. 14)! Чрезъ такое смиренномудріе мытарь сдѣлался праведнымъ. Фарисей вышелъ изъ храма, потерявъ праведность, а мытарь вышелъ, стяжавъ праведность; и — слова побѣдили дѣла. Ибо одинъ дѣлами погубилъ праведность, а другой словомъ смиренномудрія стяжалъ праведность.

7. Впрочемъ, это и не было смиренномудріе. Смиренномудріе состоитъ въ томъ, когда кто, будучи великимъ, уничижаетъ себя; но признаніе мытаря было не смиренномудріе, а сущая правда: слова его были справедливы, потому-что онъ былъ грѣшникъ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что хуже мытаря? Онъ пользуется чужими несчастіями, участвуетъ въ плодахъ чужихъ трудовъ: о трудахъ не помышляетъ, а въ прибыли беретъ себѣ долю. Такъ, грѣхъ мытаря самый тяжкій. Мытарь есть не что иное,

какъ облагонадеженное насиліе, законный грѣхъ, благовидное хищничество. Что хуже мытаря, который сидитъ при пути и собираетъ плоды чужихъ трудовъ? который, когда надобно трудиться, объ этомъ нисколько не заботится, а когда предстоитъ выгода, беретъ часть изъ того, надъ чѣмъ не трудился? Если-же мытарь, будучи грѣшникомъ, получилъ столь великій даръ за смиренномудріе, то не гораздо-ли болѣе (получитъ) человѣкъ добродѣтельный и смиренный? Итакъ, если ты исповѣдуешь грѣхи твои и покажешь смиренномудріе, то будешь оправданъ. Но хочешь-ли узнать, кто истинно смиренномудръ? Посмотри на Павла, подлинно смиренномудраго, на Павла, учителя вселенныя, духовнаго витію, сосудъ избранный, пристань невозмущаемую, столпъ непоколебимый, (на Павла), который въ маломъ тѣлѣ обошелъ вселенную, и какъ-бы на крыльяхъ обтекъ оную. Посмотри, какъ онъ смиренно любомудрствуетъ, онъ—простолюдинъ и мудрецъ, бѣденъ и богатъ. Его-то называю истинно смиренномудрымъ, — его, который понесъ безчисленные труды, одержалъ надъ діаволомъ безчисленныя побѣды, проповѣдуетъ и говоритъ: *благодать Его не тща во мнѣ бысть, но паче всѣхъ потрудихся* (1 Кор. 15, 10). Онъ, потерпѣвшій темничное заключеніе и удары, и бичеванія; онъ, посланіями уловившій вселенную, призванный небеснымъ голосомъ, онъ-то смиренномудрствуетъ, когда говоритъ: *азъ бо есмь*

мній апостолъ, иже нѣсмь достоинъ нарещися, апостолъ (9. 9). Видишь великость смиренномудрія? видишь, какъ Павелъ смиренномудрствуетъ, называя себя меньшимъ (изъ апостоловъ)? *Азъ бо есмь,* говоритъ, *мній апостолъ, иже нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ.* Въ томъ-то и состоитъ истинное смиренномудріе, чтобы смиряться во всемъ и называть себя меньшимъ. Подумай, кто былъ сказавшій этѣ слова? Павелъ, гражданинъ небесный, хотя еще облеченный немощнымъ тѣломъ, столпъ церкви, земный Ангелъ, человѣкъ небесный. Люблю останавливаться на этомъ мужѣ и созерцать красоту его добродѣтели. Не столько радуетъ мои очи взошедшее и испускающее свѣтлые лучи солнце, сколько освѣщаетъ мою душу Павелъ. Солнце озаряетъ глаза, а Павелъ какъ-бы на крыльяхъ возноситъ насъ къ самымъ сводамъ небесъ, и возводитъ душу выше солнца и луны. Такова сила добродѣтели: человѣка она дѣлаетъ Ангеломъ, и душу какъ-бы на крыльяхъ возноситъ къ небу. Этой добродѣтели учитъ насъ Павелъ: постараемся содѣлаться ревнителями его добродѣтели. Но мы не должны вовсе уклониться отъ своего предмета. Нашею цѣлью было показать, что смиренномудріе есть третій путь покаянія, что мытарь не смиренномудрствовалъ, но сказалъ правду, когда обнаруживалъ грѣхи свои; что сталъ онъ праведнымъ, хотя и не тратилъ денегъ, не переплывалъ морей, не предприни-

малъ дальнихъ путешествій, не обтекалъ безпредѣльныхъ морей, не упрашивалъ друзей, и не потратилъ много времени. Нѣтъ, однимъ уничиженіемъ онъ стяжалъ праведность и удостоился царствія небеснаго, которое да получимъ мы всѣ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

15 БЕСѢДА,

О ПОКАЯНІИ III [1]).

1. Знаете ли, откуда у насъ началось недавно слово и гдѣ кончилось, или съ какого предмета (начались и) на какомъ остановились слова прежней бесѣды? Вы, думаю, забыли, гдѣ у насъ остановилось слово; а я знаю, и не виню васъ въ этомъ, и не осуждаю. Ибо каждый изъ васъ имѣетъ жену, печется о дѣтяхъ и заботится о дѣлахъ домашнихъ; одни заняты службою въ войскѣ, другіе—ремесленники, словомъ каждый изъ васъ озабоченъ различными нуждами. А мы въ этомъ [2]) обращаемся, этимъ

[1]) Надписывается: «о милостынѣ и о десяти дѣвахъ». [2]) т. е. въ проповѣданіи.

занимаемся, и въ этомъ проводимъ свое время. Стало быть, васъ нельзя порицать за это [1], но должно хвалить за ревность, — за то, что вы ни въ одно воскресенье не покидаете насъ, но, оставляя все, приходите въ церковь. Это-то и составляетъ величайшее украшеніе нашего города, — не шумъ его и предмѣстія, не позлащенные домы и столовыя комнаты, но жители ревностные и добрые. И добрую породу дерева мы узнаемъ не по листьямъ, но по плодамъ. Тѣмъ-то мы и отличаемся предъ безсловесными животными, что имѣемъ (даръ) слова, изъясняемся словомъ и любимъ слово. Человѣкъ не любящій слова, гораздо глупѣе скотовъ: онъ не знаетъ, для чего онъ почтенъ (даромъ слова), и откуда получилъ такую честь. И хорошо сказалъ Пророкъ: *человѣкъ, въ чести сый, не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Пс. 48, 13). Ты—человѣкъ одаренный словомъ, и не любишь слова? Скажи же, какое будешь имѣть извиненіе? Потому вы родственнѣе мнѣ всѣхъ, что, какъ на крыльяхъ, слетаетесь къ (слушанію) слова о добродѣтели, и поставляете все ниже божественныхъ словъ. Такъ вотъ и мы возмемся за предметъ и продолжимъ бесѣду о томъ, о чемъ говорили недавно: я долженъ вамъ, и охотно плачу долгъ, потому что это приноситъ мнѣ не бѣдность, но доставляетъ богатство. Въ дѣлахъ

[1]) т. е. непамятованіе о предметѣ прежней бесѣды.

мірскихъ должники бѣгаютъ отъ заимодавцевъ, чтобы не отдать (долга): а я гонюсь (за вами), чтобы отдать, и—весьма справедливо. Ибо въ мірскихъ дѣлахъ отдача производитъ бѣдность, а въ словѣ отдача раждаетъ богатство. На-примѣръ: я долженъ кому-нибудь деньгами; если возращу ихъ, онѣ не могутъ быть и у него, и у меня; нѣтъ отъ меня онѣ ушли, а къ нему пришли. Но если заплачу слово, оно и при мнѣ находится, и вы всѣ его имѣете. Если задержу слово и не сообщу (его), тогда я бѣденъ, а когда заплачу, тогда становлюсь богаче. Если не заплачу слова, тогда я одинъ богатъ; а если заплачу, то получаю плодъ вмѣстѣ со всѣми вами. Такъ отдадимъ долгъ. Что же это за долгъ?

2. Недавно разсуждали мы о покаяніи и сказали, что есть многіе и различные пути покаянія, чтобы легко было для насъ спасеніе. Если-бы Богъ далъ намъ одинъ путь покаянія, мы стали бы отговариваться такъ: не можемъ идти этимъ путемъ, не можемъ спастись. Но вотъ, чтобы отнять у тебя этотъ предлогъ, Онъ далъ тебѣ не одинъ только путь, и не два, и не три, но многіе и различные, дабы чрезъ это множество сдѣлать для тебя легкимъ восхожденіе на небо. Сказали мы также, что покаяніе не трудно, и что нѣтъ въ немъ никакой тяжести. Ты грѣшникъ? Войди въ церковь, скажи: я согрѣшилъ и—загладишь грѣхъ. Въ примѣръ представили мы и Давида, который согрѣ-

шилъ, и загладилъ грѣхъ. Потомъ предложили и другой путь, то есть, плачъ о грѣхѣ, и говорили: какой это трудъ? Не нужно ни потратить деньги, ни пройти длинный путь, ни сдѣлать что либо другое подобное, а надобно только поплакать о грѣхѣ. Тутъ привели мы изъ Писанія то, что Богъ перемѣнилъ свое опредѣленіе объ Ахаавѣ, потому что онъ заплакалъ и опечалился; и это Самъ (Богъ) сказалъ Иліи: *видѣлъ ли еси, яко умилися Ахаавъ отъ лица Моего? Не сотворю по гнѣву моему* (3 Цар. 21, 29). За тѣмъ указали мы и третій путь покаянія, и представили изъ Писанія фарисея и мытаря,—то есть, что фарисей, надменно похвалившись, лишился праведности, а мытарь, показавъ чувство смиренія, вышелъ съ плодомъ праведности и, не употребивъ никакого труда, сдѣлался праведнымъ, — далъ слова, а получилъ дѣла. Теперь пойдемъ дальше, и представимъ четвертый путь покаянія. Какой же это путь?

3. Это милостыня, царица добродѣтелей, весьма скоро возводящая людей на самое небо, наилучшая защитница. Великое дѣло — милостыня; посему и Соломонъ восклицалъ: *велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ творяй милость* (Прит. 20, 6). Великъ полетъ у милостыни: она разсѣкаетъ воздухъ, проходитъ луну, восходитъ выше лучей солнечныхъ, достигаетъ до самыхъ небесъ. Но и тамъ она не останавливается; напротивъ, проходитъ и небо, обте-

каетъ и сонмы Ангеловъ, и лики Архангеловъ, и всѣ высшія силы, и предстаетъ самому престолу царскому. Научись этому изъ самаго Писанія, которое говоритъ: *Корниліе, молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша предъ Бога* (Дѣян. 10, 4). А слова: *предъ Бога* значатъ вотъ что: хотя у тебя много грѣховъ, но, какъ милостыня твоя защитница, то не бойся; ни одна изъ вышнихъ силъ не останавливаетъ ея; она требуетъ долга, держитъ у себя въ рукахъ собственное рукописаніе. Это гласъ самого Господа, что, кто сотворилъ *единому сихъ меньшихъ,* тотъ Мнѣ сотворилъ (Матѳ. 25, 40). Такимъ образомъ, сколько бы ни было у тебя другихъ грѣховъ, твоя милостыня перевѣшиваетъ всѣ.

4. Развѣ не знаешь въ Евангеліи притчу о десяти дѣвахъ, какъ не имѣющія милостыни, хотя и подвизавшіяся въ дѣтствѣ, остались внѣ брачнаго чертога? Были, говоритъ (Писаніе), десять дѣвъ, пять глупыхъ, и пять мудрыхъ; у мудрыхъ былъ елей, а у юродивыхъ не было елея, поэтому ихъ свѣтильники стали гаснуть. Пришедши къ мудрымъ, глупыя сказали: дайте намъ елея изъ вашихъ сосудовъ (Матѳ. 25, 1—8). Стыжусь я, и краснѣю, и плачу, когда услышу о дѣвѣ глупой; краснѣю, когда слышу, что онѣ названы такъ послѣ столь великой добродѣтели, послѣ подвиговъ дѣвства, послѣ того, какъ онѣ возлетѣли тѣломъ на небо и соревновали вышнимъ силамъ,—перенесли жаръ и одолѣли пла-

мя сладострастія. Вотъ когда онѣ названы юродивыми, и справедливо: потому-что сдѣлавъ великое, побѣждены были малымъ. И пришли, сказано, глупыя, и сказали мудрымъ: дайте намъ елея изъ сосудовъ вашихъ. А этѣ отвѣчали: не можемъ дать вамъ, *еда како недостанетъ намъ и вамъ* (ст. 8 и 9). И сдѣлали онѣ это не по жестокости и не по злобѣ, но по тѣснымъ обстоятельствамъ времени, потому-что ожидаемъ былъ женихъ. Были и у глупыхъ свѣтильники, но въ свѣтильникахъ мудрыхъ былъ елей, а у этихъ не было. Вѣдь дѣвство есть огонь, а милостыня—елей. Потому, какъ огонь гаснетъ, когда не будетъ для него подливаться елей, такъ гаснетъ и дѣвство, когда не имѣетъ милостыни.

5. Дайте намъ елея (сказали глупыя) изъ сосудовъ вашихъ. А мудрыя въ отвѣтъ имъ: не можемъ дать вамъ. Это сказано не по злобѣ, а отъ страха: *еда како недостанетъ намъ и вамъ;*—какъ бы намъ, когда всѣ мы стараемся войти, какъ бы всѣмъ не остаться (внѣ брачнаго чертога). Подите лучше и купите у продающихъ. Кто же продавцы этого елея? Бѣдные, ради милостыни сѣдящіе предъ церковію. А за сколько (продается) онъ? За-сколько хочешь; цѣны не назначаю, чтобы ты не ссылался на бѣдность. Сколько у тебя есть, за-столько и купи. Есть у тебя оволъ [1])? Купи небо, не потому, что небо дешево, но потому, что Господь человѣколюбивъ.

---

[1]) Самая мѣлкая монета.

Нѣтъ у тебя и овола? Подай чашу холодной воды. *Иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды* ради Меня, *не погубитъ мзды своея* (Матѳ. 10 42. Предметомъ купли и продажи—небо, а мы не заботимся! Дай хлѣбъ, и возьми рай; дай малое, и возьми великое; дай смертное, и возьми безсмертное; дай тлѣнное, и возьми нетлѣнное. Если бъ была ярмарка, и на ней продавались бы дешево и въ большомъ количествѣ съѣстные припасы, и многое можно бы пріобрѣсть за малую цѣну: не распродали ль бы вы имущества, и, оставивъ все въ сторонѣ, не приняли ль бы участіе въ томъ торгѣ? И вотъ, гдѣ тлѣнное, тамъ вы показываете столько ревности; а гдѣ идетъ дѣло о безсмертномъ, тамъ вы столько нерадивы и безпечны! Дай бѣдному, и, — пусть самъ ты будешь молчать, — тысячи устъ заговорятъ въ защиту тебя, потому что милостыня востанетъ и защититъ (тебя): милостыня есть выкупъ души. Поэтому, какъ предъ дверьми церковными стоятъ сосуды, наполненные водою, чтобы ты мылъ руки: такъ внѣ церкви сидятъ и бѣдные, чтобы ты омывалъ руки души. Омылъ ты чувственные руки водою? Омой руки души милостынею. Не ссылайся на бѣдность. Вдовица и въ крайней бѣдности ввела въ домъ свой Илію, и бѣдность не была (для ней) препятствіемъ, но съ великою радостію она приняла его; потому и получила достойные плоды и собрала жатву милостыни.

6. Но, можетъ быть, слушатель скажетъ: дай мнѣ Илію. Что ищешь Илію? Господа Иліи даю тебѣ, и не питаешь Его: какъ-же ты принялъ-бы Илію, еслибъ нашелъ его? Христосъ Господь всяческихъ, сказалъ: кто сотворилъ *единому сихъ меньшихъ*,—Мнѣ сотворилъ (Матѳ. 25, 40). Если-бы царь позвалъ кого нибудь на вечерю и, когда-бы предстали слуги, сказалъ къ нимъ: возблагодарите его много за меня; онъ пропиталъ и принялъ меня въ домъ свой, когда я былъ въ бѣдности, онъ оказалъ мнѣ много благодѣяній во время нужды: не каждый-ли бы употребилъ и потратилъ всѣ свои деньги для того, кому царь изъявилъ благодарность? не каждый-ли бы постарался сблизиться и подружиться съ нимъ? Видѣли вы силу слова (царскаго)? Если-же у царя-человѣка оно имѣетъ такую честь; то представь себѣ, что Христосъ въ тотъ день взываетъ предъ Ангелами и всѣми силами, и говоритъ: этотъ человѣкъ на землѣ ввелъ Меня въ домъ свой; онъ оказалъ Мнѣ множество благодѣяній; онъ принялъ Меня-странника. За тѣмъ представь себѣ дерзновеніе (этого человѣка) среди Ангеловъ, радость среди чиновъ небесныхъ. О комъ Христосъ свидѣтельствуетъ, тому какъ не имѣть дерзновенія предъ Ангелами? Такъ, братія, великое дѣло-милостыня. Возлюбимъ ее, которой нѣтъ ничего равнаго; она можетъ и загладить грѣхи, и избавить отъ суда. Ты молчишь,—а она стоитъ и защищаетъ; или лучше, тогда

какъ ты молчишь, тысячи устъ благодарять за тебя. Столько-то благъ отъ милостыни, а мы нерадимъ и не заботимся! Дай, по возможности, хлѣба. Нѣтъ у тебя хлѣба? дай оволъ. Нѣтъ овола? дай чашу холодной воды. Нѣтъ и этого? поплачь съ несчастнымъ, и получишь награду; ибо награда (дается) не за вынужденное, но за свободное дѣло. Но вотъ, бесѣдуя объ этомъ, мы забыли о дѣвахъ; возвратимся-же къ этому предмету.

7. Дайте намъ, говорятъ, елея изъ сосудовъ вашихъ. Не можемъ дать вамъ, *еда како недостанетъ намъ и вамъ;* подите лучше и купите у продающихъ. *Идущимъ-же имъ купити, пріиде женихъ,* и тѣ, у которыхъ были свѣтлыя лампады, *внидоша съ нимъ, и затворены быша двери* брачнаго чертога. Пришли и пять глупыхъ, и начали стучать въ двери чертога, восклицая: *отверзи намъ;* а въ отвѣтъ имъ гласъ жениха извнутри: отойдите отъ меня, *не вѣмъ васъ* (Матѳ. 25, 8—12). Итакъ, послѣ столь великихъ трудовъ, что́ онѣ услышали? *Не вѣмъ васъ.* Это значитъ, какъ я сказалъ, что онѣ напрасно и безъ пользы пріобрѣли себѣ великое достояніе дѣвства. Подумай, онѣ отвержены послѣ столь великихъ трудовъ,—послѣ того, какъ обуздали невоздержаніе, послѣ того, какъ имѣли состязаніе съ небесными силами, послѣ того, какъ посмѣялись надъ житейскими дѣлами, перенесли великій зной, переступили черезъ прегра-

ды; послѣ того, какъ возлетѣли отъ земли на небо, не разломили печати тѣла, пріобрѣли великую красоту дѣвства, вошли въ состязаніе съ Ангелами, попрали требованія плоти, забыли природу, въ тѣлѣ совершили свойственное безтѣлеснымъ,—послѣ того, какъ пріобрѣли великое и необоримое достояніе дѣвства; – послѣ всего этого они услышали: отойдите отъ меня, *не вѣмъ васъ*.

8. Не подумай, будто я считаю маловажнымъ достоинство дѣвства: дѣвство таково, что изъ древнихъ никто не могъ сохранить его. Потому-то и велика благодать, что страшное для пророковъ и для древнихъ нынѣ стало весьма доступно. Что, въ сáмомъ дѣлѣ, было всего тяжелѣе и невыносимѣе? Дѣвство и презрѣніе смерти. Но ихъ не страшатся нынѣ и слабыя дѣвы. Въ самомъ дѣлѣ, соблюденіе дѣвства было такъ тяжко, что изъ древнихъ никто не могъ хранить его. Ной былъ праведенъ и имѣлъ свидѣтельство отъ Бога, но жилъ съ женою. Равнымъ образомъ Авраамъ и Исаакъ, сонаслѣдники ему въ обѣтованіи, жили съ женами. Цѣломудренный Іосифъ отказался сдѣлать великій грѣхъ прелюбодѣянія, но и онъ жилъ съ женою; потому-что тяжко было состязаніе дѣвства. Дѣвство утвердилось съ тѣхъ поръ, какъ выросъ цвѣтъ дѣвства. Итакъ никто изъ древнихъ не могъ хранить дѣвство; потому-что великое дѣло-обуздать тѣло. Изобрази словомъ видъ дѣвства, и познай

величіе сей добродѣтели. У ней каждый день брань, которая никогда не можетъ умолкнуть; эта брань хуже войны съ варварами. На войнѣ съ варварами бываетъ время отдыха,—когда ведутъ переговоры; тамъ иногда сражаются, иногда нѣтъ; тамъ наблюдается порядокъ и время. А на войнѣ, которая ведется противъ дѣвства, нѣтъ отдыха; потому-что воюетъ діаволъ, который не знаетъ опредѣленнаго времени къ нападенію, не ожидаетъ условнаго знака къ сраженію, но всегда стоитъ и старается найти дѣву безоружною, чтобы нанести ей смертельную рану; и дѣва никогда не можетъ отдохнуть отъ этой брани, но всегда носитъ въ самой себѣ тревогу и воителя. И осужденные не такъ бѣдствуютъ, хоть и видятъ начальника только по временамъ: а дѣва, куда ни пойдетъ, вездѣ имѣетъ при себѣ судію и носитъ съ собою врага. Этотъ врагъ не даетъ ей покоя ни вечеромъ, ни ночью, ни утромъ, ни въ полдень, но воюетъ непрестанно, представляя ей наслажденіе, указывая на бракъ, чтобы исторгнуть изъ ней добродѣтель и породить въ ней порокъ, чтобы изгнать изъ нея цѣломудріе и всѣять въ нее блудъ: каждый часъ разгарается, пріятно поджигаемая, печь сладострастія.

9. Подумай, какъ труденъ этотъ подвигъ: а онѣ (глупыя дѣвы) послѣ всего этого услышали: отойдите отъ меня, *не вѣмъ васъ*. Смотри, какое великое дѣло дѣвство: когда она имѣетъ у себя

сестру—милостыню, тогда никакія бѣдствія не одолѣваютъ его, но оно становится выше всего. Онѣ потому не вошли (въ брачный чертогъ), что при дѣвствѣ не имѣли милостыни. Стыдно сказать: поборовши сладострастіе, ты не презрѣла денегъ, но будучи дѣвою, отрѣшившеюся отъ жизни, и распявши себя, любишь деньги! Еслибы ты возжелала мужа, и тогда была-бы вина не столь велика, потому-что ты возжелала-бы предмета одинаковаго (съ тобою) по существу; но теперь вина гораздо больше, потому-что ты возжелала чуждаго (тебѣ) предмета. Пусть замужнія злобно выказываютъ безчеловѣчіе, ссылаясь на дѣтей; если скажешь имъ: дай мнѣ милостыню,—у меня дѣти, говорятъ онѣ, не могу. Богъ далъ тебѣ дѣтей, ты получила плодъ чрева, для того, чтобы тебѣ быть человѣколюбивою, а не безчеловѣчною; повода къ человѣколюбію не обращай въ предлогъ къ безчеловѣчію. Хочешь оставить доброе наслѣдство твоимъ дѣтямъ? Оставь милостыню, чтобы всѣ стали хвалить тебя, и память твоя осталась славною. Но ты, не имѣющая дѣтей и распявшаяся для жизни, ты для чего собираешь деньги?

10. Но у насъ живо (въ умѣ) слово о милостынѣ, какъ о пути покаянія. Сказали мы, что милостыня есть великое пріобрѣтеніе; за тѣмъ перешли къ морю дѣвства. Итакъ главный и великій (путь) покаянія ты имѣешь въ милостынѣ, которая можетъ освободить (тебя) изъ узъ грѣ-

ховныхъ; но есть для тебя и другой путь покаянія, также весьма удобный, чрезъ который можешь освободиться отъ грѣховъ. Молись каждый часъ, не изнемогай въ молитвѣ, и не лѣностно умоляй человѣколюбіе Божіе, а Богъ не отвратится отъ постоянно-молящагося, но проститъ тебѣ грѣхи твои и исполнитъ прошенія твои. Если ты, молясь, будешь услышанъ, продолжай молиться, чтобы принести (Богу) благодареніе; если-же не будешь услышанъ, пребывай въ молитвѣ, чтобы быть тебѣ услышаннымъ. И не говори: «много я молился, и не услышанъ;» и это часто бываетъ для твоей-же пользы. Богъ знаетъ, что ты лѣнивъ и безпеченъ, и что, если получишь нужное, то отойдешь и больше не станешь молиться; и вотъ, самою нуждою заставляетъ тебя чаще бесѣдовать съ Богомъ и упражняться въ молитвѣ. Ибо, если ты, въ такой нуждѣ и имѣя надобность, лѣнишься и не продолжаешь молитвы, что было-бы, еслибъ ты ни въ чемъ не нуждался? Стало быть, и это Онъ дѣлаетъ для твоей пользы, желая, чтобы ты не оставлялъ молитвы. Итакъ пребывай въ молитвѣ, возлюбленный, и не лѣнись: потому-что молитва можетъ совершить многое; и не приступай къ молитвѣ, какъ къ маловажному дѣлу. А что молитва доставляетъ прощеніе грѣховъ, это можешь узнать изъ божественнаго Евангелія. Что-же оно говоритъ?

11. Подобно царствіе небесное человѣку, ко-

торый заперъ двери свои и легъ спать съ дѣтьми своими. Между тѣмъ вечеромъ пришелъ нѣкто взять у него хлѣбовъ и стучитъ, говоря: отвори мнѣ, мнѣ нужны хлѣбы. А онъ ему: не могу дать тебѣ теперь, потому-что легли спать и мы, и дѣти наши. Тотъ продолжалъ стучать въ дверь, а этотъ опять говоритъ къ нему: не могу тебѣ дать, потому-что легли спать и мы, и дѣти. Но тотъ и послѣ этого продолжалъ стучать, и не отходилъ, пока домохозяинъ не сказалъ: встаньте, дайте ему, и пусть онъ отойдетъ (Лук. 11, 5 и сл.). Итакъ (Писаніе) учитъ тебя молиться и никогда не унывать, но и тогда, какъ не получишь (просимаго), пребывать (въ молитвѣ), пока не получишь. Много и другихъ путей покаянія найдешь въ Писаніи. Покаяніе, и прежде пришествія Христова, проповѣдывалось Іереміею, который говоритъ: *еда падаяй не востаетъ, или отвращаяйся не обратится* (Іер. 8, 4)? и опять: *и рекохъ по внегда прелюбодѣйствовати ему во всѣхъ сихъ: ко мнѣ обратися* (3, 7). Много и другихъ [1]) различныхъ путей покаянія (Богъ) далъ намъ для того, чтобы отнять у насъ всякій предлогъ къ нерадѣнію. Ибо, еслибы у насъ былъ только одинъ путь, мы-бы не могли пойти по нему. Отъ этого оружія всегда убѣгаетъ діаволъ. Согрѣшилъ ты? Войди въ церковь, и загладь свой грѣхъ. Сколько-бы ты ни падалъ на площади, - всякій разъ встаешь: такъ сколько разъ

[1]) Т. е. кромѣ милостыни и молитвы.

ни согрѣшишь,-покайся во грѣхѣ, не отчаявайся; согрѣшишь въ другой разъ. въ другой разъ покайся, чтобы по нерадѣнію совсѣмъ не потерять тебѣ надежды на обѣщанныя блага. Ты въ глубокой старости, и—согрѣшилъ?—войди (въ церковь), покайся: здѣсь врачебница, а не судилище; здѣсь не истязуютъ, но даютъ прощеніе въ грѣхахъ. Одному Богу скажи грѣхъ твой: *Тебѣ единому согрѣшихъ, и лукавое предъ Тобою сотворихъ* (Пс. 50, 6),—и отпустится тебѣ грѣхъ.

12. Есть у тебя и другой путь покаянія, не трудный, а самый легкій. Какой-же это путь? Поплачь о грѣхѣ своемъ. Объ этомъ узнаешь ты изъ божественнаго Евангелія. Петръ, верховный изъ Апостоловъ, первый въ Церкви, другъ Христовъ, получившій откровеніе не отъ человѣковъ, но отъ Отца, какъ свидѣтельствуетъ объ немъ Господь, говоря: *блаженъ еси, Симоне варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой, иже на небесѣхъ* (Матѳ. 16, 17),—этотъ Петръ (когда называю Петра, разумѣю камень несокрушимый, скалу неподвижную, великаго Апостола, перваго изъ учениковъ, первозваннаго, и перваго послѣдовавшаго на зовъ) онъ-то сдѣлалъ не какое-либо маловажное преступленіе, но и очень великое,—отрекся отъ самого Господа. Это говорю не въ обвиненіе праведника, но чтобы дать тебѣ побужденіе къ покаянію. Такъ онъ отвергся самого Господа вселенной, Попечителя и Спасителя всѣхъ. Но раскажемъ этотъ слу-

чай съ начала. Спаситель зналъ, что во время Его преданія нѣкоторые отойдутъ (отъ Него), и говоритъ Петру: не хочешь-ли и ты отойти? Но Петръ отвѣчалъ: *аще ми есть и умрети съ Тобою, не отвергуся Тебе* (Матѳ. 26, 35. сн. Іоан. 6, 67). Что говоришь, Петръ? Богъ опредѣлилъ, а ты противодѣйствуешь? Но, хоть воля (Петра) и высказала свое (желаніе), однакожъ слабость природы (его) изобличилась. Когда же это? Въ ночь, въ которую преданъ былъ Христосъ. Тогда, сказано, стоялъ Петръ у горящихъ дровъ и грѣлся; и вотъ подошла къ нему одна служанка, и говоритъ: вчера и ты былъ съ этимъ человѣкомъ; а онъ въ отвѣтъ: не знаю сего человѣка. Потомъ (отрекся) и въ другой, и въ третій разъ, и—исполнилось опредѣленіе (Божіе). За симъ Христосъ взглянулъ на Петра, и этимъ взглядомъ подалъ голосъ: не заговорилъ съ нимъ устами, чтобы не обнаружить его предъ судіями и не пристыдить своего ученика, но взглядомъ сказалъ ему: вотъ, Петръ, сбылось то, о чемъ Я говорилъ. Тогда и Петръ пришелъ въ чувство и началъ плакать, но заплакалъ не просто, а горько, и изъ слезъ очей сдѣлалъ второе крещеніе. Но заплакавъ такъ горько, онъ загладилъ свой грѣхъ; и послѣ этого ему ввѣрены ключи небесные.

13. Если-же плачъ Петра загладилъ столь великій грѣхъ, то какъ тебѣ не загладить грѣха, если будешь плакать? Ибо отречься отъ своего Господа-было преступленіе не малое, но вели-

кое и весьма важное,—и однакожъ слезы загладили грѣхъ. Плачь-же и ты о грѣхѣ своемъ, только плачь не просто и не для вида, но горько какъ (плакалъ) Петръ; изведи потоки слезъ изъ самой глубины души, чтобы Господь, умилосердившись, простилъ тебѣ прегрѣшеніе. Человѣколюбивъ Господь; Онъ самъ сказалъ: *не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися отъ пути своего и живу быти ему* (Іезек. 33, 11). Отъ тебя хочетъ небольшаго труда, а Самъ даетъ великое; отъ тебя ожидаетъ повода, чтобы дать тебѣ сокровище спасенія. Предложи (Ему) слезы, а Онъ дастъ тебѣ прощеніе; принеси покаяніе, а Онъ даруетъ тебѣ отпущеніе грѣховъ. Ты представь хоть малый предлогъ, чтобы имѣть благовидное оправданіе; ибо (въ дѣлѣ спасенія) одно зависитъ отъ Него, а другое отъ насъ. Если мы представимъ что зависитъ отъ насъ, то и Онъ даруетъ что зависитъ отъ Него. Но вотъ Онъ уже даровалъ что зависѣло отъ Него, — утвердилъ солнце, луну и разнообразный хоръ звѣздъ, разлилъ воздухъ, распростеръ землю, оградилъ море, далъ горы, долины, холмы, источники, озера, рѣки; безчисленные роды растеній, сады и все прочее. Принеси-же и ты не многое, чтобы такимъ образомъ Онъ даровалъ тебѣ и высшія блага.

14. Итакъ не будемъ беззаботны о самихъ себѣ, и не отступимся отъ своего спасенія, имѣя такую бездну человѣколюбія Господа всѣхъ, Ко-

торый даже кается о нашихъ грѣхахъ. Предлагается царство небесное и рай, и блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша; яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9),-и мы не будемъ всячески стараться привнести что нибудь съ своей стороны, чтобы не лишиться этихъ благъ? Развѣ не знаешь, что говоритъ Павелъ, который много потрудился и одержалъ безчисленныя побѣды надъ діаволомъ, который въ тѣлѣ прошелъ вселенную, обтекъ землю, и море, и воздухъ, и, какъ-бы на крыльяхъ, облетѣлъ вселенную,—который былъ забросанъ камнями, побитъ, потерпѣлъ побои, все перенесъ ради имени Божія, призванъ былъ свыше небеснымъ голосомъ? Смотри, что говоритъ онъ, какое произнесъ слово: мы получили, говоритъ, благодать отъ Бога, но и я потрудился и сдѣлалъ свое; *и благодать Его, яже во мнѣ, не тща бысть, но паче всѣхъ ихъ потрудихся* и сдѣлалъ свое (1 Кор. 15, 10). Знаемъ, говоритъ, знаемъ великость благодати, которую мы получили; но не празднымъ она нашла и меня; извѣстны дѣла мои. Такъ и мы пріучимъ руки къ милостынѣ, чтобы привнести съ своей стороны нѣчто малое; станемъ плакать о грѣхѣ, стенать о беззаконіи, чтобы видно было, что и мы привносимъ хоть что-нибудь малое, между тѣмъ какъ то, что имѣетъ быть даровано намъ, велико и превышаетъ наши силы. Это рай и царство небесное, котораго да сподобимся всѣ мы по бла-

годати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

16 БЕСѢДА,

о покаяніи IV [1].

1. Пастухи водятъ овецъ постоянно туда, гдѣ видятъ траву гуще, и дотолѣ не выгоняютъ ихъ оттуда, пока стадо не пощиплетъ всю траву. Подражая имъ, и мы вотъ уже четвертый день пасемъ это стадо на пастбищѣ покаянія, да и сегодня еще не располагаемся встать; потому что видимъ еще много пищи, много наслажденія и вмѣстѣ пользы. Не столько древесныя вѣтви, служащія для овецъ кровомъ въ полдень, успокоиваютъ овецъ, доставляя пріятную и полезную тѣнь, и располагая къ весьма сладкому сну, сколько чтеніе божественнаго Писанія ободряетъ и оживляетъ души, скорбящія и одержимыя печалію, уничтожая силу и жаръ скорби, и доставляя утѣшеніе, которое пріятнѣе и

[1]) Надписывается: «о покаяніи и молитвѣ».

сладостнѣе всякой тѣни. И дѣйствительно, оно доставляетъ намъ великое утѣшеніе, не только въ потерѣ имущества, не только въ утратѣ дѣтей, или въ другомъ подобномъ несчастіи, но и въ бѣдственномъ положеніи грѣховномъ. Ибо, когда падетъ человѣкъ, уловленный и низринутый грѣхомъ, когда потомъ будетъ угрызать его совѣсть, и онъ, непрестанно памятуя о грѣхѣ, подавляется чрезмѣрною печалію, каждый день горитъ въ огнѣ, и, не смотря на множество утѣшителей, не получаетъ утѣшенія: тогда, войдя въ церковь и услышавъ, что многіе изъ Святыхъ, павши, возстали и снова вошли въ прежнюю славу, — непримѣтно получаетъ утѣшеніе. Притомъ людямъ мы, согрѣшивъ, часто не смѣемъ и открыть своего грѣха, потому-что намъ стыдно и совѣстно; а если и откроемъ, то не получимъ такой пользы. Но когда Богъ утѣшаетъ и касается нашего сердца, тогда сейчасъ убѣжитъ всякая сатанинская печаль. Для того и описаны намъ паденія праведныхъ, чтобы и добродѣтельные, и грѣшники получали отъ нихъ величайшую пользу. Грѣшникъ не приходитъ въ отчаяніе и безнадежность, видя, что другой палъ и однакожъ могъ опять возстать; а добродѣтельный будетъ ревностнѣе и благонадежнѣе. Ибо, когда онъ увидитъ, что многіе изъ тѣхъ, которые гораздо лучше его, пали, то, вразумляемый страхомъ ихъ паденія, будетъ всегда бдителенъ и покажетъ великую внимательность къ самому

себѣ. И такимъ образомъ, одинъ, усовершаясь въ добродѣтели, а другой, грѣшникъ, избавясь отъ отчаянія, первый будетъ стоять твердо, а послѣдній скоро возвратится въ то состояніе, изъ котораго низпалъ. Когда человѣкъ утѣшаетъ насъ въ печали, мы по видимому и утѣшаемся на нѣсколько времени, но потомъ опять впадаемъ въ прежнюю печаль. А когда Богъ вразумляетъ примѣромъ другихъ, согрѣшившихъ и покаявшихся, и спасшихся, тогда Онъ дѣлаетъ ясною намъ Свою благость, чтобы мы не сомнѣвались въ своемъ спасеніи, получая вѣрное и надежное утѣшеніе.

2. Итакъ древнія повѣствованія Писаній подаютъ всѣмъ внимательнымъ достаточное для печальныхъ врачевство, какъ въ скорби о грѣхахъ, такъ и въ несчастныхъ обстоятельствахъ. Пусть постигнутъ насъ-лишеніе имущества, обиды отъ клеветниковъ, узы, побои, или другое какое-либо бѣдствіе: смотря на праведниковъ, которые потерпѣли и испытали тоже самое, мы скоро можемъ придти въ себя. Въ болѣзняхъ тѣлесныхъ, если больной смотритъ на (другихъ) больныхъ, онъ чрезъ это увеличиваетъ свою болѣзнь, а часто получаетъ и новую болѣзнь: напримѣръ, нѣкоторые, увидя больныхъ глазами, и сами получали болѣзнь отъ одного этого видѣнія. Но въ болѣзняхъ душевныхъ бываетъ не такъ, а напротивъ, частое размышленіе о потерпѣвшихъ одинаковыя съ нами бѣдствія облегчаетъ для

насъ скорбь о нашихъ бѣдствіяхъ. Поэтому и Павелъ точно такъ утѣшаетъ вѣрныхъ, выставляя имъ на видъ Святыхъ, не только живыхъ, но и умершихъ. Бесѣдуя съ Евреями, которые готовы были преткнуться и пасть, онъ выставляетъ на видъ святыхъ мужей,—Даніила, трехъ отроковъ, Илію, Елисея, говоря такъ: *заградиша уста львовъ, угасиша силу огненную, избѣгоша острея меча, каменіемъ побіени быша, ругапіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницею; проидоша въ милотехъ, и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ міръ* (Евр. 11, 33—38). А общеніе въ страданіяхъ доставляетъ скорбящимъ утѣшеніе: какъ терпѣть одному какое-либо бѣдствіе есть безотрадное несчастіе, такъ найти другаго, удрученнаго такими-же бѣдствіями, значитъ облегчить свою рану.

3. Итакъ, чтобы не унывать намъ ни въ какихъ тяжкихъ обстоятельствахъ, будемъ усердно внимать повѣствованіямъ Писаній. Отсюда мы получимъ великое ободреніе къ терпѣнію, потому-что не только будемъ утѣшены общеніемъ съ потерпѣвшими одинаковыя съ нами бѣдствія, но и научимся, какъ избавиться отъ постигающихъ насъ золъ, какъ и по успокоеніи (отъ бѣдъ) оставаться ровными,—не впадать и въ безпечность, и не надмеваться гордостію. Ничего нѣтъ удивительнаго, если мы въ несчастіи смиряемъ и уничижаемъ себя, и выказываемъ ве-

ликое благоговѣніе, потому-что самыя искушенія заставляютъ и имѣющихъ каменное сердце дѣлать это, т. е. печалиться. Но (только) душѣ благоговѣйной и непрестанно имѣющей Бога предъ очами свойственно, и послѣ избавленія отъ искушеній, никогда не впадать въ забвеніе; а это часто случалось съ Іудеями. Потому и Пророкъ посмѣваясь имъ, говорилъ: *егда убиваше я, тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утреневаху къ Богу* (Псал. 77, 34). И Моусей, сознавая за ними тоже самое, часто увѣщавалъ ихъ, говоря: *и ядый*, и піяй, *и насытився, вонми себѣ, да не забудеши Господа Бога твоего* (Втор. 6, 11—12). Между тѣмъ это и случилось, ибо сказано: *и яде Іаковъ и утолстѣ, и расширѣ, и отвержеся возлюбленный* (Втор. 32, 15). Итакъ надобно удивляться Святымъ, не потому, что они были такъ благоговѣйны и великодушны во время сильной скорби, но потому, что, и по прошествіи бури и съ наступленіемъ тишины, продолжали быть одинаково скромными и старательными. И коню особенно надобно удивляться тогда, какъ онъ можетъ безъ узды идти ровно; если же онъ прямо идетъ потому, что удерживается возжами и уздою, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: тогда эту стройность приписать должно не благородству животнаго, но силѣ узды. Это-же должно сказать и о душѣ: не удивительно, если она ведетъ себя скромно, когда гнететъ ее страхъ; нѣтъ, тогда покажи мнѣ душевное любомудріе

и совершенное благонравіе, когда пройдутъ искушенія и снимется узда страха.

4. Но боюсь, чтобы, осуждая Іудеевъ, мнѣ не осудить нашего образа жизни. Когда и мы страдали отъ голода и заразы, отъ града и засухи, отъ пожаровъ и нашествія непріятелей, то не каждый-ли день церковь тѣсна была отъ множества собиравшихся? Великое тогда было у насъ любомудріе и пренебреженіе мірскими дѣлами; не тревожили насъ ни любовь къ деньгамъ, ни исканіе славы, ни страсть и стремленіе къ распутству, и никакой другой злой помыслъ, но всѣ вы предались благочестію, съ молитвою и слезами. Блудникъ сталъ тогда воздерживаться, злопамятный спѣшилъ мириться, сребролюбецъ склонялся къ подаянію милостыни, гнѣвливый и дерзкій обращался къ смиренномудрію и кротости. Но когда Богъ разсѣялъ тотъ гнѣвъ, отвелъ бурю, и послѣ такого волненія устроилъ тишину: мы опять обратились къ прежнимъ дѣламъ. Объ этомъ я и тогда, во время самыхъ искушеній, напередъ говорилъ и предостерегалъ непрестанно, однакожъ не имѣлъ никакого успѣха, но всѣ тѣ (внушенія) вы выбросили изъ ума, какъ сонъ и мимошедшую тѣнь. Посему-то боюсь теперь больше, нежели тогда, и, о чемъ тогда говорилъ я, особенно боюсь теперь, чтобы намъ не навлечь на себя несчастій, болѣе тяжкихъ, чѣмъ прежнія, и за тѣмъ не получить отъ Бога неизлечимой раны. Ибо, когда

часто согрѣшающій получаетъ отъ Бога прощеніе, и между тѣмъ не располагается такимъ долготерпѣніемъ къ оставленію нечестія, такой человѣкъ наконецъ доводитъ Бога до того, что Онъ, и противъ воли Его, насылаетъ на него самое великое бѣдствіе, искореняетъ его въ конецъ, и уже не даетъ ему нисколько времени для покаянія,—какъ это случилось и съ Фараономъ. Когда онъ, испытавъ великое долготерпѣніе Божіе въ первой, и во второй, и въ третьей, и въ четвертой, и въ послѣдующихъ язвахъ, нисколько не воспользовался этимъ, то наконецъ былъ истребленъ и совершенно уничтоженъ со всѣмъ городомъ. Это-же потерпѣли и Іудеи. Потому и Христосъ, опредѣляя истребить ихъ и подвергнуть конечному разоренію, говорилъ такъ: *коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте; се оставляется домъ вашъ пустъ* (Лук. 13, 34—35). Итакъ боюсь, чтобы и намъ не потерпѣть того-же, потому-что мы не вразумляемся ни чужими, ни своими бѣдствіями. Впрочемъ говорю это не вамъ только, теперь присутствующимъ здѣсь, но и тѣмъ, которые прервали повседневное усердіе и забыли о прежнихъ скорбяхъ,—которымъ я непрестанно, съ крайнимъ усиліемъ, говорилъ, что, хотя и прошли искушенія, но память объ нихъ должна оставаться въ душахъ, чтобы мы, постоянно памятуя о благодѣяніи, непрестанно благодарили Бога, даровавшаго оное.

5. Это и тогда говорилъ я, и теперь говорю вамъ, а чрезъ васъ — имъ: будемъ подражать Святымъ, которые скорбями не были побѣждаемы, отъ покоя не разслабѣвали, что бываетъ теперь со многими изъ насъ, какъ съ легкими ладьями, которыя отъ всякаго напора волнъ заливаются водою и тонуть. Ибо часто и бѣдность, нашедши на насъ, заливаетъ и потопляетъ насъ, и богатство, прибывши къ намъ, опять надмеваетъ насъ и повергаетъ въ крайнюю безпечность. Потому прошу, пусть каждый изъ насъ, оставивъ все, настроитъ душу свою ко спасенію. Ибо, когда она хорошо настроена, тогда, какое-бы ни постигло насъ бѣдствіе, голодъ-ли, болѣзнь-ли, клевета-ли, расхищеніе-ли имущества, или что-бы то ни было другое, все будетъ сносно и легко, по заповѣди Господа и по надеждѣ на Него; равно какъ на оборотъ, у кого душа не благоустроена въ отношеніи къ Богу, такой человѣкъ испытаетъ много скорбей и заботъ, хотя-бы и богатство текло къ нему, хотя-бы были у него и дѣти, и безчисленное множество денегъ. Итакъ не будемъ ни искать богатства, ни убѣгать бѣдности, но прежде всего позаботимся каждый о своей душѣ и сдѣлаемъ ее способною и къ распоряженію настоящею жизнію, и къ отшествію отсюда туда. Еще не много и-будетъ испытаніе каждаго изъ насъ, когда всѣ мы предстанемъ страшному судилищу Христову, окруженные своими дѣлами, и увидимъ собственными гла-

зами—то слезы сиротъ, то постыдное распутство, которымъ осквернили мы душу свою, то стоны вдовъ, то побои (нанесенные) бѣднымъ, и разграбленіе нищихъ; (увидимъ) не только это и подобное этому, но и все, что только сдѣлали мы худаго даже и въ мысляхъ. Ибо Онъ (Богъ) есть судія помышленій и цѣнитель мыслей (Евр). 4, 12), и опять: *испытуяй сердца и утробы* (Пс. 7, 10), и *воздающій коемуждо по дѣломъ его* (Рим. 2, 6.).

6. Но это слово мое относится не только къ живущимъ въ мірѣ, но и къ тѣмъ, которые, по любви къ уединенной жизни, построили себѣ кельи въ горахъ, потому-что они должны блюсти, не только тѣла свои отъ оскверненія блудомъ, но и душу отъ всякаго сатанинскаго любостяжанія. Ап. Павелъ бесѣдуетъ не къ женамъ только, но и къ мужамъ, и ко всей Церкви, когда говоритъ, что дѣвствующая душа должна быть *свята и тѣломъ и духомъ* (Кор. 7, 34), и опять· представьте тѣла ваши *дѣву чисту* (2 Кор. 11, 2). А какъ чистую? *Не имущую скверны или порока* (Еф. 5, 27. И тѣ дѣвы, у коихъ угасли свѣтильники, были дѣвы тѣломъ, но не чисты сердцемъ; и хотя мужъ не растлилъ ихъ, но растлила ихъ любовь къ деньгамъ. Тѣло у нихъ было чисто, а душа была преисполнена блуда, потому-что ими овладѣли злые помыслы,- сребролюбіе, и жестокосердіе, и гнѣвъ, и зависть, и самозабвеніе, и гордость, и все это по-

губило красоту ихъ дѣвства. Потому и Павелъ говоритъ: *да будетъ* дѣва *свята и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. 7, 34), и опять: *дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. 11, 2). Ибо какъ тѣло растлѣвается блудомъ, такъ и душа оскверняется сатанинскими помыслами, развратными правилами, нечистыми мыслями. Кто говоритъ: я дѣвственникъ по тѣлу, а въ душѣ завидуетъ брату, тотъ не дѣвственникъ: его дѣвство растлила связь съ завистію. Тщеславный также не дѣвственникъ: его дѣвство растлила любовь къ злословію; вошла (въ него) эта страсть и нарушила дѣвство его души. А кто ненавидитъ своего брата, тотъ болѣе человѣкоубійца, чѣмъ дѣвственникъ; и вообще, какою кто одержимъ бываетъ злою страстію, ею и растлѣваетъ свое дѣвство. Поэтому Павелъ устраняетъ (насъ) отъ всѣхъ этихъ злыхъ связей и повелѣваетъ намъ быть дѣвами, такъ чтобы добровольно не принимали мы въ душу никакого противнаго помысла.

7. Что же намъ сказать на это? Какъ заслужить помилованіе? Какъ спастись? Вотъ что скажу: будемъ всегда носить въ сердцѣ молитву и плоды ея, то есть, смиренномудріе и кротость. *Научитеся отъ мене*, говоритъ Господь, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29); и опять Давидъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 19). Ничего такъ не принимаетъ

и не любитъ Богъ, какъ душу кроткую, смиренномудрую и благодарную. Смотри же и ты, братъ, когда что-либо неожиданное постигнетъ и опечалитъ тебя, не прибѣгай къ людямъ и не полагайся на человѣческую помощь, но, оставивъ всѣхъ (людей), востеки мыслію твоею къ врачу душъ. Уврачевать сердце можетъ одинъ тотъ, Кто наединѣ создалъ сердца наши и знаетъ всѣ дѣла наши; Онъ можетъ войти въ совѣсть нашу, коснуться сердца и утѣшить душу. Если же Онъ не утѣшитъ сердецъ нашихъ, то безполезны и тщетны будутъ утѣшенія человѣческія: равно какъ и на оборотъ, когда Богъ успокоиваетъ и утѣшаетъ, тогда, пусть люди тысячекратно станутъ безпокоить насъ, не въ состояніи будутъ нисколько повредить намъ; потому что, когда Онъ укрѣпитъ сердце, тогда никто не можетъ поколебать его. Итакъ, зная это, возлюбленные, будемъ всегда прибѣгать къ Богу, Который и хочетъ, и можетъ избавить насъ отъ несчастія. Ибо, когда надобно умолять людей, то намъ необходимо напередъ и поговорить съ привратниками, и упросить нахлѣбниковъ и льстецовъ, и пройти длинный путь. Но у Бога нѣтъ ничего такого; Его можно упросить безъ посредника; Онъ склоняется на молитву безъ денегъ, безъ издержекъ; довольно только возопить сердцемъ и принесть слезы, и — лишь только войдешь, тотчасъ привлечешь Его къ себѣ. Притомъ, умоляя чело-

вѣка, мы часто боимся, чтобы какой-нибудь врагъ или, другъ (нашихъ враговъ), или противникъ (нашъ) не услышалъ о нашемъ дѣлѣ, или другой кто не разсказалъ того, о чемъ мы говорили, и не извратилъ правды: но у Бога нельзя опасаться ничего такого. Когда ты хочешь, говоритъ Онъ, умолить Меня, приступи ко Мнѣ одинъ, безъ всякаго свидѣтеля, то есть, воззови сердцемъ, не приводя въ движеніе устъ. *Вниди*, говоритъ, *въ клѣть твою и затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, иже втайнѣ: и Отецъ твой, видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (Матѳ. 6, 6). Смотри какая высокая честь: когда ты умоляешь Меня, говоритъ Онъ, никто не видитъ этого; а когда я оказываю тебѣ честь, то вселенную привожу въ свидѣтели этого благодѣянія.

8. Убѣдимся же, и будемъ молиться не напоказъ и не объ отмщеніи нашимъ врагамъ; не будемъ учить Его—такимъ образомъ помочь намъ. Если и людямъ, защищающимъ насъ и говорящимъ за насъ предъ мірскими судіями, мы разсказываемъ только дѣла наши, а образъ защиты предоставляемъ имъ, чтобы они по своему усмотрѣнію распорядились нашими дѣлами; тѣмъ болѣе такъ поступать должно въ отношеніи къ Богу. Скажи Ему твое дѣло; скажи, что ты потерпѣлъ, но не говори при этомъ, какъ помочь тебѣ; Онъ самъ хорошо знаетъ, что полезно тебѣ. А есть много такихъ, которые на молитвѣ

высказываютъ тысячу особыхъ прошеній, и говорятъ: Господи, дай мнѣ здоровье тѣлесное, удвой мое имущество, отмсти моему врагу; — это весьма неразумно. Потому надобно, оставивъ все это, молить и просить только по примѣру мытаря, который говорилъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному* (Лук. 18, 13); а Онъ уже самъ знаетъ, какъ помочь тебѣ: *ищите*, говоритъ Онъ, *прежде царствія Божія, и сія вся приложится вамъ* (Матѳ. 6, 33). Такъ-то, возлюбленные, будемъ любомудрствовать (молиться), съ усердіемъ и смиреніемъ, ударяя себя въ грудь, по примѣру того (мытаря), и — мы получимъ, чего просимъ. Если же мы молимся въ гнѣвѣ и раздражительности, то мерзки мы и ненавистны предъ Богомъ. Сокрушимъ же наше сердце и уничижимъ нашу душу, и будемъ молиться какъ о самихъ себѣ, такъ и объ оскорбившихъ насъ. Если хочешь склонить Судію къ поданію помощи твоей душѣ и привлечь Его на свою сторону, никогда не жалуйся Ему на того, кто опечалилъ тебя. Таковъ нравъ у Судіи: Онъ внемлетъ и подаетъ просимое особенно тѣмъ, которые молятся за враговъ, не помнятъ зла и не возстаютъ противъ своихъ враговъ. И въ какой мѣрѣ они дѣлаютъ это, въ той мѣрѣ и Богъ отмщаетъ ихъ врагамъ, если эти не обратятся къ покаянію.

9. Смотрите же, братія, когда кто-нибудь нанесетъ намъ какое-либо безчестіе, не будемъ

тотчасъ досадовать и печалиться, но станемъ благодарить, терпѣливо перенося (обиду) и ожидая помощи отъ Господа. Развѣ Богъ не могъ, еще прежде прошенія, подать намъ блага? даровать намъ жизнь безпечальную и свободную отъ всякой скорби? Но Онъ дѣлаетъ то и другое по любви къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего Онъ попускаетъ намъ испытывать скорби, и не скоро избавляетъ отъ нихъ? Для чего? Для того, чтобы мы обращались къ Нему съ прошеніемъ отъ Него помощи, прибѣгали къ Нему и непрестанно призывали Его къ себѣ на помощь. Для того и болѣзни тѣла, для того и скудость плодовъ, для того и голодъ, чтобы мы изъ-за этихъ бѣдствій всегда прилѣплялись къ Нему, и такимъ образомъ чрезъ временныя скорби сдѣлались наслѣдниками вѣчной жизни. Стало быть, за нихъ мы должны благодарить Бога, Который многими способами врачуетъ и спасаетъ души наши. Люди, если окажутъ намъ ничтожное благодѣяніе, а мы впослѣдствіи хоть и невольно оскорбимъ ихъ какою-нибудь малостію, тотчасъ попрекаютъ намъ своимъ благодѣяніемъ, такъ что многіе проклинаютъ себя за то, что приняли отъ нихъ какое бы то нибыло благодѣяніе. Но Богъ не такъ поступаетъ; напротивъ, когда, и послѣ полученныхъ отъ Него благодѣяній, люди пренебрегаютъ и оскорбляютъ Его,—Онъ самъ защищается и оправдывается предъ оскорбившими Его, говоря такъ: *Людіе мои, что сотво-*

рихъ вамъ (Мих. 6, 3)? Они не хотѣли именовать Его Богомъ, а Онъ не переставалъ называть ихъ людьми; они отрекались отъ Его владычества, а Онъ не отвергалъ ихъ, но присвоялъ и привлекалъ къ себѣ, говоря: *людіе мои, что сотворихъ вамъ* (Мих. 6, 3)? Развѣ Я, говоритъ, былъ тяжелъ для васъ, или суровъ, или обременителенъ? Но этого вы не можете сказать. Но еслибы и это было, и въ такомъ случаѣ не слѣдовало вамъ бѣжать (отъ Меня): *который бо есть сынъ, егоже не наказуетъ отецъ* (Евр. 12, 7)? Однакожъ и этого не можете сказать. И опять въ другомъ мѣстѣ: *кое обрѣтоша отцы ваши во мнѣ погрѣшеніе* (Iер. 2, 5)? Важны и удивительны этѣ слова; онѣ значатъ вотъ что: въ чемъ Я погрѣшилъ? Богъ говоритъ людямъ: въ чемъ Я погрѣшилъ; между тѣмъ, какъ и рабы не допускаютъ, чтобы господинъ ихъ сказалъ это! Притомъ (Богъ) не говоритъ: въ чемъ Я согрѣшилъ противъ васъ? но противъ отцовъ вашихъ. Вы, говоритъ, не можете даже сказать и того, что питаете ко мнѣ отцовскую вражду; ибо и предкамъ вашимъ Я никогда не подавалъ повода жаловаться на Мое промышленіе, какъ будто бы Я пренебрегъ ихъ въ маломъ или великомъ. И не просто сказалъ: какое (погрѣшеніе) *имѣли* отцы ваши, но *кое нашли?* Много выискивали, много пытали они, бывъ столько лѣтъ подъ Моимъ владычествомъ, однакожъ не нашли во Мнѣ ни одного погрѣшенія.

10. По всему этому будемъ непрестанно прибѣгать къ Нему, и во всякой печали искать Его утѣшенія, во всякомъ несчастіи — Его избавленія, Его милости, во всякомъ искушеніи — Его помощи. Какое бы ни было бѣдствіе, сколь бы велико ни было несчастіе, Онъ можетъ все прекратить и отстранить. Впрочемъ благость Его подастъ намъ не только это, но и всякую безопасность, и силу, и добрую славу, и тѣлесное здоровье и душевное любомудріе, и благія надежды, и то, что мы не будемъ спѣшны на грѣхъ. Итакъ не будемъ роптать, какъ неблагодарные рабы, не будемъ и обвинять Господа, но за все благодарить Его и почитать несчастіемъ только одно, именно — грѣхъ противъ Него. И если мы такъ будемъ расположены къ Богу, то не постигнетъ насъ ни болѣзнь, ни бѣдность, ни безчестіе, ни скудость плодовъ и никакое другое кажущееся бѣдствіе, но всегда наслаждаясь чистою и невинною радостію, мы получимъ и будущія блага, по благости и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

17 БЕСѢДА,

о покаяніи V [1]).

1. Свѣтлый сегодня у насъ праздникъ, и торжественнѣе обыкновеннаго собраніе. Какая-же тому причина? это, я знаю, дѣло поста, поста еще не наступившаго, но ожидаемаго. Онъ насъ собралъ въ отеческій домъ, онъ сегодня привелъ въ матернія обьятія и тѣхъ, которые доселѣ были лѣнивы. Если-же постъ, только еще ожидаемый, внушилъ намъ столько ревности, то сколько благочестія онъ произведетъ въ насъ, когда явится и наступитъ? Такъ и городъ, ожидая прибытія страшнаго начальника, отлагаетъ совсѣмъ безпечность и выказываетъ великую рачительность. Но, услышавъ о постѣ, не испугайтесь (его, какъ) страшнаго начальника: онъ страшенъ не намъ, но демонамъ. Если кто одержимъ злымъ духомъ, покажи ему лице поста, и онъ, оковываемый страхомъ и удерживаемый какъ-бы какими цѣпями, станетъ неподвижнѣе самыхъ камней, особенно когда увидитъ въ союзѣ съ постомъ сестру и подругу поста-молитву. Поэтому и Христосъ говоритъ: *сей родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ* (Матѳ. 17,

[1]) Надписывается: «о постѣ, и о Пророкѣ Іовѣ, и Даніилѣ. и о трехъ отрокахъ». Сказана была предъ наступленіемъ святаго поста.

21). Если-же онъ такъ прогоняетъ непріятелей нашего спасенія и такъ страшенъ врагамъ нашей жизни, то надобно его любить и принимать съ радостію, а не бояться. Если-же должно чего бояться, то бояться надобно пьянства и объяденія, а не поста. Тѣ, связавъ у насъ сзади руки, предаютъ насъ рабами и плѣнниками жестокому владычеству страстей, какъ нѣкоему свирѣпому господину; а постъ, найдя насъ въ рабствѣ и въ узахъ, разрѣшаетъ отъ узъ, избавляетъ отъ жестокаго владычества и возвращаетъ на прежнюю свободу.

2. Такъ, когда постъ и воюетъ противъ нашихъ враговъ, и освобождаетъ (насъ) отъ рабства, и возвращаетъ на свободу, то какого еще бóльшаго надобно тебѣ доказательства его дружбы къ нашему роду? Вѣдь величайшимъ доказательствомъ дружбы считается то, когда (другіе) и любятъ, и ненавидятъ тѣхъ-же самыхъ, кого и мы. Хочешь узнать, какое украшеніе для людей постъ какая онъ оборона и защита? Подумай о блаженномъ и чудномъ родѣ монашествующихъ. Они, убѣжавъ отъ мірскаго шума, и востекши на вершины горъ, и построивъ кельи въ тишинѣ пустыни, какъ въ нѣкоей спокойной пристани, взяли себѣ постъ въ товарищи и сообщники на всю жизнь. За то онъ и сдѣлалъ ихъ изъ людей ангелами; да и не ихъ однихъ, но кто и въ городахъ соблюдаютъ его, всѣхъ возводитъ онъ на самую высоту любомудрія. И Моусей, и Илія,

сіи столпы ветхозавѣтныхъ пророковъ, хотя знамениты и велики были по другимъ (добродѣтелямъ), и имѣли великое дерзновеніе, однакожъ, когда хотѣли приступить къ Богу и бесѣдовать съ Нимъ, сколько это возможно человѣку,—прибѣгали къ посту и на его рукахъ возносились къ Богу. Поэтому и Богъ, лишь только создалъ человѣка, тотчасъ отдалъ его на руки посту, ему поручилъ его спасеніе, какъ нѣжной матери и наилучшему наставнику. Ибо это: *отъ всякаго древа, еже въ раи, снѣдію снѣси: отъ древа же, еже, разумѣти доброе и лукавое не снѣсте* (Быт. 2, 16. 17)—есть родъ поста. Если-же постъ необходимъ въ раю, то гораздо болѣе внѣ рая; если лекарство полезно прежде раны, то гораздо болѣе послѣ раны; если оружіе было нужно намъ еще до начала войны съ похотями, то гораздо болѣе необходимо споборничество поста по открытіи такой брани со стороны похотей и демоновъ. Если-бы Адамъ послушалъ этого голоса [1]), то не услышалъ-бы другаго, сказавшаго: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 19). Но какъ не послушалъ онъ того (голоса), такъ за это (постигли его) смерть, и заботы, и горести, и печали, и жизнь тягостнѣйшая всякой смерти; за это тернія и волчцы; за это труды и болѣзни, и полная скорбей жизнь.

3. Видѣлъ ты, какъ Богъ гнѣвается, когда

---

[1]) Т. е. повелѣнія Божія — не вкушать отъ древа познанія добра и зла.

презираютъ постъ? узнай же, какъ Онъ и радуется, когда чтутъ постъ. За пренебреженіе поста Онъ наказалъ преступника смертію, напротивъ за уваженіе къ посту избавлялъ (постящихся) отъ смерти. И чтобы показать тебѣ силу поста, (Богъ) далъ ему власть, послѣ уже приговора (надъ преступниками), по отправленіи ихъ на казнь, брать ведомыхъ на смерть съ самой средины пути и возвращать къ жизни. И это сдѣлалъ постъ не съ двумя, или тремя, или двадцать человѣками, но даже съ цѣлымъ народомъ. Тогда какъ великій и дивный городъ Ниневитянъ лежалъ уже на колѣнахъ, склонилъ голову къ самой пропасти, и готовъ былъ принять направленный сверху ударъ,—постъ, какъ нѣкая свыше слетѣвшая сила, исторгъ его (городъ) изъ самыхъ вратъ смерти и возвратилъ къ жизни. Но, если угодно, послушаемъ и самой исторіи. *И бысть*, сказано, *слово Господне ко Іонѣ, глаголя: возстани и иди въ Ниневію градъ велікій* (Іоан. 1, 12). Богъ, предвидя бѣгство пророка, съ самаго начала хочетъ возбудить (въ Іонѣ) жалость величіемъ города. Но послушаемъ и проповѣди. *Еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. 3, 3). Для чего же напередъ говорить о томъ злѣ, которое хочешь сдѣлать? Для того, чтобы не сдѣлать того, о чемъ говорю напередъ. Для того Онъ угрожалъ и геенною, чтобы не отвести въ геенну: пусть, говоритъ, устрашаютъ васъ слова, и—не опечаливаютъ дѣла.

А для чего онъ ограничиваетъ срокъ столь краткимъ временемъ? Для того чтобы ты и узналъ добродѣтель варваровъ, иноплеменниковъ—иноплеменниковъ, то-есть Ниневитянъ, которые въ три дня могли утишить такой гнѣвъ (Божій) на ихъ грѣхи, и подивился человѣколюбію Бога, который удовольетвовался трехдневнымъ покаяніемъ за столь великія беззаконія, и самъ ты не впадалъ бы въ отчаяніе, хотя бы и безъ числа согрѣшилъ. Какъ вялый душею и безпечный, хоть и получитъ много времени для покаянія, по лѣности не сдѣлаетъ ничего важнаго и не примирится съ Богомъ: такъ добрый и пылающій рвеніемъ, и съ великою ревностію совершающій покаяніе, можетъ и въ краткое мгновеніе загладить грѣхи многихъ годовъ.

4. Петръ не трижды ли отрекся? Не съ клятвою ли, въ третій разъ? Не отъ того ли что испугался словъ какой нибудь ничтожной служанки? Что же? Много ли годовъ нужно было ему для покаянія? Никакъ; но въ одну и туже ночь онъ и палъ и возсталъ, получилъ и рану, и лекарство, и заболѣлъ, и выздоровѣлъ. Какъ и какимъ образомъ? Тѣмъ, что онъ плакалъ и рыдалъ, или лучше тѣмъ, что плакалъ не просто, но съ великою горячностію, и отъ сердца; потому и Евангелистъ не сказалъ, что онъ только плакалъ, но—*плакася горько* (Матѳ. 26, 75). А какова сила слезъ тѣхъ, этого, говоритъ, никакое слово не можетъ изобразить;

только послѣдствія ясно показываютъ. Преступно было то паденіе (Петра), потому что ни одинъ грѣхъ не можетъ сравняться съ отреченіемъ (отъ Христа): однакожъ и послѣ столь великаго грѣха, (Христосъ) снова возвелъ его въ прежнее достоинство и поручилъ ему управленіе вселенскою Церковію, и что всего важнѣе, представилъ его имѣющимъ больше любви къ Господу, нежели всѣ Апостолы; ибо сказалъ: Петръ, *любиши ли мя паче сихъ* (Іоан. 21, 15)? А съ такою любовію ничто не можетъ сравняться въ качествѣ добродѣтели. Такъ, чтобы ты не сказалъ что Богъ по справедливости простилъ Ниневитянъ, какъ иноплеменниковъ и несмысленныхъ, ибо сказано: *рабъ, не вѣдѣвый волю господина своего и не сотворивъ, біенъ будетъ мало* (Лук. 12, 47—48),—чтобы ты, говорю, не сказалъ этого, для этого Онъ и представилъ тебѣ Петра,—раба, вполнѣ знавшаго волю Господа. Хотя и онъ сдѣлалъ самый тяжкій грѣхъ, однакожъ смотри, на какую взошелъ высоту дерзновенія. Такъ и ты не отчаявайся изъ-за грѣховъ: въ грѣхѣ всего преступнѣе то, когда остаются во грѣхѣ, и въ паденіи всего хуже то, когда лежатъ по паденіи. Объ этомъ и Павелъ плачетъ и рыдаетъ; это называетъ онъ достойнымъ слезъ: *да не паки*, говоритъ, *пришедша мя смиритъ Богъ мой у васъ и восплачуся многихъ*, не просто, *согрѣшшихъ*, но *не покаявшихся о нечистотѣ и блуженіи и студоложствіи, яже со-*

дѣяша (1 Кор. 12, 21): А для покаянія какое время можетъ быть удобнѣе времени поста?

5. Но возвратимся къ исторіи. Услышавъ этѣ слова [1]), Пророкъ *сниде во Іоппію, еже бѣжати въ Ѳарсисъ отъ лица Господня* (Іон. 1, 3). Куда бѣжишь, человѣкъ? Развѣ ты не слышалъ, что говоритъ Пророкъ: *камо пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу* (Псал. 138, 7)? На землю? Но *Господня земля, и исполненіе ея* (Пс. 23, 1). Въ адъ? *Аще сниду*, сказано, *во адъ, тамо еси* (Пс. 138, 8)? На небо? Но *аще взыду на небо, Ты тамо еси* (ст. 8). Или въ море? Но *и тамо*, сказано, *удержитъ мя десница Твоя* (ст. 10), что̀ и съ нимъ (Іоною) случилось. Но таковъ грѣхъ: онъ доводитъ душу нашу до великаго неразумія. Какъ люди съ отяжелѣвшею отъ опьяненія головою бродятъ безъ цѣли и безъ разбора, и случится ли предъ ними яма, или стремнина, или что другое, они падаютъ туда отъ неосмотрительности: такъ и стремящіеся ко грѣху, какъ бы опьянѣвъ отъ желанія совершить грѣхъ, не знаютъ, что дѣлаютъ, не видятъ ничего — ни настоящаго, ни будущаго. Отъ Господа бѣжишь, скажи мнѣ? Такъ подожди не много, и на самомъ дѣлѣ узнаешь, что ты не можешь убѣжать и изъ рукъ подвластнаго Ему моря. Дѣйствительно, едва (Іона) взошелъ на корабль, какъ оно воздвигло

---

[1]) *Востани, и иди въ Ниневію* и проч. (Іон. 1, 2).

волны и поднялось высоко.—Какъ вѣрная служанка, нашедши бѣглаго сораба, похитившаго что либо изъ господскаго имущества, дотолѣ не перестаетъ всячески безпокоить принявшихъ его, пока не возметъ его съ собою: такъ точно и море, нашедши и узнавъ своего сораба, всячески безпокоитъ корабельщиковъ, мятется, воетъ, и хоть не влечетъ въ судъ, но угрожаетъ потопленіемъ кораблю вмѣстѣ съ людьми, если не отдадутъ ему сораба. Что же корабельщики при этомъ? *Сотвориша*, сказано, *изметаніе сосудовъ, иже въ корабли* (Іон. 1, 5). Но корабль не облегчался, потому что вся тяжесть оставалась еще на немъ, т. е. тѣло Пророка, — бремя тяжкое не по существу тѣла, но по тяжести грѣха; ибо нѣтъ ничего столько тяжкаго и неудобоносимаго, какъ грѣхъ и непокорность. Поэтому и Захарія изобразилъ его подъ видомъ олова (Зах. 5, 7); а Давидъ, описывая существо его, сказалъ: *беззаконія превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Псал. 37, 5). И Христосъ къ тѣмъ, которые жили во многихъ грѣхахъ, взывалъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28). Такъ грѣхъ и тогда отягощалъ корабль и готовъ былъ погрузить его въ воду; а Іона спалъ и храпѣлъ. Тяжелый этотъ сонъ былъ не сонъ удовольствія, но скорби, не безпечности, но печали. Ибо добрые слуги скоро сознаютъ свои грѣхи, что

случилось и съ Іоною. Совершивъ грѣхъ, онъ тогда же позналъ и тяжесть грѣха; ибо таково свойство грѣха, что онъ послѣ того, какъ родится, пробуждаетъ болѣзни въ породившей его душѣ, не такъ, какъ бываетъ при нашемъ рожденіи. Мы, лишь только родимся, прекращаемъ болѣзни рожденія, а онъ, коль скоро родится, терзаетъ болѣзнями породившіе его помыслы.

6. Что же кормчій? *Пріиде*, сказано, *къ нему* (Іонѣ), *и рече*: *востани*, *и моли Господа Бога твоего* (Іон. 1, 6). Онъ уже изъ опыта узналъ, что то было не обыкновенная буря, но наказаніе, ниспосланное отъ Бога, — такое волненіе, предъ которымъ безсильно искуство человѣческое, и что тутъ безполезны руки кормчаго; ибо для укрощенія его нуженъ былъ другой, лучшій кормчій, управляющій всѣмъ міромъ; потребна была помощь свыше. Поэтому и корабельщики, оставя весла, и паруса, и снасти, и все, и отнявъ руки отъ гребли, подняли ихъ къ небу, и молили Бога. Когда же и это не помогло, тогда, говоритъ Писаніе, *метнуша жребія* (Іон. 1, 7), и жребій открылъ наконецъ виновнаго. Впрочемъ они не просто взяли его и бросили въ воду, но, среди столь великаго смятенія и тревоги, какъ бы среди великой тишины, устроили на кораблѣ судилище, дали ему (Іонѣ) говорить, дозволили защищаться, и все изслѣдовали тщательно, какъ будто должны были отдать кому отчетъ въ своемъ приговорѣ. По-

слушай же, какъ они изслѣдываютъ все, какъбы въ судилищѣ. *Что твое дѣланіе есть, и откуду грядеши, и камо идеши, и отъ коея страны, и кіихъ людей еси ты* (Іон. 1, 8)? Море уже обвиняло его, вопія противъ него; обличилъ его и засвидѣтельствовалъ противъ него жребій; однакожь они, не смотря ни на вопль моря, ни на свидѣтельство жребія, не произнесли еще приговора; но, какъ въ судилищѣ, хотя присутствуютъ и обвинители, предстоятъ и свидѣтели и улики, судіи дотолѣ не произносятъ приговора, пока самъ подсудимый не повинится въ своемъ грѣхѣ, такъ и здѣсь корабельщики, люди иноплеменные и несмысленные, соблюли порядокъ, какой бываетъ въ судахъ. И это (сдѣлали они) среди столь великаго страха, столь великаго волненія, столь великой тревоги, когда море не давало имъ и вздохнуть,—такъ оно шумѣло и ярилось, съ неистовствомъ и воемъ воздымая непрестанныя волны. Откуда же, возлюбленные, происходила такая попечительность о Пророкѣ? Отъ устроенія Божія. Богъ такъ устроилъ это, вразумляя чрезъ это Пророка быть человѣколюбивымъ и кроткимъ, и какъ бы взывая къ нему и говоря: подражай корабельщикамъ, несмысленнымъ. Они не пренебрегаютъ и одною душею, не безжалостны и къ одному твоему тѣлу; а ты предалъ, сколько отъ тебя зависѣло, цѣлый городъ, въ которомъ столько тысячь жителей. Они, и от-

крывъ виновника приключившихся имъ бѣдствій, не спѣшатъ произнести обвинительный приговоръ, а ты, и не имѣя причины обвинять Ниневитянъ, потопилъ ихъ и погубилъ. Притомъ ты не послушалъ, когда Я повелѣвалъ тебѣ идти съ проповѣдію воззвать ихъ (Ниневитянъ) ко спасенію; а эти (корабельщики), и безъ всякаго приказанія, употребляютъ всѣ средства, чтобы тебя, оказавшагося виновнымъ, избавить отъ наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, корабельщики и послѣ обвиненія отъ моря, послѣ улики чрезъ жребій, когда самъ (Іона) обвинилъ себя и признался въ бѣгствѣ, и тогда не устремились на погибель Пророка, но медлили, удерживались и употребляли всѣ средства, чтобы, и послѣ такого обличенія, не предать его неистовству моря. Но этого не дозволило море, или лучше не допустилъ Богъ, желая вразумить Іону, какъ чрезъ корабельщиковъ, такъ и чрезъ кита. И точно, услышавъ: *возмите мя, и ввергите въ море, и утолится море отъ васъ* (Іон. 1, 12), — они усиливались подойти къ землѣ, но волны не дозволили.

7. Такъ вотъ ты видѣлъ Пророка бѣгущимъ: послушай же, какъ онъ и исповѣдуется изъ глубины — изъ чрева китова. То сдѣлалъ (бѣжалъ) онъ, какъ человѣкъ, а это (исповѣданіе) совершилъ, какъ Пророкъ. Итакъ море, принявъ его, ввергло, какъ въ нѣкую темницу, во чрево китово, чтобы сохранить Господу бѣглеца не-

вредимымъ. Ни лютыя волны, взявшія его, не задушили его; ни болѣе лютый, чѣмъ волны, китъ, поглотившій его, не погубилъ во чревѣ, но сохранилъ и привелъ въ городъ. И море, и китъ оказали сверхъестественное послушаніе, чтобы Пророкъ всѣмъ вразумился. И вотъ онъ, пришедши въ городъ, прочиталъ приговоръ, какъ царскую грамоту о наказаніи, и вопіялъ такъ: *еще три дни. и Ниневія превратится* (Іон. 3, 4). Услышали это Ниневитяне, и не показали невѣрія и пренебреженія, но тотчасъ поспѣшили къ посту всѣ, мужи, жены, рабы, господа, начальники, подчиненные, дѣти, старцы; даже и безсловесныя не были изъяты отъ этого общественнаго подвига; всюду вретища, всюду пепелъ, всюду плачь и вопль. Ибо и самъ облеченный діадемою, сойдя съ царскаго престола, разостлалъ подъ собою вретище, посыпалъ пепелъ, и такимъ образомъ исхитилъ городъ изъ опасности. Открылось необычайное явленіе: порфира уступила вретищу! Въ самомъ дѣлѣ, для чего безсильна была порфира, то могло сдѣлать вретище; чего не сдѣлала діадема, то совершилъ пепелъ.

8. Видишь, не напрасно сказалъ я, что бояться надобно не поста, но пьянства и объядѣнія? Пьянство и объядѣніе поколебали и грозили ниспровергнуть городъ, когда онъ стоялъ; а постъ поддержалъ его и тогда, какъ онъ колебался и готовъ былъ упасть. Съ постомъ и

Даніилъ, войдя въ ровъ львиный, вышелъ оттуда такъ, какъ будто былъ тамъ съ кроткими овцами. Львы, хоть и кипѣли яростію, и смотрѣли убійствомъ, однакожь не коснулись лежавшей предъ ними трапезы [1]), но отказались отъ этой пищи, тогда какъ и сама природа возбуждала ихъ (потому что нѣтъ ничего лютѣе этихъ звѣрей), и голодъ (потому что они не ѣли семь дней), какъ нѣкій внутренній палачъ, понуждалъ ихъ растерзать пророческую утробу. Съ постомъ и три отрока, войдя въ вавилонскую печь, и долгое время пробывъ въ огнѣ, вышли изъ печи съ тѣлами свѣтлѣе самаго огня. Но если тотъ огонь былъ дѣйствительно огонь, какъ-же онъ не сдѣлалъ того, что свойственно огню? Если тѣла отроковъ были точно тѣла, какъ-же онѣ не потерпѣли того, что свойственно тѣламъ? Какъ? Спроси у поста, и онъ отвѣтитъ тебѣ, и самъ разрѣшитъ тебѣ загадку: это дѣйствительно была загадка. Природа тѣлъ боролась съ природою огня, и побѣда осталась за тѣлами! Видѣлъ ты чудную борьбу? Видѣлъ еще болѣе чудную побѣду? Подивись посту, и прими его съ распростертыми руками. Если онъ и помогаетъ въ печи, и сохраняетъ во рвѣ львиномъ, изгоняетъ и демоновъ, и измѣняетъ опредѣленіе Божіе, и укрощаетъ неистовство страстей, и производитъ великую тишину въ помыслахъ нашихъ,

---

[1]) І. е. брошеннаго въ ровъ пророка.

то не крайне-ли было-бы безумно убѣгать и бояться его, когда столько благъ въ рукахъ у него? Онъ, говорятъ, измождаетъ наше тѣло до немощи. Но чѣмъ болѣе *внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ*, тѣмъ болѣе *внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). А лучше сказать, если захочешь тщательно изслѣдовать дѣло, то найдешь, что постъ есть мать и здоровья тѣлеснаго. И если не вѣришь моимъ словамъ, спроси объ этомъ у врачей, и они яснѣе покажутъ это. Воздержаніе они называютъ матерію здоровья, а о болѣзняхъ въ ногахъ и о боляхъ головныхъ, объ апоплексіи, и о рвотѣ, и о водяной болѣзни, и о воспаленіяхъ и опухоляхъ, и о безчисленномъ множествѣ другихъ болѣзней говорятъ, что онѣ происходятъ отъ лакомства и пресыщенія, какъ отъ самаго нечистаго источника нечистые ручьи, пагубные и для здоровья тѣла, и для цѣломудрія души.

9. Итакъ не будемъ бояться поста, который избавляетъ насъ отъ столь великихъ золъ. Не безъ причины внушаю вамъ это, но потому, что вижу много такихъ людей, которые уклоняются и бѣгутъ прочь, какъ будто ихъ хотятъ отдать въ руки какой-либо суровой женѣ, а губятъ сегодня сами себя пьянствомъ и пресыщеніемъ. Поэтому совѣтую, не губите напередъ, объяденіемъ и пьянствомъ, ожидаемой отъ поста пользы. И люди съ растроеннымъ желудкомъ, когда предъ тѣмъ, какъ надобно имъ принять горькое

лекарство, наполнятъ себя излишнею пищею, и потомъ примутъ лекарство, то—горечь эту вытерпятъ, а пользы не получать, потому-что они затруднили дѣйствіе лекарства на испорченныя мокроты. Поэтому врачи и совѣтуютъ имъ ложиться спать не ужинавши, чтобы вся сила лекарствъ тотчасъ-же обратилась на излишнія мокроты, причиняющія болѣзнь. Такъ бываетъ и съ постомъ. Если ты сегодня предашься великому пьянству, а завтра примешь врачество поста, этимъ сдѣлаешь, что оно будетъ для тебя безполезно и безплодно, и ты, хоть понесешь трудъ, но не соберешь плодовъ поста, потому-что онъ всю свою силу употребитъ противъ вреда, только что причиненнаго пьянствомъ. Если-же ты приготовишь для него легкое тѣло и примешь лекарство съ трезвою мыслію, то можешь очистить много прежнихъ грѣховъ. Итакъ не будемъ — и вступая въ постъ упиваться, и послѣ поста опять предаваться пьянству, дабы не случилось того-же, что бываетъ, когда кто ударяетъ ногою больное тѣло только-что оправляющееся отъ болѣзни, и этимъ снова повергаетъ его въ болѣе тяжкую болѣзнь. Это бываетъ и съ нашею душею, когда мы въ обоихъ случаяхъ—и въ началѣ и въ концѣ поста, омрачаемъ облакомъ пьянства трезвость, полученную нами отъ воздержанія. Какъ готовящіеся сражаться съ дикими звѣрями сперва ограждаютъ главные члены свои многими оружіями

и щитами, и за тѣмъ уже вступаютъ въ борьбу съ звѣрями: такъ и теперь есть много людей, которые, готовясь сражаться съ постомъ, какъ-бы съ дикимъ звѣремъ, ограждаютъ себя объяденіемъ, и, до крайности обременивъ и омрачивъ себя, весьма неразумно встрѣчаютъ тихое и кроткое лице поста. И если спрошу тебя, для чего сегодня идешь въ баню? ты скажешь: чтобы съ чистымъ тѣломъ срѣтить постъ. А если спрошу, отъ чего упиваешься? Ты опять скажешь: отъ того, что готовлюсь вступить въ постъ. Но не странно-ли этотъ прекраснѣйшій праздникъ встрѣчать съ тѣломъ чистымъ, а съ душею не чистою и опьянѣвшею?

10. Можно-бы сказать и больше этого, но для здравомыслящихъ и этого довольно для исправленія. Итакъ надобно прекратить слово, потому-что хочу я послушать и голоса Отца. Мы, какъ малыя дѣти пастушескія, играемъ на легкой свирѣли, сидя подъ сѣнію этого святилища, какъ-бы подъ дубомъ или тополемъ: а онъ, какъ отличный какой музыкантъ, настроивъ золотую арфу, стройностію восхищаетъ всѣхъ слушателей, — такъ и онъ доставляетъ намъ великую пользу не стройностію звуковъ, но согласіемъ словъ и дѣлъ. Такихъ-то учителей и Христосъ ищетъ: *иже сотворитъ*, сказалъ Онъ, *и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. 5, 12). Таковъ и сей [1]); потому

[1]) т. е. епископъ Флавіанъ, въ присутствіи коего говорена была бесѣда.

онъ и великъ въ царствіи небесномъ. Да сподобимся же и мы, по молитвамъ его и всѣхъ сослужителей, получить царство небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

18 БЕСѢДА,

о покаяніи VI [1]).

1. Какъ пріятны для насъ волны этого духовнаго моря,—пріятнѣе и волнъ морскихъ! Ибо тѣ воздвигаются возмущеніемъ вѣтровъ, а этѣ желаніемъ слышать (поученіе); тѣ, воздымаясь, приводятъ кормчаго въ великій страхъ, а этѣ, появляясь, влагаютъ въ говорящаго великое дерзновеніе. Тѣ суть знакъ ярящагося моря, а этѣ признакъ души радостной; тѣ, ударяясь о камни, производятъ глухой шумъ, а этѣ, привражаясь къ слову ученія, издаютъ пріятный звукъ. Равнымъ образомъ и дуновеніе легкаго вѣтра, когда падаетъ на нивы и то̀ приклоняетъ къ землѣ,

[1]) Надписывается: «Бесѣда о постѣ, сказанная въ шестую недѣлю святыя четыредесятницы».

то̀ поднимаетъ вверхъ головки колосьевъ, — представляетъ на сушѣ подобіе морскихъ волнъ. Но и тѣхъ нивъ пріятнѣе эта нива [1]): потому что не дуновеніе вѣтерка, а благодать Св. Духа возбудила и согрѣла души ваши; и тотъ огонь, о коемъ нѣкогда сказалъ Христосъ: *огня пріидохъ воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. 12, 45),—этотъ огонь, вижу я, ввергнутъ и горитъ въ душахъ вашихъ. Поелику же страхъ Христовъ возжегъ для насъ столько лампадъ, то вольемъ въ нихъ елей ученія, дабы свѣтъ у насъ былъ продолжительнѣе. Вотъ уже время поста склоняется у насъ къ концу; дошедши до средины поприща, мы подошли уже къ концу (его): потому что, какъ тотъ, кто началъ, стоитъ на срединѣ, такъ тотъ, кто дошелъ до средины, касается конца.

2. Итакъ, время (поста) склоняется къ концу, и ладья смотритъ уже въ пристань; но дѣло не въ томъ, чтобы войти въ пристань, но чтобы ввести (въ нее) ладью не безъ прибыли. Прошу всѣхъ васъ и молю, пусть каждый въ своей совѣсти разсмотритъ (свою) торговлю постомъ, и если найдетъ, что прибытокъ великъ, пусть еще умножаетъ (его) торговлею; если-же (найдетъ, что) ничего не собрано, пусть употребитъ на эту торговлю остальное время. Пока стоитъ ярмарка, станемъ торговать для пріобрѣтенія большой прибыли, чтобы не уйти

[1]) Т. е собраніе слушателей.

(намъ) съ пустыми руками, чтобы, подъявши трудъ поста, не лишиться награды за постъ. Ибо можно и понести трудъ поста, и не получить награды за постъ. Какъ? Когда отъ пищи мы воздерживаемся, а отъ грѣховъ не удерживаемся; когда мяса не ѣдимъ, а поѣдаемъ домы бѣдныхъ; когда виномъ не упиваемся, а упиваемся злою похотію; когда весь день проводимъ безъ пищи, а весь же день бываемъ на безстыдныхъ зрѣлищахъ. Вотъ и трудъ поста, и никакой награды за постъ, когда ходимъ на зрѣлища беззаконія. Не къ вамъ (мое) слово: знаю, что вы чисты отъ вины, но опечаленные имѣютъ обычай изливать гнѣвъ на присутствующихъ, когда нѣтъ при нихъ виновниковъ (ихъ печали). Какая выгода постящимся ходить на зрѣлища беззаконія, посѣщать общее училище безстыдства, публичную школу невоздержанія, возсѣдать на сѣдалищѣ пагубы? Ибо не погрѣшитъ тотъ, кто сцену, это пагубнѣйшее мѣсто, полное всякаго рода болѣзней, эту вавилонскую печь, назоветъ и сѣдалищемъ пагубы, и школою распутства, и училищемъ невоздержанія, и всѣмъ, что ни есть постыднѣйшаго. Дѣйствительно, діаволъ, ввергнувъ городъ въ театръ, какъ бы въ какую печь, затѣмъ поджигаетъ снизу, подкладывая не хворостъ, какъ нѣкогда иноплеменникъ тотъ [1]), не нефть, не паклю, не смолу, а, что гораздо хуже этого, любодѣйные

---

[1]) т. е. Навуходоносоръ, царь вавилонскій.

взгляды, срамныя слова, развратныя стихотворенія и самыя негодныя пѣсни. Ту печь разожгли руки иноплеменническія, а эту разжигають помыслы, неразумнѣйшіе иноплеменниковъ. Эта печь хуже той, потому что и огонь (здѣсь) пагубнѣе: онъ не тѣла сожигаетъ, но разрушаетъ благосостояніе души; а еще хуже то, что горящіе (въ этомъ огнѣ) даже и не чувствують этого; ибо, если-бы чувствовали, то не производили бы громкаго смѣха при видѣ того, что происходитъ. А это-то и хуже всего, когда больной не знаетъ даже и того, что онъ боленъ, и горя жалкимъ и бѣдственнымъ образомъ, не чувствуетъ воспаленій. Какая польза въ постѣ, когда тѣло ты лишаешь дозволенной закономъ пищи, а душѣ даешь пищу противозаконную? когда цѣлые дни просиживаешь тамъ (въ театрѣ), смотря на посрамленіе и униженіе общей (человѣческой) природы, на женъ — блудницъ, на лицедѣевъ, которые, собирая все, что есть худаго въ каждомъ домѣ, представляютъ зрѣлища любодѣянія? Да, тамъ можно видѣть и блудодѣянія, и прелюбодѣянія, можно слышать и богохульныя рѣчи, такъ что болѣзнь проникаетъ въ душу и чрезъ глаза, и чрезъ слухъ; (тамъ лицедѣи) представляютъ чужія несчастія, отъ чего дано имъ и позорное имя.

3. Итакъ, какая прибыль отъ поста, когда душа питается всѣмъ этимъ? Какими глазами посмотришь ты на жену послѣ тѣхъ зрѣлищъ?

какъ взглянешь на сына, какъ—на слугу, какъ—на друга? Надобно или быть безстыднымъ, разсказывая о томъ, что бываетъ тамъ, или молчать, краснѣя отъ стыда. Но отсюда уходишь не такимъ; нѣтъ, ты можешь смѣло пересказывать дома все, что здѣсь говорится, — вѣщанія пророческія, ученія апостольскія, законы Господни, — можешь предлагать всю трапезу добродѣтели; а такимъ повѣствованіемъ жену ты сдѣлаешь болѣе цѣломудренною, сына болѣе разумнымъ, слугу болѣе преданнымъ, друга болѣе искреннимъ, да и самаго врага заставишь прекратить вражду. Видишь, какъ эти наставленія во всемъ спасительны, а тѣ представленія совершенно непотребны. Какая же польза въ постѣ, скажи мнѣ, когда тѣломъ ты постишься, а глазами любодѣйствуешь? Вѣдь любодѣяніе состоитъ не только въ соитіи или совокупленіи тѣлесномъ, но и въ безстыдномъ взглядѣ. Какая-же польза, когда ты бываешь здѣсь, и тамъ? Я учу, а тотъ развращаетъ; я прилагаю лекарство къ болѣзни, а тотъ усиливаетъ причину болѣзни; я погашаю пламя природы, а тотъ разжигаетъ пламя похоти. Какая же польза, скажи мнѣ? *Единъ созидаяй, а другій разоряяй, что успѣетъ болѣе, токмо трудъ* (Сир. 34, 23)? Итакъ будемъ проводить время, не здѣсь и тамъ, но только здѣсь, чтобы здѣсь проводить его съ пользою, чтобы не по-пусту, чтобы не напрасно и не въ осужденіе. *Единъ созидаяй, а другій разо-*

ряяй, что успѣетъ болѣе, токмо трудъ? Еслибъ даже и много было созидающихъ, а одинъ разоряющій, и тогда легкость разрушенія восторжествовала бы надъ множествомъ созидающихъ. По-истинѣ, великой стыдъ, что и юноши и старцы спѣшатъ къ такимъ занятіямъ. И пусть бы зло ограничивалось только стыдомъ, хотя и это для человѣка благороднаго не легко, напротивъ для благоразумнаго весьма важная потеря — и позоръ и стыдъ; но не въ стыдѣ только наказаніе, нѣтъ, за это угрожаетъ еще великая казнь и мученіе. Сидящіе тамъ (на зрѣлищахъ) всѣ, необходимо, уловляются грѣхомъ любодѣянія, не потому, чтобы совокуплялись съ находящимся тамъ женами, а потому, что смотрятъ на нихъ безстыдными глазами.

4. А что и они, необходимо, становятся виновными въ любодѣяніи, (въ доказательство этого) скажу вамъ не свое слово, чтобъ вы не пренебрегли (имъ), но прочитаю вамъ законъ Божій, которымъ уже нельзя пренебрегать. Что же говоритъ законъ Божій? *Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши: Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. 5, 27. 28). Видѣлъ ты совершеннаго прелюбодѣя? видѣлъ вполнѣ учиненный грѣхъ? и что еще хуже, — прелюбодѣя, уличеннаго въ любодѣяніи, не на человѣческомъ, но на Божественномъ судили-

щѣ, гдѣ наказанія нескончаемы? *Всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ.* (Спаситель) исторгаетъ не болѣзнь только, но и корень болѣзни. Корень любодѣянія безстыдная похоть, потому Онъ наказываетъ не только за любодѣяніе, но и за похоть, матерь любодѣянія. Такъ поступаютъ и врачи: они вооружаются не только противъ болѣзней, но и противъ самыхъ причинъ (ихъ); и если увидятъ, что больны глаза, останавливаютъ теченіе худыхъ мокротъ сверху, изъ висковъ. Такъ дѣлаетъ и Христосъ. Любодѣяніе есть тяжкая глазная болѣзнь, болѣзнь глазъ, не только тѣлесныхъ, но еще прежде душевныхъ; поэтому (Онъ) тамъ и остановилъ токъ безстыдства страхомъ закона; поэтому и опредѣлилъ наказаніе не только за любодѣяніе, но и за похоть. *Уже любодѣйствова съ нею, въ сердцѣ своемъ*: а когда растлѣно сердце, то что пользы въ остальномъ тѣлѣ? Когда въ растеніяхъ и деревьяхъ увидимъ сердцевину изъѣденною, мы уже ни во что ставимъ остальную часть: такъ и въ человѣкѣ, когда сердце погибло, тщетно уже здоровье остальнаго тѣла. Возница палъ, погибъ, низринутъ: такъ напрасно уже бѣгутъ кони.

5. Труденъ законъ и имѣетъ въ себѣ много тяжкаго; за то великій даетъ и вѣнецъ: ибо таковы дѣла трудныя, что доставляютъ великія награды. Но ты не обращай вниманія на трудъ,

а размышляй о воздаяніи; вѣдь такъ бываетъ и въ житейскихъ дѣлахъ. Если будешь имѣть въ виду трудность подвиговъ, дѣло покажется тяжелымъ и невыносимымъ: но если будешь смотрѣть на награду, оно будетъ легко и удобоносимо. Такъ и кормчій, еслибы смотрѣлъ только на волны, никогда бы не вывелъ ладьи изъ пристани; но смотря на прибытокъ, а не на волны, онъ отваживается пускаться и въ неизмѣримое море. Такъ и воинъ, если будетъ смотрѣть на раны и пораженія,—никогда не надѣнетъ брони; если-же будетъ смотрѣть не на раны, а на трофеи и побѣды, то устремится на сраженіе, какъ на лугъ. Такимъ образомъ и тяжкое по природѣ становится легкимъ, когда мы не о трудахъ только размышляемъ, но и смотримъ на награды за нихъ. Хочешь ли знать, какъ трудное по природѣ становится легкимъ? Послушай Павла, который говоритъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ* (2 Кор. 4, 17). Слова эти загадочны. Если *печали*, то какъ *легкое?* если *легкое*, какъ *печали?* одно съ другимъ несовмѣстно. Но (Павелъ) разрѣшилъ загадку, показавъ легкость (печали) слѣдующими за тѣмъ словами. Какими? *не смотряющимъ намъ видимыхъ*. Предложилъ вѣнецъ, и сдѣлалъ подвигъ легкимъ; показалъ награду, и облегчилъ труды. Такъ и ты, когда увидишь жену, красивую лицемъ и въ свѣтлой одеждѣ;

когда увидишь, что похоть подстрекаетъ (тебя), и что душа (твоя) ищетъ этого зрѣлища: воззри на уготованный тебѣ на небѣ вѣнецъ, и пройдешь мимо такого зрѣлища Ты увидѣлъ подобную тебѣ рабыню? Помысли о Владыкѣ, и, несомнѣнно, прекратишь недугъ. Если и дѣти, идя за учителемъ, не рѣзвятся, не смотрятъ по сторонамъ, не пугаются: тѣмъ болѣе ты не испытаешь ничего такого, видя при себѣ мысленно Христа.

6. *Всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ.* Съ удовольствіемъ и очень часто повторяю я слова сего закона; о, еслибы могъ я и цѣлый день говорить объ этомъ вамъ, или лучше, не вамъ, но виновнымъ въ грѣхахъ, а впрочемъ и вамъ; ибо и вы будете болѣе безопасны, а находящіеся въ болѣзни скорѣе выздоровѣютъ. *Иже воззритъ на жену ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ.* Одного чтенія этихъ словъ достаточно для очищенія всякой гнилости грѣха. Но будьте снизходительны: мы очищаемъ раны, а очищающему раны необходимо употреблять и острыя лекарства. Чѣмъ долѣе будете вы внимать (этимъ) словамъ, тѣмъ болѣе будетъ очищаться гной. Какъ огонь, чѣмъ сильнѣе объемлетъ золото, тѣмъ болѣе истребляетъ ржавчину; такъ и страхъ, внушаемый этими словами, чѣмъ глубже проникнетъ въ душу вашу, тѣмъ болѣе очи-

ститъ весь грѣхъ невоздержанія. Сожжемъ же его здѣсь словомъ ученія, чтобы не быть намъ въ необходимости сожечь его тамъ—огнемъ геенскимъ: этотъ огонь не коснется души, отшедшей отсюда чистою, но онъ обыметъ душу, отшедшую отсюда во грѣхахъ. *Когождо дѣло*, говоритъ Писаніе, *яковоже есть*, *огнь искуситъ* (1 Кор. 3, 13). Будемъ испытывать самихъ себя нынѣ безъ болѣзни, чтобы не быть испытанными тогда съ болѣзнію.

7. Что ни говори, скажешь, а законъ труденъ. Чтоже? Богъ повелѣваетъ намъ невозможное? Нѣтъ, говорю я; сомкни свои уста, не обвиняй Господа; это не оправданіе, а новый грѣхъ, худшій прежняго. А что у многихъ грѣшниковъ есть обычай взводить обвиненіе на Господа, — такъ послушай. Приступилъ получившій пять талантовъ и принесъ другіе пять; приступилъ получившій два таланта и принесъ другіе два; приступилъ получившій (одинъ) талантъ, и, какъ не могъ принести другаго таланта, то, вмѣсто таланта, принесъ обвиненіе. Какъ? *Видѣхъ тя*, говоритъ, *яко жестокъ еси человѣкъ*. О, безстыдный рабъ! не довольствуется грѣхомъ, но взноситъ еще обвиненіе на господина: *жнеши, идѣже не сѣялъ еси и собираеши*, *идѣже не расточилъ еси* (Мате. 25, 20—24). Такъ и въ настоящей жизни всѣ тѣ, которые не дѣлаютъ ничего добраго, усугубляютъ грѣхи свои обвиненіемъ Господа. Итакъ не обвиняй Господа: Онъ не за-

повѣдалъ невозможнаго. Хочешь знать, что Онъ не заповѣдалъ невозможнаго? Многіе дѣлаютъ даже больше заповѣданнаго, но они не сдѣлали бы этого при всемъ своемъ усердіи, если-бы заповѣданное было невозможно. Господь не заповѣдалъ дѣвства, а многіе хранятъ (оное); не заповѣдалъ нищеты, а многіе бросаютъ свое (имущество), свидѣтельствуя дѣлами, что заповѣди закона весьма легки: они не сдѣлали бы больше заповѣданнаго, если-бы заповѣданное не было легкимъ. Господь не заповѣдалъ дѣвства: ибо кто заповѣдуетъ дѣвство, тотъ подчиняетъ человѣка необходимости закона и противъ воли его: а кто только совѣтуетъ, тотъ оставляетъ слушателя господиномъ (своей) воли. Посему-то и Павелъ говоритъ: *о дѣвахъ же повелѣнія Господня не имамъ, совѣтъ же даю* (1 Кор. 7, 25). Видишь, не повелѣніе, но совѣтъ? видишь, не заповѣдь, а внушеніе? А тутъ большая разность: одно—дѣло необходимости, другое — дѣло произвола. Не повелѣваю, говоритъ, чтобы не обременить; убѣждаю и совѣтую, чтобы склонить. Такъ и Христосъ не сказалъ: всѣ пребывайте въ дѣвствѣ; ибо, еслибы Онъ повелѣлъ быть дѣвственниками всѣмъ, и эту заповѣдь сдѣлалъ закономъ, то и исполнившій (ее) не получилъ бы той великой чести, какую получаетъ теперь, и преступившій понесъ бы самое тяжкое наказаніе. Видишь, какъ Законодатель щадитъ насъ? какъ печется о нашемъ спасеніи? Развѣ Онъ

не могъ дать и эту заповѣдь и сказать: хранящіе дѣвство да прославятся, а не хранящіе да будутъ наказаны? Но (чрезъ это) Онъ обременилъ бы нашу природу, а Онъ щадитъ ее. Онъ поставилъ дѣвство внѣ поприща, поставилъ выше мѣста борьбы, чтобы и соблюдающіе (оное) обнаружили величіе своей души, и не соблюдающіе воспользовались снисхожденіемъ Владыки. Такъ не далъ Онъ заповѣди и о нищетѣ; ибо не просто сказалъ: продай имѣніе твое, но: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое* (Матѳ. 19, 21). Пусть (это) будетъ въ твоей волѣ; будь господиномъ (своего) намѣренія; не принуждаю, не обременяю; нѣтъ, исполняющаго я вѣнчаю, а не исполняющаго не наказываю. Что дѣлается по повелѣнію и долгу, то не заслуживаетъ великой награды; а что по произволенію и собственной ревности, то доставляетъ блистательные вѣнцы. И свидѣтелемъ этого представляю Павла: *аще благовѣствую*, говоритъ онъ, *нѣсть ми похвалы*. Почему? *нужда бо ми належитъ. Горе же мнѣ есть, аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16). Видишь, исполняющій предписанное закономъ не заслуживаетъ великой награды, потому что это необходимая обязанность; а не исполняющій подлежитъ наказанію и мученію. *Горе*, говоритъ, *мнѣ есть, аще не благовѣствую.* А въ разсужденіи прочаго, что (зависитъ) отъ произволенія, не такъ; но что? *кая убо ми есть мзда? да благовѣствуяй*

безъ мзды, положу благовѣстіе Христово, во еже не творити ми по области моей (ст. 18). Тамъ былъ законъ, поэтому (Павелъ) не заслуживалъ великой награды; а это было дѣломъ произволенія, потому онъ получилъ великую награду.

8. Все это сказано мною не безъ причины, но ради закона Божія, чтобы показать, что онъ не тяжекъ, не обременителенъ, не труденъ и не неисполнимъ. Теперь же докажемъ это и самыми словами Христа. *Иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ.* Зналъ это и Христосъ, что многіе будутъ обвинять законъ въ трудности: посему не предложилъ его просто и въ отдѣльности, но тутъ же припоминаетъ и древній законъ, чтобы чрезъ сравненіе показать и легкость (закона), и свое человѣколюбіе. А какъ,—послушайте. Не сказалъ просто: *иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (слушайте это со вниманіемъ); но прежде напомнилъ о древнемъ законѣ сими словами: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ.* Видѣлъ ты два закона, древній и новый, (одинъ), который далъ Моусей, и (другой), который вводитъ самъ Онъ? — Впрочемъ, и тотъ (Моусеевъ) Онъ же далъ, потому что и чрезъ Моусея Онъ говорилъ. А откуда

видно, что и тотъ законъ далъ Онъ же? Приведу свидѣтельство не изъ Іоанна и не изъ Апостоловъ; ибо у меня теперь состязаніе съ Іудеями; но изъ Пророковъ, которымъ они, кажется, вѣрятъ,—изъ нихъ докажу, что и древній, и новый (завѣтъ) имѣютъ одного Законодателя. Итакъ, что́ говоритъ Іеремія? *завѣщаю вамъ завѣтъ новъ* (Іер. 31, 31). Видишь и новаго (завѣта) имя въ ветхомъ? Видишь, что и это названіе извѣстно стало за столько лѣтъ? *Завѣщаю вамъ завѣтъ новъ.* Но откуда видно, что и ветхій завѣтъ Онъ же (Христосъ) далъ?—Сказавши: *завѣщаю вамъ завѣтъ новъ*, (Господь) присовокупилъ: *не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ* (ст. 32). Это такъ; но все еще мы не доказали своего предмета. Надобно выставить на видъ и объяснить все, что представляетъ случай къ спору, чтобы наше слово со всѣхъ сторонъ было чисто и чтобы безстыднымъ не осталось никакой отговорки. *Завѣщаю вамъ завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ.* Богъ постановилъ завѣтъ съ Ноемъ, когда былъ потопъ, желая избавить насъ отъ страха, чтобы мы, и при видѣ наводненія, и всегда, какъ видимъ дождь, не боялись, что и опять будетъ оная всеобщая гибель; поэтому, говоритъ, *завѣщаю завѣтъ съ тобою и со всякою плотію* (Быт. 9, 9). Постановилъ также съ Авраамомъ завѣтъ обрѣзанія; постановилъ и чрезъ Моусея завѣтъ, извѣстный всѣмъ. Іеремія ска-

залъ: *завѣщаю вамъ завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ.* Скажи, какимъ отцамъ? И Ной былъ отецъ, и Авраамъ былъ отецъ: какимъ-же, говоришь ты, отцамъ? — неопредѣленность лицъ производитъ темноту. Здѣсь будьте внимательными. *Не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ.* Дабы ты не сказалъ, что (Богъ) говоритъ о завѣтѣ съ Ноемъ,—дабы не сказалъ, что говоритъ о завѣтѣ съ Авраамомъ, — онъ вотъ какъ напомнилъ и о самомъ времени завѣтовъ. Сказавши: *завѣщаю вамъ завѣтъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ,* тутъ же указалъ и на время: *въ день, въ онь же емшу ми за руку ихъ, извести я отъ земли египетскія.* Видишь, какую ясность сообщило опредѣленіе времени? Теперь уже и Іудей не противорѣчитъ: вспомни время, и прими законодательство. *Въ день, въ оньже емшу ми за руку ихъ.* Но для чего Богъ говоритъ и объ образѣ исхода (іудеевъ изъ Египта)? *Емшу ми за руку ихъ, извести я изъ Египта.* Чтобы показать свою отеческую любовь, Онъ вывелъ ихъ, не какъ рабовъ, но взялъ, какъ отецъ дитя, и такъ освободилъ: не повелѣлъ, какъ рабу, позади себя идти, но, взялъ за правую руку, какъ сына благороднаго и свободнаго, и такъ вывелъ.

9. Видѣлъ ты, что у обоихъ завѣтовъ Законодатель одинъ? Итакъ, послику состязаніе мы уже кончили, вотъ докажу тебѣ это же и изъ новаго (завѣта), чтобы ты видѣлъ согласіе (обо-

нхъ) завѣтовъ. Видѣлъ ты пророчество посредствомъ словъ? познай и пророчество посредствомъ образовъ. Но какъ и это опять не ясно, что́ такое пророчество посредствомъ образа, и что́ такое пророчество посредствомъ слова: то и это вкратцѣ объясню. Пророчество посредствомъ образа есть пророчество посредствомъ событій, а другое пророчество есть пророчество посредствомъ словъ; ибо разумнѣйшихъ (Господь) убѣждалъ словами, а неразумныхъ вразумлялъ видѣніемъ событій. Такъ какъ имѣло произойти событіе великое, и Богъ имѣлъ принять на себя плоть; такъ какъ земля имѣла сдѣлаться небомъ и наше естество возвыситься до благородства Ангеловъ; такъ какъ проповѣдь о будущихъ благахъ превышала надежду и ожиданіе: то, чтобы новое и необычайное, явившись внезапно, не смутило тѣхъ, которые тогда будутъ оное видѣть и слышать, — (Богъ) заранѣе предъизобразилъ (все сіе) посредствомъ дѣлъ и словъ, и такимъ образомъ пріучалъ нашъ слухъ и зрѣніе и приготовлялъ будущее. А это и было то самое, о чемъ мы говорили, т. е. что означаетъ пророчество посредствомъ образа и что означаетъ пророчество посредствомъ слова: одно—посредствомъ событій, другое посредствомъ словъ. Скажу тебѣ пророчество и событіемъ и словомъ объ одномъ и томъ же: *яко овча на закленіе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его* (Иса. 53, 7). Это пророчество словомъ. А когда

Авраамъ приносилъ Исаака, то увидѣвъ овна, запутавшагося рогами, принесъ его въ жертву на самомъ дѣлѣ, и въ немъ, какъ въ образѣ, предвозвѣстилъ намъ спасительную страсть. Такъ хочешь, говорю я, докажу тебѣ дѣлами, что оба эти завѣта имѣютъ одного Законодателя? Видѣлъ овча въ (пророчествѣ посредствомъ) слова (Иса. 53, 7): познай (его) и въ событіи. *Глаголите ми, иже подъ закономъ хощете быти* (Гал. 4, 21). Хорошо (Апостолъ) сказалъ: *хощете быти;* ибо (они) не были; а еслибы были подъ закономъ, то не были бы подъ закономъ. Слова эти, можетъ быть, загадочны: (объяснимъ ихъ). Законъ внимательныхъ (къ нему) приводитъ ко Христу; а кто отвергаетъ учителя (Христа), тотъ не знаетъ и дѣтоводителя (закона, Гал. 3, 25). Потому, говоритъ, *глаголите ми, иже подъ закономъ хощете быти, закона ли не слушаете; писано бо есть, яко Авраамъ два сына имѣ, единаго отъ рабы, а другаго отъ свободныя, яже суть иносказаема* (Гал. 4, 22, 24). Видишь пророчество посредствомъ событія? ибо имѣть женъ — рабу и свободную, не слово, а событіе. Я показалъ тебѣ въ словахъ, что одинъ Законодатель обоихъ завѣтовъ: узнай (теперь) тоже самое и въ образахъ. Авраамъ имѣлъ двухъ женъ: это два завѣта и одинъ законодатель. Какъ тамъ овенъ и овенъ—одинъ въ словѣ, другой въ дѣлѣ, и между тѣмъ великое согласіе въ дѣлахъ и словахъ: такъ и здѣсь

два завѣта, и ихъ-то Іеремія предрекъ словомъ. а Авраамъ изобразилъ событіемъ, — тѣмъ, что имѣлъ двухъ женъ; ибо, какъ одинъ мужъ и двѣ жены, такъ одинъ Законодатель и два завѣта.

10. Во все это сказано и предложено (мною) (не должно вѣдь отступать отъ предмета) по поводу словъ: *иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ*. Такъ, но дѣло, для котораго все это мы предложили, въ томъ, *для чего* (Христосъ) читаетъ имъ (своимъ слушателямъ) древній законъ? ибо говоритъ имъ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши*. Зналъ Онъ, что заповѣдь та трудна, не сама по себѣ, но по нерадѣнію слушающихъ. Вѣдь многое и легкое само по себѣ становится неудобоисполнимымъ, когда мы нерадивы, равно какъ и трудное дѣлается легкимъ и удобоносимымъ, когда мы ревностны; потому что трудность, не въ природѣ вещей, но въ волѣ дѣлающихъ. А что это такъ, видно изъ слѣдующаго: медъ по своей природѣ сладокъ и весьма пріятенъ, но для больныхъ онъ и горекъ, и непріятенъ, однакожъ не по собственной природѣ, а по болѣзни тѣхъ. Такъ и законъ, если кажется труднымъ, то не по своей природѣ, но по нашему нерадѣнію. Не многаго стоитъ мнѣ труда доказать, что онъ легокъ для исполненія; ибо чтобы сдѣлать его труднымъ, для сего надлежало бы сказать иное. Теперь Онъ говоритъ: убѣгай взгляда на жену,

отложи невоздержаніе; а чтобы сдѣлаться ему труднымъ, для этого надлежало бы сказать наоборотъ: ближе знакомься съ женщинами, засматривайся на чужую красоту, и-затѣмъ побѣждай похоть. — Вотъ это было бы трудно; а что Онъ говоритъ: бѣги отъ печи, удались отъ огня, не приближайся къ пламени, чтобы быть тебѣ невредимымъ, — это весьма легко, потому что такая заповѣдь сообразна съ природою. *Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши.* Итакъ для чего (Христосъ) напоминаетъ намъ о древнемъ законѣ, намѣреваясь ввести другой? Дабы ты изъ сравненія (обоихъ законовъ) позналъ, что нѣтъ противорѣчія между тѣмъ и другимъ; ибо когда бываетъ сравненіе (двухъ предметовъ), то сужденіе (о нихъ) становится очевиднѣе. Такъ какъ нѣкоторые готовы были возразить, что (Христосъ), говоря это, вводитъ противный прежнему законъ; то вотъ, говоритъ Онъ, Я полагаю оба закона рядомъ; испытай и познай ихъ согласіе. Впрочемъ, дѣлаетъ Онъ (сіе), не для этого только, но и для того, чтобы показать, что (новый законъ) и легокъ, и благовременно вводится. Съ этою цѣлію говоритъ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши:* столько то времени вы упражнялись въ древнемъ законѣ! — Какъ учитель, обращаясь къ лѣнивому отроку, который хочетъ еще заниматься старыми уроками, и намѣреваясь повести его къ высшимъ

(познаніямъ), говоритъ: подумай, сколько времени употребилъ ты на это ученье: такъ и Христосъ, чтобы напомнить, что (слушатели) много времени упражнялись въ древнемъ законѣ и посвятили ему, и что пора уже перейти къ высшему закону, указалъ имъ на бывшее нѣкогда у отцевъ ихъ законодательство, говоря: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши.* То сказано было древнимъ: *Азъ же глаголю вамъ.* Если-бы Онъ говорилъ древнимъ, ты имѣлъ бы причину жаловаться, потому что тогда природа наша была менѣе совершенна; а когда природа (наша) пришла въ большую силу и сдѣлалась болѣе совершенною, тогда уже настало время и для ученія болѣе совершеннаго. Поэтому Христосъ, лишь только еще начинаетъ законодательство, (въ предотвращеніе того), чтобы кто нибудь, видя большую строгость любомудрія, не предался безпечности и нерадѣнію, говоритъ: *аще не преизбудетъ правда ваша, паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. 5, 20). Бо̀льшаго отъ меня требуешь труда? для чего? развѣ я не одинаковой природы съ тѣми (древними)? развѣ я не (такой-же) человѣкъ, какъ и они? Такъ, чтобы не сказали этого, зачѣмъ т. е. увеличилъ для насъ труды, зачѣмъ назначилъ бо̀льшіе подвиги, Господь напередъ отстранилъ это возраженіе, сказавъ о царствѣ небесномъ: бо̀льшія, говоритъ, предлагаю я и награды. Сказавъ о трудахъ, ска-

завъ о подвигахъ, сказавъ о большей строгости законодательства, Онъ напомнилъ о наградахъ. Не Палестину, говоритъ, даю вамъ, не землю, текущую млекомъ и медомъ; нѣтъ, предлагаю вамъ самое небо.

11. Впрочемъ, если мы имѣемъ преимущество (предъ древними), въ наградахъ за добродѣтели, то подлежимъ, въ случаѣ преступленія закона, бо́льшему и наказанію за грѣхи. Какъ жившіе до закона подверглись легчайшему наказанію, чѣмъ тѣ, кои жили во время закона: *елицы бо*, говоритъ, *безъ закона согрѣшиша, безъ закона и погибнутъ* (Римл. 2, 12), то есть, не будутъ имѣть обвинителемъ своимъ закона, но произнесу, говоритъ, приговоръ надъ ними чрезъ самую природу ихъ, *между собою помысломъ осуждающимъ, или отвѣщающимъ*: такъ и согрѣшающіе подъ благодатію потерпятъ тягчайшее наказаніе, чѣмъ тѣ, кои согрѣшили въ законѣ. Различіе между тѣми и другими Павелъ показалъ такъ: *отвергся кто закона Моисеева, безъ милосердія при двоихъ, или тріехъ свидѣтелехъ умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмнивъ, ею-же освятися, и Духа благодати укоривый?* (Евр. 10, 28, 29). Видишь, подъ благодатію наказаніе больше, такъ какъ и награды больше? Но какъ я напомнилъ вамъ о страшныхъ и духовныхъ тайнахъ, то убѣждаю васъ, и молю, и прошу, и желаю со всѣмъ усердіемъ, да при-

ступаете къ сей страшной трапезѣ, отложивъ всякій грѣхъ. *Миръ*, говоритъ Апостолъ, *имѣйте со всѣми и святыню, еяже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр, 12, 14). А кто недостоинъ видѣть Господа, тотъ недостоинъ и пріобщенія тѣла Господня. Поэтому Павелъ говоритъ: *да искушаетъ себе человѣкъ, и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да піетъ* (1 Кор. 11, 18). Не обнаружилъ раны, не выставилъ вины на всеобщій позоръ, не представилъ свидѣтелей преступленія: нѣтъ, внутри—въ совѣсти, въ отсутствіи всѣхъ, кромѣ всевидящаго Бога, твори судъ и изслѣдованіе своихъ грѣховъ, и, разбирая всю жизнь, веди грѣхи на судилище ума; исправь проступки, и потомъ уже съ чистою совѣстію приступай къ священной трапезѣ, и причащайся святой жертвы. Это имѣя въ умѣ, также помня сказанное нами о невоздержаніи и то, какое наказаніе угрожаетъ безстыдно смотрящимъ на лица женъ, а прежде и геенны имѣя предъ очами страхъ и любовь Божію, будемъ очищать себя во-всемъ и такимъ образомъ приступать къ священнымъ тайнамъ, да пріимемъ ихъ не въ судъ и осужденіе, но во-спасеніе и здравіе души, и въ непрестанную надежду на сіе спасеніе о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

19 БЕСѢДА,

НА КНИГУ БЫТІЯ I [1]).

1. Пріятна мореходцамъ весна, пріятна и земледѣльцамъ: но не такъ пріятна и мореходцамъ, и земледѣльцамъ весна, какъ пріятно желающимъ любомудрствовать время поста, — эта духовная весна душъ, истинное умиреніе помысловъ. Земледѣльцамъ пріятна весна потому, что они видятъ, что земля тогда украшается цвѣтами и вездѣ разстилается по ней, какъ пестрая одежда, зелень травъ. Мореходцамъ пріятна весна потому, что они могутъ безопасно плыть по хребтамъ морскимъ, — волны утихли, делфины смирно играютъ и часто прыгаютъ на самые бока корабля. А намъ пріятна весна поста потому, что она умиряетъ у насъ волненіе, не воды, но безумныхъ пожеланій, и воз-

---

[1]) Предлагаемыя здѣсь 8 краткихъ бесѣдъ или словъ на книгу Бытія произнесены св. Златоустомъ въ началѣ четыредесятницы 386 года, — вскорѣ по рукоположеніи его въ пресвитеры. Въ нихъ коснулся онъ только нѣкоторыхъ мѣстъ изъ первыхъ 3-хъ главъ книги Бытія. Въ послѣдствіи уже, спустя по крайней мѣрѣ два года, св. учитель изъяснилъ антіохійскому народу въ 67 пространныхъ бесѣдахъ всю книгу Бытія. См. Oper. S. Chrysost. edit. Montfauc. tom. IV. monit. ad Sermones octo in Genesim.

Первая изъ сихъ 8 бесѣдъ надписывается: «слово первое, сказанное въ началѣ четыредесятницы на слова: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1); также о постѣ и милостынѣ».

лагаетъ на насъ вѣнецъ, не изъ цвѣтовъ, но изъ даровъ духовныхъ: *вѣнецъ благодатей*, сказано, *пріимеши на твоемъ версѣ* (главѣ, Притч. 1, 9). Не такъ появленіе ласточки прогоняетъ зиму, какъ появленіе поста изгоняетъ изъ нашей души зиму страстей. Уже нѣтъ брани у души съ плотію, и раба не возстаетъ на госпожу, но вся эта война тѣла кончилась. Итакъ, когда у насъ великій миръ и тишина великая, вотъ, и мы повлечемъ ладью ученія, и будемъ изъ пристани въ пристань переводить кроткій слухъ вашъ. Вотъ отважимся на утонченнѣйшія размышленія, и будемъ любомудрствовать о небѣ и землѣ, и морѣ, и прочемъ составѣ природы: ибо объ этомъ читано было намъ сегодня.

2. А развѣ до васъ (касается) слово о природѣ? До васъ, возлюбленные. Если изъ величія и красоты тварей соразмѣрно познается Творецъ, то чѣмъ болѣе мы станемъ разсматривать величіе и красоту тварей, тѣмъ болѣе будемъ приближаться къ Творцу. Великое благо знать, что́ есть тварь, и что̀ Творецъ, что̀— созданіе, и что̀ Создатель. Если бы враги истины умѣли вѣрно различать эти предметы, то не смѣшивали бы всего, ставя верхнее внизу: не то, чтобы они сняли внизъ звѣзды и небо, и подняли вверхъ землю, но-что Царя небеснаго низвели съ царскаго престола и поставили наряду съ тварію, а тварь возвели на

мѣсто божества. Если бы Манихеи умѣли хорошо разсуждать о твари, то ее, созданную изъ ничего, тлѣнную, преходящую, измѣняемую, не почтили бы титломъ несозданной. Если бы язычники умѣли хорошо разсуждать о твари, то не уклонились бы отъ истины къ заблужденію, не поклонились и не послужили бы твари вмѣсто Создателя. Прекрасно небо, но создано для того, чтобы ты воздалъ поклоненіе Творцу. Свѣтло солнце, но (создано) для того, чтобы ты почтилъ Создателя. Если же ты останавливаешься на дивномъ величіи твари и красотѣ созданій, то свѣтъ для тебя сталъ тмою, а лучше сказать, свѣтъ превратилъ ты въ тму.

3. Видишь, какое благо знать ученіе о твари? Не пренебреги же этою выгодою, но слушай внимательно слова наши: мы будемъ говорить не только о небѣ, землѣ и морѣ, но и о нашемъ происхожденіи, также о томъ, отъ чего жизнь стала тягостною, откуда скорби и заботы. Объ этомъ и весьма многомъ другомъ Богъ составилъ въ свое оправданіе и послалъ къ намъ намъ эту книгу (Бытія). Да, Богъ не отказывается защищаться предъ людьми, но вопіетъ чрезъ пророка такъ: *пріидите и истяжимся, глаголетъ Господь* (Иса. 1, 18). И не только защищается и судится (съ людьми), но еще учитъ, какъ намъ избѣжать осужденія; ибо не просто сказалъ: *пріидите и истяжимся,* но на-

передъ научилъ, чтó должно намъ сказать ичто сдѣлать, потомъ повлекъ и въ судилище. Послушай же, что выше сказано у пророка. *Измыйтеся и чисти будите, отымите лукавства отъ душъ вашихъ; научитеся добро творити, судите сиру и оправдите вдовицу* (ст. 16 и 17). И за тѣмъ говоритъ: *пріидите и истяжимся, глаголетъ Господь.* Не хочу, говоритъ, взять васъ совершенно беззащитными, но снабдивъ васъ оправданіями, съ ними призываю къ отчету: ибо и судиться съ вами хочу не для того, чтобы осудить, но — чтобы пощадить васъ. Такъ говоритъ Господь (Богъ) и въ другомъ мѣстѣ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Иса. 43, 26). Есть у тебя жестокій и нещадный обвинитель, предупреди самъ занять мѣсто его, загради безстыдныя уста.

4. Такъ въ началѣ Богъ лично бесѣдовалъ съ людьми, сколько т. е. возможно людямъ услышать (Бога). Такъ онъ пришелъ къ Адаму; такъ обличилъ Каина; такъ говорилъ съ Ноемъ; такъ явился странникомъ Аврааму. Но, когда природа наша уклонилась къ злу, и какъ бы удалилась въ чужую дальнюю сторону, тогда уже Богъ посылаетъ къ намъ, какъ находящимся въ дальнемъ странствованіи, Писаніе, и какъ бы чрезъ какое письмо возобновляетъ съ нами старую дружбу. Это Писаніе послалъ Богъ, а принесъ Моисей. Что-же говоритъ Писаніе? — *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1,

1). Для чего (Писаніе) говоритъ намъ не объ Ангелахъ, не объ Архангелахъ? Ибо, если Творецъ познается изъ тварей (видимыхъ), то тѣмъ болѣе онъ открывается чрезъ тѣхъ (Ангеловъ). Прекрасно небо, но не такъ прекрасно, какъ Ангелъ; свѣтло солнце, но не такъ свѣтло, какъ Архангелъ. Почему же, оставя высшій путь, (Писаніе) ведетъ насъ низшимъ? Потому что говоритъ съ Іудеями, которые были не такъ разсудительны, прилѣплены къ чувственному, только что вышли изъ Египта, гдѣ люди почитали крокодиловъ, собакъ и обезьянъ; поэтому и невозможно было повести ихъ къ Создателю высшимъ путемъ. Точно, тотъ путь есть высшій, но за то болѣе труденъ и утесистъ, и слишкомъ высокъ для слабыхъ. Поэтому (Писаніе) ведетъ ихъ легчайшимъ путемъ, — чрезъ небо, и землю, и море, и всю видимую тварь. А что это настоящая причина, послушай, какъ пророкъ говоритъ съ Іудеями и о тѣхъ горнихъ силахъ, когда они нѣсколько возрасли. *Хвалите Господа*, говоритъ, *съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ; хвалите Его вси Ангели Его; хвалите Его вся силы Его; яко Той рече, и быша, Той повелѣ, и создашася* (Псал. 148, 1, 2, 5).

5. И чему дивиться, что таковъ способъ ученія въ ветхомъ Завѣтѣ, если и въ новомъ, когда настало время высшихъ уроковъ, Павелъ, говоря съ Аѳинянами, пошелъ этимъ-же путемъ, которымъ пошелъ Моисей, уча Іудеевъ? И онъ

(Павелъ) сталъ говорить имъ не объ Ангелахъ и Архангелахъ, но о небѣ, и землѣ, и морѣ; и вотъ какъ проповѣдывалъ: *Богъ, сотворивый міръ, и вся, яже въ немъ, сей небесе и земли Господь сый, не въ рукотворенныхъ храмѣхъ живетъ* (Дѣян. 17, 24). Но, когда онъ бесѣдовалъ съ Колоссянами, то повелъ ихъ уже не этимъ путемъ; напротивъ, предлагаетъ имъ высшую проповѣдь, говоря такъ: *яко Тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти: всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася* (Колос. 1, 16). Такъ и Іоаннъ, послику имѣлъ учениковъ болѣе совершенныхъ, упомянулъ вдругъ о всей твари. Не сказалъ: небо, и земля, и море, но: *вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть*, (Іоан. 1, 3), т. е. какъ видимое, такъ и невидимое. Какъ между учителями, одинъ учитель, взявши дитя отъ матери, учитъ его первымъ начаткамъ, а другой, взявши ученика отъ другаго учителя, ведетъ его къ высшимъ урокамъ: такъ было и съ Моисеемъ, и Павломъ, и Іоанномъ. Моисей, взявъ природу нашу, еще не знавшую ничего и только-что отнятую отъ молока, научилъ ее первымъ начаткамъ Богопознанія: а Павелъ и Іоаннъ, взявши людей отъ Моисея, какъ отъ учителя, возводятъ ихъ къ высшему ученію, вкратцѣ напоминая имъ о прежнемъ. Видѣлъ ты сродство обоихъ завѣтовъ? видѣлъ ихъ согласіе въ уче-

нія? слышалъ о сотвореніи чувственныхъ вещей въ ветхомъ (завѣтѣ), и о сотвореніи умныхъ (существъ) у Давида, который говоритъ: *Той рече и быша?* Такъ и въ новомъ, сказавши о невидимыхъ силахъ, (Апостолъ) сказалъ и о чувственной твари.

6. *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Слово это кратко и просто, но и одно оно можетъ разрушить всѣ твердыни противниковъ. Смотри же. Приходитъ Манихей, и говоритъ: вещество не сотворено. Скажу ему: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, и тотчасъ низложишь всю гордость его. Но онъ, скажешь, не вѣритъ слову Писанія? Такъ поэтому отринь его и устранись, какъ отъ безумнаго. Кто не вѣритъ слову Божію, но обвиняетъ истину во лжи; тотъ не ясное ли выставляетъ доказательство своего безумія, — невѣріе? Но какъ, скажешь, могло что либо произойти изъ ничего? А ты скажи мнѣ, какъ могло что либо произойти изъ чего нибудь? Вѣдь, что земля сотворена изъ ничего, этому я вѣрю, а ты въ томъ сомнѣваешься: но что человѣкъ созданъ изъ земли, въ этомъ мы оба согласны. Такъ объясни то, что оба мы признаемъ и что болѣе легко, — какъ плоть сотворена изъ земли. Изъ земли вѣдь бываетъ грязь, глина, горшокъ и черепица; а, чтобы изъ земли была плоть, этого никто не увидитъ никогда. Какъ же произошла плоть? Какъ образовались кости, какъ нервы,

какъ жилы, какъ артеріи, какъ плева, жиръ, мясо, кожа, ногти, волосы, и такое разнообразіе различныхъ существъ изъ одной матеріи — земли? Но ты не можешь объяснить этого. Такъ не странно ли, не зная болѣе яснаго и легкаго, изслѣдовать и стараться изъяснить болѣе трудное и сокровенное?

7. Хочешь, поведу тебя и къ другому, еще болѣе легкому, къ тому, что бываетъ каждодневно? Но и въ этомъ не дашь мнѣ отчета. Мы каждый день вкушаемъ хлѣбъ. Какъ же, объясни мнѣ, этотъ самый хлѣбъ превращается у насъ въ кровь, въ слизь, въ желчь и въ прочія влаги? Хлѣбъ вѣдь густъ и твердъ, а кровь мягка и текуча; тотъ бѣлъ, или имѣетъ цвѣтъ пшеницы, а эта (кровь) красна и черна. Если разсмотришь различія и другихъ качествъ, найдешь большую разность между хлѣбомъ и кровью. Какъ же это бываетъ, скажи мнѣ, дай отчетъ. Но ты не можешь. И, не будучи въ состояніи изъяснить ежедневное измѣненіе пищи, ты требуешь отъ меня отчета въ твореніи Божіемъ? Не крайне ли это безразсудно? — Если Богъ подобенъ намъ, требуй изъясненія дѣлъ (Его). Впрочемъ и въ этомъ случаѣ (нельзя требовать), потому что и о многихъ произведеніяхъ человѣческаго искуства мы не можемъ сказать, какъ онѣ бываютъ, на-примѣръ: какъ изъ металлической земли бываетъ золото, какъ песокъ превращается въ чистое стекло. Можно

указать множество и другихъ вещей, которыя дѣлаются человѣческимъ искуствомъ, но какъ, мы не знаемъ. Но пусть такъ, если Богъ подобенъ намъ, требуй отчета: если же Онъ безконечно отстоитъ отъ насъ и несравненно превышаетъ насъ, то не крайне ли безумно будетъ, признавая и премудрость, и силу Его безпредѣльною, божественною и непостижимою, требовать отъ Него отчета въ каждомъ дѣлѣ, какъ бы въ человѣческомъ какомъ искуствѣ? Но оставимъ умствованія, и станемъ опять на несокрушимый камень.

8. *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Стой на этомъ основаніи, чтобы кто не свелъ тебя въ смуту человѣческихъ умствованій: *помышленія смертныхъ боязлива и погрѣшительна умышленія наша* (Прем. 9, 14). Не оставляй-же твердаго, и не ввѣряй спасенія души своей слабому и не надежному, но *пребывай, въ нихже наученъ еси, и яже ввѣрена суть тебѣ* (2 Тим. 3, 14), и говори: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Манихей ли придетъ, Маркіонъ ли, одержимые ли недугомъ Валентина, другой ли кто, противопоставляй имъ это изреченіе; и если увидишь, что онъ смѣется, поплачь объ немъ, какъ о безумномъ. У нихъ (еретиковъ) цвѣтъ (лица) блѣдный, брови опущены, слова тихи: но бѣги приманки, и узнавай волка подъ кожею овцы. Возненавидь его особенно за то, что онъ по отношенію къ тебѣ, такому же, какъ онъ,

рабу, кажется тихимъ и кроткимъ, а въ отношеніи къ всеобщему нашему Владыкѣ злѣе бѣшеныхъ собакъ, — ведетъ непримиримую брань и непрерывную войну съ небомъ и противопоставляетъ Богу какую-то враждебную силу [1]). Бѣги яда нечестія, возненавидь гибельныя отравы, и тщательно храни полученное тобою отъ отцовъ наслѣдство,—вѣру и ученіе божественнаго Писанія.

9. *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Что это? сперва небо, потомъ землю? сперва кровлю, потомъ основаніе? Да, Онъ не подлежитъ закону естественной необходимости, не подчиненъ и порядку искуственному. И природы, и искуства, и всего существующаго, создательница и художница есть воля Божія. *Земля же бѣ невидима и неустроена* (Быт. 1, 2). Для чего Моисей небо представилъ вполнѣ оконченнымъ, а о землѣ говоритъ, что (Богъ) устроялъ ее постепенно? Для того, чтобы ты, познавъ силы Его въ лучшей стихіи, удостовѣрился, что Онъ могъ и землю, такъ же какъ небо, представить вполнѣ оконченною. Но онъ не такъ сдѣлалъ

---

[1]) Манихей или Манесъ говорилъ, что матерія вѣчна. Его книга начиналась, по свидѣтельству Епифанія стр. 630, такъ: «былъ Богъ и матерія, свѣтъ и мракъ». Маркіонъ допускалъ два начала, доброе и злое: Онъ говорилъ, по свидѣтельству Епифанія стр. 304, что добрый Богъ (доброе начало) не участвовалъ въ сотвореніи міра. Валентиніане все приписывали *Эонамъ*, или вторичнымъ началамъ, которыхъ въ *Плиромѣ* или первомъ началѣ, по мнѣнію Вал., было 30,—15 мужскихъ и 15 женскихъ.

для тебя и твоего спасенія. Какъ, скажешь, для меня и моего спасенія? — Земля есть всеобщая трапеза, и родина, и кормилица, и мать; всеобщій и городъ, и гробъ. И тѣла наши изъ нея, и пища для тѣлъ нашихъ изъ нея, и жительство и обитаніе (наше) на ней, и по смерти мы возвращаемся опять въ нее. Итакъ, чтобы неизбѣжность пользованія (землею) не заставила тебя удивляться ей свыше ея достоинства, и многочисленность благодѣяній (отъ земли) не увлекла къ нечестію, Богъ предварительно показываетъ ее тебѣ безобразною и не благоустроенною, дабы ты, увидѣвши ея несовершенство, подивился Тому, кто создалъ ее и вложилъ въ нее всю эту силу; дабы ты прославилъ Того, кто столько (вещей) устроилъ для нашего удобства. А Богъ прославляется, не только правыми догматами, но и добродѣтельною жизнію: *да просвѣтится*, сказано, *свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрая дѣла ваша, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мат. 5, 16).

10. Хотѣлъ я присовокупить еще слово о милостынѣ, но кажется мнѣ, излишне учить васъ словомъ, тогда какъ можетъ учить васъ дѣлами сидящій теперь здѣсь, общій нашъ отецъ и учитель [1]). Онъ какъ будто для того собственно и получилъ отъ предковъ отцовскій домъ, чтобы отдать его на услуженіе странникамъ; навсегда уступилъ его гонимымъ отвсюду за

[1]) Епископъ антіохійскій Флавіанъ.

истину; и принимаетъ ихъ и оказываетъ имъ всякія услуги, такъ что не знаю, его ли, или странниковъ (собственностію) называть домъ его, а лучше сказать, не потому ли и считать (домъ его) его домомъ, что онъ есть (домъ) странниковъ? И точно, имущество наше тогда особенно бываетъ нашимъ, когда мы постоянно издерживаемъ его не на самихъ себя, а на бѣдныхъ. Какъ же это? сейчасъ скажу. Если положишь деньги въ руку бѣднаго, то ни обманщикъ не нападаетъ, ни завистливый глазъ не засматривается (на нихъ), ни разбойникъ и тать, разломавъ стѣну, не похищаетъ ихъ, ни слуга не крадетъ и не убѣгаетъ, потому что кладовая та безопасна. Но если закопаешь золото дома, то оно у тебя въ опасности и отъ разбойника, и отъ стѣнокопателя, и отъ завистника, и отъ обманщика, и отъ слуги, и отъ всякаго вреда. Часто бывало, что оно, при множествѣ дверей и запоровъ, спасшись отъ внѣшнихъ нападеній, не спасалось отъ стражей; нѣтъ, сами стрегущіе похищали его, и убѣгали.

11. Видишь, что мы тогда-то болѣе и бываемъ владѣльцами своего имущества, когда раздаемъ его бѣднымъ? Впрочемъ, это мѣсто не только безопаснѣе для храненія (имущества), но и доставляетъ бóльшую пользу и прибытокъ. Ибо, если дашь въ-займы человѣку, то получишь сотую часть (прибыли): но, если чрезъ бѣдныхъ дашь въ-займы Богу, то получишь не

сотую часть, но сто частей. Если ты сѣешь на плодородной землѣ, то и тогда, какъ она принесетъ обильную жатву, получишь сѣмянъ во сто кратъ (противъ посѣяннаго): но если посѣешь на небѣ, то, кромѣ стократной прибыли, получишь еще жизнь вѣчную, нестарѣющую и безсмертную. Притомъ, здѣсь для сѣющихъ сѣмена много труда: но тамъ посѣянное произрастаетъ безъ плуга, безъ воловъ, безъ землепашцевъ и безъ всякаго безпокойства, и сѣющимъ тамъ не нужно никогда бояться ни засухи, ни чрезмѣрнаго дождя, ни червя, ни граду, ни стада саранчи, ни другаго чего-либо. Итакъ, когда нѣтъ ни труда, ни опасности, ни страха, ни убытка, напротивъ, плодъ бываетъ гораздо болѣе посѣяннаго, и произрастаетъ столько благъ, *ихже око не видѣ; и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9): не крайнюю ли будетъ означать безпечность, оставивъ бо́льшее, гнаться за меньшимъ, бросивъ вѣрное, устремиться за невѣрнымъ, весьма опаснымъ и гибельнымъ? Какое извиненіе, какое прощеніе будетъ намъ, если это дѣлаемъ? Ссылаемся, конечно, на бѣдность: но мы не бѣднѣе той вдовицы, которая имѣла только двѣ лепты, и тѣ положила (въ церковную сокровищницу, (Лук. 21, 2). Поревнуемъ же богатству ея, поревнуемъ щедрости ея расположенія, чтобы получить намъ и уготованныя ей блага, коихъ да удостоимся всѣ мы, по благодати и

человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

20 БЕСѢДА,

на книгу бытія II [1]).

1. Помните ли вопросы, недавно предложенные вамъ? Да, вы подняли насъ до такой смѣлости и отваги, что мы уже отважились и на вопросы. Впрочемъ, это дѣло не смѣлости и не отваги. Не на свою понадѣявшись силу, но во всемъ ввѣрившись молитвамъ предстоятелей и вашимъ, мы вышли на это поприще. А молитва Церкви такъ сильна, что, если бы мы были безгласнѣе даже камней, она сдѣлаетъ языкъ нашъ легче всякаго пера. Какъ зефиръ, подувши на корабельные паруса, уноситъ судно впередъ быстрѣе стрѣлы: такъ и молитва Церкви, упавъ на языкъ говорящаго, увлекаетъ слова впередъ сильнѣе зефира. Потому и мы

---

[1]) Надписывается: «Почему о солнцѣ, и лунѣ, и небѣ, и другихъ тваряхъ (Богъ) сказалъ: *да будетъ*, а о человѣкѣ: *сотворимъ*; и что значитъ: *по образу*?

смѣло выходимъ (на поприще слова) каждый день. Если на мірскихъ бояхъ иной, имѣя только десять, или двадцать друзей въ такой толпѣ народа, бодро сходитъ на мѣсто борьбы: тѣмъ болѣе мы сдѣлаемъ это смѣло, когда у насъ не десять и не двадцать только (друзей), но все собраніе состоитъ изъ братьевъ и отцовъ. Притомъ, на мірскихъ бояхъ борецъ не великую получитъ выгоду отъ зрителя, развѣ только ту, что этотъ закричитъ и похвалитъ дѣла его, и поспоритъ съ противниками, сидя вверху; а сойти на мѣсто борьбы, подать руку (борцу), и потянуть за ногу противника,—это зрителямъ не позволено. Распорядители этихъ боевъ, воткнувши острые колья, и обведши кругомъ веревки, удерживаютъ стремительность зрителей. И чему дивиться, что зрителю не позволяется сойти, когда они (распорядители) даже учителя (борцовъ) сажаютъ внѣ, подлѣ арены [1]) и велятъ подавать борющимся помощь наставленіемъ издали, а близко подходить не позволяютъ? Но здѣсь не такъ: напротивъ, можно и учителю, и зрителю сойти къ намъ, стать вблизи расположеніемъ (сердечнымъ), и придать намъ силы молитвами. Такъ вступимъ же въ борьбу подобно тѣмъ самымъ борцамъ. Они, какъ, перевязавши себя поперегъ, силою перевязей отбросятся, по тѣснотѣ мѣста, къ стоящему около (арены) народу; то, развязавъ не-

---

[1]) площадь, усыпанная пескомъ для игрищъ или боевъ.

ревязи, опять возвращаются на мѣсто борьбы; возвратившись же, не прямо опять схватываются, но поставивъ себя въ томъ размѣрѣ перевязей, въ которомъ и разошлись. Такъ и мы, поелику тѣснота мѣста принудила насъ прервать слово [1]), теперь, возвратившись на мѣсто борьбы, снимемъ перевязи съ того, что сегодня прочитано намъ.

2. *И рече*, сказано, *Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26). Здѣсь, во первыхъ, заслуживаетъ разсмотрѣнія вотъ что: почему, когда созидаемо было небо, не сказано: *сотворимъ*, но—*да будетъ небо*, *да будетъ свѣтъ*, и такъ о каждой части творенія; а только здѣсь прибавлено: *сотворимъ*, — совѣщаніе, и разсужденіе, и сообщеніе съ кѣмъ-то равнымъ по достоинству? Кто это имѣетъ быть сотворенъ, что удостоивается такой почести? Это человѣкъ, животное великое, и дивное, и для Бога драгоцѣннѣйшее всей твари,—для котораго небо, и земля, и море, и весь прочій составъ природы; человѣкъ, спасеніемъ котораго Богъ подорожилъ такъ, что не пожалѣлъ для него и Единороднаго; ибо Онъ до тѣхъ поръ не пересталъ все дѣлать и приводить въ движеніе, пока не возвелъ его (на небо) и не посадилъ одесную Себя. И вотъ Павелъ взываетъ: *совоскреси и спосади* насъ одесную Себе *на небесныхъ о Христѣ Іисусѣ* (Еф. 2, 6). Вотъ, по-

[1]) т. е. предъидущую бесѣду.

чему совѣщаніе, и разсужденіе, и сообщеніе,— не потому, чтобы Богъ имѣлъ нужду въ совѣтѣ, нѣтъ; но чтобы самымъ образомъ рѣчи показать намъ превосходство созидаемаго (человѣка). Какъ же, скажешь, если человѣкъ превосходнѣе всего міра (видимаго), то почему онъ созидается послѣ этого міра? По этому самому, что онъ превосходнѣе міра. Когда царь готовится идти въ какой-либо городъ, то предваряютъ его военачальники, и градоначальники, и оруженосцы, и всѣ служители, чтобы, приготовивъ приличное для царя помѣщеніе и всѣ другія удобства, принять царя съ великою почестію. Такъ и здѣсь: имѣлъ явиться какъ бы царь (человѣкъ), и вотъ, предварило солнце, предтекло небо, предвошелъ свѣтъ, сдѣлано и приготовлено все, и тогда-то уже вводится, съ великою почестію, человѣкъ.

3. *Сотворимъ человѣка по образу.* Слушай, Іудей. Кому Богъ говоритъ: *сотворимъ?* Моvсей написалъ это, Моvсей, которому (Іудеи) вѣрятъ, какъ они говорятъ лживо. А что они лгутъ и не вѣрятъ, послушай, какъ Христосъ обличаетъ ихъ въ этомъ, и говоритъ: *Аще бысте вѣровали Моисеови, вѣровали бысте убо и Мнѣ* (Іоан. 5, 46). Но вотъ книги-то (священныя) у нихъ, а сокровище этихъ книгъ у насъ; письмена-то у нихъ: а письмена и вмѣстѣ мысли у насъ. Кому же, скажи, Богъ говоритъ: *сотворимъ человѣка?* Просто говоритъ Онъ, скажешь, Ангелу или Архангелу. Какъ, то есть, негодные слуги, когда

господа выговариваютъ имъ, а они не могутъ отвѣчать правды, говорятъ все, что ни прилось; такъ-то и вы говорите: Ангелу и Архангелу Богъ сказалъ это. Какому Ангелу? какому Архангелу? Не ангельское дѣло творить, и не архангельское—дѣлать это. Почему Богъ, когда творилъ небо, не сказалъ этого Ангелу и Архангелу, но сотворилъ Самъ одинъ, а когда созидалъ превосходнѣйшее неба и всего міра животное, человѣка, тогда беретъ рабовъ въ соучастники творенія? Нѣтъ, это не такъ! Ангельское дѣло предстоять, а не творить: архангельское служить, а не участвовать въ опредѣленіи и совѣтѣ (Божіемъ). Послушай, что Исаія говоритъ о Серафимскихъ силахъ, которыя выше Архангеловъ. *Видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и Серафими стояху окрестъ его, шесть крилъ единому, и шесть крилъ другому*: *и двѣма убо* крилами *покрываху лица своя* (Иса. 6, 1. 2). То есть, они закрывали свои лица, потому что не могли вынести блеска, выходящаго отъ престола. Что скажешь? Серафимы предстоятъ и находятся въ такомъ удивленіи и изумленіи, и это тогда, какъ видятъ снисхожденіе Божіе: а Ангелы участвуютъ съ Богомъ въ совѣщаніи и разсужденіи? Но это не сообразно.

4. Кто же это, кому Богъ говоритъ: *сотворимъ человѣка?* Это—*чуденъ Совѣтникъ, Властелинъ, Богъ крѣпкій, Князь мира, Отецъ будущаго вѣка* (Иса. 9, 6), самъ Единородный Сынъ Бо-

жій. Такъ къ Нему Богъ говоритъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію.* Не сказалъ: по моему и твоему, или по моему и вашему, но: *по образу нашему,* показывая, что образъ одинъ и подобіе одно. А у Бога и Ангеловъ образъ не одинъ и подобіе не одно. Ибо какъ можетъ быть одинъ образъ и одно подобіе у Господа и у служителей? Такимъ образомъ все обличаетъ, что слова ваши (Іудеевъ) лживы: потому что (Богъ) указалъ здѣсь на образъ, состоящій въ господствѣ, какъ видно и изъ последующаго. Ибо сказавъ: *по образу и по подобію,* Богъ присовокупилъ: *и да обладаетъ рыбами морскими* (Быт. 1, 26). А господство не можетъ быть одно у Бога и у Ангеловъ. Ибо какъ оно можетъ быть одно у рабовъ и у Господа, и у служителей, и у Повелителя?

5. Но вотъ на насъ востаютъ еще и другіе, которые говорятъ, что у Бога такой же образъ, какой и у насъ. Худо же понимаютъ они слова (Писанія)! Богъ сказалъ не о образѣ существа, но о образѣ господства, что и докажемъ изъ последующаго. Въ самомъ дѣлѣ, что Божество не человѣкообразно, послушай, какъ объ этомъ говоритъ Павелъ: *мужъ не долженъ есть покрывати главу, образъ и слава Божія сый: жена же слава мужа есть: сего ради должна есть покровъ имѣти на главѣ* (1 Кор. 11, 7, 10). Если бы здѣсь (Апостолъ) образомъ назвалъ это, указывая на совершенное сходство вида (μορφῆς) Божія (съ че-

ловѣческимъ), и (давая знать, что) человѣкъ потому называется образомъ Божіимъ, что Богъ имѣетъ такой видъ (какой у человѣка): то, согласно съ ними (возражающими) надлежало бы называть образомъ (Божіимъ) не только мужа, но и жену; потому что и у жены, и у мужа одинъ образъ (τύπος) и видъ (χαρακτήρ), и одно подобіе (ὁμοίωσις). Такъ почему мужъ называется (у Апостола) образомъ Божіимъ, а жена нѣтъ? потому что (Апостолъ) говоритъ не объ образѣ, заключающемся въ видѣ (τὴν ἐν τῇ μορφῇ), но объ образѣ по господству (τὴν κατὰ τὴν ἀρχήν), который имѣетъ одинъ мужъ, а жена нѣтъ. Ибо тотъ никому не подчиненъ, а эта подчинена тому, какъ сказалъ Богъ: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. 3, 15). Мужъ образъ Бога потому, что никого не имѣетъ надъ собою, какъ нѣтъ никого и выше Бога, но надъ всѣмъ Онъ господствуетъ: а жена слава мужа потому, что подчинена мужу. И опять въ другомъ мѣстѣ (Апостолъ) говоритъ: *не должни есмы непщевати подобно быти Божество злату, или сребру, или каменю художнѣ начертану, и смышленію человѣчу* (Дѣян. 17, 29). Смыслъ словъ такой: не только видимые образы не похожи на Божество, но даже и умъ не можетъ выразить себѣ то, каковъ Богъ. Какъ же Богъ можетъ имѣть образъ человѣка, когда Павелъ говоритъ, что даже никакой умъ не въ состояніи вообразить себѣ су-

щества Божія? Нашъ видъ и образъ всѣ мы легко можемъ вообразить себѣ въ мысляхъ.

6. Хотѣлъ я и сегодня опять поговорить о милостынѣ, но время намъ не позволило: потому прекратимъ слово, и только посовѣтуемъ вамъ — вѣрно хранить (въ памяти) все сказанное и усердно заботиться о доброй жизни, чтобы намъ не напрасно и не безъ пользы собираться здѣсь. Если и соблюдемъ мы православіе догматовъ, но, когда при томъ не будетъ у насъ добрыхъ дѣлъ, то, конечно, лишимся вѣчной жизни. *Не всякъ*, сказано, *глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. 7, 21). Итакъ будемъ творить волю Божію со всѣмъ усердіемъ и ревностію, чтобы войти намъ на небеса и получить уготованныя любящимъ Бога блага, которыхъ всѣ мы да достигнемъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

21 БЕСѢДА,

НА КНИГУ БЫТІЯ III [1]).

1. Какъ для сѣющихъ никакой не бываетъ пользы, когда сѣмена бросаются по дорогѣ; такъ и у говорящаго не будетъ никакого успѣха, когда слово не доходитъ до ума слушателей, но, разлившись напрасно по воздуху, звукъ голоса оставляетъ служителя безъ всякой пользы. Это я сказалъ вамъ не безъ причины, а для того, чтобы вы не жаждали только простѣйшихъ мыслей, но отважились бы и на болѣе глубокія. Если мы не низойдемъ въ глубь Писанія теперь [2]), когда и члены у насъ легки для плаванія, и взоръ острѣе, потому что уже не возмущается негодною влагою (мірскихъ) увеселеній, и духа болѣе на то, чтобы не задохнуться: то когда же и низойдемъ? Тогда ли, когда будетъ веселье и пированье, пьянство и пресыщеніе? Но тогда не легко и двинуться, — такъ давитъ душу тяжкое бремя веселья! Не видите ли, что и желающіе находить дорогіе камни находятъ искомое, не сидя на берегу и считая

---

[1]) Надписывается: «что значитъ: по подобію, и отъ чего, когда Богъ сказалъ, чтобы мы обладали звѣрями, не обладаемъ: и о томъ, что это есть дѣло великой попечительности Божіей».
[2]) Т. е. во время поста.

волны, но спускаются въ самую глубь, хотя и въ исканіи этомъ много труда, и при нахожденіи много опасностей, и по нахожденіи никакой выгоды? Въ самомъ дѣлѣ, какую важную выгоду можетъ доставить нашей жизни нахожденіе дорогихъ камней? О если бы оно только не принесло великихъ бѣдствій! Вѣдь, не другое что испровергаетъ жизнь нашу и все ставитъ вверхъ дномъ, какъ безумная страсть къ деньгамъ. И однакожъ эти люди, изъ-за насущнаго хлѣба, подвергаютъ опасности и душу и тѣло, и смѣло бросаются въ волны. Но здѣсь нѣтъ опасности, нѣтъ столь напряженнаго труда, напротивъ небольшой и легкій (трудъ), и тотъ — для сохраненія въ цѣлости находимаго; такъ какъ легко находимое для многихъ кажется и маловажнымъ. Въ морѣ Писанія нѣтъ смятенія волнъ, напротивъ, это море спокойнѣе всякой пристани; нѣтъ нужды спускаться въ мрачныя нѣдра бездны, ни ввѣрять спасеніе тѣла стремленію неразумныхъ водъ; напротивъ, здѣсь великій свѣтъ, который ярче самыхъ лучей (солнечныхъ); и тишина великая, тревоги никакой, а польза отъ находимаго такова, что невозможно и выразить словомъ. Не полѣнимся же, но примемся искать.

2. Слышали вы, что Богъ создалъ человѣка по образу Божію. Сказали мы и то, что значитъ выраженіе: *по образу и подобію*, т, е., что (по образу) означаетъ не тождество сущности, но

сходство въ обладаніи; а (по подобію) значитъ быть кроткимъ и тихимъ, и по возможности уподобляться Богу въ добродѣтели, какъ говоритъ Христосъ: *будите* подобни *Отцу* моему *небесному* (Матѳ. 5, 48). Какъ на этой обширной и пространной землѣ однѣ животныя болѣе неразумны, а другія болѣе свирѣпы: такъ и на широтѣ нашей души одни помыслы болѣе неразумны и скотоподобны, а другіе болѣе звѣрски и дики. Итакъ надобно побѣждать и одолѣвать ихъ, и власть надъ ними отдавать уму. А какъ можно, скажешь, одолѣть звѣрскій помыслъ? Что говоришь, человѣкъ? Мы одолѣваемъ львовъ и укрощаемъ ихъ души, и — ты сомнѣваешься, можно ли будетъ тебѣ звѣрскость помысла перемѣнить на кротость? Между тѣмъ, у льва свирѣпость естественна, а кротость неестественна: у тебя, напротивъ, тихость естественна, а звѣрскость неестественна. Такъ, ты ли, изгоняющій изъ души звѣря естественное и влагающій въ нее неестественное, не будешь въ силахъ сохранить въ собственной своей душѣ естественное? Какая же это безпечность? По отношенію къ душѣ львовъ, кромѣ этой, есть еще и другая трудность: душа звѣря не имѣетъ разсудка. И однакожъ вы часто видали, что львы смирнѣе овецъ ходятъ по рынку и многіе владѣльцы лавокъ даютъ вожатому деньги, въ награду за то искуство и умѣнье, которымъ онъ укротилъ звѣря. Но въ твоей душѣ и разсудокъ, и страхъ

Божій, и множество пособій (дается ей) со всѣхъ сторонъ. Не представляй же мнѣ предлоговъ и извиненій. Возможно тебѣ, если захочешь, быть кроткимъ и тихимъ.

3. *Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію, и да обладаетъ звѣрми* (Быт. 1, 26). Здѣсь востаютъ на насъ Еллины и говорятъ, что слова эти невѣрны: не мы обладаемъ звѣрями; они обладаютъ нами и внушаютъ намъ великій страхъ. Это-то въ особенности неправда, потому что и одинъ видъ человѣка можетъ звѣря обратить въ бѣгство: такой у нихъ страхъ къ намъ! Но если звѣри иногда и нападаютъ на насъ для своего спасенія, когда т. е. или голодъ нудитъ ихъ, или мы сами, что бываетъ нерѣдко, тѣснимъ ихъ и доводимъ до крайности: такъ это не можетъ означать полнаго владычества (звѣрей надъ людьми). Вѣдь, если кто изъ насъ, видя нападающихъ разбойниковъ, возьметъ оружіе и выступитъ противъ нихъ для своей защиты,—это знакъ не власти, но заботливости о своемъ спасеніи. Впрочемъ, не этимъ (доказательствомъ) я защищаю (слово Божіе о господствѣ человѣка надъ звѣрями), но другимъ, о которомъ полезно и вамъ услышать.

4. Мы боимся и страшимся звѣрей, мы потеряли власть надъ ними, — не спорю; утверждаю это и самъ: однакожъ это не обличаетъ закона Божія во лжи. Въ началѣ было не такъ, но звѣри боялись, и трепетали, и склонялись

предъ человѣкомъ, какъ предъ господиномъ: а какъ потеряли мы дерзновеніе и честь, то сами стали бояться ихъ (звѣрей). Откуда это видно? *Приведе Богъ звѣри ко Адаму, видѣти, что̀ наречетъ я* (Быт. 2, 19), и Адамъ не отскочилъ, какъ испугавшійся, но далъ имена всѣмъ имъ, какъ подчиненнымъ ему рабамъ. А это признакъ господства. Потому Богъ и поручилъ Адаму дать имена (звѣрямъ), и какія онъ далъ имъ имена, тѣ съ тѣхъ поръ и оставилъ за ними, чтобы и этимъ показать достоинство власти его. *Всяко, еже аще нарече Адамъ, сіе имя ему*, сказано (тамъ-же). Это первое доказательство того, что въ началѣ звѣри не страшны были человѣку.

5. Второе доказательство, которое яснѣе и перваго, это разговоръ змія съ женою. Еслибы звѣри были страшны людямъ, то жена, увидя змія, не остановилась бы, но убѣжала бы; не приняла бы совѣта, не разговаривала бы съ нимъ такъ смѣло, но, лишь бы только увидѣла, тотчасъ испугалась и отскочила бы. Но вотъ она разговариваетъ, а не пугается, потому что еще не было этого страха. А какъ вошелъ грѣхъ, то отнята и честь; и какъ между слугами, исправные страшны для товарищей, а дурные боятся и сослужителей: такъ случилось и съ человѣкомъ. Пока онъ имѣлъ дерзновеніе къ Богу, до тѣхъ поръ страшенъ былъ звѣрямъ: а какъ согрѣшилъ, то сталъ уже бояться и послѣднихъ изъ сорабовъ своихъ. Если-же это не такъ, то

докажи мнѣ, что до грѣха звѣри были страшны людямъ: но (доказать этого) не можешь. Впрочемъ, если въ послѣдствіи и вошелъ страхъ, такъ и это — дѣло попечительности Господа. Если-бы данная Богомъ человѣку честь вполнѣ осталась при немъ и послѣ нарушенія и преступленія данной ему Богомъ заповѣди, ему не легко было бы возстать. Ибо, когда и не покорные (закону) люди пользуются честію на-равнѣ съ покорными, то они больше предаются разврату, и не легко отстаютъ отъ грѣха. Если они не хотятъ вразумиться и теперь, когда грозятъ имъ страхи, и мученія, и наказанія: то что̀ были бы они, еслибы не терпѣли никакого зла за свои преступленія?—Отсюда видно, что Богъ лишилъ насъ власти (надъ звѣрями) по своей объ насъ заботливости и попечительности.

6. Но вотъ и здѣсь еще усматривай Его неизрѣченное человѣколюбіе. Адамъ совершенно нарушилъ заповѣдь и преступилъ законъ: но Богъ не вовсе отнялъ у него честь, не всей власти лишилъ его. Нѣтъ, Онъ оставилъ не подъ властію (человѣка) тѣ только животныя, которыя не такъ много служатъ ему на пользу житейскую; а необходимыя, полезныя и доставляющія намъ въ жизни много пособій,—эти животныя (Богъ) оставилъ въ подчиненіи намъ. Оставилъ стада воловъ, чтобы мы влачили плугъ, чтобы разсѣкали землю, чтобы сѣяли сѣмена. Оставилъ (разныя) породы подъяремныхъ жи-

вотныхъ, чтобы онѣ помогали намъ въ трудахъ при перевозкѣ тяжестей. Оставилъ стада овецъ, чтобы мы имѣли довольно запаса для приготовленія одеждъ. Оставилъ еще и другія породы животныхъ, которыя доставляютъ намъ великую пользу въ жизни. Когда Богъ, въ наказаніе человѣку, сказалъ: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19), то, чтобы этотъ потъ и трудъ не былъ невыносимъ, облегчилъ тяжесть и обременительность труда множествомъ безсловесныхъ, которыя участвуютъ съ нами въ этомъ трудѣ и бремени. Какъ человѣколюбивый и попечительный господинъ, наказавъ слугу своего розгами, прилагаетъ къ ранамъ его какое нибудь лекарство: такъ и Богъ, наложивъ (на человѣка) наказаніе, всячески хочетъ облегчить это наказаніе. Осудилъ Онъ насъ на всегдашній потъ и трудъ, но и повелѣлъ многимъ породамъ безсловеснымъ участвовать съ нами въ трудѣ.

7. За все это возблагодаримъ Его: ибо и то, что Онъ далъ намъ честь, и то, что отнялъ эту честь, и то, что отнялъ ее не всю, и то, что вложилъ въ насъ страхъ къ звѣрямъ, и все,— если только внимательно разсматривать, — доказываетъ (Его) великую мудрость, великую попечительность, великое человѣколюбіе, которымъ и да пользуемся непрерывно всѣ мы, во славу содѣлавшаго это Бога. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

22 БЕСѢДА,

НА КНИГУ БЫТІЯ IV [1]).

1. Слышали вы вчера, какъ Богъ сдѣлалъ человѣка царемъ и господиномъ надъ звѣрями, и какъ вскорѣ отнялъ у него эту царскую власть; а лучше сказать, не Богъ, но самъ человѣкъ лишилъ себя чести непослушаніемъ. Что человѣкъ получилъ царскую честь, это было дѣломъ единственно человѣколюбія Божія: потому что Богъ, не въ награду за подвиги далъ ему эту честь, но украсилъ его оною еще прежде, нежели онъ получилъ бытіе. Дабы ты не сказалъ, что человѣкъ, уже получивъ бытіе, и потомъ сдѣлавъ много добраго, такимъ образомъ заставилъ Бога дать ему власть надъ звѣрями,—Богъ еще намѣреваясь творить человѣка, вотъ какъ говорилъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію, и да обладаетъ звѣрми земными* (Быт. 1, 26). Еще до жизни честь, до сотворенія вѣнецъ; еще не получилъ бытія, и — возводится (человѣкъ) на царскій престолъ! Люди награждаютъ своихъ подчиненныхъ въ крайней старости, послѣ многихъ трудовъ и безчисленныхъ

[1]) Надписывается: «о томъ, что грѣхъ ввелъ три рода рабства: также, противъ небрежныхъ слушателей, и противъ не почитающихъ родителей».

опасностей, понесенныхъ то̀ въ мирѣ, то̀ на войнѣ: а Богъ не такъ, но, лишь только создалъ человѣка, тотчасъ и возвелъ его въ эту честь, показывая, что это — не награда за подвиги и не долгъ, но Божественная благодать. И такъ, что человѣкъ получилъ власть, это было дѣломъ единственно человѣколюбія Божія: а что онъ потерялъ власть, это произошло отъ его безпечности. Цари отнимаютъ власть у непокорныхъ повелѣніямъ ихъ: такъ и Богъ сдѣлалъ съ человѣкомъ, отнявъ тогда у него власть (надъ звѣрями).

2. Сегодня надобно сказать, какую еще другую честь грѣхъ отнялъ (у человѣка), и сколько родовъ рабства ввелъ онъ, связавъ природу нашу всякаго рода властями, какъ тиранъ какой — различными оковами. Итакъ, первое господство и первое рабство — то, по которому мужья властвуютъ и надъ женами: нужда въ этомъ оказалась уже послѣ грѣха. До преслушанія, жена по достоинству была равна мужу, и Богъ, когда создалъ ее, употребилъ при этомъ такія же слова, какія и при сотвореніи мужа. Какъ о мужѣ Богъ сказалъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію*, а не сказалъ: «да будетъ человѣкъ»; такъ и о женѣ не сказалъ: «да будетъ жена», но и здѣсь (говоритъ): *сотворимъ ему помощника* (Быт. 2, 18), и не просто помощника, но: *по нему*, показывая и этимъ одинаковое достоинство (жены и мужа). Такъ

какъ безсловесныя съ своей стороны доставляютъ намъ много пособій въ нашей жизни, то, чтобы не подумалось тебѣ, будто жена принадлежитъ къ числу рабовъ, смотри какое ясное различіе (Богъ) дѣлаетъ (между женою и безсловесными). *Приведе*, сказано, *звѣри ко Адаму и не обрѣтеся помощникъ подобный ему* (Быт. 2, 19. 20). Что же? конь, вмѣстѣ (съ человѣкомъ) сражающійся на войнѣ, не помощникъ ему? волъ, влекущій плугъ и трудящійся съ нами въ сѣяніи сѣменъ, не помощникъ? оселъ и мулъ, помогающіе намъ въ перевозкѣ тяжестей, не помощники? — Чтобы ты не сказалъ этого, Богъ и дѣлаетъ строгое различіе. Не просто сказалъ, что *не обрѣтеся помощникъ* ему, но—что *не обрѣтеся помощникъ, подобный ему*. Такъ и здѣсь Богъ не сказалъ просто: *сотворимъ ему помощника*, но: *сотворимъ ему помощника по нему*. Но это до грѣха, а послѣ грѣха вотъ что: *къ мужу твоему обращеніе твое и той тобою обладати будетъ* (Быт. 3, 16). Я, говоритъ Богъ, сдѣлалъ тебя (жену) по достоинству равною мужу; ты не умѣла воспользоваться властію, такъ перейди къ подчиненности. Не выдержала ты свободы, такъ прими рабство; не умѣла начальствовать, что и доказала ты самымъ опытомъ: будь же въ числѣ подначальныхъ и въ мужѣ познай господина. *Къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ.*

3. Усматривай здѣсь и человѣколюбіе Божіе. Чтобы жена, услышавъ: *той тобою обладати будетъ*, не сочла этого обладанія тяжкимъ, Богъ напередъ поставилъ имя, означающее попечительность, сказавъ: *къ мужу твоему обращеніе твое*, т. е. онъ будетъ для тебя убѣжищемъ, и пристанью, и защитою; къ нему позволяю тебѣ обращаться и прибѣгать во всѣхъ, какія ни постигнутъ тебя, несчастіяхъ. Впрочемъ, Богъ связалъ ихъ, не только этою, но и естественными нуждами, обложивъ ихъ, какъ бы нерасторжимою цѣпью, узами вожделѣнія. Видишь, какъ грѣхъ ввелъ подчиненность, а благоизобрѣтательный и премудрый Богъ и это обратилъ въ пользу намъ? Послушай, какъ и Павелъ говоритъ объ этой подчиненности, чтобы и отсюда узнать тебѣ согласіе между ветхимъ и новымъ Завѣтомъ. *Жена*, говоритъ онъ, *въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ* (1 Тим. 2, 11). Видишь, какъ и онъ жену подчинилъ мужу? Но подожди, и услышишь причину. Почему *со всякимъ покореніемъ*? *Женѣ*, говоритъ, *учити не повелѣваю* (ст. 12). Почему? потому что она разъ худо научила Адама. *Ниже владѣти мужемъ* (тамже). Почему же? потому что разъ поначальствовала худо. *По быти въ безмолвіи* (тамже). Но скажи и причину. *Адамъ бо*, говоритъ, *не прельстися: жена же, прельстившися, въ преступленіи бысть* (ст. 14). Вотъ почему (Апостолъ) свелъ ее съ каѳедры учительской.

Кто не умѣетъ учить, тотъ, говоритъ, учись; если же онъ не захочетъ учиться, но пожелаетъ учить, то погубитъ и себя, и учениковъ, что случилось тогда и съ женою. Такъ отсюда видно, что жена подчинена мужу, и подчинена за грѣхъ. Но я хочу слышать и это: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ.* Хочу знать, какъ Павелъ говоритъ и объ этой попечительности, какъ власть соединяетъ онъ съ любовію. Гдѣ же онъ дѣлаетъ это? Въ посланіи къ Ефесеямъ онъ говоритъ: *мужіе любите жены* (Еф. 5, 25); вотъ это—*къ мужу твоему обращеніе твое. Жены да боятся мужей* (ст. 22 и 33), вотъ это — *той тобою обладати будетъ.* Видишь, какъ власть не тяжка, когда господинъ страстно любитъ рабыню, когда страхъ соединенъ съ любовію? Такъ-то устранена тяжесть рабства.

4. Итакъ одну власть ввело преслушаніе. Не на то вѣдь смотри, что эту власть Богъ смягчилъ, сколько нужно, а на то, что самое рабство устроилъ грѣхъ. Есть и другой видъ рабства, который тяжелѣе перваго; и онъ также начало имѣетъ свое и основаніе въ грѣхѣ. Послѣ потопа, бывшаго при Ноѣ, послѣ того всеобщаго кораблекрушенія и гибели всей вселенной, Хамъ согрѣшилъ противъ родителя; увидѣвъ отца обнаженнымъ, еще болѣе обнажилъ его предъ братьями укоризною, и—за это сдѣлался рабомъ братьевъ. Злость воли погубила

благородство природы, и — весьма естественно. Писаніе предлагаетъ тысячу оправданій въ пользу праведника, а лучше сказать, однимъ словомъ даетъ ему полное извиненіе. *Начатъ*, сказано, *Ное человѣкъ дѣлатель (быти) земли* (Быт. 9, 20). Въ этомъ словѣ—*начатъ* заключается великое оправданіе (Ноева) опьяненія. Онъ не зналъ ни того, сколько надлежало пить вина, ни того, какъ пить, цѣльное, или смѣшанное съ водою, ни того, когда пить, тотчасъ ли послѣ того, какъ оно будетъ вылито изъ тисковъ, или обождавъ нѣсколько времени. Итакъ Писаніе этимъ словомъ оправдываетъ Ноя: а рожденный отъ него, спасенный имъ (потому что онъ не погибъ въ потопѣ, вмѣстѣ съ прочими людьми, изъ уваженія къ отцу), не посмотрѣвъ на самую природу, не вспомнивъ о своемъ спасеніи, не вразумившись страхомъ, видя еще предъ собою остатки гнѣва Божія и явные слѣды несчастія, тогда, какъ живъ былъ страхъ изъ-за случившагося, нанесъ оскорбленіе родителю. Поэтому премудрый и внушаетъ, говоря: *не славися въ безчестіи отца твоего, нѣсть бо ти слава отчее безчестіе* (Сир. 3, 10). Но тотъ не зналъ и этого, и — сдѣлалъ грѣхъ, совершенно непростительный и неизвинительный. Поэтому онъ, въ наказаніе за грѣхъ свой, подвергся рабству, — сдѣлался слугою братьевъ, и злостію воли погубилъ природное достоинство. Вотъ и другой родъ рабства!

5. Хочешь знать и третій? Этотъ тяжелѣе и гораздо страшнѣе об оихъ предъидущихъ. Такъ какъ мы не вразумились тѣми двумя, то Богъ увеличилъ наши оковы. Какой же этотъ (третій родъ рабства)? Это подчиненіе начальникамъ, властямъ,—не такое, каково (подчиненіе) жены (мужу), и не такое, каково (подчиненіе рабовъ (господамъ), но гораздо болѣе страшное. Вездѣ видны острые мечи, палачи, казни, пытки, мученія, власть въ жизни и смерти. А что и этотъ видъ власти сталъ необходимымъ изъ-за грѣха, послушай, какъ объ этомъ любомудрствуетъ тотъ-же Павелъ. *Хощеши же ли*, говоритъ онъ, *не боятися власти? благое твори: и имѣти будеши похвалу отъ него. Аще же злое твориши, бойся; не бо всуе мечь носитъ* (Рим. 13, 3. 4). Видишь ли, что и начальникъ, и мечь для дѣлающихъ злое? Послушай о томъ же еще яснѣе. *Отмститель есть*, говоритъ Апостолъ, *злое творящему* (тамже). Притомъ не сказалъ онъ: не напрасно есть начальникъ, но что? *не всуе мечь носитъ.* Богъ поставилъ надъ тобою судію вооруженнаго. Какъ сердобольный отецъ, когда дѣти оказываютъ ему неуваженіе и пренебрегаютъ имъ изъ-за его отеческой нѣжности, — по желанію добра имъ, отдаетъ ихъ страшнымъ наставникамъ и учителямъ: такъ и Богъ, когда природа наша пренебрегла имъ, по благости своей отдалъ ее начальникамъ, какъ бы учите-

лямъ и наставникамъ, чтобы они исправили ее отъ безпечности.

6. Но, если хотите, можемъ и въ ветхомъ Завѣтѣ видѣть тоже самое, т. е., что власть эта нужна стала изъ-за нашей злости. Одинъ изъ пророковъ, раздраженный противъ нечестивыхъ, говоритъ вотъ какъ: *вскую премолчаваеши, егда пожираетъ нечестивый праведнаго? и сотвориши человѣки яко рыбы морскія, и яко гады не имущія старѣйшины* (Аввак. 1, 13. 14)? И такъ *старѣйшина* (начальникъ—ἡγούμενος) для того, чтобы мы не были, *яко гады*; властитель для того, чтобы мы не пожрали другъ друга, *яко рыбы*. Какъ лекарства для болѣзней, такъ наказанія для грѣховъ. А для удостовѣренія, что живущій добродѣтельно не имѣетъ нужды въ этомъ начальствѣ, послушай, что говоритъ Павелъ: *хощеши ли не боятися власти? благое твори и имѣти будеши похвалу отъ него*. Судія, говоритъ, есть надзиратель надъ тобою. Если живешь хорошо, онъ не только надзиратель, но и хвалитель. И что́ говорить о необходимости начальниковъ, когда живущіе добродѣтельно выше и другихъ высшихъ (чѣмъ начальники)? Законы вѣдь суть начальники начальниковъ, и однакожъ живущій добродѣтельно не нуждается и въ законахъ. Объ этомъ, послушай, что говоритъ Павелъ: *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. 1, 9). Если же законъ не лежитъ, тѣмъ болѣе начальникъ не стоитъ надъ нимъ. Вотъ третій

родъ власти, который также имѣетъ основаніе въ грѣхѣ и порокѣ.

7. Какъ же Павелъ говоритъ, что *нѣсть власть, аще не отъ Бога* (Рим. 13, 2)? Это значитъ, что Богъ поставилъ ее для нашей пользы. Нужду во власти произвелъ грѣхъ, а Богъ употребилъ ее въ нашу пользу. Какъ нужда въ лекарствахъ происходитъ отъ ранъ, а употребленіе лекарствъ зависитъ отъ мудрости врачей: такъ и нужда въ подчиненности произошла отъ грѣха, а должное приспособленіе ея — отъ премудрости Божіей. — Но воспряните, и отбросьте небрежность. Для чего говорю это? Мы говоримъ вамъ о Писаніи, а вы, отведши глаза отъ насъ, устремили ихъ на лампады и на возжигающаго лампады. Какая это небрежность—оставивъ насъ, смотрѣть на этого человѣка! И я возжигаю огонь отъ Писанія, и на языкѣ нашемъ горитъ свѣтильникъ ученія. Этотъ свѣтъ важнѣе и лучше того свѣта: мы зажигаемъ не свѣтильню увлаженную масломъ, какъ этотъ (человѣкъ), но воспламеняемъ любовію къ слушанію (поученія) души, увлажаемыя благочестіемъ. Бесѣдовалъ нѣкогда и Павелъ въ одной горницѣ (Дѣян. 20, 7—9). Только никто не думай, будто я равняю себя съ Павломъ; я не дошелъ до такого безумія: но (это сказалъ я), чтобы вы знали, какое должно показывать усердіе къ слушанію.—Такъ, Павелъ бесѣдовалъ въ горницѣ, и наступилъ вечеръ, какъ и теперь,

и въ горницѣ (зажжены) были лампады. Потомъ Евтихъ упалъ съ окна, и это паденіе не разстроило собранія, смерть (юноши) не подняла сидѣвшихъ тутъ; нѣтъ, они были такъ прикованы къ слушанію слова Божія, что и не почувствовали этого паденія. А вы, не видя ничего новаго и необычайнаго, кромѣ человѣка, который дѣлаетъ обычное дѣло, на него устремили взоры свои. Какъ же можно это извинить? Итакъ никто изъ васъ, возлюбленные, не считай сего обличенія тяжкимъ: мы обличаемъ, не по ненависти, но по желанію вамъ добра. *Достовѣрнѣе суть язвы друга, нежели вольная лобзанія врага* (Притч. 27, 6).

8. Воспряните же, прошу, и оставивъ этотъ огонь (отъ лампадъ), смотрите на свѣтъ божественнаго Писанія. Хочу сказать вамъ о другомъ родѣ власти, берущемъ начало не отъ грѣха, но отъ самой природы. Какой же это родъ власти?— Власти родителей надъ дѣтьми. Такая честь (родителямъ отъ дѣтей) есть награда за болѣзни рожденія. Поэтому и премудрый говоритъ: *яко владыкамъ послужи родившимъ* тебя (Сир. 3, 7); за тѣмъ приводитъ и причину: *что̀ има воздаси, якоже они тебѣ* (7, 30)? Между тѣмъ, что-же есть такое, чего бы сынъ не могъ воздать отцу? Значитъ, смыслъ словъ такой: ты не можешь родить ихъ, какъ они родили тебя. Итакъ, если мы въ этомъ уступаемъ родителямъ, то возвысимся другимъ—уваженіемъ къ нимъ, не только по

закону природы, но, преимущественно предъ природою, по страху Божію. Богъ сильно желаетъ, чтобы родители были почитаемы дѣтьми; и дѣлающихъ это награждаетъ великими благами и дарами, а преступающихъ этотъ законъ наказываетъ великими и тяжкими несчастіями. *Иже злословитъ*, сказано, *отца или матерь, смертію да умретъ* (Исх. 21, 16). А почитающимъ ихъ вотъ что (Богъ) говоритъ: *чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли* (Исх. 20, 12). Что считается величайшимъ благомъ — счастливая старость и долгая жизнь,—то (Богъ) назначилъ въ награду почитающимъ родителей; а что кажется крайнимъ несчастіемъ — ранняя смерть, то онъ назначилъ въ наказаніе оскорбляющимъ ихъ. Такимъ образомъ, однихъ привлекаетъ Онъ къ уваженію (родителей) обѣщаніемъ чести, а другихъ и противъ воли отводитъ отъ оскорбленія (родителей) страхомъ наказанія. Ибо повелѣвается не просто такъ, чтобы оскорбившій отца умиралъ, или чтобы палачи, взявши его изъ судилища, выводили чрезъ площадь и за городомъ отсѣкали ему голову: нѣтъ, самъ отецъ ведетъ его на средину города и признается достойнымъ вѣры, безъ всякаго доказательства: и весьма справедливо. Кто готовъ былъ употребить для сына и деньги, и жизнь, и все, что ни есть, тотъ никогда не сдѣлался бы обвинителемъ его, если-бы оскорбленіе (отъ сына) не было

крайне-велико. Такъ, (отецъ) ведетъ его на средину города, потомъ созываетъ весь народъ и произноситъ обвиненіе, а всѣ слышащіе, взявши каждый по камню, бросаютъ на оскорбившаго отца. Законодатель хочетъ, чтобы они были не только зрителями, но и дѣйствователями, чтобы каждый, посмотрѣвъ на правую руку свою, которою и онъ бросилъ камень на голову непочтительнаго сына, получилъ онъ сего достаточное вразумленіе къ исправленію. Впрочемъ, Законодатель внушаетъ намъ здѣсь не только это, но и другое,—то, что оскорбляющій родителей оскорбляетъ не ихъ только, но и всѣхъ людей. Поэтому приглашаетъ всѣхъ къ участію въ наказаніи, какъ будто бы всѣ были оскорблены, и созываетъ весь народъ и весь городъ, внушая чрезъ сіе, чтобы и тѣ, у коихъ нѣтъ ничего общаго съ оскорбленными, негодовали на оскорбляющаго родителей, такъ какъ оскорбленіе наносится общей (человѣческой) природѣ, и такого человѣка, какъ язву какую и общую болѣзнь, выгоняли бы не только изъ города, но и съ самаго свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, такой человѣкъ—общій неиріятель и врагъ всѣхъ, и Бога, и природы, и законовъ, и всеобщей нашей жизни. Поэтому (Богъ) и повелѣваетъ всѣмъ участвовать въ умерщвленіи (непочтительнаго сына), какъ бы для очищенія города.

9. Много да будетъ вамъ благъ за то, что

вы съ такимъ удовольствіемъ приняли наставленіе о непочтительномъ сынѣ, и, вмѣсто камней, забросали его воплями: это знакъ, что каждый изъ васъ оказываетъ своему отцу великое уваженіе. Обыкновенно, мы хвалимъ законы, наказывающіе преступниковъ, болѣе всего тогда, когда не сознаемъ за собою проступковъ. За все это возблагодаримъ человѣколюбиваго Бога, который печется о нашей жизни, и промышляетъ о родителяхъ, и заботится о дѣтяхъ, и все устрояетъ для нашего спасенія. Ему подобаетъ слава и поклоненіе, съ безначальнымъ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

23 БЕСѢДА,

НА КНИГУ V [1]).

1. Вы, можетъ быть, думаете, что слово о господствѣ у насъ со всѣмъ кончено: а мнѣ видится на немъ еще много плода. Не утомитесь же, прошу, пока не соберемъ весь плодъ.

[1]) Надписывается: « о томъ, что мы наказываемся не за Адама, и что, если мы внимательны къ себѣ, блага важнѣе привнесенныхъ имъ скорбей; и противъ тѣхъ, кои проходятъ мимо бѣдныхъ».

И прилѣжные земледѣльцы, когда увидятъ, что виноградникъ покрытъ множествомъ листьевъ, и между тѣмъ обремененъ плодами, не только срѣзываютъ наружныя кисти, но идутъ далѣе— внутрь, отламывая вѣтви и отрывая листья, чтобы подъ навѣсомъ ихъ не скрылись и малыя ягоды винограда. Такъ не окажитесь лѣнивѣе ихъ, и не отстаньте, пока не получите все, особенно потому, что здѣсь трудъ — мой, а плодъ—вашъ. Вчера обвинили мы женъ, а лучше сказать, не женъ, но Еву, въ томъ, что она грѣхомъ ввела рабство [1]). Жены могутъ сказать намъ: для чего же, когда она согрѣшила, осуждены мы? паденіе было одного лица, а вина стала общею всему роду?—И рабы могутъ тоже сказать: что̀ это? Ханаанъ оскорбилъ отца, а наказаніе перешло на весь родъ? — И боящіеся начальниковъ могутъ также возразить: почему это? другіе жили порочно, а они отданы подъ иго власти?—Что же скажемъ всѣмъ имъ?

2. На всѣ вопросы будетъ одно рѣшеніе,— то, что согрѣшили предки, и своимъ преступленіемъ ввели рабство, а потомки введенное рабство укрѣпили своими грѣхами. Если-бы могли они навсегда сохранить себя чистыми отъ грѣховъ, то, можетъ быть, имѣли бы право возражать: но если и сами они подлежатъ многимъ наказаніямъ, то напрасно такое оправданіе. Я вѣдь не сказалъ, что грѣхъ уже не вводитъ

---

[1]) См. предъид. бесѣд. 2 и 3.

рабства, но (говорю), что всякой грѣхъ сопряженъ съ рабствомъ, и слагаю вину на самую природу грѣха, а не на разность только грѣха. Какъ всѣ неизлѣчимыя болѣзни ведутъ къ смерти, но не всѣ болѣзни одинаковаго свойства: такъ и грѣхи — всѣ раждаютъ рабство, но не всѣ одинаковаго свойства. Ева согрѣшила, прикоснувшись къ древу, и за это осуждена. Поэтому не сдѣлай и ты другаго грѣха, можетъ быть, болѣе тяжкаго, чѣмъ грѣхъ ея. Это-же должно сказать и о рабахъ, это-же и о подчиненныхъ, т. е., что первые люди ввели грѣхъ, а потомки ихъ своими грѣхами поддержали силу преобладанія (τῆς δεσποτείας).

3. Могу защититься и иначе, — тѣмъ, что многіе, обратившись къ добродѣтели, освободились изъ-подъ власти. И во-первыхъ, если угодно, поведемъ слово о женахъ, чтобы видѣть тебѣ, какъ блаженный Павелъ, наложившій на нихъ узы, самъ же и снимаетъ эти узы. *Жена*, говоритъ онъ, *аще имать мужа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его* (1 Кор. 7, 13). Почему? *Что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши* (ст. 16)? Но какъ, скажешь, жена можетъ спасти мужа? Уча его, наставляя, приводя къ благочестію. Но вчера ты, блаженный Павелъ, говорилъ: *женѣ учити не повелѣваю* (1 Тим. 2, 12). Какъже опять дѣлаешь ее учительницею мужа? — Дѣлая это, я не противорѣчу себѣ, но совершен-

но согласенъ самъ съ собою. — Послушай-же, для чего (Апостолъ) и свелъ жену съ каѳедры учительской, и опять возводитъ на оную, и — узнаешь мудрость Павлову. Пусть учитъ, говоритъ онъ, мужъ. Почему? потому что не прельстился: *Адамъ бо не прельстися* (ст. 14).—Жена, говоритъ, пусть учится. Почему? потому что прельстилась: *жена же*, говоритъ, *прельстившися, въ преступленіи бысть* (тамже). — Но здѣсь напротивъ. Когда мужъ будетъ невѣрный, а жена вѣрная, пусть учитъ, говоритъ, жена. Почему? потому что она не въ обольщеніи, а вѣрная. Слѣдовательно, пусть учится мужъ: потому что онъ въ обольщеніи, — невѣрный. Превратился, говоритъ, порядокъ учительства, пусть превратится уже и порядокъ власти. Видишь, какъ (Писаніе) вездѣ показываетъ, что рабство есть слѣдствіе не природы, но обольщенія и грѣха? Обольщеніе въ началѣ пришло къ женѣ; за обольщеніемъ послѣдовало подчиненіе: потомъ обольщеніе перешло къ мужу; перешло и подчиненіе. Итакъ въ началѣ спасеніе жены (Богъ) ввѣрилъ мужу (потому что онъ не обольстился), говоря: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. 3, 16): такъ и здѣсь, когда вѣрная имѣетъ мужа невѣрнаго, спасеніе мужа ввѣряетъ женѣ, говоря: *что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши.*

4. Что́ можетъ яснѣе этого доказывать то,

что рабство есть слѣдствіе не природы, но грѣха? — Это-же можно сказать и о рабахъ. *Рабъ ли призванъ былъ еси? да не печалишися* (1 Кор. 7, 21). Видишь, какъ и здѣсь (Апостолъ) показываетъ, что рабство — голое имя, когда при немъ будетъ добродѣтель? — *Но аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себе*, то есть, тѣмъ болѣе оставайся въ рабствѣ. Почему? *Призванный бо о Господѣ рабъ, свободникъ Господень есть* (ст. 22). Видишь, что рабство только по имени, на самомъ же дѣлѣ свобода? Но для чего (Апостолъ) попустилъ (вѣрующему) оставаться рабомъ? — Чтобы ты позналъ превосходство (Христіанской) свободы. Какъ сохраненіе тѣхъ трехъ отроковъ невредимыми среди горящей печи гораздо удивительнѣе, нежели погашеніе этой печи: такъ и сохраненіе свободы въ рабствѣ несравненно важнѣе и удивительнѣе, нежели уничтоженіе рабства. По-этому-то (Апостолъ) говоритъ: *аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себе*, то есть, оставайся рабомъ, потому что обладаешь истиннѣйшею свободою.

5. Хочешь видѣть это и на начальствующихъ? — Навуходоносоръ былъ царь, и разжегъ печь весьма сильно, и вывелъ на среду трехъ отроковъ, юныхъ, ничего не имѣвшихъ, беззащитныхъ, рабовъ, плѣнниковъ, изгнанныхъ изъ отечества. И что говоритъ онъ? *Аще воистину, Седрахъ, Мисахъ, Авденаго, богомъ моимъ не слу-*

жите, *и образу златому*, *его-же поставихъ*, *не покланяетеся* (Дан. 3, 15)? Что-же они? Смотри, какъ ихъ — плѣнниковъ добродѣтель сдѣлала царственнѣе царя (βασιλικωτέρους τοῦ βασιλέως) и показала, что они выше духомъ? Они отвѣчали такъ, какъ будто говорили не съ царемъ, а съ подданнымъ. *Не требѣ намъ*, говорятъ они, *о глаголѣ семъ отвѣщати* царю (ст. 16). Мы представимъ доказательство не на словахъ, но на дѣлѣ. *Есть Богъ на небеси, силенъ изъяти насъ* (ст. 17). Они напомнили о благодѣяніи (оказанномъ Навуходоносору чрезъ) Даніила, сказавъ тѣже слова, которыя пророкъ сказалъ тогда. Что онъ сказалъ? *нѣсть волхвовъ Газариновъ*, Халдеевъ слово, *его же царь вопрошаетъ*: *но есть Богъ на небеси, открываяй тайны* (Дан. 2, 27. 28). Такъ объ этихъ словахъ (отроки) напомнили ему, чтобы сдѣлать его милостивѣе. Затѣмъ говорятъ: *аще же ни*, *вѣдомо да будетъ тебѣ, яко богомъ твоимъ не служимъ*, *и образу златому*, *его-же поставилъ еси*, *не кланяемся* (3, 18). Замѣчай мудрость этихъ юношей. Дабы присутствующіе не обвинили Бога въ слабости, если бы случилось отрокамъ умереть въ печи, они напередъ исповѣдали силу Его, сказавъ: *есть Богъ на небеси*, который *силенъ изъяти насъ*. Но чтобы, съ другой стороны, когда они спасутся отъ огня, не подумали объ нихъ, будто они служатъ Богу изъ-за награды и платы, они прибавили: *аще же ни*, *вѣдомо да будетъ*

тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и образу златому, егоже поставилъ еси, не кланяемся. Такимъ образомъ они и возвѣстили силу Божію, и показали твердость души своей, дабы, что діаволъ по клеветѣ сказалъ объ Іовѣ, того же не сказалъ кто и объ этихъ отрокахъ. А что діаволъ сказалъ объ Іовѣ?—*не туне чтитъ тя Іовъ: оградилъ бо еси внутренняя и внѣшняя его* (Іов. 1, 9. 10). Такъ чтобы и объ нихъ не могъ кто сказать этого, они напередъ заградили безстыдныя уста.

6. Но, какъ сказалъ я, плѣнникъ ли кто, рабъ ли, живетъ ли на чужой землѣ, только, если съ нимъ добродѣтель, онъ будетъ царственнѣе всѣхъ царей. Ты видѣлъ, какъ уничтожено рабство и женъ, и слугъ, и подчиненныхъ? Вотъ, наконецъ покажу тебѣ, какъ устраненъ и страхъ предъ звѣрями. Въ томъ-же Вавилонѣ бросили нѣкогда Даніила въ ровъ: но львы не смѣли коснуться его. Они увидѣли, что въ немъ сіяетъ древній и царственный образъ; усмотрѣли тѣ черты, которыя видѣли они въ Адамѣ до грѣха. Съ такою-же покорностію они и тогда пришли къ Адаму, и получили отъ него себѣ имена. И это было не только здѣсь, но и съ блаженнымъ Павломъ. Онъ, попавъ на варварскій островъ, сидѣлъ у горящаго костра и грѣлся; тогда изъ хвороста выскочила ехидна, и повисла на рукѣ его. Что-же было послѣ? Животное тотчасъ свалилось:

не нашедши (въ Павлѣ) грѣха, оно не могло и уязвить его (Дѣян. 28, 3—6). Какъ мы, когда хотимъ взойти на скользкую скалу и не находимъ ничего, за что бы намъ держаться, тотчасъ падаемъ внизъ, будетъ ли подъ нами море, или пропасть: такъ и это животное, не нашедши за какой бы грѣхъ ухватиться ему, и куда бы вонзить зубы, упало въ лежавшій подъ нимъ костеръ, и погибло.

7. Хочешь, предложу тебѣ и третій способъ оправданія? — Первый тотъ, что согрѣшили не только предки, но и потомки; вторый тотъ, что добродѣтельные, еще и въ настоящей жизни, терпѣли болѣе легкое рабство, а лучше сказать, совершенно избавлялись отъ рабства, какъ это показали мы по отношенію и къ женамъ, и къ подчиненнымъ, и къ звѣрямъ. Послѣ этихъ способовъ третій тотъ, что Христосъ, пришедши, обѣщалъ намъ теперь блага бо́льшія тѣхъ, которыхъ лишили насъ согрѣшившіе въ началѣ. О чемъ плачешь, скажи мнѣ? о томъ, что Адамъ, согрѣшивши, выгналъ тебя изъ рая? Исправься, поревнуй о добродѣтели, и—отворю тебѣ, не рай, но самое небо, и не дамъ тебѣ потерпѣть никакого зла отъ преступленія перваго человѣка. Плачешь о томъ, что (Адамъ) лишилъ тебя власти надъ звѣрями? Вотъ подчиняю тебѣ и демоновъ, будь только внимателенъ. *Наступайте*, говоритъ Христосъ, *на змію и скорпію, и на всю силу вражію* (Лук.

10, 19). Не сказалъ: *обладайте*, какъ сказалъ по отношенію къ звѣрямъ (Быт. 1 28), но *наступайте* (попирайте), даруя (людямъ) самую сильную власть. Поэтому и Павелъ не сказалъ: «Богъ покоритъ сатану подъ ноги ваши», но: *Богъ сокрушитъ сатану подъ ноги ваша* (Рим. 16, 20). Уже не какъ прежде: *той твою будетъ блюсти главу, а ты блюсти будеши его пяту* (Быт. 3, 15), но полная побѣда, совершенное торжество, всецѣлое уничтоженіе, и сокрушеніе, и гибель врага. — Ева подчинила тебя мужу? но я тебя, если хочешь, сдѣлаю равною, не только мужу, но и самымъ Ангеламъ. Она лишила тебя настоящей жизни? но я дарую тебѣ и будущую жизнь, не старѣющуюся и безсмертную, и полную безчисленныхъ благъ. Итакъ никто не подумай о себѣ, будто изъ за предковъ потерпѣлъ вредъ: если захотимъ изслѣдовать все, что (Христосъ) готовъ дать намъ, то найдемъ, что данное гораздо важнѣе потеряннаго нами. Впрочемъ изъ сказаннаго ясно и остальное. Адамъ велъ жизнь трудную: Христосъ обѣщалъ жизнь такую, въ которой нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія; Онъ обѣщаетъ дать и царство небесное. *Пріидите*, говоритъ, *благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте Ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя: страненъ бѣхъ и вве-*

достe Мене: нагъ, и одѣясте Мя: въ темницѣ, и прiидосте ко Мнѣ (Мат. 25, 34—36).

8. Услышимъ ли и мы этотъ блаженный гласъ? Не очень смѣю я утверждать это, потому что между нами великое презрѣнiе къ нищимъ. Вотъ теперь время поста, такое наставленiе и поученiе о спасительныхъ догматахъ, непрестанныя молитвы, ежедневныя собранiя: а какая польза отъ такой попечительности? Никакой. Мы выходимъ отсюда, видя ряды нищихъ, стоящихъ строемъ по ту и другую сторону, и проходимъ безъ жалости, какъ будто предъ нами столбы, а не человѣческiя тѣла. И такъ спѣшимъ мы домой, какъ будто видимъ бездушныя статуи, а не живыхъ людей. Голодъ, скажете, побуждаетъ спѣшить? Но голодъ-то пусть и заставитъ остановиться: вѣдь сытые желудки, по пословицѣ, не знаютъ голоднаго, а голодные по собственной нуждѣ знаютъ и чужую; а впрочемъ невозможно и такъ вполнѣ понять ее. Ты бѣжишь къ готовому столу, и не можешь потерпѣть и немного: а бѣдный стоитъ до самаго вечера, стараясь и усиливаясь собрать насущный хлѣбъ; и видя, что день уже окончился, а денегъ еще не собрано столько, сколько нужно на насущный хлѣбъ, горюетъ и разжигается, и вынуждается дѣлать то, что выше силъ его. Вотъ почему (нищiе) вечеромъ налегаютъ на насъ сильнѣе, — клянутся, божатся, плачутъ, рыдаютъ, протягиваютъ руки и, по не-

волѣ, дѣлаютъ безъ стыда весьма многое другое. Они боятся, чтобы, какъ всѣ уйдутъ домой, не блуждать имъ въ городѣ, какъ въ пустынѣ. Какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе днемъ, ухватившись за доску, стараются до вечера приплыть въ пристань, чтобы, съ наступленіемъ ночи, внѣ пристани не потерпѣть еще бо̀льшаго кораблекрушенія: такъ и бѣдные, боясь голода, какъ кораблекрушенія, спѣшатъ до вечера собрать денегъ столько, сколько нужно имъ на хлѣбъ, чтобы, какъ всѣ уйдутъ домой, не остаться имъ внѣ пристани. А пристань для нихъ руки помогающихъ.

9. А мы не трогаемся ихъ несчастіями, ни на рынкѣ, ни возвратившись домой. Напротивъ, и тогда, какъ приготовленъ для насъ столъ, нерѣдко полный безчисленныхъ благъ (если только благами должно называть то̀, что мы съѣдаемъ въ осужденіе своего безчеловѣчія), и тогда, говорю, какъ приготовленъ намъ столъ, мы, слыша, что они внизу ходятъ по улицамъ, громко кричатъ на перекресткахъ, горюютъ въ глубочайшемъ мракѣ, въ совершенной пустотѣ, не трогаемся и этимъ. Да и насытившись, и идучи ко сну, и въ это время слыша опять, что они внизу громко стонутъ, проходимъ мимо, какъ будто слышимъ лай собаки, а не человѣческій голосъ. И не обращаемъ вниманія ни на время, что такъ поздо—ночью, когда всѣ уже спятъ, нищій одинъ горюетъ; ни на маловажность просьбы,—что онъ

ничего болѣе не проситъ у насъ, какъ хлѣба, или нѣсколько денегъ; ни на великость несчастія,—что онъ борется съ непрерывнымъ голодомъ; ни на скромность просителя, — что онъ, при такой нуждѣ, не смѣетъ подойти къ дверямъ и стать близко, но проситъ внизу, на большомъ разстояніи. И если онъ получитъ, то возсылаетъ безчисленныя молитвы; а если не получитъ, то и тогда не произноситъ жесткаго слова, не бранитъ и не ругаетъ тѣхъ, кои могли бы подать, и не, подаютъ. Напротивъ, какъ иной, ведомый палачемъ на жесточайшую казнь, хоть проситъ и умоляетъ всѣхъ проходящихъ, не получаетъ, однакожъ, никакой помощи, и безчеловѣчно ведется на казнь: такъ и этотъ (нищій), влекомый къ ночи и тяжкой безсонницѣ голодомъ, какъ палачемъ, хоть протягиваетъ руки, и сильнымъ крикомъ упрашиваетъ сидящихъ на верху въ домахъ, но не получаетъ никакой милости, и отсылается безжалостно и съ великою суровостію.—Но все это насъ не трогаетъ, и, послѣ такого безчеловѣчія, мы осмѣливаемся простирать руки къ небу, просить Бога о милости, и молить о прощеніи нашихъ грѣховъ; и не боимся, чтобы, послѣ такой молитвы, послѣ такой жестокости и безчеловѣчія, не упала на насъ молнія! Какъ мы, скажи мнѣ, идемъ къ сну и на покой, и не боимся, чтобы этотъ самый нищій не явился намъ во снѣ, нечистый, грязный, одѣтый въ рубище, и не сталъ горе-

вать, плакать и обвинять насъ въ жестокости? А многіе, часто слыхалъ я, говорятъ, что они послѣ того, какъ днемъ отказались помочь бѣднымъ, ночью видѣли себя связанными веревками, и влекомыми рукою нищихъ, битыми, терпящими множество непріятностей. Но это вѣдь сонъ, привидѣніе, временное наказаніе: а мы не боимся, скажи мнѣ, какъ бы намъ этого нищаго, который горюетъ, и вопитъ, не увидѣть въ лонѣ Авраамовомъ, какъ нѣкогда богачъ тотъ (увидѣлъ) Лазаря (Лук. 16, 23)? То, что слѣдуетъ за симъ, оставляю вашей совѣсти,—т. е. тѣ жестокія и нестерпимыя наказанія, какъ (богачъ) попросилъ воды, какъ не получилъ и капли, какъ горѣлъ языкъ его, какъ онъ, и послѣ усильной просьбы, не получилъ никакой милости, и какъ мучился безконечно. Но не дай Богъ намъ узнать это на опытѣ, а лучше, услышавъ угрозу на словахъ, избѣгнуть ея на дѣлѣ, и, сдѣлавшись достойными любви Авраама, придти въ одно съ нимъ мѣсто, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, честь, слава, держава, нынѣ и всегда, и во вѣки, вѣковъ. Аминь.

24 БЕСѢДА,

НА КНИГУ БЫТІЯ VI [1]).

1. Люблю постъ, потому что онъ—мать воздержанія и источникъ всякаго любомудрія; люблю его и ради васъ, и ради вашей любви, потому что онъ привелъ ко мнѣ это священное и почтенное собраніе ваше, и даетъ мнѣ опять видѣть любезныя лица, даетъ спокойно насладиться этимъ прекраснымъ торжествомъ и праздникомъ. Тотъ, въ самомъ дѣлѣ, не ошибется, кто назоветъ ваше собраніе торжествомъ и праздникомъ и несмѣтнымъ множествомъ благъ. Если иной, лишь придетъ на рынокъ и встрѣтится съ однимъ другомъ, не рѣдко во-все освобождается отъ скуки, то какъ намъ, приходя въ церковь и встрѣчаясь не съ однимъ другомъ, но съ такими и столь многими братьями и отцами, — какъ не освободиться совсѣмъ отъ унынія и не получить полное удовольствіе? Впрочемъ, здѣшнее собраніе лучше сборищь на рынкѣ не только многолюдствомъ, но и свойствомъ самаго разговора. Сходящіеся на рын-

---

[1]) Надписывается: «о древѣ, — отъ него ли Адамъ получилъ знаніе добра и зла, или онъ и до вкушенія имѣлъ это знаніе; здѣсь же, и о постѣ, и о томъ, что дома должно размышлять о сказанномъ въ церкви».

кахъ, усѣвшись кругомъ, часто разговариваютъ и о безполезныхъ вещахъ, ведутъ пустыя рѣчи, и бесѣдуютъ о томъ, что до нихъ не касается. Мы вѣдь обыкновенно, всего чаще, и съ большимъ усердіемъ хлопочемъ и любопытствуемъ о чужихъ дѣлахъ. А какъ опасно и вредно говорить и слушать такія рѣчи, и увлекаться ими, — какъ часто и какъ многія бури поднимались въ домахъ отъ такихъ собраній,—это я опускаю теперь: но никто не будетъ спорить, что всѣ тамошніе разговоры—безполезны, суетны и мірскіе, и что въ такомъ собраніи не скоро появится когда либо слово духовное. А здѣсь не такъ, но все напротивъ: отсюда изгнана всякая безполезная рѣчь, сюда введено всякое духовное поученіе. Мы бесѣдуемъ и о нашей душѣ, и о благахъ, относящихся къ душѣ, и о вѣнцахъ, уготованныхъ на небесахъ, и о жизни прославившихся (добродѣтелію), и о человѣколюбіи Божіемъ, и о промыслѣ о вселенной, и обо всемъ прочемъ, особенно касающемся насъ,— о томъ, для чего мы созданы, какая постигнетъ насъ участь по отшествіи отсюда, и каково будетъ тогда наше состояніе. И въ собраніи этомъ принимаемъ участіе не мы одни, но и Пророки и Апостолы; а что всего важнѣе, среди насъ стоитъ самъ Владыка всѣхъ Іисусъ. Онъ самъ говоритъ: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мат. 18, 20). Если же Онъ находится тамъ, гдѣ собрались

двое или трое: тѣмъ болѣе присутствуетъ тамъ, гдѣ столько мужей, столько женъ, столько отцевъ,—гдѣ Апостолы и Пророки.

2. Поэтому и мы, получая небесную помощь, говоримъ съ бо́льшимъ усердіемъ и исполняемъ данное вамъ обѣщаніе. Мы прежде обѣщали сказать о древѣ, — отъ него ли Адамъ получилъ знаніе добра и зла, или имѣлъ это знаніе еще до вкушенія. Итакъ можемъ смѣло сказать теперь, что онъ имѣлъ это познаніе и до вкушенія. Если бы онъ не зналъ, что̀ добро и что̀ зло, то былъ бы неразумнѣе и самыхъ безсловесныхъ,—господинъ глупѣе рабовъ. Не странно ли (подумать), что козы и овцы знаютъ, какая трава имъ полезна, какая вредна, и что онѣ не бросаются на все, что только увидятъ, но дѣлаютъ различіе, и знаютъ ясно, что имъ гибельно, и что полезно: а человѣкъ не имѣетъ такого спасительнаго знанія? Если бы онъ не имѣлъ его, то ничего не стоилъ бы, и былъ бы хуже всего. Гораздо лучше бы ему жить въ мракѣ, потерять глаза, лишиться свѣта, чѣмъ не знать, что̀ хорошо и что̀ худо. Отними это (знаніе) у нашей жизни, разстроишь всю жизнь нашу и вездѣ водворишь великій безпорядокъ. Этимъ-то мы и отличаемся отъ безсловесныхъ, этимъ-то и превосходимъ звѣрей,—знаніемъ порока и добродѣтели, вѣдѣніемъ зла и не-невѣдѣніемъ добра. Если же это знаемъ теперь мы, и не только мы, но и Скиѳы и иноплеменники: тѣмъ болѣе

зналъ тотъ (первый) человѣкъ тогда, прежде грѣха. Удостоенный такихъ преимуществъ т. е. что созданъ по образу (Божію) и по подобію, и прочихъ благодѣяній, онъ не могъ быть лишенъ главнаго блага. Не знаютъ добра и зла одни тѣ, кои лишены природнаго ума: но Адамъ обладалъ великою мудростію и могъ разпознавать то и другое. А что онъ обладалъ духовною мудростію, вотъ послушай доказательства на это. *Приведе*, сказано, *къ нему Богъ звѣри, видѣти, что наречетъ я: и еже аще нарече Адамъ, сіе имя ему* (Быт. 2, 19). Подумай же, какою обладалъ мудростію тотъ, кто могъ дать имена, и при томъ собственныя, столь многимъ, различнымъ и разнообразнымъ, породамъ скотовъ, пресмыкающихся, птицъ. Самъ Богъ такъ одобрилъ это нарѣченіе именъ, что уже не измѣнилъ тѣхъ именъ, и, даже по паденіи Адама, не захотѣлъ отмѣнить данныя имъ имена животнымъ. *Всяко*, сказано, *еще нарече Адамъ, сіе имя ему*.

3. Такъ этотъ ли (Адамъ) не зналъ, что̀ добро и что̀ зло? Съ чѣмъ же это сообразно? — Опять, Богъ привелъ къ нему жену, и онъ, увидѣвши ее, тотчасъ узналъ, что она одной съ нимъ природы. Что онъ говоритъ? *Се нынѣ кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моея* (Быт. 2, 23). Такъ какъ не задолго предъ тѣмъ Богъ приводилъ къ нему всѣхъ животныхъ, то Адамъ, желая показать, что это существо (жена) не изъ числа тѣхъ животныхъ,

сказалъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моея.* Нѣкоторые впрочемъ говорятъ, что Адамъ здѣсь указываетъ не только на это (единство природы жены и мужа), но и на способъ созданія (жены); и для показанія того, что такой способъ рожденія уже не повторится для жены, говоритъ: *се нынѣ*[1]. Это же и другой переводчикъ перевелъ еще точнѣе такъ: «это однажды», какъ бы такъ сказалъ: только теперь жена произошла отъ одного мужа, а послѣ такъ уже не будетъ (раждаться), но отъ обоихъ (отъ мужа и жены). *Кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моея.* Точно, Богъ отъ цѣлой массы взялъ кусокъ, и создалъ жену такъ, чтобы она во всемъ имѣла общеніе съ мужемъ. *Сія*, говоритъ Адамъ, *наречется жена, яко отъ мужа взята бысть* (Быт. 2, 23). Видишь, какъ и имя даетъ (Адамъ) для того, чтобы это имя указывало на единство природы, а указаніе на это единство и самый способъ сотворенія (жены) служило бы побужденіемъ къ всегдашней любви и связію единодушія? За-тѣмъ чтò говоритъ? *Сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь свою, и прилѣпится къ женѣ своей* (ст. 24). Не сказалъ просто: «соединится», но: *прилѣпится* оз-

[1]) Два переводчика свящ. книгъ в. З. съ евр. языка на греч.,— Симмахъ и Өеодотіонъ слова еврейскаго текста: זאת הפעם перевели τοῦτο ἅπαξ — *это однажды, на этотъ разъ только.*

начая этимъ самое тѣсное совокупленіе: *и будета два въ плоть едину.*

4. Итакъ, знавшій столько ужели, скажи мнѣ, не зналъ, что̀ добро, и что́ зло? Съ чѣмъже это будетъ сообразно? Если бы Адамъ, до вкушенія отъ древа, не зналъ что̀ добро, и что́ зло, а узналъ это уже послѣ вкушенія: то грѣхъ былъ бы для него учителемъ мудрости, и змій сталъ бы уже не обольстителемъ, но, полезнымъ совѣтникомъ, такъ какъ сдѣлалъ бы Адама изъ звѣря человѣкомъ. Но да не будетъ; это не такъ, нѣтъ. Если бы Адамъ не зналъ, что̀ добро, и что́ зло; какъ бы онъ принялъ и заповѣдь? Не даютъ закона тому, кто не знаетъ, что преступленіе (закона) есть зло. А Богъ и далъ (Адаму законъ), и за преступленіе наказалъ его; но Онъ не сдѣлалъ бы ни того, ни другаго, если бы не создалъ Адама въ началѣ способнымъ знать добродѣтель и порокъ. Видишь, какъ мы доказали со всѣхъ сторонъ, что Адамъ не послѣ вкушенія отъ древа узналъ добро и зло, но зналъ это и прежде того?

5. Все это, возлюбленные, удержимъ (въ памяти), и пришедши домой, предложимъ двоякую трапезу, — одну изъ снѣдей, другую изъ поученія. Мужъ пусть пересказываетъ, а жена пусть узнаетъ о томъ, что было сказано (въ церкви); пусть слушаютъ и дѣти, да и домочадцы пусть не лишены будутъ этого поученія. Домъ твой сдѣлай церковію: ты подлежишь

отвѣтственности за спасеніе и дѣтей, и домочадцевъ. Какъ мы отвѣчаемъ за васъ, такъ и каждый изъ васъ дастъ отвѣтъ и за слугу, и за жену, и за сына. Послѣ такихъ разговоровъ, и сновидѣнія будутъ у насъ самыя пріятныя, свободныя отъ всякой мечты: потому что, о чемъ душа, обыкновенно, думаетъ днемъ, то представляется ей и во снѣ. И, если мы будемъ удерживать въ памяти, что говорится (въ церкви) каждый день, то намъ не нужно будетъ большаго труда: тогда для васъ яснѣе будетъ послѣдующее слово, а для насъ легче поученіе. Итакъ, чтобы былъ какой либо плодъ и намъ, и вамъ, намъ отъ учительства, а вамъ отъ слушанія, пусть предлагается у васъ, вмѣстѣ съ тѣлесною трапезою, и духовная. Это послужитъ вамъ и къ безопасности, и къ украшенію и Богъ устроитъ на пользу дѣла настоящей жизни, и все будетъ весьма легко и удобно. *Ищите*, говоритъ Онъ, *прежде царствія небеснаго, и сія вся приложатся вамъ* (Мат. 6, 33). Будемъ же, возлюбленные, искать его, чтобы получить намъ и здѣшнія, и тамошнія блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ слава Отцу и Святому Духу, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

25 БЕСѢДА,

НА КНИГУ БЫТІЯ VII [1]).

1. Много просилъ я вчера вашу любовь запомнить сказанное (въ церкви), и предложить (дома) вечеромъ двоякую трапезу,—трапезу изъ снѣдей, и при ней угощеніе словами (духовными). Что-же? сдѣлали-ли вы это? предложили-ли двоякую трапезу? — Знаю, что вы сдѣлали, и вкусили не только той (тѣлесной), но и этой (духовной трапезы). Позаботившись о худшей, вы, конечно, не могли пренебречь лучшею. И дѣйствительно, эта лучше той. Ту составили руки поваровъ, а эту приготовили уста пророковъ; въ той произрастѣнія земли, а въ этой плодъ Духа; брашна той трапезы скоро портятся, а этой—нетлѣнны; та поддерживаетъ настоящую нашу жизнь, а эта ведетъ насъ къ будущей. Итакъ, что вы, вмѣстѣ съ тою, приготовили и эту (духовную) трапезу,—это узналъ я, не отъ проводника, не отъ слуги вашего, но отъ такого вѣстника, который вѣрнѣе этихъ. Отъ какого-же это? Отъ (вашего) одобренія того, что (мною) сказано, отъ похвалы преподанному на-

---

[1]) Надписывается: «почему древо то называется древомъ познанія добра и зла; и о томъ, что значатъ слова: *днесь со мною будеши въ раи* (Лук. 23, 43).»

ставленію. Когда я сказалъ вчера: «пусть каждый изъ васъ сдѣлаетъ свой домъ церковію», вы громко воскликнули, изъявляя удовольствіе по поводу этихъ словъ. А кто съ удовольствіемъ слушаетъ поученіе, тотъ готовъ представить доказательство и на дѣлѣ. Поэтому я сегодня еще съ бо́льшимъ усердіемъ поспѣшилъ къ проповѣданію. Только будьте внимательны и нынѣ.

2. Надобно быть не только проповѣднику бодрымъ, но и слушателямъ усердными,—даже слушателямъ болѣе, нежели проповѣднику. У насъ одна вѣдь забота—передать господское серебро, а вамъ предлежитъ бо́льшій трудъ — и принять это серебро, и сохранить его съ великою осторожностію. Итакъ, по выслушаніи поученія, привѣсьте къ дверямъ замки и запоры: приставьте къ душѣ, со всѣхъ сторонъ, грозные помыслы, какъ какихъ либо стражей. Воръ дерзокъ, всегда бодрствуетъ и непрестанно нападаетъ; и хоть часто терпитъ неудачу, однакожъ часто и подступаетъ. Пусть-же стражи будутъ грозны и, если увидятъ, что діаволъ пришелъ и хочетъ похитить что-либо изъ положеннаго у васъ, пусть гонятъ его прочь съ громкимъ крикомъ; станутъ ли нападать заботы житейскія, будетъ-ли безпокоить забывчивость по слабости природы: пусть (эти помыслы) пробуждаютъ память размышленіемъ. Потерять господское серебро не маловажная опасность.

Если получившіе (на храненіе) эти (обыкновенныя) деньги часто наказываются смертію, когда расточатъ ихъ: то какому наказанію подвергнутся тѣ, которые, получивъ дражайшія серебра слова, погубятъ ихъ? Получающіе эти деньги отвѣчаютъ только за сбереженіе ихъ, а болѣе ни за что: сколько они получили, столько и должны, конечно, положить (въ хранилище); болѣе ничего никто не требуетъ отъ нихъ. Но по отношенію къ словамъ Божіимъ, мы обязаны отчетомъ не только въ сбереженіи, но и въ великомъ приращеніи ихъ. Намъ повелѣвается не только возвратить, что мы получили, но и представить это Господу вдвойнѣ. Между тѣмъ, много безпокойства и заботы требовалось-бы и тогда, если-бы надлежало только сберечь: когда-же Господь повелѣваетъ намъ еще увеличить полученное нами, то, подумай, какой трудъ, какая заботливость требуется отъ насъ, которымъ (это сокровище) довѣрено? Вотъ почему нѣкто, получившій пять талантовъ, принесъ не только тѣ (таланты), кои были ему ввѣрены, но и еще столько-же. Тѣ таланты были — даръ человѣколюбія господина: такъ надлежало и рабу показать свое усердіе. Подобнымъ образомъ, и получившій два таланта пріобрѣлъ на нихъ другіе два, и за это получилъ одинаковую честь отъ своего господина. Но другой нѣкто, получившій одинъ талантъ, принесъ то самое, что̀ дано ему, не уменьшивъ

и не убавивъ ввѣреннаго; однакожъ за то, что не употребилъ въ дѣло и не удвоилъ даннаго ему (таланта), потерпѣлъ онъ жесточайшее наказаніе,—и совершенно справедливо. Если-бы я, говоритъ господинъ, хотѣлъ только беречь эти таланты, а не получить отъ нихъ двойную прибыль: то не вручилъ-бы ихъ рабамъ (Мат. 25, 14—30).

3. А ты смотри на человѣколюбіе Господа. Получившій пять талантовъ принесъ другіе пять, а получившій два — еще столько-же: и оба они получили одинаковую награду. Какъ тому (господинъ) сказалъ: *добрѣ, рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю* (ст. 21); такъ и принесшему два говоритъ: *добрѣ, рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю* (ст. 23). Прибыль не одинакова, а награда одинакова. Такъ, и этого (раба господинъ) удостоилъ одинакой чести. Почему это? потому что Богъ смотрѣлъ не на количество принесеннаго, а на силу трудившихся. Каждый изъ нихъ сдѣлалъ, что могъ; а что первый принесъ болѣе, а послѣдній менѣе, тому причиною не безпечность этого и не усердіе того, но разность данной имъ суммы. Тотъ получилъ пять и принесъ другіе пять; этотъ получилъ два, и принесъ (другіе) два; значитъ, нисколько не уступилъ въ усердіи. И этотъ удвоилъ, и тотъ удвоилъ данное. А получившій одинъ талантъ принесъ только его; потому и наказанъ.

4. Итакъ слышали вы, какое наказаніе ожидаетъ тѣхъ, которые не пускаютъ въ оборотъ господскія деньги? Сбережемъ-же ихъ, и пустимъ въ оборотъ, и сдѣлаемъ на нихъ великую прибыль. Никто не говори: «я человѣкъ простой, я ученикъ, не имѣю слова учительнаго, потому что не ученъ и ничего не знаю». Пусть ты человѣкъ простой и неученый, и получилъ только одинъ талантъ: употреби въ дѣло то, что̀ тебѣ дано, и — получишь одинаковую съ учителемъ награду. Впрочемъ, я совершенно увѣренъ, что вы храните (въ памяти) сказанное, и бережете весьма тщательно. Такъ, чтобы не употребить на это всю бесѣду, предложимъ теперь вашей любви и то, что слѣдуетъ за сказаннымъ нами вчера, и этимъ наградимъ васъ за сбереженіе (сказаннаго). Кто сберегъ, что̀ дано ему прежде; тотъ достоинъ получить и еще. Какое-же повѣствованіе предложено нами вчера?

5. Слово было о древѣ, и мы доказали, что человѣкъ, до вкушенія отъ древа зналъ добро и зло, и показалъ великую мудрость свою въ томъ, что далъ имена звѣрямъ,—въ томъ, что узналъ жену свою,—въ томъ, что сказалъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ* (Быт. 2, 23); — въ томъ, что̀ произнесъ онъ о бракѣ, о дѣторожденіи и сожитіи (супружескомъ), объ отцѣ и матери;—въ томъ, что получилъ заповѣдь. Ибо не знающему добра и зла не даютъ заповѣди и закона, что̀ дѣлать и чего не дѣлать. Сегодня надобно ска-

зать, для чего, если человѣкъ получилъ это знаніе не отъ древа, древо это названо древомъ познанія добра и зла: не маловажно знать, почему древо имѣетъ такое названіе. И діаволъ вѣдь сказалъ: *въ оньже аще день снѣсте отъ* древа, *отверзутся очи ваши, и будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое* (Быт. 3, 5). Какъ-же ты, скажете, говоришь, что не (древо) сообщило (человѣку) познаніе добра и зла?—Кто-же, скажи мнѣ, сообщилъ? ужели діаволъ?—Да, говорите, онъ, когда сказалъ: *будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое.* Такъ ты представляешь мнѣ свидѣтельство врага и злоумышленника?—Правда, онъ сказалъ: *будете бози;* такъ ужели они и стали богами? Значитъ, если они не сдѣлались богами, то и не получили тогда познанія добра и зла. Онъ лжецъ и не говоритъ ничего истиннаго: *во истинѣ,* сказано, *не стоитъ* (Іоан. 8, 44). Не будемъ-же приводить вражескаго свидѣтельства, но посмотримъ изъ самаго дѣла, почему это древо называется древомъ познанія добра и зла.

6. И напередъ, если угодно, разсмотримъ, что̀ такое добро и зло. Что-же такое добро? Послушаніе. А что̀ зло? Непослушаніе.—И теперь же, чтобы намъ не заблуждать касательно сущности добра и зла, изслѣдуемъ это на основаніи Писанія. Дѣйствительно, что въ этомъ состоитъ добро и зло, послушай, какъ говоритъ Пророкъ: *что добро, и чесого Господь* Богъ *ищетъ отъ тебе?* Скажи, что̀ добро? *Любити Господа Бога твоего*

(Мих. 6, 8) [1]). Видишь, что послушаніе – добро, потому что послушаніе отъ любви. И опять: *два зла*, говоритъ Господь, *сотвориша людіе Мои: Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержати* (Іер. 2, 13). Видишь, что зло—непослушаніе и оставленіе (Бога)?—Будемъ-же пока помнить это, что добро — послушаніе, а зло—непослушаніе, и такимъ образомъ узнаемъ и то [2]).

7. Древо потому и называется древомъ познанія добра и зла, что заповѣдь, которою испытывалось послушаніе и непослушаніе (человѣка), касалась именно этого древа. Адамъ и прежде зналъ, что послушаніе—добро, а непослушаніе – зло, но въ послѣдствіи узналъ это яснѣе на самомъ опытѣ. И Каинъ, прежде чѣмъ убилъ своего брата, зналъ, что братоубійство—зло. А что онъ зналъ это, послушай, что онъ говоритъ: *пойдемъ на поле* (Быт. 4, 8). Но для чего ты, оторвавши брата отъ отеческаго нѣдра, влечешь его въ поле? для чего ведешь въ пустое мѣсто? для чего дѣлаешь беззащитнымъ? для чего удаляешь отъ отеческаго взора? для чего скрываешь дерзкое предпріятіе, если не боишься грѣха?—Для чего, и по совершеніи убійства, когда спрашиваютъ тебя, негодуешь и лжешь? Ибо, когда

[1]) Въ Славянск. переводѣ: *готову быти еже ходити съ Господемъ Богомъ твоимъ.*

[2]) Т. е., почему древо называется древомъ познанія добра и зла.

Богъ спросилъ: *гдѣ есть Авель братъ твой?* ты сказалъ: *еда стражъ брату моему есмь азъ?* (ст. 9).—Отсюда видно, что (Каинъ) съ яснымъ сознаніемъ приступилъ къ этому дѣлу. Такимъ образомъ, какъ этотъ, еще до опыта, зналъ, что убійство—зло, а еще яснѣе узналъ послѣ, когда подвергся наказанію и услышалъ: *стеня и трясыйся будеши на земли* (ст. 12): такъ и отецъ его имѣлъ, и до вкушенія, познаніе добра и зла, хотя и не такъ ясное, какъ по вкушеніи отъ древа.—Что и говорить? Всѣ мы знаемъ зло и до совершенія его, но яснѣе узнаемъ по совершеніи, а еще яснѣе, когда терпимъ наказаніе. Такъ и Каинъ зналъ и прежде, что братоубійство—зло, но послѣ яснѣе узналъ изъ наказанія: вѣдь и мы знаемъ и до опыта, что здоровье-добро, а болѣзнь тяжкая вещь, но гораздо лучше познаемъ разность того и другой, когда впадемъ въ болѣзнь. Такимъ-же образомъ и Адамъ зналъ, что послушаніе — добро, а непослушаніе зло, но яснѣе узналъ послѣ, когда, вкусивъ отъ древа, изгнанъ былъ изъ рая и лишился того блаженства. Итакъ, когда онъ подвергся наказанію за то, что, не смотря на запрещеніе Божіе, вкусилъ отъ древа, наказаніе яснѣе научило его опытомъ, какое зло—неповиноваться Богу, и какое добро — повиноваться. Вотъ, почему древо называется древомъ познанія добра и зла.

8. Но отъ-чего древо называется древомъ

познанія добра и зла, если не само оно заключало въ себѣ познаніе добра и зла, а человѣкъ только яснѣе узналъ это изъ наказанія за непослушаніе, обнаружившееся чрезъ это древо? Отъ того, что Писаніе имѣетъ такой обычай, — когда случится событіе въ извѣстныхъ мѣстахъ или въ извѣстныя времена, называть этѣ мѣста и времена по событіямъ. И, чтобы слова мои были яснѣе, докажу вамъ ихъ примѣромъ. Исаакъ выкопалъ нѣкогда колодезь; этотъ колодезь сосѣди вздумали испортить; отсюда вышла вражда, и Исаакъ назвалъ колодезь тотъ враждою, не потому, чтобы самъ колодезь показалъ вражду, но потому, что изъ-за него вышла вражда (Быт. 26, 32. 33). Такъ и древо называется древомъ познанія добра и зла, не потому, чтобы само оно имѣло это познаніе, но потому, что чрезъ него обнаружилось познаніе добра и зла. Опять, Авраамъ выкопалъ колодезь; Авимелехъ сдѣлалъ ему на-зло; сошлись они, прекратили вражду, поклялись другъ другу, и назвали тотъ колодезь *кладязь клятвенный*, не потому, чтобы колодезь далъ клятву, но потому, что изъ-за него дана была клятва (Быт. 21, 25—32. сн. 26, 15—18). Видишь, что не мѣста бываютъ причиною событій, хотя и получаютъ названія отъ событій? Такъ-то весьма нужно приводить примѣры, чтобы слова были яснѣе! — Опять, Іаковъ увидѣлъ срѣтившихся съ нимъ Ангеловъ и полкъ Божій, и назвалъ то мѣсто полкомъ (Быт. 32, 1. 2). Мѣ-

сто не было полкомъ, однакожъ названо полкомъ, потому-что Іаковъ увидѣлъ тутъ полкъ. Видишь, какъ онъ самое мѣсто назвалъ по событію, случившемуся на томъ мѣстѣ? Такъ и древо называется древомъ познанія добра и зла, не потому, чтобы само оно имѣло познаніе добра и зла, но потому, что чрезъ него обнаружилось познаніе добра и зла, и произведено испытаніе (человѣка) въ послушаніи и непослушаніи. Опять, Іаковъ увидѣлъ Бога, сколько возможно человѣку видѣть Его, и далъ мѣсту тому имя: *видъ Божій*, почему? *видѣхъ бо Бога*, говоритъ Іаковъ (Быт. 32, 30). Мѣсто не было видомъ Божіимъ, но получило названіе отъ случившагося въ немъ событія.

9. Видишь, сколько представлено доказательствъ на то, что Писаніе имѣетъ обычай называть самыя мѣста по событіямъ, случающимся въ этихъ мѣстахъ? Тоже самое дѣлаетъ оно и относительно временъ. Но чтобы не напрягать васъ, вотъ переведемъ рѣчь отъ предметовъ печальныхъ къ пріятнымъ. Умъ вашъ уже утомился, занимаясь довольно тонкими мыслями: поэтому хорошо дать ему отдыхъ, и предложить болѣе простыя и свѣтлыя мысли. Итакъ обратимся къ спасительному древу креста. Это древо уничтожило всѣ несчастія, какія ввело то древо; а вѣрнѣе сказать, несчастія ввело не то древо, но человѣкъ, — онъ произвелъ всѣ бѣдствія, которыя послѣ совершенно

уничтожилъ Христосъ, даровавъ гораздо большія оныхъ блага. Поэтому самому Павелъ говоритъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. 5, 20), то есть, даръ больше грѣха. Поэтому онъ опять говоритъ: *не якоже прегрѣшеніе, тако и даръ* (ст. 15); не столько согрѣшилъ человѣкъ, сколько даровалъ Богъ; не такъ велика потеря, какъ велика прибыль, не такъ велико кораблекрушеніе, какъ велико пріобрѣтеніе; нѣтъ, благъ болѣе, нежели сколько золъ, и—справедливо. Бѣдствія ввелъ рабъ, и ихъ было меньше; а блага даровалъ Господь, потому и было ихъ больше. Поэтому (Апостолъ) говоритъ: *не якоже прегрѣшеніе, тако и даръ*. Потомъ представляетъ и самую разность: *судъ* (τὸ κρίμα) [1]) *бо изъ единаго во осужденіе, даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе* (ст. 16). Слова эти нѣсколько не ясны: такъ надобно присовокупить объясненіе. *Судъ* значитъ наказаніе, мука, смерть. *Изъ единаго*, то есть, за одинъ грѣхъ; потому-что одинъ грѣхъ ввелъ такое зло, а даръ уничтожилъ не только этотъ одинъ грѣхъ, но и много другихъ. Поэтому (Апостолъ) говоритъ: *даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе*. Поэтому и Іоаннъ Креститель вопіялъ: *се Агнецъ Божій*, не-вземляй грѣхъ Адама, но—*вземляй грѣхъ міра* (Іоан. 1, 29). Видишь, что *не якоже прегрѣшеніе, тако и даръ*, напротивъ,

---

[1]) Въ славянск. переводѣ: *грѣхъ*.

это древо (креста) доставило благъ, болѣе нежели сколько золъ введено въ началѣ?

10. Это сказалъ я, чтобы ты не счелъ себя обиженнымъ прародителями. Діаволъ изгналъ (изъ рая) Адама; Христосъ ввелъ (въ рай) разбойника. Смотри-же, какая разность. Тотъ изгналъ человѣка, на которомъ было одно пятно непослушанія: Христосъ ввелъ въ рай разбойника, на которомъ были безчисленныя бремена грѣховъ. Такъ только это и есть удивительнаго, что (Христосъ) ввелъ въ рай разбойника, а больше ничего? Нѣтъ, можно указать и на другое, болѣе важное. Разбойника ввелъ (Христосъ) не просто, но еще прежде всей вселенной, даже прежде Апостоловъ: пусть, послѣ этого, никто не теряетъ надежды войти (въ рай) и не отчаявается въ своемъ спасеніи, видя, что сдѣлавшій безчисленные грѣхи обитаетъ въ царскихъ чертогахъ. Но посмотримъ, не показалъ ли разбойникъ трудовъ, подвиговъ, плодовъ? И этого нельзя сказать; напротивъ, за одно слово, за одну вѣру вошелъ онъ въ рай прежде Апостоловъ, чтобы ты зналъ, что не его праведность имѣла такую силу, но все сдѣлало человѣколюбіе Божіе. Что, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ разбойникъ? что сдѣлалъ? постился? плакалъ? истязалъ себя? каялся долгое время? Никакъ; напротивъ, на самомъ крестѣ, послѣ осужденія (на казнь), получилъ спасеніе. Вотъ, какъ скоро: съ креста на небо, отъ осужденія къ спасенію! Какія же то слова

(разбойника)? какую имѣютъ онѣ силу, что доставили ему столько благъ? *Помяни мя*, сказалъ онъ, *во царствіи твоемъ* (Лук. 23, 42). Что-же это такое? Только попросилъ благъ, еще не доказалъ усердія на дѣлѣ: но знавшій сердце его смотрѣлъ не на слова, а на расположеніе души. Знавшіе ученіе пророковъ, видѣвшіе знаменія и чудеса говорили о Христѣ, что онъ *бѣса иматъ* и *льститъ народы* (Іоанн. 7, 12. 20): а разбойникъ, не слышавшій пророковъ, не видѣвшій чудесъ, тогда какъ видѣлъ Его распятымъ на крестѣ, не обратилъ вниманія на этотъ позоръ, не посмотрѣлъ на это безславіе, но познавъ (въ Немъ) самое божество, *помяни мя*, сказалъ, *во царствіи твоемъ*. Это необычайно и изумительно! Видишь крестъ, и напоминаешь о царствѣ! Что-же ты увидѣлъ достойнаго царства? Человѣка распятаго, заушаемаго, осмѣиваемаго, поносимаго, оплевываемаго, бичуемаго: это ли достойно царства, скажи мнѣ? — Видишь ли, что (разбойникъ) смотрѣлъ очами вѣры, и судилъ не по внѣшности? Поэтому и Богъ судилъ не по однимъ словамъ, но, какъ этотъ (разбойникъ) смотрѣлъ на божество (Іисуса Христа), такъ и Богъ смотрѣлъ на сердце разбойника, и сказалъ: *днесь со мною будеши въ раи* (Лук. 23, 43).

11. Здѣсь будьте внимательны: раждается немаловажный вопросъ. Вотъ манихеи, эти нѣмые и бѣшеные псы, показываютъ видъ кроткій, а внутри носятъ свирѣпое бѣшенство псовъ,

подъ кожею овцы скрываютъ волка. Но не смотри на внѣшность, а разузнай скрытаго внутри звѣря. Такъ они-то (манихеи), ухватившись за это мѣсто, говорятъ: Христосъ сказалъ: *аминь, аминь глаголю тебѣ, днесь со Мною будеши въ раи;* значитъ, воздаяніе благъ уже было, и воскресеніе не нужно. Поняли ли вы слова (I. Христа), или надобно еще повторить ихъ? *Аминь, аминь глаголю тебѣ, днесь со Мною будеши въ раи.* Итакъ, говорятъ манихеи, разбойникъ вошелъ въ рай не съ тѣломъ; какъ-же иначе, когда тѣло его не было погребено, не разрушилось и не сдѣлалось прахомъ, и нигдѣ не сказано, что Христосъ воскресилъ его? Если-же (Христосъ) ввелъ разбойника, и этотъ сталъ наслаждаться блаженствомъ безъ тѣла: очевидно, что нѣтъ воскресенія тѣла. Если-бы было воскресеніе тѣла, Христосъ сказалъ бы не: *днесь со Мною будеши въ раи*, но: «при концѣ міра, когда будетъ воскресеніе тѣлъ». Если-же Христосъ уже ввелъ разбойника въ рай, а тѣло его, сотлѣвши, осталось внѣ (рая): явно, что воскресенія тѣлъ нѣтъ. Вотъ, что говорятъ они. Примите-же теперь и наши (слова), а лучше сказать, не наши, но—Божественнаго Писанія; потому что мы говоримъ не свои слова, но—Святаго Духа.

12. Что говоришь? плоть не участвуетъ въ вѣнцахъ? Но она участвовала въ трудахъ: а наградъ лишается? Когда надлежало подвизаться,

она подъяла большую часть трудовъ: а какъ пришло время вѣнцовъ, то вѣнчается одна душа? Не слышишь ли, что говоритъ Павелъ: *явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ* [1] *содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10)? Не слышишь ли, какъ онъ-же говоритъ: *подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53)? *Мертвенному*,—чему? душѣ, или тѣлу? Очевидно, тѣлу; потому что душа по природѣ безсмертна, а тѣло по природѣ смертно.

13. Но (еретики) много обсѣкаютъ этѣ (слова); впрочемъ и изъ самыхъ остатковъ можемъ показать сродство (съ ними) обсѣченнаго. Разбойникъ вошелъ въ рай, говорятъ они. Чтожъ изъ этого? вѣдь не въ этомъ заключаются блага, которыя Богъ намъ обѣщаетъ. Не слышишь ли, что Павелъ говоритъ о тѣхъ (небесныхъ) благахъ? *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). А рай и око Адамово видѣло, и ухо слышало, и сердце человѣческое ощущало: объ немъ-то мы и бесѣдуемъ столько дней. Какъ-же разбойникъ получилъ (небесныя) блага? Богъ обѣщаетъ ввести насъ, не въ рай, но въ самое небо; проповѣдалъ,

---

[1] Св. Златоустъ читалъ это мѣсто ближе къ своей мысли, такъ: ἵνα ἕκαστος κομίσηται τὰ ἴδια τοῦ σώματος, πρὸς ἃ ἔπραξεν κ. τ. λ. т. е. чтобы каждый получилъ свойственное, или слѣдующее тѣлу, соотвѣтственно тому, что сдѣлалъ и т. д.

не царство райское, но царство небесное. *Начатъ Іисусъ*, сказано, *проповѣдати и глаголати: покайтеся, приближибося*, не царство райское, но *царство небесное* (Мат. 4, 17). Ты потерялъ рай, а Богъ далъ тебѣ небо, чтобы и явить собственное человѣколюбіе, и уязвить діавола, показавъ, что онъ, сколько ни будетъ злоумышлять противъ человѣческаго рода, не успѣетъ ни въ чемъ, потому что Богъ постоянно возводитъ насъ къ бо́льшей чести. Такъ, ты потерялъ рай, а Богъ отворилъ тебѣ небо; ты осужденъ былъ на временный трудъ, а удостоился вѣчной жизни. Богъ повелѣлъ землѣ *возрастить тернія и волчцы* (Быт. 3, 18), а душа произрастила тебѣ плодъ Духа. Видишь, какъ прибыль важнѣе убытка? какъ обильнѣе богатство? Именно; Богъ создалъ человѣка изъ земли и воды, и помѣстилъ его въ раю. Созданный не остался добрымъ, но развратился. Богъ возсозидаетъ его, только уже не изъ земли и воды, но изъ воды и Духа; и обѣщаетъ ему, уже не рай, но царство небесное. А какъ, послушай. Когда Никодимъ, начальникъ іудейскій, заблуждалъ и, имѣя въ мысляхъ здѣшнее рожденіе, говорилъ, что старый человѣкъ не можетъ родиться вновь, смотри, какъ Христосъ яснѣе открываетъ ему образъ рожденія: *аще кто́ не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. 3, 5). Итакъ, если (Господь) обѣщалъ царство небесное, а разбойника ввелъ въ рай; то Онъ еще

не далъ ему благъ (духовныхъ, даруемыхъ вѣрующимъ).

14. Но еретики, сверхъ того, возражаютъ еще нѣчто другое. Раемъ, говорятъ, Христосъ здѣсь назвалъ, не рай (эдемскій), но царство небесное. Такъ какъ Онъ говорилъ разбойнику, человѣку, не слыхавшему высокихъ догматовъ и не знавшему пророчествъ, но все время проведшему въ пустыхъ мѣстахъ, производившему убійства, никогда не заглядывавшему въ церковь, не внимавшему божественнымъ поученіямъ, не знавшему, что такое — царство небесное; то и сказалъ такъ: *днесь со Мною будеши въ раи.* Этимъ болѣе извѣстнымъ и обыкновеннымъ именемъ Христосъ обозначаетъ царство небесное, и объ немъ-то говоритъ разбойнику. Согласенъ. Итакъ, говорятъ, разбойникъ вошелъ въ царство небесное. — Откуда видно? — Изъ словъ: *днесь со Мною будеши въ раи.* Если-же это рѣшеніе нѣсколько принужденно, приведемъ болѣе ясное.—Какое-же это?—Христосъ сказалъ: *не вѣруяй* въ Сына *уже осужденъ есть* (Іоан. 3, 18).—Такъ что? уже осужденъ? А между тѣмъ еще нѣтъ воскресенія, еще нѣтъ наказанія и муки: какъ-же уже осужденъ? Самымъ грѣхомъ (невѣрія). Опять Господь говоритъ: *вѣруяй* въ Сына *прейде* (μεταβέβηκεν) [1]) *отъ смерти въ животъ* (Іоанн. 5, 24). Не сказалъ: прейдетъ, но: уже *прейде.* И этотъ, опять, добрымъ дѣломъ

[1] Въ славянск. переводѣ: *прейдетъ.*

(т. е. вѣрою), какъ и тотъ грѣхомъ. Значитъ, какъ тотъ осужденъ, не бывъ еще судимъ, и этотъ перешелъ въ жизнь, еще не перешедши, и какъ этому Христосъ говоритъ, (что онъ перешелъ въ жизнь) добрымъ дѣломъ, а тому, (что осужденъ) грѣхомъ, какъ будто-бы уже сбылось еще не сбывшееся: въ такомъ-же смыслѣ говорилъ Онъ и къ разбойнику. И врачи, какъ увидятъ кого въ отчаянномъ положеніи, говорятъ, что онъ уже умеръ и мертвъ, хотя видятъ, что онъ еще дышетъ. Но какъ такой человѣкъ для врачей умеръ, потому что не имѣетъ надежды на спасеніе: такъ и разбойникъ вошелъ въ небо, потому что уже не имѣлъ опасенія подвергнуться погибели. Такъ и Адамъ услышалъ: *въ оньже аще день снѣсте отъ* древа, *смертію умрете* (Быт. 2, 17). Что-же въ этотъ самый день онъ и умеръ? Никакъ, но прожилъ послѣ того дня болѣе девяти сотъ лѣтъ (Быт. 5, 5).—Какъ-же Богъ сказалъ: въ тотъ-же день умрете?—(Умрете) приговоромъ (Божіимъ), а не самымъ дѣломъ. Такъ и разбойникъ вошелъ въ небо. Послушай, что говоритъ Павелъ, желая показать, что никто еще не получилъ въ награду благъ (небесныхъ). Говоря о пророкахъ и праведникахъ онъ прибавилъ: *по вѣрѣ умроша сіи вси, не пріемше обѣтованій, но издалеча видѣвше я и цѣловавше, Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ* (Евр. 11, 13. 40).

15. Это замѣтьте и помните; этому учите и не слушавшихъ (бесѣды); объ этомъ размышляй каждый и въ церкви, и на рынкѣ, и дома. Нѣтъ ничего пріятнѣе Божественнаго ученія. Послушай, что объ немъ говоритъ Пророкъ: *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда* и сота *устомъ моимъ* (Пс. 118, 103). Этотъ-то сотъ полагай на вечерней трапезѣ, чтобы вся она полна была духовной сладости. Не видите ли, какъ богатые люди послѣ обѣда вводятъ къ себѣ арфистовъ и флейщиковъ? Они свой домъ дѣлаютъ театромъ; ты сдѣлай твой домъ Церковію, а сдѣлаешь, не тогда, какъ перемѣнишь стѣны, или переиначишь основаніе, но когда призовешь къ твоей трапезѣ самаго Владыку небеснаго. Богъ не стыдится такихъ вечерей. Ибо, гдѣ духовное поученіе, тамъ и цѣломудріе, и честность, и скромность; гдѣ мужъ и жена и дѣти, и согласіе, и дружба, и (всѣ) связаны узами добродѣтели, тамъ—среди ихъ Христосъ. Онъ ищетъ, не золотаго потолка, не блестящихъ столбовъ и не красивыхъ мраморовъ, но благолѣпія души, красоты ума и трапезы, наполненной праведностію и плодами милостыни. И, если увидитъ такую трапезу, тотчасъ приходитъ и принимаетъ участіе въ собраніи. Онъ самъ сказалъ: «вы видѣли Меня алчущимъ, и напитали» (Мат. 25, 35). Итакъ, когда услышишь, что внизу громко кричитъ нищій, потомъ дашь просящему что нибудь со

стола: въ такомъ случаѣ ты въ лицѣ раба пригласилъ къ своей трапезѣ Господа, сдѣлалъ ее благословенною, и этимъ начаткомъ (διὰ τῆς ἀπαρχῆς) подалъ важнѣйшій поводъ къ наполненію твоихъ житницъ множествомъ благъ. Богъ-же мира, дающій хлѣбъ въ пищу и сѣмя сѣющему, да подастъ обиліе посѣянному вами, и умножитъ плоды правды во всѣхъ васъ, сообщая благодать свою (2 Кор. 9, 10), и да удостоитъ (васъ) царствія небеснаго, которое да получимъ всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ слава Отцу и Святому Духу, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

26 БЕСѢДА,

НА КНИГУ БЫТІЯ VIII [1]).

1. Скопленіе облаковъ омрачило у насъ день, а присутствіе учителя [2]) сдѣлало его свѣтлымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не такъ солнце освѣщаетъ тѣла, пуская лучи съ высоты небесной,

---

[1]) Надписывается: «на дождливый день и по случаю собранія епископовъ; о данной Адаму заповѣди, и о томъ, что полученіе имъ закона было знакомъ великой попечительности (Божіей)».
[2]) Епископа Флавіана.

какъ взоръ отеческой любви озаряетъ наши души, испуская лучи отъ престола (епископскаго). Зная это, и онъ, не только самъ пришелъ къ намъ, но и привелъ съ собою хоръ свѣтилъ [1]), чтобы свѣта было больше. Потому и Церковь у насъ веселится, и стадо скачетъ, и мы съ бо́льшимъ усердіемъ беремся за слово. Ибо гдѣ стеченіе пастырей, тамъ безопасно и овцамъ. Такъ и корабельщики радуются, когда съ ними много кормчихъ; потому что эти, во время тишины и безвѣтрія, облегчаютъ имъ, посредствомъ рулей, трудъ гребли, а при волненіи моря, своимъ искуствомъ и множествомъ рукъ, усмиряютъ борьбу воды. По этому и мы, поручивъ все молитвамъ ихъ (епископовъ) смѣло простираемъ слово къ ученію. Но, чтобы наставленіе было для васъ удобовразумительнѣе и яснѣе, напомнимъ вкратцѣ и о томъ, что сказано вамъ вчера.

2. Я сказалъ, что человѣкъ, еще до вкушенія отъ древа, зналъ добро и зло, а не по вкушеніи уже получилъ это знаніе. Сказалъ, почему это древо названо древомъ познанія добра и зла, и какъ Писаніе имѣетъ обычай, когда какое либо событіе случится въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, называть и время и мѣсто это по событію. Сегодня надобно прочесть самую заповѣдь, которою (Богъ) воспретилъ вкушеніе отъ древа. Какая-же она? *И за-*

---

[1]) Епископовъ.

повѣда Господь Богъ Адаму, глаголя: отъ всякаго древа, еже въ раи, снѣдію снеси (Быт. 2, 16). Божескій законъ; — такъ будемъ внимательны. Если люди, читая царскія грамоты, заставляютъ встать все собраніе: тѣмъ болѣе мы, готовясь читать Божіи законы, должны приподняться умомъ и внимательно слушать, что говорится. Знаю, что нѣкоторые винятъ законодателя и говорятъ, что законъ былъ причиною паденія. Итакъ надобно прежде стать противъ этого, и доказать самыми дѣлами, что Богъ далъ законъ, не по враждѣ къ человѣку и не по желанію сдѣлать зло нашей природѣ, но по любви и попечительности.

3. Для удостовѣренія, что Богъ далъ намъ законъ въ пособіе, послушай что говоритъ Исаія: *законъ бо въ помощь даде* (Иса. 8, 20). А кто ненавидитъ, тотъ не помогаетъ. Опять, Пророкъ вопіетъ: *свѣтильникъ ногама моима законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ* (Псал. 118, 105). А ненавидящій не прогоняетъ мрака свѣтильникомъ, и заблудившаго не направляетъ на путь свѣтомъ. Опять Соломонъ: *свѣтильникъ заповѣдь закона, и свѣтъ, и жизнь* [1]), *и обличеніе, и наказаніе* (Притч. 6, 23). Вотъ (законъ), не только помощь, не только свѣтильникъ, но и свѣтъ, и жизнь. Но эти (качества) свойственны не ненавидящему и желающему погубить, но подающему руку и поднимающему (лежащаго). По-

[1]) въ Славянск. переводѣ: *путь жизни.*

этому и Павелъ, нападая на Іудея и показывая, сколько пользы принесъ законъ, и что онъ для нашей природы служитъ успокоеніемъ, а не отягощеніемъ, сказалъ: *се ты Іудей именуешися, и почиваеши на законѣ* (Рим. 2, 17). Видишь, что Богъ далъ законъ, не для отягощенія, но для облегченія нашей природы? Хочешь ли знать, что—и для оказанія ей чести?

4. Конечно и это (сказанное) уже достаточно показываетъ честь и попечительность [1]), однакожъ поясню это-же самое и другими свидѣтельствами. *Похвали*, говоритъ Давидъ, *Іерусалиме, Господа: хвали Бога твоего, Сіоне. Яко укрѣпи верен вратъ твоихъ, благослови сыны твоя въ тебѣ. Полагаяй предѣлы твоя миръ, и тука пшенична насыщаяй тя* (Пс. 147, 1—3). Потомъ сказавъ и о благодѣяніяхъ, оказываемыхъ Богомъ чрезъ всю природу, выставилъ особенное и важнѣйшее благодѣяніе, говоря вотъ какъ: *возвѣщаяй слово Свое Іакову, оправданія и судьбы Своя Израилеви. Не сотвори тако всякому языку, и судьбы Своя не яви имъ* (ст. 8, 9). Смотри, сколько благъ онъ перечислилъ. Безопасность города: *укрѣпи*, говоритъ, *верен вратъ твоихъ*. Удаленіе войны: *полагаяй*, говоритъ, *предѣлы твоя миръ*. Изобиліе необходимаго для жизни: *и тука пшенична насыщаяй тя*. Однакожъ дарованіе закона онъ призналъ важнѣе всѣхъ этихъ благъ. Ибо, желая показать, что полученіе за-

[1]) какую, т. е., Богъ явилъ въ дарованіи намъ закона.

кона и познаніе судебъ Божіихъ есть даръ, гораздо важнѣйшій, нежели (внѣшняя) безопасность, миръ, свобода отъ войны, доброчадіе и многочадіе, и изобиліе необходимаго для жизни, онъ поставилъ этотъ даръ послѣ всѣхъ, какъ вѣнецъ и совокупность благъ, и присовокупилъ еще: *не сотвори тако всякому языку. Тако,* — какъ? Вѣдь часто и многіе наслаждались и изобиліемъ и другими выше изчисленными благами. Но я, говоритъ Пророкъ, не о вышесказанныхъ (благодѣяніяхъ), но о законѣ говорю, что *не сотвори тако всякому языку.* Поэтому и прибавилъ: *и судьбы Своя не яви имъ.*

5. Видишь, какъ законъ важнѣе всѣхъ изчисленныхъ благъ? Это показалъ и Іеремія. Оплакивая бывшихъ въ плѣну (Іудеевъ), онъ говорилъ: *что есть, Израилю? что, яко еси на земли вражіи* (Варух. 3, 10). *Оставилъ еси источника премудрости* (ст. 12), то есть, законъ. Какъ источникъ пускаетъ изъ себя много ручьевъ во всѣ стороны: такъ и законъ испускаетъ много заповѣдей во всѣ стороны, и напояетъ душу нашу. Потомъ, указывая на особенную честь, явленную (Іудеямъ) въ дарованіи закона. (пророкъ) говорилъ: сія премудрость *не слышася въ Ханаанѣ, ниже явися въ Ѳеманѣ: и сынове Агарини, купцы, и взыскателіе (разума), путей ея не увѣдѣша, ниже помянуша стезь ея* (ст. 22. 23). А чтобы показать, что эта премудрость—духовная и божественная, *кто взыде,* говоритъ, *на небо, и снесе*

ю (ст. 29)? Потомъ прибавилъ: *сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Іакову отроку Своему, и Израилю возлюбленному отъ Него* (ст. 36, 37). Вотъ почему и Давидъ говорилъ: *не сотвори тако всякому языку, и судьбы Своя не яви имъ.* На это-же указывая, и Павелъ писалъ: *кое убо преимущество Іудея? или кая польза обрѣзанія? Много по всякому образу. Первѣе бо, яко ввѣрена быша имъ словеса Божія* (Рим. 3, 1. 2). Видишь, какъ и этотъ (Апостолъ) изъяснилъ слова (Давида): *не сотвори тако всякому языку и судьбы Своя не яви имъ?* Ибо, если преимущество Іудеевъ заключается въ томъ, что они одни изъ всѣхъ людей почтены дарованіемъ писаннаго закона: значитъ, Богъ далъ законъ, не въ отягощеніе нашей природѣ, но въ почесть.

6. Впрочемъ, почтилъ (Богъ нашу природу), не только тѣмъ, что далъ законъ, но и тѣмъ, что далъ Самъ. И точно, это самый важный знакъ чести, что Онъ не только даровалъ блага, но и даровалъ Самъ. А что этотъ даръ такъ важенъ, послушай, какъ доказываетъ это и Павелъ. Видя, какъ Іудеи гордились тѣмъ, что пророки пришли къ нимъ, и желая смирить гордость ихъ, онъ доказываетъ, что мы (Христіане) удостоились бóльшей чести, принявъ ученіе, не чрезъ раба, но чрезъ Господа, и вотъ что говоритъ въ посланіи къ Евреямъ: *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый отцемъ*

нашимъ *(во пророцѣхъ)*, *въ послѣдокъ днiй вла- гола намъ въ Сынѣ* (Евр. 1, 1. 2). И опять въ другомъ мѣстѣ: *не точiю же, но и хвалимся о Бозѣ Господемъ нашимъ Iисусомъ Христомъ, имже примиренiе прiяхомъ* (Рим. 5, 11). Видишь ли, онъ хвалится не только примиренiемъ, но и тѣмъ, что примиренiе получилъ чрезъ Христа? И опять, описывая въ высокихъ чертахъ воскресенiе, говоритъ: *самъ Господь снидетъ съ небесе* (1 Сол. 4, 16). Смотри, и тамъ все совершается чрезъ Господа, и здѣсь далъ заповѣдь Адаму (Богъ), не чрезъ какого-либо раба, не чрезъ Ангела и Архангела, но Самъ лично, и такимъ образомъ оказалъ человѣку двоякую честь, — и тѣмъ, что далъ законъ, и тѣмъ, что далъ Самъ. Какъ-же Адамъ палъ? Отъ собственной безпечности: это доказываютъ всѣ тѣ, кои получили законъ, и не пали, но сдѣлали еще болѣе повелѣннаго.

7. Но я вижу, что время у насъ теперь перешло за предѣлы; поэтому отложу слово до другой бесѣды. А вы пока храните и помните сказанное; передавайте это и тѣмъ, которые не слышали; и пусть каждый размышляетъ объ этомъ и въ церкви, и на рынкѣ, и дома [1]). Нѣтъ ничего прiятнѣе божественнаго наставленiя. Послушай, что объ немъ говоритъ Пророкъ: *коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда и сота устомъ моимъ* (Псал. 118, 103). Этотъ-то

[1]) Это заключенiе тоже, что и въ предъидущей бесѣдѣ.

сотъ полагай на вечерней трапезѣ, чтобы она вся полна была духовной сладости. Не видите-ли, какъ богатые люди послѣ обѣда вводятъ къ себѣ арфистовъ и флейщиковъ? Они свой домъ дѣлаютъ театромъ, ты сдѣлай твой домъ Церковію, и—сдѣлаешь, не тогда, какъ перемѣнишь стѣны, или переиначишь основаніе, но когда призовешь къ своей трапезѣ самаго Владыку небеснаго. Богъ не стыдится такихъ вечерей. Ибо, гдѣ духовное поученіе, тамъ и цѣломудріе, и честность, и скромность; гдѣ мужъ и жена и дѣти, и согласіе, и дружба, и (всѣ) связаны узами добродѣтели, тамъ—среди ихъ Христосъ. Онъ ищетъ, не золотаго потолка, не блестящихъ столбовъ, и не красивыхъ мраморовъ, но благолѣпія души, красоты ума, и трапезы, наполненной праведностію и плодами милостыни. И, если увидитъ такую трапезу, тотчасъ приходитъ и принимаетъ участіе въ собраніи. Онъ самъ сказалъ: «вы видѣли Меня алчущимъ, и напитали» (Мат. 25, 35). Итакъ, когда услышишь, что внизу громко кричитъ нищій, потомъ дашь просящему что нибудь со стола: въ такомъ случаѣ ты въ лицѣ раба пригласилъ къ своей трапезѣ Господа, сдѣлалъ ее благословенною, и этимъ начаткомъ подалъ важнѣйшій поводъ къ наполненію твоихъ житницъ множествомъ благъ. Богъ-же мира и любви, дающій хлѣбъ въ пищу и сѣмя сѣющему, да подастъ обиліе посѣянному вами,и умножитъ плоды правды во всѣхъ васъ, сообщая благодать свою,

и да удостоитъ (васъ) царствія небеснаго, которое да получимъ всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, честь, держава, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

27 БЕСѢДА,

О ПЕРЕМѢНѢ ИМЕНЪ I [1]).

1. Можно-ли это снести? можно-ли стерпѣть? Собраніе у насъ каждый день становится меньше. Городъ полонъ людей, а церковь пуста; площадь, театры и портикъ полны, а домъ Божій пустъ. А лучше, если сказать правду, городъ пустъ, а церковь полна людей. Людьми называть должно, не тѣхъ, которые на площади, а васъ, которые

[1]) Предлагаемыя 5 бесѣдъ подъ общимъ заглавіемъ: *о перемѣнѣ именъ* (de mutatione nominum) произнесены св. Златоустомъ въ Антіохіи, въ 395 или 396 г., между Пасхою и Пятьдесятницею, сряду послѣ бесѣдъ на *начало Дѣяній* (in principium Actorum). См. Chrysost. opp. edit. Montfauc. t. III. monit. ad homil. de mutatione nomin., также: monit. ad homil. in princip. Actorum, и: Vita Chrysost. tom. XIII. Первая бесѣда надписывается: «по прочтеніи мѣста: *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ* (Дѣян 9, 1, когда всѣ ожидали, что будетъ сказана бесѣда на начало 9 гл. Дѣяній, — о томъ, что призваніе Павла есть доказательство воскресенія».

въ церкви; не тѣхъ-безпечныхъ, а васъ-усердныхъ; не тѣхъ, которые пристрастились къ житейскому, а васъ, которые житейскому предпочитаете духовное. Не тотъ человѣкъ, у кого есть тѣло и голосъ человѣческій, а тотъ, у кого есть душа человѣческая и душевное настроеніе. А о душѣ человѣческой ничто такъ не свидѣтельствуетъ, какъ любовь къ слову Божію; равно ничто такъ не показываетъ и не обличаетъ души скотоподобной и неразумной, какъ пренебреженіе къ слову Божію. Хочешь знать, что небрегущіе о слышаніи слова Божія, этимъ небреженіемъ, потеряли человѣчество (τὸ εἶναι ἄνθρωποι), и утратили самое природное достоинство свое? Скажу вамъ, не свое слово, но пророческое реченіе, подтверждающее мою мысль, чтобы вы видѣли, что не любящіе духовныхъ словъ не могутъ быть и людьми; чтобы вы видѣли, что городъ у насъ обезлюдѣлъ. Громогласнѣйшій Исаія, этотъ созерцатель чудныхъ видѣній, удостоившійся еще во плоти видѣть Серафимовъ и слышать оную таинственную пѣснь,—онъ, вошедши въ многолюдную столицу іудейскую, то есть, въ Іерусалимъ, стоя на срединѣ площади, тогда какъ окружалъ его весь народъ,—желая показать, что не слушающій пророческихъ словъ не-человѣкъ, взывалъ такъ: *пріидохъ, и не бяше человѣка; звахъ, и не бѣ послушающаго* (Иса. 50, 2). И въ доказательство, что онъ сказалъ это, не по совершенному недостатку присутствующихъ, но изъ-

за безпечности слушателей, послѣ словъ: *пріидохъ, и не бяше человѣка*, прибавилъ: *и не бѣ послушающаго.* Стало быть, присутствующіе были, только не считались присутствующими, потому что не слушали пророка. Поэтому онъ, какъ пришелъ, *и не бяше человѣка*, звалъ, *и не бѣ послушающаго*, обращаетъ рѣчь къ стихіямъ, и говоритъ: *слыши, небо, и внуши, земле* (Иса. 1, 2). Я, говоритъ, посланъ къ людямъ,—къ людямъ, имѣющимъ умъ; но такъ какъ нѣтъ у нихъ ни разсудка, ни чувства, то обращаюсь съ словомъ къ стихіямъ, не имѣющимъ чувства, въ обличеніе одаренныхъ чувствомъ, но не пользующихся этимъ преимуществомъ.

2. Такъ говоритъ и другой пророкъ, Іеремія. И онъ, стоя среди множества Іудеевъ, въ томъ-же самомъ городѣ, какъ будто-бы не было никого, восклицалъ такъ: *кому возглаголю и засвидѣтельствую* (Іер. 6, 10)? Что говоришь? видя такое множество людей, спрашиваешь, съ кѣмъ заговорить тебѣ? Да, говоритъ; тѣлъ много, но не людей; много тѣлъ, у которыхъ нѣтъ слуха. Поэтому и прибавилъ: *не обрѣзана ушеса ихъ, и слышати не возмогутъ* (тамже). Видишь, что всѣ эти не-люди, изъ-за того, что не слышатъ? Тотъ (Исаія) говоритъ: *пріидохъ, и не бяше человѣка; звахъ, и не бѣ послушающаго*; а этотъ (Іеремія) говоритъ: *кому возглаголю и засвидѣтельствую? не обрѣзана ушеса ихъ, и слышати не возмогутъ.* Если-же пророки о присутствующихъ говорятъ,

что они не-люди, потому-что не внимали усердно словамъ (пророческимъ): то что́ сказать намъ о тѣхъ, которые не только не слушаютъ, но и не хотятъ войти въ это святилище,—о тѣхъ, которые блуждаютъ внѣ этого священнаго стада, находятся вдали отъ этого матерняго дома, на распутіяхъ и переулкахъ, какъ безпорядочныя и лѣнивыя дѣти? И эти, оставя отцовскій домъ, бродятъ кое-гдѣ внѣ, и цѣлые дни проводятъ въ дѣтскихъ играхъ; отъ-этого такія дѣти часто теряютъ и свободу, и жизнь. Ибо попадаются въ руки похитителей и воровъ, и часто, въ наказаніе за вольность, подвергаются смерти: потому что тѣ, взявши ихъ, и снявъ (съ нихъ) золотыя украшенія, или утопляютъ ихъ въ волнахъ рѣчныхъ, или, если захотятъ поступить съ ними нѣсколько человѣколюбивѣе, отводятъ ихъ въ чужую землю и лишаютъ свободы. Это-же бываетъ и съ этими [1]). И они, какъ уклонятся отъ отчаго дома и пребыванія здѣсь, попадаются въ уста еретиковъ и на языки враговъ истины; а эти, схвативъ ихъ, какъ похитители, и отнявъ у нихъ златое украшеніе вѣры, тотчасъ убиваютъ ихъ, не бросая въ рѣку, но погружая въ мутные догматы злочестія.

3. Ваше-бы дѣло позаботиться о спасеніи этихъ братьевъ и привести ихъ къ намъ, какъ-бы они ни противились, какъ бы ни упорствовали, какъ-бы ни отговаривались, какъ-бы ни огорча-

[1]) Т. е. не приходящими въ церковь.

лись. Это упорство и нерадѣніе свойственно дѣтской душѣ. Но вы исправьте ихъ душу, столько еще несовершенную: ваше дѣло заставить ихъ быть людьми. Ибо, какъ не можемъ назвать человѣкомъ того, кто отвращается человѣческой пищи и ѣстъ, со скотами, тернія и травы: такъ же не можемъ назвать человѣкомъ и того, кто не любитъ истинной и приличной душѣ человѣческой пищи, т. е. слова Божія, но сидитъ въ мірскихъ собраніяхъ и сборищахъ, гдѣ всегда бездна разврата, и питается нечестивыми рѣчами. Человѣкъ, по-нашему, не тотъ, кто только питается хлѣбомъ, но-кто, преимущественно предъ этою пищею, вкушаетъ божественныя и духовныя слова. И (для удостовѣренія), что это человѣкъ, послушай Христа, который говоритъ: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Мат. 4, 4). Стало быть, (необходимая для) жизни нашей пища — двоякая: одна хуже, другая лучше; и надобно болѣе всего принимать эту послѣднюю, чтобы и питать душу, и не давать ей мучиться голодомъ. Такъ вамъ-бы слѣдовало сдѣлать нашъ городъ полнымъ людей. Обезлюдѣлъ этотъ великій и многолюдный городъ: такъ вамъ-бы слѣдовало оказать это благодѣяніе отчизнѣ своей,—привлечь братьевъ (сюда), сообщивъ имъ, что вы слышали здѣсь. Ибо и въ томъ, что мы вкушали трапезы, удостовѣряемъ (другихъ) не тогда, когда только хвалимъ тра-

пезу, но когда можемъ и не вкушавшимъ ея дать что нибудь изъ бывшихъ на ней яствъ. Это и вы сдѣлайте теперь, и тогда непремѣнно будетъ одно изъ двухъ, — или вы убѣдите ихъ возвратиться къ намъ, или, если они и останутся въ своемъ упорствѣ, то напитаются вашимъ языкомъ, а вѣрнѣе, возвратятся (сюда) непремѣнно. Не захотятъ-же они кормиться милостынею, тогда какъ могутъ по праву вкушать это отеческой трапезы.

4. Но я твердо надѣюсь и вѣрю, что вы это дѣлаете, или уже сдѣлали, или сдѣлаете; потому что и самъ я непрестанно внушалъ это, и вы обогащены познаніемъ и можете вразумлять и другихъ. Теперь-же время предложить вамъ нашу трапезу, конечно, ничтожную, скудную и весьма бѣдную, съ прекрасною однакожъ приправою,—съ вашимъ усердіемъ къ слушанію. Трапезу дѣлаетъ самою пріятною не одна дороговизна кушаньевъ, но и алчба званныхъ: такимъ образомъ и великолѣпная трапеза является скудною, когда гости приходятъ безъ голода; и бѣдная кажется богатою, когда садятся за нее голодные. Поэтому и другой нѣкто, зная, что о дороговизнѣ трапезы судятъ не по качеству кушаньевъ, но по расположенію гостей, говоритъ вотъ какъ: *душа, въ сытости сущи, сотамъ ругается: души же нищетнѣй и горькая сладка являются* (Притч. 27. 7), не потому, чтобы перемѣнялось самое свойство предлагае-

мыхъ яствъ, но потому, что расположеніе гостей отнимаетъ у нихъ вкусъ. Если-же горькое, отъ голода званныхъ, кажется сладкимъ, тѣмъ болѣе скудное кажется богатымъ. Потому-то и мы, хоть и крайне бѣдные, подражаемъ богатымъ учредителямъ пировъ, приглашая васъ, въ каждое собраніе, къ нашей трапезѣ. А это дѣлаемъ мы, не на свое полагаясь богатство, но бывъ увѣрены въ избыткѣ вашего вниманія.

5. Уплатили мы вамъ весь долгъ касательно надписи, т. е., надписи Дѣяній Апостольскихъ [1]). Слѣдовало-бы теперь взяться и за начало сей книги и сказать, что́ такое значитъ: *первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити* (Дѣян. 1, 1). Но не позволяетъ мнѣ соблюсти этотъ порядокъ Павелъ, который зоветъ языкъ нашъ къ себѣ и къ своимъ подвигамъ. Мнѣ хочется видѣть его, какъ ведется онъ въ Дамаскъ, связанный, не желѣзною цѣпью, но Господнимъ гласомъ; хочется видѣть, какъ поймана эта великая рыба, приводившая въ кипеніе все море, воздвигавшая на Церковь тысячи волнъ; хочется видѣть, какъ она поймана, не удою, но словомъ Господнимъ. Какъ рыболовъ какой, сидя на высокомъ камнѣ, и поднявъ удилище, опускаетъ уду сверху въ море: такъ и Господь нашъ, открывшій духовную ловитву, какъ-бы сидя на высокомъ камнѣ небес-

[1]) Указывается на 4 бесѣды на начало Дѣяній, сказанныя прежде бесѣдъ о перемѣнѣ именъ.

немъ, опустилъ сверху, какъ уду, этотъ голосъ и сказалъ: *Савле, Савле, что Мя гониши* (Дѣян. 9, 4); и такимъ образомъ поймалъ эту великую рыбу. И что̀ было съ тою рыбою, которую, по повелѣнію Господню, поймалъ Петръ, тоже случилось и съ этою. Ибо и у этой рыбы въ устахъ нашелся статиръ [1]),—только статиръ нечистый, потому что (Павелъ) имѣлъ ревность, *но не по разуму* (Рим. 10, 2). Поэтому Богъ, даровавъ ему (истинное) познаніе, сдѣлалъ эту монету настоящею; и, что бываетъ съ пойманными рыбами, тоже было и съ нимъ (Павломъ). Какъ тѣ, лишь только извлечены будутъ изъ моря, слѣпнутъ: такъ и этотъ, лишь только взялъ уду и извлеченъ былъ, тотчасъ ослѣпъ. Но эта слѣпота заставила прозрѣть всю вселенную. Все это хочется мнѣ видѣть. Вѣдь, еслибы постигла насъ война съ иноплеменниками, и враги, ополчившись, сильно безпокоили насъ; потомъ вождь иноплеменниковъ, строившій тысячу козней, приведшій въ безпорядокъ всѣ дѣла наши, повсюду возбудившій смятеніе и волненіе, грозившій разрушить и сожечь самый городъ, а насъ отвести въ неволю,— еслибы онъ вдругъ былъ нашимъ царемъ связанъ и приведенъ плѣнникомъ въ городъ: мы всѣ, съ женами и дѣтьми, выбѣжали бы на такое зрѣлище. И теперь, какъ открылась война, когда Іудеи все возмущали и приводили въ безпорядокъ, и строили множе-

[1]) Еврейская монета.

ство козней противъ безопасности Церкви, а главою непріятелей былъ Павелъ, который больше всѣхъ и дѣлалъ и говорилъ, все волновалъ и возмущалъ; и теперь, какъ связалъ его Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Царь нашъ,—связалъ и привелъ плѣнникомъ того, кто все приводилъ въ безпорядокъ: не выйдемъ-ли всѣ мы на это зрѣлище, чтобы видѣть, какъ онъ ведется плѣнникомъ? И Ангелы, смотря тогда съ небесъ, какъ онъ былъ связанъ и веденъ, ликовали, не потому только, что видѣли его связаннымъ, но потому что представляли себѣ, какъ многихъ людей избавитъ онъ отъ узъ; не потому, что увидѣли его ведомымъ за руку, но потому, что соображали, какъ многихъ людей поведетъ онъ съ земли на небо. Такъ они радовались, не потому, что видѣли его ослѣпшимъ, но потому что помышляли, какъ многихъ выведетъ онъ изъ мрака. Иди, сказалъ (ему Господь), къ язычникамъ, и, освободивъ ихъ отъ тьмы, переведи ихъ въ царство любви Христовой (Дѣян. 26, 17. 18).

6. Вотъ почему я, оставя начало (книги Дѣян. Апост.), спѣшу перейти къ срединѣ ея. Павелъ и любовь къ Павлу заставили меня сдѣлать этотъ скачекъ. Да, Павелъ и любовь къ Павлу! Простите мнѣ, а лучше, не простите, но соревнуйте мнѣ въ этой любви. Кто любитъ нечистою любовію, тотъ имѣетъ причину просить прощенія: но кто любитъ такою (какъ я) любовію, тотъ долженъ красоваться ею, долженъ дѣ-

лать многихъ сообщниками этого расположенія и въ тысячахъ (людей) возбуждать подобную своей любовь. Притомъ, еслибы возможно было (намъ), идя (прямымъ) путемъ и простираясь впередъ по порядку, сказать и о томъ, что (въ книгѣ Дѣян. Апост. помѣщено) прежде, и дойти до того, что въ срединѣ ея, мы не перешли-бы тотчасъ къ срединѣ, оставя начало: но, такъ какъ законъ отцевъ повелѣваетъ — послѣ Пятьдесятницы отлагать эту книгу, и вмѣстѣ съ окончаніемъ этого праздника прекращается чтеніе оной, то я побоялся, чтобы, тогда какъ остановимся мы на изъясненіи начала (книги), не ускользнула отъ нашего разсмотрѣнія дальнѣйшая исторія. Поэтому я отступилъ отъ начала расказа, и, держась за вступленіе исторіи какъ-бы сзади головы, велѣлъ вамъ остановиться и стать въ началѣ пути. Коснувшись головы расказа, я смѣло уже буду разсматривать все остальное, хоть и пройдетъ праздникъ. Никто тогда не станетъ обвинять насъ въ неблаговременности, потому-что самая необходимость послѣдовательности избавитъ насъ отъ обвиненій въ неблаговременности. Вотъ почему я отъ вступленія перешелъ къ срединѣ. А что невозможно было дойти до Павла, идя (прямымъ) путемъ, но что скорѣе-бы эта книга (Дѣян. Апостольск.) убѣжала отъ нашего языка и заперла предъ нами двери, это покажу вамъ изъ самаго вступленія, хотя это ясно уже и само собою.

7. Въ самомъ дѣлѣ, если мы половину праздника [1]) употребили на то, что прочитали и изъяснили только одну надпись [2]): то, когда-бы мы рѣшились, начавъ со вступленія, пустить слово и въ самое море книги, сколько-бы употребили времени на то, чтобы дойти до сказаній о Павлѣ? А лучше постараюсь выяснить вамъ это изъ самаго вступленія. *Первое слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле* (Дѣян. 1, 1). Сколько, думаете, здѣсь вопросовъ? Первый: для чего (Ев. Лука) напоминаетъ ему (Ѳеофилу) о первой своей книгѣ [3]). Вторый: для чего называетъ (эту книгу) словомъ (λόγον), а не Евангеліемъ? между тѣмъ какъ Павелъ называетъ ее Евангеліемъ, когда говоритъ о Лукѣ такъ: *егоже похвала во Евангеліи по всѣмъ церквамъ* (2 Кор. 8, 18). Третій: для чего говоритъ: *о всѣхъ, яже сотвори Іисусъ.* Если Іоаннъ, этотъ возлюбленный Христовъ, имѣвшій такое дерзновеніе, удостоившійся приклониться къ святой той груди, почерпнувшій оттуда источники Духа, если уже онъ не осмѣлился сказать это, но былъ такъ остороженъ, что сказалъ: *аще бы по единому писана быша вся, яже сотвори Іисусъ, ни самому, мню, міру вмѣстити пишемыхъ книгъ* (Іоан. 21, 25): какъ этотъ (Лука) осмѣлился сказать: *первое слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, яже сотвори Іисусъ?* Развѣ этотъ вопросъ ка-

---

[1]) Подъ праздникомъ разумѣется все время отъ дня Пасхи до дня Сошествія Св. Духа. [2]) Книги Дѣяній Апостольскихъ. [3]) Евангеліи.

жется вамъ маловажнымъ? Притомъ, тамъ (въ Евангеліи сказано): *державный Θеофиле* (Лук. 1, 3), имя съ прилагательнымъ почетнымъ. А святые не просто такъ говорили, и мы, кажется, уже отчасти доказали и это, что въ Писаніи ни одна іота, ни одна черта не употреблена напрасно. Итакъ, если столько вопросовъ во вступленіи, то какъ много времени потратили-бы мы, когда-бы стали разсматривать все по порядку? Вотъ, почему я долженъ былъ, миновавъ промежутокъ [1]), идти къ Павлу.

8. Для чего-же мы, предложивъ вопросы, не присовокупили рѣшенія ихъ? Чтобы пріучать васъ — не все только разжеванную принимать пищу, но и самимъ (вамъ) изобрѣтать рѣшеніе мыслей, какъ это дѣлаютъ голубки. И онѣ своихъ птенцовъ, доколѣ эти остаются въ гнѣздѣ, кормятъ изъ своего рта; когда-же успѣютъ вывесть ихъ изъ гнѣзда, и увидятъ, что крылья у нихъ выросли, то болѣе уже не дѣлаютъ этого, но приносятъ зерно во рту и показываютъ (дѣтямъ), и, какъ птенцы, выжидавшіе (пищи), подойдутъ близко, матери, оставивъ пищу на землѣ, велятъ самимъ имъ подбирать ее. Такъ поступили и мы: взявши духовную пищу на уста, мы пригласили васъ, какъ будто хотѣли представить вамъ, по обычаю, рѣшеніе; а какъ вы пришли и надѣялись получить, мы оставили (васъ), чтобы вы сами подобрали мысли.

---

[1]) т. е. отъ начала 1-й гл. Дѣян. Ап. до 9-й гл.

9. Такъ, оставивъ вступленіе, спѣшимъ къ Павлу. И скажемъ, не только о томъ, сколько пользы онъ принесъ Церкви, но и о томъ, сколько вреда; потому что необходимо намъ сказать и объ этомъ. Скажемъ, какъ онъ противодѣйствовалъ слову проповѣди, какъ воевалъ со Христомъ, какъ гналъ Апостоловъ, какъ питалъ враждебные замыслы, какъ больше всѣхъ обезпокоилъ Церковь. Но никто не стыдись слышать это о Павлѣ: это служитъ, не къ обвиненію, но къ похвалѣ его. Позорно было бы для него, не то, что онъ, прежде бывши злымъ, послѣ сталъ добрымъ, но то, если-бы онъ, прежде бывши добрымъ, послѣ перешелъ на сторону зла: о дѣлахъ всегда судятъ по ихъ концу. И о кормчихъ, хотя-бы они потерпѣли тысячу крушеній, пока не успѣютъ притти въ пристань, мы не отзываемся худо, когда они привели наполненный грузомъ корабль, потому что конецъ покрылъ прошедшее. И борцевъ, хотя-бы они прежде побѣждены были тысячу разъ, если только одержатъ побѣду въ борьбѣ изъ-за вѣнца, мы, изъ-за прежнихъ пораженій, не лишаемъ похвалъ, какія слѣдуютъ за такую побѣду. Такъ же сдѣлаемъ и относительно Павла. И онъ, хотя потерпѣлъ безчисленныя кораблекрушенія, но, когда пришелъ въ пристань, то привелъ корабль, полный груза. Какъ Іудѣ нисколько пользы не принесло то, что онъ прежде былъ ученикомъ, а потомъ сдѣлался предателемъ: такъ и

этому (Павлу) нисколько не повредило то, что онъ прежде былъ гонителемъ, а послѣ сталъ благовѣстникомъ. Это служитъ къ похвалѣ Павла, не потому, что онъ разрушилъ Церковь, но потому, что онъ же опять создалъ ее; не потому, что противодѣйствовалъ слову (проповѣди), но потому, что послѣ того, какъ противодѣйствовалъ слову, самъ же опять распространилъ его; не потому, что преслѣдовалъ Апостоловъ, не потому, что разсѣялъ стадо (Христово), но потому, что, разсѣявъ стадо, послѣ самъ-же собралъ его. Что можетъ быть удивительнѣе сего? Волкъ сдѣлался пастыремъ; тотъ, кто упивался кровію овецъ, сталъ собственную кровь проливать за спасеніе овецъ!

10. Хочешь знать, какъ онъ упивался кровію овецъ, какъ окровавленъ былъ языкъ его? *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни* (Дѣян. 9, 1). Но этотъ дышащій угрозою и убійствомъ, и проливающій кровь святыхъ, послушай, какъ проливалъ свою кровь за святыхъ. *Аще по человѣку*, говоритъ онъ, *со звѣремъ борохся въ Ефесѣ* (1 Кор. 15, 32); и опять: *по вся дни умираю* (тамъ-же ст. 31); и опять: *вмѣнихомся яко овцы заколенія* (Рим. 8, 36). И это говорилъ тотъ, кто былъ при томъ, когда проливали кровь Стефана, и кто одобрялъ убіеніе его (Дѣян. 7, 58. 8, 1). Видишь, какъ волкъ сдѣлался пастыремъ? Такъ стыдно-ли вамъ слышать, что онъ (Ап. Павелъ) прежде былъ гонителемъ,

хулителемъ и обидчикомъ (1 Тим. 1, 13)? Видите-ли, какъ прежняя вина послужила къ бóльшему прославленію его? Не говорилъ ли я вамъ въ бывшемъ предъ симъ собраніи [1]), что чудеса послѣ креста были больше чудесъ до креста? Не доказалъ-ли вамъ, и чудесами, и благостію (εὐνοίας) учениковъ, какъ прежде Христосъ воскрешалъ мертвыхъ повелѣніемъ, а послѣ дѣлала это тѣнь рабовъ Его? какъ тогда Самъ Онъ творилъ чудеса словомъ, а послѣ рабы Его совершили бóльшія чудеса именемъ Его? Не сказалъ ли я вамъ о врагахъ (І. Христа), какъ Онъ устрашилъ совѣсть ихъ, какъ покорилъ себѣ всю вселенную? какъ чудеса послѣ креста были больше чудесъ до креста?—Сродно тогдашнему и сегодняшнее слово. Ибо, какое чудо можетъ быть больше того, которое совершилось надъ Павломъ? Петръ отрекся Іисуса живаго, а Павелъ исповѣдалъ умершаго. А привлечь и покорить душу Павлову — это чудо было больше, чѣмъ воскресить мертвыхъ тѣнію. Тамъ повиновалась природа, и не противорѣчила повелѣвающему: здѣсь надлежало покорить свободную волю, которая властна и не покориться; значитъ, велика сила того, кто покорилъ. Измѣнить волю было гораздо важнѣе, чѣмъ исправить природу: слѣдовательно, то, что Павелъ обратился ко Христу послѣ кре-

---

[1]) Указывается на 4-ю бесѣду на начало Дѣян. Апост., въ которой св. Златоустъ разсматриваетъ, почему книга Д. А. читается въ церкви со дня Пасхи до Пятьдесятницы.

ста и гроба, было чудо, бо́льшее всѣхъ прочихъ чудесъ. Христосъ для того и попустилъ ему высказать всю вражду, и потомъ призвалъ его, чтобы сдѣлать несомнѣннымъ доказательство воскресенія и слово (христіанскаго) ученія. Петра, напримѣръ, могли-бы подозрѣвать, когда онъ говорилъ о Христѣ; потому что иной изъ безстыдныхъ людей могъ сказать что нибудь (противъ него). Я сказалъ: изъ безстыдныхъ, потому-что и тамъ доказательство было ясно. И онъ (Петръ) прежде отрекся Христа, и отрекся съ клятвою: но послѣ исповѣдалъ того-же самаго (Христа), и предалъ за Него жизнь свою. А если-бы Христосъ не воскресъ, то отрекшійся живаго не вытерпѣлъ-бы тысячи смертей для того, чтобы не отречься умершаго. Потому и Петръ представилъ ясное доказательство воскресенія. Однакожъ безстыдные могли сказать, что, такъ какъ онъ былъ ученикъ (І. Христа), имѣлъ съ Нимъ общеніе въ трапезѣ, и провелъ съ Нимъ три года, такъ какъ пользовался Его ученіемъ, и обольщенный Имъ, вдался въ обманъ, то и проповѣдуетъ о Его воскресеніи. Но когда увидишь, что Павелъ, который не видѣлъ Христа, не слушалъ Его, не пользовался Его ученіемъ, воевалъ противъ Него и послѣ креста, умерщвлялъ вѣрующихъ въ Него, все возмущалъ и приводилъ въ безпорядокъ, — (когда увидишь, что) онъ вдругъ перемѣнился и трудами проповѣди превзошелъ всѣхъ друзей Христовыхъ: какой, скажи мнѣ, будешь имѣть

предлогъ къ безстыдству, невѣря ученію о воскресеніи? Если-бы Христосъ не воскресъ, кто бы привлекъ и привелъ къ себѣ такъ жестокаго и безчеловѣчнаго, распаленнаго враждою и разъяреннаго, какъ звѣрь? Скажи мнѣ, Іудей, кто заставилъ Павла обратиться къ Христу? Петръ? Іаковъ? Іоаннъ? Но всѣ они боялись и трепетали его, и не только до обращенія его, но и тогда, когда онъ сталъ въ числѣ друзей (Христовыхъ), когда Варнава, взявши его за руку, привелъ въ Іерусалимъ, и тогда они боялись пристать къ нему; война уже прекратилась, а страхъ еще былъ на Апостолахъ. Итакъ тѣ, кои еще боялись его и тогда, какъ онъ перемѣнился, смѣли-ли убѣждать его, когда онъ былъ врагомъ и непріятелемъ? могли-ли даже приблизиться, или стать, или раскрыть уста, и даже явиться?—Никакъ, нѣтъ; это было дѣломъ, не человѣческаго усилія, но божественной благодати. Итакъ, если Христосъ, какъ вы говорите, былъ мертвъ, и ученики Его, пришедши, украли Его: то какъ болѣе велики были чудеса послѣ креста? какъ болѣе сильно доказательство могущества? Ибо Христосъ не только перемѣнилъ врага (своего) и началовождя вашей войны, хотя, еслибы и это только Онъ сдѣлалъ, то плѣнить врага и непріятеля было-бы дѣломъ величайшей силы; но вотъ Онъ сдѣлалъ не только это, но и гораздо больше этого; вотъ Онъ не только перемѣнилъ (Павла), но и сдѣлалъ его такъ близкимъ къ

Себѣ, такъ расположилъ возлюбить Себя, что ему ввѣрилъ даже всѣ дѣла Церкви: *сосудъ*, говоритъ Господь, *избранъ Ми есть сей, пронести имя Мое предъ языки и царми* (Дѣян. 9, 15); и заставилъ его потрудиться болѣе (прочихъ) Апостоловъ за ту Церковь, противъ которой онъ прежде воевалъ.

11. Хочешь знать, какъ (Христосъ) перемѣнилъ его, какъ сдѣлалъ его близкимъ, какъ привлекъ къ Себѣ, какъ помѣстилъ между первыми изъ друзей своихъ? Никому изъ людей не благоволилъ Онъ открыть такія тайны, какія—Павлу. Откуда это видно? *Слышахъ*, говоритъ (о себѣ Павелъ), *неизречены глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати* (2 Кор. 12, 4). Видишь, какую любовь показалъ врагъ, непріятель? Поэтому необходимо расказать и прежнюю жизнь его: это покажетъ намъ и человѣколюбіе, и силу Божію. Человѣколюбіе, потому что сдѣлавшаго столько зла Богъ восхотѣлъ спасти и привлечь къ Себѣ; а силу, что, восхотѣвъ, возмогъ. Это покажетъ намъ и душу Павла, т. е. что онъ ничего не дѣлалъ по упорству, или по страсти къ человѣческой славѣ, какъ іудеи, но (все дѣлалъ) по ревности, конечно не правильной, все-же по ревности; о чемъ и самъ онъ взывалъ такъ: для того *помилованъ быхъ, яко не вѣдый сотворихъ въ невѣрствіи* (1 Тим. 1, 13). И, удивляясь человѣколюбію Божію, говорилъ онъ: *да во мнѣ первомъ покажетъ Христосъ все дол-*

готерпѣніе, за образъ (въ примѣръ) *хотящихъ вѣровати Ему въ жизнь вѣчную* (тамже ст. 16). И въ другомъ мѣстѣ опять говорилъ, что Богъ *величество силы Его* показалъ наипаче *въ насъ вѣрующихъ* (Ефес. 1, 19). Видишь, какъ прежняя жизнь Павла показала и человѣколюбіе, и силу Божію, и искренность расположенія самаго Павла? Это и въ посланіи къ Галатамъ привелъ онъ въ доказательство того, что не для людей перемѣнился онъ, но обратила его сила Божія. *Аще бо быхъ человѣкомъ*, говоритъ онъ, *угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ* (Гал. 1, 10). Откуда-же видно, что ты принялъ проповѣдь (Христову) не изъ угожденія людямъ? *Слышасте*, говоритъ, *мое житіе иногда въ жидовствѣ, яко по премнógу гонихъ Церковь Божію, и разрушахъ ю* (ст. 13). Но онъ не обратился бы къ вѣрѣ, если бы хотѣлъ угождать людямъ. Почему? — Онъ былъ почитаемъ Іудеями, наслаждался великимъ покоемъ, и пользовался особеннымъ уваженіемъ; слѣдовательно, не перешелъ-бы (изъ угожденія людямъ) къ жизни Апостоловъ, покрытой безславіемъ, исполненной бѣдствій. Такимъ образомъ, это внезапное оставленіе почести отъ Іудеевъ и покойной жизни, и переходъ къ жизни Апостоловъ, сопряженной съ тысячью смертей, есть сильнѣйшее доказательство того, что Павелъ обратился не по человѣческому какому либо расчету. Поэтому и мы захотѣли представить прежнюю жизнь его, и показать какою

нылалъ онъ ревностію противъ Церкви, чтобы ты, когда увидишь его великое попеченіе о Церкви, возблагоговѣлъ предъ Богомъ, который все творитъ и претворяетъ. Поэтому и ученикъ Павла [1]) точно и весьма выразительно разсказалъ намъ о прежнихъ (дѣлахъ его) въ слѣдующихъ словахъ; *Савлъ-же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни.*

12. Хотѣлъ-бы я начать сего дня и вступленіе [2]), хотѣлъ бы приступить къ началу разсказа [3]), но вижу въ одномъ имени море мыслей. Ибо подумай, какой вопросъ тотчасъ раждаетъ намъ это имя *Савлъ;* въ посланіяхъ, вижу я, употреблено другое имя: *Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ, званъ Апостолъ* (Рим. 1, 1); *Павелъ и Сосфенъ, Павелъ званъ Апостолъ* (1 Кор. 1, 1); *се азъ Павелъ глаголю вамъ* (Гал. 5, 2). Какъ здѣсь, такъ и вездѣ называется Павломъ, а не Савломъ. Для чего-же онъ прежде назывался Савломъ, а послѣ названъ Павломъ? Это не пустой вопросъ: вотъ сейчасъ является и Петръ; и онъ прежде назывался Симономъ, а послѣ названъ Кифою; и сыны Зеведея, Іаковъ и Іоаннъ, переименованы сынами грома (Мар. 3, 16. 17). И не только въ новомъ, но и въ ветхомъ завѣтѣ находимъ, что Авраамъ прежде назывался Аврамомъ, а потомъ Авраамомъ; Іаковъ сперва назывался Іаковомъ, а послѣ Израилемъ; и Сарра прежде называлась Сарою, а

[1]) Евангелистъ Лука. [2]) къ жизнеописанію Павла [3]) о Павлѣ.

потомъ Саррою. Словомъ, перемѣна именъ побуждаетъ насъ къ бóльшему изслѣдованію, и я боюсь, чтобы мнѣ, пустивши многіе потоки рѣкъ, не затопить слово ученія. Какъ въ землѣ влажной, гдѣ ни станешь копать, вездѣ выбѣгаютъ источники: такъ и въ землѣ Божественнаго Писанія, гдѣ ни будешь разкапывать, вездѣ станутъ вытекать многія рѣки, отъ-того и весьма страшно пустить сегодня всѣ эти рѣки вдругъ. Посему, заградивъ нашъ потокъ, отошлю вашу любовь къ священному источнику сихъ предстоятелей и учителей [1]), — къ этому чистому, упоительному и сладкому источнику, который выходитъ изъ самаго духовнаго камня [2]). Приготовимъ-же умъ къ принятію ученія, да напоимъ себя духовными потоками, чтобы открылся въ насъ источникъ воды, текущей въ жизнь вѣчную, которую и да получимъ всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ котораго и съ которымъ слава, честь и держава Отцу, вмѣстѣ съ святымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Разумѣются епископы Сиріи, которые приходили въ Антіохію,—столицу сирійскую, или по дѣламъ епархіальнымъ, или чтобы послушать знаменитаго проповѣдника, — св. Златоустаго. См. Vita S. Chrysost. in tom. XIII oper. eius, edit. Montfaucon. [2]) Т. е. Христа, 1 Кор. 10, 4.

28 БЕСѢДА,

О ПЕРЕМѢНѢ ИМЕНЪ II [1]).

1. Что намъ сдѣлать сегодня? Видя, какъ васъ много, боюсь распространять слово, потому что, когда поученіе продолжается дольше, вы, я вижу, толпитесь, тѣснитесь, и непріятность отъ тѣсноты препятствуетъ вамъ внимательно слушать; ибо слушатель, не имѣя простора, не можетъ усердно внимать тому, что говорится. Итакъ, видя, что васъ много, я, какъ сказалъ, опасаюсь распространять слово. Но съ другой стороны, смотря на ваше усердіе, боюсь сократить поученіе; ибо жаждущій, если напередъ не увидитъ что чаша полна, не охотно поднесетъ ее къ устамъ; но, хоть и не выпьетъ ее всю, желаетъ однакожъ видѣть ее полною. Поэтому не знаю я, какъ мнѣ поступить въ (настоящей) бесѣдѣ. Хочется мнѣ и краткостію слова облегчить вашъ трудъ, и обширностію его удовлетворить вашему усердію. Но я часто дѣлалъ и то и другое, и ни разу не избѣгалъ порицанія. Знаю,

---

[1]) Надписывается: «къ роптавшимъ на продолжительность поученій и къ тѣмъ, которые не довольны были краткостію ихъ,—объ имени Савла и Павла, и о томъ, для чего первый человѣкъ названъ былъ Адамомъ,—что это было полезно и благотворно, — наконецъ. къ новопросвѣщеннымъ».

что часто я, щадя васъ, прекращалъ слово прежде конца, и на меня поднимали ропотъ имѣющіе душу ненасытимую, постоянно услаждающіеся Божественными струями и никогда не насыщающіеся,-тѣ блаженные, которые алчутъ и жаждутъ правды (Матө. 5, 6),—и я, убоявшись ихъ ропота, опять шелъ дальше, продолжалъ слово, и за это терпѣлъ нареканіе. Ибо тѣ, кому нравятся краткія поученія, встрѣчаясь (со мною), просили щадить ихъ немощь и сокращать слова. Итакъ, когда вижу, что вамъ тѣсно, спѣшу окончить слово; но когда примѣчаю, что вы, не смотря на тѣсноту, не отступаете, а расположены идти дальше, мнѣ хочется дать свободу языку. *Тѣсно ми отвсюду* (Дан. 13, 22). Что мнѣ дѣлать? Кто служитъ одному господину и обязанъ подчиняться одной волѣ, тотъ легко можетъ угождать владыкѣ (своему) и не погрѣшать. А у меня много господъ, и я обязанъ служить такому многолюдству, съ такими разнообразными требованіями. Впрочемъ это сказалъ я не потому, чтобы тяготился такимъ рабствомъ, — да не будетъ!—и не потому, чтобы желалъ освободиться отъ вашего господства. Для меня нѣтъ ничего почетнѣе этого рабства: не столько царь восхищается діадемою и порфирою, сколько я теперь красуюсь служеніемъ вашей любви. За тѣмъ царствомъ слѣдуетъ смерть, а этому служенію, если оно хорошо будетъ пройдено, уготовано царство небесное. Ибо *блаженъ вѣрный*

рабъ и мудрый, его-же постави Господь его даяти житомѣріе сорабамъ его. *Аминь глаголю вамъ: надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его* (Матѳ. 24, 45—47. Лук. 12, 42). Видишь, каковъ плодъ этого служенія, если оно (пройдено) будетъ усердно? оно поставляетъ (раба) надъ всѣмъ имѣніемъ господина. Итакъ не убѣгаю отъ сего служенія, потому что служу вмѣстѣ съ Павломъ. И онъ говоритъ: *не себе проповѣдаемъ, но Христа Іисуса Господа: себе же самѣхъ рабовъ вамъ Іисуса ради* (2 Кор. 4, 5). И что говорить о Павлѣ? Если *во образѣ Божіи Сый умали Себе, зракъ раба пріимъ* ради рабовъ (Фил. 2, 7): то что за важность, если я, рабъ, сдѣлался рабомъ сорабамъ (моимъ) ради себя самаго?

2. Итакъ это сказалъ я не потому, чтобы хотѣлъ освободиться отъ вашего господства, но потому, что желаю получить (отъ васъ) прощеніе, если предложу трапезу не всѣмъ угодную. А лучше, сдѣлайте то, что скажу теперь. Вы, не могущіе никогда насытиться, но алчущіе и жаждущіе правды, и требующіе продолжительныхъ словъ, будьте снизходительны, когда ради немощи братій вашихъ, обычная мѣра поученія сокращается. А вы, любящіе краткія слова и немощные, потерпите, ради ненасытимыхъ вашихъ братій, не большой трудъ, нося *тяготы другъ друга, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2). Не видите ли, какъ борцы на олимпійскихъ играхъ, въ самый полдень,

стоятъ среди театра на аренѣ, какъ въ печи, и, какъ мѣдныя какія статуи, воспринимаютъ солнечные лучи обнаженнымъ тѣломъ, и борются на солнцѣ, въ жару и въ пыли, чтобы увѣнчать лавровыми листьями свою, столько вытерпѣвшую, голову? А вамъ, въ награду за слушаніе, уготованъ, не лавровый вѣнокъ, но вѣнецъ правды,—и мы не удерживаемъ васъ до полудня, но, снисходя вашей немощи, отпускаемъ васъ въ самомъ началѣ дня, когда воздухъ еще прохладенъ и не раскаленъ паденіемъ (солнечныхъ) лучей;— не заставляемъ васъ принимать эти лучи на обнаженную голову, но вводимъ подъ этотъ прекрасный сводъ и подъ кровлею доставляемъ вамъ прохладу, всячески заботясь о вашемъ удобствѣ, чтобы вы могли долго слушать. Не будемъ же слабѣе дѣтей нашихъ, ходящихъ въ школу. Онѣ раньше полудня не смѣютъ возвратиться домой; но, только что отставши отъ молока, только что отнятые отъ груди, не достигши еще пятилѣтняго возраста, съ тѣломъ молодымъ и нѣжнымъ, показываютъ совершенное терпѣніе; хоть безпокоитъ ихъ жаръ, или жажда, или другое что, онѣ до самаго полудня терпятъ и переносятъ, сидя въ школѣ. Такъ, если не другому кому, то этимъ дѣтямъ будемъ подражать мы, мужи, достигшіе полнаго возраста. Ибо, если у насъ недостаетъ терпѣнія слушать слова о добродѣтели: кто повѣритъ намъ, что мы подъимемъ самые труды добродѣтели? Если мы такъ не рас-

положены къ слушанію; то чѣмъ докажемъ, что будемъ ревностны къ дѣлу? Если откажемся отъ легчайшаго, какъ перенесемъ труднѣйшее? Но тѣснота велика, давка большая! Но послушай: нудящіе себя *восхищаютъ* царствіе небесное (Мат. 11, 12,) и: *узокъ и тѣсенъ путь, вводяй въ животъ* (Мат. 7, 14). Итакъ, когда мы идемъ узкимъ и тѣснымъ путемъ: то и самимъ намъ нужно стѣснять и нудить себя, чтобы можно было пройти узкимъ и тѣснымъ путемъ. Кто ширится, тотъ не такъ легко пройдетъ тѣснымъ путемъ, какъ тотъ, кто сжимаетъ себя, нудитъ и стѣсняетъ.

3. Да и вопросъ сегодня у насъ не о маловажныхъ вещахъ, но о такомъ изслѣдованіи, которое вчера только начато, но не окончено по множеству представившихся предметовъ. Чтожь это такое? Мы начали разсуждать о перемѣнѣ именъ, какія Богъ далъ Святымъ. Предметъ этотъ съ перваго разу кажется маловажнымъ, но, если вникнуть тщательно, заключаетъ въ себѣ великое сокровище. Вѣдь и золотоносную землю въ родникахъ люди не-опытные и разсматривающіе безъ вниманія считаютъ только обыкновенною землею, не заключающею въ себѣ ничего болѣе, какъ и всякая другая земля: но кто разсматриваетъ ее опытнымъ глазомъ, тѣ понимаютъ достоинство этой земли, и, бросивъ ее въ огонь, открываютъ всѣ ея превосходство. Такъ и въ отношеніи къ Божественному Писанію, тѣ, которые читаютъ слова безъ вниманія, ду-

маютъ, что это простыя слова и нѣтъ въ нихъ ничего особеннаго, а разсматривающіе ихъ очами вѣры, испытывая ихъ огнемъ духа, какъ тѣ [1]) орудіями искуства, легко увидятъ все, заключающееся въ нихъ, золото. Съ чего же началось то изслѣдованіе? Мы вѣдь не безъ причины пустились въ это разсмотрѣніе, — чтобы кто нибудь не сталъ упрекать насъ въ непослѣдовательности; нѣтъ, мы захотѣли разсказать о дѣлахъ Павла, по случаю чтенія дѣяній апостольскихъ, и коснулись начала этой исторіи. А начало повѣствованія нашли вотъ какое: *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни* (Дѣян. 9, 1). Васъ тотчасъ поразила перемѣна имени; ибо во всѣхъ посланіяхъ и въ ихъ вступленіяхъ находимъ, что онъ называется, не Савломъ, а Павломъ; и это [2]) было не съ нимъ однимъ, но и со многими другими. Ибо и Петръ прежде назывался Симономъ, и сыны Зеведеовы, Іаковъ и Іоаннъ, переименованы сынами громовыми послѣ; да и въ ветхомъ завѣтѣ, извѣстно, тоже было съ нѣкоторыми. Такъ, Авраамъ, прежде называвшійся Аврамомъ, послѣ наименованъ Авраамомъ, и Сарра, прежде называлась Сарою, а послѣ названа Саррою, и Іакову послѣ дано имя Израиля. Такъ мнѣ показалось неприличнымъ пройти безъ вниманія такое сокровище именъ.—Это же бываетъ и съ свѣтскими начальниками; и у нихъ двойныя име-

---

[1]) Опытные въ пріискахъ золота. [2]) Перемѣна именъ.

на. Смотри, на-примѣръ: *пріятъ*, сказано, *измѣненіе Филиксъ Поркія Фиста* (Дѣян. 24, 27); и еще: *бѣ со Анѳипатомъ Сергіемъ Павломъ* (Дѣян. 13, 9); и тотъ, который предалъ Христа Іудеямъ, назывался Понтіемъ Пилатомъ. И не только у начальниковъ, но и у воиновъ часто двойныя имена; да и у частныхъ людей, но нѣкоторымъ причинамъ и обстоятельствамъ, бываютъ двойныя названія. Но, что касается до нихъ, намъ никакой нѣтъ пользы доискиваться, почему они такъ названы; а когда даетъ имя Богъ, то надобно показать все усердіе, чтобы найти причину, потому что Богъ, обыкновенно, ничего ни говоритъ, ни дѣлаетъ безъ причины и безъ намѣренія, но все (и говоритъ, и дѣлаетъ) съ свойственною Ему премудростію.

4. Такъ, почему же (Павелъ) назывался Савломъ, когда гналъ (Церковь); и переименованъ въ Павла, когда увѣровалъ? Нѣкоторые говорятъ, что, доколѣ онъ возмущалъ, колебалъ и приводилъ въ безпорядокъ все, и волновалъ (εσαλευε) Церковь, дотолѣ назывался Савломъ, имѣя названіе по своему дѣлу—по этому самому, что волновалъ Церковь, а какъ оставилъ эти неистовства, пересталъ возмущать, прекратилъ брань, кончилъ преслѣдованіе, то и переименованъ Павломъ отъ того, что пересталъ (απο του παυσασθαι). Но такое объясненіе неосновательно и несправедливо, и я выставилъ его для того только, чтобы вы не увлекались пустыми толкованіями.

Ибо, во первыхъ, это имя (Савла) дали ему родители его, которые не были пророками и не предвидѣли будущаго. Потомъ, еслибы онъ назывался Савломъ потому, что волновалъ и возмущалъ Церковь, то слѣдовало бы ему и сложить имя тотчасъ послѣ того, какъ онъ пересталъ возмущать Церковь; но вотъ мы видимъ, что возмущать Церковь онъ пересталъ, а имени не оставилъ, но еще назывался Савломъ. И чтобы вы не подумали, будто я говорю это, обманывая васъ, раскажу вамъ объ этомъ сначала. *Изведше*, сказано, Стефана *внѣ града*, *каменіемъ побиваху его: и свидѣтеліе*, *снемше ризы своя*, *положиша при ногу юноши*, *нарицаемаго Савла* (Дѣян. 7, 58); и опять: *Савлъ же бѣ соизволяя убійству его* (—8, 1); и въ другомъ мѣстѣ: *Савлъ же озлобляше Церковь*, *въ домы входя и влача мужи и жены* (—8, 3); и еще: *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни* (—9, 1); и опять: *слыша гласъ, глаголющъ ему*: *Савле, Савле, что Мя гониши* (—9, 4)? Такъ съ сихъ поръ уже слѣдовало-бы ему сложить имя, потому-что онъ пересталъ гнать. Что же, тотчасъ ли онъ сложилъ? Никакъ; и это видно изъ послѣдующаго, — смотрите: *воста же Савлъ отъ земли, и отверстыма очима своима ни единаго видяше* (9, 9); и еще: *рече же Господь Ананіи*: *пойди на стогну*, *нарицаемую Правую, и взыщи въ домѣ Іудовѣ Савла именемъ* (—11); и опять: вошедши Ананія, сказалъ: *Савле брате, Господь*

Іисусъ, явлейтися на пути, посла мя, яко да прозриши (—17). Потомъ онъ началъ проповѣдать, *и смущаше Іудеи* (—22); однакожъ и въ это время не сложилъ имени, но еще назывался Савломъ: *увѣданъ же*, говоритъ Писаніе, *бысть Савлу совѣтъ* Іудеевъ (—24). И здѣсь ли только (называется онъ такъ)? Нѣтъ; но — былъ, говорится, голодъ и *изволиша* ученики *послати* во Іерусалимъ *на службу* святымъ; *послаша же рукою Варнавлею и Савлею* (11, 29—30). Вотъ уже онъ и служитъ святымъ, а еще называется Савломъ. И послѣ этого, Варнава пришелъ въ Антіохію и, *видѣвъ* тамъ *благодать Божію* и множество бывшихъ тамъ вѣрующихъ, *изыде въ Тарсъ взыскати Савла* (—23. 25). Вотъ онъ и обращаетъ многихъ, а именуется Савломъ. И еще: *бяху*, говорится, *нѣцыи въ церкви, сущей во Антіохіи, пророцы и учителіе, Варнава же и Симеонъ, нарицаемый Нигеръ, и Лукій Киринеанинъ, и Манаилъ, со Иродомъ четверовластникомъ воспитанъ, и Савлъ* (—13, 1). Вотъ онъ сдѣлался и учителемъ, и пророкомъ, а назывался еще Савломъ. И опять: *служащимъ же имъ Господеви и постящимся, рече Духъ Святый: отдѣлите Ми Варнаву и Савла* (— 2). Вотъ и отдѣляется онъ Духомъ, а имени еще не слагаетъ! Только тогда, когда онъ пришелъ въ Саламинъ, когда нашелъ волхва, тогда Лука говоритъ о немъ: *Савлъ-же, иже и Павелъ, ис-*

исполнився Духа Свята, рече (—9). Здѣсь-то было начало переименованія.

5. Не поскучаемъ-же этимъ изслѣдованіемъ объ именахъ. Ибо и въ житейскихъ дѣлахъ отысканіе именъ очень важно: оно не рѣдко возобновляетъ знакомства спустя много времени; открываетъ забытое родство, разрѣшаетъ судебные споры, прекращаетъ ссоры, потушаетъ войны, и бываетъ причиною примиренія. Если-же открытіе именъ такъ много значитъ въ житейскихъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе въ духовныхъ. Впрочемъ прежде всего надобно съ точностію разграничить самые вопросы. Итакъ, спрашивается вопервыхъ, для чего нѣкоторымъ изъ святыхъ Богъ давалъ имена, а другимъ не давалъ? Ибо, и въ новомъ, и въ ветхомъ завѣтѣ, онъ не всѣмъ святымъ Самъ далъ имена. А что было въ новомъ завѣтѣ, тоже и въ ветхомъ—для того, чтобы ты зналъ, что одинъ Господь обоихъ завѣтовъ. Такъ, въ новомъ завѣтѣ Христосъ наименовалъ Симона Петромъ и сыновъ Зеведеевыхъ, Іакова и Іоанна, сынами громовыми, и только ихъ однихъ, а изъ прочихъ учениковъ никого, но оставилъ ихъ съ тѣми-же именами; какія сначала дали имъ ихъ родители. А въ ветхомъ завѣтѣ Богъ переименовалъ Авраама и Іакова, но (не переименовалъ) ни Іосифа, ни Самуила, ни Давида, ни Илію, ни Елиссея, ни другихъ пророковъ, а оставилъ ихъ съ прежними именами. Такъ первый вопросъ— тотъ, для чего одни изъ святыхъ переименованы,

а другіе нѣтъ? Второй за нимъ тотъ, для чего изъ этихъ (переименованныхъ) одни получили имя въ зрѣломъ возрастѣ, а другіе сначала, и даже до своего рожденія? Ибо Петра, Іакова и Іоанна Христосъ переименовалъ въ зрѣломъ ихъ возрастѣ; а Іоанну Крестителю далъ имя еще до Его рожденія: пришелъ Ангелъ Господень и сказалъ: *не бойся, Захаріе: жена твоя, Елисаветъ, родитъ сына, и наречеши имя ему Іоаннъ* (Лук. 1, 13). Видишь, имя (дано) до рожденія? Это было и въ ветхомъ завѣтѣ. Какъ въ новомъ, Петръ, Іаковъ и Іоаннъ переименованы и стали называться двоякимъ именемъ въ мужескомъ возрастѣ, а Іоаннъ Креститель получилъ имя прежде самаго зачатія и рожденія: такъ и въ ветхомъ, Авраамъ и Іаковъ переименованы въ зрѣломъ возрастѣ,—ибо одинъ прежде назывался Аврамомъ, а потомъ названъ Авраамомъ; а другой прежде именовался Іаковомъ, и потомъ названъ Израилемъ. Но Исаакъ уже не такъ, но получаетъ имя прежде самаго рожденія; и какъ тамъ Ангелъ сказалъ: жена твоя зачнетъ во чревѣ и родитъ сына, *и наречеши имя ему Іоаннъ*: такъ и здѣсь Богъ сказалъ Аврааму: *жена твоя Сарра родитъ сына, а наречеши ему имя Исаакъ* (Быт. 17, 19). Итакъ, первый вопросъ, — почему одни переименованы, а другіе-нѣтъ? Второй за нимъ— отчего одни въ зрѣломъ возрастѣ, а другіе еще прежде рожденія, — и это въ обоихъ завѣтахъ? Мы обратимся прежде ко второму,—потому, что

такимъ образомъ и первый будетъ яснѣе; посмотримъ на тѣхъ, которые получили имена сначала, и восходя мало-по-малу, дойдемъ до перваго человѣка, получившаго имя отъ Бога, чтобы вопросы рѣшились съ самаго начала.

6. Итакъ, кому первому Богъ далъ имя? Кому же другому, какъ не тому, кто первый сотворенъ? Ибо (до него) и не было никакого другаго человѣка, которому-бы можно было дать имя. Какъ же онъ назвалъ его? По-еврейски, Адамомъ. Это имя—не греческое, и въ переводѣ на греческій языкъ значитъ не иное что, какъ— земный. Эдемъ означаетъ дѣвственную землю, а это была та страна, въ которой насадилъ Богъ рай. *Насади*, говоритъ Писаніе, *Господь Богъ рай во Едемѣ на востоцѣхъ* (Быт. 2, 8), чтобы зналъ ты, что рай былъ дѣломъ рукъ не человѣческихъ; ибо земля была дѣвственною, не принимала въ себя плуга, не была изборождена, но, не тронутая руками земледѣльцевъ, по одному повелѣнію (Божію) произрастила тѣ древа. Поэтому-то (Богъ) и назвалъ ее Едемомъ, что значитъ дѣвственная земля. Эта дѣва была образомъ иной дѣвы. Какъ эта земля произрастила намъ рай, не принявши въ себя сѣменъ: такъ и та (Дѣва), не пріявши сѣмени мужескаго, произрастила намъ Христа. Итакъ если Іудей спроситъ у тебя: какъ родила Дѣва? Скажи ему: а какъ дѣвственная земля произрастила тѣ чудныя древа? ибо Эдемъ, по еврейски, значитъ: дѣвствен-

ная земля. И если кто не вѣритъ, пусть спросить у знающихъ еврейскій языкъ, и увидитъ, что таково именно значеніе имени Эдемъ. Хоть я говорю съ незнающими (еврейскаго языка), однакожъ не хочу поэтому обмануть васъ, но, стараясь сдѣлать васъ непобѣдимыми, изъясняю вамъ все съ точностію, какъ будто-бы здѣсь присутствовали знающіе это противники. Итакъ, поелику человѣкъ созданъ былъ изъ эдемской дѣвственной земли, то и названъ Адамомъ по имени матери. Такъ дѣлаютъ часто и люди, называя раждающихся дѣтей по имени матерей; такъ и Богъ созданнаго изъ земли человѣка назвалъ, по имени матери, Адамомъ: та—Эдемъ; онъ—Адамъ.

7. Но чтожь изъ этого пользы? Люди называютъ (дѣтей) по имени матерей въ честь родившихъ женъ: Богъ для чего назвалъ (человѣка) по имени матери? Что, великое или малое, хотѣлъ Онъ сдѣлать изъ этого? Точно,—Онъ ничего не дѣлаетъ безъ причины и безъ намѣренія, но (все дѣлаетъ) съ великимъ разумомъ и премудростію; ибо *разума его нѣсть числа* (Псал. 146, 5), Эдемъ значитъ—земля; Адамъ—земной, перстный, изъ земли рожденный. Для чегожь Богъ такъ назвалъ его? Этимъ именемъ Онъ хотѣлъ напомнить ему ничтожество природы его, и на имени, какъ-бы на мѣдномъ столпѣ, выставить низость его происхожденія, чтобы имя учило его смиренномудрію,-чтобы не слишкомъ много думалъ онъ о своемъ достоинствѣ. Мы,

уже по самому опыту ясно знаемъ, что мы — земля: а онъ не видалъ, чтобы кто либо прежде его умеръ и обратился въ прахъ, но прекрасно было тѣло его, и сіяло подобно золотой статуѣ, только—что вынутой изъ горна. Итакъ, чтобы красота вида не надмила его гордостію, (Богъ) противопоставилъ ей имя, которое могло дать достаточный урокъ смиренія. Ибо и діаволъ уже готовъ былъ придти (къ Адаму), и внушать ему гордость,—готовъ былъ сказать ему: *будете, яко бози.* Итакъ, чтобы онъ, помня свое имя, вразумлявшее его, что онъ земля, никогда не мечталъ о равенствѣ съ Богомъ, (Богъ) предупреждаетъ его совѣсть посредствомъ имени, напередъ давая ему, въ самомъ наименованіи, достаточное предостереженіе противъ навѣта, угрожавшаго ему со стороны лукаваго демона, въ одно время и напоминая ему родство его съ землею, и показывая все благородство природы, какъ-бы такъ говоря: если кто скажетъ тебѣ, что ты будешь, какъ Богъ, вспомни имя (свое) и получишь достаточный урокъ, чтобы не принять такого внушенія; вспомни о матери (своей), и изъ этого родства познай свое ничтожество, не для того, чтобы научиться уничиженію, но чтобы никогда не впасть въ гордость. Поэтому и Павелъ говоритъ: *первый человѣкъ отъ земли перстенъ* (1 Кор. 15, 47). Онъ хотѣлъ изъяснить намъ, что значитъ имя — Адамъ, потому и сказалъ: *отъ земли перстенъ. Вторый человѣкъ—Господь съ*

небесе. Здѣсь нападаютъ на насъ еретики, и говорятъ: вотъ, Христосъ не принялъ на себя плоти, потому что (Апостолъ) говоритъ *вторый человѣкъ Господь съ небесе.* Слышишь; *вторый человѣкъ,* и говоришь, что не принялъ на себя плоти? что можетъ сравниться съ этимъ безстыдствомъ? Ибо какой человѣкъ не имѣетъ плоти? (Апостолъ) для того и назвалъ Его (Христа) человѣкомъ, и вторымъ человѣкомъ. чтобы и изъ числа, и изъ природы ты увидѣлъ Его сродство (съ нами). Кто же, скажешь, этотъ *вторый человѣкъ? Господь съ небесе.* Но, меня, скажешь, соблазняетъ мѣсто, о которомъ говорится—*съ небесе.* Когда ты услышишь, что *первый человѣкъ* Адамъ *отъ земли перстенъ*: ужели считаешь его землянымъ и думаешь, что онъ только перстный и не имѣетъ (въ себѣ) безтѣлесной силы, — то есть, души и ея природы? Кто можетъ это сказать? Итакъ, какъ слыша объ Адамѣ, что онъ былъ перстный, не думаешь, что онъ былъ тѣломъ безъ души: такъ и слыша: *Господь съ небесе,* не отвергай воплощенія изъза прибавленія: *съ небесе.*

8. Такимъ образомъ первое имя достаточно оправдано: Адамъ названъ такъ по имени матери, для того, чтобы не думалъ о себѣ свыше своей силы, чтобы былъ огражденъ противъ обольщенія со стороны діавола, который точно и сказалъ: *будете, яко бози.* Теперь-же перейдемъ къ другому человѣку, который еще до

рожденія получилъ имя отъ Бога, и прекратимъ слово. Ктоже послѣ Адама получилъ отъ Бога имя еще до своего рожденія? Исаакъ. *Се*, сказалъ Богъ, *Сарра жена твоя* зачнетъ во чревѣ *и родитъ сына, и наречеши имя ему Исаакъ* (Быт. 17, 19). И Сарра, какъ родила его, дала ему имя Исаакъ, говоря: *смѣхъ мнѣ сотвори Господь* (21, 6). Почему? *Кто*, говоритъ, *возвѣститъ Аврааму, яко млекомъ питаетъ отроча Сарра* (— 7)? Теперь слушайте меня со вниманіемъ, чтобы увидѣть вамъ чудо. Не сказала (Сарра), что она родила дитя, но—что *млекомъ питаетъ*. Чтобы не счелъ кто младенца подкинутымъ, источники молока удостовѣряли въ законности его рожденія; такъ что, и самъ онъ вспоминая свое имя, (послѣдствіи) находилъ (въ немъ) достаточное вразумленіе о своемъ чудесномъ рожденіи. Потому говорила она *смѣхъ мнѣ сотвори Господь*, что всѣ видѣли, какъ женщина состарѣвшаяся и дожившая до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, имѣетъ груднаго младенца. Смѣхъ напоминалъ о милости Божій, а питаніе млекомъ свидѣтельствовало о чудесномъ рожденіи. Ибо это было, не дѣло природы, но вполнѣ дѣйствіе благодати. Потому и Павелъ говоритъ: *по Исааку обѣтованія чада есмы* (Гал. 4, 28). Ибо, какъ тамъ сдѣлала все благодать, такъ и здѣсь произошелъ онъ изъ утробы, уже охладѣвшей. Ты вышелъ изъ холодной воды: значитъ, что̀ для него была утро-

ба, то для тебя купель водная. Такъ видишь сходство рожденія? видишь единство благодати? видишь, какъ природа вездѣ бездѣйственна, и все совершаетъ сила Божія? Посему-то, мы *по Исааку обѣтованія чада есмы.* Но есть еще одинъ вопросъ: объ насъ сказано, что мы *не отъ крове, ни отъ похоти плотскія* (Іоанн. 1, 13): какъ-же это? И Исаакъ *не отъ крове.* Ибо— *престаша Саррѣ бывати женская* (Быт. 18, 11). Изсякли источники крови, истощилось сѣмя рожденія, безплодна была дѣятельность природы: и — Богъ явилъ Свою силу.

9. Остается перейти къ Аврааму, сынамъ Зеведеовымъ и Петру; но, чтобы не наскучить вамъ продолжительностію, отложимъ это до другой бесѣды, и окончимъ слово, попросивъ васъ, рожденныхъ по (образу) Исаака, подражать кротости, скромности, и всякой другой добродѣтели Исаака, чтобы, молитвами сего праведника и всѣхъ этихъ предстоятелей, всѣ мы могли войти въ нѣдра Авраамовы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава, честь и держава Отцу вмѣстѣ со Святымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

29 БЕСѢДА,

О ПЕРЕМѢНѢ ИМЕНЪ III [1]).

1. Еслибы вы могли знать, что́ нами сказано и что́ осталось (еще сказать); на чемъ мы недавно остановили свое слово и съ чего нужно его начать сегодня: мы тотчасъ начали-бы съ того, что́ слѣдуетъ за недавно-сказаннымъ. Но какъ и изъ слушавшихъ насъ тогда многіе сегодня не пришли, и изъ присутствующихъ теперь (многіе) не слушали тогда: то эта разность слушателей по необходимости заставляетъ насъ повторить (прежде) сказанное. Такимъ образомъ и у прежде слушавшихъ слово тверже запечатлѣется въ памяти сказанное, потому-что они опять припомнятъ то, что слышали, и для отсутствовавшихъ не будетъ такого вреда, потому-что (настоящее) слово ознакомитъ ихъ съ прежнимъ поученіемъ. Но можетъ быть, всегда присутствующіе скажутъ, что для того-то и не нужно бы повторять сказаннаго, чтобы отсутство-

---

[1]) Надписывается: «о томъ, какъ должно обличать грѣхи братій, и что нужно заботиться о ихъ спасеніи; также о томъ, почему Аврамъ названъ Авраамомъ, объ имени Ноя, и о томъ, что сіи праведники не безъ причины назывались этими именами, но по смотрѣнію Божію». Сія бесѣда по изданію Монфокона помѣщена въ 4-мъ томѣ сряду послѣ 8-ми словъ на книгу Бытія, которыя напечатаны въ Хр. Чт. текущаго года за мѣсяцы Августъ Сентябрь и Октябрь.

вавшіе и презрѣвшіе (церковныя) собранія, потерпѣвъ вредъ отъ этого на самомъ дѣлѣ, исправились, вразумляемые потерею. Что до меня, хвалю васъ за то, что вы такъ огорчаетесь нерадѣніемъ братій, и дивлюсь (вашей) ревности: но вмѣстѣ желаю, чтобы вы и эту ревность растворили человѣколюбіемъ, потому-что ревность, чуждая снисхожденія, есть не ревность, а скорѣе—гнѣвъ, и увѣщаніе, въ которомъ нѣтъ человѣколюбія, представляется какимъ-то злорадствомъ. Посему-то особенно прошу васъ, не судите строго о грѣхахъ ближнихъ. Какъ тотъ, кто безъ снисхожденія смотритъ на раны братій, если когда и самъ согрѣшитъ, ни въ комъ не найдетъ себѣ снисхожденія: такъ тотъ, кто милостиво судитъ о паденіяхъ ближнихъ, если когда и преткнется, увидитъ много подающихъ ему руку. И это говорю теперь, не съ тѣмъ, чтобы увеличить безпечность тѣхъ, кои не пришли сюда, но потому что стараюсь усилить вашу заботливость, дабы она была разумна и съ любовію. Вѣдь мы и сами въ предшедшій день много и долго говорили противъ нихъ, и, какъ помните, сказали [1]), что они даже не люди, выставивши противъ нихъ обвинителями двухъ главныхъ пророковъ, изъ которыхъ одинъ говоритъ: *пріидохъ, и не бяше человѣка; звахъ, и не бѣ послушающаго* (Исаіи 50, 2); а другой опять

[1]) См. первую бесѣду *о перемѣнѣ именъ* въ началѣ, Хр. Чт. 1849 г Октябрь.

взываетъ и вопрошаетъ: *кому возглаголю и засвидѣтельствую; не обрѣзана ушеса ихъ, и не возмогутъ слышати* (Іерем. 6, 10). И этими и подобными словами мы сильно уязвили ихъ душу: но теперь опять умоляемъ ихъ. Такъ и Павелъ повелѣлъ: *обличи*, говоритъ, *запрети*, *умоли* (2 Тим. 4, 2). Ибо ни этого (умоленія), ни того (обличенія) не должно всегда дѣлать отдѣльно, но соединять то и другое вмѣстѣ, чтобы доставить (обличаемымъ) совершенную пользу. Если непрестанно обличаемъ, то дѣлаемъ ихъ болѣе безстыдными; а если непрестанно умоляемъ, то дѣлаемъ ихъ болѣе безпечными. Поэтому и врачи не только разрѣзываютъ, но и перевязываютъ раны; употребляютъ не всегда горькія лекарства, но часто и смягчающія, для того, чтобы первыми очистить гной, а вторыми облегчить причиненную первыми боль.

2. Поэтому Павелъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *братіе, аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы, духовніи, исправляйте таковаго: блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши* (Гал. 6, 1). Прекрасное наставленіе, наилучшій совѣтъ! Въ немъ заключается много заботливости, выказывается отеческое сердце. По-истинѣ, это слова Павлова языка! *Братіе*. Именемъ родства онъ тотчасъ склонилъ слушателя къ благорасположенности. Ты родился такъ-же, какъ и онъ; такою-же вскормленъ пищею; такого-же имѣлъ отца; общее было у тебя съ нимъ и духовное

рожденіе: такъ покажи это родство и въ исправленіи погрѣшностей (ближняго). *Аще впадетъ.* Не сказалъ: если согрѣшитъ, но прибѣгнулъ къ такому виду грѣха, который заслуживаетъ снизхожденіе. Ибо выраженіе: *аще впадетъ* (προληφθῇ—вовлеченъ будетъ), значитъ: если будетъ искушенъ, если будетъ обольщенъ;—Апостолъ говоритъ не о томъ, кто согрѣшилъ намѣренно, а о томъ, кто старается жить добродѣтельно, но преткнулся по கознямъ діавольскимъ. Такой дѣйствительно заслуживаетъ не столько обвиненія, сколько прощенія. *Аще и впадетъ человѣкъ.* Опять прибѣгнулъ къ другому основанію прощенія,—къ немощи природы, на которую указалъ самымъ именемъ (*человѣкъ*). Какъ великій Іовъ, желая испросить у Бога прощеніе, говорилъ: «что́ такое человѣкъ, что ты требуешь отъ него отчета и изслѣдываешь грѣхи его» (Іов. 7, 17. 18): такъ и мы станемъ поступать, когда будемъ кого извинять (предъ другими) въ грѣхахъ, — станемъ говорить непрерывно: онъ человѣкъ, и такимъ образомъ, напоминая о природѣ, склонять негодующаго къ милости. Поэтому и Павелъ обратился къ природѣ и ея немощи, говоря: *аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе.* Говоритъ отнюдь не о грѣхахъ великихъ, превышающихъ мѣру снизхожденія и не заслуживающихъ человѣколюбія, но о малыхъ и незначительныхъ. *Вы, духовніи.* Согрѣшающій-человѣкъ, а живущіе добродѣтельно — духовные. Тамъ

(Апостолъ) изрекъ имя природы, здѣсь употребилъ наименованіе добродѣтели. А между человѣкомъ и духовнымъ велико разстояніе. *Вы, духовніи.* Если ты духовенъ, то покажи мнѣ твою силу, не въ твоемъ (только) спасеніи, но и въ моемъ-спасеніи, но и въ помощи падшимъ. Духовнаго дѣло — не оставлять въ небреженіи своихъ сочленовъ. *Исправляйте таковаго.* Дѣлайте его, то есть, неуловимымъ, неодолимымъ, непобѣдимымъ для діавола.

3. *Блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши.* Это совѣтъ самый важный, увѣщаніе самое убѣдительное. Будь слушающій хоть камень, этого изреченія достаточно къ тому, чтобы устрашить его и побудить къ поднятію падшаго. Ты не хочешь, говоритъ, оказать милости, какъ братъ; не хочешь простить его, какъ человѣка; не хочешь подать руку, какъ духовный? Посмотри на свое собственное положеніе, и ты не будешь имѣть нужды, чтобы кто совѣтовалъ тебѣ оказать помощь лежащему, но самъ отъ себя получишь вразумленіе. Какъ и какимъ образомъ? *Блюдый себе*, говоритъ, *да не и ты искушенъ будеши.* Не сказалъ: вѣдь, навѣрное, и ты согрѣшишь,—чтобы не опечалить тебя этими словами; но какъ? *Да не когда и ты искушенъ будеши.* Быть можетъ, согрѣшишь; быть можетъ, и не согрѣшишь. Итакъ, поелику будущее неизвѣстно, то своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ ближнему напередъ заготовь для себя даръ человѣ-

колюбія, чтобы, когда и ты падешь, найти тебѣ готовымъ великое сокровище прощенія. Не сказалъ: *да не когда и ты* согрѣшишь, *да не когда и ты* падешь (обратите строгое вниманіе на значеніе этихъ словъ), но: *да не когда и ты искушенъ будеши.* (Этимъ онъ) показалъ, что у насъ есть врагъ искуситель, а искуситель не наблюдаетъ опредѣленнаго времени для нападенія, но часто нападаетъ на насъ тогда, когда мы спимъ и предаемся безпечности. Потому и тотъ падшій заслуживаетъ снизхожденія, что онъ уловленъ искусителемъ. Ему не была объявлена война, не назначено время борьбы; нѣтъ, нападеніе сдѣлано на него неожиданно, поэтому онъ и побѣжденъ. Такъ поступаютъ и плавающіе по этому великому и обширному морю. Хотя-бы корабль ихъ несся попутнымъ вѣтромъ, хотя-бы они наслаждались совершенною безопасностію: но коль скоро увидятъ издали, что другіе потерпѣли кораблекрушеніе, то, изъ-за своего собственнаго счастія, не пренебрегаютъ бѣдствіемъ этихъ людей, напротивъ, остановивъ (свой) корабль, опустивъ свой якорь, и снявъ паруса, бросаютъ веревки и выкидываютъ доски, чтобы тотъ, кто готовъ уже погрузиться въ волнахъ, ухватившись за одну изъ этихъ (веревокъ или досокъ), спасся отъ кораблекрушенія. Подражай-же пловцамъ и ты, человѣкъ! И ты плывешь по великому и обширному морю настоящей жизни, — по морю, въ которомъ есть звѣри и раз-

бойники, по морю, въ которомъ есть утесы и подводные камни, по морю, возмущаемому множествомъ волнъ и бурь. Многіе и на этомъ морѣ часто подвергаются кораблекрушенію. Итакъ, когда увидишь, что кто нибудь изъ плывущихъ, по козням діавольскимъ, потерялъ сокровище спасенія, обуревается волнами, и утопаетъ: останови твою ладью, хотя-бы ты спѣшилъ въ другую сторону; брось свои дѣла, и позаботься о его спасеніи: утопающій не терпитъ ни отсрочки, ни замедленія. Поспѣши-же немедленно, исторгни его скорѣе изъ волнъ, употреби всѣ усилія, чтобы извлечь его изъ бездны погибели. Хотя-бы отвлекали тебя тысячи дѣлъ, всего важнѣе да будетъ тебѣ спасеніе бѣдствующаго. Ибо, если ты захочешь хоть немного помедлить, то предашь его ярости бури. Посему мы въ такихъ несчастіяхъ должны быть поспѣшны, поспѣшны и чрезвычайно усердны. Послушай, какъ Павелъ спѣшитъ самъ и побуждаетъ многихъ другихъ, увидѣвъ утопающимъ нѣкоего человѣка. *Утвердите къ нему любовь*, говоритъ, *да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый* (2 Кор. 2, 7. 8). Велитъ скоро подать руку, для того, чтобы тогда, какъ мы будемъ медлить и откладывать, не успѣлъ тотъ потонуть.

4. Итакъ будемъ заботливы о братіяхъ нашихъ. Вотъ главное правило нашей жизни, вотъ отличительный признакъ — не на себя только обращать вниманіе, но и исправлять и возста-

новлять разстроенные наши члены; вотъ важнѣйшее доказательство нашей вѣры! *О семъ разумѣютъ*, говоритъ (I. Христосъ), *вси*, *яко мои ученицы есте*, *аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). А истинную любовь показываетъ не общеніе трапезы, не простое привѣтствіе, не ласкательство на словахъ, но то, когда мы устрояемъ и наблюдаемъ пользу ближняго, возстановляемъ падшаго, простираемъ руку лежащему, вознерадѣвшему о своемъ спасеніи, ищемъ, прежде своего счастія, блага ближняго. Въ этомъ состоитъ истинная любовь! Ибо любовь ищетъ не своего, но, прежде своего, чужаго, чтобы въ чужомъ найти свое (1 Кор. 13, 5). Вотъ и я теперь такъ распространяю свою рѣчь не для себя, а для васъ. Посему и вы слушайте не только для себя, но и для другихъ, которые отъ васъ должны будутъ учиться. Ибо и тѣло Церкви питается при взаимной связи членовъ. И какъ членъ, если удержитъ въ себѣ всю пищу и не передастъ ближнему, то и самъ портится и разстроиваетъ прочія части тѣла, напримѣръ, желудокъ, если только въ себѣ удерживаетъ пищу, то и остальное тѣло истощаетъ голодомъ, и себя разстроиваетъ неумѣренностію; напротивъ, если принявъ столько, сколько для него нужно по его природѣ, остальное передастъ другимъ членамъ, то и себя, и остальное тѣло, сохраняетъ въ здравіи: такъ и ты теперь, ежели услышанное отъ насъ удержишь у себя, а другому не сообщишь,—

то и ему повредишь, и себя погубишь, подвергшись опаснѣйшимъ болѣзнямъ—небрежности и зависти. Ибо мы не сообщаемъ другимъ или по злости, или по лѣности и нерадѣнію: но какая-бы изъ этихъ причинъ ни была, — каждая можетъ погубить того, въ комъ есть она. Если-же ты радушно передашь пищу другимъ,—то принесешь пользу и себѣ, и имъ. Но объ этомъ довольно уже сказано.

5. Теперь надобно перейти къ тому, что слѣдуетъ за прежде сказаннымъ. Что же это было (сказано)? Мы тогда разсуждали о Савлѣ и Павлѣ, почему т. е. онъ назывался то Савломъ, то Павломъ; потомъ по связи мы перешли къ повѣствованію о множествѣ именъ; а какъ уже заговорили о нихъ, то намъ показалось неприличнымъ оставить это полезное занятіе. Правда, мы приступили къ этому предмету (только) ради Павла; однакожъ увидѣли, что можемъ съ пользою заняться и другими именами. Такъ поступаютъ часто и плавающіе по морю для торговли, и отправившіеся въ чужую сторону для покупки какихъ либо незначительныхъ товаровъ. Когда они, пришедши въ городъ, въ который отправились, увидятъ, что въ немъ есть много и другихъ товаровъ: то закупаютъ уже гораздо болѣе, нежели сколько предполагали. И если кто станетъ упрекать ихъ, они оправдываются такими словами: длинный, говорятъ, мы прошли путь, много потерпѣли непогодъ,

много опасностей, совершили путешествіе за море; что-же мѣшаетъ намъ сдѣлать обширнѣйшій торговый оборотъ?—Такое же и мы приведемъ оправданіе. Ибо и мы, изслѣдывая имена Павла, нашли по этому случаю и другую куплю именъ, что, на-примѣръ, Петръ назывался прежде Симономъ, а сыны Заведеевы — Іаковъ и Іоаннъ названы (въ послѣдствіи) сынами громовыми; нашли, что и въ ветхомъ завѣтѣ Авраамъ назывался прежде Аврамомъ, и что Іаковъ былъ переименованъ Израилемъ и Сара Саррою. Нашли, кромѣ того, что и другіе не переименовывались, какъ эти; но получили имена, въ началѣ, какъ Іоаннъ Креститель, какъ Исаакъ, какъ Адамъ. Посему намъ показалось неумѣстнымъ и дѣломъ крайней безпечности бросить изъ рукъ такое сокровище. Поэтому мы распространились въ словѣ и, сказавши недавно о получившихъ имена въ началѣ, теперь располагаемся сказать объ имѣющихъ по два имени, изъ которыхъ одинъ — Авраамъ. Адамъ всегда назывался (только) этимъ именемъ, и не имѣлъ другаго. Исаакъ также не получалъ другаго наименованія, но отъ начала до конца назывался Исаакомъ. Но отецъ Исаака прежде назывался Аврамомъ, а послѣ Авраамомъ. Ибо, говоритъ (Писаніе), Богъ сказалъ къ нему: *не наречется ктому имя твое Аврамъ, но будетъ имя твое Авраамъ* (Быт. 17, 5). Такимъ образомъ прежде онъ назывался Аврамомъ; но это имя не грече-

ское, и говорится такъ не на нашемъ языкѣ, а на еврейскомъ. Что значитъ это имя? Переселенецъ; ибо Аврамъ на сирскомъ языкѣ, какъ говорятъ искусные въ этомъ языкѣ, значитъ: по ту сторону. А между языками сирскимъ и еврейскимъ большое сродство. Но почему, скажешь, онъ назывался переселенцемъ? Іудейская страна, то есть, вся Палестина, отъ Египта до Евфрата, лежитъ противъ Вавилоніи, изъ которой былъ Авраамъ, и между обѣими протекаетъ рѣка, составляющая общую границу той и другой земли. Итакъ, поелику онъ былъ не изъ Палестины, но пришелъ *изъ той стороны*, изъ Вавилоніи, поэтому и получилъ имя отъ мѣста и произшествія, назывался переселенцемъ, потому что пришелъ *изъ той стороны*. Почему же онъ пришелъ изъ той стороны? Потому что Богъ повелѣлъ. А почему повелѣлъ Богъ? Чтобы обнаружить послушаніе праведника. А какъ Онъ обнаружилъ послушаніе праведника? Тѣмъ, что, по Его повелѣнію, (праведникъ) оставилъ отечество и промѣнялъ его на чужую сторону. Видишь, какая цѣпь идетъ отъ имени праведника? Это имя открыло намъ цѣлое море исторій.

6. Итакъ, узнай прежнее имя (Авраама), чтобы, когда увидишь его живущимъ въ Палестинѣ, возбуждаясь этимъ именемъ его къ воспоминанію о прежнемъ его отечествѣ, и зная причину, по которой онъ оставилъ отечество, получить тебѣ достаточное увѣщаніе къ подобной

же ревности. Вотъ, человѣкъ, жившій до закона, и однакожъ по закону, показалъ любомудріе, свойственное временамъ благодати, и до благодати на дѣлѣ совершилъ то, что впослѣдствіи Христосъ сказалъ Апостоламъ: *аминь глаголю вамъ, яко всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, сторицею пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Матѳ. 19, 28. 29). Впрочемъ любомудріе праведника можно видѣть не только изъ этого, но и изъ самаго обѣтованія Божія. *Иди*, говоритъ, *въ землю, юже ти покажу* (Быт. 12, 1). Хотя оба эти отечества были чувственныя, впрочемъ то было свое, а это—чужое; то было извѣстно, а это невѣдомо, то въ рукахъ, а это въ ожиданіи: однакожъ онъ, оставивъ извѣстное, вѣдомое и бывшее въ рукахъ, поспѣшилъ къ неизвѣстному, невѣдомому и тому, чѣмъ онъ не обладалъ, дабы убѣдить и научить тебя не противорѣчить и не колебаться, когда Богъ велитъ оставить извѣстное и стремиться къ неизвѣстному. Ибо не такъ извѣстно то, что въ рукахъ, какъ то, что въ надеждахъ; не такъ извѣстна настоящая жизнь, какъ та — будущая. Эту (настоящую) мы видимъ своими глазами, а ту созерцаемъ очами вѣры; эту видимъ уже у себя въ рукахъ, а ту — еще сокровенною въ обѣтованіяхъ Божіихъ. Но обѣтованія Божіи гораздо могущественнѣе нашихъ рукъ.

7. Хочешь ли узнать, какъ эта настоящая

жизнь всегда подлежитъ неизвѣстности, а та— будущая, кажущаяся неизвѣстною, несомнѣннѣе, вѣрнѣе и прочнѣе настоящей? Разсмотримъ, если угодно, все блестящее въ настоящей жизни: богатство, славу, власть, почести, воздаваемыя людьми; и увидишь, что ничего нѣтъ ненадежнѣе ихъ. Что вѣроломнѣе богатства, которое часто не остается у насъ и до вечера? Какъ неблагодарный бѣглецъ, оно переходитъ отъ этого къ тому, и опять отъ этого къ другому. Такова же и слава. Тотъ, кто незадолго былъ славенъ и знатенъ, вдругъ дѣлается безчестнымъ и безславнымъ, и наоборотъ. Точно, какъ колеса, которое постоянно вертится, нельзя видѣть на одной и той же части окружности, потому что въ немъ отъ быстроты кругообращенія верхнее непрестанно становится нижнимъ, и на оборотъ: такъ и теченіе нашихъ дѣлъ, непрестанно вращаясь, верхнее дѣлаетъ нижнимъ; такъ (бываетъ) и съ богатствомъ, и съ властію, и со всѣми прочими благами. Онѣ никогда не остаются на томже мѣстѣ, но походятъ на струи рѣкъ, никогда нигдѣ не останавливающіяся. Итакъ что̀ можетъ быть ненадежнѣе этихъ благъ, которыя такъ непрерывно измѣняются, и прежде, чѣмъ покажутся, улетаютъ, прежде, чѣмъ придутъ, убѣгаютъ? Поэтому и Пророкъ, разсуждая о роскоши, богатствѣ и тому подобномъ, и порицая тѣхъ, которые пристрастились къ нимъ, какъ къ постояннымъ,

говоритъ: *аки стояща мнѣша* сія, *а не яко бѣжаща* (Амос. 6, 5). Не сказалъ: онѣ преходящи, но, что гораздо сильнѣе; *яко бѣжаща*, потому, что онѣ уходятъ не тихо, но съ большею скоростію. Но не такъ [1]) (поступилъ) патріархъ; нѣтъ, оставивъ все это, онъ взиралъ только на обѣтованія Божіи, пролагая намъ путь къ вѣрѣ въ будущее, чтобы ты, когда Богъ обѣщаетъ тебѣ будущее и невидимое, не сказалъ, что оно неизвѣстно и невѣдомо. Ибо то неизвѣстное яснѣе этого видимаго, если только у насъ есть очи вѣры; хотя мы и не видѣли его, но оно предложено и обѣщано Богомъ. Когда Богъ обѣщаетъ, то никакая перемѣна не касается (Его) обѣтованій. Слѣдовательно, тѣ (будущія) блага въ высшей степени постоянны, потому что крѣпко хранятся въ рукѣ Божіей. Изъ руки Божіей никто не можетъ похитить, какъ говоритъ (Христосъ): *восхитити отъ руки Отца Моего никтоже можетъ* (Іоан. 10, 29). Итакъ, поелику никто не можетъ похитить (небесныя блага) изъ руки Божіей, то онѣ и хранятся всегда въ надежной сокровищницѣ. Здѣшнія блага подвержены всякимъ перемѣнамъ и превратностямъ; поэтому мы часто труды для нихъ несемъ, а наслажденія ими не получаемъ. Но съ тѣми— ожидаемыми благами, не такъ; нѣтъ, кто потрудится, тотъ непремѣнно долженъ получить и вѣнцы. *Упованіе не посрамитъ* (Рим. 5, 5); ибо

---

[1]) Не такъ т. е, какъ люди привязанные къ земнымъ благамъ.

обѣтованіе-Божіе, а каковъ обѣщавшій, таковы и дары.

8. Итакъ, оставивъ неизвѣстное, держись яснаго, а ясно не настоящее, но будущее. Если-же нѣкоторые, пристрастившись къ настоящему, небрегутъ о будущемъ: то небрегутъ они потому, что не могутъ досягнуть высоты этой надежды, а не потому, что будущее неизвѣстно и невѣдомо. Посмотри на любомудріе праведника. Богъ обѣщалъ ему чувственныя блага, а онъ искалъ мысленныхъ. Гдѣ-же Богъ обѣщалъ ему чувственное, а онъ искалъ мысленнаго? *Изыди*, говоритъ, *отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже Азъ ти покажу* (Быт. 12, 1). Чувственна была и первая земля, и та, которая имѣла быть дана ему впослѣдствіи. Чтоже онъ? Но лучше послушаемъ не его, а Павла, который говоритъ о немъ, дабы намъ узнать, что онъ (Авраамъ) стремился не къ этой (обѣтованной) землѣ, хотя и ее обѣщалъ ему Богъ, но, оставивъ настоящее, возжелалъ будущаго. Что же говоритъ Павелъ? *По вѣрѣ умроша сіи вси* (Евр. 11, 13), разумѣя Авраама, Исаака и всѣхъ праведниковъ. Ибо не одинъ Авраамъ, но и всѣ (праведные) были участниками того же любомудрія. *По вѣрѣ умроша сіи вси, не пріемше обѣтованій, но издалече видѣвше я* (Евр. 11, 13). Что говоришь? Авраамъ не получилъ обѣтованій и не пришелъ въ Палестину? слѣдственно, сказанное (о переселе-

нія его въ Палестину) неправда? — Нѣтъ, говоритъ. Онъ пришелъ въ Палестину; но взиралъ не на это обѣтованіе, а желалъ другой (Палестины), небесной, и почиталъ себя странникомъ для всего настоящаго. Это-то свидѣтельствуя объ немъ, и Павелъ присовокупилъ: *и исповѣдавше, яко странніи и пришельцы суть на земли* (Евр. 11, 13). Ужели странникъ, скажи мнѣ, тотъ, кто получилъ отечество и такую страну? Да, говоритъ: потому что онъ стремился не къ этой (землѣ), а къ небу. *Ибо таковая глаголющіи являются, яко отечествія взыскуютъ*, того небеснаго и вышняго Іерусалима, *емуже художникъ и содѣтель Богъ* (Евр. 11, 14. 10). Видишь, какъ Богъ обѣщалъ ему (Аврааму) чувственное, и какъ онъ искалъ вышняго Іерусалима? *Ибо таковая глаголющіи*, говоритъ Апостолъ, *являются, яко отечествія взыскуютъ. И аще бы убо оно помнили, изъ негоже изыдоша, имѣли бы время возвратитися: нынѣ же лучшаго желаютъ, сирѣчь небеснаго.* Итакъ обѣтованіе чувственно, а желаніе праведника духовно, совсѣмъ не такъ, какъ у насъ. Ему обѣщана была Палестина, а онъ стремился къ небу: намъ обѣщается небо, а мы прилѣпляемся къ землѣ.

9. Вотъ сколько пользы получили мы отъ имени Авраама. Мы узнали, почему онъ названъ переселенцемъ, и что, оставивъ свою землю, переселился въ чужую, и, пренебрегши видимое, взиралъ на невидимое, бросивъ, что̀ было

въ рукахъ, пожелалъ того, что было въ надеждѣ, получивши чувственное, устремился къ мысленному, и все это до благодати, до закона, до ученія пророковъ. Отсюда видно, что онъ не имѣлъ никакого руководителя; но для него достаточно было природы, которая двигала помыслы совѣсти, и онъ такимъ образомъ обрѣлъ Бога, Содѣтеля всего. Вотъ, почему и назывался онъ Аврамомъ: вотъ почему и родители дали ему это имя. Но, можетъ быть, кто скажетъ, что это ложь. Развѣ родители Авраама были праведники? Развѣ были угодны Богу? Развѣ знали будущее? Развѣ предвидѣли, что будетъ изречено Господомъ обѣтованіе? Не были-ли они нечестивцы и идолопоклонники, и самые грубые изъ иноплеменниковъ? Знаю (это) и я, и поэтому хвалю праведника за то, что онъ, имѣя такихъ (нечестивыхъ) родителей, самъ былъ таковъ (благочестивъ). Вотъ это и дивно, и чудно, что отъ негоднаго и дикаго корня произошелъ сладкій плодъ. Нечестіе отцевъ не упрекъ дѣтямъ, благочестиво живущимъ; напротивъ, сказать-ли нѣчто удивительное,—оно служитъ имъ въ похвалу, потому-что, не наслѣдовавъ благочестія отъ предковъ и не имѣя руководителей, но идя какъ-бы по пустому и непроходимому мѣсту, они умѣли однакожъ найти путь къ небу. Итакъ не порокъ — имѣть нечестиваго отца, а порокъ — подражать въ нечестіи отцу; и самое большое преступленіе не въ томъ, когда у насъ родители худые, но въ

томъ, когда мы не заботимся объ нихъ, и не стараемся, всѣми зависящими отъ насъ мѣрами, отклонить ихъ отъ этого нечестія. Значитъ, когда мы все сдѣлаемъ для ихъ души, а они будутъ коснѣть въ своемъ нечестіи, тогда мы свободны отъ всякаго упрека и вины.

10. Впрочемъ я сказалъ это для того, чтобы ты, возлюбленный, не постыдился, когда услышишь, что Авраамъ имѣлъ нечестиваго отца. И Тимоѳей имѣлъ нечестиваго отца; онъ былъ, говорится, сынъ *жены нѣкія Іудеяныни вѣрны, отца же Еллина* (Дѣян. 16, 1). И что отецъ остался въ нечестіи и не обратился, видно изъ того, что Павелъ, хваля вѣру Тимоѳея, такъ говоритъ: *яже вселися въ бабу твою Лоиду и въ матерь твою Евникію: извѣстенъ же есмь, яко и въ тебе* (2 Тим. 1, 5). А объ имени отца ни слова. Почему? Потому, что онъ остался въ нечестіи, и—не былъ достоинъ числиться вмѣстѣ съ сыномъ. И Апостолы имѣли худыхъ отцевъ, какъ показалъ это Христосъ, сказавъ: *аще Азъ о веельзевулѣ изгоню бѣсы, сынове ваши о комъ изгонятъ; сего ради тіи вамъ будутъ судіи* (Матѳ. 12, 27). Но да не смущаетъ тебя это, и да не соблазняетъ! Изъ этого мы узнаемъ, что порокъ и добродѣтель есть дѣло не природы, но свободной воли. Еслибы онѣ были дѣломъ природы, то непремѣнно раждали-бы злые злыхъ, а честные честныхъ. А какъ быть худымъ и добрымъ есть дѣло свободной воли, поэтому ча-

сто бывали и у злыхъ отцевъ дѣти добрыя, и у дѣтей небрежныхъ отцы рачительные (о добродѣтели), чтобы мы во всякомъ случаѣ то и другое (добродѣтель и порокъ) приписывали не природѣ, а свободной волѣ. Но какимъ образомъ родители Авраама, будучи, какъ я сказалъ, нечестивы, дали ему это имя? И это было дѣломъ премудрости Божіей, которая устроила такъ, что невѣрнымъ языкомъ дано было имя, заключающее (въ себѣ) исторію будущаго. (Богъ) заставилъ нѣкогда и Валаама изречь будущее, дабы чрезъ это обнаружить Свою силу и показать, что Онъ можетъ владычествовать не только надъ своими, но и надъ чужими.

11. А чтобы тебѣ увѣриться что отцы праведниковъ, хоть-бы были и не благочестивы, часто, сами не зная, даютъ имъ имена, выражающія великое домостроительство (Божіе) въ будущемъ, это объясню тебѣ и изъ другаго примѣра. Ламехъ, отецъ Ноя, того Ноя, при которомъ случился потопъ, не былъ праведенъ, не былъ пріятенъ Богу, не былъ угоденъ Богу. Ибо, еслибы онъ былъ праведенъ, если-бы былъ пріятенъ и благоугоденъ Богу; то (Моисей) не сказалъ бы, что одинъ Ной нашелся *совершенъ въ родѣ своемъ* (Быт. 6, 9) не умолчалъ-бы объ отцѣ праведника, если-бы онъ былъ праведенъ. Что-же этотъ отецъ? Онъ далъ сыну такое имя, въ которомъ заключалась великая исторія будущихъ событій, и наименованіе праведника

было настоящимъ пророчествомъ. Ибо это имя указывало на будущій потопъ. Какъ-же имя Ноя указывало на будущій потопъ? Имя—*Ной* есть еврейское, и значитъ: успокоитель. Ибо слово: *ніа* на сирскомъ языкѣ означаетъ: успокоеніе. Посему, какъ тамъ отъ слова: *аваръ*, которое значитъ: по ту сторону, получилъ имя Авраамъ, и отъ слова: *Едемъ*, которое значитъ: земля, получилъ имя Адамъ, которое значитъ: земляной: такъ и здѣсь отъ *ніа*, которое значитъ: успокоеніе, получилъ имя Ной, что значитъ: успокоитель. Это-же видно и изъ приложеннаго (къ имени) поясненія: *нарече имя ему Ное, глаголя: сей успокоитъ насъ* (Быт. 5, 29), успокоеніемъ называя потопъ. Такъ какъ при немъ имѣлъ быть потопъ, а потопъ былъ смертію, *смерть же мужу покой* (Іов. 3, 23): поэтому человѣка, при которомъ былъ потопъ, (Ламехъ) назвалъ успокоителемъ.

12. И что я изъясняю не-принужденно, можешь узнать изъ этого самаго Писанія. *Поживе Ламехъ лѣтъ сто осмьдесять осмь, и роди сына. И нарече имя ему Ное, глаголя: сей успокоитъ насъ отъ* трудовъ *нашихъ, и отъ печалей, и отъ* дѣлъ *рукъ нашихъ, и отъ земли, юже прокля Богъ* (Быт. 5, 28. 29). Что говоришь: *успокоитъ насъ?* И почему онъ, спроситъ, не сказалъ: *сей* умертвитъ насъ, *сей* произведетъ потопъ, но сказалъ: *успокоитъ насъ?* Разложилась на свои стихіи вся тварь, разверзлись бездны снизу, открылись по-

токи водъ сверху, все превратилось въ море чудное, дивное и страшное, въ грязи, какъ въ общемъ гробѣ, похоронены были и тѣла людей, и тѣла коней и звѣрей: и такія-то бѣдствія, скажи мнѣ, такое-то несчастіе называешь успокоеніемъ? Да, говоритъ. Такъ какъ люди жили въ нечестіи, а потопъ прекратилъ нечестіе, то освободившіеся отъ нечестія успокоились. Какъ тѣло, одержимое различными болѣзнями, для которыхъ не находится никакого врачества, успокоивается, когда придетъ и возметъ его смерть: такъ и поколѣніе тѣхъ людей [1], какъ тѣло, неизлѣчимо больное и подверженное различнымъ недугамъ, не получающимъ никакого облегченія, постигъ потопъ, похитилъ и успокоилъ. Ибо, если *смерть мужу покой* (Іов. 3, 23), тѣмъ болѣе смерть—покой для людей, неисправимо живущихъ въ нечестіи: она освобождаетъ ихъ отъ трудовъ, не попускаетъ потоку нечестія идти далѣе, и бремени грѣховъ дѣлаться тяжелѣе настоящаго. Ибо ничто такъ не тяжко и не обременительно, какъ грѣхъ; ничто не причиняетъ намъ столько безпокойства и труда, какъ порокъ и преступленіе. Поэтому Христосъ живущимъ въ грѣхахъ говорилъ: *пріидите вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою васъ* (Матѳ. 11, 28). Поэтому и Ламехъ назвалъ успокоеніемъ потопъ, который пришелъ и остановилъ нечестіе. Хотѣлось-бы мнѣ еще продолжить это слово, потому что много

---

[1] Т. е. современныхъ Ною.

осталось еще несказаннаго и объ имени Ноя. Но пока это сложите въ памяти вашей души, и перескажите отсутствующимъ братіямъ нашимъ, чтобы намъ опять не быть вынужденными дѣлать слишкомъ длинныя вступленія, и повторять прежде сказанное. За симъ окончимъ слово молитвами, благодаря Бога, давшаго намъ сказать это; потому-что Ему—слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

30 БЕСѢДА,

О ПЕРЕМѢНѢ ИМЕНЪ IV [1]).

1. Нѣкоторые изъ любезныхъ нашихъ (слушателей) стали упрекать насъ за то, что мы очень распространяемъ вступленія своихъ поученій; а справедливо, или несправедливо стали упрекать, это узнаете вы тогда, какъ выслушаете и наше оправданіе, и за тѣмъ произнесете судъ, какъ-бы во всенародномъ судилищѣ. Я, съ своей стороны, еще не входя въ объ-

---

[1]) Надписывается: «къ упрекавшимъ за обширность вступленій, и о томъ, что терпѣть упреки полезно; также, для чего Павелъ переименованъ не тотчасъ, какъ только увѣровалъ,—что эта перемѣна произошла съ нимъ, не по принужденію, но по свободной волѣ его; и на слова: *Савле, Савле, что мя гониши.*» Дѣян. 9, 4.

ясненіе этого дѣла, приношу имъ благодарность за упреки, потому что эти упреки происходятъ отъ добраго, а не отъ злаго расположенія; а я могу сказать о себѣ, что люблю любящаго меня, не тогда только, какъ онъ хвалитъ, но — и когда упрекаетъ и исправляетъ. Хвалить безъ разбора все, и доброе и худое, свойственно не другу, но льстецу и насмѣшнику: напротивъ, хвалить за доброе дѣло, и упрекать за проступокъ, — вотъ долгъ друга и доброжелателя. И чтобы вамъ увѣриться, что безъ разбора хвалить все и прославлять за все, свойственно не другу, но обманщику, (вотъ что́) говоритъ Богъ: *людіе мои, блажащіи васъ льстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ* (Иса. 3, 12). Итакъ, не люблю врага и тогда, какъ онъ хвалитъ (меня); люблю друга, и когда онъ упрекаетъ. Тотъ, хоть и цѣлуетъ меня, противенъ; этотъ, хоть уязвляетъ меня, любезенъ: поцѣлуй того подозрителенъ, рана отъ этого есть признакъ заботливости (его обо мнѣ). Поэтому нѣкто говоритъ: *достовѣрныя суть язвы друга, нежели вольная лобзанія врага* (Притч. 27, 6). Что́ говоришь? раны лучше поцѣлуевъ? Да, говоритъ, потому что смотрю не на качество того, что дѣлается, но на расположеніе дѣлающихъ.

2. Хочешь узнать, какъ это *достовѣрнѣе язвы друга, нежели вольная лобзанія врага?* — Облобызалъ Господа Іуда (Мат. 26, 49), но его лобзаніе проникнуто было предательствомъ, въ

его устахъ скрывался ядъ, его языкъ полонъ былъ лукавства. Уязвилъ Павелъ коринѳскаго развратника, но за то и спасъ. А какъ, скажешь, уязвилъ? Предавши его сатанѣ: *предайте*, говоритъ, *таковаго сатанѣ во изможденіе плоти* — для чего? *да духъ спасется въ день Господа Іисуса* (1 Кор. 5, 5). Видѣлъ ты раны спасительныя? видѣлъ лобзаніе предательское? Такъ то *достовѣрнѣе язвы друга, нежели вольная лобзанія врага*. Это усмотримъ не только на людяхъ, но и на Богѣ, и на діаволѣ. Тотъ другъ, а этотъ врагъ; тотъ Спаситель и Промыслитель, а этотъ обольститель и зложелатель. Но этотъ облобызалъ нѣкогда, а тотъ уязвилъ. Какъ-же этотъ облобызалъ, а тотъ уязвилъ? — Одинъ сказалъ: *будете, яко бози* (Быт. 3, 5), а другой: *земля еси, и въ землю отыдеши* (ст. 19). Кто-же принесъ больше пользы, тотъ ли, который сказалъ: *будете, яко бози*, или этотъ, который сказалъ: *земля еси, и въ землю отыдеши?* Этотъ грозилъ смертію, тотъ обѣщалъ безсмертіе: но обѣщавшій безсмертіе выгналъ и изъ рая, а грозившій смертію возвелъ на небо. Видишь, какъ *достовѣрнѣе язвы друга, нежели вольная лобзанія врага*. Поэтому я, и не входя въ объясненіе, благодарю упрекающихъ. Они, правильно ли, или неправильно упрекаютъ, дѣлаютъ это не съ тѣмъ, чтобы посрамить, но—чтобы исправить: напротивъ, враги, если и справедливо упрекаютъ, то упрекаютъ не съ тѣмъ, чтобы исправить,

но—чтобы обезславить. Эти [1]), слѣдовательно, похвалою хотятъ сдѣлать (хвалимаго) болѣе совершеннымъ, а тѣ [2]), если и хвалятъ, стараются чрезъ это уронить.

3. Впрочемъ, какъ бы упрекъ ни происходилъ, великое благо быть въ состояніи терпѣть упреки и обличенія, а не раздражаться. Ибо *ненавидяй обличенія*, сказано, *безуменъ* (Притч. 12, 1). Не сказано: такія, или такія обличенія, но просто: *обличенія*. Въ самомъ дѣлѣ, если другъ обличилъ тебя справедливо, исправь грѣхъ; если же онъ упрекнулъ безъ основанія, такъ похвали его за намѣреніе, одобри цѣль, поблагодари за дружбу: этотъ упрекъ происходитъ отъ крѣпкой дружбы. Не будемъ-же огорчаться, когда насъ обличаютъ. Ибо весьма много добра для жизни нашей произойдетъ отъ того, если всѣ мы будемъ и обличать согрѣшающихъ, и сами легко переносить обличенія въ грѣхахъ. Что́ лекарства для ранъ, то обличенія для грѣховъ. Значитъ, какъ отвергающій лекарства глупъ, такъ и не принимающій обличеній безразсуденъ. Но многіе часто раздражаются, думая про себя и говоря: «мнѣ ли, умному и образованному, терпѣть отъ такого-то?» А того не знаютъ, что это самое доказываетъ крайнюю ихъ глупость. *Видѣхъ*, говоритъ Соломонъ, *мужа непщевавша себе мудра быти, упованіе же имать безумный паче его* (Притч. 26, 12). Поэтому и

[1]) Упрекающіе благонамѣренно. [2]) враги.

Павелъ говоритъ: *не бывайте мудри о себѣ* (Рим. 12, 16). Сколько ни уменъ ты, сколько ни проницателенъ въ добрѣ: но ты—человѣкъ и имѣешь нужду въ совѣтникѣ. Одинъ Богъ ни въ чемъ не нуждается; Онъ одинъ не имѣетъ нужды и въ совѣтникѣ. Почему объ Немъ одномъ и говорится: *кто уразумѣ умъ Господенъ? или кто совѣтникъ ему бысть?* (Рим. 11, 34). А мы, люди, какъ бы умны ни были, тысячекратно подвергаемся упрекамъ, и этимъ обличается слабость нашей природы. *Не могутъ*, сказано, *вся быти въ человѣцѣхъ* — почему? *яко не безсмертенъ сынъ человѣческій* (Сир. 17, 28. 29). Чтò свѣтлѣе солнца? однакожъ и оно затмѣвается. Какъ этотъ (солнечный) ясный свѣтъ, этотъ блестящій лучъ закрываетъ наступившая тма: такъ часто и на нашъ умъ, сіяющій и свѣтящій какъ бы въ самый полдень, находитъ глупость и затемняетъ его; и вотъ, умный не видитъ дѣла, а кто и глупѣе его, тотъ видитъ дѣло лучше его. А такъ бываетъ для того, чтобы умный не гордился, а простой человѣкъ не почиталъ себя несчастнымъ.

4. Великое благо — быть въ состояніи сносить обличенія; великое благо умѣть обличать,— это (послѣднее) есть признакъ величайшей заботливости (о ближнемъ). Но вотъ мы, если увидимъ, что у кого либо туника [1]) свалилась

[1]) Исподнее платье, которое греки и римляне носили подъ тогою или верхнимъ платьемъ.

съ плечъ, или другая одежда лежитъ худо, замѣчаемъ ему это и поправляемъ: а если увидимъ, что у него жизнь развращенная, то не выронимъ ни слова. Если увидимъ, что онъ ведетъ позорную жизнь, то проходимъ мимо: между тѣмъ худое положеніе одежды только смѣшно, а (грѣховное состояніе) души опасно и бѣдственно. Ты видишь, скажи мнѣ, что братъ твой стремится въ пропасть, живетъ небрежно, не смотритъ, на что̀ слѣдуетъ, и — не подаешь руки? не поднимаешь падшаго? не упрекаешь и не обличаешь? но думаешь, что лучше не огорчить и не обезпокоить его, чѣмъ позаботиться о его спасеніи? какое же получишь отъ Бога снизхожденіе и прощеніе? Не слышалъ ли ты, что̀ Богъ повелѣлъ Іудеямъ? (повелѣлъ) не оставлять безъ попеченія рабочій скотъ даже враговъ, когда онъ блуждаетъ, и не проходить мимо его, когда онъ упалъ (Исх. 23, 4—5. Второз. 22, 1). Такъ Іудеямъ повелѣвается не оставлять безъ попеченія животныхъ вражескихъ, а мы не позаботимся о душахъ братьевъ, которыя падаютъ каждый день? Какъ же, не крайняя ли это жестокость и звѣрскость — не прилагать о людяхъ и такой заботливости, какую они (Іудеи) о безсловесныхъ? Это-то и привело въ безпорядокъ все, это-то испортило нашу жизнь, что мы и сами не сносимъ великодушно обличеній, и другихъ не хотимъ обличать. Мы потому и тяжки (для другихъ) съ своими обли-

ченіями, что сами раздражаемся, когда насъ обличаютъ. Если бы братъ твой узналъ, что, обличивъ тебя, онъ похваленъ тобою; то и самъ отплатилъ бы (тебѣ) тѣмъ-же, когда бы ты сталъ обличать его.

5. Хочешь знать, что, хотя бы ты былъ весьма уменъ, весьма совершенъ и взошелъ на самую высоту добродѣтели, однакожъ имѣешь нужду въ совѣтникѣ, исправителѣ и обличителѣ? Выслушай древнюю исторію. Не было ничего равнаго Моисею: онъ былъ, сказано, *кротокъ паче всѣхъ человѣкъ* (Числ. 12, 3), другъ Богу, обогащенъ мірскою мудростію и исполненъ духовнаго знанія. *Наказанъ бысть*, говорится, *Моисей всей премудрости Египетстѣй* (Дѣян. 7, 12). Видишь, что его образованіе было совершенно? И *бѣ силенъ* (Моисей) въ словѣ, и въ иной добродѣтели [1]). Но выслушай и другое свидѣтельство. Со многими, сказано, пророками бесѣдовалъ Богъ, но ни съ однимъ не бесѣдовалъ такъ: съ другими посредствомъ гаданій и сновъ, а съ Моисеемъ *лицемъ къ лицу* (Второз. 34, 10). Какое еще нужно тебѣ свидѣтельство о его (Моисея) добродѣтели, болѣе важное этого, когда Владыка всего бесѣдуетъ съ рабомъ, какъ съ другомъ? (Исх. 33, 11). Итакъ, Моисей былъ мудръ и по внѣшнему, и по внутреннему образованію; былъ силенъ въ словѣ и дѣлѣ;

[1]) ἐν λόγῳ, καὶ ἄλλῃ ἀρετῇ. Въ славянск. текстѣ: *бѣже силенъ въ словесѣхъ и дѣлѣхъ*. Дѣян. 7, 22

повелѣвалъ самой природѣ, потому что былъ другомъ Господа природы; вывелъ изъ Египта столь великій народъ, раздѣлилъ море, и опять соединилъ его; словомъ, явилось (чрезъ Моисея) чудо новое: въ первый разъ тогда увидѣло солнце, какъ черезъ море, не переплываютъ, но переходятъ, — какъ по глубинѣ морской переправляются, не на веслахъ и судахъ, а на коняхъ. И однакожъ этотъ мудрый, сильный въ словѣ и дѣлѣ, другъ Бога, повелѣвавшій природѣ, сдѣлавшій столько чудесъ, не понялъ дѣла, весьма понятнаго для большей части людей: но тесть его, человѣкъ необразованный и простой, понялъ это дѣло и показалъ, а самъ онъ не дошелъ до него. Какое же это дѣло? — Послушайте, и — узнаете, что всякій, будь онъ равенъ Моисею, имѣетъ нужду въ совѣтникѣ, и что вещи, укрывающіяся отъ великихъ и важныхъ людей, часто не укрываются отъ малыхъ и простыхъ. — Когда Моисей вышелъ изъ Египта и былъ въ пустынѣ, *стояху предъ* нимъ *вси людіе* (Исх. 18, 13—16), шестьсотъ тысячь, и онъ рѣшалъ жалобы всѣхъ, у кого только была ссора другъ съ другомъ. Увидѣвши, что онъ такъ дѣлаетъ, тесть его Іоѳоръ, человѣкъ необразованный, жившій въ пустынѣ, не знавшій ни законовъ, ни правилъ общежитія, напротивъ, жившій въ нечестіи (а какое можетъ быть, болѣе этого, сильное доказательство невѣжества? вѣдь нѣтъ ничего безумнѣе язычниковъ): однакожъ этотъ

иноплеменникъ, нечестивецъ, невѣжда, увидѣвши, что Моисей дѣлаетъ не такъ, поправилъ его,—мудраго и разумнаго, и друга Божія. Сказавъ: *почто* сіи *предстоятъ тебѣ* (ст. 14), и узнавъ причину, онъ говоритъ Моисею: *не право ты твориши* сіе (ст. 17). Совѣтъ съ укоризною, и однакожъ Моисей не раздражился; нѣтъ, терпѣливо снесъ этотъ мудрый, разумный и другъ Божій, начальствовавшій надъ столькими тысячами. Вѣдь, и это немаловажно, что его училъ человѣкъ необразованный и простой. И не надмили его—ни чудеса, имъ совершенныя, ни великая власть; и не постыдился онъ того, что его поправляли при подчиненныхъ. Нѣтъ, подумавъ, что, хотя онъ и совершилъ великія знаменія, однакожъ имѣетъ человѣческую природу, отъ которой часто укрывается многое, онъ скромно принялъ совѣтъ.

6. А многіе, чтобы не показать, что они нуждаются въ совѣтѣ, не рѣдко скорѣе рѣшаются лишиться пользы, ожидаемой отъ совѣта, нежели принять вразумленіе и исправить грѣхи; лучше хотятъ оставаться въ невѣжествѣ, нежели поучиться: а того не знаютъ, что не учиться порокъ, а не знать,—не брать уроки, а оставаться въ невѣжествѣ, не слышать обличенія, а грѣшить безъ исправленія. Вѣдь можетъ, точно можетъ и человѣкъ малый и простой найтись въ иномъ дѣлѣ, въ которомъ часто не найдется умный и великій. Зная это, Моисей со всею скром-

ностію слушалъ своего тестя, когда онъ совѣтовалъ и говорилъ: *сотвори себѣ тысященачальники, стоначальники, пятьдесятоначальники, десятоначальники: и слово неудобоборьшительное донесутъ къ тебѣ*, легкое *же да судятъ они* (Исх. 18, 21. 22). Услышавъ это, Моисей не устыдился, не покраснѣлъ, не посовѣстился подчиненныхъ, не сказалъ про себя: «меня станутъ презирать подчиненные, если я, начальникъ, буду учиться у другаго тому, что мнѣ дѣлать»; напротивъ, онъ послушался и исполнилъ приказаніе. И не постыдился онъ не только своихъ современниковъ, но и насъ, потомковъ; напротивъ, какъ бы красуясь даннымъ ему отъ тестя вразумленіемъ, не только тогдашнихъ людей, но и жившихъ послѣ него доселѣ, и тѣхъ которые, во всей вселенной, будутъ жить впредь до пришествія Христова, научилъ чрезъ Писаніе тому, что самъ онъ не могъ усмотрѣть, что̀ слѣдовало ему дѣлать, и тому, что принялъ совѣтъ отъ тестя. А мы, если увидимъ, что есть сторонній человѣкъ при томъ, какъ насъ обличаютъ и исправляютъ, приходимъ въ замѣшательство, выходимъ изъ себя, думаемъ, что мы уже пропали. Не такъ Моисей, нѣтъ; видя предъ собою столько тысячь современниковъ, а лучше сказать, столько тысячь жившихъ на всей землѣ послѣ него доселѣ, не постыдился, но всѣмъ каждодневно возвѣщаетъ чрезъ Писаніе, что, чего самъ онъ не усмотрѣлъ, то усмо-

трѣлъ тесть его. Для чего же онъ сдѣлалъ такъ, и это произшествіе предалъ памяти? — Чтобы намъ внушить—никогда высоко не думать о себѣ, хотя бы мы были умнѣе всѣхъ, и не гнушаться совѣтами другихъ, хотя бы они были хуже всѣхъ. Такъ, если кто, будь даже слуга, посовѣтуетъ что либо доброе, прими совѣтъ; но если что либо вредное, будь онъ человѣкъ самаго высокаго сана, отринь внушеніе: потому что вездѣ должно смотрѣть, не на качество совѣтующихъ лицъ, но на самое свойство совѣта. Такъ поступилъ и Моисей, и этимъ учитъ насъ не стыдиться обличеній, хотя бы притомъ былъ весь народъ. Вотъ отличіе самое важное, вотъ великая честь, вотъ слава самаго высокаго любомудрія—великодушно терпѣть обличеніе. Не такъ теперь хвалимъ и прославляемъ Іоѳора за то, что онъ вразумилъ Моисея, какъ удивляемся этому святому за то, что онъ и не постыдился вразумленія при столь многихъ свидѣтеляхъ, и предалъ памяти это событіе, показавъ во всемъ этомъ свое любомудріе и что совершенно пренебрегъ мнѣніемъ толпы.

7. Но, желая оправдаться въ обширности вступленій, мы опять сдѣлали большое вступленіе, впрочемъ не безъ причины и не безъ намѣренія, но потому, что разсуждали съ вами о самыхъ важныхъ и необходимыхъ предметахъ, — о томъ, чтобы намъ великодушно терпѣть обличенія, чтобы ревностно обличать и

исправлять согрѣшающихъ. Нужно же наконецъ представить оправданіе въ обширности (вступленій), и сказать, для чего дѣлаемъ длинныя вступленія. Для чего же дѣлаемъ это? — Мы бесѣдуемъ съ такимъ множествомъ (слушателей), — съ людьми, у которыхъ есть жены, которые управляютъ домами, проводятъ жизнь въ ежедневной работѣ, въ дѣлахъ мірскихъ. И худо не это одно, что они непрестанно заняты, но и то еще, что приходятъ сюда къ намъ только однажды въ недѣлю. Итакъ, чтобы наши слова были имъ удобовразумительны, мы стараемся наше ученіе сдѣлать яснѣе посредствомъ вступленій. Кто не имѣетъ никакого дѣла, но постоянно занимается Писаніемъ, тому не нужны вступленія, не нужно приготовленіе; нѣтъ, онъ, лишь только услышитъ говорящаго, понимаетъ смыслъ рѣчи. Но человѣкъ, бо́льшую часть времени проводящій въ дѣлахъ мірскихъ, а сюда приходящій на малое и краткое время, если не выслушаетъ вступленія, если не увидитъ, что ему со всѣхъ сторонъ напередъ открытъ путь къ слову, выйдетъ отсюда безъ всякой пользы. Впрочемъ, не это только причиною обширности нашихъ вступленій; есть и другая, не менѣе важная этой, причина. Изъ этого множества слушателей, одни приходятъ, а другіе часто не приходятъ. Итакъ необходимо — пришедшихъ похвалить, а не-пришедшихъ побранить, чтобы тѣ отъ похвалъ стали еще усер-

днѣе, а эти изъ-за упрековъ бросили лѣность.

8. Есть и еще причина, по которой вступленія нужны для васъ. Мы часто беремъ для бесѣды предметъ довольно обширный, — такой, котораго невозможно довести до конца въ одинъ день, напротивъ, намъ бываетъ нуженъ и вторый и третій день для изъясненія тогоже самаго предмета. Поэтому надобно и въ этотъ вторый день повторить конецъ прежняго поученія, чтобы чрезъ такое соединеніе конца съ началомъ сдѣлать изслѣдованіе яснѣе для присутствующихъ, и чтобы слово, лишенное связи съ предъидущимъ, не было темно для слушателей. И чтобы увѣриться тебѣ, что слово безъ вступленія никому не будетъ понятно, вотъ я, для опыта, представляю теперь слово безъ вступленія. *Воззрѣвъ же нань Іисусъ рече: ты еси Симонъ сынъ Іонинъ: ты наречешися Кифа, еже сказуется Петръ* (Іоан. 1, 42). Видите, понимаете ли вы это изреченіе? знаете ли связь и причину, почему оно сказано? — Это отъ того, что я предложилъ это изреченіе безъ вступленія, и поступилъ такъ же, какъ еслибы кто вывелъ на зрѣлище человѣка, закрытаго со всѣхъ сторонъ. Откроемъ же его, давши ему вступленіе. Недавно [1]) было здѣсь у насъ слово о Павлѣ, когда мы бесѣдовали объ именахъ, и изслѣдовали, почему онъ нѣкогда назывался

[1]) См. 3 бесѣду о перемѣнѣ именъ.

Савломъ, а потомъ названъ Павломъ. Отсюда перешли мы къ древней исторіи, и пересмотрѣли всѣхъ, кои имѣли прозванія. Потомъ тутъ же вспомнили и о Симонѣ, и о Христовыхъ словахъ, сказанныхъ ему: *ты еси Симонъ сынъ Іонинъ: ты наречешися Кифа, еже сказуется Петръ.* Видишь, какъ незадолго казавшееся непонятнымъ стало теперь понятнѣе? — То что, какъ тѣлу нужна голова, дереву корень и рѣкѣ источникъ: такъ и слову вступленіе.

9. Итакъ, поелику мы поставили васъ на начало тогоже пути, и показали связь (настоящей бесѣды съ предыдущими), то займемся уже самымъ вступленіемъ исторіи (о Павлѣ). *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни* (Дѣян. 9, 1). А въ посланіяхъ называется онъ Павломъ: для чего же Святый Духъ перемѣнилъ ему имя? — Какъ господинъ, купивъ раба и желая показать ему свою власть, надъ нимъ, перемѣняетъ ему имя: такъ и Святый Духъ сдѣлалъ тогда. Онъ взялъ Павла изъ плѣна, и этотъ недавно еще поступилъ подъ власть эту (Святаго Духа). Поэтому Сей перемѣнилъ ему имя, чтобы онъ изъ этого узналъ (новую) власть надъ собою. Что нареченіе именъ есть знакъ власти, это весьма ясно видно и изъ того, что̀ мы дѣлаемъ, но еще яснѣе будетъ изъ того, что̀ Богъ сдѣлалъ съ Адамомъ. Желая вразумить его, что онъ царь и владыка всего, (Богъ) привелъ къ нему всѣхъ звѣрей *видѣти, что на-*

речетъ я (Быт. 2, 19), чѣмъ и показалъ, что нареченіе именъ служитъ подтвержденіемъ власти. Если же хотите видѣть это и у людей, и знать, что берущіе рабовъ изъ плѣна часто перемѣняютъ имъ имена, послушайте, что сдѣлалъ Вавилонскій царь. Онъ, взявши изъ плѣна Ананію, Азарію и Мисаила, не оставилъ ихъ при прежнихъ именахъ, но назвалъ—Седрахомъ, Мисахомъ и Авденаго (Дан. 1, 6. 7).

10. Но почему (Святый Духъ) переименовалъ Павла не тотчасъ, а спустя долгое время? Потому что, еслибы переименовалъ его тотчасъ послѣ его обращенія, не сдѣлалась бы явною перемѣна Павла и обращеніе къ вѣрѣ. Напротивъ, что́ случается съ рабами, т. е. что они, какъ убѣгутъ и тотчасъ же перемѣнятъ свои имена, такъ и становятся неизвѣстными, тоже было бы и съ Павломъ: еслибы онъ переименованъ былъ тотчасъ, какъ оставилъ Іудеевъ и пришелъ къ намъ, никто не узналъ бы, что онъ — гонитель сталъ Евангелистомъ. А знать, что онъ— гонитель, и сдѣлался Апостоломъ, было весьма важно. Это-то и смиряло Іудеевъ, что они видѣли, какъ учитель, стоявшій за нихъ, сталъ противъ нихъ. Итакъ, чтобы внезапная перемѣна имени не скрыла перемѣны воли, (Святый Духъ) попускаетъ Павлу долго носить прежнее имя: пусть, когда узнаютъ всѣ, что это тотъ, который прежде гналъ Церковь, пусть тогда уже, какъ это будетъ извѣстно всѣмъ, перемѣ-

нитъ онъ и имя. А что это настоящая причина, послушай, какъ самъ онъ говоритъ: *пріидохъ въ страны Сирскія и Киликійскія. Бѣхъ же незнаемъ лицемъ церквамъ Іудейскимъ, яже въ Палестинѣ* [1]) (Гал. 1, 21. 22). Если же онъ небылъ извѣстенъ Церквамъ, бывшимъ въ Палестинѣ, гдѣ онъ жилъ; тѣмъ болѣе — бывшимъ въ другихъ мѣстахъ. *Бѣхъ же незнаемъ лицемъ*, говоритъ, а не именемъ. Почему *незнаемъ лицемъ*? потому что никто изъ вѣрующихъ не смѣлъ и видѣть его, когда онъ преслѣдовалъ насъ: такъ онъ дышалъ убійствомъ, такого исполненъ былъ неистовства! Потому, если куда онъ приходилъ, всѣ удалялись, всѣ убѣгали, и не осмѣливались и взглянуть на него: такъ онъ (прежде) свирѣпствовалъ противъ вѣрующихъ! Они (вѣрующіе) только слышали, что тотъ, кто нѣкогда гналъ насъ, теперь благовѣствуетъ вѣру, которую прежде истреблялъ (тамъ же ст. 23). Итакъ, поелику (Христіане палестинскіе) лично не знали Павла, а только слышали (о немъ); то, еслибы ему тотчасъ перемѣнено было имя, — и слышавшіе не узнали бы, что тотъ, кто гналъ вѣру, проповѣдуетъ. Такъ какъ они знали, что Павелъ прежде назывался Савломъ, то, еслибы онъ тотчасъ по обращеніи названъ былъ Павломъ, и затѣмъ кто либо возвѣстилъ имъ, что проповѣдуетъ Павелъ, гнавшій Церковь, они неузнали бы, что это именно онъ, — отъ-того, что онъ на-

[1]) Въ славянск. текстѣ: *яже о Христѣ.*

зывался, не Павломъ, а Савломъ. Вотъ почему (Святый Духъ) оставилъ его долго носить прежнее имя, — чтобы онъ сдѣлался извѣстенъ всѣмъ вѣрующимъ, даже отдаленнымъ и невидавшимъ его.

11. Итакъ достаточно показано, для чего Павлу не тотчасъ перемѣнено имя. Теперь надобно обратиться къ самому началу слова. *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни.* Что значитъ *еще?* Что такое онъ сдѣлалъ прежде, что (Евангелистъ Лука) говоритъ *еще?* Это *еще* указываетъ на человѣка, который прежде сдѣлалъ много зла. Что же онъ сдѣлалъ? А какого, скажи мнѣ, зла онъ не сдѣлалъ? Наполнилъ Іерусалимъ кровію, умерщвляя вѣрующихъ; убилъ Стефана, не щадилъ ни мужей, ни женъ. Послушай, что говоритъ ученикъ его: *Савлъ же озлобляше церковь, въ домы входя и влача мужы и жены* (Дѣян. 8, 3). Для него мало было торжища; нѣтъ, онъ вторгался и въ домы: *въ домы входя*, говоритъ. И не сказалъ (дѣеписатель): «уводя», или: «исторгая» мужей и женъ, но: *влача мужы и жены*, какъ будто бы говорилъ о звѣрѣ. *Влача мужы и жены*, — не только мужей, но и женъ. Онъ не стыдился и природы, не щадилъ и пола, не трогался и слабостію. А дѣлалъ онъ это по ревности, а не по (слѣпой) ярости. Поэтому Іудеи, дѣлавшіе это же, достойны осужденія, а онъ, хотя дѣлалъ тоже, заслуживаетъ прощенія. Тѣ

самыми дѣлами своими доказали, что они дѣлали это для чести и славы отъ народа: онъ не для этого, но изъ ревности по Богѣ, хоть и безъ разсужденія. Отъ-того тѣ женъ оставляли въ покоѣ, а возставали на мужей, потому что видѣли, что на этихъ перешла честь ихъ (Іудеевъ): а Павелъ, такъ какъ движимъ былъ ревностію, возставалъ на всѣхъ. Итакъ, представивъ все это въ умѣ, и видя, что Павелъ еще не насытился, Лука сказалъ: *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни.* Не насытило его убіеніе Стефана, не удовлетворило его желанію преслѣдованіе Церкви; нѣтъ, онъ стремился далѣе, и нигдѣ не останавливался въ неистовствѣ: потому что это была ревность. Нѣтъ, онъ только что возвратился отъ убіенія Стефана, какъ и началъ преслѣдовать Апостоловъ; и поступилъ точно такъ, какъ еслибы свирѣпый волкъ, напавъ на стадо овецъ, схватилъ оттуда ягненка и растерзалъ его своими зубами, и отъ этого похищенія сдѣлался еще свирѣпѣе. Такъ и Савлъ напалъ на ликъ апостольскій, схватилъ оттуда агнца Христова, Стефана, растерзалъ его, и отъ этого убійства сдѣлался еще свирѣпѣе. Вотъ почему сказано *еще.* Кого бы не насытило это убійство? кого бы не усмирила кротость убиваемаго и молитва, которую онъ, побиваемый камнями, возносилъ за побивающихъ: *Господи, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. 7, 60)? Вотъ почему гонитель сдѣлался благовѣстникомъ:

вскорѣ по убіеніи (Стефана) онъ перемѣнился,— Богъ услышалъ голосъ того. И точно, Стефанъ заслуживалъ быть услышаннымъ, какъ за будущую добродѣтель Павла, такъ и за свое собственное исповѣданіе: *Господи, не постави имъ грѣха сего.* Пусть слышатъ это всѣ, у кого есть враги; всѣ, кого обижаютъ. Хоть бы ты потерпѣлъ тысячу оскорбленій, но еще не побитъ камнями, какъ Стефанъ. И смотри, что̀ дѣлается. Одинъ источникъ, Стефановъ, заграждался, и— открывался другой, который выпускалъ изъ себя тысячи рѣкъ. Умолкли Стефановы уста, и—тотчасъ раздалась Павлова труба. Такъ Богъ никогда совершенно не оставляетъ прибѣгающихъ къ нему, но самъ даетъ имъ бо̀льшіе дары, нежели какіе отнимаютъ у нихъ враги. Въ самомъ дѣлѣ, не такого воина враги исторгли изъ воинства (христіанскаго), какого, вмѣсто его, поставилъ Христосъ.

12. *Савлъ же еще*... Это *еще* указываетъ и на нѣчто другое, именно на то, что Христосъ привлекъ его къ себѣ тогда, какъ онъ еще неистовствовалъ, еще свирѣпствовалъ, былъ еще въ полной силѣ ярости, еще дышалъ убійствомъ. Не подождалъ, пока прекратится болѣзнь, потухнетъ страсть и усмирится этотъ свирѣпый, и потомъ уже привлекъ его къ себѣ: нѣтъ, взялъ его въ самомъ жару его неистовства, чтобы показать свою силу, то есть, что Онъ побѣждаетъ и одолѣваетъ гонителя въ самомъ полномъ его

опьяненіи, когда еще пылала въ немъ ярость И врачу мы удивляемся особенно тогда, когда онъ съумѣетъ потушить и совершенно прекратить горячку на высшей ея степени и пламень недуга въ крайней силѣ его. Такъ было и съ Павломъ: когда онъ былъ въ самомъ сильномъ огнѣ, тогда-то голосъ Господа, какъ упавшая съ неба роса, совершенно освободилъ его отъ недуга.

13. *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни.* Оставилъ народъ [1]), и напалъ уже на главныхъ [2]). Какъ желающій вырубить дерево, оставивъ вѣтви, высѣкаетъ снизу корень: такъ-то и онъ пошелъ на учениковъ, чтобы истребить корень проповѣди. Но корнемъ проповѣди не ученики были, но Владыка учениковъ. Поэтому Онъ и говорилъ: *Азъ есмь лоза, вы же рождіе* (Іоан. 15. 5). А корень тотъ неодолимъ: поэтому, чѣмъ болѣе вѣтвей отсѣкали, тѣмъ въ бо́льшемъ количествѣ и длиннѣе онѣ вновь выростали. Такъ отсѣченъ Стефанъ, и — выросъ Павелъ и увѣровавшіе чрезъ Павла.

14. *Бысть же,* говоритъ (Лука), *внегда приближитися ему къ Дамаску, внезапу облиста его свѣтъ отъ небесе: и падъ на землю, слыша гласъ, глаголющъ ему: Савле, Савле, что Мя гониши?* (Дѣян. 9, 3. 4). Для чего прежде не голосъ сошелъ, но свѣтъ осіялъ его? Чтобы онъ

[1]) т. е. простыхъ вѣрующихъ. [2]) т. е. Апостоловъ.

спокойно выслушалъ голосъ. Человѣкъ, слишкомъ занятый какимъ нибудь дѣломъ и объятый сильнымъ гнѣвомъ, если и тысячи (людей) будутъ звать его, не обращается къ нимъ, потому что онъ весь преданъ своему предмету: такъ, чтобы не случилось этого и съ Павломъ, чтобы онъ, опьяненный неистовствомъ отъ (прежнихъ своихъ) дѣлъ, не отвергнулъ голоса, или даже совсѣмъ не услышалъ его, отъ того, что всѣ мысли свои обратилъ на опустошеніе (Церкви), Христосъ свѣтомъ сперва ослѣпилъ глаза его, укротилъ ярость, усмирилъ совсѣмъ душевную бурю, и водворилъ въ сердцѣ его совершенную тишину, и—потомъ уже испустилъ голосъ, дабы (Савлъ), послѣ того, какъ низложится въ немъ гордость, уже трезвою мыслію внималъ словамъ (Господа).

15. *Савле, Савле, что Мя гониши?* — Слова не столько упрекающаго, сколько защищающагося!—«*Что Мя гониши?* Въ чемъ, маломъ или великомъ, можешь упрекнуть Меня? чѣмъ ты обиженъ отъ Меня? тѣмъ ли, что Я воскресилъ вашихъ мертвецовъ, очистилъ прокаженныхъ, изгналъ демоновъ? Но за это надлежало покланяться Мнѣ, а не гнать Меня.» — И чтобы тебѣ увѣриться, что эти слова: *что Мя гониши?* суть болѣе слова защищающагося, послушай, какъ и Отецъ Его (І. Христа) обращался къ Іудеямъ съ такими-же словами. Какъ Сей говоритъ: *Савле, Савле, что Мя гониши?* такъ и Тотъ го-

ворилъ Іудеямъ: *людіе мои, что сотворихъ вамъ, или чимъ оскорбихъ васъ* (Мих. 6, 3)? — *Савле, Савле, что Мя гониши?* Вотъ ты лежишь на землѣ, вотъ ты связанъ безъ цѣпи! Точно, какъ господинъ, словивъ и связавъ раба, многократно бѣгавшаго и дѣлавшаго много худаго, говоритъ ему—связанному: «что мнѣ теперь сдѣлать съ тобою? вотъ ты въ рукахъ моихъ:» такъ и Христосъ, взявъ Павла, повергъ на землю, и видя, что онъ трепещетъ, испуганъ и не можетъ ничего дѣлать, говоритъ: *Савле, Савле, что Мя гониши?* — Къ чему будетъ эта ярость? къ чему неистовство? къ чему неблаговременная ревность? къ чему оковы и нападенія? къ чему эта свирѣпость? Вотъ ты будешь теперь неподвиженъ, и не увидишь гонимаго; ты, который быстро ходилъ и бѣгалъ вездѣ, теперь нуждаешься въ вожатомъ. Дѣйствительно, Христосъ для того и говоритъ ему теперь: *что Мя гониши?* чтобы онъ зналъ, что въ предшедшее время (Господь) уступалъ ему добровольно, что ни прежнее (попущеніе) не происходило отъ слабости, ни настоящее (пораженіе) отъ жестокости, но и то отъ человѣколюбія, и это отъ благопопечительности.

16. Чтò-же Павелъ? — *Кто еси, Господи?* — Изъ прежняго попущенія позналъ власть, изъ настоящаго ослѣпленія понялъ могущество; теперь уже исповѣдуетъ владычество (Господа): *кто еси, Господи?* Видишь, какая признательная

душа; видишь, какое благородное сердце; видишь, какая прямая совѣсть: Не сталъ упорствовать, не сталъ спорить, но тотчасъ призналъ Владыку. Не какъ Іудеи, которые, и видя, что мертвые воскресаютъ, слѣпые прозираютъ, прокаженные очищаются, не только не прибѣгали къ дѣлавшему это (І. Христу), но еще называли Его обманщикомъ; нѣтъ, Павелъ не такъ, но тотчасъ обратился. Чтó-же Христосъ? *Азъ есмь Іисусъ, его-же ты гониши* (Дѣян. 9, 5). А почему не сказалъ: Я—Іисусъ воскресшій, Я—Іисусъ, сѣдящій одесную Бога, но: *Азъ есмь Іисусъ, егоже ты гониши?* Сказалъ такъ для того, чтобы поразить его умъ, сокрушить его душу. Послушай, какъ Павелъ, спустя долгое время и послѣ безчисленныхъ своихъ подвиговъ, плакалъ объ этомъ: *азъ есмь,* говорилъ онъ, *мній* изъ всѣхъ *Апостоловъ: иже нѣсмь достоинъ нарещися Апостолъ: зане гонихъ Церковь* (1 Кор. 15, 9). Еслиже плакалъ объ этомъ послѣ безчисленныхъ подвиговъ и столь долгаго времени: то какъ прилично было ему скорбѣть въ то время, когда онъ еще не совершилъ ни одного подвига, а уже сознавалъ себя виновнымъ въ гоненіи, и слышалъ тотъ голосъ.

17. Но здѣсь возстаютъ на насъ (противники): А вы не поддайтесь утомленію, хоть бы наступилъ вечеръ, потому что рѣчь у насъ о Павлѣ,—о Павлѣ, который три года день и ночь поучалъ учениковъ (Дѣян. 20, 31). Итакъ, здѣсь

нѣкоторые возстаютъ и говорятъ: «что же удивительнаго, что Павелъ обратился? Богъ, вѣдь, какъ будто веревку, накинулъ на шею его голосъ тотъ, и такъ привлекъ его къ себѣ». Слушайте внимательно. Здѣсь слово наше направлено и противъ язычниковъ, и противъ Іудеевъ, которые думаютъ свое невѣріе прикрыть клеветою на праведниковъ, а того не знаютъ, что они дѣлаютъ такимъ образомъ двойной грѣхъ, — и не отвергаютъ своего заблужденія, и усиливаются взносить такія обвиненія на святаго (человѣка) Божія. Но мы, при помощи благодати Божіей, оправдаемъ его. Въ чемъ же состоитъ обвиненіе? Богъ, говорятъ, привлекъ его къ себѣ насильно. Какъ насильно? скажи мнѣ. Призвалъ его съ неба. Ты совершенно увѣренъ, что (Богъ) призвалъ его съ неба? Такъ и тебя Онъ зоветъ сегодня тѣмъ же голосомъ, но ты не слушаешь. Видишь ли, что дѣло произошло не насильно? Если бы тутъ было принужденіе, то и тебѣ надлежало бы послушаться; если же ты не слушаешь, то и онъ, очевидно, послушался по доброй волѣ. И чтобы вы увѣрились, что призваніе (Божіе), конечно, много содѣйствовало спасенію Павла, какъ и всѣхъ другихъ людей, однакожъ не отняло у него собственныхъ подвиговъ и заслугъ, пріобрѣтаемыхъ силою воли, и не стѣснило его свободы, но что онъ, напротивъ, обратился добровольно и по собственному расположенію,

это объясню другимъ примѣромъ. Іудеи слышали раздавшійся съ неба на волнахъ іорданскихъ голосъ, не Сына, но Отца, и говорившій о Христѣ: *Сей есть Сынъ мой возлюбленный* (Мат. 3, 17); и однакожъ говорятъ: Сей есть *льстецъ* (—27, 63). Видишь, какая явная борьба? видишь, какая открытая война? видишь, что вездѣ нужна добрая воля и душа, прямая и незанятая страстію? Вотъ, и тамъ голосъ, и здѣсь голосъ: но одинъ (Павелъ) повиновался, а другіе (Іудеи) упорствовали. Притомъ, (на Іорданѣ) не только голосъ, но и Духъ въ видѣ голубя. Какъ крестилъ Іоаннъ, а крестился Христосъ: то, чтобы (Іудеи), судя по-человѣчески, крещающаго не почли бóльшимъ крещаемаго, пришелъ голосъ, и отличилъ этого отъ того. И какъ неизвѣстно было, о комъ голосъ произносилъ слова свои: то пришелъ Духъ Святый въ видѣ голубя, привлекая этотъ голосъ на главу Христову. Но, хотя (Отецъ) и возвѣстилъ о Немъ (І. Христѣ) голосомъ, и указалъ на Него Духóмъ, а сверхъ сего и Іоаннъ взывалъ: *нѣсмь достоинъ отрѣшити ремень сапогу его* (Лук. 3, 16), и множество было другихъ свидѣтельствъ и словами и дѣлами: однакожъ ко всему этому Іудеи были слѣпы, а лучше сказать, все видѣли, но ничему—ни словамъ, ни дѣламъ, не вѣрили, потому что сердце ихъ было предзанято безумною любовію къ славѣ человѣческой. Объ этомъ-то и Евангелистъ говоритъ, то есть-

что *мнози отъ* Іудеевъ *вѣроваху въ Него, но князей ради не исповѣдоваху, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ* (Іоан. 12, 42); и самъ Христосъ говорилъ: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищуще* (Іоан. 5, 43). Не такъ Павелъ; нѣтъ, услышавъ только одинъ голосъ Его, гонимаго, тотчасъ притекъ (къ нему), тотчасъ покорился, и показалъ въ себѣ совершенную перемѣну.

18. Если вы не утомились продолжительностію слова, то предложу еще болѣе близкій примѣръ. Іудеи слышали и Сына, и слышали также, какъ слышалъ Павелъ; слышали и въ такоеже время, въ какое слышалъ Павелъ; — и не смотря на это, не увѣровали. Павелъ услышалъ голосъ, когда неистовствовалъ, когда свирѣпствовалъ, когда преслѣдовалъ учениковъ: такъ и Іудеи. Гдѣ и когда? Вышли они ночью, съ фонарями и свѣтильниками, для взятія Его (Іисуса): они думали, что нападаютъ на простаго человѣка. И вотъ, желая показать имъ Свою силу, и что Онъ Богъ, а они идутъ противъ рожна, (Христосъ) говоритъ имъ: *кого ищете* (Іоан. 18, 4)? Стояли передъ Нимъ и близко, и — не видѣли Его: но Самъ искомый помогаетъ имъ найти себя, чтобы они знали, что Онъ добровольно идетъ на страданіе, что, еслибы Онъ не восхотѣлъ имъ попустить, они не овладѣли бы Имъ. Какъ же бы они, въ самомъ

дѣлѣ, овладѣли Имъ, когда не могли и найти Его? Что говорю: не могли найти Его? Они не могли даже видѣть Его, тогда, какъ Онъ былъ передъ ними; и не только не могли видѣть Его, какъ Онъ былъ передъ ними, но и тогда, какъ отвѣчали на вопросъ Его, не знали, кто былъ передъ ними: такъ, Онъ чрезмѣрно ослѣпилъ глаза ихъ! И не только ослѣпилъ, но даже повергъ ихъ Своимъ голосомъ на землю; ибо когда Онъ сказалъ: *кого ищете?* они всѣ *идоша вспять* отъ этихъ словъ (тамъ-же). Какъ Павла голосъ низложилъ и повергъ на землю, такъ и ихъ всѣхъ этотъ голосъ низринулъ на землю; какъ тотъ не видѣлъ гонимаго имъ, такъ и они не видѣли искомаго ими; какъ тотъ ослѣпъ во время своего неистовства, такъ и они ослѣпли во время самаго неистовства. Ибо и тотъ (ослѣпъ), когда шелъ вязать учениковъ, и они тому-же подверглись, когда вышли связать Христа. И тамъ узы, и здѣсь узы; и тамъ гоненіе, и здѣсь гоненіе; и тамъ ослѣпленіе, и здѣсь ослѣпленіе; и тамъ голосъ, и здѣсь голосъ; словомъ: одинаковое проявленіе силы Христовой, одинаковыя врачества, но не одинаково исправленіе, потому что больные были весьма различны. Что́, въ самомъ дѣлѣ, безчувственнѣе, что́ неблагодарнѣе ихъ? Упали назадъ, и опять встали, и опять напали! Не безчувственнѣе ли камней были они? И, чтобы они знали, что Онъ точно тотъ, кто сказалъ

имъ: *кого ищете?* и повергъ ихъ назадъ, (Іисусъ) опять, когда они встали, говоритъ имъ: *кого ищете?* Они отвѣчаютъ *Іисуса*; и говоритъ имъ: *рѣхъ вамъ, яко Азъ есмь* (Іоан. 18, 7. 8). Но изъ этого не вышло никакой пользы; нѣтъ, они остались въ томъ-же ослѣпленіи.—Все это сличая одно съ другимъ, познай достовѣрно, что Павелъ обратился не по принужденію, но отъ доброй души и по чистой совѣсти.

19. Если вы будете терпѣливы и благодушны, я представлю и другой ближайшій (примѣръ), неопровержимо доказывающій, что Павелъ обратился ко Господу не по принужденію. Павелъ въ послѣдствіи пришелъ въ Саламинъ, что на (островѣ) Кипрѣ, и нашелъ тамъ нѣкоего волшебника, который находился съ проконсуломъ Сергіемъ. Павелъ, исполнивщись Духа Святаго, сказалъ ему: *о исполненне всякія лсти и всякія злобы, сыне діаволь, не престанеши ли развращая пути Господни правыя* (Дѣян. 13, 10)?— Это (говорилъ бывшій) гонитель. Прославимъ же Того, кто его обратилъ. Прежде вы слышали, что онъ *озлобляше Церковь, въ домы входя, и влача мужы и жены, предаяше въ темницу* (Дѣян. 8, 3): теперь видите, какъ смѣло онъ защищаетъ проповѣдь. *Не престанеши ли развращая пути Господни правыя? И нынѣ се рука Господня на тя, и будеши слѣпъ, не видя до времене* (—13, 10. 11). То самое врачество, которое ему возвратило (духовное) зрѣніе, Павелъ

употребилъ и надъ волшебникомъ, но этотъ остался въ ослѣпленіи, чтобы ты зналъ, что Павла привело (къ Іисусу Христу) не одно призваніе, но и его собственное расположеніе. Если бы причиною этого (обращенія Павла) было одно пораженіе слѣпотою, то этому же надлежало бы быть и съ волшебникомъ, однакожъ не было. Нѣтъ, онъ-то ослѣпъ, а проконсулъ, увидя происшедшее, увѣровалъ (—13, 12). Одинъ принялъ лекарство, а другой прозрѣлъ. Видите, что значитъ доброе расположеніе сердца;—что значитъ упорство и ожесточеніе! Волшебникъ ослѣпъ, но самъ онъ не получилъ отъ этого пользы, потому что былъ упоренъ, а проконсулъ позналъ Христа. Но достаточно уже доказано, что Павелъ обратился добровольно и по расположенію.

20. Теперь хочу, чтобы вы твердо знали вотъ эту истину, что Богъ не дѣлаетъ насилія не-хотящимъ, но влечетъ только желающихъ. Поэтому (Христосъ) говоритъ: *никтоже приходитъ ко Мнѣ, аще не Отецъ Мой привлечетъ его* (Іоан. 6, 44). Влекущій влечетъ желающаго, лежащаго на землѣ и простирающаго руку. И чтобы вамъ увѣриться, что (Богъ) не дѣлаетъ никому насилія, но что, если Онъ и хочетъ, а мы не хотимъ, дѣло спасенія нашего распадается,—не потому, чтобы воля Его была немощна, но потому, что Онъ не хочетъ никого принудить,—необходимо этотъ предметъ разсмотрѣть,

такъ какъ многіе часто пользуются этимъ предлогомъ къ оправданію своей безпечности, и увѣщеваемые къ принятію просвѣщенія [1]), къ перемѣнѣ образа жизни на лучшій и къ другимъ подобнымъ подвигамъ, но при всемъ томъ оставаясь въ небрежности и нерадѣніи, отвѣчаютъ такъ, что, «если Богу будетъ угодно, то Онъ убѣдитъ меня, и я перемѣнюсь.» Я и не осуждаю ихъ, напротивъ еще весьма одобряю, за то, что они прибѣгаютъ къ волѣ Божіей; только хочу, чтобы они и сами дѣлали, что должны съ своей стороны, а потомъ уже и говорили: «если Богу будетъ угодно.» Если ты, предавшись сну и лѣности, не будешь стараться о добрыхъ дѣлахъ, а станешь только ссылаться на волю Божію: у тебя никогда не будетъ ничего добраго. Богъ, какъ сказалъ я, никогда никого не ведетъ къ Себѣ силою и принужденіемъ; нѣтъ, Онъ всѣмъ хочетъ спастись, но никого не принуждаетъ, какъ и Павелъ говоритъ: *иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. 2, 4). Какъ же не всѣ спасаются, если Онъ всѣмъ хочетъ спастись? Отъ того, что не всѣхъ воля слѣдуетъ за Его волей, а Онъ никого не принуждаетъ. Такъ (Христосъ) говоритъ и къ Іерусалиму: *Іерусалиме, Іерусалиме, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте?* Что же? *Се оставляется домъ вашъ пустъ* (Лук.

[1]) т. е. таинства крещенія.

13, 34. 35). Видишь, что, если Богъ и хочетъ, но мы не предаемся (волѣ Его), то остаемся въ погибели? Богъ, еще разъ повторяю, готовъ спасти человѣка не принужденно, не противъ воли, но по доброй волѣ и расположенію (самаго человѣка). Люди, — хотятъ или не хотятъ рабы ихъ, — желаютъ надъ ними быть господами и владычествовать, имѣя въ виду не пользу рабовъ, но свою собственную выгоду: но Богъ, не имѣя ни въ чемъ недостатка, и желая показать тебѣ, что не нуждается ни въ чемъ нашемъ, требуетъ нашего служенія, но только для нашей же пользы; и все дѣлаетъ, не по своей нуждѣ, но къ нашему благу, если мы приступимъ (къ Нему) добровольно, охотно и съ признательностію за самое порабощеніе. Тѣхъ же, кои не хотятъ и уклоняются, Онъ не принуждаетъ, и не неволитъ, желая этимъ показать, что не Онъ долженъ благодарить насъ за служеніе наше, а мы — Его за Его господство.

21. Итакъ, зная это, и размышляя о человѣколюбіи Господа, будемъ вести жизнь свою, по возможности, соотвѣтственно Его благости, чтобы получить намъ и царство небесное, коего да достигнемъ всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому, вмѣстѣ съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, слава и держава, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

31 БЕСѢДА,

о перемѣнѣ именъ V [1]).

1. Когда посмотрю на вашу малочисленность и вижу, что наше стадо уменьшается въ каждое собраніе, то и скорблю, и радуюсь: радуюсь изъ-за васъ, которые здѣсь теперь; скорблю изъ-за тѣхъ, которыхъ здѣсь нѣтъ. Вы достойны похвалъ за то, что не стали безпечнѣе и отъ малочисленности; они заслуживаютъ порицанія за то, что не возбуждаются къ усердію и вашею ревностію. Поэтому и называю васъ счастливыми и блаженными за то, что вамъ нисколько не повредила безпечность тѣхъ: а тѣхъ почитаю жалкими и оплакиваю за то, что имъ не принесла никакой пользы ваша ревность. Не слышали они, что̀ говоритъ пророкъ: *изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ* (Псал. 83, 11). Не сказалъ: изволихъ *жить* въ дому Бога моего, ни: *обитать*, ни: *войти*, но: *изволихъ приметатися.* Я радъ, говоритъ, быть и въ числѣ послѣднихъ; доволенъ буду и тѣмъ,

[1]) Надписывается: «порицаніе не бывшихъ въ церкви, и увѣщаніе къ бывшимъ о томъ, чтобы заботились о братіяхъ; также на начало посланія къ Коринѳянамъ: *Павелъ званъ* (1 Кор. 1, 1), и о смиренномудріи».

если удостоюсь войти въ преддверіе; почту за величайшій даръ, если меня поставятъ между последними въ домѣ Бога моего.—Общаго всѣхъ Господа любовь усвояетъ себѣ: такова уже любовь. — *Въ дому Бога моего.* Любящій желаетъ видѣть не только самаго любимаго, и не только домъ его, но и преддверіе; и не только преддверіе дома, но и самую улицу и переулокъ [1]); и если увидитъ хоть одежду или обувь друга, думаетъ, что предъ нимъ самъ другъ его. Таковы были пророки: такъ какъ они не видѣли безтѣлеснаго Бога, то взирали на храмъ, и въ немъ представляли себѣ присущимъ самаго Бога. *Изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ.* Всякое мѣсто, всякой домъ,—будетъ ли то судилище, или сенатъ, или частный домъ,—въ сравненіи съ домомъ Божіимъ, есть селеніе грѣшниковъ. Ибо, хоть и тамъ бываютъ молитвы и моленія, но неизбѣжно бываютъ также раздоры, и ссоры, и брани, и совѣщанія о житейскихъ дѣлахъ: а этотъ домъ (Божій) чистъ отъ всего этого. Вотъ, почему тѣ мѣста — селенія грѣшниковъ, а это—домъ Божій. И какъ пристань защищенная отъ вѣтровъ и волнъ, даетъ полную безопасность входящимъ въ нее судамъ: такъ и домъ Божій, какъ бы исторгая входящихъ въ него изъ бури мірскихъ дѣлъ, даетъ имъ стоять спокойно и безопасно, и слушать

[1]) Гдѣ, т. е., домъ любимаго человѣка.

слово Божіе. Это мѣсто есть школа добродѣтели, училище любомудрія. Приди, не только во время собранія, когда бываетъ чтеніе Писанія, духовное поученіе, и соборъ честныхъ отцевъ; нѣтъ, во всякое и другое время приди только въ преддверіе, и—тотчасъ отложишь житейскія заботы. Войди въ преддверіе, и—какъ бы вѣтерокъ какой духовный повѣетъ на твою душу. Эта тишина внушаетъ страхъ и учитъ любомудрію; возбуждаетъ умъ, и не даетъ помнить о настоящемъ, переноситъ тебя съ земли на небо.

2. Еслиже такъ полезно быть здѣсь и безъ собранія, то какую пользу получаютъ здѣсь присутствующіе, и какую потерю несутъ отсутствующіе тогда, когда Пророки вопіютъ со всѣхъ сторонъ, когда Апостолы благовѣствуютъ, когда Христосъ стоитъ посреди, когда Отецъ одобряетъ происходящее (здѣсь), когда Духъ Святый сообщаетъ свою радость? Хотѣлъ бы я знать, гдѣ теперь уклонившіеся отъ собранія, что́ удержало ихъ и отвлекло отъ этой священной трапезы,—о чемъ у нихъ разговоръ? — Впрочемъ, я хорошо знаю это: они или разговариваютъ о вещахъ непристойныхъ и смѣшныхъ, или предались житейскимъ заботамъ, а занятіе тѣмъ и другимъ непростительно и заслуживаетъ самаго строгаго наказанія. О первыхъ не нужно и говорить и доказывать: но—что и тѣ, которые ссылаются предъ нами на домашнія дѣла и говорятъ, будто неизбѣжная надобность по этимъ

дѣламъ удерживаетъ ихъ (отъ присутствія въ Церкви),—что и эти люди не могутъ получить прощенія, такъ какъ призываются сюда только однажды въ недѣлю, но и въ это время не хотять предпочесть духовное земному,—это ясно изъ Евангелія. Званные на духовное брачное пиршество извинялись вотъ какъ: одинъ купилъ рабочихъ воловъ, другой купилъ землю, третій женился; однакожъ они наказаны (Лук. 14. 18-24). Дѣла необходимыя, но и онѣ не извинительны, когда призываетъ Богъ, потому что все, необходимое для насъ, ниже Бога. Сперва честь Богу, а потомъ уже забота и о прочемъ. Какой слуга, скажи мнѣ, станетъ заботиться о своемъ домѣ прежде, нежели исполнитъ господскую службу? Такъ не странно ли—по отношенію къ людямъ, гдѣ господство—голое имя, оказывать господамъ такое почтеніе и повиновеніе, а къ истинному Владыкѣ, не только нашему, но и горнихъ силъ, не имѣть и такого уваженія, какое оказываемъ подобнымъ намъ рабамъ?—О, еслибы вы могли войти въ ихъ [1]) совѣсть, тогда ясно увидѣли бы, сколько у нихъ ранъ, сколько терній! Какъ земля, необработываемая руками земледѣльца, глохнетъ и заростаетъ кустарникомъ: такъ и душа, непользующаяся духовнымъ наставленіемъ, произращаетъ тернія и волчцы. Ибо, если и мы, каждодневно слушающіе Пророковъ и Апостоловъ, едва удерживаемъ свой гнѣвъ, едва обузды-

[1]) Т. е., не пришедшихъ въ церковь.

ваемъ ярость, едва укрощаемъ похоть, едва извергаемъ изъ себя гной зависти, и, постоянно напѣвая своимъ страстямъ стихи изъ Божественнаго Писанія, едва усмиряемъ этихъ наглыхъ звѣрей: то они, никогда не пользующіеся этимъ врачевствомъ и не слушающіе Божественнаго любомудрія, — они какую, скажи мнѣ, могутъ имѣть надежду на спасеніе? Хотѣлось бы мнѣ быть въ состояніи показать вашимъ глазамъ душу ихъ; вы увидѣли бы, какъ она нечиста, осквернена, разстроена, унижена и безнадежна! Какъ тѣла не пользующихся банею покрываются множествомъ пыли и грязи: такъ и душа, не пользующаяся духовнымъ ученіемъ, покрывается великою нечистотою грѣховъ. Здѣшнее [1]) есть духовная баня, теплотою Духа очищающая всякую нечистоту; еще болѣе, огонь Духа очищаетъ не только нечистоту, но и самый цвѣтъ. *Аще*, говоритъ Богъ, *будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Иса. 1, 18); пусть, то есть, грѣховная скверна такъ крѣпко вопьется въ существо души, что получитъ уже неизмѣнный цвѣтъ краски, и тогда Я могу перевести ее въ противуположное состояніе; потому что довольно одного Моего мановенія, и—всѣ грѣхи истребятся.

3. Это говорю, не для того, чтобы вы слышали, потому что вы, по благодати Божіей, не

---

[1]) Т. е., церковь и все, что есть и совершается въ церкви.

имѣете нужды въ лекарствахъ; но—чтобы они [1]) узнали объ этомъ чрезъ васъ. Еслибы я могъ знать мѣста въ которыхъ они собираются, то не сталъ бы безпокоить вашу любовь: но, какъ мнѣ одному невозможно узнать такое множество народа, то вамъ поручаю попеченіе о вашихъ братіяхъ. Позаботьтесь о своихъ братьяхъ, привлеките ихъ, призовите. Знаю, что вы уже часто дѣлали это, но мало — дѣлать это часто, надобно дѣлать до тѣхъ поръ, пока не убѣдите ихъ и не привлечете сюда. Знаю, что вы безпокоили ихъ, что нерѣдко казались имъ тягостными, что не могли убѣдить ихъ, и отъ этого стали менѣе усердны; но да утѣшитъ васъ Павелъ, который говоритъ: *любы вся уповаетъ, всему вѣру емлетъ, николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 7. 7). Ты сдѣлай свое: и, пусть онъ (ближній) не приметъ врачевства, ты получишь награду отъ Бога. Съ земли, если бросишь въ нее сѣмена, и она не произраститъ колосьевъ, надобно уйти съ пустыми руками: не такъ съ душею; нѣтъ, ты преподай ей ученіе, и, пусть она не послушаетъ твоихъ словъ, не смотря на это, ты получишь полную награду, — такую, какую (получилъ бы), еслибы она послушала, потому что Богъ смотритъ, не просто на конецъ дѣлъ, а на расположеніе дѣлающихъ, и, судя по нему, опредѣляетъ награды. Такъ, прошу васъ: что̀ дѣлаютъ пристрастные къ зрѣлищамъ конскихъ

[1]) Т. е., не пришедшіе въ церковь.

бѣговъ, тоже сдѣлайте и вы. А что̀ они дѣлаютъ? Съ вечера собираются всѣ вмѣстѣ, ходятъ другъ къ другу въ домы до зари, назначаютъ себѣ и другія мѣста, чтобы, собравшись вмѣстѣ, тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ идти на сатанинское то зрѣлище. Какъ они усердствуютъ и увлекаютъ другъ друга на погибель души: такъ вы заботьтесь о своей душѣ и спасайте другъ друга, и, предъ наступленіемъ (церковнаго) собранія, (каждый изъ васъ) подойди къ дому брата, подожди его у дверей, и, какъ выйдетъ онъ, останови его. Хоть бы звали (его) тысячи надобностей, не уступай ему и не давай приняться ни за что мірское, прежде, чѣмъ приведешь его въ церковь и заставишь пробыть тамъ во все продолженіе собранія. Пусть будетъ онъ спорить и противорѣчить, пусть станетъ представлять тысячу отговорокъ, не склоняйся и не уступай, но, сказавъ и внушивъ ему, что и другія дѣла его будутъ гораздо успѣшнѣе, когда онъ приступитъ къ нимъ, выстоявши всю службу (церковную), помолившись и принявъ благословеніе отцевъ,—и, связавши его этими и подобными словами, веди къ этой священной трапезѣ, чтобы получить тебѣ двойную награду, и за себя, и за его приходъ (въ церковь). Нѣтъ сомнѣнія, что, если мы употребимъ столько ревности и усердія къ уловленію безпечныхъ, то достигнемъ спасенія. Какъ бы ни были они безпечны, безстыдны и упорны, но, устыдившись

такого постоянства вашей рѣшимости, бросятъ наконецъ лѣность. Вѣдь они, какъ ни безчувственны, не жесточе, однакожъ, того судіи, который и Бога не зналъ, и людей не стыдился (Лук. 18, 2): между тѣмъ и его, жестокаго, суроваго, желѣзнаго, твердаго какъ алмазъ, преклонила неотступная просьба одной вдовицы. Какого же извиненія надѣяться намъ, если, тогда какъ вдовица успѣла преклонить и сдѣлать милостивымъ судію жестокаго, и Бога не боявшагося, и людей не стыдившагося, мы не успѣемъ привлечь братьевъ, которые гораздо мягче и скромнѣе этого судіи, когда притомъ увѣщаваемъ ихъ для ихъ же блага? Объ этомъ я часто говорилъ, и не перестану говорить, пока не увижу, что больные выздоровѣли. Каждый день буду искать ихъ, пока не успѣю, при помощи вашего усердія, найти. Усердно прошу и васъ развѣдывать о безпечныхъ съ такою же, съ какою я теперь говорю это, скорбію, съ такимъ же усиліемъ. Не мнѣ одному, но и вамъ Павелъ повелѣлъ заботиться о своихъ сочленахъ: *утѣшайте*, говоритъ онъ, *другъ друга* сими словами [1]), *якоже и творите;* и опять: *созидайте* другъ друга (1 Сол. 5, 11). Велика награда пекущимся о братьяхъ, и весьма велико наказаніе незаботящимся и небрегущимъ о ихъ спасеніи. Посему я твердо надѣюсь и увѣренъ, что вы исполните слова мои съ великимъ усердіемъ; и

[1]) Ἐν τοῖς λόγοις τούτοις: этихъ словъ въ славянск. текстѣ нѣтъ.

поэтому прекращу здѣсь увѣщаніе, и постараюсь привести васъ къ трапезѣ Павловой.

4. *Павелъ званъ Апостолъ* (1 Кор. 1, 1). Это часто и вы слышали, и мы читали: но слова (Писанія) должно не только прочитывать, но и понимать, иначе не будетъ намъ никакой пользы отъ чтенія. Сокровище, доколѣ ходятъ по нему, не показываетъ богатства; нѣтъ, надобно напередъ раскопать его, спуститься внизъ, и такъ найти все (сокрытое) богатство. Тоже и съ Писаніемъ: если не изслѣдуешь глубины его, то одно чтеніе не покажетъ сокровища заключающихся (въ Писаніи) благъ. Еслибы довольно было одного чтенія, то Филиппъ не сказалъ-бы евнуху: *убо разумѣеши ли, яже чтеши* (Дѣян. 8, 30)? Еслибы довольно было чтенія, Христосъ не сказалъ-бы Іудеямъ: *испытайте Писанія* (Іоан. 5, 36). А изслѣдующій не останавливается на поверхности, но низходитъ въ самую глубину. Вѣдь и въ самомъ вступленіи (посланія) вижу великое море мыслей. Въ свѣтскихъ письмахъ привѣтствія бываютъ просто только для изъявленія лести: а здѣсь не такъ, напротивъ самое начало исполнено великой мудрости. Ибо не самъ Павелъ говоритъ, но Христосъ движетъ его душою. *Павелъ званъ.* Это слово: *Павелъ* есть, конечно, одно только простое имя, но оно заключаетъ въ себѣ такое сокровище мыслей, которое уже извѣстно вамъ по опыту. Ибо, если вы помните, то знаете, что я цѣлые три дня говорилъ только

объ этомъ имени, изъясняя причины, по которымъ, прежде называемый, Савлъ послѣ названъ Павломъ, также, для чего онъ не принялъ это имя тотчасъ по обращеніи къ вѣрѣ, но долго еще носилъ то (имя), которое сначала дали ему родители. При этомъ изслѣдованіи мы открыли великую премудрость и попечительность Божію и о насъ, и о святыхъ тѣхъ [1]). Если и люди даютъ имена своимъ дѣтямъ не просто, но то̀ по отцѣ, то̀ по дядѣ, то̀ по другимъ предкамъ: тѣмъ болѣе Богъ далъ имена своимъ рабамъ не просто и не безъ основанія, но съ великою мудростію. Люди часто называютъ своихъ дѣтей именами умершихъ въ честь усопшихъ и въ отраду себѣ, находя въ такомъ названіи дѣтей облегченіе своей скорби о кончинѣ умершихъ: а Богъ въ имени святыхъ, какъ на мѣдномъ столбѣ, полагаетъ напоминаніе и урокъ добродѣтели. Такъ Петра Онъ назвалъ симъ именемъ по добродѣтели, желая въ имени его заключить доказательство твердости его вѣры, чтобы въ своемъ имени (Петръ) имѣлъ всегдашняго учителя этой твердости. Такъ и Іоанна и Іакова назвалъ (сынами громовыми) по громогласію ихъ въ проповѣди.

5. Но, чтобы не наскучить повтореніемъ того, о чемъ было говорено, оставивъ это, скажу только, что имена святыхъ, и сами по себѣ, почтенны для боголюбивыхъ, и страшны согрѣ-

---

[1]) Т. е. которымъ Богъ перемѣнилъ имена; см. предыдущія бесѣды о перемѣнѣ именъ.

шающимъ. Такъ Павелъ послѣ того, какъ принялъ Онисима, этого бѣглеца и похитителя господскихъ денегъ, послѣ того, какъ обратилъ его и посвятилъ въ тайны вѣры,—желая возвратить его господину, вотъ что писалъ къ нему: *сего ради многое имѣя дерзновеніе во Христѣ повелѣвати тебѣ, еже потребно есть: любве же ради паче молю: таковъ сый якоже Павелъ старецъ, нынѣ же и узникъ Іисуса Христа* (Филим. 8. 9). Видишь ли, что (Павелъ) предложилъ три причины: узы за Христа, свое состояніе по возрасту, и уваженіе, внушаемое его именемъ? Такъ какъ онъ одинъ просилъ, то постарался изъ одного просителя за Онисима сдѣлать трехъ, — Павла, старца и узника. Видишь ли, что и самыя имена (святыхъ) почтенны и любезны вѣрующимъ? Если названіе имени любимаго дитяти часто заставляетъ отца, и противъ воли, оказать милость ради любимаго имени: тѣмъ болѣе надлежало такъ быть съ святыми. А для удостовѣренія, что (имена святыхъ) были страшны согрѣшающимъ, какъ страшны нерадивымъ дѣтямъ имена учителей, послушай, какъ это именно далъ разумѣть Павелъ въ посланіи къ Галатамъ. Такъ какъ они уклонились въ іудейскую немощь [1]) и были въ опасности потерять самую вѣру (Христіанскую): то Павелъ, желая возстановить ихъ и убѣдить не примѣшивать ничего іудейскаго къ Евангельскому ученію,

[1]) т. е., обрѣзаніе и другіе обряды іудескіе.

писалъ имъ вотъ какъ: *се азъ, Павелъ, глаголю вамъ, яко, аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. 5, 2). Ты сказалъ: *азъ*; для чего-же прибавилъ еще имя? развѣ этого: *азъ* недостаточно было для означенія, кто пишетъ? — Нѣтъ, чтобы ты зналъ, что и одного прибавленія имени достаточно для пораженія слушателей, поэтому (Павелъ) прилагаетъ свое имя, желая напомнить имъ (Галатамъ) объ учителѣ. И съ нами случается это-же самое: когда вспомнимъ о святыхъ, то, если мы въ безпечности, пробуждаемся, если въ безстрашіи, устрашаемся. Такъ, когда услышу я объ Апостолѣ Павлѣ, то представляю себѣ, какъ онъ былъ въ скорбяхъ, въ тѣснотахъ, въ побояхъ, въ темницахъ, въ глубинѣ (морской) день и ночь (2 Кор. 11, 23—28); какъ онъ восхищенъ былъ на третіе небо, слышалъ въ раю неизреченныя слова (—12, 2—4); представляю себѣ это избранное орудіе, невѣстоводителя Христова, который желалъ-бы самъ отлученъ быть отъ Христа за братьевъ своихъ (Рим. 9, 3). Точно какъ будто какая золотая цѣпь, открывается уму внимательныхъ рядъ подвиговъ (святаго) при воспоминаніи объ его имени. А отъ этого бываетъ намъ немалая польза.

6. Можно-бы еще и болѣе сказать объ имени (Павла), но, чтобы намъ коснуться и втораго слова, прекратимъ здѣсь разсмотрѣніе имени, и перейдемъ теперь къ этому слову. Какъ имя:

Павелъ доставило намъ великое богатство, такъ и слово: *званъ*, если только рѣшимся мы изслѣдовать его съ надлежащимъ усердіемъ, дастъ намь такой-же, или еще и обильнѣйшій, предметъ для созерцанія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вынувшій изъ какого либо украшенія или діадемы царской одинъ только камень, можетъ, продавши этотъ драгоцѣнный камень, купить и великолѣпные домы и дорогія поля, толпы слугъ и множество другихъ предметовъ: такъ и въ отношеніи словъ Божіихъ, если захочешь изъяснить смыслъ одного реченія, оно доставитъ тебѣ великое духовное богатство, не тѣмъ, чтобы принесло домы, или слугъ, или десятины земли, но тѣмъ, что возбудитъ души внимательныхъ къ благочестію и любомудрію. Вотъ и это самое слово: *званъ*, смотри, къ какой ведетъ насъ исторіи духовныхъ дѣлъ. Впрочемъ, должно прежде узнать, что такое значитъ это *званъ*, а потомъ разсмотрѣть, для чего (Павелъ) такъ написалъ въ посланіяхъ только къ Коринѳянамъ и Римлянамъ, а ни къ кому другому: не безъ причины же и не безъ основанія онъ дѣлаетъ это. Если и мы не безъ разбора дѣлаемъ надписи своихъ писемъ, но, посылая письмо къ низшимъ, пишемъ: такой то такому-то; а когда посылаемъ къ равнымъ, то получающаго письмо называемъ въ надписи и господиномъ; когда же пишемъ къ гораздо высшимъ насъ по достоинству, то прибавляемъ множество и другихъ наименова-

ній, выражающихъ глубокое почтеніе; такъ, если мы наблюдаемъ такую разборчивость, и не ко всѣмъ пишемъ одинаково, но, судя по различію лицъ, получающихъ письма, употребляемъ такія или другія названія: тѣмъ болѣе Павелъ писалъ однимъ такъ, а другимъ иначе, не безъ причины и не безъ основанія, но съ нѣкоторою духовною мудростію. Что Павелъ ни въ одномъ изъ другихъ посланій не назвалъ себя, въ самомъ вступленіи посланія, призваннымъ, это можемъ мы узнать, пробѣжавъ самыя начала посланій. Остается намъ сказать, для чего онъ сдѣлалъ это; только мы напередъ покажемъ, что̀ значитъ *званъ*, и что̀ Павелъ хотѣлъ внушить намъ этимъ словомъ.

7. Что̀ же онъ хочетъ внушить намъ, называя себя призваннымъ? То, что онъ не самъ первый пришелъ къ Господу, но послушался, бывъ призванъ; не самъ искалъ и нашелъ, но найденъ, когда блуждалъ; не самъ первый возрѣлъ на свѣтъ, но свѣтъ (небесный) пролилъ свои лучи на его взоръ, и ослѣпивъ ему плотскіе глаза, потомъ открылъ внутренніе. Итакъ онъ называетъ себя призваннымъ, желая вразумить насъ, что онъ всѣ свои добрыя дѣла приписываетъ не себѣ, но призвавшему его Богу. Кто отворилъ мнѣ, говоритъ онъ, ворота на арену и открылъ поле для борьбы, тотъ — виновникъ и вѣнцовъ; кто сдѣлалъ начало и посадилъ корень, тотъ далъ мнѣ и возможность

произрастить въ послѣдствіи плоды. Поэтому онъ и въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *паче всѣхъ потрудихся*, прибавилъ: *не азъ же, но благодать, яже со мною* (1 Кор. 15, 10). Итакъ слово: *званъ* означаетъ не другое что, какъ то, что Павелъ не усвоялъ себѣ ни одного изъ своихъ подвиговъ, но всѣ приписывалъ Господу Богу. Это и Христосъ внушалъ ученикамъ, говоря: *не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ* (Іоан. 15, 16); на это же самое и Апостолъ указываетъ въ томъ же посланіи, говоря: *тогдаже познаю, якоже и познанъ быхъ* (1 Кор. 13, 12); теперь, то есть, не я первый позналъ, но самъ напередъ былъ познанъ: потому что, когда онъ гналъ и опустошалъ Церковь, тогда призвалъ его Христосъ, сказавъ: *Савле, Савле, что̀ мя гониши* (Дѣян. 9, 4)?—Вотъ, почему онъ называетъ себя призваннымъ.

8. А почему онъ такъ написалъ къ Коринѳянамъ? Коринѳъ — главный городъ Ахаіи (τῆς Ἀχάιας μετρόπολις), и былъ богатъ духовными дарами, чему и надлежало быть такъ, потому что онъ впервые [1]) услышалъ проповѣдь отъ Павла. Какъ виноградникъ, обработанный искуснымъ и рачительнымъ земледѣльцемъ, изобилуетъ листьями и всегда обремененъ бываетъ множествомъ плодовъ: такъ и этотъ городъ, впервые воспользовавшись ученіемъ Павла, какъ бы обработкою искуснаго земледѣльца, и долгое время наслаж-

---

[1]) Св. Дѣян. 18, 1. 8—11.—1 Кор. 1, 14—17. 2, 1. 3. 3, 6. 10.

давшись его мудростію, украсился всѣми благами. Въ немъ не только было обиліе духовныхъ даровъ, но и великій избытокъ мірскихъ благъ, потому что онъ превосходилъ другіе города и внѣшнею ученостію, и богатствомъ, и могуществомъ. Этѣ-то блага и надмили его гордостію, а чрезъ гордость раздѣлили на разныя части. Таково свойство гордости: она расторгаетъ союзъ любви, отдѣляетъ людей другъ отъ друга, и всякаго, обладаемаго ею, заставляетъ жить особо отъ прочихъ. Какъ стѣна, раздувшись, разрушаетъ зданіе: такъ и душа, надмившись гордостію, не можетъ быть въ союзѣ съ другими. Это самое случилось тогда съ Коринѳянами: они стали спорить между собою, разсѣкли Церковь на множество частей, поставили себѣ много другихъ (кромѣ Павла) учителей, и раздѣлившись на общины и особыя братства, нанесли вредъ достоинству Церкви, потому что достоинство Церкви поддерживается тѣмъ, когда составляющіе ее соблюдаютъ между собою связь, (какая должна быть между членами) тѣла.

9. Надобно, впрочемъ, показать вамъ и то, что Коринѳяне впервые услышали проповѣдь отъ Павла, что они обогащены были духовными дарами, что обладали и мірскими выгодами, и что, возгордившись этими выгодами, раздѣлились между собою, и одни изъ нихъ перешли на сторону однихъ, а другіе на сторону другихъ (учителей). Итакъ для удостовѣренія, что

они впервые услышали ученіе отъ Павла, послушай, какъ самъ Павелъ указалъ на это. *Аще бо*, говоритъ онъ, *и многи пѣстуны имате о Христѣ* Іисусѣ, *но не многи отцы: о Христѣ бо Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ* (1 Кор. 4, 15). А кто родилъ, тотъ первый выводитъ на свѣтъ рожденнаго. И опять: *азъ насадихъ, Аполлосъ напои* (—3, 6); здѣсь показываетъ, что онъ первый посѣялъ ученіе (между Коринѳянами). — А что они богаты были духовными дарами, видно вотъ изъ чего: *благодарю Бога моего о благодати Божіей, даннѣй вамъ о Христѣ Іисусѣ: яко во всемъ обогатистеся о Немъ, яко вамъ не лишитися ни во единомъ дарованіи* (—1, 4. 5). Потомъ, что они обладали внѣшнею мудростію, это показалъ намъ (Павелъ) тѣми многими и продолжительными словами, которыя онъ направляетъ противъ этой мудрости. Въ другомъ посланіи онъ нигдѣ не дѣлалъ этого, а здѣсь [1]) сильно осуждалъ (внѣшнюю мудрость), и—весьма справедливо. Такъ какъ отъ нея произошла опухоль, то надъ нею (Павелъ) употребилъ и рѣзаніе, говоря такъ: *не посла мене Христосъ крестити, но благовѣстити: не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ* (—1, 17). Смотри, какое обвиненіе противъ внѣшней мудрости: она не только не содѣйствуетъ благочестію, но еще бываетъ помѣхою и препятствіемъ. Какъ прекрасныя тѣла и бла-

[1]) т. е., въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ.

говидныя и красивыя лица, если получать какое либо стороннее украшеніе, утрачиваютъ славу собственной красоты, потому что честь этой славы похищаютъ себѣ румяны, притиранья и другія прикрасы; но, если не употребишь на нихъ ничего посторонняго, то гораздо лучше выкажешь красоту ихъ, когда одинъ видъ ихъ самъ собою будетъ дѣйствовать и пользоваться вполнѣ удивленіемъ: такъ бываетъ и съ вѣрою — этою духовною невѣстою. Если придашь ей что либо внѣшнее,—богатство, или власть, или силу краснорѣчія, то унизишь ея славу, потому что не дашь проявиться всему блеску ея, но раздробишь славу ея на многія части: напротивъ, если предоставишь ей дѣйствовать самой собою, устранивъ все человѣческое, тогда вѣрно выкажется вся красота ея, тогда ясно просіяетъ неодолимая сила, когда т. е., не воспользовавшись ни богатствомъ, ни мудростію, ни властію, ни знатностію рода, ни другими человѣческими пособіями, она побѣдитъ и преодолѣетъ все,—когда чрезъ людей ничтожныхъ, низкихъ, неимущихъ, бѣдныхъ и неученыхъ, одолѣетъ и нечестивыхъ риторовъ, и философовъ, и тирановъ, и—всю вселенную. Потому Павелъ и говорилъ: *пріидохъ не по превосходному словеси, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе* (1 Кор. 2, 1); и: *буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ* (—1, 27). Сказалъ не просто: *буяя*, но: *буяя міра;* а конечно, безумное міра не есть безумное и

предъ Богомъ, напротивъ, многіе изъ кажущихся здѣсь (въ мірѣ) безумными предъ Богомъ умнѣе всѣхъ другихъ, точно такъ, какъ и многіе изъ живущихъ здѣсь въ бѣдности предъ Богомъ богаче всѣхъ. Такъ и Лазарь въ мірѣ былъ бѣднѣе всѣхъ, а на небѣ сталъ всѣхъ богаче. Итакъ, безумными міра (Павелъ) называетъ тѣхъ, которые не имѣютъ изощреннаго языка, не обладаютъ свѣтскою ученостію, лишены краснорѣчія. И этихъ-то людей *избра*, говоритъ, *Богъ, да премудрыя посрамитъ*. Какъ же, скажи мнѣ, эти посрамляются чрезъ тѣхъ? На дѣлѣ. Когда вдову, сидящую у воротъ и просящую милостыни, а часто и увѣчную, спросишь о безсмертіи души, о воскресеніи тѣлъ, о промыслѣ Божіемъ, о наградахъ по заслугамъ, о тамошнемъ отчетѣ, о страшномъ судилищѣ, объ уготованномъ добродѣтельнымъ блаженствѣ, объ угрожающихъ грѣшникамъ наказаніяхъ, и обо всемъ прочемъ, и она отвѣтитъ съ точностію и полною увѣренностію; а философъ и тотъ, кто много хвастаетъ прическою волосъ и тростію, послѣ многихъ и долгихъ курсовъ ученія, послѣ многихъ и напряженныхъ занятій, не можетъ и заикнуться, не смѣетъ и рта растворить объ этихъ предметахъ: тогда хорошо узнаешь, какъ *буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ*. Чего эти мудрые, по гордости и высокомѣрію, не могли найти, потому что уклонились отъ ученія Духа, и совершенно

предались своимъ умствованіямъ: то самые бѣдные и презрѣнные люди, лишенные всякаго мірскаго образованія, узнали съ совершенною точностію, потому что довѣрились небесному наставленію. Но (Апостолъ) не останавливается на этомъ въ осужденіи мірской мудрости; нѣтъ, онъ прибавляетъ еще другое, сильнѣйшеее осужденіе, говоря: *премудрость міра сего буйство у Бога есть* (1 Кор. 3, 19); и, преподавая слушателямъ наставленіе, опять съ совершеннымъ презрѣніемъ (къ земной мудрости) и съ силою говорилъ имъ: *аще кто мнится мудръ быти въ васъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (ст. 18); и, опять: *писано бо есть: погублю премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергу* (—1, 19); и опять: *Господь вѣсть помышленія человѣческа, яко суть суетна* (—3, 20).

10. Такъ, отсюда видно, что Коринѳяне обладали (мірскою) мудростію. А что они гордились и надмевались, и это опять явствуетъ изъ этого-же посланія. Осудивши въ одномъ мѣстѣ блудодѣя, Павелъ прибавилъ сіи слова: *и вы разгордѣсте* (1 Кор. 5, 2). А что они, отъ гордости, зассорились между собою, и это самое показалъ онъ, сказавъ: *идѣже бо въ васъ зависть и рвеніе и распри, не плотстіи ли есте, и по человѣку ходите* (—3, 3)? И что̀ за причина ссоры? Они раздѣлились между многими начальниками, почему (Павелъ) и говоритъ: *глаголю же се, яко кійждо васъ глаголетъ: азъ убо есмь Павловъ, азъ*

же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ (—1, 13). Говоритъ это не потому, чтобы они предались Павлу и Кифѣ и Аполлосу; нѣтъ, этими именами онъ хочетъ прикрыть виновниковъ раздора, чтобы, обнаруживъ ихъ, не сдѣлать упорнѣе и не довести до бо́льшаго безстыдства. А что въ самомъ дѣлѣ они предались, не Павлу и Петру и Аполлосу, но нѣкоторымъ другимъ, и это видно изъ послѣдующихъ словъ. Осудивъ ихъ за этотъ раздоръ, онъ прибавилъ вотъ что: *сія же, братіе, преобразихъ* (отнесъ) *на себе и Аполлоса васъ ради, да въ васъ научитеся не паче написанныхъ мудрствовати, да не единъ по единому гордитеся на другаго* (1 Кор. 4, 6). Многіе изъ простыхъ людей, не имѣя, чѣмъ самимъ гордиться и колоть ближняго, поставивъ начальниковъ надъ собою, ихъ-то заслугами возгордились предъ другими, и—мудрость ихъ учителей сдѣлалась для нихъ поводомъ къ превозношенію предъ другими: а это было верхомъ тщеславія—не имѣя чѣмъ самимъ хвалиться, воспользоваться чужими преимуществами къ превозношенію предъ другими. Итакъ, какъ они и надмились гордостію, и зассорились, и раздѣлились на многія части, и высоко возмечтали о своей вѣрѣ, какъ будто сами отъ себя изобрѣли, а не свыше и отъ благости Божіей получили догматы истины: то Павелъ, желая смирить ихъ гордость, въ самомъ началѣ (посланія) тотчасъ назвалъ себя призваннымъ, какъ бы

такъ говоря: если я, учитель, не изобрѣлъ ничего самъ отъ себя, и не самъ первый пришелъ къ Богу, но послушался уже тогда, какъ призванъ былъ, то вы, ученики, отъ меня принявшіе догматы, какъ можете высокоумствовать, какъ будто бы сами изобрѣли ихъ?! Поэтому и далѣе говорилъ имъ: *кто бо тя разсуждаетъ* (отличаетъ)? *что̀ же имаши, егоже нѣси пріялъ? аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемь* (—4, 7)?

11. Итакъ это слово: *званъ* есть не другое что, какъ урокъ смиренномудрія, низложеніе надменности, укрощеніе высокомѣрія. Ничто, точно, ничто не можетъ такъ обуздывать и воздерживать насъ, какъ смиренномудріе, когда т. е. мы бываемъ скромны, смиренны, и никогда нисколько не мечтаемъ о себѣ. Вѣдая сіе, и Христосъ, когда приступалъ къ преподаянію духовнаго того ученія, началъ съ увѣщанія къ смиренномудрію, и, отверзши уста, напередъ постановилъ этотъ законъ сими словами: *блажени нищіи духомъ* (Мат. 5, 3). Кто намѣревается строить большой и великолѣпный домъ, тотъ полагаетъ и основаніе соотвѣтственное, чтобы оно могло выдержать тяжесть, которая въ послѣдствіи будетъ лежать на немъ: такъ и Христосъ, начиная возводить въ душахъ учениковъ великое зданіе любомудрія, напередъ полагаетъ увѣщаніе къ смиренномудрію, какъ твердое и непоколебимое основаніе,—первую и нижнюю часть

зданія, зная, что, когда эта добродѣтель вкоренится въ сердцахъ слушателей, то и всѣ прочія добродѣтели могутъ уже безопасно назидаться. Слѣдовательно, когда нѣтъ въ человѣкѣ этой добродѣтели, тогда онъ напрасно, попусту и безъ пользы будетъ трудиться, хотя и совершитъ всѣ прочія добродѣтели. Какъ человѣкъ, построившій домъ на пескѣ, хоть и подъялъ трудъ, но не получилъ пользы, потому что не положилъ надежнаго основанія: такъ, сколько бы кто ни сдѣлалъ добра, безъ смиренномудрія, погубитъ и испортитъ все. А смиренномудріе разумѣю не то, что̀ на словахъ и на языкѣ, а то, что̀ въ сердцѣ, отъ души, въ совѣсти,—что̀ видѣть можетъ одинъ Богъ. Эта добродѣтель, одна и сама по себѣ достаточна къ умилостивленію Бога, что и доказалъ мытарь. Не имѣя ничего добраго и не могши похвалиться хорошими дѣлами, онъ сказалъ только: *буди милостивъ мнѣ грѣшнику* (Лук. 18, 12), и вышелъ праведнѣе Фарисея; между тѣмъ это были слова еще не смиренномудрія, но искренняго сознанія. Смиренномудріе состоитъ въ томъ, когда человѣкъ, признавая въ себѣ великія совершенства, нисколько не мечтаетъ о себѣ: а сознаніе—въ томъ, когда человѣкъ, будучи грѣшникомъ, самъ исповѣдуетъ это. Если же не сознавшій въ себѣ ничего добраго, исповѣдавъ то, чѣмъ онъ былъ, такъ преклонилъ Бога на милость: то такимъ дерзновеніемъ будутъ пользоваться тѣ, которые могли

бы указать на множество своихъ добродѣтелей, скрываютъ однакожъ всѣ оныя, и ставятъ себя въ числѣ послѣднихъ?—Такъ-то сдѣлалъ и Павелъ: будучи первымъ изъ всѣхъ праведниковъ, онъ называлъ себя первымъ изъ грѣшниковъ (1 Тим. 1, 15); и не только называлъ себя такъ, но и былъ убѣжденъ въ этомъ, узнавъ отъ Учителя, что, и сдѣлавши все, мы должны называть себя рабами, ничего нестоющими (Лук. 17, 10).

12. Вотъ, въ чемъ состоитъ смиренномудріе! Подражайте—Павлу вы, у которыхъ есть добрыя дѣла; а мытарю вы, которые обременены грѣхами. Будемъ признавать себя такими, каковы мы на дѣлѣ; будемъ ударять въ грудь и заставлять душу свою нисколько не мечтать о себѣ. Если мы будемъ въ такомъ расположеніи, то оно послужитъ у насъ достаточнымъ приношеніемъ и жертвою, какъ и Давидъ сказалъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. 50, 19). Не сказалъ только: *смиренно*, но еще и: *сокрушенно;* а сокрушенное переломлено, и уже не можетъ, хоть и захочетъ, подняться вверхъ. Такъ и мы, не только смиримъ нашу душу, но и сокрушимъ; а она сокрушается, когда постоянно помнитъ о своихъ грѣхахъ. Когда такъ смиримъ ее, она, если и захочетъ, не будетъ въ состояніи подняться до гордости, потому что совѣсть, подобно уздѣ, будетъ удерживать ее отъ надменія, будетъ укрощать и умѣрять во всемъ.

Такимъ образомъ возможемъ мы обрѣсти и благодать у Бога: *елико*, сказано, *великъ еси толико смиряйся, и предъ Господемъ обрящеши благодать* (Сир. 3, 18). А кто обрѣлъ благодать у Бога, тотъ не почувствуетъ никакой непріятности, но можетъ и здѣсь, съ Божіей благодатью, легко перенести всѣ несчастія, и избѣгнуть уготованныхъ тамъ грѣшникамъ наказаній, потому что благодать Божія будетъ ему вездѣ предшествовать и во всемъ содѣйствовать къ добру. Ее-то да удостоимся получить всѣ мы, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, чрезъ Котораго и съ Которымъ, Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

32 БЕСѢДА,

о милостынѣ [1].

1. Съ ходатайствомъ праведнымъ, полезнымъ и приличнымъ вамъ предсталъ я сегодня предъ

---

[1]) Бесѣда эта сказана св. Златоустомъ въ Антіохіи, какъ видно изъ II отдѣл. этой-же бесѣды, и сказана безъ приготовленія по случаю, изложенному проповѣдникомъ въ самомъ началѣ бесѣды, но въ которомъ именно году, неизвѣстно. Надписывается она такъ: «слово, произнесенное послѣ того, какъ онъ (св. Златоустъ) въ зимнее время прошелъ и увидѣлъ на площади бѣдныхъ и нищихъ, лежащихъ безъ призрѣнія». См. S. Chrysostom. oper. tom. III. monitum. in homiliam. de eleemosyna.

вами: уполномочили на него меня, не другой кто, а живущіе въ нашемъ городѣ бѣдные, не словами, не голосами или мнѣніемъ общественнаго совѣта, но жалкимъ и самымъ горестнымъ видомъ своимъ. Проходя чрезъ площадь и по улицамъ, и поспѣшая въ ваше собраніе, и видя много лежащихъ среди дороги людей, изъ которыхъ одни безъ рукъ, другіе безъ глазъ, иные покрыты струпами и ранами, и выставляли на видъ тѣ особенно члены, которые нужно было бы закрывать по причинѣ находящагося на нихъ гноя,—я почелъ крайне безчеловѣчнымъ—не сказать объ нихъ любви вашей, особенно когда, сверхъ сказаннаго [1]), побуждаетъ насъ къ этому и самое время. Правда, и во всякое время необходимо говорить о милостынѣ, потому-что мы сами имѣемъ великую нужду въ милости создавшаго насъ Господа; но особенно (это необходимо) въ настоящее время, когда такая большая стужа. Лѣтомъ бѣдные получаютъ великое облегченіе отъ самаго времени года: тогда они безопасно могутъ ходить и нагіе, потому что солнечные лучи служатъ имъ вмѣсто одежды; могутъ сидѣть просто на мостовой и спокойно проводить ночи подъ открытымъ небомъ; не имѣютъ такой нужды ни въ обуви, ни въ винѣ, ни въ большемъ количествѣ пищи; но довольствуются водою изъ источниковъ, насыщаются одни самыми дешевыми овощами, другіе небольшимъ

[1]) Т. е., о жалкомъ положеніи бѣдныхъ.

количествомъ сухихъ сѣмянъ, такъ какъ самое время года предлагаетъ имъ готовую трапезу. А не менѣе этого, есть тогда для нихъ и другое облегченіе — удобство заниматься работами: въ ихъ-то особенно содѣйствіи нуждаются и строющіе домы, и воздѣлывающіе землю, и плавающіе по морямъ. Ибо, что́ для богатыхъ поля, домы и другіе источники доходовъ, то для бѣдныхъ — ихъ собственное тѣло, и весь доходъ ихъ отъ собственныхъ рукъ, а больше ни откуда. Такимъ образомъ, лѣтомъ они получаютъ нѣкоторое облегченіе, но въ зимнее время противъ нихъ съ всѣхъ сторонъ великая война и двойная осада потому, что внутри голодъ съѣдаетъ, ихъ утробы, извнѣ стужа сжимаетъ и дѣлаетъ окоченѣлымъ тѣло ихъ. Поэтому (зимою) они нуждаются и въ бо́льшемъ количествѣ пищи, и въ крѣпчайшей одеждѣ и кровлѣ, и постели, и обуви и во многомъ другомъ; а что всего хуже, не имѣютъ возможности заниматься и работами, потому-что не позволяетъ время года.

2. Итакъ, когда у нихъ и наибольшая нужда въ необходимомъ, а сверхъ того, нѣтъ и работы, потому-что никто ихъ, несчастныхъ, не нанимаетъ и не приглашаетъ въ услуженіе: вотъ мы, въ-замѣнъ нанимающихъ, употребимъ въ дѣло руки милосердыхъ, взявши въ сотрудники себѣ въ этомъ дѣлѣ Павла, истиннаго покровителя и попечителя бѣдныхъ. Дѣйствительно, онъ такъ печется объ нихъ, какъ никто другой. Раздѣлив-

тись съ Апостоломъ Петромъ касательно учениковъ, онъ не раздѣлился въ попеченіи о бѣдныхъ, но сказавъ: *десницы даша мнѣ и Варнавѣ общенія, да мы во языки, они же во обрѣзаніе*, присовокупилъ: *точію нищихъ да помнимъ, еже и потщахся сіе истое сотворити* (Гал. 2, 9. 10). И точно, во всѣхъ своихъ посланіяхъ онъ заводитъ объ нихъ рѣчь, такъ что не найдешь ни одного, въ которомъ-бы не было подобнаго увѣщанія. Зналъ онъ, хорошо зналъ, какъ важно это дѣло; поэтому и присовокупляетъ наставленіе о бѣдныхъ ко всѣмъ другимъ увѣщаніямъ и убѣжденіямъ своимъ, какъ-бы полагая на зданіи прекрасную кровлю. Такъ сдѣлалъ онъ и здѣсь: побесѣдовавъ о воскресеніи, и исправивъ все прочее, онъ обратилъ наконецъ рѣчь къ милостынѣ, и сказалъ: *о милостыни же, яже ко святымъ, якоже устроихъ церквамъ Галатійскимъ, тако и вы сотворяйте: по единѣй отъ субботъ кійждо васъ* и пр. (1 Кор. 16, 1. 2). Смотри на мудрость Апостола, какъ благовременно онъ коснулся этого предмета. Напередъ напомнилъ о будущемъ судѣ и страшномъономъ судилищѣ, о славѣ, которою облекутся праведные, и о вѣчной жизни; а потомъ уже предлагаетъ слово и о бѣдныхъ, дабы слушатель, одушевившись пріятными надеждами и сдѣлавшись благорасположеннѣе, принялъ это наставленіе съ бо́льшимъ усердіемъ, когда въ немъ будетъ живъ страхъ суда, и душа станетъ услаждаться

ожиданіемъ будущихъ благъ. Ибо кто въ состояніи любомудрствовать о воскресеніи и весь перенесся въ будущую жизнь, тотъ почтетъ за ничто все настоящее,—и богатство, и обиліе, и золото, и серебро, и драгоцѣнныя одежды, и удовольствія, и роскошный столъ, и все прочее, подобное этому: а кто считаетъ все это за ничто, тотъ весьма легко приметъ на себя попеченіе о бѣдныхъ. Поэтому и Павелъ хорошо (сдѣлалъ, что), приготовивъ напередъ умъ Коринѳянъ разсужденіемъ о воскресеніи, предложилъ потомъ и увѣщаніе. И не сказалъ: о милостыни же *яже къ бѣднымъ* или *къ нищимъ*, но: *яже ко святымъ*, научая этимъ слушателей почитать и бѣдныхъ, когда они благочестивы, и презирать богатыхъ, когда они небрегутъ о добродѣтели. Такъ онъ и царя назвалъ нечестивымъ и беззаконнымъ, когда тотъ былъ врагомъ Божіимъ, и бѣдныхъ—святыми, когда они скромны и честны. Ибо Нерона называетъ тайною беззаконія, говоря: *тайна бо уже дѣется беззаконія* (2 Солун. 2, 7); а бѣдныхъ, неимѣющихъ и насущнаго хлѣба, но питающихся подаяніемъ, назвалъ святыми. А вмѣстѣ съ этимъ онъ и Коринѳянамъ тайно внушалъ не высокомудрствовать и не гордиться полученіемъ такого повелѣнія, какъ будто-бы они подавали (милостыню) людямъ низкимъ и презрѣннымъ, но твердо знать и увѣрять себя, что, удостои-

ваясь имѣть общеніе въ скорбяхъ бѣдныхъ, они получаютъ величайшую почесть.

3. Между тѣмъ стоитъ труда разсмотрѣть и то, кто эти святые; ибо Павелъ упоминаетъ объ нихъ не только здѣсь, но и въ другомъ еще мѣстѣ, говоря такъ: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ, служай святымъ* (Рим. 15, 25) Объ этихъ же самыхъ святыхъ упоминаетъ и Лука въ Дѣяніяхъ, когда, по поводу угрожавшаго великаго голода, говоритъ: *отъ ученикъ же, по елику кто имѣяше что, изволиша кійждо ихъ послати къ нищимъ* [1] *святыхъ, сущихъ во Іерусалимѣ* (Дѣян. 11, 29). И въ томъ мѣстѣ, о которомъ я выше сказалъ, (объ нихъ-же Павелъ говоритъ): *точію нищихъ да помнимъ, еже и потщахся сіе истое сотворити* (Гал. 2, 10). Когда мы, (говоритъ), раздѣлились между собою, и я (взялъ) язычниковъ, а Петръ Іудеевъ; то съ общаго согласія положили, чтобы это раздѣленіе не касалось бѣдныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда они проповѣдывали, то проповѣдывали—одинъ Іудеямъ, а другой язычникамъ: но когда заботились о бѣдныхъ, тогда уже (дѣлали) не такъ, чтобы одинъ заботился только о бѣдныхъ изъ Іудеевъ, другой—о бѣдныхъ изъ язычниковъ; нѣтъ, каждый изъ нихъ имѣлъ великое попеченіе и о бѣдныхъ, бывшихъ между Іудеями. Поэтому и говоритъ (Павелъ: *точію нищихъ да помнимъ, еже и потщахся сіе*

[1]) Въ Славянск. текстѣ читается: *на службу живущимъ во Іудеи братіямъ.*

истое сотворити. Кто-же эти бѣдные, о которыхъ онъ говоритъ здѣсь и въ посланіи къ Римлянамъ и къ Галатамъ, за которыхъ просилъ и Македонянъ? Это—бѣдные изъ Іудеевъ, жившіе во Іерусалимѣ. А почему онъ такъ заботится объ нихъ? Развѣ не было бѣдныхъ и нищихъ въ каждомъ городѣ? Почему-же онъ къ нимъ именно посылаетъ и объ нихъ проситъ всѣхъ? Не просто, не безъ причины и не по какому-либо пристрастію, но съ доброю и полезною цѣлію. Впрочемъ (для объясненія этого) надобно начать рѣчь нѣсколько издалека.

4. Когда дѣла Іудеевъ пришли въ упадокъ, и они, распявъ Іисуса, произнесли сами противъ себя этотъ приговоръ: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. 19, 15), и уже подпали подъ власть Римлянъ: тогда они и не могли управляться сами собою, какъ прежде, и небыли совершенными рабами, какъ теперь; но стояли въ сряду союзниковъ, и, хотя платили царямъ подать и отъ нихъ принимали себѣ начальниковъ, впрочемъ часто пользовались и своими законами, и наказывали преступниковъ по отечественнымъ постановленіямъ. И что они дѣйствительно платили подать Римлянамъ, это видно изъ того, что искушая Іисуса, (Іудеи) спрашивали: *учителю, достойно ли есть дати кинсонъ Кесареви, или ни;* а Онъ, повелѣвъ имъ показать монету, отвѣчалъ: *воздадите Кесарева Кесареви, и Божія Богови* (Матѳ. 22, 17—21). А Лука говоритъ, что и при

храмѣ (іерусалимскомъ) были военоначальники и тысяченачальники. Это достаточно доказываетъ, что Іудеи были подвластны Римлянамъ; а что они пользовались и собственными законами, видно изъ слѣдующаго. Они побили камнями Стефана, не приводя его въ судилище; умертвили Іакова брата Господня, распяли самаго Христа, тогда какъ судья призналъ Его совершенно невиннымъ и (хотѣлъ) отпустить. По этому-то онъ и умылъ руки, сказавъ: *неповиненъ есмь отъ крови праведнаго сего* (Матѳ. 27, 24); и когда увидѣлъ, что они сильно настаиваютъ, то не произнесъ самъ приговора, но уклонился, а они, воспользовавшись собственною властію, сдѣлали потомъ все. Часто нападали они и на Павла. Итакъ, какъ (Іудеи) имѣли собственныя судилища, то отъ этихъ (судилищъ) увѣровавшимъ соплеменникамъ ихъ приходилось терпѣть самыя тяжкія страданія. Были и въ другихъ городахъ и судилища, и законы, и начальники: но у язычниковъ никто не могъ, по своей волѣ, ни поражать мечемъ, ни побивать камнями тѣхъ, кто отступитъ отъ ихъ (вѣры), ни причинять имъ другое какое-либо зло: и кто былъ обличаемъ, что сдѣлалъ что-нибудь такое безъ приговора судей, тотъ самъ подвергался наказанію. Напротивъ, Іудеи пользовались въ этомъ отношеніи большою свободою. Поэтому-то увѣровавшіе изъ нихъ терпѣли больше всѣхъ, находясь какъ бы среди волковъ, и не имѣя избавителя.

Такъ (Іудеи) много разъ бичевали и Павла; и вотъ, онъ самъ объявляетъ и говоритъ объ этомъ: *отъ Іудей пятькраты четыредесять развѣ единыя пріяхъ, трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми пометанъ быхъ* (2 Кор. 11, 24. 25). Что это сказано не по догадкѣ, доказываетъ самъ Павелъ, пиша къ Евреямъ: *воспоминайте первыя дни ваша, въ нихже просвѣтившеся многъ подвигъ подъясте страданій: ово убо поношеньми и скорбми позоръ бывше: овоже, общницы бывше живущимъ тако: ибо разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте, вѣдяще имѣти себѣ имѣніе на небесѣхъ пребывающе и лучшее* (Евр. 10, 32. 34). И давая наставленіе Ѳессалоникійцамъ, онъ выставилъ на видъ этихъ же (вѣрующихъ изъ Іудеевъ): *вы бо*, говоритъ, *подобницы быстe, братіе, церквамъ Божіимъ, сущимъ во Іудеи, зане таяжде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей* (1 Сол. 2, 14). Итакъ, какъ (эти вѣрующіе) терпѣли больше всѣхъ, и не только не находили ни въ комъ (изъ Іудеевъ) состраданія, но и были лишаемы всего своего имущества, водимы, влекомы и гонимы отъ всѣхъ: то Павелъ справедливо возбуждаетъ вѣрующихъ всѣхъ мѣстъ къ оказанію имъ помощи. Вотъ и здѣсь за нихъ же проситъ Коринѳянъ, говоря: *о милостыни же, яже ко святымъ, якоже устроихъ церквамъ галатійскимъ, тако и вы сотворяйте* (1 Кор. 16, 1).

5. Итакъ, кто эти святые, и почему (Па-

велъ) особенно заботится объ нихъ, это объяснено достаточно: теперь надобно разсмотрѣть, для чего онъ упомянулъ о Галатахъ. Почему не сказалъ: *о милостыни же, яже ко святымъ, тако сотворяйте: по единѣй отъ субботъ кійжко васъ да полагаетъ у себе сохраняя*; но сказавъ: *о милостыни, яже ко святымъ*, присовокупилъ: *якоже устроихъ церквамъ галатійскимъ, тако и вы сотворяйте?* Для чего онъ это дѣлаетъ? и притомъ упоминаетъ, не объ одномъ, не о двухъ и не о трехъ городахъ, но о цѣломъ народѣ?— Для того, чтобы Коринѳяне оказали бо́льшую готовность, и похвала другимъ возбудила въ нихъ ревность. За тѣмъ, (Апостолъ) говоритъ и о способѣ, какой онъ назначилъ (для собиранія милостыни): *по единѣй отъ субботъ*, говоритъ, *кійждо васъ да полагаетъ у себе сохраняя, еже аще что благопоспѣшится, да не егда пріиду, тогда собранія бываютъ* (ст. 2). *Единою отъ субботъ*—назвалъ онъ день воскресный. Почему же онъ назначилъ для пожертвованій именно этотъ день? Почему не сказалъ: во второй день послѣ субботы, въ третій день послѣ субботы, или въ самую субботу? Не просто и не безъ цѣли, но съ тѣмъ, чтобы въ самомъ времени найти себѣ споборника къ возбужденію бо́льшаго усердія въ жертвователяхъ. Ибо благопріятное время — немаловажная вещь во всякомъ дѣлѣ. Но отъ чего, скажешь, время это можетъ способствовать къ убѣжденію—подавать милостыню?

Отъ того, что въ этотъ день (воскресный) прекращается всякая работа, душа отъ успокоенія становится веселѣе, а, что̀ всего важнѣе, въ этотъ день мы получили безчисленное множество благъ. Въ этотъ день разрушена смерть, истреблено проклятіе, уничтоженъ грѣхъ, сокрушены врата адовы, связанъ діаволъ, прекращена долговременная брань, совершилось примиреніе Бога съ человѣками, родъ нашъ вошелъ въ прежнее, или гораздо лучшее, состояніе, и солнце увидѣло удивительное и чудное зрѣлище — человѣка, сдѣлавшагося безсмертнымъ. Обо всемъ-то этомъ и тому подобномъ желая напомнить намъ, Павелъ вывелъ на среду этотъ день, дѣлая его какъ бы ходатаемъ своимъ, и говоря къ каждому: подумай, человѣкъ, сколь многія и великія блага получилъ ты въ этотъ день; отъ какихъ избавился золъ; чѣмъ ты былъ прежде, и чѣмъ сталъ послѣ того. Если мы празднуемъ дни своего рожденія, а многіе изъ нашихъ слугъ и тѣ дни, когда они получили свободу, проводятъ съ великимъ почтеніемъ, и — одни устрояютъ пиршества, а другіе — щедрые дарятъ и подарки, изъ особеннаго уваженія къ тому времени: тѣмъ болѣе намъ должно уважать тотъ день, который по справедливости можно назвать днемъ рожденія человѣческой природы. Ибо мы пропадали и нашлись, мертвы были и ожили (Лук. 15, 32); были врагами и примирились (Рим. 5, 10). Поэтому и надобно

чтить этотъ день честію духовною,—не пиршества устроять, не вино разливать, не упиваться и ликовать, но довольствовать бѣднѣйшихъ братій нашихъ во всемъ. Это говорю не для того, чтобы вы только хвалили, но чтобы и сами такъ поступали. Не думайте, будто это сказано только къ Коринѳянамъ; нѣтъ, (сказано) и къ каждому изъ насъ, и ко всѣмъ, кто будетъ жить послѣ. Будемъ и мы дѣлать тоже самое, что заповѣдалъ Павелъ: пусть каждый въ день воскресный откладываетъ дома деньги Господни [1]), и пусть это сдѣлается закономъ и неизмѣннымъ обычаемъ, тогда мы не будемъ уже имѣть нужды ни въ убѣжденіи, ни въ совѣтѣ, потому что такія дѣла дѣлать можетъ, не столько слово и убѣжденіе, сколько привычка, утвердившаяся временемъ. Если мы постановимъ себѣ правиломъ—въ день воскресный откладывать что-нибудь въ пользу бѣдныхъ, то, хотя бы встрѣтилась тысяча нуждъ, не нарушимъ этого правила.

6. Сказавъ: *по единѣй отъ субботъ*, Апостолъ прибавилъ: *кійждо васъ*. — Не богатымъ только говоритъ, внушаю это, но и бѣднымъ; не свободнымъ только, но и рабамъ; не мужамъ только, но и женамъ; пусть никто не будетъ свободенъ отъ этого служенія, ни лишенъ прибыли, но пусть всякій дѣлаетъ пожертвованіе. И бѣдность не можетъ быть препятствіемъ къ такому

---

[1]) Χρήματα δεσποτικά т. е. приносимыя самому Господу въ лицѣ нищихъ, по ученію Его (Матѳ. 25, 40).

пожертвованію. Хотя бы ты былъ до крайности бѣденъ, но, вѣрно, не бѣднѣе той вдовы, которая принесла въ даръ все свое имѣніе (Лук. 21, 2—4). Хотя бы ты былъ до крайности бѣденъ, но, вѣрно, не бѣднѣе жены сидонской, которая, имѣя только горсть муки, не отказалась принять пророка; видѣла она, что вокругъ ея ликъ дѣтей, и грозитъ голодъ, и нѣтъ у нея ничего болѣе въ запасѣ, и—однакожъ приняла пророка съ великимъ усердіемъ (3 Цар. 17, 10 и д.). А почему Апостолъ сказалъ: *да полагаетъ у себе сохраняя?* Потому, что откладывающій (въ пользу бѣдныхъ), можетъ быть, постыдился бы и показать свое пожертвованіе, когда оно мало. Поэтому, говоритъ, ты береги и храни, а когда отъ частыхъ вкладовъ малое сдѣлается великимъ тогда уже открывай. Не сказалъ притомъ: собирая, но: *сохраняя* (θησαυρίζων,—сберегая сокровище), чтобы ты зналъ, что эта издержка есть сокровище, что этотъ расходъ есть прибыль,—сокровище, лучшее всякаго сокровища. Ибо это чувственное (сокровище) издерживается, и расхищается, и часто губитъ нашедшихъ его; а то небесное—совершенно напротивъ: всегда неуменьшаемо и безопасно отъ расхищенія, спасительно стяжавшимъ и получающимъ его. Оно не истребляется временемъ, не гибнетъ отъ зависти, но недоступно никакимъ злымъ умысламъ, и доставляетъ безчисленныя блага собирающимъ его. Такъ, послушаемся и будемъ дѣ-

лать этоже и мы; пусть въ домахъ нашихъ хранятся, вмѣстѣ съ нашими собственными, и священныя деньги, чтобы изъ-за этихъ сберегались и собственныя. Вѣдь, если въ царскомъ казнохранилищѣ будутъ положены деньги кого-либо изъ подчиненныхъ, то и эти (деньги) совершенно безопасны изъ-за царскихъ. Такъ, если и въ твоемъ домѣ будутъ храниться деньги бѣдныхъ, откладываемыя въ день воскресный, то изъ-за нихъ и твои собственныя будутъ безопасны. Такимъ образомъ, по руководству Павла, ты содѣлаешься блюстителемъ своего имущества. Что я говорю? Отложенное послужитъ тебѣ поводомъ и побужденіемъ отложить еще больше. Сдѣлай только начало этой доброй привычкѣ, и ты уже самъ будешь побуждать себя (къ откладыванію милостыни), безъ всякаго приглашенія. Пусть же домъ каждаго изъ насъ сдѣлается такимъ образомъ Церковію отъ хранящихся въ немъ священныхъ денегъ. Ибо здѣшнія [1]) сокровищницы образуются изъ этѣхъ [2]). Мѣсто, гдѣ лежатъ деньги бѣдныхъ, недоступно для демоновъ; и деньги, собираемыя на милостыню, ограждаютъ домы лучше всякаго щита, копья, оружія, силы тѣлесной и множества воиновъ.

7. Итакъ сказавъ, когда, кому и какъ надобно собирать эти деньги, Павелъ количество сбора предоставилъ самимъ жертвователямъ. Онъ не сказалъ: подай столько-то и столько-то,

[1]) Т. е. церковныя. [2]) Т. е. изъ домашнихъ.

чтобы такое повелѣніе не было тяжко, такъ какъ многіе ссылаются на бѣдность; чтобы бѣдные не говорили: что-же, если мы не въ состояніи? Нѣтъ, мѣру подаянія онъ опредѣлилъ силою дающихъ: *кійждо васъ*, говоритъ, *да полагаетъ у себе сохраняя, еже аще что благопоспѣшится* (1 Кор. 15, 2). Не сказалъ: что можетъ, или что найдется, но: *что благопоспѣшится*, показывая тѣмъ, что подающему будетъ содѣйствовать и высшая помощь, и благодать (Божія). Павелъ заботился не о томъ только, чтобы деньги подаваемы были бѣднымъ, но и о томъ, чтобы (это дѣлалось) съ совершеннымъ усердіемъ. И самъ Богъ повелѣлъ давать милостыню не для того, чтобы только насыщались бѣдные, но чтобы и подающіе получали благодѣяніе, и — даже больше для послѣднихъ, нежели для первыхъ. Еслибы Павелъ заботился только о бѣдныхъ, то повелѣлъ-бы только подавать деньги, а не требовалъ-бы усердія со стороны дающихъ: но вотъ теперь Апостолъ и тамъ, и здѣсь старается особенно о томъ, чтобы подающіе подавали съ удовольствіемъ и радостію. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: *не отъ скорби, ни отъ нужды, додрохотна бо дателя любитъ Богъ*, не просто дающаго, но дѣлающаго это доброхотно (2 Кор. 9, 7). А въ другомъ мѣстѣ: *подаваяй, въ простотѣ; предстояй, со тщаніемъ; милуяй, съ добрымъ изволеніемъ* (Рим. 12, 8). Вѣдь то и милостыня, когда подаешь ее съ радостію и думаешь,

что самъ больше получаешь, нежели сколько даешь. Поэтому Павелъ всячески старается сдѣлать эту заповѣдь легкою, чтобы подаяніе было съ усердіемъ. Ибо смотри, сколько онъ представилъ обстоятельствъ, облегчающихъ тяжесть этого дѣла. Во первыхъ, повелѣваетъ дѣлать подаяніе не одному, не двумъ или тремъ человѣкамъ, но всему городу. Ибо слово *милостыня* (λογία) [1]) означаетъ не что иное, какъ сборъ или складчину общихъ подаяній. Во-вторыхъ, (указываетъ) на достоинство пріемлющихъ; ибо не сказалъ: бѣднымъ, но: святымъ. Въ третьихъ, представляетъ примѣръ тѣхъ, которые тоже сдѣлали: *якоже устроихъ*, говоритъ, *церквамъ галатійскимъ*. Въ четвертыхъ, показываетъ, что благопріятствуетъ этому самый день: *по единѣй отъ субботъ*, говоритъ, *кійждо васъ да полагаетъ у себе сохраняя*. Въ пятыхъ, повелѣваетъ не всю милостыню подать вдругъ, но собирать исподоволь и понемногу: а вѣдь не одно и тоже велѣть принести все въ одинъ день, или раздробить приношеніе по частямъ на нѣсколько дней; такое раздробленіе дѣлаетъ и издержку нечувствительною. Въ шестыхъ, не назначаетъ мѣры (подаянія), но предоставляетъ ее на волю дающихъ, и показываетъ, что въ этомъ помогаетъ и Богъ: ибо слова: *еже аще что благопоспѣшится* означаютъ то и другое. Къ сему присовокупилъ и седьмое обстоятельство, сказавъ:

[1]) отъ греческаго глагола: λέγω собираю.

да не, егда пріиду, тогда собранія бывають. Здѣсь онъ и поощряетъ ихъ ожиданіемъ своего личнаго присутствія, и утѣшаетъ, указывая на время своего прибытія. Впрочемъ не удовольствовался и этимъ, но прибавилъ еще и осьмое обстоятельство. Какое же? *Егда же пріиду*, говоритъ, *ихже аще искусите, съ посланми сихъ послю отнести благодать вашу во Іерусалимъ; аще же достойно будетъ и мнѣ ити, со мною пойдутъ* (1 Кор. 16, 3. 4).

8. Смотри, какъ чужда тщеславія и смиренна эта блаженная и возвышенная душа, какъ она попечительна и сердобольна! Онъ не захотѣлъ и не рѣшился самъ, по собственному выбору, назначить людей для отнесенія денегъ (въ Іерусалимъ), но предоставилъ выборъ ихъ Коринѳянамъ, и не почелъ для себя обидою, если избраніе этихъ людей состоится по мнѣнію и волѣ Коринѳянъ, а не по мысли Павла; напротивъ, нашелъ несообразнымъ, чтобы подаянія сдѣлали они, а людей для отнесенія подаяній выбралъ онъ. Посему онъ предоставилъ это имъ, являя, съ одной стороны, свое смиреніе, съ другой, избѣгая всякаго повода и самой тѣни оскорбительнаго (для него) подозрѣнія. Хотя онъ былъ свѣтлѣе и солнца и чистъ отъ всякаго дурнаго подозрѣнія, но и при этомъ однакожъ всячески старался и щадить слабыхъ, и избѣгать неправильнаго о себѣ мнѣнія. Поэтому и говоритъ: *егда же пріиду, ихже аще*

искусите, сихъ послю отнести благодать вашу. Что говоришь? такъ ты не плывешь, не берешь денегъ, а поручаешь это другимъ? Чтобы отъ этой мысли не ослабѣло усердіе ихъ, смотри, какъ онъ предотвращаетъ и это. Не просто вѣдь сказалъ: *ихже аще искусите, сихъ послю,* но какъ? *Съ посланми.* Тѣломъ, говоритъ, я и не буду присутствовать, но посредствомъ писемъ своихъ буду тамъ и приму участіе въ ихъ служеніи. А мы достойны-ли и тѣни Павла, или подножія его, послѣ того, какъ онъ, пользуясь такою славою у всѣхъ, отстраняетъ отъ себя всѣ почести, а мы досадуемъ и негодуемъ, если распорядители этихъ денегъ [1]) избираются не по нашей мысли, не по нашему рѣшенію и приговору,—считаемъ обидою для себя, когда жертвующіе своимъ имѣніемъ дѣлаютъ это безъ нашего вѣдома и согласія? Посмотри еще, какъ онъ (Ап. Павелъ) вездѣ помнитъ себя и нигдѣ не забывается: вѣдь не назвалъ онъ этого ни заповѣдію, ни милостынею, но *благодатію,* показывая тѣмъ, что какъ воскрешать мертвыхъ, изгонять демоновъ, очищать прокаженныхъ, такъ и облегчать бѣдность, и простирать руку помощи нуждающимся—есть дѣло благодати, и даже послѣднее болѣе, чѣмъ первое. Впрочемъ хоть это и благодать, однакожъ и съ нашей стороны требуется усердіе и готовность, чтобы

[1]) т. е. денегъ, собираемыхъ въ пользу бѣдныхъ и хранившихся при церквахъ.

намъ рѣшиться и захотѣть, и сдѣлаться достойными благодати.

9. Итакъ Павелъ ободрилъ Коринѳянъ, во-первыхъ тѣмъ, что хочетъ послать свои письма съ назначенными для отнесенія милостыни; а во вторыхъ, еще болѣе этого, тѣмъ, что обѣщается и самъ идти вмѣстѣ съ ними: *аще же*, говоритъ, *достойно будетъ и мнѣ ити, со мною пойдутъ*. Замѣчай и здѣсь мудрость его. Онъ и не отказался идти вмѣстѣ, и не обѣщалъ вдругъ, но предоставилъ и это на рѣшеніе дающихъ и сдѣлалъ ихъ полными распорядителями на счетъ его путешествія, объяснивъ, что онъ навѣрно отправится въ путь, если подаяніе будетъ такъ обильно, что побудитъ и его идти. Такъ должно разумѣть слова: *аще достойно будетъ*. Если бы онъ совершенно отказался отъ путешествія, то ослабилъ бы усердіе и ревность ихъ; опять, еслибы выразилъ свое обѣщаніе нерѣшительно, также сдѣлалъ-бы ихъ нерадивыми. Поэтому онъ и не отказывается рѣшительно, и не обѣщаетъ, но отдаетъ это на волю Коринѳянъ, говоря: *аще достойно будетъ*. Слыша, что Павелъ желаетъ нести ихъ подаянія, они приступали къ дѣлу съ бо́льшимъ усердіемъ и готовностію, чтобы святыя руки его распорядились ихъ подаяніемъ, и его молитвы присоединились къ ихъ пожертвованію. Если же Коринѳяне, намѣреваясь поручить Павлу отнесеніе своихъ приношеній, дѣлали ихъ поэтому съ бо́льшимъ

усердіемъ: то какое получишь снисхожденіе ты, когда имѣя возможность подать Господу Павла (ибо Онъ принимаетъ въ лицѣ бѣдныхъ), не дѣлаешь этого? Ибо и тотъ, кому ввѣрена была вся вселенная, и кто имѣлъ попеченіе о церквахъ всей подсолнечной, обѣщалъ участвовать въ распоряженіи деньгами для бѣдныхъ не иначе, какъ если сборъ ихъ будетъ значителенъ и достоинъ особаго вниманія.

10. Размышляя объ этомъ, и мы, если понадобится — или самимъ намъ подать, или послужить другимъ въ распоряженіи ихъ подаяніемъ, не полѣнимся (дѣлать это) и не будемъ унывать, какъ будто чрезъ это у насъ убавляется имущество. Земледѣлецъ, когда бросаетъ сѣмена въ землю и на это издерживаетъ все свое достояніе, не печалится, не скорбитъ, и эту трату считаетъ не потерею, но выгодою и прибылью, хотя надежда его и не несомнѣнна. Не странно ли же, что ты, который сѣешь не съ такою, но съ гораздо бо̀лѣе вѣрною надеждою, и можешь вручить серебро самому Христу, — уклоняешься, медлишь, и ссылаешься на бѣдность? Развѣ Богъ не могъ повелѣть землѣ, чтобы она произрастила чистое золото? Кто сказалъ: *да произраститъ земля быліе травное* (Быт. 1, 11), и тотчасъ представилъ это быліе во всей красѣ; тотъ могъ повелѣть, чтобы и источники и рѣки текли вездѣ золотомъ. Но Онъ не восхотѣлъ этого, а оставилъ многихъ жить въ бѣдности, и для

ихъ и для твоей пользы. Бѣдность болѣе способствуетъ добродѣтели, нежели богатство; и за кѣмъ есть грѣхи, тѣ могутъ находить немалое утѣшеніе въ пособіи нуждающимся. Самъ Богъ такъ печется объ этомъ, что, когда Онъ пришелъ и облекся плотію, и жилъ съ людьми, то не отрекся и не почелъ за стыдъ — Самому заботиться о бѣдныхъ. Онъ столько умножалъ хлѣбы, однимъ повелѣніемъ творилъ все, что̀ хотѣлъ, могъ въ одну минуту представить тысячи сокровищъ, и однако не сдѣлалъ этого, но повелѣлъ ученикамъ своимъ имѣть ящикъ, носить что̀ туда опускали, и изъ этихъ денегъ помогать бѣднымъ. Ибо, когда Онъ прикровенно говорилъ Іудѣ о предательствѣ, ученики, не понимая о чемъ шла рѣчь, подумали, что Онъ велѣлъ Іудѣ подать что-нибудь бѣднымъ; потому что этотъ, сказано, *ковчежецъ имѣяше, и вметаемая ношаше* (Іоан. 12, 6). Богъ много печется объ оказаніи милосердія, не только съ Его стороны намъ, но и съ нашей стороны подобнымъ намъ; Онъ и въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ даетъ множество законовъ объ этомъ, повелѣвая быть милосердымъ всячески — и словами, и деньгами, и дѣлами. Моисей весьма часто говоритъ объ этомъ въ своихъ узаконеніяхъ; пророки отъ лица Божія вопіютъ: *милости хощу, а не жертвы* (Осіи 6, 6), и Апостолы всѣ, согласно съ ними, и дѣлаютъ, и говорятъ. Не будемъ же нерадѣть объ этомъ дѣлѣ; потому что чрезъ

него мы приносимъ величайшую пользу не бѣднымъ, а себѣ; больше получаемъ, нежели даемъ.

11. Говорю объ этомъ не безъ причины, но потому, что многіе часто входятъ въ строгія изслѣдованія о нуждающихся, распрашиваютъ объ ихъ отечествѣ, образѣ жизни, нравахъ, занятіяхъ, и о здоровьѣ тѣлесномъ, дѣлаютъ имъ упреки и требуютъ отъ нихъ множества объясненій касательно ихъ здоровья. Оттого-то многіе (изъ бѣдныхъ) представляются изувѣченными по тѣлу, чтобы видомъ этого несчастія преклонить нашу жестокость и безчеловѣчіе. Лѣтомъ попрекать имъ за это, хоть и жестоко, но не такъ еще: но зимою и во время стужи быть столь безжалостнымъ и безчеловѣчнымъ судіею и не оказывать имъ никакого снисхожденія за то, что ничего не дѣлаютъ, не есть ли верхъ жестокости? Для чего же, скажешь, Павелъ давалъ Ѳессалоникійцамъ такой законъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Солун. 3, 10)? Для того, чтобы и ты, услышавъ это, обращалъ слова Павла не къ бѣдному только, но и къ себѣ самому. Ибо заповѣди Павла относятся не къ бѣднымъ только, но и къ намъ. Скажу нѣчто такое и непріятное; знаю, что разсердитесь, но, не смотря на это, скажу: потому что и говорю не для того, чтобы оскорбить васъ, но чтобы исправить. Мы попрекаемъ бѣдныхъ праздностію, которая часто заслуживаетъ и извиненія, а сами часто дѣлаемъ такія дѣла, ко-

торыя хуже всякой праздности. Но я, скажетъ иной, владѣю отцовскимъ наслѣдствомъ. Неужели же, скажи мнѣ, бѣдный долженъ погибнуть за то, что онъ бѣденъ и отъ бѣдныхъ (родителей), и не имѣлъ богатыхъ предковъ? Но поэтому-то особенно онъ и заслуживаетъ милосердія и сострадапія со стороны богатыхъ. Ты, проводя часто цѣлый день въ театрѣ, или въ собраніяхъ и въ разговорахъ безполезныхъ, или даже вредныхъ, не думаешь, что дѣлаешь худо и ничѣмъ не занимаешься: а этого несчастнаго и жалкаго бѣдняка, который цѣлый день проводитъ въ прошеніи (милостыни), въ слезахъ и въ тысячи бѣдъ, осуждаешь и влечешь въ судилище, и требуешь отъ него отчета? Гдѣже тутъ, скажи мнѣ, человѣческая совѣстливость? Итакъ, когда будемъ говорить: что-же скажемъ Павлу? говори такъ не бѣднымъ только, но и себѣ самому. А съ другой стороны, читай не только его угрозу, но и снисхожденіе; ибо (Апостолъ) сказавъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*, присовокупилъ: *вы же, братіе, не стужайте доброе творяще* (ст. 13).

12. Но какой у нихъ благовидный предлогъ? Это, говорятъ, бѣглецы, пришельцы, негодяи; покинувъ свою родину, они стекаются въ нашъ городъ. Такъ, на это ли ты, скажи мнѣ, досадуешь и обрываешь вѣнокъ нашего города, что всѣ считаютъ его общею пристанью, и чужой городъ предпочитаютъ своему родному? Но над·

лежало-бы радоваться и восхищаться тѣмъ, что всѣ прибѣгаютъ къ вашимъ рукамъ, какъ на общій рынокъ, и считаютъ этотъ городъ общею матерію. Не помрачайте-же славы и не умаляйте чести, которою онъ пользуется издревле, отъ временъ отеческихъ. Ибо нѣкогда, какъ угрожалъ голодъ всей землѣ, жители сего города [1]) отправили съ Варнавою и Савломъ немало денегъ жителямъ Іерусалима,—тѣмъ самымъ, о которыхъ и мы говорили въ этой бесѣдѣ. Какое-же можемъ имѣть оправданіе или извиненіе, если наши предки питали на свой счетъ жившихъ вдали отъ нихъ, и сами ходили къ нимъ, а мы отгоняемъ и тѣхъ, кои изъ другихъ мѣстъ прибѣгаютъ къ намъ, и дѣлаемъ объ нихъ строгія разысканія, зная притомъ, что сами мы виновны во множествѣ грѣховъ? Если бы Богъ сталъ такъ-же строго изслѣдовать наши дѣла, какъ мы-бѣдныхъ; мы не получили бы никакого прощенія, никакой милости. *Имже бо судомъ судите*, говоритъ Писаніе, *судятъ вамъ* (Матѳ. 7, 2). Будь же человѣколюбивъ и снисходителенъ къ брату твоему, прости ему прегрѣшенія, сколь ни много ихъ, и будь милосердъ, дабы и самъ ты удостоился тогоже. Для чего самъ себѣ

---

[1]) т. е. Антіохіи. Изъ этого именно мѣста бесѣды видно, что она произнесена въ Антіохіи: потому что здѣсь указывается на Дѣян. 11, 27—30, гдѣ говорится, что антіохійскіе Христіане послали пособіе Христіанамъ іерусалимскимъ по случаю угрожавшаго симъ послѣднимъ голода.

причиняешь безпокойства? Для чего дѣлаешь разысканія? Если бы Богъ повелѣлъ развѣдывать образъ жизни (бѣдныхъ), требовать отъ нихъ объясненій и тщательно изслѣдывать нравы ихъ: тогда многіе не стали-ли бы роптать? не сказали-ли бы: что это такое? Богъ предписалъ намъ дѣло трудное: мы не можемъ изслѣдывать образъ жизни другихъ и знать, какіе такой-то сдѣлалъ грѣхи? Не сказали-ли бы многіе много и еще такого? а теперь, когда Онъ освободилъ насъ отъ всякаго такого разысканія и обѣщалъ полную награду (за подаяніе милостыни), будутъ-ли получающіе ее злые, или добрые люди, мы сами на себя навлекаемъ безпокойства!

13. Откуда же, скажете, видно, что мы получимъ награду за подаяніе милостыни какъ добрымъ, такъ и не такимъ? Изъ словъ самаго Господа: *молитеся*, говоритъ онъ, *за творящихъ вамъ напасть и изгоняющія вы, яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ: яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матө. 5, 44. 45). Какъ Господь твой, не смотря на то, что премногіе оскорбляютъ Его нечестивыми словами, блудодѣйствуютъ, крадутъ, разбойничаютъ, раскапываютъ могилы и дѣлаютъ множество зла, не прекращаетъ своихъ ко всѣмъ благодѣяній, но, по своему человѣколюбію, всѣмъ посылаетъ солнечные лучи, дожди и плоды земные: такъ поступай и ты, и, когда будетъ время для ми-

лости и человѣколюбія, облегчай бѣдность, прекращай голодъ, избавляй отъ скорби, и ничего больше не разыскивай. Ибо, если мы станемъ изслѣдывать образъ жизни (нуждающихся), то не окажемъ милости ни одному человѣку, но изъ-за такой неумѣстной пытливости останемся безплодными, никому не подадимъ помощи, и будемъ трудиться безъ всякой пользы и напрасно. Посему прошу васъ, оставивъ эту неумѣстную пытливость, подавайте (милостыню) всѣмъ нуждающимся, и дѣлайте это съ великою щедростію, чтобы и намъ самимъ удостоиться въ тотъ день (будущаго суда) великой милости и снисхожденія отъ Бога, которое и да получимъ всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ съ Святымъ Духомъ, слава, держава и честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

33 БЕСѢДА,

О НАСЛАЖДЕНІИ БУДУЩИМИ БЛАГАМИ И НИЧТОЖЕСТВѢ НАСТОЯЩИХЪ [1]).

1. Силенъ жаръ и томителенъ зной, но не ослабилъ онъ вашего усердія, и не изсушилъ расположенія къ слушанію (поученій). Таковъ пламенный и внимательный слушатель: подкрѣпляемый любовію къ слушанію, онъ легко перенесетъ все, только бы исполнить это прекрасное и духовное желаніе свое, и — ни холодъ, ни зной, ни множество дѣлъ и заботъ, ни другое что либо подобное, не можетъ остановить его: тогда какъ лѣниваго и безпечнаго не пробудятъ — ни благораствореніе воздуха, ни досугъ и свобода, ни удобство и легкость; нѣтъ, онъ продолжаетъ спать какимъ-то сномъ, достойнымъ всякаго осужденія. Но вы не таковы; нѣтъ, вы — лучшіе изъ живущихъ въ нашемъ городѣ. И точно, первые люди въ го-

---

[1]) Эта бесѣда, какъ видно изъ 3-го отдѣленія ея, произнесена св. Златоустомъ въ Антіохіи, въ загородной церкви, въ которую благочестивые Антіохійцы усердно стекались на поклоненіе хранившимся тамъ останкамъ св. мучениковъ, и въ которой по этому часто говорились поученія. Самое начало настоящей бесѣды показываетъ, что она говорена лѣтомъ, но въ которомъ году, не извѣстно. См. Oper. Chrysostom. edit. Montfaucon. tom. III. monit. ad homil. de futur. deliciis.

родѣ — вы, которые всегда такъ внимательны и бодры, и не отступно слѣдите за поученіями. Это зрѣлище [1]) для меня величественнѣе царскихъ чертоговъ. Что там дается, то, каково бы ни было, прекращается вмѣстѣ съ настоящею жизнію, и причиняетъ множество безпокойствъ и тревогъ: а здѣсь ничего такого нѣтъ; напротивъ, и совершенная безопасность, и честь, свободная отъ тревогъ, и власть (ἀρχαί), неимѣющая конца, не прекращаемая и смертію, но тогда-то и дѣлающаяся болѣе безопасною.

2. Въ самомъ дѣлѣ, не говори мнѣ, что такой-то возсѣдаетъ на колесницѣ, высоко поднимаетъ брови и окруженъ толпою тѣлохранителей; не говори ни объ его поясѣ, ни о крикѣ глашатая. Нѣтъ, покажи мнѣ отличіе начальника не въ этомъ, но въ его состояніи по душѣ, то есть, управляетъ ли онъ своими страстями, побѣждаетъ ли недуги (сердца): напримѣръ, обуздываетъ ли пристрастіе къ деньгамъ, укрощаетъ ли ненасытимую любовь плотскую, не сохнетъ ли отъ зависти, не возмущается ли сильною страстію тщеславія, не боится ли и не трепещетъ ли бѣдности, или неблагопріятной перемѣны, не умираетъ ли отъ этого страха. Такого-то покажи мнѣ начальника; вотъ это—власть. Но если онъ, управляя людьми, самъ раболѣпствуетъ страстямъ: о такомъ я скажу, что это рабъ болѣе всѣхъ людей. У кого

---

[1]) Т. е. собраніе въ церкви слушателей внимательныхъ.

внутри гнѣздится горячка, о томъ, хоть внѣшній видъ тѣла и нисколько не показываетъ этой болѣзни, врачи однакожъ навѣрное говорятъ, что онъ одержимъ сильною горячкой, тогда какъ простые люди этого не знаютъ. Такъ и я о человѣкѣ, у котораго душа въ рабствѣ и въ плѣну у страстей, не смотря на то, что внѣшній видъ его ничего такого не показываетъ, а (показываетъ) противное, скажу, что онъ—болѣе всѣхъ рабъ, потому что въ немъ глубоко гнѣздится грѣховная горячка, и насильственная власть страстей утвердилась въ самой душѣ. А кто сбросилъ съ себя эту власть, не увлекается злыми пожеланіями и не страшится, не трепещетъ безразсудно нищеты и безславія, и прочихъ непріятностей настоящей жизни, того, хоть онъ одѣтъ въ рубище, сидитъ въ тюрьмѣ и закованъ въ цѣпи, назову начальникомъ, и свободнымъ, и царственнѣе царей.

3. Такая власть не покупается за деньги, и не имѣетъ завистниковъ; ея не знаютъ ни языкъ злорѣчиваго, ни глазъ зложелателя, ни ухищренія коварныхъ, нѣтъ, живя какъ бы въ неприступномъ убѣжищѣ любомудрія, она всегда остается неодолимою, и не уступаетъ, не только другимъ обстоятельствамъ, но и самой смерти. Это доказываютъ мученики: тѣла ихъ разрушились и обратились въ прахъ и пыль, но власть каждый день живетъ и дѣйствуетъ,— прогоняетъ демоновъ, искореняетъ недуги, воз-

буждаетъ цѣлые города, и ведетъ сюда народъ. Сила этой власти, не только при жизни обладающихъ ею, но и по смерти ихъ, такова, что никто по принужденію, а всѣ идутъ сюда по доброй волѣ и съ охотою, и нисколько не утомляются продолжительностію [1]). Видите не напрасно я сказалъ, что это зрѣлище величественнѣе царскихъ чертоговъ. Тамошнее похоже на засыхающія листья и мимотекущія тѣни, а даруемое здѣсь подобно алмазу, даже и его тверже: потому что вѣчно, непоколебимо и не подлежитъ никакой перемѣнѣ, безбоязненно приходитъ къ любящимъ оное, свободно отъ брани и распри, отъ зависти и судилищъ, отъ козней и клеветы. Блага мірскія имѣютъ много завистниковъ, а духовныя, чѣмъ бо́льшему числу людей достаются, тѣмъ обильнѣе оказываются. Въ этомъ можно убѣдиться и изъ настоящаго слова. Если это слово, которое передаю всѣмъ, удержу я у себя, то буду бѣднѣе: а когда сообщаю всѣмъ, то, какъ бы бросая сѣмена въ чистую землю, умножаю тѣмъ свое достояніе, увеличиваю богатство; васъ всѣхъ дѣлаю богаче, да и самъ отъ этого не дѣлаюсь бѣднѣе, напротивъ, еще гораздо богаче. Не такъ съ деньгами, а совершенно напротивъ. Если бы у меня въ кладовой было золото, и я захотѣлъ раздавать его всѣмъ: мое

---

[1]) т. е. какъ путешествія на поклоненіе св. мученикамъ, такъ и церковной службы, въ храмѣ ихъ совершаемой.

богатство, умаляясь чрезъ эту раздачу, не могло бы оставаться въ прежнемъ своемъ количествѣ.

4. Итакъ, когда духовныя блага такъ превосходны, когда получить ихъ весьма легко, такъ какъ онѣ желающимъ сообщаются даромъ, то возлюбимъ ихъ болѣе (всего), а тѣни бросимъ и не будемъ бѣжать къ стремнинамъ и подводнымъ камнямъ. Чтобы усилить въ насъ эту любовь (къ благамъ духовнымъ), Богъ устроилъ такъ, чтобы мірскія блага изчезали еще прежде смерти своего обладателя. Въ самомъ дѣлѣ, не тогда, какъ скончается обладатель ихъ, не тогда только и онѣ кончаются, напротивъ, вянутъ и умираютъ еще при жизни его, чтобы скоротечность ихъ отвела отъ этой страшной заразы и самыхъ страстныхъ и безумныхъ искателей ихъ, открывая природу этихъ благъ и научая опытомъ, что онѣ безсильнѣе тѣни, и чрезъ это искореняя въ людяхъ самую любовь къ нимъ. Напримѣръ: богатство не только изчезаетъ съ кончиною богатаго, но даже оставляетъ его и при жизни; молодость убѣгаетъ отъ обладающаго ею, не только тогда, какъ онъ скончается, но и когда еще дышетъ; она кончается на пути зрѣлаго возраста и уступаетъ старости. Равно и красота и благообразіе, еще при жизни женщины, кончается и переходитъ въ безобразіе; слава и могущество — тоже; почести и власть—однодневны и кратковременны, умираютъ скорѣе людей, обладающихъ ими;

словомъ, мы видимъ, что и вещи [1]) ежедневно гибнутъ такъ же, какъ и тѣла (человѣческія).

5. А это для того, чтобы мы, пренебрегая настоящимъ, прилѣплялись къ будущему, и искали наслажденія имъ; чтобы, ходя по землѣ, сердцемъ жили на небесахъ. Богъ создалъ два вѣка, одинъ настоящій, другой будущій; одинъ чувственный, другой духовный; одинъ, доставляющій тѣлесное успокоеніе, другой — не тѣлесное (душевное); одинъ на опытѣ, другой въ вѣрѣ; одинъ въ рукахъ, другой въ надеждахъ; одному повелѣлъ быть поприщемъ, другому — мѣстомъ награды; этому въ удѣлъ назначилъ борьбы, труды и подвиги, а тому — вѣнцы, награды и воздаянія; одинъ сдѣлалъ моремъ, другой пристанью; одинъ — краткимъ, другой — нестарѣющимся и безконечнымъ. И такъ какъ многіе люди предпочитали духовнымъ благамъ чувственныя, то въ удѣлъ этимъ благамъ Онъ назначилъ скоротечность и кратковременность, чтобы, отвлекши этимъ отъ настоящаго, привязать людей крѣпкою любовію къ будущимъ благамъ. А какъ эти (будущія) блага невидимы и духовны, и существуютъ въ вѣрѣ и въ надеждахъ, то смотри что́ Онъ дѣлаетъ. Пришедши сюда, принявъ нашу плоть и совершивъ чудное то домостроительство, Онъ чрезъ это будущія блага полагаетъ намъ предъ глаза, и такимъ образомъ удостовѣряетъ (въ ихъ существованіи)

[1]) т. е. земныя блага.

грубые умы наши. Такъ какъ онъ пришелъ, чтобы принести (къ намъ) жизнь ангельскую, землю сдѣлать небомъ, и дать (намъ) такія заповѣди, которыя исполняющихъ оныя уподобляли бы безплотнымъ силамъ: то и сдѣлалъ людей ангелами, призвалъ ихъ къ возвышеннымъ надеждамъ, разширилъ тѣсныя поприща (для борьбы), повелѣлъ стремиться въ высшему, восходить къ самымъ верхнимъ кругамъ небеснымъ, выступать противъ демоновъ и сражаться со всѣмъ воинствомъ діавола; имѣя тѣло и находясь въ узахъ плоти, умерщвлять тѣла, прекращать волненіе страстей, плоть, какъ бы то ни были, носить на себѣ, и въ тоже время усильно стараться сравниться съ безплотными силами.

6. Такъ какъ онъ заповѣдалъ это, то смотри, что дѣлаетъ, какъ облегчаетъ подвигъ. Впрочемъ, если угодно, напередъ скажемъ о важности заповѣдей, — о томъ, какой высокой полетъ Онъ указалъ намъ, какъ, выводя почти изъ предѣловъ природы человѣческой, повелѣлъ всѣмъ переселиться на небо. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ законъ (Моусеевъ) повелѣваетъ *око за око* (Исх. 21, 24), Онъ говоритъ: *аще кто тя ударитъ въ десную ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. 5 39). Не сказалъ: только перенеси обиду благодушно и съ кротостію, но: поди еще дальше въ любомудріи, будь готовъ терпѣть больше, нежели сколько хочется

обидчику; великостію твоего терпѣнія побѣди дерзкую наглость его, пусть онъ удивится необычайной кротости твоей, и съ тѣмъ отойдеть прочь. — И далѣе говоритъ: *молитеся за творящихъ вамъ напасть*; — молитеся за *враговъ вашихъ; добро творите ненавидящымъ васъ* (ст. 44). Предложимъ совѣтъ и о дѣвствѣ, говоря: *могій вмѣстити да вмѣститъ* (Матѳ. 19, 12). Такъ какъ оно послѣ преслушанія (Адамова), отлетѣло и удалилось изъ рая, то Онъ, сошедши съ неба, опять приводитъ оное, возвращая, какъ будто бѣглеца, въ прежнее отечество, и освобождая изъ дальней ссылки; пришедши (на землю), Онъ самъ родился отъ Дѣвы и перемѣнилъ законы природы; а такимъ образомъ въ самомъ началѣ (своей земной жизни) почтилъ дѣвство, являя Матерь свою Дѣвою. Итакъ поелику Онъ, пришедши (на землю), предписывалъ такія заповѣди и требовалъ (отъ насъ) высокой жизни: то и награды давалъ соразмѣрныя трудамъ, и даже бо́льшія и высшія. Но и эти (награды) были невидимы, только въ надеждахъ, въ вѣрѣ и ожиданіи будущаго. Итакъ, поелику заповѣди трудны и возвышенны, а воздаянія и награды — въ вѣрѣ, смотри, что̀ Онъ дѣлаетъ, какъ облегчаетъ подвигъ, какъ помогаетъ въ борьбѣ. Какъ и какимъ способомъ? Двумя слѣдующими путями: во-первыхъ тѣмъ, что Самъ исполнилъ заповѣди, а во-вторыхъ тѣмъ, что показалъ и положилъ предъ глаза

(людямъ) награды. Ибо одну часть Его ученія составляли заповѣди, а другую — награды. Заповѣдь: *молитеся за творящихъ вамъ напасть и изгонящыя вы* (Матѳ. 5, 44); а награда: *да будете сынове Отца вашего, иже на небесѣхъ* (ст. 45). Опять: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и иждену̑тъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы, лжуще. Радуйтеся и веселитеся яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (ст. 11. 12). Видишь, одно — заповѣдь, а другое — награда?—Опять: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ Мене, и имѣти имаши сокровище на небеси* (Матѳ. 19, 21). Видишь иную заповѣдь и награду? — Одно повелѣлъ имъ (ученикамъ) дѣлать, а другое самъ приготовилъ, и это̀ было наградою и возмездіемъ. И опять: *всякъ, иже оставитъ домъ, и братію, и сестры,*—это заповѣдь; *сторицею пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдитъ* (ст. 29), это награда и вѣнецъ.

7. Итакъ, поелику заповѣди были важны, а награда за (исполненіе) ихъ невидимы; вотъ, что̀ онъ дѣлаетъ: Самъ выполняетъ ихъ на дѣлѣ и вѣнцы полагаетъ намъ предъ глаза. Кому велятъ идти по непробитой дорогѣ, тотъ скорѣе и охотнѣе пойдетъ по ней, если увидитъ, что кто нибудь пошелъ впереди его. Такъ и въ отношеніи къ заповѣдямъ, легко слѣдуютъ тѣ, которые видятъ идущихъ впереди ихъ. Итакъ, чтобы природѣ нашей легче было слѣдо-

вать, Онъ, принявъ нашу плоть и природу, такимъ образомъ пошелъ въ ней и выполнилъ заповѣди на дѣлѣ. Ибо заповѣдь: *аще кто тя ударитъ въ десную ланиту, обрати ему и другую,* Онъ самъ исполнилъ, когда служитель архіерейскій ударилъ Его по щекѣ; Онъ не отмстилъ ему, но перенесъ съ такою кротостію, что сказалъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что̀ мя біеши* (Іоан. 18, 23)? Видишь ли кротость, приводящую въ трепетъ, видишь ли смиреніе, поражающее изумленіемъ? Получилъ ударъ, не отъ какого нибудь свободнаго человѣка, но отъ служителя, взросшаго подъ бичемъ, родившагося въ рабствѣ, и — отвѣчаетъ съ такою кротостію! Такъ и Отецъ Его говорилъ Іудеямъ: *людіе мои, что сотворихъ вамъ? или чимъ оскорбихъ васъ? или чимъ стужихъ вамъ? отвѣщайте Ми* (Мих. 6, 3). Какъ Онъ говоритъ: *свидѣтельствуй о злѣ*, такъ и Отецъ Его: *отвѣщайте Ми.* Какъ Онъ говоритъ: *что Мя біеши?* такъ и Отецъ: *чимъ оскорбихъ васъ, или чимъ стужихъ?* — Опять, когда Онъ хотѣлъ научить нестяжательности, смотри, какъ Самъ показываетъ ее на дѣлѣ, говоря: *лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не иматъ, гдѣ главы подклонити* (Матѳ. 8, 20). Видишь, какая крайняя нестяжательность?—Не было у Него ни стола, ни свѣтильника, ни дома, ни стула, ни другаго чего такого.

8. Училъ Онъ благодушно переносить злословіе, и показалъ это на дѣлѣ. Такъ, когда (Іудеи) называли Его бѣсноватымъ и Самаряниномъ, Онъ, хоть и могъ погубить и отмстить имъ за обиду, не сдѣлалъ однакожъ этого, напротивъ, еще оказалъ имъ добро и изгналъ изъ нихъ демоновъ. Сказавъ: *молитеся за творящихъ вамъ напасть*, Самъ исполнилъ это, когда взошелъ на крестъ. Ибо, когда Его распяли и пригвоздили (ко кресту), Онъ, вися на крестѣ, сказалъ: *отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34). Говорилъ же это не потому, чтобы Самъ не могъ отпустить, но—чтобы научить насъ молиться за враговъ. Такъ какъ Онъ не только училъ на словахъ, но и выполнялъ свое ученіе на дѣлѣ, поэтому употребилъ и молитву. Итакъ, никто изъ еретиковъ, видя великое человѣколюбіе Его, да не думаетъ, будто эти слова показываютъ немощь Его. Онъ самъ сказалъ: *но да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи* (Мат. 9, 6). Нѣтъ, Онъ хотѣлъ учить, а учащій вводитъ свое ученіе, не только словами, но и дѣлами своими: поэтому Онъ употребилъ и молитву. Такъ Онъ умылъ и ноги ученикамъ, не потому, чтобы былъ меньше ихъ; нѣтъ, Онъ, будучи Богъ и Господь, только снизшелъ до такого смиренія. Поэтому и говорилъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мат. 11, 29).

9. А какъ еще иначе Онъ показалъ и поло-

жилъ намъ предъ глаза самыя награды и воздаянія, вотъ послушай. Обѣщалъ Онъ воскресеніе тѣлъ, нетлѣніе, срѣтеніе (Его) на воздухѣ, восхищеніе на облакахъ; и это доказалъ на дѣлѣ. Какъ и какимъ способомъ? Тѣмъ, что, умерши, воскресъ; для того и былъ Онъ вмѣстѣ съ ними (учениками) въ продолженіе сорока дней, чтобы удостовѣрить ихъ и вразумить, каковы будутъ наши тѣла по воскресеніи. Опять, сказавъ чрезъ Павла: *восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе* Его *на воздусѣ* (1 Солун. 4, 17), Онъ и это доказалъ дѣлами. По воскресеніи, когда благоволилъ взойти на небо, Онъ, въ присутствіи ихъ (учениковъ), *взятся,* сказано: *и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ; и взирающе бяху, идущу Ему* (Дѣян. 1 9). Значитъ, поэтому и наше тѣло будетъ сообразно Его тѣлу, потому что изъ одного съ нимъ вещества: ибо, что̀ съ главою, то и съ тѣломъ; что̀ съ началомъ, то и съ концомъ. Это желая показать яснѣе, и Павелъ сказалъ: *иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его* (Филип. 3, 21). Итакъ, если наше тѣло будетъ сообразно (тѣлу Іисуса Христа), то и пойдетъ тѣмже путемъ, и также поднимется на облакахъ. Этого ожидай и ты въ воскресеніе. Такъ какъ слово о царствіи было темно для слушавшихъ Его тогда, поэтому Онъ, взошедши на гору, преобразился предъ учениками своими (Мат. 17, 1. 2), чтобы открыть имъ будущую славу, и какъ бы въ зер-

калѣ и хоть не ясно показать, каково будетъ наше тѣло. Но тогда [1]) явилось (тѣло) въ одеждахъ, а въ воскресеніе не такъ. Тѣло наше уже не будетъ нуждаться ни въ одеждахъ, ни въ покровѣ, ни въ домѣ, ни въ другомъ чемъ либо подобномъ. Если Адамъ до преступленія не стыдился своей наготы, потому что облеченъ былъ славою: тѣмъ болѣе наши дѣла, перешедши въ высшее и лучшее состояніе, не будутъ ни въ чемъ этомъ нуждаться. Поэтому-то и самъ Господь, когда воскресъ, то одежды свои оставилъ во гробѣ и въ пещерѣ погребальной, а тѣло воскресилъ нагимъ, окруженнымъ несказанною славою и блаженствомъ.

10. Зная это, возлюбленные, и будучи вразумлены словами и научены глазами, станемъ вести такую жизнь, чтобы, какъ восхищены будемъ на облакахъ, всегда жить вмѣстѣ съ Нимъ, и, спасшись Его благодатію, наслаждаться вѣчными благами. Что да получимъ всѣ мы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, поклоненіе, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Т. е. во время преображенія Господня.